Александр Красницкий

ПОД РУССКИМ ЗНАМЕНЕМ

Книжный Дом

Под русским знаменем //Книжный Дом, Минск, 2014
ISBN: 978-985-17-0722-1
FB2: , 29.05.2019, version 1.0
UUID: ACEDE9F2-FDC0-4604-A0A3-2E36950B3652
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Александр Иванович Красницкий

Под русским знаменем

(История России в романах)

В книгу вошли два романа автора — «Белый генерал» и «Под русским знаменем», повествующих о героизме и подвигах одного из выдающихся полководцев — Михаила Дмитриевича Скобелева. От полной опасных приключений службы молодого военачальника в туркестанских песках Средней Азии до блистательных побед талантливого генерала в войне за освобождение балканских народов от турецкого владычества. Эти и другие свершения Скобелева, их значение для России по разным причинам в течение длительного времени неоправданно замалчивались.

Содержание

#1 0009
Белый генерал 0008
#1 0009
ПРЕДИСЛОВИЕ 0009
I ПУСТЫНЯ 0013
II «БЕЛЫЕ РУБАХИ» 0019
III НЕЛЮБИМЫЙ ТОВАРИЩ 0027
IV СКОБЕЛЕВЫ 0039
V НА ПУТИ К СЛАВЕ 0047
VI ВПЕРЕДИ ВСЕГДА 0055
VII ПЕРВЫЕ РАНЫ 0067
VIII ПОД ХИВУ 0076
IX ПОСЛЕДНИЙ ПЕРЕХОД 0091
X ПОД ХИВОЙ 0099
XI «СЕРДЦЕ ПЕСЧАНЫХ ПУСТЫНЬ» 0110
XII НА ЮМУДОВ 0121
XIII ЗА ПЕРВЫМ ГЕОРГИЕМ 0129
XIV В НОВЫХ МЕСТАХ 0147
XV НА РАВНИНАХ И В ГОРАХ 0161
XVI ВОЙНА 0172
XVII НА ДУНАЕ 0180
XVIII НЕ У ДЕЛ 0195
XIX ПЕРВОЕ ДЕЛО 0210
XX ДАВИД И ГОЛИАФ 0221
XXI ЛОВЧИНСКЛЯ П0БЕДА 0232

XXII БОЙ ЗА ЗЕЛЁНЫЕ ГОРЫ 0246
XXIII П0БЕДА СРЕДИ ПОРАЖЕНИЙ 0259
XXIV В «СЕРДЦЕ ПЛЕВНЫ» 0266
XXV ЛЕГЕНДАРНЫЙ БОЙ 0279
XXVI ОТСТУПЛЕНИЕ ЛЬВОВ 0290
XXVII СКОБЕЛЕВ В ТРАНШЕЯХ 0300
XXVIII ПАВШАЯ ПЛЕВНА 0315
XXIX В БАЛКАНАХ 0322
XXX ШЕИНОВСКАЯ ПОБЕДА 0338
XXXI ПЕРЕМИРИЕ — МИР 0347
XXXII НОВЫЕ ВРАГИ 0366
XXXIII СНОВА В ПЕСКАХ 0378
XXXIV ПОД ГЕОК-ТЕПЕ 0391
XXXV ПОСЛЕДНИЙ ПЕРЕХОД 0404
XXXVI УСПЕХИ И НЕУДАЧИ 0416
ПОСЛЕСЛОВИЕ 0445
Под русским знаменем 0447
#1 0448
Предисловие 0448
I НАКАНУНЕ ВЕЛИКОГО ДНЯ 0451
II ВЕЛИКИЙ ДЕНЬ 0473
III ПЕРВЫЕ ШАГИ 0497
IV ПЕРВЫЕ ВЫСТРЕЛЫ—ПЕРВЫЕ ПОБЕДЫ 0511
V В РОССИИ 0527
VI ПИСЬМО 0542
VII ПОДВИГИ МОРЯКОВ 0560
VIII НА ПОХОДЕ 0574
IX У ДУНАЯ 0592

X ДРАГОМИРОВСКИЙ ПРИКАЗ 0607
XI НА ТУРЕЦКОМ БЕРЕГУ 0618
XII MORITURI 0631
XIII ПОБЕДИТЕЛИ 0643
XIV В ГОСПИТАЛЕ 0654
XV ЗА БАЛКАНЫ 0667
XVI ПОБЕДА, ПОБЕДЫ, СЛАВА! 0682
XVII НА ПЛЕВНУ 0694
XVIII ТЯЖЁЛОЕ ИСПЫТАНИЕ 0706
XIX БОЛГАРСКАЯ ДРУЖИНА 0720
XX АД ПОД НЕБЕСАМИ 0732
XXI НОЧЬ НА ЛЕСНОЙ ГОРЕ 0751
XXII «НА ШИПКЕ ВСЁ СПОКОЙНО» 0765
XXIII НЕУДАЧИ И ПОБЕДЫ 0783
XXIV ГВАРДИЯ В ОГНЕ 0799
XXV ЖИВОЕ КОЛЬЦО 0869
XXVI В БАЛКАНАХ 0912
XXVII ПОСЛЕДНЕЕ ПИСЬМО 0956

Под русским знаменем

БЕЛЫЙ
ГЕНЕРАЛ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Война — ужасное дело, но нет народа, который не гордился бы героями своих войн, с сердечным трепетом восторга не вспоминал бы их подвиги, не стремился бы часто совершенно невольно, подражать им. Герои-богатыри выступают и в сказках, полных тихой прелести, и в поэтических произведениях, полных великой красоты, и на страницах справедливой истории. Матери рассказывают своим детям про богатырей, прославивших свою родину на полях битв с её врагами, юноши с увлечением читают описания подвигов знаменитых полководцев, воинов и невольно у них зарождается искреннее желание подражать этим великим своим соотечественникам.

И такое внимание, такая завидная участь

выпадает почти всегда на долю только героев войны. Есть и другие герои — герои мирного труда, науки, но слава их доступна пониманию не каждого, а только тех, кто ясно и зрело представляет себе всё величие их подвигов, часто даже не заметных для обыкновенного глаза. Между тем, военные подвиги поражают, ослепляют всех, надолго остаются в памяти людей, и прославленный герой войны, даже покончив земное своё существование, продолжает жить века в воображении и отдалённейших своих соплеменников.

Русский народ создал в последние два века двух излюбленных героев, окружённых ярким ореолом немеркнущей славы. Эти русские народные герои — Суворов и Скобелев. Подвиги, совершенные первым более ста лет тому назад, уже стали легендарными; второй — ещё не принадлежит легенде. Слишком мало времени прошло со дня кончины Белого генерала, как прозвал Скобелева русский народ, слишком много ещё на земле людей, которые помнят его жизнь и хотя восхищаются его подвигами, но в то же время и не забывают мелких недостатков, столь свой-

ственных каждому человеку, как бы велик он ни был. Пройдёт ещё много-много лет до той поры, когда во всём своём величии предстанет перед русскими людьми этот «чудо-богатырь», которому и теперь уже удивляются, кто, не мудрствуя лукаво, взирает издали на всё совершенное им...

Скобелев — это великий богатырь духа. Он побеждал врагов России не столько силой оружия, сколько силой своей души, своего могучего воздействия на окружавших его. Он, не готовясь к военному поприщу, начал его в мёртвых степях Средней Азии, встреченный не особенно дружелюбно своими новыми товарищами. Быстро он сумел победить враждебность и врагов обратил в друзей. Уже эта победа говорит о величии его души. На предплевненских равнинах и голых вершинах Балкан Скобелев показал себя героем, прославил себя и весь мир наполнил своей славой. В текинской пустыне над стенами Геок-Тепе он увенчал себя славой великого героя и вскоре после этого исчез из жизни — умер, оплакиваемый всей Россией.

Был он героем мимолётным — «сверкнул и

угас, как зарница», но память о себе Белый генерал оставил вечную. Русскому юношеству и русской молодёжи он является великим образцом как обладатель высочайшего душевного могущества, как строжайший исполнитель всего принятого на себя, как неутомимый работник, для которого самый тяжёлый труд являлся наслаждением. Белый генерал — герой военного подвига, герой долга перед родиной, и нашей скромной задачей было представить его перед русской молодёжью именно в таком изображении. В настоящей книге рассказано о жизни и подвигах Белого генерала в том виде, в каком возможно рассказать о них теперь, когда прошло ещё так немного лет со дня его кончины. Всё выдающееся, всё характерное, но не относящееся к области анекдота нашло себе место в настоящем биографическом труде, и думается, что этот труд заслужит внимание молодых читателей.

I
ПУСТЫНЯ

Море без берегов, без воды, без жизни... Море песка только песка. Куда ни кинуть взгляд — везде песок, местами бледно-жёлтый, как будто золотистый, местами то грязно-красноватый, то серый, обратившийся в жёлтую пыль. Иногда, очень редко, налетающий ветер поднимает эту пыль тучами. Тогда серые, грязные облака её, поднимаясь к небу, застилают солнце. Горе тому, кто очутится в них! Одинокому путнику не выбраться из таких туч живому. Они задушат его и похоронят тут же, где этот несчастный упадёт обессиленный...

Тишина в этом море без воды ничем невозмутимая, невообразимая.

Некому наполнить эту пустыню радостны-

ми, говорящими о жизни звуками. Здесь птица не пролетает, сюда зверь не прибегает, здесь проклятое место...

Только небольшие змейки, такие же, как и песок, то жёлтые, то красновато-серые, выползают из невидимых норок и поднимают к солнцу крохотные головки, как бы грозя небесному светилу тонкими язычками.

А солнце не боится этих угроз! Оно льёт с небесной выси всесжигающие лучи, без перерыва льёт... Как только покажется на востоке дневное светило, в мёртвом песчаном море начинает палить нестерпимый зной. Пожалуй, только одной змее и под силу вынести его. Всё остальное, в чём бьётся хоть искра жизни, будет сожжено этими лучами, этим зноем...

Среди этого песчаного моря есть и вода. Только она глубоко-глубоко под слоями песка. Да и то не везде, а лишь в немногих местах. Ведь это песчаное море — дно когда-то плескавшегося здесь настоящего моря. Тысячелетия, может быть, десятки тысячелетий тому назад существовало это море.

Теперь от него остались только небольшие

в сравнении с прежним водоёмы: Каспийское озеро-море и Аральское тоже озеро-море, а между ними и залегло проклятое место — пустыня Усть-Юрт.

Старинная персидская легенда рассказывает, что в первые дни Сотворения мира Аллах усердно занимался устроением земли: везде пустил реки, насадил деревья, вырастил траву. Долго он трудился и устроил уже полсвета, когда утомился и приказал одному из своих ангелов довершить устройство другой половины земли. Но ангелу эта работа оказалась не под силу. Ему тяжело было садить деревья, взращивать травы, пускать реки. Чтобы поскорее избавиться от непосильного дела, он взял только песок да камень и принялся разбрасывать их по неустроенной ещё части земли. Дело это он исполнил очень быстро и сообщил Аллаху, что всё готово. Аллах посмотрел на его работу, ужаснулся, но поправить ничего не мог: там, где коснулась рука нерадивого ангела, образовалась мёртвая пустыня. Аллах проклял своего помощника и его творение и в наказание повелел ему самому жить в той пустыне, которую он создал. С тех

пор ангел стал духом тьмы, а страна, созданная им, — «страной тьмы» — Тураном, в отличие от созданной самим Аллахом «страны света» — Ирана.

Так говорит легенда. И на самом деле с конца марта по октябрь жизнь в песчаной пустыне невозможна. Даже привычные к зною киргизы и туркмены уходят на это время в немногие оазисы поближе к реке Оксус, к Амударье.

Но как же это? Апрель — такое время, когда всё живое уходит из проклятой пустыни, когда зной нестерпим... но по мёртвому морю движутся люди... Кто они? С виду они нисколько не походят на обитателей туранских песков. Они одеты в белые рубахи, в белые кепи с ниспускающимися надзатыльниками. В руках у них ружья с примкнутыми штыками. Слышны тяжёлое погромыхивание и дребезжанье. Это везут орудия. То и дело раздаётся жалобный, надрывающий душу рёв верблюдов. Привычные, созданные для жизни в пустыне животные плохо выдерживают путь. Они то и дело падают на землю в смертельном изнеможении и остаются лежать, не бу-

дучи в силах подняться. А люди в белых кепи и рубахах всё идут и идут вперёд, как будто их двигает по этим раскалённым пескам какая-то могущественная сила.

Эти люди — воины Ак-падишаха — русского Белого царя, как называют его обитающие в песках и оазисах народы.

Они идут, чтобы раз и навсегда покончить с непрерывными набегами вдруг осмелевших азиатов, вообразивших, что мёртвая пустыня Усть-Юрт лучше всякой крепости может защитить их от русских.

За пустыней Усть-Юрт и смежными с ней песками Каракума раскинулся по берегам Оксуса прекрасный хивинский оазис. Здесь-то и было самое сильное гнездо полудиких хищников. В Хиве беспрестанно организовывались хищнические набеги на принадлежавшие России побережья Каспия, Аральского моря, на только что присоединённые к России Ташкент и Самарканд. От хищников не было покоя. Сотни русских уводились в Хиву и обращались там в рабов. О правильной торговле и думать было нечего, торговые караваны постоянно подвергались разбойничьим

нападениям хивинцев. И вот пробил последний час Хивы. По повелению императора Александра Николаевича на землю хищников посланы были русские войска.

Шли четырьмя отрядами. От Ташкента шёл по берегам Амударьи сам начальник края генерал-адъютант Кауфман «ярым-падишах» — «полуцарь», как именовали его туркмены и киргизы. Из Оренбурга вёл войска генерал Верёвкин; из Красноводска шёл отряд полковника Маркозова и из Александровска у залива Киндерли — отряд полковника Ломакина.

Грозная сила двигалась на хивинский оазис!

II
«БЕЛЫЕ РУБАХИ»

Тряду Ломакина, Мангышлакскому отряду, — как он именовался, — приходилось весьма трудно. Для людей и животных недоставало воды. Драгоценную влагу везли на верблюдах в бурдюках, но жажда была так велика, что запасы истощались быстро. На пути, по которому шёл отряд, кое-где попадались колодцы, то есть глубокие узкие ямы, на дне которых стояла вода. Но что это была за вода!.. В одних колодцах она была желтоватая, в других зелёная, везде тёплая и прогорклo-солоноватая на вкус. Киргизы, чтобы навредить русским, в некоторые колодцы набросали падаль: гниющие трупы козлов, собак. Но и такой воде были рады русские воины в пустыне Усть-Юрт. Отчаяние охватыва-

ло и офицеров, и солдат, когда, пройдя десяток-полтора вёрст, на дне колодца находили только липкую грязь... Приходилось идти к следующим колодцам, и это часто по невыносимом жаре, под отвесными лучами солнца... Верблюды то и дело падали. Людям приходилось снимать с них груз и нести самим. Шли большей частью ночью и вечером, дабы воспользоваться несколькими часами прохлады. Днём стояли на привале. Но эти привалы были чистой мукой для людей. Приходилось ложиться на раскалённый песок. Солнечные лучи жгли обращённую к ним сторону. Словно тысячи невидимых игл вонзались в истомлённое тело. Люди ежеминутно поворачивались с боку на бок. Кое-кто из солдат вырывал себе яму в виде могилы и ложился в неё, обсыпая всё тело влажной землёй, а голову прикрывая шинелью. Те, кого особенно мучила жажда, руками вырывали из-под жгучего песка влажную землю и сосали её. Были случаи, что солдаты сходили с ума от этой муки, но, несмотря ни на что, отряд всё-таки двигался вперёд.

Как двигался!.. Строй давно уже был нару-

шен. Тянулись вразброд. Кто ещё был на ногах, нёс потерявших силы товарищей, для которых недоставало места на верблюдах, едва-едва передвигавших ноги. Офицеры перемешались с солдатами и шли, уже не помышляя о сохранении обычного порядка, а думая лишь о том, как бы облегчить страдания своих подчинённых.

В одной группке шёл пешком совсем ещё молодой подполковник генерального штаба. Он был красив и строен. Черты его лица были крупные, но гармоничные. Голубые, лучистые глаза смотрели гордо и даже несколько презрительно. Шёл он, стараясь сохранить молодцеватый вид. По крайней мере он не гнулся, как многие из его товарищей, нёс высоко голову; его белый китель был застегнут на все пуговицы, скатанная шинель — перекинута через плечо.

Видимо, что только страшным усилием воли подавлял он невыносимые страдания этого пути. Веки его были воспалены; то и дело он проводил сухим языком по запёкшимся и почерневшим губам. Иногда он приостанавливался, тяжело переводил дыхание и опять,

стараясь держаться ровно, шёл вперёд.

— О-ох, смередушка! — вдруг вырвался хриплый не то вой, не то вопль у шедшего впереди солдата.

Бедняга пошатнулся и упал бы, если бы его заботливо не поддержал шедший сзади молодой подполковник.

— Что, брат, тяжело? — участливо спросил он солдата, едва переводившего дух.

И в голосе, и во взгляде офицера было столько доброты и участия, что солдат отчётливо почувствовал их и поспешил отозваться:

— Смерть лютая легче, ваше высокородие, а не токмо что...

— Держись, сердешный! Держись... Помни: за Царя идёшь... Давай ружьё понесу!..

Это предложение было так необычно, что солдат и об усталости позабыл.

— Никак нет, ваше высокородие! — даже растерялся он. — Нельзя так...

— Говорю давай, значит, можно! — несколько повысил голос офицер и чуть не вырвал у солдата ружьё.

Он подхватил его под руку, как подхваты-

вают охотники — стволом к земле, — и быстро зашагал вперёд, даже не взглянув на совсем оторопевшего солдата.

— Братцы, землячки родные! — бормотал рядовой, обращаясь к товарищам. — Смотри какое дело! Моё ружьё его высокородие несёт...

— А ты чего стал? — накинулся на него старик унтер-офицер. — В киргизский песок не врос ещё? Так смотри, по уши врастёшь, коли таким столбом стоять будешь.

— Да как же, дяденька, дело-то какое, их высокородие...

— Что их высокородие? Их высокородие нашего брата жалеют... Давеча своего коня под больных отдали... Ты-то иди, коли ноги ступают...

Солдат уже опомнился и бегом пустился догонять офицера.

— Ваше высокородие, дозвольте обратно, явите Божескую милость! — взмолился он, догнав его.

Подполковник взглянул на него лучистыми глазами и ласково улыбнулся.

— Полегчало? — спросил он.

— Так точно, ваше высокородие, то есть как рукой сняло...

— Ну слава Богу! Как зовут?

— Макаров, ваше высокородие.

— Самурского полка?

— Так точно, ваше высокородие.

— Ну, держись, молодец. Помни: Государю и Родине служишь...

Совсем ободрившийся солдат только что хотел было крикнуть «рад стараться», как вдруг откуда-то спереди пронёсся отчаянный крик:

— Неприятель! Туркмены!

Все отдельные группы разом зашевелились, быстро восстановился порядок. Люди сдвинулись в ряды и построили каре. С лихорадочной поспешностью сдернуты были вьюки с верблюдов и разложены так, что из них образовалось прикрытие для стрелков. Орудия зарядили гранатами. В несколько минут приготовились к бою.

Вдали перед отрядом клубилась пыль. Совершенно ясно видны были вооружённые всадники в островерхих шапках и разноцветных халатах. Отчётливо виделись их воору-

жение, кони, но в то же время взору представлялось, будто эта партия задёрнута какой-то синеватой дымкой, через которую она никак не может продвинуться вперёд и, несомненно двигаясь, в то же самое время остаётся неподвижной на одном и том же месте...

В напряжённом ожидании прошло около получаса. Неприятель виден был всё там же, где он показался впервые. Миновали ещё несколько минут, и вдруг замерший, готовый к бою отряд весь так и всколыхнулся. Стрелковая цепь поднялась из-за своего укрытия. Послышались и громкий смех, и сердитая брань. Поднимаемые на ноги верблюды жалобно заревели. А с неприятельской партией делалось нечто чудесное. Толпа вооружённых всадников вдруг стала тускнеть, расплываться; будто некая сила, словно ветром, развеивала всю эту картину. По прозрачному воздуху поплыли обрывки людей, лошадей, исчезла синеватая дымка, и снова озарённая солнцем даль стала ясна и чиста, и снова в мёртвой песчаной пустыне не заметно стало ни людей, ни жизни...

— Тьфу ты, тьфу! — плевался угрюмый

ширванец. — Совсем нечистое место!..

— Не в первый раз марево видится, — поддержал его товарищ. — Недавно целая река представилась. Побежали мы было к ней, а она от нас утекает...

— А явственно-то, явственно как! Словно и взаправду...

— Перевьючивай теперь, когда и так сил не хватает...

Кое-кто из офицеров пытался объяснить солдатам, что такое мираж и отчего он происходит. Их слушали, каждое слово подтверждали уставным «так точно», но в большинстве солдатики были уверены, что в этих случаях без нечистого не обходится...

Остановка и вызванное появлением хотя и призрачного неприятеля нервное возбуждение удвоили силы солдат. Несмотря на зной, они бодрее пошли вперёд, но скоро природа взяла верх над невеликими человеческими силами, и люди опять растянулись, не шли они, а тащились, опять появились уставшие и отставшие, а до конца пути всё ещё было далеко.

III
НЕЛЮБИМЫЙ ТОВАРИЩ

Отряд из Александровска шёл тремя колоннами, и войска, составлявшие его, были вполне надёжны. Пехота принадлежала к старейшим полкам русской армии, насчитывавшим более столетия своего существования. За эту долгую службу знамёна их видели во Франции, в Италии, в Швейцарии, в Турции, в Персии и в Германии. Славные имена: Париж, Лейпциг, Требия, Берлин, Ахалцых — вписаны в их историю. Они покорили Кавказ и имели все отличия, какие только даются войскам за подвиги: надписи на шапках, серебряные трубы и рожки, георгиевские знамёна и гренадерские бои. Кавалерия отряда состояла из казаков и горцев Дагестанской области.

В первой колонне, выступившей из Кин-

дерли 14 апреля, начальником был старый кавказец майор Буравцов. Вторая колонна, остановленная на пути миражом, состояла из трёх рот ширванцев и одной роты самурцев. Кавалерию её составляли казаки: сунженцы и ейцы, по одной сотне, и две сотни дагестанского конно-иррегулярного полка с полевой и горной артиллерией. Командовал этой колонной полковник Тер-Асатуров. Третью колонну вёл сам начальник отряда полковник Ломакин.

Все эти колонны направлялись от форта Александровска по степному пространству до колодцев Каунды, отсюда уже преддверием возвышенной пустыни Усть-Юрт до колодцев Сенек и далее по пустыне до колодцев Бишакты. Здесь все колонны соединялись и, оставив отряд для сдерживания киргизов, направлялись через пустыню на хивинский город Кунград, где предполагалось соединение Мангышлакского отряда Ломакина с Оренбургским отрядом генерала Верёвкина.

Все ужасы перехода по знойной пустыне пришлись как раз на начало пути. На переходе к Сенеку едва не погибла колонна Буравцо-

ва. Не менее тяжёл был перевод и для колонны Тер-Асатурова, но когда все войска сошлись у колодцев Биш-акты, забыты были все недавние страдания, все невозможные труды, а о предстоящем переходе через пустыню почти никто и не думал. У Биш-акты была в изобилии вода, и это являлось главным. Драгоценной влагой упивались и восхищались, как боги греческого Олимпа не упивались чудодейственным нектаром. Больные выздоровели, ослабевшие набрались новых сил; даже лошади и верблюды выглядели весьма сносно: как будто и не было губительного перехода по безводной пустыне. На биваке дагестанцев не смолкала зурна; среди русских солдат разливались удалые песни. Офицеры по большей части проводили время, лёжа на кошмах, и набирались сил для будущего похода. Опять явились общие интересы, без конца шли разговоры о последних событиях, о новой перестройке войск, произведённой Ломакиным из-за того, что отряд порядочно был ослаблен и в прежнем порядке с необходимой скоростью продвигаться не мог.

— Засуетился налёт-то питерский! — гово-

рил пожилой, сильно растолстевший капитан, лёжа в тени киргизской кибитки, доставленной к колодцам казаками.

Капитан был из старых служак, выходивших в то время в офицеры из нижних чинов. Голос его был груб, движения резки и угловаты; когда он говорил, казалось, что он на что-то сердится. Его собеседник был молоденький прапорщик, с весёлым, так и дышащим юным задором лицом.

— Это вы, капитан, про кого же изволите? — быстро спросил он. — Про Скобелева?

— А то про кого же ещё! Тоже — начальник авангарда...

— А чем же он не начальник?

— Чем? Вот погодите, увидите чем... Пойдёт вперёд, покажет себя... Такие, батенька, чудеса в решете из реляций да донесений узнаете, что ахнуть только и останется... а на самом деле никаких чудес и не было... все фантазия-с, вот что-с! — докончил уже совсем раздражённо толстяк.

— Однако, капитан, — видимо, сдерживаясь, возразил ему собеседник, — такие вещи можно говорить про человека, имея только

солидные подтверждения. Иначе они могут показаться...

— Клеветой-с? Так вы хотите сказать? Извинением вам за это предположение служит ваша молодость... — кипятился капитан. — Недавно служите в этом краю... А мы, старые туркестанцы, знаем-с не с ваше. Да-с! Какого вам ещё подтверждения моим словам нужно, когда фантазии подполковника Скобелева подтверждены самим его высокопревосходительством генерал-адъютантом фон Кауфманом? Вы об этом случае ничего не слыхали? Вы думали, была рекогносцировка... да-с, вы думали! Тогда подполковник Скобелев был в чине штаб-ротмистра. С казачками-с он не поладил, так они его головой выдали, разоблачили, так сказать, всё геройство. Что-с? За это тогда штаб-ротмистр Скобелев в Петербург-с назад отослан. Нам в Туркестане таких героев не нужно-с. Мы с Шамилем боролись, Гимры, Ахульго, Гуниб брали, потом с Черняевым Ташкент покорили, — так о наших-то подвигах не одна реляция, а весь мир говорит, вот что...

На лице молодого офицера отражалось

страдание. Он видел, что старик возбуждён и от него нельзя даже и ожидать правильной оценки человека, которого он недолюбливал. Возражать было бесполезно. Такого воззрения на молодого подполковника держался не только этот старый кавказец, а и большинство офицеров Туркестанского отряда. В молодом Скобелеве видели выскочку, желавшего выдвинуться вперёд чужими трудами; более ничего и не подозревали в этом человеке. Он был чужим в Туркестане среди испытанных, закалённых войной бойцов. Всё казалось в нём странным; в вину Скобелеву ставили даже то, что он одевался всегда чисто, не сходился особенно дружески ни с кем и держал себя по отношению к товарищам не без некоторого высокомерия.

— Да-с! — продолжал раздражённый молчанием своего собеседника капитан. — Вы, батенька, посмотрите-с, как этот питерский хвастунишка вознести себя старается. Вы сами сломали переход-с от Арт-Каунды к Сенеку. Хорошо-с было? Само Господнее пресветлое солнце против нас пошло... Люди валились замертво-с. Тут уже не до того-с, чтобы

строй держать. Хорошо, что ещё хоть как-нибудь вперёд идут. А наш питерец потом нам прямо и говорит: «Я бы такого безобразия не допустил!». Хотелось бы посмотреть, как это церемониальным маршем он свою пехоту поведёт...

Толстяк хотел ещё что-то сказать, но полотно, заменившее в кибитке дверь, отодвинулось и через образовавшееся отверстие, согнувшись в три погибели, прошёл тот самый молодой, изящный подполковник генерального штаба, который на одном из переходов по пустыне взял и понёс ружьё изнемогшего от зноя и усталости од дата.

Это был Михаил Дмитриевич Скобелев, тот офицер, к которому с такой неприязнью относился толстый каштан.

Когда он вошёл, на лице его заметны были следы гнева и тяжёлого душевного волнения. Однако он быстро подавил в себе эмоции и с любезной улыбкой, протягивая толстяку руку, сказал:

— Простите, господа, я, быть может, помешал вашему отдыху, но у меня есть к вам пара слов...

— Милости просим, — отозвался не особенно дружелюбно толстяк. — Чем могу служить?..

— А вот чем! — по-прежнему улыбаясь, ответил тот. — Начальник отряда предоставил мне право выбрать в передовую колонну нескольких офицеров по личному моему усмотрению. О вас я, штабс-капитан Агапеев, слышал столько хорошего, что, признаюсь, мной овладело страстное желание, чтобы и вы были со мной в авангарде. Ваша опытность, ваше знание края должно сослужить великую службу нашему общему делу. Вот я и пришёл просить вас сделать мне честь вступить в состав авангардной колонны.

— Весьма польщён, подполковник, — пробормотал толстяк.

— Значит, дело улажено? Вы со мной! Рад, очень рад... Сейчас же сообщу начальнику отряда... Руку, товарищ!

Скобелев, не дожидаясь, пока Агапеев возразит ему, быстро подал ему руку и, повернувшись, выскочил из кибитки.

— А ведь не без того, что он мою речь слышал! — довольно громко заметил Агапеев, но

тут только обнаружил, что он в кибитке уже один. Юного прапорщика след простыл.

Скобелев сделал всего несколько шагов к лагерю, как его кто-то окликнул. Он остановился, оглянулся; к нему почти подбежал недавний собеседник Агапеева...

— Это вы звали меня? — спросил Михаил Дмитриевич.

— Простите, подполковник, я!.. Имею честь представиться; прапорщик Волпянский.

— Рад, очень рад! — протянул ему руку Скобелев. — Чем могу быть полезен?

Юноша заметно волновался.

— Простите, — несколько дрожащим голосом сказал он. — Я слышал, что вы говорили штабс-капитану Агапееву... Я был тогда там, в кибитке... Возьмите, подполковник, и меня с собой. Право, я постараюсь оправдать ваше доверие...

Добрая усмешка скользнула по губам Скобелева.

— А вы... вы... не боитесь, что придётся, быть может, осрамиться с питерским налётом? — спросил он.

Волпянский весь так и покраснел.

Подполковник! За что вы... да я вас!.. — он хотел сказать «люблю», но, вспомнив, что столь нежное слово никак не подходит к данным обстоятельствам, осёкся.

— Хорошо, хорошо! — поспешил поддержать его Скобелев, любуясь смущением юноши. — Постараюсь исполнить ваше желание... Только и вы смотрите — после не каяться...

— Что вы! Рад стараться! — по-солдатски выкрикнул прапорщик, и глаза его загорелись радостным блеском.

— Так будем товарищами! — протянул ему руку Скобелев. — А теперь до свидания, мой юный друг! Я должен спешить к начальнику.

Он крепко пожал Волпянскому руку и быстрым шагом направился в сторону, где разбита была палатка начальника отряда.

Отойдя немного, он обернулся. Волпянский, будто очарованный, всё ещё стоял на прежнем месте и смотрел вслед своему будущему командиру.

— Побольше бы таких юных натур! — прошептал Михаил Дмитриевич. — Побольше бы!.. А то один, всегда один. Только такие, как Агапеев, кругом...

В это мгновение перед ним вытянулся, отдавая честь, солдат. Лицо его так и сияло, глаза с восторгом глядели на офицера. Скобелев живо припомнил, что уже видел и этого солдата.

— Самурского полка? Макаров? — быстро спросил он.

— Так точно, ваше высокородие! — гаркнул солдат.

— Молодец! Совсем молодец!

— Рад стараться, ваше высокородие!

— Старайся, старайся, на то и служба... Ну, прощай, Макаров.

— Счастливо оставаться, ваше высокородие!

Солдатик, точно так же, как и Волпянский, долго смотрел восторженными глазами вслед удалявшемуся Скобелеву.

— Их высокородие подполковник Скобелев изволил разговаривать со мной! — рассказывал он, очутившись немного погодя среди товарищей.

— А он всегда с нашим братом так... — послышался ответ. — Он прочим не в пример. Солдата любит... Коль заговорит, так обо всём

расспросит: о деревне, о семье.

— Хороший офицер! Одно слово: солдату — отец родной!

И многие разговоры велись среди солдат всюду, где в воинских частях появлялся Скобелев... Чужой среди товарищей-офицеров, нелюбимый ими, постоянно ими порицаемый, даже высмеиваемый, Михаил Дмитриевич был «своим» среди солдат. Чувствовалось в нём что-то такое, что привлекало к нему сердца простые, бесхитростные. И это влечение было невольным. До сих пор Скобелев не имел ещё под своей командой отдельной воинской части и как командира его в Туркестане и в Закаспийской области знать не могли. Но простой сердцем человек всегда чуток. Он не критикует, а чувствует; и чувства солдат были уже всецело на стороне Михаила Дмитриевича.

Но что же это был за человек?

Да будет нам позволено здесь небольшое отступление, дабы возможно было познакомить читателя в нескольких словах с главным действующим лицом настоящей хроники.

IV
СКОБЕЛЕВЫ

Род, из которого происходил Михаил Дмитриевич, был не из особенно старых.

В XVIII столетии пользовался известностью сержант Никита Скобелев, происходивший из однодворцев. Он был женат на ставропольской дворянке Татьяне Михайловне Корева. Бог благословил эту супружескую чету тремя сыновьями: Фёдором, Михаилом и Иваном. Как и большинство дворян того времени, все они избрали для себя военную карьеру; тем более, что родители к концу своей жизни успели составить довольно крупное состояние, вполне обеспечивавшее будущее сыновей. Фёдор Скобелев дослужился до чина полковника, Михаил — умер, когда был подпоручиком, младший Иван Никитич пошёл

далее всех своих братьев.

Он стал одним из героев Отечественной войны, во время которой лишился руки. Увечье не помешало ему продолжать военную службу и стать генералом от инфантерии и комендантом Санкт-петербургской крепости. Умер он в 1849 году и погребён в ограде крепостного Петропавловского собора.

Известность «однорукого генерала» распространилась далеко за пределы военного круга. Иван Никитич пользовался в своё время славой талантливого писателя, что свидетельствует о его несомненной способности к фантазии, которой отличался и знаменитый впоследствии его внук. Иван Никитич женился дважды, и второй его женой была Надежда Дмитриевна Дурова, дочь владимирского предводителя дворянства. У этой супружеской четы из шести сыновей и четырёх дочерей выжили только двое — сын Дмитрий и дочь Вера. Остальные умерли ещё в детском возрасте.

Гак как Иван Никитич пережил своих братьев, не оставивших после себя наследников, то к нему перешло всё наследство его отца, а

он, приумножив его, оставил целиком своим детям. Вера Ивановна впоследствии вышла замуж за флигель-адъютанта полковника Опочинина, внука по женской линии героя Отечественной войны и генерал-фельдмаршала князя Михаила Илларионовича Голенищева-Кутузова-Смоленского, а Дмитрий Иванович, по примеру отца, избрал себе военное поприще. Начальное военное образование он получил в школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, и в 1838 году, семнадцати лет от роду, он был зачислен в Кавалергардский Её Величества полк, а через два года произведён в корнеты и в 1843 году — в поручики. В это время Дмитрий Иванович был уже женат на Ольге Николаевне Полтавцевой, и именно в 1843 году родился у них сын Михаил.

То время, к которому относятся годы детства Михаила Дмитриевича, было суровое. На Кавказе шла непрерывная война с горцами. Гремело имя Шамиля. Подвиги русских войск под Ахульго, Дарго, Салтами оставались постоянной темой для разговоров в обществе. Потом началась Крымская война, во время

которой Дмитрий Иванович был на Кавказе, где сперва отличился в битвах у деревни Баяндур и затем — Баш-Кадыкляр и прославил себя геройским подвигом в знаменитом сражении с турками при Курган-Дара. Семья его в это время оставалась в Петербурге. Маленький Миша был ребёнком в высшей степени восприимчивым. Рос же он под постоянным впечатлением от рассказов о подвигах отца, которого все называли не иначе как героем. Понятно, что в ребёнке скоро явилось желание подражать родителю, но это подражание долго выражалось в том, что подросток «воевал» со своими учителями и гувернёрами, которые, к слову сказать, были людьми не особенно достойными, и когда вернувшийся из походов отец принялся сам за воспитание сына, то не нашёл ничего более лучшего, как отвезти его в Париж, где воспитание молодого Скобелева поручил одному из достойнейших, образованнейших педагогов Франции Дезидерию Жирарде.

Опытный педагог сумел проникнуть в душу своего питомца. Он смог дать хорошее направление его помыслам, развил лучшие ка-

чества характера и подавил некоторые дурные его наклонности. Жирарде стал другом юного Скобелева, в котором он провидел не совсем обыкновенного ребёнка, и эта дружба осталась неразрывной уже на всю жизнь. Мало того, воспитатель не покинул своего питомца, он старался всегда быть поблизости, и когда родители Скобелева пожелали, чтобы сын их завершил своё образование в России, Жирарде вскоре явился и туда.

Михаил Дмитриевич был единственным сыном Дмитрия Ивановича и Ольги Николаевны. Кроме него, были три дочери: Надежда, Ольга и Зинаида Дмитриевны. По всей вероятности, желание не подвергать единственного сына всевозможным опасностям военной жизни подвигло родителей направить его по учёной дороге. Возвратясь из Парижа, Михаил Дмитриевич поступил на физико-математический факультет Санкт-Петербургского университета. Студент он был не из особенно прилежных. Секции не увлекали его. Юношу интересовала более, чем всевозможные математические истины, военная наука. Тут имело место одно обстоятельство, освободив-

шее Михаила Дмитриевича от студенчества. Он воспользовался им и в 1862 году поступил унтер-офицером в Кавалергардский полк, а в следующем его уже произвели в корнеты.

Это производство совпало с началом Польской войны и пылкий юноша, только и мечтавший, что о полях сражений, поспешил выхлопотать себе перевод в лейб-гвардии Гродненский гусарский полк, участвовавший в делах против поляков. В знаменитой битве под Меховым двадцатилетний Скобелев отличился так, что заставил говорить о себе начальство.

Боевая жизнь оказалась именно тем, о чём постоянно мечтал Михаил Дмитриевич. Однако он смотрел на неё, как на науку. Наблюдательность его была удивительна. Никакая мелочь не ускользала от внимания молодого корнета. Часто он высказывал замечания, удивлявшие ниже опытных военачальников. Но всё-таки провидцев среди них не было, и особенно молодым Скобелевым не занимались. Однако после окончания военных действий и сам Скобелев поспешил откомандироваться от полка в Николаевскую академию

генерального штаба. Поступить ему удалось сравнительно легко, но старательным он в академии не считался, и способности его не были замечены.

Профессорам почему-то казалось, что Скобелев работает кое-как, и при выпуске он получил столь неважные отметки, что вышел из академии лишь по второму разряду.

Рассказывают даже, что только следующий случай решил зачисление его в генеральный штаб. После научных экзаменов заданы были практические испытания. На этот раз съёмки и рекогносцировки происходили в Северо-Западном крае. Скобелеву между прочим было задано отыскать наиболее удобный путь для переправы кавалерийского отряда через Неман. Михаил Дмитриевич провёл назначенное время на одном и том же пункте, даже не разъезжая по берегам реки. Когда явилась проверочная комиссия, среди членов которой находился знаменитый уже и в то время профессор академии генерал-лейтенант Леер, то Скобелев, не долго думая, вскочил на коня, ободрил его плетью, прямо с места бросился в Неман и благополучно пере-

плыл его в оба конца.

Генерал Леер пришёл в восторг от такой решительности и энергии и настоял, чтобы Скобелева зачислили в генеральный штаб.

Покончив с этим делом, Михаил Дмитриевич поспешил отпроситься в заграничный отпуск и принял участие в датской кампании 1864 года, а затем вскоре по возвращении он был назначен на службу в Туркестанский край. Здесь юный капитан генерального штаба принимал участие в действиях генерала Абрамова на Бухарской границе. В 1870 году он получил назначение на Кавказ, а в 1871 году, находясь в отряде полковника Столетова, действовавшего в Закаспийском крае, он произвёл скрытую рекогносцировку к Саракамышу, которая совсем не входила в виды Кавказского штаба.

Результатом было возвращение М. Д. Скобелева в Петербург.

В Петербурге Михаил Дмитриевич некоторое время принимал участие в занятиях военно-учёного комитета, а потом состоял старшим адъютантом штаба 22-й пехотной дивизии.

Как только решён был поход против Хивы, Скобелев поспешил выхлопотать себе перевод в кавказские войска и был назначен в состав Мангышлакского отряда Ломакина.

V
НА ПУТИ К СЛАВЕ

Тром 21 апреля рокот барабанов пробудил сладко спавшего в кибитке Волпянского.

В первые мгновения юноша, не совсем ещё проснувшийся, даже не понял, что такое происходит около него; ему представилось, будто он видит продолжение своего сна. Но это полузабытье продолжалось только мгновение. Как молния мелькнула мысль: «В поход. Со Скобелевым!». И этого оказалось достаточно, чтобы всю сонливость как рукой сняло.

«В поход! Со Скобелевым в поход!» — твердил про себя Волпянский, спеша одеться и во-

оружиться.

Он взглянул на часы. Стрелки показывали половину пятого, выступление назначено было на шесть. Между тем, когда Волпянский явился на своё место, весь отряд уже готов был к походу. Стрелковая рота Апшеронского полка и одна линейная — Самурского — стояли под ружьём. На флангах расположились три десятка казаков Кизляро-Гребенского полка. Вот и все силы авангардной колонны. Старший штаб-офицер майор Аварский обходил людей, как-то на этот раз особенно внимательно осматривая их. Солдаты глядели бодро и весело. Рубахи на них были чистые, только что выстиранные, чехлы на кепках и надзатыльники тоже белели в полумгле рассвета. Ружья — все вычищены, штыки — отточены. Стояли все в вольном строю. Где-то неподалёку отчаянно ревели верблюды. Их навьючивали особо приставленные, кроме обычных киргизов, лаучи — вожатые.

— Слышь, ваше благородие, — обратился один солдат к прапорщику. — По степи пойдём, приказано подтянуться. У колодцев Буссага будет большая остановка на отдых.

— Знаю, знаю! — поспешил отозваться Волпянский. — А капитан Агапеев где?

— А вон они, ваше благородие, — указал солдат. — Стоять изволят.

Волпянский взглянул в указанном направлении и увидел толстяка-капитана. Узнать Агапеева было трудно. Капитан подтянулся, приоделся и, обыкновенно неряшливый, теперь выглядел молодец-молодцом. Солдаты поглядывали на него и издали посмеивались. Волпянский стал невольно прислушиваться к тихому говору около себя.

— Уж если их высокоблагородие да так расфрантился, — говорили солдатики, — совсем чудодей наш новый командир!

— Верно! Никогда их высокоблагородие таким не видывали. Словно на свадьбу собрались!

«Подействовало», — невольно припомнил Волпянский, как накануне Михаил Дмитриевич, собрав к себе своих офицеров, просил их внушить солдатам, что «в поход русскому воину, как на пир, идти следует», что растеряхи всегда были плохими солдатами, и он будет строго взыскивать с них во время своего ко-

мандования, хотя бы они и не были виноваты, ибо «над ними всегда есть начальство, которое должно за порядком наблюдать и пример показывать».

Намёк был понят, и к выходу со стоянки даже офицеры явились принаряженными, будто на парад.

Наконец, перед колонной появился и сам Скобелев, одетый как с иголочки, причёсанный и даже надушенный. Его молодое лицо так и сияло, но глаза смотрели гордо и властно. Каждый принадлежавший к его колонне почувствовал невольно силу — и не физическую, а нравственную силу этого человека, ещё впервые самостоятельно командовавшего воинской частью. Какой-то особенной порывистой походкой Михаил Дмитриевич обошёл ряды. Колонна была сборная, но оказалось, что командир знает многих из солдат по фамилиям. Возле некоторых знакомцев он приостанавливался, говорил несколько слов, выслушивал ответы. Волпянский слышал последние, удивлялся сам и видел, что и другие офицеры удивлены не менее его. Ответы солдат были необычайно толковы, вполне

осмысленны, и некоторые из солдатиков даже осмелились распространиться в словах, и командир выслушивал их, не перебивая. Это были совсем другие люди, чем ранее. В их ответах чувствовалось желание сказать как можно лучше, понятнее выразить мысль и великое удовольствие оттого, что старший начальник и говорит с ними, и слушает их.

Подобного прежде не бывало даже в таких сроднившихся со своими начальниками войсках, как кавказские...

После обхода рядов Скобелев отправился к верблюдам. И здесь всё оказалось в полном порядке, какого не было в отряде даже при выступлении из Киндерли. Скобелев сам хлопотал около верблюдов. Он по возможности, сообразно силам каждого животного, распределил кладь. Сёдла были исправлены и под них подложен войлок, все вьюки — пригнаны так, что они не стесняли верблюдов в движениях. Приставленные солдаты выучены были обращаться и с верблюдами, и с их вожаками-киргизами. Каждый человек в колонне заранее знал своё дело. Отдельных погонщиков назначили к стаду баранов, которое следова-

ло за колонной. Особенностью стада было то, что в нём гнали за отрядом и нескольких козлов, как казалось многим совершенно бесполезных, ибо мясо их из-за отвратительного вкуса положительно не годилось в пищу. Когда Скобелева спрашивали, зачем он берёт с собой этих животных, он коротко отвечал: «Пригодятся!».

Наконец, сам убедившись, что колонна пребывает в полном порядке, Михаил Дмитриевич уведомил начальника отряда, что готов к выступлению.

— Ребята! — обратился он к солдатам. — Государь посылает нас в Хиву. Там томятся захваченные в плен наши земляки. Идти нам придётся по безводной степи, где только изредка попадаются колодцы с водой. Но вы — русские. И сумеете превозмочь все труды. Я верю, что мы молодцами дойдём, куда нас посылают. Если встретятся враги, мы разобьём и уничтожим их по-русски. Но помни каждый: у меня отставших быть не должно, колонне не растягиваться, идти дружно, пока хватает сил. Господа офицеры отвечают передо мной за строй... Теперь каждый помолись

про себя!

Скобелев первым снял фуражку, замелькали белые кепки. Солдаты набожно осеняли себя крестным знамением.

— Смирно! Накройся! — раздалась команда.

Скобелев, уже сидевший на коне, ещё раз осмотрел колонны и воскликнул:

— С Богом!..

Послышались отдельные команды, и загрохотали барабаны. Сохраняя ряды, стройно, не торопясь, двинулась колонна вперёд. Скобелев ехал во главе. Он даже не оглядывался, вполне уверенный, что его приказания поняты и будут исполнены...

— Что, капитан? — торжествующе шепнул на ходу Волпянский Агапееву. — Каково пошли?

— А впереди что? — даже рассердился тот и поспешил объяснить: — Впереди безводная степь, где глина, где песок. Таким шагом по ним далеко не уйдёшь!

Действительно, по пескам, поднимаясь на песчаную возвышенность Усть-Юрт, предстояло пройти, без малого, четыреста вёрст. Сле-

дом за передовой колонной Скобелева шла другая колонна — Гродекова, которая должна была идти тем же путём, что и первая. Лишь за ней следовали главные силы Мангышлакского отряда под начальством Ломакина. Остановки назначались у колодцев, разделённых двадцатью пятью — тридцатью вёрстами. На половине пути, у колодцев Ильтедже предполагалось соединение всего отряда, и здесь был предположен более продолжительный отдых.

В Биш-акты многие недоверчиво покачивали головой при выступлении авангарда. Слишком уж блестяще начал Скобелев поход. Невольно являлось сомнение, удастся ли ему хотя бы сносно завершить его...

А как бы в ответ уже издали доносилась старая кавказская, но приноравливаемая ко всякому случаю песня, которую начали солдаты по приказанию своего нового командира:

— Гремит слава трубой,
Мы дрались, туркмен, с тобой,
По пескам твоим зыбучим
Разлилось кругом «ура»!..

Море без берегов, без воды, без жизни... Море песка, только песка... Куда ни кинь взгляд, везде песок, местами бледно-жёлтый, как будто золотистый, местами серовато-грязный. Тишина ничем невозмутимая, невообразимая. Проклятое место! Здесь птица не пролетает, здесь зверь не пробегает. Всё мертво — это пустыня Усть-Юрт.

VI
ВПЕРЕДИ ВСЕГДА

Почти две недели шёл Мангышлакский отряд по пустыне.

Во всё время этого похода Скобелев был впереди. Отдельной колонной он командовал недолго — всего на отрезке трети пути: до колодцев Буссага, где Ломакин нашёл необходимым не раздроблять своего отряда, а вести его

поэшелонно. Михаил Дмитриевич всё-таки остался во главе авангарда.

Уже около колодцев Буссага о Скобелеве его товарищи стали отзываться несколько иначе. На него поглядывали и с удовольствием, и с удивлением в то же время. Даже толстяк-капитан Агапеев, ещё недавно относившийся к Скобелеву с явным пренебрежением, и тот начал изменять своё мнение о нём.

— А ведь из питерского фазана как будто и толк выйдет! — говаривал он.

Фазан — это с очень красивым оперением птица. И в армии, конечно, в шутку, так называли штабных офицеров. Но после похода по степи этим ироническим прозвищем Скобелева никто уже в отряде не называл.

Хорошо идти, когда верблюды сильны, сёдла их исправны, вьюки пригнаны, люди знают своё дело. Нет тогда ни падения верблюдов, ни перетаскивания тюков с одного животного на другое, не слышно жалобного рёва животных, перебранки между людьми.

Так говорит один из участников этого похода.

Скобелев перед выступлением из Биш-ак-

ты продумал, предусмотрел все мелочи. В его колонне во время пути до колодцев Буссага, то есть в течение двух дней, не бросили ни одного вьюка. Всё было сохранено, и колонна потеряла только двух малосильных верблюдов, которых пришлось оставить на дороге. А пески давали себя знать. Часто поднимался ветер, и тогда колонна шла, окутанная облаками пыли. Пыль залепляла глаза, набивалась и ноздри, в рот, но люди заметно бодрились. Строй был сохранен. Да иначе и нельзя было. Однажды пехота попробовала, как и прежде случалось, растянуться, идти нестройной толпой. Не тут-то было!.. Скобелев остановил колонну, выровнял ряды, скомандовал «на плечо!» и так, под барабан, повёл солдат по пескам. Пять вёрст шли так, а в день полагалось идти всего пятнадцать. После этого марша устроили отдых, и когда пошли далее, ряды уже не сбивались, шли стройно: урок, данный командиром, оказался очень памятным. Но главным было то, что Скобелев сумел внушить солдатам — иначе идти нельзя. И они сами уже старались по возможности не сбиваться. Чуть кто отставал, командир ока-

зывался уже около отставшего. Начинались расспросы, но не строгие, без угроз, без сердитого окрика. Если отставший действительно выбился из сил, Скобелев приказывал посадить его на верблюда. Солдат, отдохнув, сам, без принуждения возвращался в строй. Если же отставший пыл просто лентяй, командир стыдил его и приказывал потратиться к товарищам. Таким подходом он добился того, что даже ленивцы перестали отставать и шли так же бодро, как и их более ретивые товарищи.

Так прошли мимо родника Камысты, колодцев Каращек и Сай-Кую.

На втором переходе Михаил Дмитриевич обнаружил такую проницательность, какой и предугадать невозможно было в человеке, недавно ещё покинувшем Петербург и во второй раз в жизни очутившемся среди песков. Он нашёл родник с хорошей водой там, где о нём не знали даже проводники-киргизы. Это было на переходе от родника Камысты к колодцам Каращек. Переход был в тридцать вёрст. В Камысты вода оказалась солоноватая, сильно отдававшая железной окисью, неприятная и запахом, и вкусом. Но проводники

предупредили, что в Каращеке вода ещё хуже. Ввиду этого Скобелев велел запастись родниковой водой. Зарезали козлов, и из их шкур киргизы понашили бурдюков. Приказано было также не бросать желудков и кишок. И они пошли в дело. Желудки тщательно вымыли и, наполнив водой, уложили в мешки, а затем нагрузили на верблюдов. Кишки тоже тщательно перемыли, налили в них воды, и эти длинные «водохранилища» солдаты несли на себе, намотав их на руки или обмотав вокруг тела.

Должно быть, раньше чем выступить в поход, Михаил Дмитриевич, стараясь изучить местность, расспрашивал о пустыне степняков-киргизов. Иначе невозможно себе и объяснить то обстоятельство, что после Камысты он вывел свою колонну прямо к колодцам Аще-Кую, — вывел он, потому что два проводника решительно ничего не знали об этих колодцах, расположенных в глубоком овраге. Вода в них была горькая, но её пили, не обращая внимания на вкус...

— Чего там вкус! — говорили солдаты. — Была бы матушка-водица мокрая. А осталь-

ное — всё равно!..

Горькую воду пили, ею пополнили запасы, и не напрасно. В Каращеке вода действительно оказалась такой, что от неё отворачивались даже неприхотливые русские солдаты. Она была солона и до того нечиста, что даже глядели на неё с отвращением...

Скобелевская колонна недолго оставалась тут и перешла к Сай-Кую, где вода всё-таки была сносная, хотя и горькая, и солоноватая.

Здесь колонна отдохнула и потом двинулась к колодцам Буссага — когда на смену ей пришла в Каращек вторая колонна — Гродекова.

И этот переход одолели бодро. Здесь примечалась кое-какая жизнь. Выскакивали тушканчики, выползали змеи, часто попадались на глаза большие ящерицы, гревшиеся на солнце. Иногда кто-нибудь из особенно весёлых солдат принимался гоняться за тушканчиком, и тогда и колонне поднимался хохот, свидетельствовавший о том, что люди сохраняли бодрость духа...

Скобелев поощрял эти невинные забавы. Иногда он сам отъезжал несколько в сторону

и, улыбаясь, любовался развеселившимися солдатами.

— А что, братцы! — говорили после в рядах. — Со смехом пойдём, так и дороги не заметим!

— Уж такой командир! Знает, чем нашего брата подбодрить... У других этого нет: всё всерьёз!

И отдохнувшие солдаты весело шагали по мёртвой песчаной пустыне...

В Буссага пришли поздним вечером.

Весь пройденный путь со страшным безводным пространством от колодцев Арт-Каунды до Сенека был только преддверием к пустыне Усть-Юрт. До сих пор хоть колодцы довольно часто попадались, в Усть-Юрте же колодцы приходились на расстоянии пятидесяти — семидесяти вёрст. Последняя жизнь исчезала в Буссага. Далее в Усть-Юрту нет ли тушканчиков, ни полевых мышей, только змеи и ящерицы видны здесь чуть не на каждом шагу. И более ничего живого. Пропадает даже скудная растительность. Кое-где попадаются полынь да небольшие кусты гребенщика и саксаула. Сухость воздуха поразитель-

ная. Дожди бывают весьма редко, и дни стоят постоянно ясные. В раскалённом воздухе заметно лёгкое дрожание: это испарения земли. Миражи смущают путника постоянно. Раскалённый воздух придаёт чудные формы отражаемым им предметам. Путнику видятся то зелёные рощи, манящие его своей тенью, то великолепные замки, то широкие реки, катящие тихо свои волны. Истомлённые жаждой и палящим зноем, несчастные напрягают последние силы, кидаются вперёд, но мираж исчезает, и приходит время ужасных мук разочарования. Вступив сюда первый раз, человек поражается ужасом. Ему кажется, что нет надежды выйти отсюда живому, потому что не для человека создано это проклятое место. Следы разрушенной и уничтоженной жизни в виде белеющих костей людей или животных как бы подтверждают это невольно сложившееся убеждение...

И вот по такой пустыне Скобелев шёл во главе целой колонны. Чем далее углублялись в Усть-Юрт, тем всё более возрастало удивление к этому человеку. Он казался железным. Скобелева никогда не видели не только утом-

лённым, мрачным, отчаивающимся, но его не видели даже небрежно одетым. Воды недоставало и для людей, а китель подполковника всегда был чист, без малейшего пятнышка. Чехол фуражки также сверкал белизной; сапоги — до блеска начищены. Сам он был всегда причёсан, умыт и часто около него витал аромат каких-то тонких духов... Глядя на него, подтягивались и другие офицеры его отряда. И они старались держаться бодро, одеваться по возможности чистенько, не распускаться, несмотря ни на зной, ни на утомление. Скобелев являлся для них примером, которому они изо всех сил стремились следовать. Со всеми товарищами Михаил Дмитриевич был ласков, предупредителен, но ни перед кем не заискивал и даже по обыкновению держался несколько в стороне.

— Не нашего поля ягода! — не раз вздыхал капитан Агапеев, почти изменивший свои взгляды на Скобелева. — Совсем не нашего!

С толстяком соглашались все товарищи. Да и как не согласиться!.. Каждый так или иначе чувствовал над собой превосходство этого молодого офицера. Чувствовал невольно — ибо

Скобелев ничем не выказывал, не подчёркивал его. Он подчинял товарищей своему влиянию, сам того не замечая, даже, может быть, вовсе не желая такого подчинения. Но особенно проникались уважением и почтением к Скобелеву солдаты. Они выучились понимать его взгляды, жесты, различать интонации в голосе. В качестве начальника передовой колонны Скобелеву первым со своими людьми приходилось подходить к колодцам. Здесь каждая капля воды виделась драгоценностью. Живительную влагу нужно было беречь как зеницу ока. Воды в колодцах обыкновенно находили мало, и между тем каждый в отряде должен был получить хоть по нескольку глотков её, пополнить запасы, истраченные во время перехода; нужно было напоить животных: верблюдов и баранов, а последних гнали за отрядом целые стада. Истомившиеся животные, приближаясь к колодцам и чуя воду, бросались к ним опрометью ещё издали. Случалось, что нахлынувшие массой животные с разбега попадали в ничем не огороженные колодцы и тонули там. Часто бывали также случаи, когда истом-

лённые жаждой люди, забыв обо всём, кидались к воде и, конечно, в беспорядке напрасно тратили её, проливая из вёдер, расплёскивая при передаче вёдра от одного солдата к другому. Иногда люди вступали из-за воды в борьбу с обезумевшими животными. Бывали примеры, что подолгу не удавалось восстановить порядок. Ничего подобного не было при Скобелеве. Этот человек умел предусматривать даже случайности. При приближении к колодцам высылалась вперёд команда надёжных солдат, которые оцепляли колодец и никого не подпускали к нему, пока с глубины этих ям добывалась драгоценная влага. Затем устанавливалась очередь. Вода раздавалась строго размеренными порциями, и ни капли её не пропадало напрасно, да ещё выдерживался строгий порядок.

Солдаты с проницательностью истомившихся людей приметили, что их командир получает свою порцию воды всегда последним, и это умиляло их и вместе с тем невольно побуждало каждого быть терпеливым и строго соблюдать очередь.

Командир передовой колонны добился

полного порядка, не прибегая ни к строгим приказаниям, ни к внушениям, а единственно силой своего личного примера...

Так прошли по Усть-Юрту мимо колодцев Каракин, Дюсембай, Черкезлы, Ак-мечеть и отсюда по безводному на расстоянии семидесяти пяти вёрст пространству к колодцам Ильтедже. Здесь отряду дан был продолжительный отдых. В колодцах Ильтедже вода оказалась в изобилии и даже весьма сносная на вкус. Во время стоянки в Ильтедже получили известие, что красноводский отряд полковника Маркозова потерпел полнейшую неудачу. Пройдя по пустыне около двух третей пути, этот отряд потерял почти всех животных и во избежание гибели людей должен был ни с чем вернуться в Красноводск. Мангышлакскому отряду грозила та же участь, но благодаря предусмотрительности начальников он избежал её и продолжал благополучно своё движение по Усть-Юрту.

VII
ПЕРВЫЕ РАНЫ

А Ильтедже Скобелеву пришлось снова стать во главе небольшого отдельного отряда.

Дело в том, что весть о наступлении «белых рубах» — так здесь называли русских — уже успела разнестись по всем кочевьям. Хивинские хищники видели, что русские почти прошли уже пустыню Усть-Юрт, и «проклятое место» не защитило их оазиса от этих смелых и выносливых пришельцев. Но хивинцы могли ещё остановить движение и даже погубить весь отряд. Стоило им только испортить воду в колодцах на пути, и, как ни закалены были лишениями войска Ломакина, продвижение по пустыне стало бы для них невозможным, отряду пришлось бы вернуться ни с

чем. Следовало предупредить покушение на колодцы, и Ломакин поручил это трудное и ответственное дело Михаилу Дмитриевичу.

Скобелев охотно принял поручение и просил только одного: действовать сообразно с обстоятельствами. Это ему было разрешено, и небольшой, порученный Скобелеву отряд выступил в четвёртом часу утра первого мая и из Ильтедже.

Двинулись налегке. До наступления зноя достигли колодцев Байлар, и здесь Скобелев дал своим людям продолжительный отдых. Пробыли у Байлара, пока не стал спадать зной. Солнце пекло невыносимо, но скобелевцы держались стойко. Никто из них не метался по бивуаку, не слышно было ни стонов, ни жалоб. Наоборот, истомлённые люди шутками поддерживали друг друга. На всех действовал ободряюще пример начальника. Будто не из плоти и крови был этот человек. Джигиты-киргизы, нывшие в его небольшом отряде в качестве проводников, казались ставшими — и их допекал палящий зной; а Михаил Дмитриевич держался так, как будто не было ни этих иссушающих лучей, ни этой

бескрайней пустыни, в которой дышала жаром каждая песчинка. Каковы должны быть усилия воли, чтобы мог держать себя так этот человек, стремившийся подвигами изгладить из памяти людей ошибку своей юности...

Из Байлара перешли к колодцам Кизил-ахир. Далее приходилось пройти пятьдесят три версты до колодцев Байчагир, а идти следовало по совершенно безводному пространству. Нужно было спешить во что бы то ни стало. Среди пустыни стали попадаться следы людей. Кое-где встречались кости павших животных, видны пыли протоптанные тысячеголовыми стадами тропинки, колеи от тяжёлых колёс туземных арб, следы конских копыт. Это были тревожные признаки. Что стоило полудикарям, проходя, засыпать оставляемые колодцы? Хивинцы вполне могли содеять это: так они остановили бы врага, шедшего с оружием на их приют. И вот Скобелев с двенадцатью казаками и десятью киргизами, оставив остальных людей на майора Аварского, на рысях помчался к Байчагиру. С небольшими остановками прошёл он по безводной пустыне, и — о радость! — колодцы, за

участь которых так страшился Михаил Дмитриевич, оказались нетронутыми; он пришёл к ним раньше, чем успели побывать около них киргизы и туркмены. Отряд был обеспечен водой, но русских было так мало, что скопищу неприятеля ничего не стоило бы задавить числом горсточку самоотверженных удальцов. Приходилось сразу после утомительного перехода браться за тяжёлую работу. Казаки и киргизы, едва утолив жажду, начали насыпать возле колодца брустверы, за которыми они могли бы отсидеться в случае нападения неприятеля. Скобелев с поразительной неутомимостью руководил всеми работами. Быстро выросли завалы, и когда подошла основная часть колонны, для стрелков уже было готово надёжное укрытие.

Однако Скобелев и тут не оставался долго.

Едва его люди отдохнули, он, оставив десятка два своих стрелков у Байчагира, который благодаря его труду явился превосходным опорным пунктом для всего отряда, поспешил снова выступить в пустыню. Теперь перед русскими всего в одном переходе — непроходимый солончак Барса-Кильмас. Дви-

гаться по нему было невозможно; оставалось только обойти его. Следовало ещё узнать, с какой стороны не сторожит выхода из Усть-Юрта неприятель, и Михаил Дмитриевич решил произвести рекогносцировку. Впереди были колодцы Мендали и Итыбай, от которых шёл удобный путь по берегу высохшего Айбугирского залива прямо на город Куня-Ургенч, где Ломакин предполагал соединиться с отрядом генерала Верёвкина, шедшим, как он знал, от мыса Ургу на Аральском море к городу Кунграду.

До Мендали колонна Скобелева дошла спокойно, но не успела отойти нескольких вёрст к Итыбаю, как впереди показался идущий навстречу караван в тридцать верблюдов.

Это были первые люди, встреченные Мангышлакским отрядом в пустыне...

«Необходимо взять их!» — решил Скобелев и с десятком казаков помчался к каравану.

Там уже увидели русских. Вожаки побросали верблюдов, стали на колени, с мольбой простирая вперёд руки. Конечно, их не тронули. Скобелев приказал толмачам расспросить их и узнал, что позади у колодцев Итыбай

стоит большой караван известного в степях киргиза Нафара Караджигитова. Этого известия оказалось достаточно, чтобы Михаил Дмитриевич теперь уже всего с семью кадками и двумя офицерами вихрем помчался к Итыбаю. Там действительно оказался тот большой караван. При верблюдах, нёсших по степным кочевьям разные товары, было свыше ста пеших и всадников. Они встретили Скобелева выстрелами, а один из конных, нахлёстывая коня, помчался назад, в пески. Скобелев, бросив караван, ударился за ним в погоню и невдалеке за Итыбаем наткнулся на второй караван. Киргизы не оказали сопротивления и повиновались русским, согнавшим их всех к колодцам. Но там оба каравана соединились, и начальники сообразили, что у них около двух сотен людей, а русских — всего десяток. Появились скрытые дотоле ружья, по русским затрещали выстрелы, положение становилось угрожающим. Более двух сотен людей, сильных, понимавших своё численное преимущество, — против десятка русских... Они без труда смяли бы их, двинувшись всей массой и окружив этих смельчаков

со всех сторон. Отойти было тоже невозможно. По всем кочевьям разнеслась бы тогда весть, что «белые рубахи» бежали... Так или иначе, а нужно было действовать. Надеялись только на то, что успеет подойти майор Аварский с пехотой и остальными казаками. Но и медлить было нельзя. Одного казака уже ранила киргизская пуля, под другим убили лошадь. Киргизы стреляли с каждым мгновением всё чаще. Они, громко крича, уже начали наступать.

— Ребята! В шашки их! — крикнул Скобелев и первым ринулся на толпу.

Вместе с ним врубился штабс-капитан Кедрин. Не обращая внимания на пики, врезались в живую массу остальные. Несколько минут на солнце сверкала сталь окровавленных шашек, слышались гиканье казаков и хриплые крики киргизов. Но превосходство оставалось на стороне неприятеля. Поражённый пикой в бок, лежал на земле Кедрин; пулями были ранены один казак и один дагестанец. Скобелев дрался весь покрытый кровью. Он тоже был ранен, но даже и не замечал своих ран. Под ним рухнула лошадь, но и

пеший он продолжал рубить шашкой. Верх в схватке, очевидно, оставался за киргизами. Были контужены ещё два офицера и остальные четыре казака. Гибель казалась неизбежной, радостные крики киргизов уже заглушали шум боя. Но вдруг совсем близко грянуло русское «ура!». Это майор Аварский, узнав, что происходит у Итыбая, с ротой апшеронцев и взводом самурцев, с четырёх вёрст расстояния кинулся бегом на помощь погибавшим товарищам. Появление подмоги разом изменило всё. Киргизы, услыхав боевой клич русских, на лучших своих верблюдах пустились в солончак. Слабым голосом Скобелев, едва державшийся на ногах, приказал раздать казакам игольчатые ружья пехотинцев и преследовать убегавших. Аварский сам повёл погоню. Киргизская партия была рассеяна, но преследование её в солончак не представлялось возможным, и погоня скоро возвратилась к месту стычки.

Двести превосходных верблюдов с имуществом, крупой, мукой и всякого рода оружием достались победителям. Самым драгоценным в этой добыче были верблюды. Благодаря им

обеспечивалось спокойное передвижение всего отряда в оставшейся части пути. Скобелев получил семь ран пиками и шашками и, истощённый потерей крови, не мог держаться на коне. Колонна его осталась у Итыбая, куда через день к ней прибыл сам начальник отряда, поздравивший скобелевцев с первой победой...

Из Итыбая колонне пришлось возвратиться, но не к Байчагиру, а к колодцам Алан, где собрался весь Мангышлакский отряд, которому генерал Верёвкин прислал приказание идти не на более близкий Куня-Ургенч, а в обход Барса-Кильмас к Кунграду. 14 мая Мангышлакский отряд Ломакина соединился у канала Карабайли близ Кунграда с Оренбургским отрядом Верёвкина. Труднейшая часть похода была завершена; теперь оставалось идти на Хиву.

VIII
ПОД ХИВУ

Кавказцы поразили всех в Оренбургском отряде своей более чем спартанской обстановкой. В кавказском лагере не видно было ни одной палатки; ни у кого из офицеров, даже у начальника отряда, не имелось ни кровати, ни стола, ни стула, не было ползи вьюков. Когда генерал Верёвкин в первый раз осматривал кавказские войска, то его свита, не видя в лагере никаких тяжестей, полагала сначала, что они ушли уже вперёд — так поразила её пустота кавказского бивуака, а между тем на этом бивуаке было всё, что только имел отряд. Люди, взявшие из Киндерли только по две смены белья, оборвались до такой степени, что рубахи держались на их плечах только на швах, и везде просвечивало

голое голо. Офицеры были не в лучшем положении: кители их износились до того, что вместо пол болталась бахрома. Обувь пребывала в самом плачевном состоянии. Плечи у пехотинцев от постоянной носки на ремне винтовок покрылись ссадинами и болячками. Лица загорели до такой степени, что цвет их мало отличался от цвета кожи самых смуглых туркмен или киргизов. Носы покрылись скорлупой, а щёки и уши — пузырями.

Но всё это нимало не портило общего вида. Наоборот, бодрость солдат, казаков и дагестанских всадников, их воинственная выправка, их несмолкавшие боевые песни, их зурна с неизбежной лезгинкой, их смелые ответы, их загорелые, не светлые лица были так внушительны, что, казалось, для них нет ничего невозможного...

Действительно, войска закалились до такой степени, что никакие лишения не могли сломить их высокий нравственный дух.

Вообще этот поход по знойной песчаной пустыне представлял собой один из замечательнейших подвигов, когда-либо совершенных пехотой с тех пор, как существуют ар-

мии... Он навсегда останется в военной истории России как один из славнейших эпизодов деятельности не только кавказских войск, но и вообще всей русской армии и в особенности беспримерно мужественной, выносливой и хороша дисциплинированной русской пехоты...

Так отзываются о походе Мангышлакского отряда даже иностранцы.

А тот, кто был всегда в голове отряда, кто первым торил путь о пустыне, кто ради того, чтобы поддержать достоинство России, кинулся едва не один на огромную толпу дикарей — Михаил Дмитриевич Скобелев, — весь израненный, мучимый лихорадкой лежал в арбе, которую тихо тащили вслед за отрядом верблюды...

Вместе с Михаилом Дмитриевичем в той же арбе лежал и другой раненый в схватке с киргизами у Итыбая — штабс-капитан Кедрин.

— Удивляюсь я вам, подполковник! — говорил последний Михаилу Дмитриевичу. — Чего вы сюда пошли? Неужели эти проклятые пески вам нравятся более, чем ваш Пе-

тербург?..

Скобелев несколько мгновений молчал.

— Видите ли, капитан, — задумчиво заговорил он, — я много-много думал сам над этим вопросом. И пришёл к заключению, что каждый должен стремиться к исполнению долга перед Отечеством...

— Ну и исполняйте его с возможными для себя удобствами, — возразил Скобелеву его собеседник.

— Таких-то исполнителей много... Нет! Не то вы говорите! Судьба, само рождение моё, общественное положение моей семьи создали мне в жизни такие обстоятельства, что я без труда мог бы добиться всего, что ни пожелал бы. А вот я этого и не хочу: «без труда!». Я хочу именно потрудиться — узнавать и познавать затем, чтобы добытые познания отдать впоследствии на пользу моей родины. Я по влечению сердца избрал военное поприще и хочу видеть войну, дабы иметь о ней неприкрашенное, неромантизированное практическое представление...

— Какая же война с халатниками! — усмехнулся капитан.

— А чем же не война? Этот поход через пески многому научил меня...

— А всё-таки вы держали себя в нём молодцом! — перебил Михаила Дмитриевича собеседник. — Подумать только: среди пустыни — и вдруг вымытый, расфранчённый, как на бал, даже надушенный воин... Такого, пожалуй, от Сотворения мира не бывало...

— Что же вы тут видите дурного?

— Ничего, а удивительно только...

— И удивляться нечего. Я скажу вот что. У меня сложилось убеждение, что начальник должен действовать на подчинённых примером. Он является для них образцом, которому они должны подражать, идеалом, если хотите... Строгость, угрозы, страх не всегда действенны, а в том положении, в каком были мы среди безводных песков Усть-Юрта, и бесполезны, ибо нельзя требовать от человека того, что выше его сил. Я говорю: нельзя требовать, но заставить того же человека выполнить даже непосильное всегда возможно. И знаете как? Стоит только не предъявлять к нему никаких требований, а показать на собственном примере, что невозможное — воз-

можно... Всё тогда исполнит... Гордость, что ли, тут заговорит или какое иное чувство — не знаю; думаю, что гордость. Если возможно для тебя, почему же невозможно для меня? — вот, я полагаю, руководящее соображение. Не стану скрывать, мне было очень тяжело в пустыне, но я заставлял волю побороть тело. Тяжело-то ведь было телу только. Оно было немощно. Дух поборол тело. И те, кто смотрел на меня, следил за мной, увидели и поняли, что стоит лишь взять себя как следует в руки, и тяготы облегчатся. Глядя на меня, и другие все, до последнего замухрышки, стали подтягиваться, а что наша передовая колонна прошла путь в сравнении с его тягостью великолепно — этого вы отрицать не будете.

— Да, — согласился Кедрин, — порядок в колонне был на редкость полный.

— Вот, вот! А держи я себя растеряхой, моим людям подражать было бы некому, и они распустились бы. Нет, как хотите, я уверен: для того, чтобы быть начальником, нужно заглядывать в душу подчинённых, действовать на них психически...

— Эге, да вы, подполковник, никак Суворо-

вым быть хотите! — усмехнулся капитан.

— Во всяком случае близко к нему! — резко ответил Михаил Дмитриевич и замолчал.

Раны Михаила Дмитриевича были не из опасных, и он во время стоянки в Кунграде настолько оправился, что мог уже взобраться на лошадь.

Мангышлакский отряд после соединения с Оренбургским поступил под начало генерала Верёвкина. Тому же стало известно, что хивинцы решили оказать сопротивление при наступлении русских вдоль левого берега Амударьи. Кунград был очищен неприятелем всего за несколько часов до вступления в него русских войск, и (вскоре лазутчики донесли, что пятитысячное скопище хивинцев, конных и пеших, с тремя орудиями собралось у города Ходжейли. Начальником этого скопища был узбек Якуб-бий, и при нём находились два важных сановника хивинского ханства: Инах и Мехтер.

Вышли русские из Кунграда 14 мая.

Ровной, без волнения, широкой, переходящей в поросшие камышом болота полосой стелется река Амударья. Она не глубока, по-

крыта островами, и лишь кое-где высятся на её берегах холмы. Растительность великолепна. Нет лесов, зато всюду на берегах — чудные сады, превосходно возделанные поля... Многочисленные арыки (каналы орошения) пересекали главную дорогу. Идти было трудно: мосты через арыки почти всюду оказались разрушены, а отряд теперь уже был многочисленный: почти четыре с половиной тысячи пехоты и всадников с четырнадцатью орудиями и восемью ракетными станками. За отрядом тянулся обоз, который приходилось оберегать особенно внимательно. Нападения можно было ожидать каждую минуту. На пути то и дело попадались следы отходившего всё далее назад неприятеля. Верстах в шести за Кунградом на противоположном берегу пришлось орудийными выстрелами разогнать скопище каракалпаков, и ещё через несколько вёрст конные узбеки и туркмены пробовали преградить путь отряду, но были разогнаны казаками.

Городок Ходжейли заняли без боя. Более серьёзное дело произошло у городка Мангита, где скопище хивинцев несколько раз броса-

лось на войска со смелостью, которой и нельзя было ожидать от этих воинов, никогда не решавшихся нападать на большие отряды русских. Их пришлось отгонять залпами, но когда отряд, отбросив нападавших, сам перешёл в наступление, хивинцы быстро рассеялись, и русские вступили в Мангит без выстрела.

Скобелев, уже окончательно оправившийся от ран, принимал участие во всех без исключения и крупных, и мелких схватках, и после дела у Мангита Верёвкин приказал ему разрушить туркменские аулы в наказание за оказанное русским сопротивление. Молодому подполковнику даны были две сотни казаков. С рассвета и целый день до позднего вечера рыскал Михаил Дмитриевич в окрестностях Мангита у горы Кобетау и вдоль арыка Карауз. Туркмены отчаянно защищали свои аулы, они с безумной храбростью кидались на казаков, происходили жестокие сшибки, но оренбуржцы и кавказцы постоянно брали верх и разгоняли нападавших. Весть же о разорении аулов разнеслась с такой быстротой, что прежде чем Скобелев со своими сотнями воз-

вратился к отряду, в русский лагерь явились с изъявлением полной покорности депутаты от хивинских городков: Янчи-яба, Гурлен, Китай и Кята.

Однако это не помешало войскам хивинского хана нападать на русский отряд. Вреда эти нападения не причиняли, зато беспокоили отряд, вышедший уже из Мангита. Хивинцы даже открывали огонь из пушек, но стреляли они плохо, и более беспокойства причиняли русским их всадники, чем их ядра. Бывало вдруг налетала кучка лихих наездников и с диким гиканьем кидалась прямо на растянувшийся по дороге отряд. Несколько выстрелов, иногда дружный залп обыкновенно прогоняли смельчаков, но всё-таки из-за них останавливался весь отряд, солдаты выстраивались в боевые порядки, приходилось посылать вперёд цепи. Случалось и так, что засядут на пути в камышах несколько стрелков, и как только приблизится к ним командовавший отрядом со своей свитой, они начинают стрелять, стараясь попасть в генерала, которого уже научились узнавать в лицо.

Но беспокойнее всех было колёсному и

верблюжьему обозу. Его охраняли три роты апшеронцев и две сотни казаков с двумя орудиями. Хивинцы рыскали около обоза по всем направлениям. Нападения следовали одно за другим, в особенности когда обозу приходилось перебираться через арыки. Но и тут ничего не могли поделать враги. При обозе был Скобелев. Верёвкин назначил его начальником обозного конвоя, и молодой офицер сумел так расположить своих людей, что куда бы ни совались хивинцы, всюду они встречали либо солдатский штык, либо казачью пику. Иногда Михаил Дмитриевич движением руки бросал на наседавших туркмен десяток-другой своих казаков. С посвистом, с гиканьем мчались молодцы гребенцы и уральцы на врага; происходила недолгая, по удалая сшибка; несколько минут сверкали на солнце шашки, слышался крик; потом туркмены кидались от каиков врассыпную, и вслед им свистели пули...

Так пришлось идти весь день 22 мая. Отряд потерял шестерых солдат убитыми и троих ранеными. Несмотря на бдительность Скобелева, туркменам всё-таки удалось отбить в

обозе три арбы с провиантом и двух верблюдов с вьюками да изрубить нескольких арбаношей, то есть туземцев-возчиков.

Хивинцам порядочно досталось в этот день. Сколько погибло их под русскими выстрелами, в особенности при их нападениях на обоз, где стреляли в них залпами почти в упор, неизвестно, но в садах и по арыкам всюду виднелись тела убитых. Их и не считали, но всё-таки заметили, что потери неприятеля весьма велики.

Итак, силой не удалось удержать русских, тогда хивинские дипломаты вздумали сдержать их хитростью. К Верёвкину явился посол, выражавший от имени хана удивление этому якобы совсем неожиданному для него вторжению и требовавший, чтобы отряд не трогался вперёд по крайней мере в течение трёх дней. Посол уверял, что генерал Кауфман ведёт с ханом мирные переговоры и войны не может быть, пока они не будут закончены». Верёвкин, знавший все уловки степных дипломатов, отказался наотрез и продолжал движение. Он предугадал истину, ибо на следующий день пришло к нему от Кауфмана

приказание идти на Хиву безостановочно.

Туркестанский, или Ташкентский, отряд, которым командовал сам генерал-губернатор края Кауфман, прошёл к Амударье по пескам, испытывая также величайшие лишения и вынеся прямо-таки сверхчеловеческие тяготы. Вместе с отрядом сделали поход через пустыню их Императорские Высочества Великий князь Николай Константинович и князь Евгений Максимилианович Романовский, герцог Лейхтенбергский. Особенно тяжёл был переход через пески Адим-Крылган, что значит в переводе Погибель человека. Но «белые рубахи» и здесь преодолели природу: они прошли по безводным степям, опаляемые всё сжигавшим зноем, и 10 мая переправились через Амударью на левый берег. Хивинцы пытались было остановить переправу, стреляя из своих пушек, но были сбиты с берега, и войска прошли вполне благополучно. Путь в Хиву был открыт, однако идти пришлось точно так же, как и отряду Верёвкина, — постоянно отбиваясь от неприятеля.

Когда с Верёвкиным не удалась и хитрость, хивинцы попробовали остановить от-

ряд, разрушив мост через канал Клыч-Ниязбай. Они сожгли этот мост на виду у русских, подошедших к каналу 24 мая. Но и это препятствие не остановило отряда. Был наведён новый мост длиной в 27 саженей, и отряд перевёз по нему пушки и тяжести; казаки же переправились вплавь.

Теперь впереди были ещё каналы Ярмыш и Ката-куныр. Предстояло удержать их за собой. Толки об энергии Скобелева дошли уже и до Верёвкина, предубеждённого против молодого офицера. Склоняясь на убеждения такого опытного военачальника, как Ломакин, генерал назначил Скобелева авангардным начальником. Блистательно исполнил Скобелев и это поручение. Он с двумя сотнями казаков подоспел к Ярмышу как раз в то время, когда хивинцы принимались ломать мост. Те не ожидали столь скорого появления русских. С гиканьем и криками «ура!» кинулись на них казаки и, прежде чем неприятель успел опомниться, сбили его с моста. Туркмены бежали, переправа для главных сил была обеспечена. К мосту через Ката-куныр вовремя подоспеть не удалось. Хивинцы успели снять с него бре-

венчатый настил. Но и тут Скобелев нашёлся быстро. Пока к Ката-куныр двигался отряд, его казаки принялись за работу и всю ночь неутомимо таскали на себе и на своих лошадях брёвна, фашинник, землю, а потом приступили и к исправлению моста, так что когда подошли главные силы отряда, мост был готов и выдержал переправу.

Как ни предубеждён был против Скобелева Верёвкин, но и он выразил ему своё удовольствие.

Так, мало-помалу рассеивал Скобелев невольную неприязнь, поселившуюся против него в сердцах людей под влиянием некрасивой выходки, внушённой будущему герою самой молодостью.

IX
ПОСЛЕДНИЙ ПЕРЕХОД

Лицо Михаила Дмитриевича оставалось безучастно холодно, когда генерал громко при всех товарищах похода высказал ему одобрение за Ярмыш и Ката-куныр. Что думал в эти мгновения молодой подполковник? Быть может, в душе будущего героя-полководца, «Суворову победами равного», загорелась радость? Ведь если даже недоверчиво относившиеся к нему люди одобряли его, стало быть, он и на самом деле стоил одобрения, стало быть, он сделал что-нибудь такое, что другим не под силу... Но Скобелев ничем не выдал своих чувств и только поклонился генералу, когда тот кончил говорить.

— После такого блестящего начала, — с особенным ударением произнёс генерал, —

можно ожидать и столь же блестящего конца.

— Я весь в распоряжении вашего превосходительства! — ещё раз сделал полупоклон Михаил Дмитриевич.

— Очень рад и с удовольствием узнаю, что вы, а не кто другой, довершите дело, вами же начатое. Впереди такие же переправы на Шах-абати и Казавати. Без сомнения, возле них неприятель. Лазутчики донесли, что он скопился в Ката-куныре на Казавате: возьмите казаков и прогоните туркмен. Вы облегчите путь отряду. От Ката-куныра до Хивы рукой подать.

— Постараюсь исполнить, ваше превосходительство!

— Но когда вы можете выступить?

— Если вы, ваше превосходительство, ничего не будете иметь против, то сейчас...

— Вот как! Нет, я ничего не могу иметь против такой быстроты. С Богом тогда!

Скобелев с полупоклоном приложил руку к козырьку фуражки и отошёл.

— Что, господа, скажете про молодца? — вполголоса спросил генерал, задумчиво глядя вслед отходившему лёгкой походкой Скобеле-

ву. — Не правда ли, узнать нельзя?

— Да, перемена разительная! — подтвердил один из свитских генерала.

— И всего в три года преобразился — вот что главное! — отозвался другой.

— Не такой он был ещё недавно!

Генерал вступился за Скобелева.

— Да, зато теперь — теперь он молодей! Мне рассказывали, как он шёл по Усть-Юрту. Сколько предусмотрительности выказал наш (это «наш» произнесено было с особенно сильным ударением) Скобелев, какую гигантскую силу воли он проявил!.. Я не ошибусь, если скажу, что он был душой своих солдат. Он сумел обратить этих маленьких людей, незаметных, сильных только своей массой, каждого в великана. И знаете, как он это сумел? Он на деле показал этим маленьким людям, что он любит их, как самого себя, даже больше самого себя. Он заботился о них, об их малейших удобствах. Разве не показали им эту заботу намотанные через плечо кишки с водой? Благодаря предусмотрительности начальника в авангардном отряде всегда было больше воды на переходе, чем в других ко-

лоннах. В те мгновения, когда последние силы покидали человека, у него оказывалась под рукой драгоценная живительная влага. А на привалах у колодцев? Кто последний подходил к воде и получал её ровно такую же порцию, какую получал каждый из солдат? Начальник колонны! А эта щеголеватость, даже франтовство в походе, за которое все товарищи высмеивали нашего молодца? Да оно оказывало такое воздействие на массу, что оказалось сильнее всяких принуждений и угроз... А последний случай, это исправление моста на Ката-куныр? Заметьте, мост исправлен не сапёрами, не понтонёрами, а простыми казаками. Зачем? Мы с вами скажем: «Для пользы общего дела!», а солдат скажет: «О нас, родимый, позаботился, вспомнил, что мы по пескам переходы сломали, так сам потрудился, чтобы нас с устатку не утруждать»... Вот что скажут! А когда понадобится, кинутся за потрудившегося для них «родимого» на верную смерть: «за евоное добро, значит, в отплату!». Мне скажут, что всё это мелочи, а если мне так скажут, так я отвечу, что и в этих мелочах уже кое-что видно... Что, не знаю

ещё сам, а думаю, что скоро наш молодой товарищ многих из нас обгонит... Что же! Давай Бог! Руси православной такие нужны... чу!

Генерал смолк.

«Разгулялся, расплескался православный тихий Дон» — так и разлилась над бивуаком перенятая у донцов Сунженскими казаками песня.

— Это наш авангард! — генерал посмотрел на часы. — Менее чем в полчаса казачки изготовились... Ай да молодцы! Кто из офицеров со Скобелевым?

— Сотник Старицкий и есаул Афанасьев, ваше превосходительство! — доложил начальник штаба.

— Лихие офицеры, горячие головы! Как бы не переусердствовали только! — и генерал вместе со своими свитскими пошёл готовиться к выступлению.

У Скобелева было по сотне сунженцев и оренбуржцев. Последними командовал есаул Пискунов. Казаки выступили с бивуака, как это всегда бывало у Скобелева, с песнями. Сам начальник авангарда ехал во главе казаков.

— Добра джигит! — кивали глядевшие на

него киргизы. — Таких у ак-падишаха немного!

Отведя авангард от бивуака, Михаил Дмитриевич созвал к себе старших своих офицеров. Ему было известно, что городок Ката-кунырь занят хивинцами. Несомненно, что там уже хивинские лазутчики уведомили о наступлении русских. Следовало спешить, чтобы не дать неприятелю времени испортить мост на Казавате. Впереди ждали бугристые пески Чукур-кум, пересекавшие путь отряду во второй половине, но зато пройти предстояло всего около семнадцати вёрст. После недолгого совета Скобелев выслал вперёд сотника Старицкого с сунженцами, приказал ему добраться как можно скорее к переправе. У сунженцев были лучшие лошади, и скоро они умчались от отряда, шедшего на рысях по дороге. Прошло немного времени, а уже в той стороне, где была переправа, затрещали выстрелы. Старицкий верстах в трёх от города с разбегу наскочил со своими казаками на неприятельский пикет. Хивинцев оказалось с полсотни. Они дали залп по казакам и кинулись наутёк к уже ясно выделявшемуся у ка-

нала Ката-куныру.

— Станичники, за мной! — крикнул удалой сотник и с шашкой наголо помчался вслед за неприятельскими всадниками. Не разбирая ничего впереди врагов, молодцы следом за хивинцами ворвались в город. Из зелени садов затрещали выстрелы, но с их треском смешалось ещё новое русское «ура!». Это примчался в карьер есаул Афанасьев, высланный Скобелевым с остальными сунженцами на подмогу Старицкому. Выстрелы разом смолкли. Вероятно, защитники Ката-куныра вообразили, что к городу подходит пехота главного отряда. С гиканьем неслись хивинцы по узким улицам к Казавату. Казаки мчались у них «на плечах», то есть чуть не след в след. Они успели доскакать до моста через канал как раз вовремя. Последний неприятельский всадник поджигал деревянную мостовую настилку. Меткий выстрел из казачьей винтовки свалил его в воду, и мост уцелел. Зато в раскалённом дневным зноем воздухе засвистали пули. Хивинцы засели в садах на противоположном берегу. Их совсем не было видно в густой зелени. Только облач-

ка порохового дыма указывали, где прятались стрелки. В по время Скобелев уже входил в город с остальными казаками. На обоих берегах Казавата уже разгорелась перестрелка. Пришлось прогнать хивинцев из садов с противоположной стороны. Михаил Дмитриевич немедленно отправил через мост есаула Пискунова с полусотней спешенных оренбуржцев. С громким «ура!» кинулись вперёд удальцы. Чем ближе они были к противоположному берегу, тем всё реже слышались вражеские выстрелы. Хивинцы бросали свою позицию и уходили прочь. Наконец, русское «ура!» загремело на обоих берегах Казавата: враг был сбит отовсюду, и до Хивы оставался всего один переход...

Конец дела у Скобелева вышел столь же блестящий, как и начало.

X
ПОД ХИВОЙ

Хива — это сердце всех пустынь, всех песков Средней Азии. Отсюда расходятся бесчисленные караваны в кочевья туркмен, киргизов, каракалпаков, узбеков и других бесчисленных народцев и племён, кочующих в песках. Под Хиву же, на берега Амударьи, собираются они в такое время года, когда жизнь в песчаных пустынях становится невозможной. Поразить Хиву — значило поразить все пески, подчинить себе все обитающие в них племена. Хивинские ханы, а вместе с ними и все хивинцы пребывали в уверенности, что Хива недоступна ни для кого. Окружающие пески лучше всяких крепостей защищали Хиву — и город, и самый оазис — от вторжений извне. Были не раз попытки проникнуть сю-

да со стороны русских, но все эти попытки оканчивались неудачами и укрепляли туркмен в убеждении, что никогда никому не удастся пройти через песчаные пустыни и овладеть их «сердцем». В 1869 году смирились перед Россией Бухара и Коканд. Занятие русскими Ходжента и Ташкента разделили и подорвали их силу, но Хива осталась свободной и не усмирённой, и её правители принимали всевозможные усилия, чтобы привлечь на свою сторону туркменские племена, кочевавшие на юг и на юго-запад от Хивы, и русских киргизов оренбургской степи. Два неудачных похода русских: в 1717 и 1839 годах убедили хивинцев в полнейшей их безопасности, и на все представления туркестанского генерал-губернатора хивинцы отвечали насмешливо, как будто и в самом деле этот клочок годной для жизни земли всего с четырьмястами тысячами полудикого своевольного населения мог представлять из себя силу, которая оказалась бы не по плечу великой России...

И вот для Хивы пробил последний час. С севера подошёл к ней Оренбургско-Мангышлакский отряд «белых рубах», с юга подходил

Туркестанский отряд самого «ярым падишаха» — «полуцаря» Кауфмана.

Великолепные, возделанные руками невольников-европейцев, сады окружают со всех сторон Хиву. Городок, весь состоящий из глиняных домов и окружённый толстыми стенами, как бы утопает в этой зелени. С севера в Хиву ведут Шах-Ыбатские ворота, с юга — Хазараенские. Отряд генерала Верёвкина подошёл к Хиве со стороны первых.

Остановился отряд в летнем ханском саду Чинакчин на канале Хатыр-тур. Верёвкин и его штаб заняли летний ханский дворец. Отсюда до Хивы оставалось всего 6-8 вёрст, и генерал решил подождать здесь известий от главного начальника всех отрядов, который с часу на час мог появиться на южной стороне Хивы.

Сад Чинакчин не уступил бы по своему устройству любому из пресловутых европейских садов. Превосходные фруктовые деревья, широкие прямые аллеи, роскошные цветники придавали этому саду несомненный европейский характер, и, как печальный памятник того, что на полудикарей хивинцев мно-

го поработали здесь русские люди, остались вырезанные на коре многих деревьев православные кресты, русские имена, надписи, даты...

Отряд генерала Верёвкина подошёл к Хиве благодаря успешным действиям Скобелева на Ярмыше, Катакуныре и Кош-купыре 26 мая. Верёвкин, едва только войска стали лагерем в саду Чинакчин, сейчас же выслал авангард и опять под начальством Скобелева вперёд по направлению к Хиве.

Казалось, молодой офицер не знал усталости. Едва отдано было приказание, он уже повёл две сотни уральцев и оренбуржцев по узенькой дорожке, пролегавшей между садами, огороженными глиняными дувалами. Образовалась теснина, и как ни закалены были удальцы, а всё-таки несколько тревожно поглядывали они то направо, то налево, каждое мгновение ожидая увидеть направленные на них стволы вражеских ружей. Опасность и в самом деле была велика. Из-за стен садов хивинцы могли бы поодиночке перестрелять казаков, но теснина скоро пройдена была вполне благополучно, и небольшой отряд вы-

брался наконец на простор.

Вдали перед казаками виднелась цель их похода — «сердце песчаных пустынь» — Хива...

— Так вот она матушка Москва-то туркменская какова! — переговаривались между собой казаки. — Ну, погоди малость! Приберём мы тебя к российским рукам!

Однако любоваться открывшимся видом не пришлось.

Как только казаки выбрались из теснины, они не более как в полуверсте от себя увидели толпу хивинцев, разбиравшую мост через широкий арык.

— Ротмистр Алиханов, — указал на работавших одному из своих офицеров Скобелев, — прогоните их!

— Будет исполнено, подполковник! — весело ответил тот, выдвигая вперёд разъезд из лучших всадников обеих сотен.

Во весь опор помчались молодцы на неприятеля. Хивинцы, сделав несколько выстрелов, бросили мост и кинулись бежать в такую же точно теснину между садами, какую только что прошли казаки. Алиханов по-

следовал за ними. Скобелев в некотором отдалении вёл обе сотни по тому же направлению. И эту теснину прошли благополучно, но едва вышли из неё, сейчас же столкнулись лицом к лицу с большим уже скопищем конных и пеших врагов. Это было неожиданностью для обеих сторон. Для казаков же этот момент оказался критическим. Хивинцев здесь было так много, что стоило им лишь обойти внезапно появившийся отряд и закрыть выход из теснины, они численностью своей подавили бы русских. Но с казаками был Скобелев. Для этого человека как будто не существовало неожиданностей. Едва выехав на простор и увидав неприятеля, Михаил Дмитриевич уже скомандовал «в атаку!» и понёсся сам вперёд за всадниками Алиханова. Уральцы и оренбуржцы с громовым и радостным «ура!» помчались за ним. Как живой таран ударили они в огромную толпу неприятеля. Лязг шашек, вой поражаемых, боевой клич нападавших, одиночные выстрелы — всё смешалось в невозможный хаос звуков. Хивинцы не выдержали удара и бросились бежать. Казаки неотступно преследовали их с

версту, пока Скобелев сам не остановил их. Он не находил возможным слишком приближаться к Хиве, откуда могли ударить по его отряду тысячи туркмен. Собрав отряд, Михаил Дмитриевич отвёл его к теснине между садами. Это отступление сейчас же ободрило противников. Собравшись в большие группы, они сами бросились на него. В тот же момент позади затрещали выстрелы. Хивинцы успели забраться на стены садов и оттуда слали русским пулю за пулей. Теперь скобелевскому отряду приходилось отстреливаться сразу на две стороны, но что было опаснее всего, так это — что вход в теснину между садами оказался закрыт. Идти чуть что под пулями сверху — значило погубить весь отряд. Скобелев и тут нашёлся. Он приказал части уральцев спешиться, примкнуть к ружьям штыки и, назначив командиром спешившихся сотника Бородина, приказал ему очистить стены садов. С новым «ура!», прикрываемые ружейным огнём товарищей, кинулись уральцы на хивинских стрелков. Не долог был бой, и мало ушло из-под русских штыков туркмен. Большинство полегло на месте, вход в тесни-

ну был освобождён. Быстро ввёл туда Скобелев свою сотню, оставив Алиханова сдерживать напор хивинцев ружейным огнём.

Когда отряд из теснины выходил на поляну с мостом через арык, из первой теснины уже вытягивались высланные на помощь авангарду казачьи сотни и конная артиллерия под командой полковников Тер-Асатурова и Леонтьева.

Подмога оказалась лишней: Скобелев успел и сам, только своими силами, отбиться от неприятеля.

Эта рекогносцировка, обратившаяся в первый бой под Хивой, дала генералу Верёвкину повод думать, что без штурма Хивы не обойдётся.

Следующий день 27 мая как будто подтвердил это предположение.

Скобелеву почти не пришлось спать в эту ночь. Авангардный отряд был усилен ротой апшеронцев с двумя ракетными станками, а Сунженская сотня заменена была дагестанской. Апшеронцы, отдыхавшие в течение целого дня, заняли передовые посты на ночь. Им пришлось оберегать не только людей, но

и верблюдов, выгнанных за лагерь на пастбище. Всю ночь раздавались одиночные выстрелы. Это подкрадывавшиеся хивинцы пытались нападать на передовые посты, и каждый раз там, где вспыхивала тревога, сейчас же появлялся неутомимый начальник авангарда, готовый каждое мгновение к отражению неприятеля.

Можно сказать, ночь прошла относительно спокойно. Не таково было утро.

Совсем рассвело уже, когда у пастбища верблюдов вдруг, словно из-под земли, выросла огромная толпа хивинцев. Среди них были и пешие, и всадники. Раздалось страшное гиканье, затрещали выстрелы, и нападавшие всей своей массой навалились на ближайшие посты, оттеснили их и, обскакав большую часть стада верблюдов, быстро погнали их в сторону Хивы.

Всё это произошло с такой быстротой, что в лагере авангарда даже не успели сообразить, что такое происходит у пастбища. Однако первым кинулся к месту тревоги батальон подполковника Гротенгельма и открыл огонь по конным хивинцам, довольно далеко ото-

гнавшим уже животных. В то же время явился с дивизионом казаков и Скобелев. Хивинцы успели уже угнать стадо за сады и были теперь совершенно скрыты их купами. Только по гиканью и выстрелам определил Скобелев, где теперь находится неприятель, и сейчас же двинулся через сады наперерез ему. Когда отряд выехал на равнину, перед ним оказалось более тысячи хивинских всадников и с полтысячи пехотинцев. Хивинская пехота, увидя русских, заслонила собой конницу, но Скобелев, не обращая на неё внимания, приказал подполковнику Квинитидзе, командиру прибывших в его отряд дагестанцев, ударить на первых. Лихими бойцами показали себя дагестанцы. Они врезались в голову хивинской конницы и откинули её назад. В то же время Скобелев бросил на пехоту сотни уральцев есаула Гуляева. Произошли жестокие схватки. Ни пехотинцы, ни всадники не выдержали удара и разбежались врассыпную, но при бегстве они наткнулись на две казачьи сотни, высланные генералом из лагеря при первой тревоге, и были разбиты наголову.

Верблюды, которых хивинцы угнали около четырёхсот голов, были отбиты и из них потеряно всего около семидесяти, раненых и искалеченных при быстрой гоньбе через арыки.

В описанном деле русские потери: один убитый и девять раненых.

Отдохнуть после этого дела Михаилу Дмитриевичу опять не удалось. Верёвкину потребовалось узнать, в каком положении находится Хива, какого сопротивления ожидать русским от её защитников, и, вот только что кончилось утреннее дело, Скобелев получил приказание произвести тщательную рекогносцировку местности под прикрытием войск авангарда. Этот неутомимый человек пошёл и на новое дело с такой же охотой, как утром ринулся в бой. Приказав пехоте авангарда быть готовой к выступлению по первому требованию, он с двумя сотнями казаков выдвинулся вперёд версты на две. Здесь ему пришлось выдержать новый бой с хивинцами, но он всё-таки исполнил задачу и среди окружавших Хиву садов нашёл такую поляну, на которой мог бы стать лагерем весь авангард, то есть вся его пехота, конница и артил-

лерия. Отыскав такое место, он начал отходить к главным своим силам.

Отступление, хотя бы оно вовсе не вызывалось поражением, всегда действовало ободряюще на полудикарей-степняков. Так было и теперь. Хивинцы отчаянно наседали на русских, и от них пришлось отбиваться ружейным огнём. Как бы то ни было, а Скобелев всё-таки перевёл авангард на избранное им место и после этого отправился к генералу Верёвкину, решившемуся на следующий день штурмовать Хиву.

XI

«СЕРДЦЕ ПЕСЧАНЫХ ПУСТЫНЬ»

Хива — с виду красивый, оригинальный город. Его стены с башнями высоки. Ворота крытые, также с тяжёлыми башнями по бокам. Из-за городских стен высятся купола ме-

четей и минаретов, всюду зелень, сквозь которую проглядываются кое-где белые стены городских зданий.

Но такова Хива издали. Если побывать в ней, она представляется совсем иной. Во всём городе найдётся не более трёх-четырёх строений, представляющих собой намёк на какую бы то ни было архитектуру. Всё остальное слеплено из глины и являет собой весьма жалкий вид... В Хиве возведены две стены: одна снаружи, другая внутри города. Внутренняя стена с частью города, которую она оцепляет, образует цитадель в одну милю длины и четыре мили ширины. За этой стеной находятся ханский дворец, большая башня, несколько медресе и почти все общественные здания. Стена защищена четырьмя башнями, и сооружение её относится ко временам глубочайшей древности. Вероятно, цитадель и есть древнейшая Хива, а всё то, что явилось вне её стены, уже позднейшей постройки. Наружная же стена Хивы построена в 1842 году, когда Хива воевала с Бухарой. Форма этой стены похожа на раковину устрицы с несколько удлинённым узким концом. Средняя высота

стены двадцать пять футов. Толщина при вершине — около трёх футов. Кроме стены, город опоясывает ров глубиной от трёх до четырёх саженей. Помимо главных ворот Хазараспских и Хазаватских, существовало ещё пять других входов или скорее проходов через наружную стену. Всё пространство между стеной цитадели и наружной стеной занято безобразного вида глиняными домами без окон, садами и гробницами. Улицы Хивы узки и часто не превышают в ширину полутора саженей. Дома выходят на них тылами — грязными, голыми. Движения на улицах никакого, и даже одиночные прохожие редки.

Но невзрачны жилища хивинцев только извне. Внутри они устроены так, что удовлетворяют всем требованиям своих неприхотливых хозяев. Зимой они теплы, в летний зной удерживают прохладу. Часто они бывают убраны с большим комфортом, заставляющим забыть об их жалкой наружности. Обыкновенно хивинский дом имеет такое устройство. С улицы узкий проход ведёт на просторный внутренний двор, посередине которого устроен бассейн с водой для домашнего оби-

хода. Вода в этот бассейн проводится из маленьких каналов, кое-где прорезывающих сады. В эти каналы вода в свою очередь проведена из двух больших каналов Чингери и Инарик, снабжающих водой весь город.

На большой двор хивинского дома выходят двери из всех жилых помещений. Внутренних дверей в них нет, а из одного покоя в другой иначе и нельзя пройти, как по двору. На южной стороне двора устроен высокий портик, открытый с севера. Крыша его возвышается футов на десять над всей остальной стеной и служит тому, чтобы захватывать ветер и спускать его во двор в знойные летние дни. К этому описанию следует прибавить ещё, что во всех покоях хивинского дома постоянно царит полумрак, кажущийся тьмой, если перейти и него с ослепительно яркого дневного света.

Ханский дворец представляет собой ряд тяжёлых растянутых строений с зубчатыми глиняными стенами. Но не особенно приглядный внешний вид дворца скрашивается знаменитой хивинской башней, стоящей около него. Башня эта футов тридцати в диаметре

при основании, постепенно суживаясь к вершине на высоте 125 футов, имеет в диаметре не более 15 футов. У башни нет ни пьедестала, ни капители, никаких иных украшении. Это просто круглая башня, поставленная прямо на землю. Но поверхность её вся покрыта изразцами голубого, зелёного, пурпурного и бурого цвета, выложенными по снежно-белому грунту самыми разнообразными полосами и фигурами и в своём общем целом производит на зрителя прекрасный эффект. Стены её испещрены также изречениями из Корана, и с вершины её ежедневно на закате раздаётся пронзительный голос муллы, призывающего правоверных к молитве.

Самым великолепным и в то же время священным зданием Хивы была мечеть Полвана-Ата — святого мусульман, почитаемого патроном Хивы. Расположена она в глубине сада и очень красива благодаря своему высокому куполу. Этот купол, имеющий около шестидесяти футов высоты, покрыт такими же изразцами, как и большая городская башня, но только ярко-зелёного цвета, и заканчивается позолоченным шаром. Внутренний вид

купола очень красив. Он весь выложен изразцами, украшенными тонким голубым узором вперемежку с изречениями из Корана. Изразцы так плотно пригнаны один к другому, что швов между ними вовсе не видно, и общий вид купола представляет как бы опрокинутую и вывернутую вазу китайского фарфора.

В мечети помещены гробницы предшественников Сеид-Мухамед-Рахима — того хивинского хана, при котором русские отряды явились впервые под стены города. Между ними здесь похоронен и хан Шир-Гази, уничтоживший посланную на Хиву Императором Петром Великим экспедицию князя Бековича-Черкасского. Против ханских гробниц находится гробница самого Полвана, в честь которого устроена мечеть, и основателя её — хана Аллах-кули. За мечетью устроен приют для олпитов, а на площади перед дворцом два медресе, то есть монастырь, соединённый вместе с училищем. Других достопримечательностей в Хиве того времени, как уверяют путешественники, не было.

Генерал Верёвкин долго раздумывал, прежде чем решился штурмовать Хиву. Напа-

дения 26 и 27 мая уверили его в том, что Туркестанский отряд находится ещё далеко. По мнению генерала, если бы войска генерала Кауфмана подходили к Хиве, хивинцы никогда не осмелились бы не только нападать сами на русских, но даже оказывать им сопротивление.

В полдень 28 мая штурмовые колонны пошли к Хиве, но штурма не произошло. Хивинцы стреляли по русским из своих пушек, русские отвечали им ружейным огнём. Сдерживало Верёвкина главным образом то, что получены были известия о приближении к Хиве Туркестанского отряда, и генерал не желал действовать решительно без предварительных распоряжений своего старшего начальника. Кроме того, он во время «дела» был тяжело ранен хивинской пулей и должен был, оставив командование на старшего после себя полковника Саранчева, уйти на перевязочный пункт.

Скобелев во время «дела 28 мая» находился в тылу при обозе, который приказали ему охранять от внезапных нападений хивинских всадников, и лишь к концу схватки, по-

сле того как ранен был генерал Верёвкин, приблизился к боевым линиям. Принять участия в бою ему всё-таки не удалось. Туркестанский отряд генерала Кауфмана действительно подходил с юга к Хиве.

Хан прислал к Кауфману посла и через него заявил о своей покорности и готовности отдать и Хиву, и всё своё ханство на милосердие русского государя. Это был самый лучший исход, но в ночь имели место совершенно неожиданные события. Большая часть хивинцев, те из них, кто явился сюда из пустынь, а не был постоянным жителем, объявили хану, что они не сдадутся русским, а будут биться с ними до последней возможности. У Сеид-Мухамед-Рахима был соперник, желавший стать ханом, — Атаджак-тюря. Спасая свою жизнь, Сеид-Мухамед-Рахим бежал, но не к русским. Его уверили, что пришлые туркмены перережут в ночи всех пленников-русских, и хан боялся, как бы Кауфман не обвинил его в гибели своих соотечественников и не приказал его казнить. Между тем хивинцы удовольствовались изгнанием хана, выбрали на его место Атаджака-тюрю, в назначенный час вышли с

покорностью к туркестанскому генерал-губернатору, который стоял бивуаком в двух верстах от города на канале Полван-ата и уже соединился с некоторыми частями отряда генерала Верёвкина.

Хотя генерал Кауфман сразу же заметил, что настоящего хана нет среди вышедших к нему навстречу депутатов, но, не желая терять время, принял изъявления покорности и приказал войскам идти к Хазараспским воротам Хивы.

День уже разгорался, становилось жарко, войска шли, окутанные облаками пыли. С музыкой подошли они к широко раскрытым для их приёма Хазараспским воротам. На стенах толпились хивинцы, махавшие шапками в знак приветствия. Но только подошли туркестанские войска к воротам, с противоположной стороны Хивы загремели пушечные выстрелы и послышалось русское «ура!»... Разом смолкла музыка, войска остановились. Встревоженный генерал Кауфман послал узнать, в чём дело.

Для привычного воина ясно было, что на другой, противоположной стороне Хивы идёт

бой...

Так было и в действительности...

Командовавший отрядом, шедшим с севера, был, как уже известно, ранен, и буйная часть населения Хивы приняла это за блестящий успех. Наивные полудикари думали, что у русских, как и в их степях, потеря вождя заставит нападающих разойтись в разные стороны. Не обращая внимания на то, что подходили уже туркестанские войска, они начали со своих стен стрелять в стоявших за рвом русских. А там был Скобелев. Зная от генерала Верёвкина, что часть хивинцев не желает сдачи города, он побоялся упустить удобный момент. Стояли русские перед Хазаватскими воротами, и ворота были закрыты. Скобелев, с которым был другой молодой и храбрый офицер граф Шувалов, приказал сбить их пушечными выстрелами. Ворота были разбиты, и Скобелев с Шуваловым во главе тысячи солдат бросились на приступ, осыпаемые со стен ручными гранатами и ружейными пулями. Шувалова сильно контузило упавшим бревном, четырнадцать солдат были ранены, но туркмен всё-таки удалось сбить со стен и рас-

сеять по улицам. Туркмены, убегая, отстреливались.

Скобелев под выстрелами вёл солдат и остановился только тогда, когда дошёл до ханского дворца. Здесь он получил строгое приказание Кауфмана прекратить бой, и вскоре до слуха его солдат донеслись величественные звуки русского гимна, с которым русские и вошли в покорившийся им город — в город, целые века бывший «сердцем песчаных пустынь».

Так, после пяти неудачных попыток завладеть ею, пала Хива. И пала она столько же перед великой мощью русского оружия, сколько и перед великим миролюбием всемогущих завоевателей.

XII
НА ЮМУДОВ

ала Хива. Под зеленью её садов сошлись наконец три отряда, одолевшие своим подвигом не только людей, но и саму природу: те непроходимые безводные пустыни, которые защищали Хиву много надёжнее, чем все первоклассные крепости. Новое прекрасное царство и новый народ присоединились к тем, которые уже признали своим повелителем русского белого царя...

Генерал Кауфман был «поражён и возмущён» устроенным Скобелевым штурмом Хазаватских ворот. Только заступничество генерала Верёвкина избавило молодого офицера от неприятностей со стороны всемогущего ярым-падишаха.

Тем не менее штурм, произведённый Ми-

хаилом Дмитриевичем, имел несомненное влияние на туркменов. Они увидели, что с ними русские и ласковы, и добры только тогда, когда они добровольно покоряются им. Малейшее же противление ведёт за собой немедленное возмездие. На такие, ещё не вступившие на путь цивилизации народы может действовать только сила, и Скобелев показал русскую силу в то время, когда его высший начальник показал покорным хивинцам русское милосердие.

Но как бы то ни было, а Хива всё-таки покорилась. Возвратился в свой дворец её прежний хан Сеид-Мухамед-Рахим, восстановился порядок, освобождены были рабы и пленные, и навсегда в хивинском ханстве уничтожено было рабство. Русских пленников в Хиве оказалось немного, зато персов было без числа. Участь этих последних казалась особенно плачевной. Хивинцы смотрели на них, как на животных, даже хуже, чем на животных. Вечно в цепях, на ночь приковываемые то к стене, то к особым врытым в землю столбам, эти несчастные влачили самое жалкое существование. Как они прославляли русских, когда

были освобождены! Большинство из этих освобождённых отправили обратно в Персию, и лишь немногие остались в Хиве, но уже как свободные люди...

Хивинцы легко примирились со своей участью. Они ожидали, что победители разгромят завоёванный город, истребят всех его жителей, и вдруг вместо ожидаемого погрома они встретили от русских только ласку, только добро. Ничего не брали у них русские насильно, за всё взятое сейчас же выплачивались деньги звонкой монетой; никаких обид не чинили, а в то же время все без исключения хивинцы знали, что в случае какой-либо обиды учреждённый ярым-падишахом суд «правдивый и милостивый» разберёт дело, покарает виновного, утешит обиженного.

Но степи и пески далеко не так отнеслись к русским, как хивинцы.

На западных окраинах хивинского оазиса, на оконечностях больших каналов, выходящих из Амударьи, кочевали туркменские племена, отличавшиеся дикими, хищническими наклонностями. За туркменскими землями начинались уже пустыни и пески, уйдя в ко-

торые туркмены чувствовали себя в полной безопасности от какого бы то ни было врага. Совсем недалеко от Хивы по Хазаватскому каналу жили, то есть кочевали, туркмены-юмуды племени Байрам-шалы, а к северу от Хивы у города Куня-Ургенч — туркмены-юмуды племени Карачах. Это были два сильнейших туркменских племени, державшие в страхе даже Хиву. Ближе к пескам стояли два больших туркменских города Кизил-такар и Ильяллы, из которых последний являлся как бы центром для всех туркменских племён и хивинского оазиса и песчаных пустынь.

Когда Хива была занята, юмуды выслали своих старшин с изъявлениями покорности, но вскоре вообразили, что русские недостаточно сильны для борьбы с ними. Когда вместе со всеми жителями они были обложены повинностями, то они же первые отказались нести их, отказались доставлять провиант и повели себя так, что генералу Кауфману пришлось отправить в туркменские области сильный отряд под командой генерала Головачёва с тем, чтобы занять Кизил-такар и Ильяллы и принудить туркмен к уплате по-

винностей и, кроме того, ещё пени за ослушание. Юмуды решились оказать русским сопротивление, и в Хиву пришло известие, что у города Кизил-такар собралось их до ста тысяч.

Генерал Головачёв со своим отрядом вошёл в туркменские области, а в то же время в Куня-Ургенч был послан Оренбургский отряд, которым командовал теперь полковник Саранчев.

Запылали становища юмудов, как только вступил на их землю русский отряд. Юмуды, хотя и не ожидали такого быстрого появления русских, но успели собрать свои пожитки и бросились бежать вглубь страны. Их по пятам преследовала русская конница. В особенности упорное преследование велось за туркменским становищем Бузгумен, где казаки почти что настигли беглецов. Напрасно туркмены пытались выстрелами остановить русских лихих наездников. Казаки, как безумные, мчались вперёд, врубаясь в толпы неприятеля, давя их копытами своих лошадей. Тогда всё туркменское скопище: мужчины, женщины, дети, на конях, на верблюдах,

пешие — в паническом ужасе устремились вперёд. Какое-то степное озеро преградило им дорогу. Обезумевшие от смертельного страха люди, ничего не разбирая, кинулись прямо в него. Когда к озеру подскакали казаки, глазам их представилась страшная картина. Глубокий и быстрый поток был буквально запружен гибнущими в нём людьми. Потонуло в нём около двух тысяч человек, но те, кто успел перебраться, сейчас же принимались из-за озера стрелять по русским.

Степь перед озером представляла зрелище тоже необычайное. Пущенных в атаку казаков было пять сотен, и они неслись по степи в две линии. Всюду слышались вопли и крики, раскаты залпов из ружей. Линии казаков скоро были прорваны брошенными на пути арбами со всяким домашним скарбом. Покинутые без пастухов стада овец и коз мешали движению. Везде были груды трупов, корчились раненые. Вот туркмен лежит на песке; голова у него пробита пулей. Немного дальше казак свалился с ужасной сабельной раной на лице. Там несколько женщин с тремя, четырьмя детьми сидят, жалобно плача, рыдая,

моля о пощаде. Ещё дальше целая куча арб и телег, ковров и одеял, перемешанных с мешками, наполненными зерном, огромными узлами и вьюками, кухонной посудой и всякой рухлядью...

В семь часов вечера кончено было преследование (дело это происходило 9 июля), и на другой день отряд пошёл далее по Хазаватскому каналу. 13 июля он остановился в Змукшире, туркменской крепости, откуда генерал Головачёв послал в Ильяллу юмудам сказать, чтобы они покорились и шли к нему с повинной.

Однако юмуды крепко надеялись на свою численность.

— Нас не одна тысяча, а сто! — ответили они русскому генералу. — Вы вторглись в нашу страну, и жестокое будет вам за это наказание.

После такого ответа Головачёв решился идти далее. 15 июля у становища Чандыр на русский отряд набросилось десятитысячное скопище местных. Нападение было отчаянное. Каждый всадник вёз на своём коне ещё одного товарища. Подскакав прямо к русско-

му отряду, последние спрыгивали с коня и, надвинув на глаза свои высокие шапки, с одной лишь шашкой в руках кидались в бой. Рукопашная схватка была так горяча, что даже офицерам приходилось отбиваться от нападавших холодным оружием. Убит был подполковник Есипов, лихой командир восьмой оренбургской сотни; ранен сабельным ударом сам начальник отряда Головачёв, и ещё получили ранения несколько офицеров. Трое солдат были убиты, тридцать два — ранены. Только пушки заставили рассеяться массу нападавших. От картечи юмуды бежали, оставив на поле битвы до восьмисот убитых...

Но и этот урок не подействовал. Юмуды не покорялись, и вплоть до Ильяллы головачёвскому отряду пришлось идти, отражая постоянные нападения, впрочем не столь упорные, как под Чандыром.

Перед Ильяллы отряд Головачёва соединился с Оренбургским отрядом, а вскоре после этого оба соединившиеся отряда повёл сам генерал Кауфман, приведший ещё десять рот с 8 орудиями.

Скобелев участвовал в этом походе на

юмудов, но не как начальник, а как рядовой офицер.

Скоро, однако, ему представился случай отличиться...

XIII
ЗА ПЕРВЫМ ГЕОРГИЕМ

Когда в лагере под Ильяллы собрались три русских отряда, юмуды поняли, наконец, что сопротивление невозможно... Старшины всех юмудских и вообще туркменских родов явились с просьбой о помиловании. Генерал Кауфман сделал для них всё, что было возможно; рассрочил уплату повинностей и пени, предоставил вносить их не только золотом и серебром, но погашать платежи, доставляя верблюдов, провиант и даже, но это уже после того, как он убедился, что дикари действуют искренно, уменьшил взыскиваемую с

них сумму в 310 тысяч рублей почти на две трети.

Юмуды успокоились, и нельзя было сомневаться более в их покорности. В туркменских степях отряду нечего было более делать, и генерал Кауфман повёл войска обратно к Хиве.

Когда подошли к Змукширу, по всему отряду прошёл слух, что подполковник Скобелев затевает совсем немыслимое дело...

Красноводский отряд полковника Маркозова, четвёртый из направленных под Хиву, не дошёл до неё и от колодцев Орта-кую должен был во избежание гибели вернуться обратно. Часть песков оставалась не исследованной, и вот это-то исследование и хотел предпринять Скобелев.

— Да ведь это же невозможно! — говорили в отрядах по поводу разведки. — Пески непроходимы. Какие колодцы, есть ли они там, на каком расстоянии друг от друга, это неизвестно... Там, может быть, такие безводные переходы, что с ума от муки сойдёшь...

— А Кауфман всё-таки разрешил Скобелеву эту рекогносцировку! — возражали более осведомлённые.

— Что он разрешил, ещё не значит, чтобы задача была исполнима... Помилуйте, целый отряд дойти не смог, а тут... Потом по пескам во всех направлениях бродят туркмены в особенности теперь, когда мы их распугали и согнали с насиженных мест. Долго ли до греха: попадёшься им в лапы — один конец — голова с плеч. Безумный риск!..

Вероятно, и сам Михаил Дмитриевич думал то же, но он всё-таки решился на опаснейшую во всех отношениях разведку...

Было шесть часов утра 4 августа 1873 года, когда из русского лагеря под Змукширом выехали шестеро туркмен... Весь лагерь сошёлся провожать их. Даже сам суровый Кауфман выехал со свитой и, пожав руку одному из «туркмен», отрывисто произнёс:

— Желаю возвращения, но на всякий случай — прощайте!..

Мнимый туркмен был — Михаил Дмитриевич Скобелев. Спутниками его были казак-уралец Андрей Лысманов и преданный слуга Михаила Дмитриевича Козловский, мещанин Николай Игнатьев, остальные трое — настоящие туркмены, проводники-джигиты

Назар, Нефес-Мерген и Дурды. Кони под ними были лихие, выносливые, настоящие туркменские степняки. Кроме верховых лошадей, взяли ещё четырёх вьючных, нёсших на себе провиант и бурдюки с водой.

Лысманов и Игнатьев ехали последними; проводники были впереди, Скобелев — между ними.

— Помоги, Господи, вернуться! — истово перекрестился Игнатьев, оборачиваясь, чтобы взглянуть на восходящее солнце.

— Никто, как Бог! — согласился с ним Лысманов. — Только и на командира надейся тоже. Он у нас лихой — с ним не пропадёшь.

— Одного только боюсь: встретятся нам джигиты, сразу в нём не своего признают! — признался Игнатьев. — Вишь он какой чистый да белый...

В Скобелеве, несмотря на пёстрый халат и высокую баранью шапку, действительно трудно было бы признать питомца безводных пустынь. Да и посадка его на коне была совсем не туркменская...

Лагерь тем временем скрылся уже из виду, во все стороны от путников расстилалась го-

лая равнина, твёрдая, глинистая, потрескавшаяся от палящего зноя. Ни малейшего признака жизни не замечалось в ней. Тоска охватывала человека при одном только взгляде на эту беспредельную даль, таившую в себе неведомые опасности. Спутники Скобелева смолкли; видно, и их сердца томила тоска, и их мучили думы о том, что ждёт впереди... Присмирели и привычные джигиты. Пустыня и их давила первозданной дикостью. Только Михаил Дмитриевич держался бодро. Лишь брови его хмуро сдвинулись да глаза как-то особенно пристально смотрели в расстилавшуюся перед ними безжизненную даль...

В тоскливом молчании ехали путники по пустыне почти шесть часов. Останавливались лишь изредка, чтобы подтянуть подпругу, поправить седло. Тогда лениво перебрасывались несколькими словами, потом снова вскакивали на коней и продолжали путь... К счастью смельчаков, они не повстречали ни одного человека. Даже признаков присутствия туркмен не было. Попадись же они на глаза диким сынам пустыни, не сдобровать бы им: гибель при такой встрече была неиз-

бежна...

К полудню добрались до колодцев Чатал. Перед истомлёнными путниками был маленький оазис. Около колодцев нашли кое-какую зелень, даже трава пробивалась здесь из-под песка. Вода оказалась сносной и даже вкусной; иными словами, Скобелев нашёл то, чего и не ожидал...

С наслаждением путники отдыхали в некотором отдалении от колодцев. Присутствие в изобилии воды делало землю несколько прохладной, и лежать можно было, не поворачиваясь то и дело с боку на бок. Лысманов и Игнатьев, позавтракав сухарями, даже вздремнули.

Вдруг один из проводников вскочил на ноги и из-под руки стал напряжённо вглядываться вдаль. Там видны были три движущиеся точки. К наблюдавшему за ними туркмену присоединились его товарищи и оживлённо заговорили на своём гортанном языке.

«Туркмены!» — с быстротой молнии промелькнула мысль у каждого из русских, и их руки невольно потянулись к револьверам.

— Спи, тюря, спи, урус! — сказал между

тем подбежавший к ним Назар. — Спи, мы обманем их... Ничего не бойся...

Точки между тем всё приближались и росли. Ясно уже были видны трое туркмен весьма свирепого вида, скакавших прямо к колодцам. Справиться с ними шестерым путникам, да ещё прекрасно вооружённым, конечно, было бы нетрудно. Но эти туркмены могли быть передовыми; где-нибудь поблизости могла двигаться большая их партия. На выстрелы, на шум борьбы, наконец, просто удивлённые исчезновением своих, могли прискакать к Чаталу остальные, и тогда смерть — и смерть мучительная — была бы неизбежна. Скобелев решил последовать совету Назара и, укутавшись с головой, прикинулся спящим. Его русские спутники сделали так же. Джигиты же, лихо вскочив на своих коней, помчались навстречу подъезжавшим дикарям.

Выглядывая из-под своих одежд, русские видели, что туркмены встретились как друзья. Разговор их сопровождался оживлённой жестикуляцией. Опять невольно вздрогнуло в груди троих русских сердце. Что если проводники окажутся предателями и выдадут их

своим землякам?.. Но этого не случилось. Джигиты оказались верными людьми. Разговаривая, они подвели своих степных знакомцев к самому дальнему из трёх колодцев, и те, напоив там лошадей, распрощались с встреченными проводниками русских и умчались куда-то в сторону.

Величайшая опасность миновала...

После джигит Назар, радуясь, как дитя, рассказывал Скобелеву и его спутникам, что он выдал себя за купца, нагоняющего со своими служителями вышедший уже в пески караван. Те оказались так простодушны, что вполне поверили этому объяснению и удалились, даже не поинтересовавшись троими мнимыми служителями джигита Назара...

Из-за этой встречи отдых у колодца длился несколько более, чем предполагал Скобелев. Во втором часу дня маленький отряд пустился дальше. Характер местности несколько изменился, и теперь перед путниками расстилалась ровная солончаковая степь, пересыпанная местами буграми и холмами мельчайшего песка. Воды здесь и признаков не было. Даже обычных ям, в кои набиралась во

время весенних и осенних дождей вода, не замечалось. Так и пришлось заночевать в этой пустыне под открытым небом. Спали, приткнувшись друг к другу, но спали недолго. Перед ночлегом ещё обнаружили следы большой туркменской партии, направлявшейся, как уверял один из проводников, на колодцы Орта-кую, то есть туда же, куда держал путь и Скобелев. Это грозило реальной опасностью, но вместе с тем являлось и своего рода удобством. Можно было идти по следу туркмен даже ночью, не рискуя, благодаря этому, заблудиться посреди пустыни.

Ещё только начал брезжить рассвет, а маленький отряд уже снова пустился в путь. Сильно томила путников жажда, но они не решились тронуть запасы воды и предпочли напиться у колодцев Кизил-Чакыр, до которых нужно было пройти около сорока вёрст. А путь становился всё более тяжёлым. Солончак давал себя знать. Слюна во рту приняла солоноватый вкус, губы пересохли, и жажда начинала с каждой минутой мучить всё сильнее. Зной томил нестерпимо, и только силой воли держались эти люди в сёдлах. Истомлён-

ные кони едва трусили по солончаку.

Наконец, по известным им одним приметам, проводники заключили, что Кизил-Чакыр близко. Объявляя об этом спутникам, они с тревогой поглядывали на следы туркмен. Эти следы были совсем свежие. Из немногих русских слов, которыми перекидывались туркмены с русскими, последние могли заключить, что проводники опасаются, как бы им не наткнуться у колодцев на передовую партию. Долго судили и рядили, как быть; наконец порешили на том, чтобы двое из проводников отправились к колодцам и осмотрели их прежде, чем идти всем. Так и сделали. Остававшиеся сошли с лошадей и образовали из себя группу, готовую в случае чего отразить всякое нападение. К счастью, ожидать пришлось недолго, проводники вернулись и сообщили, что у Кизил-Чакыр был на привале целый туркменский аул, уходивший от русских в пески после погромов, но туркмены уже снялись и ушли далее вглубь пустыни. Однако джигиты казались чем-то встревоженными и говорили между собой, всё время покачивая головами. Когда Лысманов попро-

бовал расспросить их, они объяснили ему, что скоро большой ветер будет. Лысманов сказал об этом Игнатьеву, тот в свою очередь поспешил сообщить эту новость Скобелеву. Михаил Дмитриевич только нахмурился, но энергично приказал идти как можно скорее к колодцам. Он не выразил ни смущения, ни боязни, хотя много лучше своих спутников понимал, что такое значит в пустыне «большой ветер». Действительно, едва только успели добраться до колодцев, как начал появляться лёгкий прохладный ветерок. Лысманов и Игнатьев весьма обрадовались ему. Они не замечали того, что при каждом новом порыве ветра степь начинала как-то странно шевелиться. Словно волнение проходило по песчаному морю.

— Ложись, тюря, ложись! — закричали русским проводники. — Беда идёт!

— Что там за беда! — беспечно пробовал возражать казак. — Беда бедой, а лошадей насытить нужно... Спасибо вашим: ишь сколько для нас всякой всячины оставили!

Туркменский аул, по-видимому, очень спешил уйти в пески. Возле колодцев в изобилии

оставался корм для лошадей, приготовленный туркменами, но не захваченный ими с собой.

— После, всё после! — настаивал джигит. — Туда посмотри!

Он указал вперёд.

Из дали, недавно ещё беспредельной и прозрачной, прямо на смельчаков двигалась стена. Словно из-под земли поднималась она и тянулась в вышину к небу. Казалось, кто-то невидимый вдруг опустил над землёй гигантский занавес, и этот занавес с ужасающей быстротой надвигался теперь на отважных путников.

— Господи, помилуй! Да что же это такое? — с испугом вскрикнул Игнатьев.

— Всем ложиться! Живо! — раздался окрик самого Михаила Дмитриевича. — Головы закутать. Ничком ложись!..

Ветер быстро крепчал. Шквалы становились всё чаще и сильнее, грозная стена подвигалась всё ближе. Перепуганные лошади дрожали и покорно ложились на песок. Двое из джигитов хлопотали около колодцев, стараясь прикрыть их тем, что попадалось под

руку. Наконец, люди и лошади сбились в одну кучу. Попоны, халаты, прихваченные в Змукшире ковры окутывали их. Ветер уже свистел, ревел, стонал, и вдруг песчаные облака совсем окутали собой путников...

Предсказанный туркменами «большой ветер» поднял в воздух целые тучи песка и песчаной пыли. Около четырёх часов ревела песчаная буря. Когда она стихла, маленький отряд оказался засыпан весь. Больше часа выкапывались из-под груд песка, а когда, наконец, выбрались, солнце в высоком небе горело по-прежнему, зной палил так же нещадно, пустыня была безмолвна, по жалкие кустики, росшие у колодцев, исчезли: над каждым из них выросли горы песка. Люди и животные, выдержавшие эту бурю, были измучены до крайности. Даже Михаил Дмитриевич и тот казался усталым и, похоже, едва держался на ногах. К счастью, благодаря принятым предосторожностям, колодцы не были засыпаны, и драгоценная влага сохранилась.

Несколько освежившись, напоив лошадей, маленький отряд опять пустился в путь. Характер пустыни изменился. То дорогу преры-

вали сыпучие пески, переходить через которые приходилось с величайшим трудом, ведя лошадей на поводу, то среди солончака вдруг вырастали холмы с крутыми подъёмами. Везде песок был рыхлый и глубокий, ноги и людей, и животных вязли в нём, и движение вперёд замедлялось. Но как бы то ни было, а в восьмом часу вечера перед путниками показались развалины когда-то большого туркменского города Шах-Сенем. Грустное впечатление производили эти руины! Видно было, что когда-то здесь было густое население. Арыки перерезали пустыню по всем направлениям. Как могильные памятники стояли стены зданий, сохранившие следы причудливой восточной архитектуры. За Шах-Сенемом и пустыня несколько оживлялась. Далее следовали пески, известные у туркмен под названием Янаджи. Эти пески не так безжизненны. Попадаются иногда рощи саксаула; песчаные холмы, тянущиеся цепью, также поросли этим степным растением, но воды — воды не было... Драгоценная влага протекала где-то глубоко, совсем глубоко под землёй, и хотя в песке было нарыто множество ям, но

на дне их не находили даже грязи — ямы оказались сухи, и проводники говорили, что вырыты они лишь в надежде на сбор дождевой воды.

У развалин Шах-Сенем долго не задерживались. Несмотря на наступление ночи, отряд всё-таки пошёл вперёд. Заночевали среди песков в безводной местности и выступили снова, лишь только забрезжил рассвет. Впереди находились колодцы Даудор, но Скобелев был предупреждён, что и там вряд ли можно найти воду. Так и оказалось. Воду-то в этих колодцах найти было можно, но пришлось бы врыться глубоко в песок, а это совсем было не по силам маленькой разведочной партии.

Запасы воды, взятые ещё из Кизил-Чакыра, где ради этого оставили несколько вьюков с сухарями, были уже тронуты. Драгоценной влаги оставалось всего-навсего три бурдюка. Перед Даудором лошади так обессилели, что их пришлось вести в поводу. Вся теперь надежда была на колодцы Орта-Кую, куда и стремился Скобелев. В Орта-Кую воды было много, но джигиты, посовещавшись между собой, объявили, что идти туда нельзя... По их

предположениям, у Орта-Кую должен был стать на отдых тот самый туркменский аул, по следам которого шла разведочная партия вплоть до Кизил-Чакыра. Скобелев пробовал было настаивать, и, повинуясь его приказанию, партия пошла на явную опасность. Однако ночь застала их на половине пути, и джигит Назар посоветовал Михаилу Дмитриевичу вместо Орта-Кую отклониться немного в сторону и идти на колодцы Нефес-Кули. Он уверял, что эти последние посещаются кочевниками только случайно, а от них до Орта-Кую всего два часа ходу на коне, и если «тюря захочет, он, джигит Назар, проводит его туда».

Доводы показались убедительными, и Скобелев на этот раз решил последовать совету проводника.

Седьмого августа в восемь часов утра по глубокому, низкому песку, то и дело перебираясь через настоящие песчаные горы, разведчики добрались до Нефес-Кули. Но что же? Все предположения Назара оказались ошибочными... У колодцев явно были видны следы пребывания целого аула. Незадолго до по-

явления путников здесь поились многочисленные стада. Брошены были даже вёдра с верёвками, и это ясно говорило о том, что останавливавшиеся здесь намерены скоро вернуться к колодцам...

В самом деле, не успели ещё путники напиться и напоить животных, вблизи колодцев показались два туркмена-пастуха... С замечательным хладнокровием поспешил к ним навстречу Назар и занял их разговорами. Он сумел устроить так, что пастухи, поговорив с ним, не пошли к колодцам, а вернулись обратно. Возвратившись, Назар объявил, что их отряду следует уходить как можно скорее. Всего в двух верстах от колодцев стоил туркменский аул в полтораста кибиток. Оказалось, что туркмены, как он и предполагал, прошли сначала к Орта-Кую, но там на них напали туркмены-текинцы, произошло сражение, и пришельцев прогнали от колодцев. Уходя, они зарыли их и только после этого перешли к Нефес-Кули.

Благоразумие подсказывало, что должно последовать совету Назара и уходить поскорее назад. Скобелев решил, что задача его вы-

полнена. Путь, остававшийся неисследованным, пройден и отмечен им на карте, а потому и в степи им более делать нечего.

Немного отдохнув, разведочная партия тронулась в обратный путь.

Назад пошли, дабы не привлекать к себе внимания туркмен, несколько окружным путём, но потом вышли на прежнюю дорогу к Кизил-Чакыру, с него на Змукшир, а оттуда разведочная партия пришла прямо в Хиву.

За семь дней подполковник Скобелев со спутниками, постоянно рискуя жизнью, прошёл более шестисот вёрст и с успехом выполнил принятую на себя задачу.

За эту рекогносцировку он удостоился чести получить орден Святого Георгия 4-й степени.

Генерал Кауфман, поздравляя Михаила Дмитриевича с получением награды, сказал:

— Вы исправили в моих глазах ваши прежние ошибки!

XIV
В НОВЫХ МЕСТАХ

Закончен был труднейший поход, прославивший и молодые туркестанские войска, и старых кавказских воинов.

Настали дни мира, но не по душе была эта пора Михаилу Дмитриевичу. В песках дикой Туркмении закалилась его душа. Шум битв стал для него необходим, и вот прямо из Хивы Скобелев, уже полковник и флигель-адъютант, перенёсся в Испанию, где шла междоусобная война из-за королевского престола. Считавший себя его законным наследником, дон-Карлос увлёк за собой часть горского населения, и началась война кровавая, упорная. Скобелев оказался среди карлистов. Он явился сюда не сражаться, а любоваться картиной войны. Часто во время кровопролитных сра-

жений он сидел на камне прямо под пулями и заносил в записную книжку свои заметки. Был случай, когда Скобелев смог остановить бежавших с поля боя трусов и повёл их назад в бой. В другой раз он спас пушку, лошади которой сорвались с кручи. Среди приверженцев дон Карлоса был даже распространён слух, что Скобелев прислан к ним на помощь... Кажется, по и заставило Михаила Дмитриевича покинуть Испанию.

Но вскоре по прибытию на родину для него опять нашлось дело по душе.

Подчинены были России Бухара и Хива, часть Кокандского ханства стала уже русским достоянием, но та часть кокандцев, которые сохранили свою самостоятельность, не хотела жить в мире с русскими, и в 1875 году начались частые и отчаянные нападения кокандских разбойников на принадлежавшие русским кишлаки, и, наконец, разбойники осмелели до того, что стали грабить даже русский почтовый тракт, сжигать русские заводы, а их фанатики-муллы принялись проповедовать священную войну с Россией.

Понадобилась сила оружия, чтобы укро-

тить кокандцев, и генерал Кауфман предпринял поход против неспокойных соседей.

Скобелев, как только прошли слухи об этом походе, выхлопотал себе командировку в Среднюю Азию и явился к Кауфману.

Туркестанский герой встретил его приветливо и даже назначил его потом начальником кавалерии своего кокандского отряда.

Кокандское ханство, население которого составляли главным образом кипчаки и кара-киргизы, занимало плодородные земли в верхнем течении многоводной реки Сырдарьи. Правил ханством ненавистный населению из-за своей жестокости Худояр-хан, наружно покорный русским, но в то же время тайно поддерживавший одного из народных вождей Абдурахмана-автобачи, ярого противника России.

Пока русские войска готовились к выходу из Ташкента, кокандцы осмелели так, что пробовали осаждать занятый русскими Ходжент, где командовал войсками барон Нольде.

Сборы несколько затянулись, и Кауфман приказал Скобелеву осмотреть северо-восточ-

ную границу туркестанских владений, проходившую по Курамскому уезду. Оттуда не приходило никаких известий, и требовалось выяснить, в каком положении находятся тамошние жители, спокойны ли они или тоже готовы примкнуть к кокандцам. Скобелев с двумя сотнями казаков произвёл необходимые разведки. Ему приходилось идти по труднейшим горным дорогам, спускаться в долины, переправляться через горные реки, но край был пройден, и, возвратясь в Ташкент, он мог сообщить генералу Кауфману, что жители спокойны и даже были рады, когда среди них появились русские.

Поход начался во второй половине августа 1875 года, и Скобелев с казаками шёл впереди. На первых же порах он согнал с пути несколько неприятельских скопищ. Ходжент был освобождён, и 20 августа русские уже вступили в Кокандское ханство. Конные толпы кипчаков и кара-киргизов пробовали остановить движение русских отрядов, но впереди с казаками шёл Михаил Дмитриевич и каждый раз предупреждал их массовые удары, то кидаясь на неприятеля сам, то громя

его из конных орудий.

Кокандцы медленно отходили к Сырдарье, на левом берегу которой стояла их крепость Махрам. Сильно надеялись на эту свою твердыню кокандцы. Махрам, обнесённый высокой глиняной стеной, стоял на береговом холме, опоясанном глубоким рвом. Этот ров в свою очередь обведён был земляным валом, из-за которого глядели на подступавших жерла двадцати четырёх орудий. Перед валом расстилалось болото, топкое и вязкое. Генерал Кауфман, осмотрев крепость, нашёл, что штурм её с фронта стоил бы слишком больших потерь. Он отправил Скобелева, чтобы обойти Махрам с фланга, а свою пехоту пустил с тыла. В то же самое время русские пушки принялись громить крепость... Защитники Махрама увлеклись артиллерийским боем, а тут незаметно подошедшие пехотинцы с громовым «ура!» ворвались на вал и начали штыками выбивать его защитников. Прошло ещё немного времени, и «ура!» разлилось уже в самой крепости. Охваченные паническим ужасом, кипчаки кинулись огромной толпой в бегство, но едва выбрались они из крепости,

как на них обрушился со своими казаками Скобелев. Казаки врубились в самую гущу неприятеля. Сверкали шашки, изредка раздавались выстрелы; русские и кокандцы перемешались. Под Скобелевым была убита лошадь, самого его какой-то кипчак полоснул саблей по колену. Рядом со Скобелевым был убит наповал хорунжий уральского полка Хорошкин. Казаки разгорячились так, что не отставали от бежавших, пока в нескольких верстах не наткнулись на огромное скопище неприятеля, спешившее на выручку Махраму. Они были бы раздавлены этой массой, но Скобелев, мгновенно сообразивший все обстоятельства, приказал следовавшей за его казаками ракетной батарее отпугнуть неприятельские толпы ракетами и благодаря этому отошёл к главным силам без потерь.

В сражении под Махрамом Михаил Дмитриевич заслужил, и навсегда уже, уважение Кауфмана. Туркестанский герой снял со своей груди Георгиевский крест и сам прицепил его к мундиру храбреца...

С тех пор и до конца своей жизни Кауфман оставался другом Скобелева.

Поражение под Махрамом нанесло сильнейший удар кокандцам, но не усмирило их. Однако они на первых порах рассеялись, и генерал Кауфман без боя занял сперва столицу ханства Коканд, а через несколько дней и другой важный город — Маргелан. Но Абдурахман-автобачи продолжал оказывать русским упорнейшее сопротивление, и Кауфман сформировал «летучий отряд» для уничтожения бродивших по всему краю шаек. Командование этим отрядом он поручил Скобелеву. Главным средством борьбы тут была скорость передвижения, и Скобелев быстро нашёл способ как двигаться вместе с пехотой так, чтобы и пехотинцы не отставали от кавалеристов. Способ был придуман простой, не требовавший затрат и в то же время представлявший множество удобств. Скобелев взял да и посадил пехотинцев на арбы. Так и гонялся он с ними за кокандцами, в лихих схватках рассеивая шайки Абдурахмана. Особенно жаркая схватка случилась у урочища Минг-Тюбе. «Халатников» — так прозвали русские кокандцев — было много, но скобелевцам удалось не только разогнать их, но и захватить всё их

оружие. Так «летучий отряд» дошёл до города Ош и уже оттуда вернулся в Маргелан. Ханство казалось успокоенным, и по мнению генерала Кауфмана русским уже нечего было делать в нём. 22 сентября заключили мир, по которому к русским отошли все земли по правому берегу Сырдарьи. Из этих новоприобретённых земель образован был Наманганский отдел, и начальником его назначили Михаила Дмитриевича.

Сей поход имел для Скобелева большее значение, чем он и сам придавал ему.

Во время его Михаил Дмитриевич близко сошёлся с одним из его участников молодым капитаном генерального штаба Алексеем Николаевичем Куропаткиным, ставшим вскоре его сподвижником и другом.

Кауфман, понявший, что Скобелев далеко недюжинная натура, недаром оставил его в Намангане. Худояр-хан был отправлен в Россию и поселён в Оренбурге, а кокандским ханом стал преданный русскому государю Наср-Эддин-хан.

Но жив ещё был Абдурахман-автобачи, и как только туркестанские войска ушли из

пределов Коканда, он снова поднял восстание, свергнул Наср-Эддина и провозгласил ханом своего друга Фулат-бека. Снова заволновался весь край. В Андижан со всех сторон ханства стали собираться толпы конных и пеших кипчаков и кара-киргизов. Появилось у них и оружие, нашлись и пушки. Волей-неволей опять пришлось посылать в Коканд отряд. Кауфман поручил его своему сподвижнику генералу Троцкому, а начальником его штаба назначил Скобелева.

Теперь уже Михаила Дмитриевича не старались отстранять от важных поручений. Его талант оценили по достоинству. Его личная храбрость признавалась всеми: и офицерами, и солдатами. Последних Михаил Дмитриевич успел так привязать к себе, что не было в войсках солдата, который не был бы готов пойти за «своим Скобелевым» в огонь и в воду. Всё нравилось простодушным людям в этом человеке. Нравилась его неизменная щеголеватость — никто не видел никогда Скобелева неряшливо одетым; его обращение подсказывало солдатам, что этот офицер любит их сердечно, готов сделать всё, что только возмож-

но, для облегчения тяжёлой службы. Его отвага действовала заражающе. Солдаты, видя всегда впереди своего командира, весёлого, улыбающегося, приобадривались сами, веселели и шли в бой, не страшась близости смертельной опасности.

В полки приходили молодые солдаты, и старики первым долгом считали рассказать им о Скобелеве, наэлектризовывали их. И молодёжь, впервые встречаясь с Михаилом Дмитриевичем, уже ощущала в сердцах невольный восторг перед ним. Отпускные, расходясь по домам, заносили вести о Скобелеве в самые глухие уголки России. Создавалась сама собой такая популярность, какой, пожалуй, не пользовался даже знаменитый стратег Суворов, оценённый по достоинству только значительно спустя после смерти. А Михаил Дмитриевич в ту пору вряд ли и знал об этой своей внезапно зародившейся и поразительно быстро возросшей всероссийской известности. Пока он был полностью увлечён боевой жизнью и думал лишь о победах, пожалуй, и не стараясь заглядывать в будущее...

Целью похода Троцкого был Андижан. От-

ряд шёл быстро; числа 30 сентября уже подходили к гнезду непримиримых бунтовщиков. Троцкий послал Скобелева произвести разведку. С полутора сотнями казаков Скобелев подошёл к самому Андижану. Кипчаки встретили казаков градом пуль. Тогда Михаил Дмитриевич рассыпал свой отряд и приказал начать перестрелку. Пока же обе стороны обменивались, как казалось, бесполезными, не причинявшими ни тем, ни другим вреда выстрелами, топографы произвели съёмку местности, а сам Скобелев наметил удобные позиции для батарей. Исполнено было самое главное. При отступлении рекогносцировочному отряду пришлось тяжело. Неприятель в огромном количестве вышел из своих укреплений и с ожесточением наседал на маленький отряд. Отходить пришлось, сдерживая андижанцев ружейным огнём, и шли так медленно, что за два часа прошли всего полверсты. Выручил скобелевский отряд полковник Борх, прискакавший из авангарда на выстрелы.

Съёмка местности скоро пригодилась. 1 октября с намеченных Скобелевым позиций за-

грохотали русские пушки. Дождь гранат полился на андижанцев, рассыпались глиняные стены их укреплений, и через бреши с могучим русским «ура!» ворвались в узкие улицы Андижана русские. Улицы преграждены были завалами. С домовых кровель, с деревьев из садов градом сыпались на штурмующих пули. Солдат вёл Скобелев, и они, забывая чувство самосохранения, шли вперёд, разделяясь на небольшие колонны и очищая занятые неприятелем улицы. В течение нескольких часов Андижан был превращён в груду развалин, над которыми поднялось яркое зарево. Более здесь делать было нечего. В тот же день отряд пошёл обратно. Освирепевшие кокандцы шли за русскими по пятам, и Троцкий назначил Скобелева командиром арьергарда, непрерывно подвергавшегося нападениям неприятеля. Скобелев отбрасывал кокандцев, то и дело кидаясь на них в атаку, а однажды у кишлака Муласы он бился в строю с солдатским ружьём в руках. Кокандцы всё не унимались. Нужно было преподать им такой урок, который надолго охладил бы их пыл. Ночью — это было 5 октября — Скобелев

с двумя сотнями оренбуржцев и сибирцев подкрался к становищу главного неприятельского скопища. Решено было застать коканд-цев врасплох. Позади, но достаточно далеко шла пехота под командой Меллер-Закомельского. Скобелев не стал её дожидаться и употребил здесь приём, некогда блистательно удавшийся израильскому вождю Гедеону. Безмолвно подкрались в ночной темноте казачьи сотни и, когда уже оставалось до становища всего несколько десятков саженей, ринулись на безмятежно спавших врагов с одним только громовым, непрерывным криком: «ура!», «ура!»... Можно представить себе этот клич, вырвавшийся разом из двухсот глоток. Прежде всего он привёл в трепет табуны, пасшиеся возле становища, и обезумевшие от внезапного страха кони всей массой понеслись прямо на своих спавших хозяев. Тут и скобелевцы врубились в живую обезумевшую массу, неистово крича, стреляя из ружей и рубя не пришедших в себя врагов по головам и плечам. Жестокая сеча продолжалась до рассвета. Утром на месте её найдено было 2500 чалм — головных уборов, оставленных

разгромленным неприятелем.

После этого удачного дела отряд дошёл до Намангана совершенно спокойно. Кроме птиц и зверей, никого вокруг не было видно.

Волнение в Коканде, однако, не прекратилось. Явился новый вождь Батырь-тюря, и снова восстали жители, подстрекаемые против русских Наср-Эддин-ханом. Кокандцы воспользовались тем, что Скобелев ушёл к кишлаку Тюря-курган, где надеялся захватить нового вождя кокандцев, и овладели Наманганом. Узнав об этом, Михаил Дмитриевич вернулся, выгнал кокандцев из этой своей резиденции и, несмотря на зиму, повёл свои войска для наказания беспокойных кипчаков.

XV
НА РАВНИНАХ И В ГОРАХ

Теперь Михаил Дмитриевич действовал в Наманганском отделе вполне самостоятельно.

Он был произведён уже в генерал-майоры и зачислен в свиту Его Императорского Величества, между тем в описываемое время Скобелеву шёл только тридцать второй год.

Молод был Михаил Дмитриевич и для генеральского чина, и для двух беленьких крестиков, украшавших его грудь. Но уже эта его молодость являлась лучшей свидетельницей того, что отличия достались ему не даром, а были заслужены тяжкими трудами, подвигами и необоримым стремлением совершенствовать себя на избранном и любимом поприще.

Труды же теперь выпадали на долю Скобе-

лева немалые. Он являлся хозяином присоединённых областей с населением далеко не мирным, враждебно относившимся к русским, готовым постоянно к восстанию, что и доказала попытка кокандцев овладеть Наманганом.

Такой дерзости никак нельзя было оставить без немедленного возмездия. Полудикари-кокандцы, уважавшие только силу, приняли бы пощаду как доказательство бессилия русских, а это повело бы только к поголовному возмущению, и не только в Кокандском ханстве, но и в Хиве, и в Бухаре, и в песках туркменских пустынь. На спокойствие нельзя было рассчитывать. Абдурахман-автобачи, Батырь-тюря, Фулат-бек да и сам Наср-Эддин-хан мутили население.

Скобелев решил действовать сам, а не дожидаться, пока ударят на него.

Освободив Наманган, он последовал за отошедшими кокандскими скопищами и нагнал их у городка Балыкчи на левом берегу Сырдарьи. Кипчаки не ожидали такого быстрого появления русских. Они готовились к новому вторжению в пределы перешедшей к России

области. В Балыкчи заготовлен был в огромном количестве провиант. Скобелев обрушился на них, как снег на голову. Неожиданность нападения, как и всегда, дала нападавшим значительное преимущество. Кипчаки оказались разбиты и рассеяны. Они разбежались, но лишь затем, чтобы снова собраться и снова начать приготовления к борьбе с русскими. А между тем стояла уже зима. Снег покрывал и равнины, и горы. Чуткие к холоду южане ни за что не решились бы идти на русских в зимнее время, но весной можно было ожидать ожесточённой борьбы. Северянам же, русским солдатам и офицерам Скобелева, снег, морозы, лёд были нипочём...

Скобелев понял, какое серьёзное преимущество на стороне русских, и естественно воспользовался им.

Испросив разрешение у начальника края Кауфмана, Михаил Дмитриевич сформировал сильный отряд и пошёл с ним за Сырдарью. Этого кокандцы никак не ожидали. В зиме они видели лютого врага. Русские же — верного союзника. Редко где пробовали кокандцы оказывать сопротивление отряду. Они

разбегались при приближении Скобелева. Скрепя сердце, русские разоряли жалкие селения беглецов, чтобы не было им куда возвратиться после ухода войск. Это была печальная необходимость, но ничего иного нельзя было придумать. Враг всё ещё оставался неукротимым. Разбитые и разогнанные в одном месте, кокандцы собирались в другом. Абдурахман-автобачи и Батырь-тюря действовали с несокрушимой энергией. Они успели собрать у Андижана свыше 20 тысяч кипчаков, укрепили город и приготовились к отчаянному сопротивлению. Скобелев со своим отрядом, доходившим численностью до 2800 человек, явился к Андижану. Дважды он предлагал кипчакам сдаться, обещал помилование и забвение прошлого. Упорные полудикари отвечали на предложения насмешками. Тогда заговорили русские пушки. Чугунный град посыпался на несчастный город. Рухнули непрочные глиняные стены, запылали высохшие под палящим солнцем жилища и вместе с тем на город двинулась стройными, грозными колоннами русская пехота, а позади её во всех направлениях вытянулись казачьи сот-

ни, приготовившиеся к преследованию неприятеля... Недолог был бой. Победный клич русских загремел в городе. Андижан был взят, однако эта победа ещё не довершила собой дела. Скопище кокандцев рассеялось, вожди же всё-таки успели бежать, и, несмотря на понесённое поражение, собрались они в нескольких переходах от Андижана около городка Ассаке. Скобелев Андижан бросил. Он посадил пехоту на арбы и понёсся со всем отрядом к новому убежищу неприятеля. Переходы были пройдены с такой быстротой, что кипчаков застали здесь врасплох. Они стояли на высотах, и в руках другого воинства позиция их была бы очень сильной. Но Скобелев знал, с кем имеет дело. Прямо с марша он повёл своих солдат в бой. Кипчаки сопротивлялись с мужеством погибающих, но все их усилия были напрасны. Русские обошли их и с флангов, и с тыла. Гибель всего скопища была неизбежна, это поняли и оба вождя Абдурахман и Батырь-тюря. Они преклонились перед неизбежным и сдались с остатками своих полчищ на милость победителя...

Талант полководца сломил силу... Абдурахмана отправили в Екатеринославль. Спустя месяц после победы при Ассаке Коканд был занят войсками Скобелева вторично. В промежуток полковник Меллер-Закомельский и начальник его штаба капитан Куропаткин, посланные Скобелевым против последнего вождя кокандцев Фулат-бека, дважды разгромили кипчаков и его самого захватили в плен. 19 февраля 1876 года Кокандское ханство было навсегда присоединено к России и преобразовано в Ферганскую область.

Высочайшей волей победитель кокандцев Михаил Дмитриевич Скобелев был назначен первым генерал-губернатором этих новых русских владений в глубине Средней Азии.

На первых же порах своей новой деятельности Скобелев проявил выдающиеся административные способности. Доселе он с полудикарями-кокандцами действовал оружием, громил их полчища, сжигал их кишлаки, разрушал их города, теперь он принялся действовать добром и лаской. Скобелев был доступен для всех, кто бы ни приходил к нему. Обиженные находили в нём защитника, обидчики —

строго, но не лицеприятного судью. Он старался продемонстрировать, что на суде и туземец, кипчак или киргиз, и свой, русский, одинаковы. В то же время Скобелев не действовал в разрез с установившимися обычаями. Он пользовался каждым случаем показать, что русские уважают старину побеждённых и пришли в их страну не за тем, чтобы переделать всё на (вой лад, а с тем, чтобы дать возможность каждому спокойно заниматься мирным трудом. Поступая так, Скобелев быстро вселил и укрепил в населении новых русских областей убеждение, что с русскими лучше жить в мире, чем во вражде, и недавно буйное и мятежное население успокоилось, совершенно примирившись с потерей независимости.

Так было на всём севере Ферганы.

Юг Ферганской области обрамляли высокие Алайские горы, прорезанные глубокими долинами. За Алаем высился Памир — «крыша мира», как называют эти горы на далёком азиатском Востоке. Алай — два хребта, большой и малый, принадлежат к Фергане, а за Памиром раскинулся Афганистан, независи-

мое ханство. Часть же Памира принадлежала и Китаю под общим наименованием Кашгара, с главным городом того же имени но реке Кизыл-Су. В долинах Алая жили кара-киргизы, которыми управляли дахты, до прихода русских зависевшие от кокандского хана. Когда Скобелев завоевал Коканд, алайскими кара-киргизами правила в качестве дахты женщина Курбан-джан, вдова прославленного алайского правителя Алим-бека. Курбан-джан, женщина умная, пользовалась огромным влиянием на всех своих подвластных кара-киргизов. Слава её гремела по всему Кокандскому ханству. Из отдалённейших кочевий приезжали к ней на поклон киргизы. Даже своевольные ханы Коканда и те заискивали перед ней, ибо каракиргизы по справедливости считались храбрейшими из всех населявших Фергану племён. Пятеро сыновей дахты помогали ей править кара-киргизами, и вот Курбан-джан, понадеявшись, вероятно, на недоступность Алая, отказалась от покорности русским, и по её приказаниям шайки кара-киргизов вторглись в мирные кишлаки кипчаков.

Летом из Ферганы в Кашгар отправилась экспедиция с научной целью. Начальником этой экспедиции был любимейший из друзей Михаила Дмитриевича капитан А. Н. Куропаткин. Он должен был исследовать Кашгар, произвести некоторые изыскания и никаких военных целей не преследовал. Алайские киргизы напали на экспедицию. Составлявшие конвой Куропаткина казаки отбили нападение горцев-дикарей, но Скобелев так и запылал гневом, когда узнал об этом дерзком нападении на русского офицера. Над головой Курбан-джан, её семейства и всех её подвластных собиралась гроза. Скобелев никогда не прощал туземцам таких дерзких выходок. Он сам повёл войска в горы на «алайскую царицу».

Но и Курбан-джан не пожелала покориться. Она собрала все горные аулы и отправила навстречу русским многочисленное скопище горцев под начальством старшего из своих сыновей Абдулла-бека, когда скобелевский отряд уже вошёл в горы.

Труден был путь. Алай совсем не был обследован; проходы — почти неизвестны; за

каждым утёсом, за каждой рощицей можно было ожидать засады. Но скобелевцы карабкались на недоступные с первого взгляда высоты[1], скользили с них, дрались чуть не на каждом шагу с горцами и всё-таки неуклонно продвигались вперёд. Целью их был большой горный аул Гульчи, где жила с семьёй неукротимая дахта. Гульчи был уже близок, когда в местности, носившей название Ягни-арык, Абдулла-бек преградил русским дорогу. Даже сам Михаил Дмитриевич признал позицию противника неприступной, но это еще не значило, чтобы он не попытался её взять... Во все стороны в горы он разослал обходные отряды. Пока каракиргизов развлекали демонстрациями, то есть только делали вид, что нападают на них, посланные отряды обошли Ягни-арык со всех сторон. Русские появились не только в тылу киргизов и на флангах, но даже забрались на высоты, поднимавшиеся над теми, на которых засели враги.

Абдулла-бек понял, что сопротивление немыслимо, и, проведя своих воинов горными тропинками, ушёл сперва к Памиру, а потом в Афганистан. Гульчи остался беззащит-

ным. Курбан-джан поспешила бежать вслед за сыном, которого уже преследовал почти по пятам посланный Скобелевым «летучий отряд» под начальством князя Витгенштейна. Случилось так, что Курбан-джан, которую сопровождали её младший сын Канчи-бек и внук Мирза-Пояса, попалась в руки китайским разбойникам, и только казачий разъезд Витгенштейна, подоспев вовремя, отбил у них «алайскую царицу». Скобелев в это время был в Гульчи и, узнав, что Курбан-джан уже в руках казаков, поспешил к ней навстречу, оказал ей всякий почёт, обласкал её и убедил, что борьба с русскими невозможна. Умная дахта поняла, что вождь русских прав, и воротила покорность Белому царю. Скобелев оставил её правительницей алайцев и даже собственноручно надел на неё почётный парчовый халат. С тех пор Курбан-джан всегда сохраняла верность России[2].

Почти всё лето провёл Михаил Дмитриевич на кашгарской границе, а когда вернулся из похода — пришли уже вести, что поднимается Русь на защиту балканских славян и что война с турками неизбежна...

XVI
ВОЙНА

Словно невидимое, но всё сжигающее пламя охватило весь без исключения русский народ в приснопамятные дни 1877 года... Казалось, что все русские люди только и жили, что одной мыслью о войне за «братьев-славян».

Больше года прислушивалась Русь к воплям, доносившимся к ней из-за балканских круч и с берегов Дуная и орлиных гнёзд Черной горы. Вопли доносились жалобные, душу надрывающие, в ушах постоянно звенящие. И заколыхалась Русь, и поднялась она на защиту единокровных братьев, повинных лишь в том, что они были единоверны могучей России. На поля Сербии, без зова, повинуясь лишь голосу своего сердца, полетел один из

славных русских орлов — генерал Михаил Григорьевич Черняев. За ним потянулись русские удальцы, и на равнинах Тимока, Дуная закипел неравный бой — бой единиц русских воинов-добровольцев и непривычных к военному делу сербов против многих тысяч турецких солдат, превосходных бойцов, снабжённых лучшим оружием, бесчисленным количеством боевых запасов, превосходнейшими пушками и руководимых опытными вождями. Страшная гроза собралась над несчастной Сербией, гибель княжества казалась неизбежной...

В отдалённейшие уголки России приходили вести из Сербии, и часто слышались в разговоре по поводу их такие слова:

— Черняев-то, Черняев!.. Что и говорить: он Ташкент взял! А если бы ещё нашего Скобелева туда, то ли бы было!..

Где-то далеко-далеко у самой таинственной Индии, на вершинах Памирских гор был этот человек, а о нём говорили и на севере России, и на юге, говорили везде, где были любящие свою родину русские люди. Имя Скобелева знали даже дети. Большинство из

них вообще не знало в точности, чего такого совершил Скобелев, кого он победил, какие далёкие царства покорил он, не знали даже его имени «и отчества, но о том, что существует такой Скобелев, который покоряет царства одно за другим, который одерживает в каждой битве победы, это и в то время знали уже во всей России. Около имени Скобелева сама собой создавалась легенда. В молодых войсках солдаты мечтали попасть под начальство Скобелева, создалась слава, но как всё это случилось, какими путями пронёсся из края в край России слух о Скобелеве?

Объяснить всё можно только тем, что разнесли славу отпускные солдаты и офицеры, побывавшие в туркестанских войсках. Ведь тогда только-только вводилась всеобщая воинская повинность; сократился срок службы для новобранцев, и возвращавшихся из-под знамён было многое множество. В Туркестане же, как незадолго перед тем на Кавказе, кипела непрерывная война. Войск туда нужно было много, возвращались отпускные, раненые, больные, признанные негодными к военной службе, и каждый, кто ни приходил домой из

Средней Азии, непременно говорил о Скобелеве как о чудо-герое, как о таком отце-командире, какого ещё не бывало, и множилась молва о новом богатыре земли Русской; народ, возрождённый царём-освободителем к новой жизни великим манифестом 19 февраля 1861 года, обрёл себе «своего» героя, и Скобелев стал «нашим» для каждого русского человека, чувствующего простой душой, а не раскидывающего затейливо умом.

Те же, кто умом раскидывал, о Скобелеве были совсем иного мнения.

— Что такого Скобелев сделал! — говорили такие. — «Халатников»-то побеждать не трудно. Вот бы он с турками попробовал, так вся бы его слава, как дым, рассеялась...

Таких, впрочем, было меньшинство...

Михаил Дмитриевич в это время ждал, что и его позовут на войну... Он чувствовал, что может побеждать и не одних «халатников». Уверены в этом были и все, кто окружал его, кто знал его по Туркестану. Но шли дни за днями, Скобелева не звали...

А в несчастной Сербии военная гроза уже бушевала с яростной силой. Сербская тимок-

ско-моравская армия, которой командовал русский генерал Черняев, была разгромлена под Алексинацем, и турецкий главнокомандующий Абдул-Керим-паша вёл свои армии на беззащитный Белград, столицу Сербии...

Вёл и вдруг остановился...

Когда сербами была уже потеряна всякая надежда на спасение, когда казалось, что турки сотрут с лица земли несчастное славянское племя, из России раздалось слово, и турки остановились...

Сербия была спасена, но вскоре после этого война для России стала неизбежной.

Желанная война!.. Русский крестовый поход на вековечного врага и славянства, и православия.

Быстро, один за другим стягивались полки в Бессарабии к границе Румынии, с которой заключён был союз. Русь ликовала. Отцы, как на весёлый пир, отправляли на войну своих сыновей, благословляли дочерей идти на подвиг сестёр милосердия у постелей раненых. Подростки бросали школы и шли в полки вольноопределяющимися. Сам Государь Император Александр Николаевич отбыл из Пе-

тербурга в Кишинёв, чтобы там объявить эту желанную вону, и вот на одной из железнодорожных станций Его Величеству был представлен седой как лунь фельдфебель, ветеран Отечественной войны, украшенный многочисленными медалями.

Государь милостиво изволил обратить на него внимание и, желая как-нибудь наградить честного старого служаку, спросил его, чего он хочет.

— Прошу принять меня снова на службу Вашего Императорского Величества. Хочу положить свой живот за Царя и Отечество! — отвечал старик, сам еле удерживаясь на ногах от тяжести преклонных лет.

Государя сильно тронул этот неподдельный патриотизм старика.

— Хорошо, куда же ты хочешь поступить? — спросил Государь.

— В отряд генерала Скобелева, Ваше Императорское Величество! — отвечал старик.

Как отнёсся к этому желанию Государь — неизвестно, но приведённый нами диалог со всей очевидностью свидетельствует о громадной популярности Михаила Дмитриевича и в

то время, когда за ним не было ничего, кроме побед над «халатниками».

Сидя в глуши Ферганы, напрасно ждал Скобелев зова. Он не дождался его и, наконец, не вытерпев, отказался от военного губернаторства и, бросив всё, помчался на Дунай...

Другой туркестанский орёл — Черняев — был в это время в Малой Азии, где Кавказский отдельный корпус стоял наготове по первому приказанию войти в пределы Турции. Черняеву не нашлось отдельной части в командование, и обидевшийся герой Ташкента совсем покинул армию.

Не так поступил Михаил Дмитриевич...

Он оставил почётное, влиятельное и видное положение военного губернатора огромной области, но и для него не нашлось ничего, никакого определённого места в назначенной к борьбе с турками Дунайской армии.

Может быть, Михаил Дмитриевич тоже был обижен, но ничем не выказал своей обиды, не ушёл, как Черняев, а всё-таки вступил в армию добровольцем.

Его отец, которого он догнал чином, был командиром Кавказской казачьей бригады, и

молодой Скобелев занял должность начальника штаба этой бригады.

И это после того, как он уже побыл почти полновластным распорядителем судеб целой страны, недавно ещё упорно боровшейся за свою самостоятельность с русским колоссом!..

Ради любимого дела, к которому звала Михаила Дмитриевича душа, он совершил труднейший подвиг: поборол свою гордость, своё самолюбие. Но главное было совершено: он становился участником великой эпопеи последней четверти девятнадцатого столетия.

Отец приютил сына...

Ведь родители, даже самые суровые и строгие, не имеют предубеждения против своих детей. А среди чужих это предубеждение существовало. В России, на Дунае оно было даже сильнее, чем то, которое чувствовали к Скобелеву его боевые товарищи перед Хивинским походом. Там он победил и предубеждение, и неприязнь, но здесь, на Дунае, никто не видел Скобелева во всём сиянии воинского подвига. Ироническое прозвище «победитель «халатников» преследовало молодого генерала, и ему предстояло теперь победить непри-

язнь, как победил он её среди суровых туркестанцев, воочию доказав им и походом по мёртвой пустыне Усть-Юрт, и штурмом Хивы, и в битвах под Кара-Чукуль, Махрамом, Минг-гюбе, Андижаном в первый раз, Тюря-Курганом, Наманганом, Таш-бала, Балыкчи, Уиджи-бай, Гурь-Тюбе, вторично под Андижаном, затем Ассаке, Кокандом и своей Алайской экспедицией и исследованиями Кашгарской границы, что Туркестан был для него боевой школой, в которой развился и окреп его военный гений.

XVII
НА ДУНАЕ

Поднявшаяся на защиту славянства Русь 12 апреля 1877 года, после того, как раздалось на кишинёвском смотру Царское слово, тронулась на границу и вошла в пределы Румын-

ского княжества. Полетели вперёд лихие казачьи отряды, и вскоре уже в рядах русских солдат зазвучала песня, как нельзя более характеризовавшая быстроту первых русских переходов на берег великой славянской реки — Дуная.

Авангарды наши прут
Через речку через Прут
Прямо на Барбаш!
Басурман спешит на Серет
И глазам своим не верит —
Струков обогнал!

Полковник Струков командовал казачьим отрядом, нанявшим на глазах турок Рени, Галац, Браилов — румынские городки в нижнем течении Дуная.

Турки сопротивлялись вяло, русские войска быстро позанимали все выгодные позиции на левом берегу Дуная. В маленький румынский городок Журжу пришла Кавказская казачья бригада, назначенная для охраны береговой линии.

Командир этой бригады и начальник её

штаба — оба генерал-майоры — невольно привлекали к себе внимание всякого, кто побывал в это время в Журже.

Оба они походили один на другого. Старик по внешности напоминал собой и своей приземистой фигурой с добродушным красным лицом, крашенным длинной русой седеющей бородою, бурмистра так называемого доброго старого времени. Он был невысок ростом, кряжист, широкоплеч. Черты лица его отличались крупностью. Голубоватые глаза смотрели добродушно, но порой и не без хитринки. Речь была грубовата, изобиловала простонародными выражениями. В одежде замечалась некоторая неряшливость.

Молодой генерал ростом был значительно выше старика, строен, изящен, но тип оставался всё тот же: то же чисто русское простое лицо с добрым взглядом голубых глаз, золотистая борода, — непринятые тогда в войсках баки и борода, — была расчёсана на две стороны. Все движения его — порывисты. Речь лилась столь быстро, что трудно было уследить за мыслями говорившего. Начальнического в обращении с подчинёнными было со-

всем мало; в каждом слове, в тоне, которым оно произносилось, в движениях так и выливались русская душевная доброта, широчайшая размашистость и полнейшая беззаботность. Видно было, что этот молодой человек, уже с двумя Георгиями на шее, свидетельствовавшими о его беспримерной храбрости, не особенно заботился, что о нём скажут, и держался с полнейшей непринуждённостью.

Старого генерала звали Дмитрием Ивановичем Скобелевым, а молодого, его сына, — Михаилом Дмитриевичем. Молодого знали как героя Польши, Хивы и как покорителя Кокандского царства.

Скобелев-отец командовал Кавказской казачьей бригадой, сын исполнял обязанности начальника его бригадного штаба...

Только эта должность и нашлась во всей действующей армии для покорителя Коканда.

Не повезло Скобелеву, когда он явился в армию. И начальником-то штаба бригады, находившейся под командованием его отца, Михаил Дмитриевич стал лишь потому, что его предшественника полковника Паренсова отозвали в Петербург.

Кавказская бригада была единственной, во главе штаба которой стоял генерал... В Освободительную войну 1877-1878 годов генералы были начальниками корпусных штабов, да и то лишь в двух — в корпусах генералов барона Криденера и Ванновского.

Но Скобелев смотрел на своё назначение как на средство познакомиться поближе с солдатами и вообще с войсками. Турки были на противоположной стороне реки и зорко следили за каждым движением русских. Казачья Кавказская бригада предназначалась для охраны левого берега у Журжи и для прикрытия работ минной флотилии на Дунае. Войска собрались отборные. Кавказские казаки — природные воины. В бригаде были и пылкие осетины, и храбрецы-кабардинцы. Были и пластуны, которыми командовал есаул Баштанников (которого мучили турки в июле во время первого похода на Балканы). С последним Скобелев пускался во всякие хитрости, чтобы беспокоить неприятеля, не давать ему по возможности ни минуты отдыха. На левом берегу появлялись невиданные, словно из-под земли выросшие батареи: это Скобелев

и пластуны турок пугали, укрепляли на подпорках снопы соломы — и такие снопы издали казались туркам пушками. По ним открывали огонь, расстреливали их гранатами; поднималась тревога, турки выбегали из лагерей, строились, готовились к отражению неприятеля и в конце концов расходились, сообразив, что тревога была ложная. В особенности часто Скобелев тревожил турок тем, что пускал по Дунаю плоты с тлевшими на них угольями. С турецкого берега казалось, что русские начинают переправу. С ожесточением тогда трещали выстрелы, грозные боевые колонны готовились встретить русских, целые ночи проходили в ожидании и лишь к утру выяснялось, что ожидания были напрасны, русские на левом берегу крепко спали под грохот турецких пушек и под треск превосходных турецких ружей...

Особенно по душе приходились все эти проделки пластунам, прирождённым воинам, воспитанным на постоянной войне с неукротимыми храбрецами черкесами.

— Это настоящий!.. Это — наш!.. — говорили пластуны про Скобелева.

Они более чем кто-либо другой понимали, что все эти «штуки с турком» проделываются неспроста. Благодаря им притуплялась бдительность неприятеля. Турки привыкали к мысли, что с ними «шутят», что тревоги ложные, и мало обращали внимания на появление подозрительных предметов на Дунае, и поэтому рекогносцировки правого берега производились сравнительно без затруднений и в безопасности.

Михаил Дмитриевич нередко сам предпринимал их, весьма рискуя своей жизнью.

В ночь на 23 мая он с капитанами Масловым и Сахаровым и с германским военным агентом Лигницем на лёгонькой лодчонке, гребцами которой были пластуны, исследуя дунайский островок Мечку, прокатился под фонарями ставшего на якоре турецкого монитора и по возвращении объявил, что на острове и следа нет турок.

После этой рекогносцировки начались работы по заграждению Дуная минами, и началось заграждение именно от острова Мечки, обследованного Скобелевым.

Но не одними только «штуками с турком»

занимался молодой Скобелев в скучные дни стоянки на Дунае. Часто целые ночи виден был огонёк в его палатке. Когда спрашивали, что он делает, оказывалось, что молодой генерал... читает. Да, Скобелев всё своё свободное время в эти дни, предшествовавшие в начале кампании жарким боям, посвящал чтению. Он выписывал массу книг, в коих рассматривались разные отрасли военной науки, и изучал всё то, что предлагалось военными авторитетами. Память у Михаила Дмитриевича была отменная. Поля книг, которые он прочитывал, были испещрены его заметками, выносками, ссылками на прочтённые ранее сочинения. Иногда Скобелев вычерчивал планы воображаемых битв, принимая при этом в основу распоряжения турецких войск, и так шло изо дня в день, вернее, из ночи в ночь. Ум Скобелева обогащался новыми познаниями, которые он готовился приложить к живому делу...

Однако было у него в эти скучные дни и другое дело по сердцу. Скобелев занимался с солдатами, как бы предвидя, что ему скоро придётся водить их в битвы.

В армии его знали, но знали только понаслышке. Теперь героя бесчисленных рассказов, ходивших по России, увидели воочию.

Скобелев и в действительности оказался таким, каким он был нарисован в народных легендах.

Едет он как-то в коляске. Жара невыносимая — солнце с ума сошло в небесах. Впереди едва-едва ковыляет солдат, чуть не сгибающийся под тяжестью ранца.

— Что, брат, трудно идти? — останавливает его генерал.

— Так точно, ваше превосходительство!

— Ну, садись ко мне!..

Солдат совсем в недоумении... Ему кажется, что генерал шутит.

— Садись, тебе говорят! — раздаётся повелительный окрик.

И начинаются расспросы о деревне, о семье...

Солдат выходит из коляски, боготворя молодого генерала. Рассказ его передаётся по всему полку, и когда этот полк впоследствии попадает в руки Скобелева, солдаты уже не только знают его, но и любят его...

Раз в Журже Скобелев идёт по улице и видит — солдат плачет.

— Ты это что? Чего ревёшь-то? Срам!

Солдат вытягивается в струнку, молчит.

— Ну чего ты? Что случилось такое?

Тот всё мнётся.

— Говори, не бойся...

Оказывается, получил солдат письмо из дома. Нужда в семье, корова пала, недоимки одолели, неурожай, голод.

— Так бы и говорил, а то плачет! Ты грамотный?

— Так точно, ваше превосходительство, грамотный.

— И писать можешь?

— Так точно-с, могу.

— Вот тебе пятьдесят рублей. Пошли сегодня же домой, слышишь? Тебе скажут, как это сделать... Да квитанцию мне принеси.

Как он умел говорить с солдатами, знают те, кто видел его с ними. Они понимали его с полуслова. Скобелев не пропускал ни одного случая, чтобы дать солдатам урок. Однажды пришли около ста новобранцев, и Михаил Дмитриевич увидел их и сейчас же решил

дать им урок атаки на батарею.

— Ну, братцы, как вы пушку станете брать?

— А на уру, ваше превосходительство!

— Ура — урой... А вы умом раскиньте... Знаете ли, что такое картечь? Ну, вот бросились вы, уру закричали — неприятель выпалил из орудия, два десятка из вас полегли... Сколько вас теперь осталось? Восемьдесят! Отойдите, двадцать человек!.. Это вот убитые, слышите ли? Их уже нет... Ну, что вы будете делать, половчее чтобы вышло?

— А мы, ваше превосходительство, покуль он опять заряд, значит, положит, тут на него и навалимся... Штыком его...

— Ну, теперь молодцы-ребята! Значит, поняли меня... Идём кашу есть!

И генерал взял деревянную ложку у первого попавшегося солдата и засел за общий котёл.

— Ён, брат, и ест-то по-нашему, — говорили потом солдаты...

Когда пришло приказание ставить минные заграждения через Дунай, Скобелев весь ушёл в дело. Заграждения предположено бы-

ло ставить у Парапана, деревушки верстах в пятнадцати за Журжей и тоже по Дунаю. Минный катер «Шутка», которым командовал молодой лейтенант Скрыдлов, должен был отогнать стоявший у турецкого берега монитор. Для прикрытия атаки «Шутки» на турецкую махину был назначен 15-й батальон из знаменитой впоследствии четвёртой стрелковой бригады, которую Скобелев впоследствии и прозвал «железной». Как было принято, вызвали прежде всего охотников. На этот вызов весь батальон, как по команде, шагнул вперёд.

— Это лучше! — заметил присутствовавший тут же Скобелев. — По-моему, никаких охотников не должно быть. Каждый должен быть охотником. Дело — праздник для всякого воина... Какие же тут охотники!

Были избраны сто двадцать человек. К ним командированы трое офицеров. Вместе с сотней уральских казаков и полевой батареей это составило небольшой отряд прикрытия минных работ. Офицеры было повели солдат, когда Скобелев остановил их:

— Постойте... Так нельзя... Солдат должен

всегда знать, куда и зачем он идёт. Сознательный солдат в тысячу раз дороже бессознательного исполнителя... Уральцам я уже объяснил...

Затем Скобелев обратился к стрелкам:

— Здорово, молодцы!

Те ему ответили.

Он спросил:

— Знаете ли, куда вы теперь идёте?

Солдаты замялись.

— В Барабан, ваше превосходительство!

— Ну, всё равно, Парапан или Барабан... А зачем?

— Турку бить!

— Турка бить всегда следует... Как твоя фамилия?..

Солдат называет фамилию.

Скобелев хвалит:

— Видно, что удалой... Скоро георгиевским кавалером будешь... А только мы теперь вовсе не турку бить идём... Нам, брат, другое дело нужно обработать... Скоро мы на ту сторону Дуная перебросимся. Поняли?

— Так точно, ваше превосходительство, поняли!

— Ну то-то!.. Сидеть на одном месте у молдаван надоело, и работы солдату нужно.

— Это точно!

— Ну вот, мы воевать пришли, а неприятель на той стороне, он к нам не придёт — ему у себя чудесно. Нам нужно его выбить оттуда... Выбьем ведь, орлы?

— Рады стараться! — повеселели солдаты.

— А чтоб выбить, нам нужно перейти через Дунай... Тут-то нам и достанется... Станем мы перебираться туда, турок-то ведь тоже не дурак, он на наши плоты да лодки мониторы свои пустит. Видели вы, каковы мониторы-то, вон те, что у того берега пыхтят?

— Видели, ваше превосходительство!

— Они нас и перетопят. Ну а мы хитрее турок. Мы в воду такие мины поставим, что ему мимо них и не проплыть. Только он на них наткнётся, тут его и взорвёт... Мы-то у него перед самым носом и перейдём реку.

— Рады стараться! — просветлели лица у солдат, понявших суть дела.

— Это совсем не такой, как другие! — толковали потом они между собой. — Этот понятный совсем!..

Так на первых порах имя «понятного генерала» и осталось за Скобелевым[3].

Постановка минных заграждений удалась превосходно и стоила отряду прикрытия ничтожных потерь.

И Скобелев оставался верен себе во всё это время стоянки на Дунае. Офицеры встречали в нём прекрасного, отзывчивого товарища, солдаты — доброго, с редкой заботой относившегося к их непростому житью-бытью и всеми силами старавшегося облегчить их тяготы. Слава молодого Скобелева всё разрасталась и разрасталась, но всё-таки он оставался в тени...

А между тем близко было уже то время, когда гром войны должен был огласить своими раскатами долины Болгарии.

XVIII
НЕ У ДЕЛ

Яркий день 14 июня 1877 года клонился заметно к сумеркам.

С тихо катившего свои волны Дуная веял прохладный бодрящий ветерок. Грязноватый придунайский городок Зимница как-то особенно молчаливо встречал наступавший вечер. Жители городка, обыкновенно суетливые, шумливые, румыны, валахи, молдаване, теперь бродили по улицам, как сонные мухи. Кто мог, тот подальше прятался в дома, в погреба, а нет, так и старался совсем уйти с берега этой великой славянской реки, отделявшей русских от турок и постоянно оглашаемой громом пушечных выстрелов...

За Зимницей раскинулся лагерь. На огромном поле белели правильные ряды палаток.

Стояли бивуаком полки, только что накануне, и даже в ночь, пришедшие откуда-то с устья Дуная.

Под берегом, почти у самой воды, несколько ниже Зимницы, копались в земле сапёры, вырывавшие рвы и наскоро набрасывавшие земляные валы. Изредка на противоположном берегу, занятом турками, вздымалось белесоватое облачко, громыхал орудийный выстрел, и взвивался над Дунаем шипящий, свистящий турецкий снаряд. Это турки, батареи которых располагались у Систова, пытались огнём отогнать рабочих с берега Дуная.

На неприятельские выстрелы русские почти не обращали внимания: привыкли к ним. Да и как не привыкнуть! Уже два месяца грохотали над Дунаем и русские, и турецкие пушки. Неизвестные дотоле имена лейтенантов Макарова, Рождественского, Шестакова, Дубасова, Скрыдлова, мичманов Нилова, Аренса, Баля вдруг получили громкую популярность. Первые два месяца войны вся слава выпадала на долю моряков, и только всего за четыре дня до того, с которого начинается этот рассказ, геройским переходом через Ду-

най у Галаца впервые показала себя врагу и русская сухопутная армия.

Тому, что около Зимницы, вернее, за Зимницей, собралось столько войска: целая «трёхмихайловская дивизия» — так называли тогда на Дунае 14-ю пехотную дивизию оттого, что и её дивизионный, генерал-лейтенант Драгомиров, и оба бригадных генерала носили имя Михаил, — пластуны, сильная артиллерия, — никто особенного значения не придавал. Целых два месяца передвигались с одного пункта на другой полки. Приходили, отдыхали, уходили; на смену им являлись новые — и так без конца... Общее мнение, даже не мнение, а убеждение было таково, что переправляться русские войска через Дунай будут от города Турну-Магурелли на Никополь и что для переправы предназначается десятый корпус. В деревне Фламунда, близ Турну-Магурелли был сам Государь Император, августейший главнокомандующий Дунайской армией Великий князь Николай Николаевич, весь штаб, вся свита Государя, и это обстоятельство только поддерживало общее предположение, что переправа будет произ-

ведена выше, на Никополь. Появление же у Зимницы драгомировской дивизии объяснялось только тем, что составлявшие её полки перейдут к Турну-Магурелли по первому требованию подкреплений.

Но в сумерки случилось новое обстоятельство, давшее повод к очередным обильным предположениям.

В Зимницу примчался находившийся не у дел генерал-майор Михаил Дмитриевич Скобелев.

Не повезло Михаилу Дмитриевичу на Дунае... Переменён был весь состав казачьей Кавказской бригады, а вместе с тем и начальником её вместо Дмитрия Ивановича Скобелева назначен был полковник Тутолмин.

Скобелев-сын действительно остался не у дел...

Но Михаил Дмитриевич и тут задавил в себе горечь новой неудачи; он не ушёл с войны, а остался при штабе, где был и его друг и любимец по Туркестану и Коканду капитан Куропаткин.

Появление Скобелева в Зимнице было первой ласточкой, возвестившей близость важ-

ных событий.

Не нашлось бы офицерского кружка, где бы не говорили о Скобелеве в сумерки этого памятного и для России, и для Турции дня...

— Что он только будет делать здесь? — пожимали плечами одни.

— Должно быть, есть дело... Напрасно бы не появился — не таковский...

— Опять ещё что-нибудь выкинет, как тогда на Дунае!

Кавказская казачья бригада стояла под Журжей, небольшим городком на берегу Дуная, приходившемся наискосок от турецкой крепости Рущук. В одну ночь, более тёмную, чем предшествующие, Скобелев, бывший тогда ещё начальником штаба бригады, задумал произвести разведку неприятельского берега. На лодке, на вёслах которой сидели казаки, он с несколькими офицерами перебрался через Дунай и проплыл вдоль всего берега, охранявшегося турецким монитором. Около последнего он прошёл так, что лодка почти касалась борта турецкого судна. Часовые на мониторе заметили смельчаков и начали стрелять, а Михаил Дмитриевич, нисколько

не задумавшись, принялся отстреливаться из револьвера. На турецком берегу поднялся страшный переполох. Из Рущука заговорили даже пушки, на Журжу посыпались турецкие гранаты, а смельчаки тем временем успели благополучно добраться до своего берега.

И такой случай со Скобелевым был не единственным в своём роде. О них-то, как о безумствах, и говорили в офицерских кружках.

— Ну, здесь этого не позволят! — убеждённо отвечали тем, кто вспоминал о рущукской рекогносцировке. — Здесь не папенька родимый, а настоящее военное начальство, умеющее и не таких сорванцов сдерживать.

— Начальство-то начальство, а генерал Скобелев устроился как бы ординарцем при нашем Драгомирове! — утверждали наиболее осведомлённые.

— Как так ординарцем? Недавний военный губернатор-то?

— Конечно, не настоящим, а только он будет при Драгомирове находиться! Приятели ведь они, на «ты» даже. Другого ничего не нашлось, так и это хорошо... А всё-таки, если

Скобелев здесь, значит, предстоит какое-то дело...

Да, дело предстояло... Вскоре после Скобелева прибыл в Зимницу Великий князь Николай Николаевич младший, а ещё немного спустя, явилась сводная полурота собственного Его Величества конвоя под командой флигель-адъютанта полковника Озерова.

Теперь в самом деле не могло быть сомнений: переправа на турецкую сторону должна была иметь место не у Никополя, а у Систова...

Когда стемнело, в рукав Дуная между островом Бужареску и правым берегом совершенно незаметно для турок проскользнула понтонная флотилия. Прошло ещё не более часа, и по полкам было объявлено, что в эту ночь они пойдут за Дунай.

Ночь окутала непроницаемым покровом и Дунай, и оба его берега. Около Зимницы и на противоположном берегу воцарилась мёртвая тишина. Тихо, без малейшего шума выдвигался из-за Зимницы назначенный в первую очередь на Дунай волынский полк; впереди его к берегу проскользнули, словно

утки, пластуны. Вдруг загремела невдалеке канонада. Это русские батареи между Турну-Магурелли и Фламундой открыли огонь по Никополю. Турки, ожидавшие переправы именно здесь, с величайшей энергией начали отвечать из своих орудий русским, но систовские батареи молчали. Всё внимание здешних турок отвлечено было к Никополю.

А между тем по Дунаю, огибая второй, близкий к левому берегу остров — Адду, плыли уже понтоны. Быстрое течение сносило их, но гребцы напрягали все усилия и старались попасть в высохшее устье речки Текир-дере, куда распоряжавшийся переправой генерал Драгомиров направил высадку.

Не одно сердце в эти мгновения билось смертной тревогой, не одна рука машинально творила крестное знамение, а высохшие от волнения губы шептали молитву, подсказанную войскам в отданном в этот вечер драгомировском приказе: «Господи сил, с нами буди!».

Генерал Драгомиров с Великим князем, обоими своими дивизионными, Скобелевым и всей свитою стоял на берегу, с лихорадоч-

ным напряжением вглядываясь в покрытую ночным мраком даль правого берега. Прошло уже более часа с того момента, как отчалила первая очередь. Вдруг словно молния прорезала мрак, и на противоположном берегу раздался заглушённый расстоянием и ветром треск ружейного выстрела, за ним послышались другой, третий, и ярким пламенем вспыхнул на правом берегу соломенный сигнальный столб...

Словно электрическая искра пробежала по всем, кто был в эти минуты возле Драгомирова...

— Началось! Господи, помоги нам! — пронёсся шёпот, тихий, как вздох.

На правом берегу уже разгорался бой. Огненными змеями вспыхивали линии залповых выстрелов. Загрохотали орудия околосистовских батарей. Оставляя огненный след, то и дело взвивались над Дунаем турецкие снаряды. Таиться нечего было более. Заговорили и русские пушки на левом берегу. Теперь снаряды так и крестили воздух. С того места, где днём копались сапёры и солдаты-рабочие, затрещали ружейные выстрелы. Там в наскоро

вырытых траншеях засели брянцы. С Адды бухали пушки.

Вдруг среди этого страшного хаоса звуков, покрывая ружейную пальбу, глуша даже отрывистые пушечные удары, разлилось русское «ура!»...

— Высадились! — пробежал опять едва слышный шёпот.

На берегу уже отчаливали понтоны со второй очередью. Ночь прошла. Серая мгла покрывала теперь землю вместо непроницаемого мрака. Одновременно со второй очередью решил переправиться на правый берег и Драгомиров.

Вместе с ним отправился и Скобелев.

Михаил Дмитриевич в это жаркое летнее утро был единственным человеком во всём переправлявшемся отряде, одетым по-летнему. Все солдаты и офицеры Волынского и минского полков, назначенных для переправы, были в зимних чёрных мундирах и в кепи без белых чехлов. Талантливый руководитель переправы предусмотрел и то обстоятельство, что белые рубахи и белые чехлы на кепи будут заметным пятном среди ночного мрака, и

одел переправлявшиеся полки по-зимнему. Скобелев составлял исключение. На нём были белый китель, белая фуражка, но это уже не имело значения. Драгомиров со своей свитой переправлялся тогда, когда бой на правом берегу кипел, расширяясь всё более.

Первыми на правый берег высадились пластуны и, овладев турецкой караулкой, пробились по прямому направлению вглубь от берега. Затем волынские роты под начальством капитана Остапова, одолев первое сопротивление турок, растянулись от берега по направлению к пластунам. Другие роты под командой капитана Фока заняли берег высохшей речки Текир-дере. Явился четырёхугольник, три стороны которого образовывали живые линии, а четвёртую — Дунай. Вся задача пока состояла в том, чтобы не пустить турок внутрь этого четырёхугольника.

Круче всех доставалось ротам, засевшим на Текир-дере, а потом перебравшимся на правый берег этой высохшей речки. Здесь рассвирепевшие турки ломились с отчаянным упорством. Из соседнего лагеря в Варде-не прибыли к первым бойцам многочислен-

ные подкрепления; из Рущука тоже спешили сюда всё новые массы. Прорыв турок здесь грозил ужасным несчастьем: массы их смяли бы, скинули бы в Дунай всех переправившихся волынцев и, заняв надбрежные высоты, не подпустили бы близко к берегу ни одного понтона.

Однако как только высадился Драгомиров и осмотрел поле отчаянной битвы, Михаил Дмитриевич, бывший с ним, радостно воскликнул:

— Поздравляю тебя с победой!

— Это как? — удивился Драгомиров. — Откуда ты знаешь?

— Победа написана на лицах у твоих солдат! — ответил, улыбаясь, Михаил Дмитриевич. — Вот увидишь сам!

Живя постоянно среди солдат, Скобелев научился хорошо понимать их. Он различал такие признаки, подмечал такие выражения их лиц, какие оставались незаметными для иных людей, не обладавших способностью проникновения в чужие души. Для него лицо солдата, голос, которым он выкрикивает свой боевой клич, являлись открытыми книгами,

и он за годы выучился читать эти лица-книги без ошибки.

Сражение у Систова было первым серьёзным делом для Скобелева, хотя он и не участвовал в нём. Однако это не мешало ему наблюдать за всем происходившим перед его глазами, и наблюдательность говорила ему о несомненной победе...

И Скобелев оказался прав, поздравляя руководившего переправой Драгомирова с победой ранее, чем выяснились даже приблизительно результаты этой битвы, исход которой подготовлен был столько же храбростью русских богатырей, сколько и талантом их вождя...

Часть турецких стрелков, снабжённых огромным количеством патронов, засели на прибрежных высотах несколько ниже устья Текир-дере. Отсюда они засыпали свинцовым дождём подходившие к берегу понтоны с солдатами минского полка. Поручик Моторный со стрелковой ротой минцев кинулся на утёсы и после недолгого, но отчаянного боя очистил их от неприятеля. Теперь спокойная высадка была обеспечена. После этого прошло

совсем немного времени, а в первоначальном четырёхугольнике оказалось уже столько русских сил, что в победном исходе битвы уже не приходилось сомневаться...

Даже перестрелка стала затихать, и только у Текир-дере безостановочно трещали выстрелы.

Разгорячившиеся солдаты, рассыпанные вдоль берега длинной цепью, слали пулю за пулей медленно отходившему неприятелю...

— Прав я? — не без торжества во взоре спрашивал Михаил Дмитриевич у Драгомирова. — Победа полная?

— Полная! — согласился тот. — Чего там на левом фланге стреляют? И послать к ним некого, чтобы перестали.

Все ординарцы руководителя переправы оказались разосланы с донесениями и распоряжениями; не было даже казаков под рукой, ибо их послали срывать проволоку берегового телеграфа.

— Позволь я передам на левый фланг твоё распоряжение! — вызвался Скобелев.

— Ты? — изумился радующийся успеху дела победитель.

— Да! Ведь послушаются же они генерала, если бы он даже выступил в роли ординарца.

Позволение сразу последовало. На левом фланге стрелки лежали на земле. И вот они увидели молодого, высокого, стройного генерала, в белом кителе, с двумя Георгиевскими крестами на груди, медленно шедшего вдоль их цепи и приказывавшего им прекратить огонь. В воздухе, словно бессчётные шмели, жужжали турецкие пули. Смерть всё ещё носилась над полем битвы, а молодой генерал шёл, выпрямившись во весь рост, с таким спокойствием, как будто был уверен, что ни одна из проносившихся мимо него пуль даже не заденет его...

Треск русских выстрелов смолк, как бы по мановению волшебной палочки.

Солдаты забыли и о турках, и о только что пережитых ужасах боя. Все они с величайшим изумлением смотрели на храбреца-генерала и вдруг от одного к другому побежало только одно слово:

— Скобелев!..

А Михаил Дмитриевич шёл спокойный, улыбающийся. По временам он останавли-

вался и заговаривал с солдатами. Вытягивавшимся перед ним офицерам он пожимал руки, расспрашивал о высадке, о первых, самых волнующих моментах боя, и вслед ему неслось восторженное, радостное «ура!» солдат, нежданно-негаданно увидевших около себя героя, о котором шёл слух по всей России.

Теперь они видели его своими собственными глазами, и с первого же раза он поразил их своей легендарной неустрашимостью.

XIX
ПЕРВОЕ ДЕЛО

После перехода русской армии на правый берег Дуная Скобелев, увы, продолжал оставаться не у дел. Он устроился при штабе 14-й драгомировской дивизии, но никакого определённого назначения не имел. Однако и в это время Скобелев дал повод говорить о се-

бе — и говорить именно как об удальце, каких немного можно было отыскать и в русской армии.

Когда после переправы у Зимницы наводили понтонный мост через Дунай, Скобелев в кругу офицеров стал уверять, что для кавалерии моста не нужно, что кавалерист может переплыть всякую реку.

— Только не Дунай! — заметил один из собеседников.

— Это почему? — так и вспыхнул Михаил Дмитриевич.

— При такой ширине реки и лошадь, и седок выбьются из сил...

Разговор имел место днём. Скобелев только один стоял за то, что переплыть Дунай возможно. Даже офицеры казачьей бригады выступали в споре против него. Чтобы доказать всем правоту своего взгляда, Скобелев приказал подать ему коня и на глазах у всех, кто спорил с ним, дважды переплыл через Дунай...

— И пуля его не берёт, и в воде он не тонет! — говорили солдатики, узнав об этой переправе.

— Святой Георгий на воде поддержал!

Михаил Дмитриевич разделся перед переправой, но орден Святого Георгия всё-таки оставил на себе.

— А ежели пуля не берёт, так это от того, что заговорён он, — объясняли солдатики.

— Как заговорён?

— Так... Когда под Хиву ходил, так его одна хивинка-старуха заговорила. Семь дней по пескам его возила и от пуль заговаривала!

Таким дошёл до простых русских людей слух о знаменитой разведке Скобелева от Змукшира к Орта-кую. Уверенность в справедливости этого слуха особенно вселяло присутствие при Скобелеве личного слуги-туркмена, того самого джигита, который был при нём проводником в той знаменитой степной рекогносцировке.

Кто был повыше, имел на Скобелева совсем иные взгляды.

— К чему это рисование? — говаривали среди штабных. — Он просто хочет доказать, что не даром получил за «халатников» свои кресты...

Бывали случаи, когда Скобелева прямо

оскорбляли.

Раз он сделал рекогносцировку, которую считал крайне необходимой.

— Ступайте и сидите у своей палатки, пока вас не позовут! — высокомерно оборвали молодого генерала.

Скобелев после этого даже заболел от тоски и обиды.

— Брошу всё! — говорил он. — Отпрошусь обратно в Россию и, когда кончится война, сниму мундир и возьмусь служить земству. В деревню уйду...

Однако не ушёл... Призвание приковывало его к войне.

Первыми оценили по достоинству молодого генерала и как бы провидели в нём его выдающееся дарование генерал Драгомиров и тогдашний военный министр граф Милютин.

Драгомиров даже устроил так, что Скобелеву выпал случай попасть в дело.

Вскоре после перехода через Дунай занято было Тырново, древняя столица Болгарии. После этого под начальством генерала Гурко образовали «передовой отряд». Гурко провёл свой отряд через Балканы по Ханкиоскому

горному проходу и спустился с гор в долину реки Тунджи. В Балканах же на Шипкинском перевале остались турки. Они занимали неприступные позиции на горе Святого Николая. Предложено было ударить на турок сразу с двух сторон: от Габрово в Предбалканье и из Казанлыка в Забалканье. Попытки закончились неудачей. Наконец послали генерала Скобелева. Но когда он с данным ему отрядом подошёл к турецкой позиции, она уже оказалась оставленной турками. Скобелев и Гурко съехались на перевале и нашли там только обезглавленные тела русских, павших при предыдущих атаках. В числе их было и тело есаула пластунов Баштанникова, совершенно обезображенное турками.

Казалось, сама судьба теперь не давала ходу молодому богатырю...

Между тем военная гроза уже вовсю бушевала над Болгарией.

Пал Никополь, и совсем неожиданно русские наткнулись на сильнейшую турецкую армию Османа-паши, засевшую в Плевне.

Обыкновенный болгарский городок, приткнувшийся в долине реки Вида, был этот

Плевок, как прозвали сначала Плевну русские остряки. Всего на восемь вёрст раскинулась треугольником Плевненская равнина. На востоке она очень узка — не более версты, но зато на западе к реке Виду расширяется и у правого берега этой реки достигает почти пяти вёрст в ширину.

В сторону Дуная от Плевны и за ней в сторону Балкан, то есть к северу и югу поднимаются высоты — стены, созданные самой природой. Кое-где высоты сходятся и образуют ущелья с отвесными кручами.

Орошена Плевненская долина рекой Гривицей, притоком Вида, и Тученицей, притоком Гривицы. Последняя течёт всего двадцать две версты и образуется у болгарского селения того же имени из трёх ручьёв. Тученицы течёт к Гривице с юго-востока, начинаясь неподалёку от соименной ей деревни. Она вьётся между поросших лесом высот, круто спускающихся своими головокружительными отвесами к её руслу. В Плевненскую долину река входит через столь узкое ущелье, что и иных местах горы едва не сходятся между собой. На восток от Тученицы находятся Ради-

шевские высоты, на запад к Виду Зелёные горы — три горных хребта, покрытых лесом и виноградниками.

В первый раз, когда русские войска явились под Плевну, Зелёные горы не были заняты турками, и здесь стояла Кавказская казачья бригада, которой в это время командовал полковник Тутолмин.

Этот бой 8 июля закончился неудачей для русских, и решено было снова атаковать Плевну 18 июля, то есть через десять дней.

Осман-паша, засевший в Плевне, пользовался каждым проходившим днём. Он отовсюду стягивал к себе какие только возможно было силы. К нему подходили подкрепления из-за Балкан. По Софийскому шоссе, ведшему от Плевны за Балканы, тянулись обозы с провиантом и боевыми снарядами. Турецкий полководец даже отбил у русских Ловчу, городок вблизи Балканских гор, через который Осман-паша мог всегда иметь сношения с главными силами армии. С Плевной русским нужно было покончить во что бы то ни стало, ибо Осман-паша с засевшей там армией постоянно грозил обрушиться на войска, стояв-

шие у Систова, и уничтожить переправу через Дунай.

Атаковать Плевну во второй раз решено было с востока и юго-востока: от селения Гривицы и на Радишевские горы.

На Гривицу должны были пойти два отряда — один, состоявший из полков пензенского, тамбовского, Козловского под начальством генерала-лейтенанта Вельяминова, и второй — из полков архангелогородского, вологодского и галицкого, которыми начальствовал потерпевший 8 июля неудачу под Плевной генерал-лейтенант Шильдер-Шулоднер. Артиллерию этих отрядов составляла 31 артиллерийская бригада.

На юго-востоке, где начальствовал командир одиннадцатого корпуса генерал-лейтенант Шаховской, должен был действовать отряд из ярославского, шуйского, курского и уральского полков, поддерживаемых шестью батареями.

Со стороны реки Вида были поставлены кавалерийские полки: уланский, бугский и девятый казачий донской. К Зелёным горам послали маленький отрядик из Кавказской

казачьей бригады с восьмой донской и конно-горной артиллерией и одним батальоном курского полка.

Роль сему отрядику отводилась самая незначительная. Он должен был не подпускать к Плевне турецких подкреплений из Ловчи. Однако вышло так, что в плевненском бою 18 июля этот отряд принял весьма видное участие и даже удержал турок от нападения на снова потерпевшие в этот день неудачу русские отряды.

Этот отрядик был ничтожен по количеству составлявших его людей, но он обладал такой боевой силой, что нисколько не уступал по доблести другим многотысячным отрядам: командиром его назначили Михаила Дмитриевича Скобелева.

Впервые ещё за все три месяца войны выступил молодой Скобелев в качестве командира отдельного отряда и показал, наконец, себя во всём блеске своего военного гения.

Под Гривицей и пред Радищевым в день 18 июля гибли сотнями русские воины. Ничего они не могли поделать, победа вторично ускользнула от них. Плевненский триумф

утонул в морях напрасно пролитой под этим городом крови. Но, несмотря на поражение, всё-таки величайшей славой на веки веков покрыли себя козловцы, пензенцы, куряне, рыльцы, архангелогородцы, вологодцы, ярославцы, галичане, серпуховцы...

Беспримерная их стойкость и отчаянная храбрость не могли принести результатов. Радишевский и Гривицкий отряды были разбиты, отброшены, но не истреблены окончательно неприятелем, имевшим для этого полную возможность...

Скобелевский отрядик связал Осману-паше руки там, где он менее всего мог этого ожидать...

Ночь на 18 июля была туманная, промозглая. Составлявшие скобелевский отряд части войск находились в селе Богот, когда к ним примчался Михаил Дмитриевич.

— С боем, ребята, вас! — объявил он. — Покажите себя молодцами! Царь на вас надеется, Русь за вас молится... С Богом смело идите, я буду с вами! Сигнала отступления не будет! Если услышите такой — знайте, это вражий, а не наш!

Прежде чем выступить, Скобелев приказал отслужить напутственное молебствие. Священника, однако, не нашли. Тогда он построил войска «покоем», то есть в плане в виде буквы «П», и, вызвав тех солдат, которые в мирное время были певчими, приказал им пропеть «Отче наш». Среди клубившегося тумана раздались стройные звуки этого песнопения, замелькали руки, творившие крестное знамение; сердца успокоились, невольная боязнь за близкое грозное будущее сменилась быстро возросшей бодростью; все успокоились и готовы были к бою, как к праздничному пиру.

Этого именно и добивался Скобелев.

Когда была пропета молитва, он проехал мимо рядов и поздравил всех с делом. Ласковый рокот голосов ответил ему на эти поздравления. Только после этого объезда Скобелев приказал выступать.

В маленьком отряде понимали, что пункт, куда он был назначен, — опаснейший. Если бы атаковывавшим отрядам удалось выбить турок из Плевны, они всей своей массой ринулись бы сюда и раздавили бы скобелевцев.

Вполне могли раздавить их и ловчинские турки, но все в отряде шли спокойно, уверенно, каждый готов был погибнуть, и эту готовность подпитывала мысль, что «со Скобелевым отступления быть не может!».

XX
ДАВИД И ГОЛИАФ

Промозглая сырая ночь превратилась в промозглое туманное утро. Туман так и клубился вокруг казачьих сотен, двигавшихся с юга на Плевно-Ловчинское шоссе.

Впереди по всем направлениям разосланы были дозоры, осматривавшие путь. Михаил Дмитриевич, командир казачьей бригады Тутолмин и полковник Паренсов, начальник бригадного штаба, были при авангарде, состоявшем из двух сотен кубанцев под командой войскового старшины князя Кирканова и че-

тырёх орудий. Остальной казачий отряд шёл позади авангардов верстах в двух. Последним был батальон курян под начальством майора Домбровского.

Путь был утомительный. Курский батальон продвигался по шоссе, казачьим же сотням приходилось ехать по сильно всхолмлённой равнине. В отряде знали, что идут к Зелёным горам, где уже побывала бригада в памятный день 8 июля, но не знали — заняты ли турками тамошние высоты.

Неизвестно это было и самому Скобелеву.

— Есаул Астахов! — крикнул Михаил Дмитриевич одному из храбрейших офицеров бригады. — Возьмите достаточно людей и прощупайте Зелёные горы. Нет ли там турок!

— Слушаю, ваше превосходительство! — откозырял генералу лихой казак и через несколько минут уже скрылся со своими удальцами в клубах тумана.

Скобелевский отряд был совсем одиноким. Справа от него приходился глубокий, с отвесными почти склонами Гученицкий овраг. Впереди ждали Брестовацкие высоты, за ними — три гребня Зелёных гор. К реке Виду

между брестовацкими высотами, Зелёными горами и Плевной возвышались ещё Кришинские высоты. Позади отряда была Ловча, откуда каждую минуту можно было ждать турок. Враги были впереди и позади, а от сообщения с отрядом князя Шаховского, единственного, от которого можно было ждать подкрепления, отрезала скобелевцев Тученица.

В Брестоваце отряд остановился, чтобы дождаться Астахова. Скобелев воспользовался этим временем и отдал по отряду несколько распоряжений, свидетельствовавших о том, что он успел уже обдумать своё положение и предугадать случайности, на которые другой на его *месте,* возможно, не обратил бы внимания.

Часть казаков он отрядил подвозить патроны стрелкам, которые попадут в первую линию. С десяток других казаков он назначил к колодцам. Они должны были черпать воду и развозить её во время боя по всем частям отряда. Каждой сотне генерал указал её место и втолковал, что должны были делать люди в том или ином случае. Всё он предусмотрел,

всё подготовил, и теперь оставалось только приступить к делу...

Храбрец Астахов не заставил себя долго ждать. Он побывал на всех зеленогорских гребнях и примчался к Скобелеву с донесением, что турок там нет. Радостная улыбка так и засияла на лице у Скобелева, когда он услышал это донесение. Он и представить себе не мог, чтобы Осман-паша, считавшийся лучшим из турецких полководцев, не обратил внимания на позицию, являвшуюся ключом к Плевне...

Чтобы обезопасить свой отряд, Скобелев выслал на Вид бывших в бригаде осетин, а к Тученицкому отряду послал кубанскую сотню. Лишь после этого он повёл свой авангард на Зелёные горы, оставив главные силы бригады и подошедших курян в версте от себя.

Тихо, без звука поднялись в тумане скобелевцы сперва на первый гребень, потом, спустившись с него в поперечную лощину, перешли на второй, а там заняли и третий. Турок не видели, но они были близко, очень близко... Ясно доносились до русских громкий гортанный говор множества голосов, ржание ло-

шадей, скрип колёс. Только облака тумана разделяли противников. Бой ещё не начинался. Соблюдая тишину, Скобелев расставил на гребне свои орудия, вызвал роту курян и только дожидался того, чтобы Радишевский и Гривицкий отряды начали сражение.

Прошли несколько томительных минут. Туман наконец начал редеть, непроницаемая дотоле завеса мало-помалу — раздёргиваться. Не одно даже закалённое сердце невольно дрогнуло в эти мгновения... Турецкие колонны, готовые к отражению атаки со стороны Гривицы, стояли не более как в трёхстах саженях от скобелевского отряда! Их было тут более двадцати тысяч... Турки стояли под ружьём, их конница вытянулась красивой лентой по Софийскому шоссе к реке Виду. Скобелевцев турки рассмотрели не сразу. Но в это время со стороны Радищева загрохотали русские пушки. Скобелев сейчас же дал знать туркам о своём присутствии. Загромыхали и его маленькие пушчонки. Картечь, словно град, посыпалась на турецкую массу. Это было полной неожиданностью для турок. Со стороны Зелёных гор они совсем не ждали

неприятеля. В турецких рядах засуматошились, а с третьего зеленогорского гребня громыхали выстрел за выстрелом. Наконец, турки несколько опомнились. Из Плевны выдвинуты были орудия, и началась жесточайшая канонада. С Зелёных гор русские пушки отвечали турецким, не умолкая. Бой у Гривицы и Радищева уже начался, и Михаил Дмитриевич выполнил главную свою задачу. Часть турецких сил была отвлечена от главных атакующих отрядов, и сила отражения атаки таким образом была существенно ослаблена...

Так в артиллерийской перестрелке прошло около часа. Осман-паша сообразил, что русских на Зелёных горах немного, и решил, что сбить засевших там смельчаков не составит особого труда.

С гребня ясно было видно, как от главной массы отделились четыре турецких табора, построились в боевой порядок и со стрелковыми цепями впереди пошли прямо к русской позиции. Начинался бой — бой, в котором псе преимущества были на стороне турок. Голиаф шёл на Давида. Турки с флангов выпустили черкесов. С неистовым гиканьем

вынеслись вперёд полудикие всадники, но с одной стороны они встретили своих кровных врагов — осетин Кавказской казачьей бригады, с другой с гороны, не дожидаясь их удара, помчалась сама им навстречу лихая кубанская сотня, на гребне же спешившиеся по приказу своего командира казаки залегли в кусты и встретили наступавших плотным прицельным огнём. Но наступавших оказалось так много, что удержаться против них было просто немыслимо. Ведь у Скобелева был только авангардный отряд. Патронов не хватало не только для того, чтобы сбить турок, но даже для того, чтобы проредить их ряды. Видя невозможность эффективной борьбы, Скобелев отвёл свой отряд на первый гребень и вызвал гуда остальные сотни казачьей бригады. Далее турок не пустили одним только ружейным огнём. Теперь турки тоже открыли огонь с занятого ими среднего гребня. Обе стороны засыпали друг друга пулями. Но и эта перестрелка продолжалась недолго. Михаил Дмитриевич дал время отдохнуть курскому батальону и как только узнал, что куряне оправились, вызвал роту и взвод и ки-

нул их на турок. Стрелки-куряне скатились в лощину и, не обращая внимания на неприятельский огонь, взобрались под пулями на средний гребень. Сейчас же там закипел отчаянный штыковой бой. Куряне-смельчаки быстро сбросили врага в лощину и вслед за ним забрались и на третий гребень. Турки с него были прямо сброшены. Но в это время уже не четыре, а восемь таборов кинулись на смельчаков. Скобелев успел уже поставить на третьем гребне орудия, и наступавших встретила картечь, а удальцы-куряне не задумались кинуться в штыки на надвигавшуюся на них массу. Этот русский удар был так стремителен, что турецкие низамы повернули назад, но совсем они не ушли, а, залёгши за неширокой низиной, принялись донимать скобелевцев ожесточённым ружейным огнём.

Пока происходил этот бой за зеленогорские гребни, полковник Тутолмин успел отогнать конный отряд, явившийся было из Ловчи, осетины же и владикавказцы загнали черкесов обратно в Плевну.

Бой как будто стал затихать. Положение

скобелевцев было тяжёлое. Они с ожесточением дрались уже несколько часов. Особенно тяжело приходилось роте курян со взводом. Этой горсти солдат нужно было отстаивать позицию от неприятеля, постоянно менявшегося и потому всегда свежего. Куряне же устали до крайности. Вышло солнце, и русским пришлось выдерживать бой под его палящими лучами. Невыносимая жажда мучила бойцов. Казаки-водовозы не успевали доставлять изнемогавшим товарищам воду. Но скоро и воды не стало: колодцы в Берестоваце, откуда добывалась живительная влага, оказались вычерпаны. Солдаты срывали с лозы гроздья дикого винограда — чтобы хоть немного утолить мучительную жажду...

Вдруг в Плевне завыли турецкие сигнальные рожки, и перед истомлённой боем, усталостью, жаждой горстью русских воинов выдвинулись восемь таборов свежих, не бывших ещё в бою турецких войск. Наступало решительное мгновение, Осман-паша готовился раздавить столь мешавшую ему в этот день горсть русских смельчаков. Скобелев вызвал на третий гребень остававшиеся в его

последнем резерве три с половиной курские роты, а пока они спешили на помощь к своим товарищам, турецкие таборы подошли уже без выстрела, не обращая внимания на картечь двух русских орудий, совсем близко к защитникам позиции. Грозно было это движение суровых воинов Османа-паши. Они шли без крика, в полном молчании. Вот-вот эта живая масса раздавит русских удальцов! Но когда турки были не более как в двадцати саженях, Михаил Дмитриевич поднял одно звено своей стрелковой цепи и приказал ему ударить на турок в штыки. Это было дерзостью: звено — всего четыре солдата!.. Но Скобелев знал, что делал. Ему нужно было только показать. К кинувшимся смельчакам присоединились их соседи; раздалось «ура!», и на него, как эхо, ответило «ура!» подоспевших последних курских рот. С львиной храбростью кинулись куряне на турок, врезались в их гущу. Начался штыковой бой, и турецкие таборы, не выдержав натиска, ударились бежать в Плевну. Разгорячённые боем куряне бросились вслед за ними. Много турок легло тут под русскими штыками. Отчаянные

удальцы преследовали неприятеля буквально по пятам и следом за ним ворвались в Плевну...

Только тут турки опомнились и, поддержанные свежими таборами, повернули на курян. На улицах Плевны закипел было ожесточённый бой. Куряне попали под перекрёстный огонь, но едва-едва удалось отозвать их обратно...

Скобелев отвёл свой отряд на третий гребень. Зелёные горы были и остались во власти русских...

День уже клонился к вечеру, темнота окутывала собой поле ожесточённой битвы. Около Плевны стихали выстрелы. Скобелевцы по-прежнему держались на Зелёных горах, не уступая ни пяди отбитой у врага земли...

Получены были известия, что Гривицкий и Радишевский отряды отбиты; тотчас после этого в скобелевский отряд пришло приказание князя Шаховского о немедленном отступлении...

Скобелев продержался на Зелёных горах, пока не были подобраны казаками все раненые, и лишь после этого отошёл непобеждён-

ный превосходным неприятелем, которого он в течение целого дня имел против себя в этой прославившей русских воинов, хотя и закончившейся неудачей, битве...

XXI
ЛОВЧИНСКЛЯ П0БЕДА

Зелёные горы — первое в эту кампанию сражение, где Михаил Дмитриевич распоряжался самостоятельно, — открыло на него глаза всем, ведавшим судьбами войны.

Продержаться целый день с казаками и одним только батальоном пехоты против превосходящих сил Османа-паши, и не только продержаться, но и нападать на эти силы самому — было величайшим подвигом...

Ночь после «второй Плевны» была в полном смысле этого слова ночью ужаса. Мрак опустился над полями битв совсем неожидан-

но. Разгорячённые и увлечённые борьбой люди даже не заметили, как окутала их ночная темнота. Передвигались, отходя обратно, «на ощупь». Были отряды, заночевавшие под самой Плевной...

Турки не кинулись вслед отходившим от Плевны русским; они, тоже изрядно измотанные, так и остались сидеть в своём грозном логовище, и это приписывается тому, что Осман-паша чувствовал над собой угрозу со стороны Зелёных гор...

А за Зелёными горами на дороге, по которой отходили герои куряне и казаки, сидел под грушевым деревом Михаил Дмитриевич, и глаза его были увлажнены слезами. Да, слезами! Китель его был испачкан, изорван, окровавлен. В течение всего этого дня над Скобелевым постоянно витала смерть. В самых опаснейших, осыпаемых градом турецких пуль местах видна была белая фигура молодого генерала, со сверкающими глазами, с высоко поднятой головой. Словно вызов врагу, реял над Скобелевым его красный значок с буквами «М. Д. С.». Вокруг него падали верные боевые товарищи, поражённые турецкими

стрелками. Сложил голову его верный джигит Назар, под Скобелевым была убита лошадь, но сам он оставался невредимым. Когда во время боя пробовали говорить ему об убыли в отряде, он только грозно сверкал очами, а когда бой кончился, плакал, не скрывая слёз, о жертвах боя, о бесчисленных раненых, длинной вереницей проносимых мимо него... Он не думал о том, что именно этим днём начинается его великая слава, что после этого целого дня отчаянно-ожесточённого боя загремит повсюду в русских войсках весть о Белом генерале, он помнил только то, что ему приходится уходить, не сокрушив врага...

Осман-паша не был сокрушён. Чудовище-Плевна, внезапно выросшая на пути русских войск за Балканы, остановила их. Она ободрила упавший было дух в войсках султана, и как бы в ответ на Плевну загремели на Балканских вершинах знаменитые шипкинские бои, где горсти русских пришлось обороняться против превосходящих войск Сулеймана-паши. Грохот Шипки отозвался и в равнинах Предбалканской Болгарии. Кацелево, Аблово, Караханский покрыли славой русское

оружие, но вместе с тем и показали, что турки достаточно сильны, чтобы не только обороняться, но и самим переходить в наступление. Пелишат и Сгаловице, где Осман-паша произвёл отчаянную попытку пробиться через русские заставы, показали, что плевненский полководец не потерял присутствия духа и постоянно будет грозить русским из своей созданной не человеческими руками, а самой природой крепости...

Тогда решено было во что бы то ни стало взять Плевну. Однако успеху штурма мешала Ловча, где, по мнению всех русских стратегов, могла создаться такая же твердыня, как и убежище Османа...

Ловча лежит в долине, перерезываемой с юга на север довольно широкой, но мелководной рекой Осма. Вокруг — кольца высоких гор, гребни которых всюду представляют из себя созданные самой природой укрепления. С севера и юга глубокие ручьи являются как бы естественными рвами. Правый берег Осмы выше левого, и его кручи тянутся вёрст на шесть вдоль реки. Турки укрепили их, как могли. В сторону Плевны поднимается на три

версты просторная возвышенность, раскинувшаяся по гребню гор. Сам городок Ловча, ничем не отличавшийся от других болгарских городов, расположился по обоим берегам Осмы, соединённым крытым мостом. Через город проходили пересекающиеся шоссейные дороги между Плевной и небольшими городками в балканских предгорьях: Сельви и Трояном. До Плевны от Ловчи было расстояние не более тридцати вёрст. Высоты правого берега с так называемой тогда Рыжей горой на юге, единственной, не поросшей виноградниками, турки укрепили сетью траншей, в центре которых поднимался огромный редут, доминирующий над плевненским шоссе и являвшийся «ключом» всей ловчинской позиции.

По своим укреплениям Ловча представляла несомненную твердыню. И эту твердыню русским войскам непременно следовало сломить.

Штурм Ловчи поручили князю Имеретинскому, отряд которого был разделён на две колонны. Одна колонна, которая должна была действовать на левом фланге, была поручена

генерал-майору Добровольскому, командиру стрелковой бригады, другая — на долю которой выпадали вся тяжесть боя и взятие Рыжей горы — Михаилу Дмитриевичу Скобелеву. На ловчинском шоссе расположили общий резерв под начальством генерал-майора Энгмана, а на плевно-ловчинском шоссе поставлено десять сотен Кавказской казачьей бригады, которая в случае успеха должна была преследовать отступающего неприятеля.

Штурм Ловчи назначили на 22 августа.

Князь Имеретинский разгадал, какого военачальника он имеет около себя в лице Михаила Дмитриевича. Он предоставил ему полную свободу действия, и Скобелев уже за несколько дней до штурма принялся производить тщательные разведки Ловчинской позиции. С неутомимостью, открывавшей в нём физически закалённого человека, исследовал он местность, заносил себе в план каждый холм, каждый пригорок, каждый ручеёк около Ловчи и в конце концов знал всю местность так, будто провёл в болгарском городишке долгие годы своей жизни...

Рассвет 22 августа застал назначенные к

штурму войска на заранее намеченных для них местах. В течение ночи солдаты возведи прикрытия батарей, и взошедшее в это время солнце озарило своими лучами более согни русских пушек, смотревших своими, пока ещё безмолвными жерлами на турецкие траншеи и редуты.

Князь Имеретинский со своим штабом поместился на высоте, приходившейся у шоссе к Сельви и названной почему-то Счастливой. Отсюда командовавшему боем ясно было видно всё поле, вся Ловча, и, осмотревшись, князь подал сигнал начинать обстрел турецких позиций... Загрохотали русские пушки, и им тотчас же начали отвечать турецкие. Сотни снарядов крестили по всем направлениям воздух. Адский грохот не смолкал несколько часов подряд, и вдруг, раньше, чем было условлено, войска генерала Добровольского пошли в атаку. Добровольский умел одушевлять солдат. Его стрелки, шедшие кпереди, перекатывались с высоты на высоту, карабкались на холмы, брали один за другим турецкие окопы и, наконец, спустились, но уже растерявшие на своём кровавом пути к бере-

гу Осмы многих товарищей.

Тут они должны были остановиться: их оставалось слишком мало для дальнейшего наступления.

Скобелев и не думал спешить так, как поспешил Добровольский. Он начал атаку только около полудня. Зато Рыжая гора была вся засыпана русскими снарядами, а во время горячего артиллерийского боя Скобелев успел подвести к самым её скатам совершенно незаметно для турок несколько рот казанского полка. Казанцы сперва засели под горой, а потом так же незаметно взобрались на соседнюю с Рыжей высоту. Только когда это было исполнено, Скобелев послал уведомить князя Имеретинского, что он начинает наступление.

Пошли полки калужский, казанский и либавский под общей командой генерала Разгильдеева. Едва только двинулись они, пятьдесят шесть русских орудий направили свой огонь на Рыжую гору. Разгильдеевская колонна начала в это время бегом подниматься на скаты. Турецкие стрелки попробовали было встретить её огнём, но в это время около них

грянуло мощное «ура!». Это незаметно подведённые казанцы ударили на турок, застигнув их врасплох...

Быстро было покончено с опаснейшим делом... Рыжая гора оказалась взята с поразительной быстротой, но битва не кончилась, она только ещё начиналась...

Турки занимали надбрежные высоты, да за Осмой высился их грозный редут, поражавший нещадным огнём орудий тщетно пытавшихся переправиться через реку стрелков Добровольского и уже начавший стрелять по полкам Скобелева.

В кромешный ад превратились берега ещё недавно тихой, сонной речки. Грохот русских и турецких орудий слился в единый рёв некоего фантастического чудовища. Снаряды шипели, свистели, жужжали, гудели, рвались с оглушительным треском. Смерть носилась всюду. Трупы русских и турок, густой дым пожара над Ловчей — всё это завершало собой мрачную картину сего ужасного боя... И вдруг среди всего невообразимого хаоса звуков раздались стройные звуки военного оркестра. Показался полк, шедший с высот к берегу

Осмы с распущенными знамёнами. Это были казанцы. Скобелев сам их вёл в опаснейшее место. Спокойный, даже улыбающийся, не торопясь, ехал он впереди полка. Перед ним была площадка, от которой вёл спуск к городу. Лишь подведя к ней казанцев, Скобелев скомандовал им «вперёд!», а сам остался пропускать следовавшие за передовыми псковские батальоны. Этим приходилось совсем плохо. Турки из-за Осмы заметили это движение и сосредоточили на наступающих сильный орудийный огонь. Казанцы прошли сравнительно благополучно. Но зато турецкие снаряды рвались в самой гуще псковичей. Одна из гранат, разорвавшись, сразила сразу двадцать человек, но псковичи шли так же твёрдо, как и казанцы. На них смотрел, пропуская их мимо себя, сам Скобелев. Богатыри видели, что и генерал подвергается такой же опасности, как они, но видели они также, что он, этот их «белый вождь», не обращает никакого внимания на рвавшиеся над головой снаряды и остаётся спокойным даже тогда, когда сама смерть, казалось, приближается к нему...

Вслед за псковичами успели подобраться

четыре орудия. Скобелев установил их на площадке, которую занимали казанцы, и сейчас же русские пушки принялись громить заречный редут. Это значительно облегчило путь наступавшим. Один из русских снарядов разорвался внутри редута. Облака чёрного дыма окутали турецкую позицию, показались было языки пламени, но турки сумели быстро погасить пожар. Однако Скобелев уже воспользовался недолгим ослаблением неприятельского огня и занял Ловчу третьим батальоном казанцев, а калужский и либавский полки подвёл к берегу Осмы несколько западнее городка.

В это время к изнемогавшим уже на Осме стрелкам Добровольского и к примкнувшей к ним сводногвардейской полуроте подоспел на помощь ревельский полк, и благодаря этому русским удалось удержать берег в своих руках.

Битва близилась к своему завершению. Ловча была уже в руках русских, оставалось только взятием позиций за Осмой довершить победу. Как-то само собой вышло, что руководство боем перешло к Скобелеву, и Михаил

Дмитриевич мастерски воспользовался этим. Он не стал спешить с переправой, а собрал к себе все, какие только было возможно, войска. Был уже на исходе третий час дня. Солнце жгло невыносимо. Солдаты были одеты по приказанию Скобелева в зимние мундиры. Но теперь мало кто обращал внимание на зной, на жажду, на усталость. Все — и солдаты, и офицеры — горели желанием поскорее покончить с Ловчей, сломить последний оплот турок на берегу Осмы. Кругом рокотали барабаны, пели трубы кавалеристов. Семнадцать батальонов и одиннадцать эскадронов и сотен собралось под рукой Скобелева, и, дав людям немного отдохнуть, Белый генерал кинул их за Осму.

Невиданное зрелище представляли атакующие. Впереди шли с развёрнутыми знамёнами и музыкантами калужцы и либавцы, справа рота за ротой вступали в бой ревельцы, слева — казанские роты. Турецкий редут обратился в адскую машину, высылавшую навстречу наступавшим тысячи смертей. Ружейные выстрелы трещали с такой скоростью, что звуки их походили на перестук ты-

сяч молотков. Пули сыпались, как будто какой-то чудовищный гигант высыпал их разом из огромной вместимости мешка. Но этот свинцовый град не останавливал героев. Осма преградила им путь, они пошли вброд через реку. Эстляндский полк дрогнул было и замешкался в своём общем наступлении, и сейчас же перед ним появился «белый вождь». Скобелев прибегнул тут уже к испытанному им приёму: он заставил полк под градом турецких пуль проделать ружейные приёмы, и оробевшие было люди успокоились, пришли в себя и, ободрённые своим любимым генералом, неустрашимо двинулись вперёд. Скобелев уже опередил их. Его красный значок носился по всему полю битвы. Перед редутом оказалось кладбище с высокими стоячими турецкими памятниками усопшим. Михаил Дмитриевич указал на них уже подбегавшим отдельным солдатам. Прячась за камни, они подвигались к редуту, не замечаемые его защитниками, сосредоточившими всё своё внимание на подходивших полках. Повторилось то же, что было на Рыжей горе. Калужцы, либавцы, ревельцы, сохраняя

фронт, ударили на редут, и в это время в тылу турок загремело «ура!»... Крохотная кучка — не более чем человек в пятьдесят — успела подобраться незаметно и тоже, произведя переполох своим внезапным появлением, с безумной дерзостью кинулась на редут с той стороны, откуда турки никак? не могли ожидать русских. На помощь атакуемым кинулся было последний турецкий резерв, стоявший у Плевненского шоссе, но он угодил под сабли кавказских казаков, а в это время редут был взят...

Победа совершилась полная, и честь её по справедливости принадлежит Скобелеву, хотя командующим боем и был другой генерал. Скобелев личным присутствием в наиболее опасных местах постоянно окрылял дух русских воинов, внушал им бодрость, презрение к опасности, а своими предварительными разведками он обеспечил успех битвы. Блистательная Ловчинская победа заставила забыть русскую армию о неудачах под Плевной.

XXII
БОЙ ЗА ЗЕЛЁНЫЕ ГОРЫ

Осман-паша не потерял времени даром. Плевна представляла из себя твердыню уже по природному расположению своему. Турецкий полководец постарался укрепить ещё более свои неприступные твердыни.

Он понял, что ахиллесовой пятой его Плевны являются именно Зелёные горы, откуда был легчайший доступ к самому городу и расположившемуся около него турецкому лагерю, и укрепил их так, что подступ со стороны к Плевне казался невозможным...

Гребни Зелёных гор были изрыты окопами для стрелков, а за третьим гребнем, в некотором отдалении от него, высились два неприступных редута Абдул-бей-табия и Реджи-бей-табия, соединённые между собой крытой

траншеей. Эти редуты стали своего рода «сердцем Плевны». Кто владел ими, тот становился хозяином Плевны. Если бы русским удалось овладеть редутами, Осман-паша вынужден был бы уйти из Плевны. Сопротивление было бы невозможно, ибо с редутов орудия разгромили бы всю Османову армию. Для защиты от атак на эти редуты Осман-паша укрепил поперечные Кришинские высоты.

Весьма укрепился Осман-паша и на других пунктах. На севере Плевна, обрамленная Буковлековскими высотами, была неприступна сама по себе, на юге против Радищева вырос редут Омар-бей-табия, откуда турки одними только перекрёстными выстрелами могли смести всё живое. На востоке остался Гривицкий редут, укреплённый так, что огонь с него можно было производить сразу с двух ярусов.

Третий штурм Плевны назначен был на 30 августа, но уже с 25 начались «гранатные дни». Это было обстреливание Плевны из всех орудий, какие имелись почти в стотысячном отряде, назначенном для овладения плевненской твердыней.

Для действия против Зелёных гор, призна-

вавшихся теперь «ключом» к Плевненской позиции, был назначен порученный князю Имеретинскому отряд, в составе которого находился и победитель под Ловчей — Михаил Дмитриевич Скобелев.

Вторично ему приходилось вести русских богатырей на Зелёные горы... Князь Имеретинский, как и под Ловчей, с замечательной деликатностью предоставил Скобелеву самостоятельность, хотя во все знаменательные дни третьего Плевненского сражения неотлучно находился при войсках.

С рассветом 25 августа подняли оглушительный рёв русские орудия. Турки отвечали им с бешеной энергией. Зеленогорский отряд, тыл которого после взятия Ловчи был безопасен, поспешил подойти к деревушке Брестовацу. Осман-паша почему-то не занял Брестовацких высот, точно так же, как и первого гребня Зелёных гор. Турки ожидали противника на втором — срединном — гребне, и зеленогорский отряд не заставил себя долго ждать.

Под отчаянный грохот бомбардировавших Плевну русских пушек подвёл Михаил Дмит-

риевич отличившиеся под Ловчей и уже пополненные калужский и эстляндский полки, 9-й и 10-й стрелковые батальоны, пять батарей — четыре полевых и одну дальнобойную, и три сотни казаков из полка, отличившегося в походе за Балканы полковника Чернозубова. Брестовац был занят одним батальоном, и теперь русский Белый генерал Михаил Дмитриевич Скобелев опять стоял против Османа-паши, которому падишах всех османов дал уже титул «гази», то есть — «непобедимого»...

Однако сравнительно с первой встречей этих знаменитых вождей на сей раз была существенная разница. Тогда, 18 июля, Осман-паша никак не ожидал появления русских на Зелёных горах, теперь он совершенно готов был встретиться с ними здесь. Тогда на стороне Скобелева была неожиданность его нападения, теперь этого ничего не было, а зеленогорский отряд в сравнении с теми силами, которые мог выставить против него турецкий полководец, был всё-таки весьма незначителен.

Но Скобелев не думал о числе врагов. Он явился, чтобы на этот раз победить Османа, и

стремился всеми силами своего гения только к победе...

Начался артиллерийский бой. Турки непрерывно стреляли по русским батареям и с Кришинского редута, и с редута Омар-бей-табия. На всём пространстве от Кришина до Тученицкого оврага гремели, не смолкая, пушки. Под их выстрелами русские заняли первый гребень Зелёных гор.

Наступил день 29 августа. Скобелев прислал сюда донцов. Лихие наездники, оставив коней, действовали так же, как и пехотинцы-стрелки: их берданки трещали беспрерывно. Турки, заметив, что казаков мало, поспешили спустить на них черкесов. Удалой хорунжий Дукмасов кинулся на них с донцами и молодецким натиском разогнал этих полудиких воинов. Сейчас же заалел от ярких турецких фесок обращённый к русским скат срединного гребня. Это всей своей массой сползала турецкая пехота, чтобы одним решительным натиском раздавить горсть смельчаков. Но донцы стояли неподвижно, готовые принять и отразить удар. Они даже стрелять перестали, готовясь к залпам — к то-

му моменту, когда турки подойдут совсем близко. Но едва турки начали взбираться на третий гребень, по ним затрещали выстрелы. Это начиналась знаменитая Скобелевская атака Зелёных гор — на гребень взошла стрелковая цепь калужского полка.

Михаил Дмитриевич был около калужцев. Полк, уже отличившийся на глазах Белого генерала, шёл и теперь спокойно, отчётливо, словно на смотровом поле, а не под выстрелами сильного и беспощадного противника. В боевой его линии были два батальона, в резерве — третий. Эстляндцы оставались в общем резерве у Брестоваца. Вёл калужцев их молодой пылкий командир полковник Эльжановский. Скобелев всё время с опасением посматривал на него. Он и сам был храбрец, и храбрец, давно свыкшийся с боевыми опасностями, и поэтому знал, что часто личная храбрость увлекает людей дальше, чем следует, и побаивался как бы Эльжановский не испортил ему всего дела. Он намеревался в этот день овладеть только вторым гребнем и знал, что и не по силам бы его незначительного передового отряда было атаковать другие турец-

кие позиции. А лицо удальца-командира так и горело боевым одушевлением; видно было, что он с нетерпением ждёт момента, когда генерал отпустит его одного вперёд...

Скобелев в этом бою был не один. Вместе с ним на Зелёных горах был его любимейший из туркестанских друзей капитан Куропаткин, тоже попавший в дело после долгого своего пребывания в штабе действующей армии. С Куропаткиным Скобелев готов был разделить свою славу. Присутствие молодого стратега придавало ему новые силы, новую энергию...

Калужцам при наступлении предстояло пройти несколько менее полуверсты под огнём турок, засевших в виноградниках срединного гребня. Взбираться на гребень приходилось, продираясь среди кустарников и виноградных лоз. Турки между тем так и сыпали пулями, но линии наступавших были разрежены, и потери оказались при переходе через обстреливаемое пространство незначительными.

Отпуская полк в атаку, Скобелев просил Эльжановского идти с резервов, а не по бое-

вой линии, но удалец, охваченный боевым жаром, скоро позабыл об этой просьбе и очутился впереди калужцев. Быстро взлетели смельчаки на вершину гребня и посбрасывали с него турок штыками. Но это был мнимый успех. На калужцев посыпались пули с третьего гребня. Огонь был адский. Солдаты залегли и пробовали отстреливаться, но с их стороны огонь получился вялый, нерешительный. Скобелев приказал им окопаться и укрепиться, как только срединный гребень будет занят. Этого не было сделано, и турецкие пули так и вырывали всё новые и новые жертвы. Как на грех среди калужцев оказалось много «новичков» — солдат, ещё не побывавших в боях. Для них этот кромешный ад был новинкой. Нервы не выдержали постоянного ружейного треска, а тут ещё с высоты третьего гребня поползли вниз ярко-красные толпы — это турки переходили в наступление.

— Вперёд! Штыками их! — раздалась совершенно неожиданно команда. Чья — это так и осталось неизвестным, но приказание произвело совсем неожиданный эффект.

Несколько солдат вскочили с земли и, громко крича «ура!», со штыками наперевес кинулись на спустившиеся уже в лощину турецкие массы. Кинувшихся было всего несколько, но вслед за ними бросились, как обезумевшие, все два батальона. Напрасно офицеры приказывали остановиться — живой ураган увлёк и их вперёд. Эльжановский был тяжело контужен и не мог уже распоряжаться боем. Солдаты вихрем мчались вперёд. Пули, сыпавшиеся на них, как горох, никого не останавливали. В кого попадали они, тот падал, если был тяжело ранен. Остававшиеся на ногах мчались вперёд. Страшно ударили они по туркам. Те не ожидали этого удара и, поражённые им, бросились назад. Калужцы погнали их и перемешались с ними, поражая их на бегу. Встретившиеся на вершине гребня турки были смяты, сброшены этим живым вихрем. Но и тут калужцы не остановились. Они скатились за третий гребень и группами по пятнадцать-двадцать человек неслись уже к окутанным пороховым дымом редутам, встречавшим их губительным огнём. Напрасно Скобелев слал офицеров с при-

казанием возвратиться назад — остановить разгорячённых солдат было невозможно...

— Наши впереди, и мы туда же! — отвечали герои, случайно услыхавшие приказание.

Большинство даже не слышало их совсем. Казалось, ничто не могло теперь остановить калужцев. Их громили пушки с обоих редутов, с Кришина, с Омар-бей-табия, но, они под этим перекрёстным огнём ворвались в окружавшие редуты ложементы и засели в них. С трёх сторон на них лилась (уже не град) сплошная река картечи. Смельчаки гибли и всё-таки не уходили. Слева от Кришина на них налетели черкесы, и правофланговые все оказались изрублены; справа Осман-паша выпускал табор за табором, дабы охватить живым кольцом этих героев-победителей. Только теперь, когда обстановка в ложементах, нападение черкесов несколько охладило боевой пыл уцелевших калужцев, они поняли, в какое страшное положение завлёк их порыв. Они тогда оставили взятые ложементы и, преследуемые со всех сторон турками, начали отходить обратно. Рой пуль нёсся им вслед. Сзади наседали ожесточившиеся аске-

ры Османа. С флангов то и дело наскакивали с гиканьем черкесы. Остатки смельчаков должны были с «ура!» кидаться в штыки, чтобы отбрасывать беспощадных врагов. Иногда они останавливались, чтобы дать залп. Бой, начавшийся в четыре часа пополудни, занял всё время до сумерек, и отходить калужцам пришлось уже в наступавшей предвечерней мгле. Они были уже в лощине перед третьим гребнем, когда слева перед ними вдруг обозначилась тёмная живая масса. Отступавшие приостановились, вскинули ружья, чтобы залпом ударить в наступавших.

— Не стрелять! Свои! — послышался голос из полумглы.

Калужцы опустили ружья, но в этот же момент по ним так и брызнул град пуль, и вслед за залпом раздалось радостное «алла» турок. Неприятели обманули отступавших смельчаков и подобрались к ним почти вплотную. Гибель остатков полка была бы неизбежна, но когда они уже готовились к последнему рукопашному бою, в темноте загремело совсем близко «ура!». Это генерал Скобелев выслал резервный калужский батальон спасать уце-

левших героев. Турки жестоко поплатились за своё вероломство. Подоспевший батальон всей своей тяжестью навалился на них, а вызванные на гребень эстляндцы отбросили огнём преследовавших со стороны Плевны турок...

На третьем гребне удержаться не было возможности. Зато на втором гребне зеленогорцы успели утвердиться. Цель боя была достигнута, и за своё увлечение — увлечение изумительно-геройское, но всё-таки бесполезное — калужский полк заплатил сполна...

В этот день Зелёные горы обошлись России в 900 человек...

Смущённые возвращались калужцы на свой бивуак в Брестоваце... Полк их был растерзан, раненые остались в лощинах, и всё это было последствием не необходимости, а только внезапного увлечения, охватившего этих людей до такой степени, что они не могли воспротивиться ему...

А всё-таки это были герои, показавшие Осману-паше и всей его армии, каких бойцов он имеет перед собой на Зелёных горах...

Уставшие до крайней степени, голодные,

потрясённые всем происшедшим, брели, как попало, остатки калужцев, не думая даже о равнении, о поддержании строевого порядка.

— Стой, ребята! — раздался около них молодой звучный голос.

Солдаты остановились. Они и не заметили, как возле них очутился капитан Куропаткин.

Он весело, шутливо даже заговорил с солдатами, ободрил их ласковыми словами, потом заставил их построиться и в полном порядке сам повёл их к бивуаку.

— А, пожалуй, ребята, и песню запоем? — как бы невзначай предложил Куропаткин ближайшему из солдат. — Не любит генерал, если молодцы без песен идут.

— Отчего не запеть? Запоем! — отвечал калужец, и над нолём битвы полилась, смешиваясь с треском затихавшей перестрелки, удалая русская песня...

Так в полном порядке, с песнями возвратился из-под самой Плевны растерзанный турецкими пулями славный калужский полк.

Плевна ещё не смолкла. Со всех сторон оттуда доносились одиночные и залповые выстрелы. На Зелёных горах по всем направле-

ниям шныряли казаки, подбирая раненых. Скобелев, Имеретинский и начальник их штаба Паренсов в тесной болгарской избушке Брестоваца обсуждали события минувшего дня, составляли планы следующего...

А следующий день был великим днём: русские в этот день должны были пойти на решительный приступ к грозному оплоту турецкой силы — к Плевне.

XXIII
ПОБЕДА СРЕДИ ПОРАЖЕНИЙ

Забрезжилось в мглистом тумане роковое утро 30 августа. Всё время стояли ясные, даже знойные дни, а тут день начался пасмурным, грозившим дождём утром. Низко плыли над Плевненской равниной густые дождевые облака; как только рассеялась мгла, начал моросить противный, до костей пронизываю-

щий дождик.

Штурм Плевны предполагался одновременно с трёх сторон: Гривицкий редут должны были атаковать румыны, князь которых Карл незадолго до этого подписал союзный договор с Россией. Русский отряд должен был идти с Радишевской горы на атаку редута Омар-бей-табия, и, наконец, должен был атаковать турецкие позиции и зеленогорский отряд.

Ни за Гривицу, ни за Омар-табию Осман-паша, как видно, нисколько не опасался. Всё его внимание было устремлено на Зелёные горы; против зеленогорского отряда он противопоставлял лучшие свои войска...

Но и этого казалось недостаточно энергичному полководцу. Он желал раздавить отряд, смести его с высоты, ему была нужна решительная победа над войсками Скобелева и Имеретинского, и Осман-паша в памятное России утро 30 августа начал бой первым...

В пять с половиной часов утра с занятого турками третьего гребня Зелёных гор раздались первые выстрелы по донцам Чернозубова, карауливших турок на занятом накануне

срединном гребне, и вслед за первыми выстрелами из Плевны показались таборы Османовой армии, наступавшие с густыми стрелковыми цепями впереди. Таборов было десять, и шли они смело, уверенно, не обращая внимания на русские пули. На срединный гребень выведен был ещё не ходивший накануне в бой эстляндский полк. Он подоспел, когда турки перестраивались в боевые колонны. Теперь преимущества, предоставляемые возвышенностями, были на стороне русских, и эстляндцы встретили турок таким плотным огнём, что даже обстрелянные, привычные к нему Османовы аскеры не выдержали и повернули обратно, спеша укрыться за своими высотами.

Скобелев воспользовался этим отступлением и уехал в Богот с докладом о бое накануне, а турки тем временем опять выползли из Плевны и двинулись напролом по Ловчинскому шоссе. Из Кришина выскочили черкесы, но Михаил Дмитриевич успел вернуться, и сам принялся распоряжаться боем. Он сумел обойти турок, но наступление свежих таборов оказалось так стремительно, огонь из

Кришина и с третьего гребня столь силен, что турки не остановились. Однако бой всё-таки завязался... Вдруг в тылу у турок раздался оглушительный удар, и над Плевной взвилось огромное облако. Это удачный русский выстрел взорвал неприятельский пороховой погреб. Турки были ошеломлены взрывом, и русские с оглушительным «ура!» погнали их обратно в Плевну...

Всё-таки это был значительный успех. Зеленогорцы получили возможность отдохнуть. А кругом разлился уже энергичный штурм остальных позиций. Дождь усилился и перешёл чуть ли не в ливень. Туман окутал Зелёные горы, а там полки, только что отбившие бешеные атаки турок, готовились сами перейти в наступление...

Верный своему правилу, что «битва — это пир для солдата», Скобелев собрался на этот кровавый бой, как на весёлый праздник. На нём были новый белый китель и свеженькая, только что с иголочки, генеральская шинель. Бороду он расчесал волосок к волоску на две стороны. Сам он был надушен, конь под ним был белый, голос его, которым он обращался

к солдатам, звучал весело, уверенно. Глядя на него, бойцы даже залюбовались своим вождём и словно бы позабыли о смертной опасности, грозившей в предстоящие часы кровавого боя каждому из них.

— Здорово, богатыри! Здорово, молодцы ловчинские! — слышался среди солдатских рядов молодой звучный голос Белого генерала. — Идём на турку прямо?!

И в ответ ему, этому удальцу, только и слышалось ласковое слово:

— Уж постараемся для тебя, родимой... Одолеем турку!..

В этом ответе слышалось, что между военачальником и воинами уже установилась тесная сердечная связь, что всё сделают для своего Белого генерала эти простые душой русские люди, сделают потому, что пришло время отплатить вождю за всю его ласку, за его доброту к маленьким человечкам...

А кругом так и надрывались, оглушительно грохоча, турецкие пушки. С Кришина и Омар-табии стреляли без перерыва. Вдруг раздались стройные звуки военной музыки. Играл марш целый оркестр — это полки 16-й ди-

визии пошли в атаку на третий гребень Зелёных гор. В сгустившемся ещё более тумане раздалось богатырское «ура!». Это полки приветствовали, проходя, вождя. Первым начал спускаться в лощину владимирский полк, выделив вперёд боевую и резервную цепи. Врага не было видно, слышались только адский грохот и треск. Но скобелевцы шли на турок, а турки, не дожидаясь их, спускались к ним навстречу. Туман скрывал врагов друг от друга, поэтому столкновение произошло для обеих сторон неожиданно. Владимирцы подались назад, турки кинулись к ним. Весь гребень оказался покрыт Османовыми аскерами. Словно красные кровавые волны перевалились через гребень, неся с собою смерть и уничтожение. Владимирцы оправились быстро. К ним подоспели 9-й и 10-й стрелковые батальоны; подходил суздальский полк. Ружейный огонь остановил турок, и началась новая отчаянная перестрелка, только мучившая солдат и не приносившая им никакой пользы. Турки не отходили со своей высоты. Сколько ни громили их русские пушки со срединного гребня, число турок будто не умень-

шалось. Осман-паша в подкрепление своим бойцам посылал всё новые и новые таборы. Положение русских становилось невыносимым. Нервы не выдерживали, бодрость падала... И в этот момент перед полками появился Белый генерал. Орлиным взором окинул он и своих, и турок, и понял, что дольше держаться нет возможности, и двинул все подошедшие к третьему гребню полки в атаку, приказывая им во что бы то ни стало сбить турок...

Громкое «ура!» было ответом на это приказание любимого командира. Вперёд бросились находившиеся позади суздальцы. Неистово выкрикивая боевой клич и ободряя им самих себя, кинулись они вперёд на скат, весь так и красневший от обилия турецких фесок. Пули турок не остановили героев. На пути суздальцы встретили владимирцев и стрелков. Они увлекли их с собой. Полки перемешались. Добравшись на сто саженей к туркам, русские всей массой кинулись на них со штыками наперевес. Турки встретили их, и закипел самый ужасный, молчаливый рукопашный бой — грудь с грудью, лицом к лицу. Недолго он длился: турки, славные воины, не

выдержали богатырского удара. Третий гребень был взят и очищен от неприятеля...

XXIV
В «СЕРДЦЕ ПЛЕВНЫ»

Кобелев так и поедал глазами открывавшуюся перед ним картину. Плевна была будто на ладони. Из густой зелени садов выглядывали беленькие болгарские домики, дальше поднимались острые, как иглы, минареты. Под Плевной совсем низко плавали облака порохового дыма. Восточные высоты были так окутаны им, что там ничего нельзя было разглядеть...

Впрочем Михаил Дмитриевич и не особенно всматривался туда. Там было «не его», а вот перед ним расстилалось то, что должно скоро перейти в его руки... Перед ним было «сердце Плевны» — соединённые редуты: Аб-

дул и Реджи...

Не казались они теперь в этот дождливый пасмурный день ни страшными, ни неприступными. Просто это были огромные кучи мокрой земли и грязных камней, но отовсюду, из грубо проделанных амбразур, из отверстий, заменявших бойницы, смотрели дымившиеся жерла пушек и стволы ружей...

Редуты молчали. Видимо, и их защитники тоже утомились и теперь отдыхали, поджидая, когда опять пойдут на них русские...

Зато Кришин и Омар-табия не знали отдыха. Пушки гремели с них непрерывно. В левой стороне от главных редутов вырос новый — Садовый, как его уже называли русские, однако от главных редутов он был отдалён и представлял опасность только тогда, когда пришлось бы прорываться на него.

Было три часа пополудни. Ещё два-три часа, и должна уже наступить темнота. Покончить с редутами следовало засветло. Скобелев тяжело вздохнул и подал знак начинать атаку.

Войска уже знали, что Радишевский, или центральный, отряд был отброшен. Скобелев

внимательно вглядывался в лица солдат, желая рассмотреть на них впечатление, произведённое вестью о неудаче. Но чем дольше вглядывался он, тем всё более светлело его лицо. Он не видел в солдатах ни тени уныния, ни следов упадка духа. Люди смотрели бодро, даже весело, с задором; на каждом лице как бы отпечатывалась уверенность в предстоящей победе...

Скобелев взглянул вниз, в логовину, — она вся клубилась туманом.

Полки проходили мимо своего Белого генерала, словно через сто-двести саженей их ждал парад. Знамёна были распущены, впереди шли музыканты. Так и вспыхивало «ура!», когда солдаты проходили мимо Скобелева и узнавали его. С «ура!» смешивались их приветственные крики. Вот прошли суздальцы, владимирцы и стрелки — победители этого утра, овладевшие гребнем. Словно пасть ада открылась и поглотила их — таково было впечатление, когда туман в логовине скрыл их. С редутов, которые с третьего гребня ясно были видны, затрещали безостановочные выстрелы. Турки оттуда тоже не видели насту-

павших, но слали пули наугад — по тому направлению, где русские должны были пройти. Пушки с обеих сторон так и грохотали. Воздух дрожал. Скобелев глаз не спускал с той полосы, где кончался туман и снова была видна мокрая, потемневшая земля... Вдруг словно бездна разверзлась, и из неё вынырнула на свет дневной небольшая кучка солдат. Вынырнула и остановилась, громко крича «ура!». Турецкие пули в одно мгновение смели несчастных. На смену им выбрались ещё несколько групп. И их ожидала та же участь. Очевидно, из тумана выбегали только наихрабрейшие. Остальные же так и застряли в непроницаемой мгле на дне лощины. Видимо, среди тумана бодрость оставила бойцов, сменившись нерешительностью. Это уже грозило и неудачей, и совершенно напрасными потерями людей, гибнувших под турецкими пулями. Скобелев нахмурил брови. В первый раз на его молодом красивом лице отразились следы тяжёлого душевного волнения. Нервным движением повернув коня, он отдал приказание идти в атаку ревельскому полку. Вспыхнуло на мгновение «ура!», и

полк с распущенными знамёнами, с музыкантами впереди ринулся под скат гребня. На Зелёных горах наступила тишина. Зато турецкие редуты превратились в пулемётные машины. Не дождь, не град, а река пуль и картечи лилась в туман, через который предстояло пройти ревельцам. Теперь уже на лице Скобелева ясно отпечаталась тренога. Он оглянулся назад, под гребень: там в последнем резерве стояли всего пять батальонов — три либавских и два стрелковых — 11-й и 12-й.

Последний резерв! Если и его бросить туда, в эту клубящуюся бездну, что останется? Белый генерал знал, что подкрепления к нему не придут... Князь Имеретинский уведомил его, что все резервы уже введены в бой и на Зелёные горы нет возможности послать ни одной роты...

Глухое, в котором, однако, не было ноток победы, «ура» раздалось за лощиной. Скобелев быстро повернулся туда, и вздох облегчения вырвался из его груди...

Из клубившейся бездны вынырнули цепи ревельцев. Удальцы сделали своё дело. Они были уже около самых редутов, продолжав-

ших сыпать тысячи, десятки тысяч пуль... Земля размякала, чернела, превращалась в какое-то месиво. Люди, скользя, увязая и падая, карабкались по ней. Турки стреляли по головам со своей высоты. Густые цепи заметно поредели, люди уже сбились в небольшие группки, ложившиеся под рекой свинца... Всего четыреста шагов остаётся до страшных редутов, но нет возможности пройти это ничтожное расстояние. Словно стена из пуль выросла вокруг, и ничто живое, казалось, не в состоянии пройти сквозь неё... А пройти необходимо, необходимо пройти, ибо недаром пожертвованы уже сотни жизней. «Сердце Плевны» должно перейти в русские руки!..

Хриплым, надсевшим голосом Скобелев отдал приказание идти на редуты последнему резерву. Миг — и последние пять батальонов скрылись в зловещем тумане. Клубящаяся бездна поглотила и их. Что-то будет!.. Неужели и эти так же будут отброшены, как и их товарищи?..

Но нет, нет! «Ура!» вспыхнуло и загремело под самыми турецкими редутами. Наконец-то добрались до них скобелевские герои. Вот они

берут ложементы. Ещё натиск — и «Сердце Плевны» перейдёт в руки русских храбрецов. Турки уже не могут стрелять: слишком близко подошли русские воины... Но что это? Редуты вдруг смолкли... Омар-табия здесь вся ощетинилась. Из-за её насыпей поднялись сотни штыков, и прямо на головы русских храбрецов опрокинулись защитники редута...

Закипел кровавый рукопашный бой. Страшное нервное напряжение, усталость сделали своё дело... Либавцы и стрелки, и ревельцы, напрасно растратившие свои силы, начали отходить, скрываясь в тумане. Дрались только наиболее стойкие, но дрались уже с отчаянием — то есть без всякой надежды на победу...

Вдруг мелькнуло, метнувшись вниз, в клубившийся туман что-то белое...

Это Скобелев в самый критический момент, когда уже не было ни малейшей надежды на успех, дал внезапно шпоры своему белому коню и сам вихрем помчался в бой...

Поражение зеленогорцев было неизбежно. Перемешавшись в одну нестройную массу, дрались остатки полков под Омар-табией;

сколько было отставших в лощине — неизвестно. Из Плевны же со стороны Тученицы выползали пехотные таборы, впереди них неслись черкесы, нестройными толпами бежали башибузуки.

Осман-паша уже ликовал. Он не сомневался в полной своей победе и здесь, и высылал своих свежих бойцов, чтобы истреблением бившихся под редутами зеленогорцев довершить свой успех.

В последний, грозивший стать роковым момент Белый генерал послал на помощь изнемогавшим, уничтожаемым полкам последний резерв — самого себя!..

Окружавшие его офицеры штаба даже не поняли в первые моменты, что такое совершилось...

Скобелев, пришпоривая коня, вынесся из оврага и очутился у начала подъёма на тот холм, где стоял грозный редут. Тут ему на глаза попалась кучка отходивших обессиленных солдат...

— Это ещё что за стыд! — загремел он. — Из-под редута бежать! Смирно! Осрамились... Ружья побросали! Не русские вы... Идите к

туркам! Не хочу вами командовать!

И словно переродились эти изнервничавшиеся, измученные люди. Куда только девалось овладевшее ими всецело уныние!.. Вмиг пред Белым генералом появились ряды, раздалось «ура!», громкое, могучее, в котором совсем не слышалось и нотки сомнения...

— Так! Молодцы! — гремел Скобелев. — Теперь — за мной! Я вам покажу, как русские бьют неприятеля... Я сам вас поведу! Стыдно будет тому, кто отстанет... Барабанщики! Наступление! Живо! Вперёд!..

И не глядя уже, следуют ли за ним солдаты, Скобелев помчался вперёд к редуту...

Дробь барабанов и полное воодушевления «ура!» заглушили грохот орудий. Редута не видно, его только слышно. Пригнувшись к земле, бегут охотники. Ничто теперь не сможет остановить их. С земли поднимаются раненые и, сжимая ружья в руках, тоже стремятся вперёд. Те из них, кто не в силах идти, ползут, но ползут всё-таки туда — к редуту...

— За мной, дети! Не отставать! — слышен уже далеко впереди голос Белого генерала.

Всё, всё до неузнаваемости изменилось на

поле битвы, едва только появился этот волшебник. Он словно новые силы вдохнул в изнеможённых храбрецов. Всё, что толпилось на дне оврага, что лепилось по скатам холма, словно ожило. Образовалась грозная масса, и эта масса, надрывно крича, мчалась на редут, где даже смолкли изумлённые турки, поняв-шие, что вместо радостной, желанной победы их теперь ждёт поражение...

Траншеи и ложементы были взяты одним натиском.

— Сюда, молодцы! — слышался голос генерала Скобелева. — Здесь они враги, здесь! За мной, дети! Одним ударом возьмём!..

Белый генерал уже у редута...

Из-за камней глядят звероподобные, чёрные лица негров; видны смуглые, словно выкрашенные лица арабов, горбоносые с хищным взглядом турки... Огонь из редута ослабел. Теперь уже не до стрельбы. Воины Османа готовы штыками встретить удар русских.

Какой-то мулла в зелёной чалме выскочил на бруствер и, бешено вращая глазами, шлёт проклятия.

— Алла, алла! — разливается повсюду с ва-

лов.

Скобелев уже на краю рва и всё ещё на своей белой лошади...

— Ещё усилие! За мной, ребята! — кричит он.

Миг — и Белого генерала уже не видно... Он вместе с конём скатился в ров. Вслед за ним полились живой волной его богатыри. Скобелев уже высвободился из-под лошади и впереди кучки храбрецов кинулся на насыпь. Теперь его узнать нельзя. Он весь покрыт кровавой грязью. Вместо лица — что-то чёрное, кровавое, зловещее. Скобелев хрипло кричит. И вот он уже на насыпи. Там в этот миг громыхнуло орудие и напоследок выбросило заряд картечи почти в упор в живую массу. Это был последний выстрел. В редуте закипел штыковой бой. Скобелев впереди. Какой-то аскер размахнулся было штыком, чтобы поразить генерала. Скобелев и не видит, какая опасность грозит ему. Соседний солдат страшным ударом отбил штык. Генерал даже и не заметил, кто спас его. Ему сейчас не до того. Он всё ещё впереди. Редут почти пройден, победители штыками вышвыривают его по-

следних защитников...

Громкое, победное «ура!» потрясло воздух. Абдул-табия, наиболее мощный из двух редутов, перешёл в руки русских. Часть турок убралась к своему лагерю под Плевну, остальные уцелевшие запрятались в крытую траншею.

Схватки ещё не кончены. Сражение продолжается, но уже победа русских несомненна. Около Белого генерала — толпа офицеров и солдат. Они громко, наперебой говорят, умоляя Скобелева уйти отсюда, из этого царства смерти... Ведь все эти люди шли сюда, как за знаменем, и теперь каждый готов прикрыть собой этого чудо-вождя, показавшего им поразительный пример презрения к смерти и опасности... Тяжелораненый майор либавского полка тянул Скобелева за ногу, умоляя сойти с лошади, которую подвели к генералу. Наконец лошадь была повёрнута и едва не насильно выведена из редута.

Скобелев и сам хорошо сознавал, что здесь, на поле битвы, он более не нужен, что есть у него теперь дело более важное. Мало было того, что редут взят, его предстояло ещё удер-

жать. Турецкий лагерь находился всего в трёхстах саженях. От занятого турками редута Реджи-табия русские отделены были только одной траншеей... Необходимо было во что бы то ни стало подкрепить уставших бойцов, но резервов уже не осталось. И Скобелев придумал: собрать рассеянные по лощинам остатки батальонов и выслать их на занятый редут.

После Скобелева принял командование в редуте генерал Добровольский, герой Ловчи. Спустя полчаса турки попробовали было возвратить захваченный русскими редут, но победители одним только ружейным огнём заставили их оставить попытки... При этом герой Добровольский оказался смертельно ранен, и начальство перешло к генералу Тебякину. Немного позже, после того, как Скобелев прислал собранных чуть не по одному солдату, суздальцы и либавцы под начальством подполковника Мосцевого через крытую траншею ворвались во второй редут и овладели этим укреплением.

Так оба редута — «Сердце Плевны» — были взяты русскими...

XXV
ЛЕГЕНДАРНЫЙ БОЙ

Свершилось великое дело!

«Ключ» к Плевне был добыт. Плевна — чудовище, остановившее победное русское шествие, была уже близка к своему падению...

В этот день с огромными потерями взят был Гривицкий редут. Но это «приобретение» оказалось не весьма перспективным. Предусмотрительный Осман-паша так укрепил восточные высоты Плевненской долины, что взятие Гривицкого редута существенной пользы не принесло. Плевна оставалась по-прежнему неуязвимой, хотя русские и подошли здесь совсем близко.

Зелёные горы и редуты Абдул и Реджи, напротив того, держали Османа-пашу в руках.

Потерей их турецкий полководец был до того ошеломлён, что приказал держать наготове обоз, чтобы уйти из Плевны за Вид, если не удастся вернуть редуты обратно.

А для защиты их Скобелев мог прислать только две с половиной сборные роты владимирского полка под командой майора Горталова и взвод артиллерии, который привёл в редуты раненый в щёку капитан Васильев.

Вскоре героев посетил генерал.

Молча въехал он в редут, сошёл с коня, вышел на бруствер и внимательно оглядел окрестности.

— Спасибо, ребята, за службу! — тихо поблагодарил он потом солдат. — Потрудились вы честно сегодня... Орлами налетели... Видел я, как дрались вы... Львы! Я счастлив, что командую такими молодцами... Устали?

— Устали, ваше превосходительство!

— Отдыхайте. Полдела совершили... Теперь удержаться нужно.

— Удержимся... Резервов бы маленько!

— Знаю. Спасибо, ребята, ещё раз! Вот и солнце показалось...

Действительно, под конец дня последние

лучи заходившего солнца озарили небо.

— Знамёна на валы! — скомандовал генерал.

Редут сразу оживился.

Два батальонных знамени взвились над бруствером. Первый солнечный луч в этот день загорелся на их крестах; лёгкий ветерок колыхнул и, словно паруса, развернул их полотнища. Развеваясь над серыми валами, они точно призывали благословение небес на эту группу измученных целым днём непрерывного боя храбрецов.

— Майор Горталов!

Горталов, невзрачный армейский майор, небольшого роста, средних лет, довольно плотный, с симпатичным, добродушным, чисто русским лицом, в старенькой шинели с потёртыми древними погонами и в такой же шапке, очутился возле генерала.

— Вы остаётесь комендантом редута! — раздался голос последнего. — Могу я рассчитывать на вас? Тут нужно удержаться во что бы то ни стало... Подкреплений, не исключаю, и не будет. Дайте мне слово, что вы не оставите редута. Это «сердце» неприятельской пози-

ции...

Горталов поднял руку, как бы присягая...

— Порукой моя честь! Живой я не уйду отсюда!

Генерал обнял и поцеловал героя.

— Сохрани вас Бог! Помните ребята: подкреплений не будет!.. Ещё раз говорю: рассчитывайте только на самих себя! Прощайте, господа!..

Отъехав с версту, генерал обернулся на редут. Весь он казался на высоте. Два знамени его в солнечных лучах гордо реяли над серыми камнями. Клубившийся внизу туман не успел ещё окутать их своей непроницаемой дымкой.

— На смерть обречённые! — печально прошептал генерал, как бы прощаясь с лучшими из своих сподвижников.

Ночь прошла для горталовского редута спокойно, но зато, едва забрезжил рассвет, начались бешеные атаки турок. Впереди редутов со стороны Плевны как будто живое кровавое море плескалось: это Осман-паша выбрасывал на редуты табор за табором. Но атаки были отбиваемы всякий раз. На редуте

стояли уже не люди, а некие сверхъестественные существа. Для них не существовало ни усталости, ни смерти. Их громили с трёх сторон. Они то отбивались ружейным огнём, то сами кидались в ответные неистовые атаки. Но держаться было невозможно. Каждая отбитая атака только отсрочивала роковой момент.

Горталов уже приготовился к нему... Вдруг невдалеке послышалось неровное, слабое «ура»... Сперва в редуте подумали, что это ошибка, галлюцинация. Но — нет!.. «Ура!» звучало всё ближе и ближе, слышалась музыка...

— Братцы, родимые! — вскричал Горталов. — Держитесь, ради Бога! Подмога идёт, наши близко!..

А турки были уже возле самого бруствера. Прямо в лицо им так и грянуло «ура!». Ободрившиеся горталовцы встретили их штыками, и ещё раз была отбита атака...

Откуда же явились эти подкрепления?..

Ещё накануне Осман-паша выпускал свои таборы из Омар-табии, стремясь удержать радишевский отряд от помощи зеленогорцам. И

в этот день послал он их, но удар пришлось принять слабому отряду полковника Эрна, оберегавшего правый фланг зеленогорцев от обхода. Эрн не только принял и выдержал удар турок, но ещё сам перешёл в контрнаступление. Осман-паша выслал против него новые силы, и бой разгорелся...

У Скобелева не было под рукой ни одного свободного солдата. На третий гребень с остервенением лезли турки из Кришина. Их отбрасывали одним только ружейным и артиллерийским огнём, но оставить гребень без защитников было невозможно. Тогда Скобелев спешил сотню донцов и послал их против турок, наседавших на отряд Эрна. Турки были отбиты и отогнаны к своим укреплениям. Но тут Скобелев получил от Горталова уведомление, что далее держаться он не в состоянии, что турки готовят атаку решительную, массовую... Мало того, Горталов уведомлял, что среди его солдат — истомлённых, измученных, голодных — может начаться паника, и они оставят редут... если только не будут ободрены хотя бы незначительной поддержкой.

Михаил Дмитриевич всё ещё не терял на-

дежды, что главному его начальнику князю Имеретинскому удастся выпросить в главном штабе подкрепление, и опять решился на то рискованное дело, которое помогло ему накануне овладеть редутами.

Неистово пришпорив лошадь, Скобелев помчался сам к горталовцам и едва миновал третий гребень, как увидел кучки солдат, отходивших уже с редута.

— Это что? Кто уходит? — полетел он на них. — Роты, стой!.. Стройся! Присягу забыли? Знамя бросили? Командира оставили?..

Солдаты остановились как вкопанные. Скобелев казался им страшен. Его красивое лицо так и горело праведным гневом. Его даже как будто перекосило. Губы искривились, глаза выходили из орбит. Шинель, распахнутая во время скачки, была залеплена липкой грязью. Белый чехол на фуражке обратился в серовато-грязный ком. Конь из белого обратился в грязно-бурого. Скобелев по-прежнему был обаятелен, и солдаты, заслышав его голос, вдруг стали, как будто перед ними выросла преграда, которую нельзя было ни обойти, ни перешагнуть...

Из Кришина турки заметили значительную толпу людей. В Скобелева и покорно построившихся солдат, противно шипя, освистывая на лету, посыпались турецкие гранаты.

— Стройся! Ружья к ноге! На плечо! — раздавались под этот свист команды.

Это генерал Скобелев управлялся со слабонервными защитниками редута. Словно на плацу, маршировали в овраге наскоро собранные им из беглецов роты. Откуда-то явились несколько музыкантов. Нестройно, но всё-таки по привычке достаточно складно заиграли трубы...

Так продолжалось несколько минут...

Как заметно изменились в это ничтожное время солдатские лица! Недавнего угнетения на них не осталось и следа; нервное возбуждение, доведшее их только что до бегства с редута, как рукой сняло. Опять эти люди стали прежними скобелевцами — богатырями великого духа, способными побеждать всякого врага...

Генерал заметил это.

— Роты! Направо, кругом! — раздалась ко-

манда.

Стройно, как на учении, а не под выстрелами, повернулись люди и «в ногу», сохраняя строй, не торопясь, тронулись обратно к холму, с которого они только что ушли...

Скобелев довёл их почти до самого редута и направил случайно собранную им горсть людей в кипевший около Абдул-табии бой...

С помощью этого неожиданного подкрепления отбита была ещё одна отчаянная атака Османовых аскеров. Скобелев в это время был уже у Тученицы, где Эрн мужественно отбивался от турок. А те наседали с всё превозмогающей силой. Русские полевые пушки уже замолкли. Враги надвигались сплошной стеной и нечем, и некому было отогнать их... Маленькому отряду грозило полное уничтожение...

Скобелев вихрем пролетел по полю битвы. Поблизости оказались каким-то образом забытые и ещё свежие роты либавцев. Не разбирая, как и почему они остались незамеченными, Скобелев повёл их в бой и бросил на врага — как раз тогда, когда тот менее всего ожидал удара.

Как и всегда при неожиданных натисках, турки смешались и подались назад. Либавцы смело бросились в самую их гущу и штыками заставили их уйти в свои укрепления...

Здесь скобелевцы одержали верх, но для горталовских редутов сочтены были последние минуты...

Отбитые атаки, однако, ободрили удальцов и утомили воинов Османа. Наступило затишье, если только можно считать им такие минуты, когда турки не кидались на приступ, а ограничивались только обстрелом занятых русскими редутов. Воспользовавшись этим, Скобелев послал горталовцам единственное подкрепление, которое он только мог дать им... Людей у него не было. Белый генерал послал пушки и снаряды к ним. Орудия привёл в редуты его любимый друг капитан Куропаткин, начальник его штаба. Как ободрились защитники редутов, увидя пушки и Куропаткина... Они встретили их таким радостным «ура!», которое являлось вернейшим залогом победы. Не даром же Скобелев прислал Куропаткина! Ведь, в сущности, Плевна уже была взята. Если только удержаться на этих реду-

тах — Осман-паша должен будет уйти... Ему нельзя оставаться в Плевне, открытой русским войскам. Если посланец Скобелева хорунжий Дукмасов, присланный несколько ранее орудий, и прочёл по приказанию генерала телеграмму князя Имеретинского, в которой тот сообщал, что никаких подкреплений не будет, то этой телеграмме на горталовских редутах не поверили. Там знали, что на Систовской дороге за Гривицей стоят свежие, ещё ни разу не бывшие в деле полки. И радостное сознание блестяще одержанной победы поднимало дух горталовцев...

А вокруг их свирепствовал ад... По редутам турецкие пушки били из пяти пунктов. Отдельных выстрелов уже невозможно было различить — они слились в единый громовой гул. Густейшие облака порохового дыма носились в сыром воздухе. Ни картечи, ни гранат не было слышно...

Вдруг громовой по силе удар потряс воздух. Словно тысячи ружей и сотни пушек дали сразу все вместе залп. Огромный столб порохового дыма взвился над редутами. Турецкие таборы, подходившие из лагеря для но-

вой атаки, отпрянули, поражённые этим, превосходившим всё доселе свершавшееся ударом...

Случилось нечто грозное, почти ужасное, совсем не предвиденное...

XXVI
ОТСТУПЛЕНИЕ ЛЬВОВ

Урецкий снаряд, пущенный с Кришина, случайно срезал гребень траверса и ударился в крышку зарядного ящика. Произошёл ужасный взрыв. Всё, что только было поблизости: ящики, лафеты подбитых орудий, живые люди, трупы, камни — полетело на воздух. Кто стоял у бруствера, тот, будто подкошенный, упал на землю. Генерал Тебякин был убит. Надежда всех — капитан Куропаткин, страшно опалённый, контуженный — исключительно благодаря усилию воли удержался на

ногах...

Кругом выросли груды новых тел, валялись разорванные на части трупы; орудия, столь радостно встреченные на редутах, были исковерканы.

А кругом так и завывали турецкие сигнальные рожки, гремели радостные крики опомнившихся и сплошной стеной шедших в атаку турок.

Ошеломлённые, поражённые, оглушённые, не двигаясь, стояли на своих местах уцелевшие бойцы. Вряд ли понимали они в эти ужасные мгновения что с ними — живут ли они ещё или уже смерть настигла их...

И вдруг, словно электрическая искра, пролетела весть: Скобелев на редутах!..

В страшную минуту, в наступивший последний миг Белый генерал не оставил своих героев. Он очутился среди них, и сейчас же прошло смятение...

Враги, воспользовавшись страшным мгновением, с трёх сторон двинулись на редуты. Особенно яростен был их натиск на горталовский редут. Аскеры с весёлым гоготаньем неслись к холму, но опять они ошиблись в своих

надеждах на победу...

Скобелев успел восстановить порядок на втором редуте, где держался со своими суздальцами полковник Мосцевой. Горталовцы пришли в себя при первом же слухе о прибытии Белого генерала.

И эта атака турок была отбита, как предыдущие... Снова надежда на победу окрылила обречённых на смерть...

И вдруг распространилось новое радостное известие: у входа показался турецкий обоз, готовый в путь.

Осман-паша уходил из Плевны...

Уходил, но перед уходом в путь, который мог оказаться для него роковым, турецкий полководец решился на последнюю попытку. В четыре часа пополудни он двинул на многострадальные редуты все, какие только мог, таборы...

Уже не море живое, а океан двигался на редуты. Турки шли грозными колоннами. Всюду реяли значки турецких жолнеров. Куда только хватал глаз, краснели турецкие фески. Массы двигались без крика, без выстрела — колыхаясь и неудержимо стремясь вперёд.

Между линиями пехоты ехали конные отряды черкесов...

В пятый раз с утра этого дня герои видели надвигавшиеся на них массы турок. Они уже привыкли к ним и смотрели на врагов почти совершенно равнодушно, поджидая, когда они приблизятся настолько, чтобы ни одна пуля, выпущенная при залпах с редута, не пропала даром...

Но вдруг дрожь пробежала по всем рядам — невольная дрожь...

Впереди над массой надвигавшихся турок реяло зелёное знамя пророка — драгоценная реликвия всех магометан...

Это значило, что каждый из наступавших, помимо приказаний своих начальников, сам обрёк себя на смерть, если бой не завершится победой...

Редут Мосцевого уже открыл огонь по туркам, горталовский молчал, всё ещё выжидая, пока совсем близко не подойдут враги. Турки тоже по-прежнему шли молча, без единого выстрела. Они как будто и не обращали внимания на Мосцевого, им нужен был Абдул-табия. Слабейший редут должен был пасть, как

только перейдёт в их руки сильнейший, где держался с последними владимирцами Горталов. Неправильным полукругом охватывали турки этот редут. Обратится полукруг в круг — и гибель горталовцев будет неизбежна.

Не более ста шагов отделяло уже русских от турок. Слышны были ясно гнусавые и визгливые голоса мулл, выкрикивавших нараспев стихи из Корана. Горталов, словно застывший в своём спокойствии, воскликнул:

— Повеселимся, ребята!..

Раздался залп. Свинцовый дождь так и ударил в турок. Передние ряды легли, как подкошенные. Следующие сменили их. Новый залп — пали и эти. Им на смену явились новые. Залпы укладывали турок на землю целыми рядами, но это не останавливало их. Гибли сотни, их сменяли тысячи.... Вот турки уже у редута, вот толпа их вскарабкалась на бруствер. С яростным воплем сбили передних штыками богатыри и как бы в ответ на их вопль раздался отчаянный крик:

— Турки позади!..

Случилось то, что грозило защитникам ре-

дута во весь день. Османовы аскеры обошли редуты. Круг сомкнулся — выросла живая стена... гибель русских богатырей была неизбежна...

— Знамёна спасайте, знамёна! — раздались крики.

Погибающие уже не думали о себе, их страшила возможность потерять святыни...

Обезумевшие от сильного нервного напряжения, турки, точно слепые, лезли на бруствер и, не обращая внимания на штыки, кидались на горталовцев. Те защищались, но энергия их уже стала иссякать...

Но чу!.. Издали послышались ружейные выстрелы, пушечные удары. Прямо в спины туркам ударили пули и картечь. Это заставило их откинуться назад. Живое кольцо опять разомкнулось, но — увы! — это не было подкрепление... Скобелев выпросил полк, чтобы прикрыть отступление защитников редутов. Выстрелы раздавались с третьего гребня.

Горталов понял это.

— Братцы! — закричал он. — Спасайте знамёна... Скорее уходите, здесь нельзя более оставаться... Пробивайтесь штыками... Идите,

пока возможно...

В ответ ему послышались рыдания...

Это плакали герои, уже целые сутки жертвовавшие своей жизнью. Свершилась сама судьба! Все страшные усилия пропали даром. «Сердце Плевны» не могло удержаться в руках у русских. Созданное Османом-пашой чудовище оставалось по-прежнему не сокрушённым.

— С Богом, братцы! Господь вас благослови! — торопливо крестил уходивших Горталов.

Солдаты роняли слёзы, слушая его последние напутствия.

— Скажите генералу, что я сдержал своё слово... Не ушёл отсюда... Идите, прощайте!..

Медленно, всматриваясь вперёд воспалёнными глазами, крепко сжимая ружейные стволы, выходят воины... Турки уже бегут, надрываясь от радостного крика, к оставленному редуту. С обнажённой шашкой ждёт их Горталов. Он — один. Ликующих врагов — тысячи... Вот красные волны влились в оставленный редут. Судорожно затрепетало тело героя, десятки штыков вонзились в него...

Вечная память, вечная слава чудо-герою — майору Горталову!..

А на Зелёных горах, где был Михаил Дмитриевич, разыгралась другая сцена.

Оттуда были видны силуэты редутов, окутанных густыми тучами порохового дыма. Генерал уже знал, что в этих тучах умирали остатки геройских рот, преследуемых десятками таборов.

Нервно стало подёргиваться лицо, голос, всегда такой мощный, громовой, вдруг сорвался и... тут этот железный человек, спокойно выносивший тридцать часов подряд всё — и гибель лучших своих полков, и смерть друзей, и трагические переходы от победы к поражению, — зарыдал, склоняясь над лукой своего седла...

Но быстро прошёл сей порыв отчаяния. Генерал выпрямился и снял фуражку. До третьего гребня ясно доносился шум боя.

— Слышите? — показал он рукой по направлению к редутам. — Слышите?.. Люди дрались и будут ещё драться, но таких более не будет! Слышите?.. Их горсть всего, а вон какое «ура!»... Прямо в лицо врагам... Окружён-

ные со всех сторон, раздавленные... Ну что же?.. Они сделали всё... Невозможное сделалось возможным... Больше нельзя, господа!..

Голос его опять дрогнул... Все, кто ни был возле генерала, затаили дыхание.

— Господа! Мы отступаем... Мы отдали туркам назад взятое... Сегодня день торжества наших врагов, но и нам он славен. Не покраснеют мои солдаты, когда им напомнят этот день. Господа! Мы уходим... Шуйцы прикрывают отступающих... Вперёд и скорее...

Шпоры до крови пропороли белую шкуру великолепного коня. Животное бросилось стремглав по неровной и влажной почве. Ветер свистел в ушах вместе с уносившимися вдаль пулями. Генерал мчался, будто не видя перед собой ничего, кроме открывавшейся картины последнего боя. Из закушенной губы проступила кровь. Фуражка осталась в руках, слипшиеся волосы космами легли на лоб. Конь дико храпел, с его надорванных мундштуком губ падала на землю ало-кровавая пена.

— Вот они! Вот они! — протянул руку генерал. — Видите! Идут ли шуйцы?

В клубах порохового дыма неясно виднелась кучка людей, почти окружённых со всех сторон морем красных фесок[4].

А шуйцев совсем немного. Накануне бился этот полк в радишевском отряде, и прислали его лишь для того, чтобы прикрыть отступление. Шуйцы залегли на третьем зеленогорском гребне. Они сыпали пулями в преследовавшие по пятам остатки рот таборы, но турки в пылу своей победы не замечали пуль. Турки вслед за истомлёнными владимирцами и суздальцами взобрались и на третий гребень, и отсюда заставили уйти зеленогорцев... Легендарный бой закончился. После того, как «Сердце Плевны» было взято, всё приобретённое двумя днями нечеловеческих усилий снова перешло в руки неприятеля.

Зелёные горы опять перешли к туркам...

XXVII
СКОБЕЛЕВ В ТРАНШЕЯХ

А военном совете, последовавшем утром нового дня, было решено, что взять Плевну штурмом невозможно, и решили осаждать её. Из Петербурга вызвана была гвардия, а также — знаменитый военный инженер генерал Тотлебен, прославивший себя сооружением севастопольских укреплений.

Быстро стали вырастать вокруг Плевны земляные укрепления. Батарея являлась за батареей, и скоро Плевна окружена была кольцом и людей, и орудий... В октябре взяты были укрепления Османа-паши на Софийском шоссе, Горний Дубняк и Телиш. После этого для плевненской армии турок создалось такое положение, что к Осману-паше даже птица не могла пролететь без ведома русских.

Однако турки в Плевне не сидели смирно. То и дело совершались вылазки. Чуть только наступала ночь, вдруг вспыхивали выстрелы, начинался переполох, завязывались ожесточённые схватки, и лишь под утро суматоха затихала.

Всё-таки туркам приходилось не сладко в их «норе». По заведённому генералом Тотлебеном порядку каждое утро на рассвете все, какие только были собраны под Плевной, орудия давали по городу залп. Затем начиналось методичное обстреливание какого-либо одного заранее определённого пункта и так продолжалось до шести часов вечера. Затем следовал новый залп из всех орудий, и пушки замолкали до следующего утра.

Так делали изо дня в день. Изматывали турок.

Михаил Дмитриевич, уже генерал-лейтенант и командир 16-й пехотной дивизии, командовал русской позицией на прославивших его Зелёных горах. Бои под Плевной показали, наконец, всему миру, какого военачальника имеет Россия в лице Скобелева. Сияние славы озарило Белого генерала. Все

недоброжелатели его замолчали. Государь вернул ему полное своё расположение. В армии теперь не было генерала, популярнее Михаила Скобелева. Солдаты из полков 16-й дивизии гордились тем, что они служат под его начальством, и хвастались перед товарищами, называя себя «скобелевцами».

На зеленогорской позиции генерал Скобелев теперь являлся полным хозяином. Он немедленно поставил во главе своего штаба произведённого в подполковники друга и любимца Куропаткина. И эти двое людей стали душой Зелёных гор. Они сумели так устроить там свои полки, что те в Брестоваце и на его высотах расположились, будто дома.

Но Скобелеву было мало этого. Его постоянно тянуло вперёд — поближе к туркам, чтобы быть всегда наготове и, воспользовавшись первым удобным случаем, вновь овладеть позициями, которые дважды уже побывали в его руках.

В одну тёмную, ненастную октябрьскую ночь высланы были охотники с сапёрами и к утру... турецкие позиции оказались опоясанными русскими траншеями. Турки пробовали

было выбивать русских огнём своих стрелков, но напрасно! Траншеи змеями расползались во все стороны, сеть ровиков оплела всё пространство впереди, и турки были так сжаты, что должны были сидеть в своих норах, не показываясь из них днём и лишь изредка осмеливаясь беспокоить русских ночью.

Как только траншеи довели до хорошей глубины, Скобелев вместе с Куропаткиным поселился в одной из них. Он сумел обставить себя так, что солдаты постоянно видели его. Не проходило вылазки, чтобы он лично не отправлял охотников на турок, давая им наставления, как биться с врагом, как заклёпывать орудия, выбивать неприятеля штыками. Если же турки предпринимали вылазку, сам Скобелев всегда был налицо, и ни разу турецкая вылазка не завершилась даже самой ничтожной удачей.

В тех случаях, когда готовилась новая вылазка, скобелевское «напутствие» солдатам производило на них поистине бодрящее действие, хотя Белый генерал никогда не обращался к ним с пространными речами, а только по-простому разговаривал с некоторыми

из них.

Вот выстроился взвод охотников. Они взялись подобраться — практически ползком — к неприятельским траншеям и ворваться в них, давая этим возможность подоспеть как раз во время суматохи товарищам.

Скобелев обходил ряды.

— Ну, молодцы, смотри, сделай дело! — слышался его молодой голос.

— Постараемся, ваше превосходительство! — гремело в ответ.

— То-то постараемся! Надобно, чтобы всё чисто вышло...

— Редуты брали, а тут чтобы осрамиться... Ни в жизнь!

— Редуты, ребята, другое дело. Их взять нужно — а тут только переполоха наделать... Подобрался, кричи «ура!» и действуй штыком, пока турок не опомнится. А опомнился он — ты уходи назад... Измором их доймём, если в честном бою в руки не даются... А чтобы измором взять, покою давать нельзя... Поняли? Начальника, ребята, слушай; сказал он «стой», и ты ни с места... А коли вразброд станете действовать, самим хуже — перебьют

вас не за понюх табаку...

Это не высокопарная речь, а понятные каждому солдату слова...

Однажды — это было ещё до того, как Скобелев перебрался в траншеи, — он ночью отправился осмотреть работы. Только что Скобелев в сопровождении нескольких офицеров, перейдя Брестовацкий лог, стал подниматься на первый гребень, как увидел бегущих солдат владимирского полка. Некоторые были с ружьями, другие — без них.

— Это что такое? — закричал Скобелев. — Стой! Что тут за безобразие? Где офицер?

Подошёл испуганный офицер и взял под козырёк.

— Объясните, что это значит? — обратился к нему генерал.

— Ваше превосходительство! Турки открыли такой огонь, что нагнали панику на солдат... Мы ничего не могли с ними поделать! — смущённо оправдывался офицер.

— Как вам не стыдно! — загремел Скобелев. — У вас самолюбия нет! Вы своего долга не знаете... Стыдитесь, молодой человек!

Подошли ещё несколько запаниковавших.

Скобелев пристыдил и их. И лишь после этого обратился к ним, к солдатам, спокойно и даже ласково.

— Нехорошо, ребята! — говорил он. — Вы забыли присягу, данную Государю: живота не щадить... Смотрите, загладьте скорее свою страшную вину, иначе я не хочу вас знать, не буду вами командовать... Будьте молодцами... Господа офицеры! Соберите ваших людей, разберитесь по ротам и в полном порядке идите обратно в траншеи...

Сконфуженные солдаты возвратились на позиции и под непрерывным огнём турок докончили все свои работы...

Скобелев явился в траншеи почти что вместе с ними. Оставленные было работы приходились в центре. Справа и слева работы продолжались.

— Спасибо вам, братцы! — заговорил Скобелев, обращаясь к оставшимся на работе. — Спасибо вам за ваши храбрость и старание! Попробуйте, молодцы, к рассвету прорыться как можно глубже. Землю не бросайте вперёд, а только вверх... Ну, ещё раз спасибо. И желаю успеха...

Траншеи были устроены Скобелевым и Куропаткиным на славу — широкие и вместительные. И они ещё сообщались между собой крытыми ходами. Два прикрытых пути проведены были для Брестовацкого лога. По этим ходам доставлялись на позицию патроны, снаряды, приносились котлы с горячей пищей, и всё это исполнялось сравнительно в безопасности. Ежедневно в траншеях выступал хор казанского полка, и это ободряло солдат лучше всяких речей и приказов. Музыка как бы вселяла в них уверенность в безопасности. Турецкие выстрелы не бередили нервов. На траншеях даже появились дощечки-указатели с надписями: «Невский проспект», «Троицкий проспект». Впереди раскидали проволоки, сорванные с турецких телеграфов. Ямы для секретов также соединялись ходами. Иными словами, Скобелев сумел создать обстановку, при которой защитники траншей чувствовали себя спокойно, комфортно, и как будто исполняли они такое дело, какое не грозило им даже малой опасностью...

На турок музыка, доносившаяся к ним из

скобелевских траншей, всегда производила впечатление. В первое время они даже стрелять переставали, пока играл оркестр и пели хористы.

Вообще в скобелевских траншеях старались, чтобы время проходило весело...

Когда пришла, наконец, весть о взятии неприступной турецкой твердыни в Малой Азии — крепости Карса, Куропаткин предложил Скобелеву поделиться этой новостью с Османом-пашой. Скобелев согласился. Решили сделать из сшитых воедино попон огромный транспарант, в середине которого — написать по-турецки два слова: «Карс взят». Когда наступила ночь, транспарант этот выставили на краю передовой траншеи и сразу осветили тридцатью фонарями. Турки в первые минуты были, очевидно, удивлены. Они даже затихли. Но затем, когда надпись транспаранта, по всей вероятности, прочитали, началась адская пальба. Турецкие пули изрешетили попоны, так что они стали никуда не годными. Но всё-таки это была забава, очень развеселившая скучавших солдат...

Осень быстро переходила в зиму. Начина-

ли трещать морозы, временами шёл снег. Скобелев ухитрился раздобыть для солдат полушубки.

— И меня, господа, — обратился он однажды при обходе траншей к офицерам, — можете поздравить с обновкой! Отец мне прислал прекрасный полушубок и просил, чтобы я постоянно носил его... Только мне он не нравится: весь чёрный...

Скобелев был несколько суеверен, верил приметам, предчувствиям. Случилось так, что через несколько дней он был легко контужен пролетевшей мимо неприятельской пулей и, смеясь, говорил, что этой контузией он обязан чёрному полушубку...

Однако этот случай напугал всех его приближённых.

— Господа! — сказал Куропаткин, когда Скобелев несколько отошёл. — Если генерал будет становиться на банкет и выставлять себя таким образом на показ неприятелю, становитесь и вы тоже... Я уверен, он это заметит и реже будет рисковать собой...

Так и сделали. Когда немного спустя, Скобелев взобрался со дна рва на банкет и стал

рассматривать неприятельские позиции, сопровождавшие его офицеры тоже повылезали наверх. Пули турок сейчас же засвистали у них над головами. Скобелев несколько удивлённо посмотрел на них, но слез, не говоря ни слова, с банкета и пошёл дальше. Через несколько шагов он повторил то же — его спутники немедленно вслед за ним подставили и себя под расстрел турецким пулям.

— Да чего же вы-то торчите здесь! — вспылил генерал. — Извольте все сойти вниз!..

— Но мы обязаны брать с начальства пример! — ироническим тоном заметил Куропаткин. — Если вы, генерал, подвергаете себя опасности, то и нам, подчинённым вашим, жалеть себя нечего!..

Михаил Дмитриевич только молча пожал плечами, соскочил в ров и двинулся далее.

Но предназначенной ему пули генерал всё-таки не миновал. Прошло немало дней, и он всё-таки снова был контужен в спину турецкой пулей — как раз в тот миг, когда спрыгивал с банкета в ров.

Контузия на сей раз оказалась сильная. Скобелев упал... С воплем отчаяния кинулись

к нему ближайшие из сопровождения, но генерал уже поднялся на ноги. Лицо его только было несколько бледнее обыкновенного.

— Ничего, братцы, пустяки! — произнёс он, видимо, страдая от страшной боли. — Я, кажется, даже не ранен...

Но страдание оказалось много сильнее этого железного человека. Скобелев чувствовал, что оставаться в траншее долее не может, и, поддерживаемый Куропаткиным и ещё одним офицером-казаком Хомячевским, должен был уйти по прикрытому ходу в Брестовац.

А турки, будто догадавшись, что наделала их шальная пуля, устроили в эту ночь вылазку и дрались с таким упорством и ожесточением, каких они не проявляли ещё с первого дня осады...

В Брестоваце Скобелев помещался в довольно просторной хате и лежал на постели, видимо, сильно страдая от раны, но, несмотря на физические страдания, он старался выглядеть спокойно и даже шутил с приходившими навестить его офицерами.

— Это всё, господа, чёрный полушубок! — говорил он, улыбаясь. — Не надень я его, на-

верное, ничего не случилось бы... Но во всяком случае это пустяки: скоро снова я явлюсь к вам в траншеи!

Однако, и лёжа в постели, Скобелев не переставал распоряжаться делами. Он устроил ещё батарею у Брестоваца, позади неё расположил перевязочный пункт и через неделю, благодаря своей крепкой натуре, оправился настолько, что смог сесть на коня и явился на позицию.

— Что же, братцы, — рассуждали, увидя его, солдаты, — если сам генерал наш идёт прямо под пули, так нашему брату, простому нижнему чину, и подавно жалеть себя нечего!..

Контузия как будто и следов не оставила на здоровье богатыря. Он по-прежнему проводил дни и ночи в траншеях. Там для него выкопали длинную яму, в неё поставили носилки для раненых, а сверху устроили навес из нарубленных солдатами веток. Это и было помещение Скобелева. Часто он тут вместе с Куропаткиным проводил целые часы над составлением планов, просмотром всевозможных бумаг, а кругом его были воины-герои, с

любовью и преданностью смотревшие на своего Белого генерала.

Скоро Михаилу Дмитриевичу пришлось принять на себя новое дело. За рекой Видом были устроены так называемые Волынские редуты. Их занимал гвардейский отряд под командой генерала Гурко. Отряд этот отправился за Балканы, и Скобелев должен был принять редуты под своё начальство.

В назначенный день Михаил Дмитриевич отправился к генералу Гурко. Предстояла встреча двух военачальников, славой которых гордилась вся русская армия. Скобелев уже на дороге к Волынскому редуту поспешил показать его гарнизоны, каков там будет новый начальник.

Отправился он на встречу к Гурко со свитой, состоявшей из Куропаткина, инженер-полковника Мельницкого, офицеров: Баранка, Хомячевского, Дукмасова и пяти казаков, но отправился не обходной дорогой, а на деревню Кришино, где раскинута была турецкая аванпостная цепь.

Внезапное появление русских перепугало турок. Подняв крик, они бросились бежать, а

из ближайшей траншеи открыли огонь. Пули так и щёлкали, но Скобелев ехал вперёд с беспечностью прогуливающегося наездника... Однако он отослал назад Куропаткина, Мельницкого и Баранка, а сам продолжал путь только с двумя офицерами и казаками. Гурко выехал ему навстречу, и они сошлись посреди поля, осыпаемого турецкими снарядами...

Поздоровавшись, они не торопясь отправились к редуту, и здесь Гурко приказал открыть огонь по туркам. Те не замедлили ответить, и беседа героев продолжалась и под градом то и дело взрывавшихся снарядов. Один из снарядов ударился в траверзе редута. Все, кто был с Гурко, поспешили спрятаться. На ногах остались только два генерала да двое офицеров-скобелевцев...

Граната, взорвавшись, обсыпала удальцов землёй, но, к счастью, никто ранен не был...

Гурко крепко пожал Скобелеву руку.

— Вы, — сказал он, улыбаясь, — с молодых лет ещё привыкли к боевой жизни, почему и относитесь к ней так спокойно...

Скобелев ничего не ответил на это. Он продолжал деловую беседу и отбыл с Волынских

редутов лишь тогда, когда осмотрел все их, на свои Зелёные горы...

XXVIII
ПАВШАЯ ПЛЕВНА

Октябрь подходил уже к концу. Плохо приходилось Осману-паше в Плевне. Близкая развязка чувствовалась всеми. Особенно напряжённо ожидали «конца Плевны» на Зелёных горах. Частенько теперь попадали в руки скобелевцев турки из Плевны. Это уже были беглецы, не выдержавшие тягостей блокады. Они все говорили в один голос, что в Плевне почти не осталось продовольствия для войск, что и снаряды уже близки были к концу... Эти голодные, оборванные люди выглядели столь жалко, что их, прежде чем отправлять далее, солдаты досыта кормили из своих котлов, оделяли табаком, а иногда давали и одежду.

Около полуночи на 28 ноября казачий разъезд привёл в Брестовац к Скобелеву захваченного им в плен низама, и тотчас же в зеленогорском отряде разнеслось, что турки ушли с Кришинских высот, бросив все свои траншеи, землянки, редуты...

Засуетился весь Брестовац. Весть оттуда пошла уже по Зелёным горам. Если турки бросили Кришино, то это могло значить лишь одно: Осман-паша уходил из Плевны со всей своей армией...

Весь зеленогорский отряд в мгновение ока очутился на ногах... Пришло приказание Скобелева вызвать охотников для разведки на Кришинские высоты. Это только подтвердило слухи...

Охотники с проводником — пленным турком — ушли с лихорадочной поспешностью и скоро вернулись обратно. Нанёсшие столько вреда русским укрепления были действительно оставлены.

Тихое на этот раз, но радостное «ура» пролетело над Зелёными горами. Не могло быть сомнения, что развязка начиналась, и весь вопрос теперь был лишь в том, удастся ли

Осману-паше уйти из Плевны или не удастся...

Скобелев немедленно послал весь углицкий полк занять оставленные позиции и укрепиться на них так, чтобы в случае, если бы Осман-паша пожелал вернуться в Плевну, вернуть ему эти грозные укрепления не удалось бы.

Остальные три полка скобелевской 16-й дивизии посланы были к реке Виду и стали там так, что путь Османовой армии по берегу оказался совсем загорожен.

Осман-паша, действительно, решил уйти, прорвавшись через блокирующие войска. Авангард его армии уподобился могучему тарану. Таборы его скатились с высот, перешли реку и с небывало страшной силой ударили на передовые русские полки. Османовы бойцы шли, обрекая себя на смерть. Их удар был столь стремителен, что первые две линии русских оказались прорванными. Издали, с тех высот, откуда глядел на бой Скобелев, казалось, будто кровавая река вдруг вырвалась из Плевны и бурными волнами ударила на русских. Казалось, ничто теперь не могло

сдержать её. Осман-паша, уже вполне уверенный в своём успехе, спустился к Виду и подъезжал к мосту, когда случайная пуля свалила его с коня. Это решило сражение. Авангардные колонны, истощив свои силы на прорывы первых двух линий, уже не смогли сломить третьей. Весть о потере военачальника окончательно уронила дух бойцов. Турки бросились назад. Победители ожесточённо преследовали их.

Скобелев приказал было полкам своей дивизии ударить на турок с фланга, но в это время на мосту через Вид заколыхалось белое знамя: свершилось великое дело — турецкая плевненская армия сдавалась на милость победителя...

Белый генерал сейчас же отменил своё распоряжение и послал ликующие полки занять павшую Плевну...

Ужасен был вид этого городка, когда вошли туда русские. Всюду валялись неубранные трупы людей, животных; всюду видны были следы ужасного бомбардирования: груды развалин, груды обгоревших брёвен...

А на Виде русские войска окружили уже со

всех сторон сорокатысячную турецкую армию. Осман-паша, раненный в ногу, отдал свою саблю генералу Ганецкому.

В сумерки, в караулку, где находился турецкий герой, примчался Белый генерал, назначенный военным губернатором Плевны.

Скобелев порывисто вошёл в помещение караулки и устремил свой взор на Османа; тот поднял понуренную голову и взглянул на своего самого страшного противника.

Взгляды обоих героев встретились.

Через мгновение Скобелев порывисто двинулся вперёд, протянул Осману-паше руку и, обращаясь к переводчику, сказал:

— Передайте паше, что каждый человек по натуре более или менее завистлив, и я, как военный человек, завидую Осману в том, что он имел случай оказать своему Отечеству важную услугу, задержав нас на четыре месяца под Плевной.

Турецкий герой слушал переводчика внимательно, потом он вскинул глаза на русского орла, скромно улыбнулся и ответил:

— Генерал ещё так молод летами, а между тем он успел сделать столь много и так хоро-

шо заявить о себе на военном поприще, что я не сомневаюсь: если не я, так, может быть, дети мои отдадут ему почтение как фельдмаршалу русской армии...

Ещё несколько минут продолжалось свидание, затем Скобелев и находившийся при Османе генерал Ганецкий ушли, и вскоре после этого Осман был отправлен в Плевну.

Здесь он был представлен Государю Императору и затем отвезён в Россию и поселён в Новгороде до конца войны.

С Плевной было покончено... Тяжелейший подвиг русской армии по справедливости был оценён Государем Императором на общем параде плевненским войскам, состоявшемся на том поле, где они победили армию Османа-паши 3 декабря. Теперь русских воинов ждали новые подвиги. Вершины западных Балкан — непроходимый Умургач, сильнейшие турецкие укрепления Шандорник, Араб-Канак — были уже пройдены русской гвардией. Сильный отряд генерала Карцова направлен был на труднейший Троянов перевал; оставалась только Шипка, где геройски ещё с июля защищался против бесчисленных

полчищ Сулеймана-паши генерал Радецкий с немногочисленными, но закалившими себя в бою войсками, пережившими тяжёлую зиму на обледенелых балканских вершинах.

Против Шипки стояла сорокатысячная, прекрасно вооружённая и снабжённая всем необходимым турецкая армия. Нужно было сломить её сопротивление, и тогда открывался удобный и лёгкий путь на столицу империи османов — Константинополь.

В обход по горам пущены были два отряда. Со стороны предбалканского городка Травень через деревню Сельцо к забалканским уже селениям Горному и Дольнему Гузову должен был пойти отряд князя Святополк-Мирского. Из другого предбалканского городка Сельви направлен был отряд, составленный из полков 16-й дивизии, стрелковых батальонов, дружин болгарских ополченцев, казаков и горной артиллерии. Этому отряду предстояло взобраться в горы через перевал Марковы Столбы, пройти вершину Караджа и горное плато с селом Иметли и выйти в Забалканье у деревни Шейново.

Главным начальником этого отряда был

назначен Михаил Дмитриевич Скобелев.

Теперь ему не затруднялись доверять самостоятельно действовавшие отряды...

XXIX
В БАЛКАНАХ

Велика была способность генерала Скобелева извлекать выгоду для себя из всякого положения. Во время стоянки в Плевне Михаил Дмитриевич отобрал лучшие из доставшихся русским в качестве трофеев турецкие ружья и отдал их солдатам углицкого полка. Турецкие «пибоди-мартини» славились и силой, и дальностью своих выстрелов. Патронов было множество, и Скобелев без всякой затраты дал своим испытанным бойцам прекраснейшее оружие, владея которым они, при их личной храбрости, во всех отношениях превзошли своих противников.

И это предусмотрел Белый генерал! Его солдаты гордились теперь своими превосходными винтовками и с нетерпением ждали, когда же поведёт их к новым победам их любимый командир...

Михаил Дмитриевич как только узнал, что его отряд назначен в забалканский поход, сейчас же исчез из Плевны... Куда он скрылся — никто не знал. В свободное время Скобелев ради того, чтобы отдохнуть, уезжал обыкновенно на несколько дней за Дунай в Бухарест. Так было после кровавых дней третьей Плевны, и теперь большинство думало, что Михаил Дмитриевич отправился на отдых...

Но не таков был Белый генерал, чтобы тратить время на себя, когда предстояло большое дело, в котором на него падала ответственность и за успех, и за жизнь доверенных и доверившихся ему людей. Скобелев отправился на Шипку к генералу Радецкому, чтобы самому предварительно осмотреть местность, в какой теперь ему выпало на долю бороться с весьма мужественным неприятелем.

Мрачно выглядели Балканские кручи, обледеневшие и занесённые снегом. Русская по-

зиция на Шипкинском перевале оказалась врезавшейся клином в тело врага. Справа и слева на горах видны были турецкие батареи, иногда по целым дням громившие то гору Святого Николая, где засели русские, то их лагерь на перевале. Бэры слева — Демиевец, Демир-тепе, Малый Бедек — интересовали Скобелева так же, как и горы справа — Зелёная и Волынская с крутой, обледенелой горой Караджа, через которую должен был перейти его отряд. Всё осмотрел Белый генерал, всё запечатлел в своей памяти и возвратился в Плевну, готовый вести отряд на неприступные, холодные балканские кручи...

Предстоял труднейший зимний поход через горы, и Михаил Дмитриевич приложил все усилия, чтобы его отряд не только ни в чём не нуждался, но даже был снабжён и «роскошью» — табаком, чаем и пр.

Бэнец за гонцом рассылались из Плевны. Скобелев ради успеха дела не затруднялся просить там, где не мог требовать. Результатом этого явилось то, что в его отряде оказались и тёплая нижняя одежда, и полушубки, и в изобилии всякое продовольствие.

Шестого декабря скобелевский отряд вышел из Плевны, чтобы через Ловчу и Селави перейти в Габрово.

Рано утром в день выхода скобелевского отряда опять ожили, опять засверкали холодной сталью солдатских штыков обезлюдевшие Зелёные горы. Было тихое, слегка морозное утро. Снег бодро похрустывал под ногами людей. Колонны шли мирно, в ногу, будто с сожалением покидая места, с которыми связано было столько воспоминаний — и тяжёлых, и радостных. Вот здесь, в этом логе была жаркая схватка, а здесь взорвало зарядный ящик; вот тут подкрадывались охотники, чтобы с внезапным «ура» ворваться во вражескую траншею... Когда проходили мимо недавно ещё грозных редутов Абдул и Раджи-табий, многие обнажили головы и осенили себя крестным знамением... ведь это были великие могилы — могилы храбрецов, каких уже не много оставалось на белом свете...

Генерал Скобелев выехал со своим штабом несколько позднее. Когда он проезжал мимо редутов, лицо его омрачилось. Он снял фуражку и трижды перекрестился.

— Сколько здесь жертв легло, и всё напрасно! — тихо, но всё-таки так, чтобы его было слышно окружающим, прошептал он.

На глазах у Белого генерала заблестели слёзы...

Свита Скобелева тоже осенила себя крестным знамением. Воцарилось невольное молчание. При виде редутов вспомнились Добровольский, Тебякин, Горталов и сотни неизвестных храбрецов, положивших свою жизнь за эти твердыни...

За Брестовацем начали нагонять ушедший вперёд отряд.

— Смирно! — раздавались команды офицеров, увидавших генерала.

— Здорово, молодцы! С походом поздравляю! — весело теперь приветствовал Скобелев своих героев.

Гул самых разнообразных приветствий послышался ему в ответ.

— Смотрите же! — продолжал Михаил Дмитриевич. — Будьте такими же молодцами, как и раньше! Вы теперь отдохнули, привели в порядок оружие, одежду, собрались с новыми силами... Впереди предстоит ещё

много трудов, но, Бог даст, мы скоро покончим с турками на Шипке, а потом пойдём и до Царьграда и отдохнём уже там вволю!

Солдаты с удовольствием слушали своего любимца-военачальника. По их бодрым, довольным, раскрасневшимся на морозе лицам, по их блестящим, весёлым глазам видно было, что они вполне соглашаются с ним.

Скобелев обошёл свой отряд и помчался в Ловчу, чтобы заранее распорядиться там о разных хозяйственных нуждах.

Когда пришлось становиться на ночлег, то в деревнях, окружавших Ловчу, всё уже было приготовлено для приёма отряда. Солдаты получили горячую пищу, устроились в жарко натопленных болгарских хатах. Чувствовалась заботливость. Скобелев старался предусматривать всё, что могло доставить его солдатам хоть какое-либо удобство. Наутро он пропустил мимо себя все колонны, внимательно осматривал каждую, и ничто при этом смотре не ускользало от его взгляда: последний рядовой, запасная лошадь, лазаретная фура — всё было осмотрено, и если замечалась какая-нибудь небрежность или недоста-

ток, Скобелев заставлял всё исправлять незамедлительно.

Пропуская мимо себя солдат, он расспрашивал их, всё ли они получили, что им назначалось. И беда была, если солдаты по каким-то причинам оказывались неудовлетворёнными!.. Виновного в этом ожидал строжайший выговор...

И на следующих переходах, от Ловчи до Сельви и от Сельви до Габрово, повторялось то же. Во всякую мелочь вникал начальник отряда, и полки явились на Балканы в образцовом порядке, здоровыми, весёлыми, готовыми ко всяким трудам.

В Габрово простояли долго — до кануна сочельника. И тут Скобелев не терял времени. В горы высылали партии рабочих для расчистки пути первых подъёмов. Скуплены были всюду сани: Михаил Дмитриевич предусмотрел, что невозможно иначе, как на санях, втаскивать орудия на обледеневшие кручи. Запасены были в значительном количестве вьючные лошади, на которых нагрузили продовольствие, амуницию и патроны. Когда же колонны начали выступать со своих стоянок,

каждому из солдат приказали прихватить по одному полену... Сперва это последнее распоряжение показалось весьма странным, но потом, когда вошли в горы, весь отряд был благодарен своему начальнику, предусмотревшему, что топлива на Балканах достать будет нельзя...

Авангард выступил под командой подполковника Куропаткина, а утром в день Рождества начал восхождение на горы.

Перед началом движения Скобелев собрал вокруг себя офицеров и сказал им:

— Нам, господа, предстоит тяжёлая работа. Пожалуйста, приложите побольше энергии и труда. Если мы победим здесь, впереди не встретится трудностей, и мы легко займём Адрианополь и даже Константинополь...

У самого начала подъёма Скобелев выделил из казанского полка батальон, который поручил командованию полковника Ласковского, сапёров и сотню уральцев под начальством войскового старшины Кирилова.

Когда Михаил Дмитриевич отдавал им последние инструкции, видно было, что всю местность он знает превосходно. На память

называл Скобелев болгарские и турецкие названия горных деревушек, чем-либо отмеченных мест и своим знакомством с горами удивлял даже проводника отряда болгарина Словейкова, провожавшего через Балканы в июле отряд генерала Гурко.

— Двигайтесь как можно осторожнее! — сказал в заключение Скобелев. — Старайтесь, чтобы турки вас не скоро заметили, и торопитесь занять возвышенность!

Священника в отряде не было. Вместо молебствия Скобелев приказал обнажить головы и прочесть молитву.

— Ну, теперь с Богом! Дай Бог счастья! — произнёс он и подал знак к выступлению.

Без звука приняли недра Балкан скобелевцев; без музыки и песен, как всегда бывало у генерала Скобелева в походе, входили они в грозные теснины. Всюду высились покрытые глубоким снегом кручи. Холодом могилы веяло от них. Каждый неверный шаг грозил здесь гибелью, но задумываться над этим не приходилось: следовало идти всё вперёд и вперёд, пока хватало сил...

Поднимались тихо. Впереди торили путь

уральцы. Именно на их долю выпали все первые труды подъёма. Шли гуськом: один за другим. Маленьким косматым лошадёнкам уральцев то приходилось вскарабкиваться на почти отвесные обледеневшие скалы, то, осторожно упираясь передними ногами, сползать вниз на задних. В иных местах лошадёнки увязали по грудь в мёрзлом, крупчатом снегу, и тогда приходилось разрывать для них проход в сугробах. Там, где лошадям совсем уже не под силу оказывалось тащить седока, казаки соскакивали с седел и, держась за хвост своего коня, вскарабкивались вслед за ним на кручу. Следом за казаками поднималась пехота. Солдаты местами вязли выше колен, но всё-таки шли вперёд. Скобелев пропустил мимо все колонны и лишь тогда, когда отряд втянулся уже в горы, поспешил к его передовым частям.

До деревушки Зелено-Древо отряд шёл спокойно, но когда начали подниматься к перевалу Марковы Столбы, турки заметили скобелевцев со своих высот. Из отряда ясно были видны неприятельские лагери на Лысой горе. Видны уж были и русские позиции на Шип-

кинском перевале. Турки, не долго думая, открыли огонь, но Скобелев вовремя вытащил на высоты горную артиллерию и заставил меткими выстрелами турок замолчать.

Весь день 25 декабря пришлось карабкаться по высотам. Но прошли едва десять вёрст. Да, только десять вёрст. Но эти вёрсты стоили десятков пройденных по равнине... И солдаты, и офицеры выбились из сил, а впереди ожидал путь ещё более трудный. Скобелев, понимая, как необходимы людям силы, остановил отряд и приказал ему располагаться на ночлег. Марковы Столбы — главный перевал — были уже заняты, и за дальнейшее продвижение Белый генерал не переживал. Но турки всё-таки были близко. Их позиции находились левее отряда. Чтобы укрыть своих солдат, Михаил Дмитриевич отыскал самую глубокую долину, скрытую от турок густым лесом, выслал далеко вперёд секреты, то есть особых разведчиков-часовых, которые, скрываясь сами, должны были бдительно наблюдать за неприятелем, и лишь тогда позволил разложить костры.

Поленья, захваченные из-под Габрова, при-

годились. Костров было разведено немного, но всё-таки солдаты имели возможность обогреться около них.

Началась ночь — ночь в снегах... Вряд ли кто смог уснуть в эти часы. Холод давал себя знать. И каждое мгновение можно было ожидать тревоги. Однако сон, хотя бы и урывками, всё-таки освежил людей. Едва забрезжил рассвет, весь отряд уже поднялся на ноги и снова готов был к походу.

Скобелев поднялся на перевал. Теперь он был на такой высоте, что перед ним открывался вид на долину реки Тунджи. Тёмными пятнами чернели на снегу десятки деревень. В эту долину нужно было спуститься, а вниз вёл страшно обрывистый, местами отвесный скат. А под ним... уже караулили русских турки...

Осмотревшись и запечатлев в своей памяти все окрестности, Михаил Дмитриевич послал вперёд батальон казанцев — сбить с дороги турок. Бодро двинулись молодцы, но поистине убийственный огонь неприятеля не подпустил их близко. Солдаты залегли в снег и принялись отстреливаться. Заметившие это

ободрившиеся турки атаковали их и вынудили отойти назад. Казанцы отошли и снова залегли в снегу на высотах. Турки с трёх сторон окружили их. Положение становилось опасным. Скобелев поспешил к авангарду. Турки сейчас же заметили генерала и его свиту, и пули посыпались вокруг военачальника горохом. Несколько сопровождающих Скобелева казаков были убиты или ранены. Но не это было страшно. Когда Скобелев подскакал к солдатам, залёгшим на гребне и лениво стрелявшим по туркам, те даже не ответили на его приветствие... Видимо, масса неприятеля, охватившего казанцев подковой, поток пуль, лившийся у них над головами, ослабил их бодрость, и они даже не обратили внимания на присутствие любимого командира.

— Это что ещё такое! — грозно вскрикнул Скобелев и, дав шпоры коню, помчался в самую середину расположения батальона.

Величественна была его фигура в это мгновение. На коне, под пулями, среди прижавшихся к земле солдат, спокойный с виду, но мечущий во все стороны грозные взгляды, Скобелев был великолепен.

— Здорово, братцы! — ещё раз крикнул он.

Ему ответили несколько десятков голосов, но ответили невнятно и недружно, тихо, как будто опасаясь привлечь громким ответом внимание турок.

— Охотники, ко мне! — приказал Скобелев.

Поднялись — и то очень нерешительно — два десятка солдат.

— Дукмасов, — обратился Михаил Дмитриевич к своему ординарцу, — возьмите вот этих людей и отбросьте левый фланг неприятеля... Я прошу вас сделать это непременно...

На левом турецком фланге, то есть на правом фланге казанцев, противников разделяло всего не более как 300 шагов. Турки надёжно укрылись за кустарниками. Дукмасов, один из самых видных скобелевских храбрецов, тотчас же повёл солдат на турок.

— Смотрите, молодцы! Дружно все сразу навались на турку... Они нашего штыка не выдерживают, мне их не первый раз гонять. Тольку уру орите погромче!

Под кустами охотникам удалось подобраться к неприятелю незамеченными. Совсем внезапно для турок по ним ударил из-за

кустов пулями залп, и раздалось весьма бодрое «ура!». Ошеломлённые, не видящие неприятеля аскеры, поддавшись первому впечатлению, ударились в бегство. Дукмасов не дал им опомниться. С громкими криками он уже от левого сбитого им фланга кинулся, хотя это ему и не приказывали, во фронт всего неприятельского отряда. Отчаянно крича, стреляя, работая штыком, теснили два десятка русских весь неприятельский фронт. Неожиданность, плохая видимость в кустах, скрывавших малочисленность русских, бегство левого фланга сделали своё дело. Одна за другой вскакивали с земли красные фески и быстро катились вниз в долину. А за этими одиночными малодушными беглецами повалили кучки в десятки, сотни... И вот все они стремглав, перегоняя друг друга, очевидно, в паническом страхе от внезапного появления русских и флангового огня, бежали, летели, катились, кувыркались вниз в долину Тунджи, провожаемые частыми залпами русских. Дукмасов, не позволяя им опомниться, преследовал их по пятам и, не успел опомниться сам, как занял деревню Иметли. Одна-

ко, желая скрыть малочисленность своей команды, он несколько отошёл назад и укрыл своих людей за утёсами. На расстоянии полуверсты от охотников был лесок, в котором расположилось, по-видимому, начальство преградившего скобелевцам дорогу отряда. Оттуда выскакали было несколько турецких офицеров, но все они легли на месте под меткими выстрелами охотников.

Горы совершенно были очищены от турок. Дукмасов, пригнув одного из солдат, на его спине вместо стола написал Скобелеву донесение, и через некоторое время ему на смену генерал прислал роту.

Когда Дукмасов вернулся к штабу, его наперебой поздравляли с блестящей победой.

— Великое спасибо вам, голубчик! — говорил генерал Скобелев, обнимая и целуя лихого казака. — Поздравляю вас георгиевским кавалером!

Но в этот день отряд настигла беда: был тяжело ранен начальник скобелевского штаба Куропаткин... Его пришлось отправить назад в Габрово.

— Один Куропаткин стоил у меня целой

дивизии! — сокрушался Михаил Дмитриевич об этой потере.

Делать было нечего, и он назначил начальником своего штаба графа Келлера[5], тоже испытанного боевого офицера.

XXX
ШЕИНОВСКАЯ ПОБЕДА

Благодаря отчаянной схватке Дукмасова авангард скобелевского отряда вышел к долине Иметли. Но дальше движение оказалось невозможно. Главные силы отряда растянулись по горам. К утру 27 декабря спустился с гор только батальон углицкого полка, и Скобелев сейчас же заменил им донельзя уставших казанцев.

Турки засели на высотах вдоль всего пути. Их стрелки били практически прицельно. В особенности мешала движению одна из гор,

занятая значительным количеством турок. Ни на одной из других гор их не было столько. Ночью Скобелев послал одного из своих ординарцев выбить с Лысой горы неприятеля, но тот в темноте сбился с пути и занял совсем не ту гору, которая была ему указана.

Михаил Дмитриевич, страшно рассерженный, послал опять Дукмасова с ротой казанского полка, и опять Дукмасов с успехом выполнил дело. Турки были сброшены с гор, и казанцы захватили множество ружей и пороховой погреб.

Несмотря на эти успехи, Скобелев заметно тревожился...

С утра 27 декабря из-за гор, с той стороны, где должен был действовать против турок отряд Святополк-Мирского, донеслись раскаты пушечных выстрелов. По условию именно в этот день обе обходные колонны должны были выйти из гор и ударить на турецкую армию. Левый отряд вышел, правый скобелевский растянулся так, что не с чем было бы и ударить ему на турок.

Тогда Скобелев пустился на хитрости, чтобы отвлечь от себя, сколько можно, турок. К

вечеру 27 декабря спустилась к Иметли половина отряда. Когда наступила темнота, горные батареи подобрались по возможности ближе к турецким позициям и принялись стрелять залпами. Затем, по приказанию Скобелева, все музыканты и барабанщики сыграли зорю, а войска развели множество костров, так что у турок должно было явиться впечатление, что около них находятся на ночлеге огромные силы...

Хитрость удалась, как уверяли впоследствии...

Наконец, настало утро 28 декабря. То, что скопилось у Скобелева, было немедленно пущено им в наступление на врага, стоявшего у деревни Шеинова.

На правом фланге шли угличане, охраняемые донцами, на левом — стрелки и болгарское ополчение. Начали бой горные орудия; они стреляли по неприятелю без перерыва.

Перед этими незначительными силами скобелевского отряда стояла сорокатысячная турецкая армия, прекрасно укрытая в траншеях или за валами. Виднелся грозный редут с развевавшимся над ним красным знаменем

с полумесяцем и звездой посередине. Турецкие стрелки, как и всегда, сыпали массу пуль, образуя ими как бы движущийся заслон, пройти через который было невозможно. Но вдруг среди турецких рядов загрохотал взрыв. Это один из русских снарядов угодил в зарядный ящик и взорвал его. Передовой отряд, порученный Скобелевым флигель-адъютанту полковнику Толстому, воспользовался моментом и с потрясающим «ура!» кинулся на оглушённых турок. Особенно стремителен был натиск углицкого полка, шедшего под командой полковника Панютина. Увы!.. Атака не удалась. Турки не растерялись, как это случалось раньше, при взрыве. Они встретили угличан таким густым градом пуль, что тех будто какой-то неведомой силой отшвырнуло прочь. Полк отпрянул, оставляя после себя след из убитых и стенающих раненых.

В центре и на левом фланге в то же время были отбиты стрелки и болгарские дружины. Но, слава Богу, к ним уже спешила помощь...

К Скобелеву подошли спустившиеся с гор владимирский и суздальский полки. И Белый генерал сейчас же направил их в бой. С гро-

мовым кличем кинулись вперёд оба эти полка, столь славные своим трудолюбием под третьей Плевной.

На этот раз атака оказалась более удачной...

Владимирцы, перемешавшись с суздальцами и угличанами, ворвались в траншеи. Закипел яростный бой. Но всё-таки русских было слишком мало, чтобы выбить турок. Скобелев послал немного подкреплений и приказал вызвать последнее, что у него было, — казанский полк, сторживший турок со стороны Шипки.

Бой у Шеинова кипел. Непонятно было, однако, чем он закончится. Русские дрались, как львы. Угличане были откинуты огнём, но их полковник Панютин схватил знамя и один кинулся на турецкие укрепления. Весь полк тут же с новой силой последовал за ним. И турки тоже дрались с львиной храбростью. Они знали, что это последняя битва, и не отступали даже перед ударами в штыки. В это время к Скобелеву явился генерал Дохтуров, только что переправившийся через горы с первой кавалерийской дивизией. Михаил

Дмитриевич сейчас же послал его к отряду Святополк-Мирского, где тоже в этот день сражались с самого раннего утра, а сам остался наблюдать за картиной всё разраставшегося боя.

Слышалась неровная, беспорядочная перестрелка; то и дело громыхали пушки. Иногда вдруг раздавался громкий победный клич, вырывавшийся из тысячи глоток, и тогда заметно было, как русская линия образовала угол и врезалась в самую гущу турок; но положение быстро изменилось. Турки сделали мощное усилие, и линия снова выпрямилась. Два резко отличавшиеся друг от друга ряда — красный и серый — то и дело меняли свои положения. Скобелев, наблюдая, сурово молчал. Участь боя висела на волоске. Не удержатся кинутые им в бой батальоны — и конец всему, его, Белого генерала, ждёт поражение!.. Лицо Михаила Дмитриевича так и подёргивалось. Будто каждый мускул двигался на нём против воли. Но он молчал. Только брови всё более сходились на переносице...

— Ваше превосходительство! — обратился кто-то из ординарцев. — Два батальона казан-

ского полка пришли в общий резерв.

— Хорошо! — ответил генерал, не поворачивая головы.

Прошли ещё несколько томительных минут.

— Ваше превосходительство! — прискакал другой ординарец. — Генерал Дохтуров докладывает, что он вошёл в связь с отрядом князя Святополк-Мирского!

— Слава Богу! — поднял голову Скобелев, и лицо его просветлело.

— Ваше превосходительство! — явился ещё один гонец. — От князя Мирского прибыл казачий офицер с пакетом!

— Скорее! — протянул руку Скобелев.

Нетерпеливо взял он пакет и пробежал глазами заключавшееся в нём донесение.

Лицо его совершенно засияло.

— Ну, теперь, господа, пора идти в решительную атаку! — воскликнул он и отдал соответствующие распоряжения.

Четыре батальона, поротно в две линии, с распущенными знамёнами и с музыкой двинулись вперёд. Шли, несмотря на ударивший им навстречу град пуль. Это был последний

град, под которым падали русские герои. Грозное их движение ужаснуло турок. Противник сам побросал оружие, и над Шейном взвился белый флаг...

Сдавалась последняя турецкая армия... Победа России была обеспечена!

Прошло не более часа, и геройски дравшиеся полки выстроены были покоем на поле битвы.

— На молитву, шапки долой! — послышалась громкая команда Белого генерала.

Тысячи голов обнажились, тысячи уст вознесли молитву Господу за дарование решительной победы, за избавление стольких тысяч от опасности и за павших в этом кровавом бою товарищей.

Многие солдаты, офицеры даже плакали в эти мгновения навзрыд.

— Накройся! — прозвучала новая команда.

Солдаты надели шапки, и вдруг мимо рядов их на своём красавце белом коне помчался их любимый военачальник, их Белый генерал.

Восторгом сияло молодое красивое лицо победителя, а из уст его так и лилось:

— Именем Государя, именем России, спасибо вам, братцы, за вашу честную службу!

Громкое, звучавшее искренней сердечной радостью «ура!» вылетело из рядов и перекатным эхо пронеслось над полем...

Русь победила, путь к Константинополю был открыт.

Шеиновская победа была последней, в которой принимал участие в эту войну Белый генерал.

Прошло немного времени ещё, и Михаил Дмитриевич Скобелев своими победами прославил Россию.

XXXI
ПЕРЕМИРИЕ — МИР

Обеждённая, потерявшая свои армии Турция во прах склонилась перед мощью победительницы России. Перешедшие укутанные в снег, обледеневшие Балканы богатыри стали в Сан-Стефано — преддверии столицы Османов. Настали дни отдыха и праздников. Отдыхал и Михаил Дмитриевич, но это был отдых богатыря... Он часто бывал в эти дни в Константинополе, но ещё чаще, пользуясь перемирием, попадал на предконстантинопольские укрепления, осматривал их, дивился искусству нанятых Турцией европейских инженеров и говорил, что в этих посещениях он учится тому, чего ещё не знал до сих пор...

В первое же посещение Скобелев показал туркам, кто он такой.

По условию в определённом пространстве, отделяющем русские войска от турецких, не должно было быть ни одного турка, а между тем за рекой Карасу то и дело мелькали турецкие солдаты. Близость эта была совсем не желательна. Недавние враги легко могли вспомнить живое ещё прошлое. Никак нельзя было поручиться, чтобы с той или с другой стороны не прогремел выстрел, а за ним не последовала и ожесточённая схватка. Это явилось бы нарушением перемирия. И Скобелев решил сам удалить соблазнителей турок из запрещённого пространства.

Дня через три после того, как скобелевская дивизия пришла в хорошенький забалканский городок Чатылджу, расположенный вблизи речки Карасу, Михаил Дмитриевич сказал своим ординарцам и ближайшим офицерам:

— Господа! Будьте готовы, завтра мы пойдём осматривать неприятельские редуты!

Действительно, на следующее утро Скобелев с генералом Струковым, полковником Гродековым, ординарцами и несколькими казаками отправился в гости к туркам.

Это была безумно смелая выходка. Всего со Скобелевым было человек пятнадцать, и эта горсточка русских людей направилась в самую гущу фанатически настроенной, обозлённой неудачами турецкой армии...

Выехали утром. До турецких укреплений было вёрст тридцать. Скобелев ехал на своём любимом коне, белоснежном красавце Шеиново. Он был весел, много шутил со спутниками, хотя глаза его то и дело зорко вглядывались вдаль. Наконец, перед путниками вытянулась грязная, с болотистыми берегами речка Карасу. Вправо за ней высился грозный турецкий редут, мрачно глядевший на русских чёрными жерлами многочисленных орудий.

Не говоря ни слова, Скобелев повернул коня и направился в сторону этого укрепления. Офицеры и казаки последовали за ним. Скоро оказалось, что даже до Карасу нельзя было добраться — слишком вязко было предбрежное болото.

— Господа! — распорядился Михаил Дмитриевич. — Отыщите-ка брод, чтобы нам поудобнее перебраться на ту сторону!

— Ваше превосходительство! — заметил

тут один из ординарцев. — В сих местах невозможно перебраться. Версты за три есть мостик...

Скобелев сверкнул на него глазами, дал шпоры коню и решительно направился в болото. Конь, чувствуя зыбкую, вязкую почву, заупрямился. Михаил Дмитриевич решительно и сильно двинул его вперёд. Умное животное сделало прыжок, но увязло в болоте и опрокинулось на бок вместе со своим всадником. К Скобелеву бросились его спутники, но прежде, чем они успели добраться до Михаила Дмитриевича, он уже был на ногах, поднял коня, вскочил на него и снова двинул его вперёд прямо по болоту...

— Ваше превосходительство! Брод! — крикнул в это время успевший подобраться к берегу ординарец.

Скобелев помчался к нему и прямо с берега заставил коня войти в Карасу. За ним последовала и его свита. Турки с удивлением и любопытством смотрели на эту переправу. Прежде чем они опомнились от изумления, Белый генерал уже был у редута и прямо из воды, горяча своего коня, заехал в укрепле-

ние...

Поражённые турки не препятствовали русским осматривать позиции...

Из редута Скобелев со своими офицерами проехал по всей линии укреплений и добрался до берега Мраморного моря. Турецкие солдаты и офицеры почтительно отдавали честь русскому герою, и с тех пор прогулка к Мраморному морю сделалась любимейшим развлечением скобелевцев.

Вскоре в русских войсках получено было разрешение офицерам бывать и в самом Константинополе. Скобелевскую дивизию передвинули значительно вперёд — ближе к городу. Сам Михаил Дмитриевич назначен был командиром четвёртого корпуса и избрал для своего пребывания деревню Святого Георгия на узле дорог, выводивших в Константинополь. Теперь Скобелев часто заезжал в столицу Турции, но этими посещениями он пользовался, чтобы доставить своим солдатам как можно больше удобств. Все госпитали в его корпусе оказались снабжёнными в изобилии бельём, огромным запасом необходимейших лекарств. Одежда солдат за время похода

сильно потрепалась, и Скобелев выхлопотал разрешение отправить в Одессу нескольких офицеров для закупки сукна. Прошло немного времени, посланные вернулись, в полках работа закипела, и скоро уже скобелевцы все до одного были одеты в новое, прямо с иголочки платье; Михаил Дмитриевич выхлопотал для них у главнокомандующего разрешение вместо неудобных кепок обзавестись гвардейскими фуражками. Солдатики были в восторге: им казалось, что эти головные уборы пожалованы были им в отличие за их службу под Плевной и переход через Балканы.

— Спасибо отцу нашему! — говорили в полках. — Предстательствовал Михайло Дмитрии за нас — вот нам и вышло отличие!

Немного нужно, чтобы сделать счастливыми простых сердцем людей! Смена кепок на гвардейские фуражки высоко подняла в своих собственных глазах солдат скобелевского корпуса, да и сам Михаил Дмитриевич стал в их мнении всемогущим.

— Вон какой у нас корпусной-то! — хвастались друг перед другом „Скобелевым его сол-

даты. — Он не токмо что над турком, а и у самого главнокомандующего всё может!.. Понятное дело — Белый генерал!..

Но ещё более привлекал к себе солдатские сердца Михаил Дмитриевич своим обращением. Суровый, величаво-холодный, грозный в бою, в дни отдыха он был товарищески нежен даже с ротными замухрышками. Иногда казалось, что он в лицо знает всех солдат, по крайней мере своей прославленной 16-й дивизии. Часто бывали такие случаи... Идёт по лагерю красавец-генерал. Поступь величавая, голова запрокинута несколько назад, взор орлиный, пронизывающий; навстречу ему пробирается сторонкой солдатик, стараясь всеми силами не попасться генералу на глаза. Вдруг оклик:

— Эй! Нижний чин, стой!

Солдатик ни жив ни мёртв останавливается и вытягивается в струнку перед корпусным.

— Петров? — слышит он несколько картавящего генерала.

— Никак нет, ваше превосходительство, Степанов!

— Ах да, Степанов! Как я мог это позабыть, братец!.. Ведь мы с тобой плевненские.

— Так точно, ваше превосходительство!

— Да, да, помню, в траншеях вместе были... Что, Степанов, наверное, по деревне скучаешь? Наверное, родители там остались?

— Так точно, ваше превосходительство! Отец с матерью...

— Не скучай, скоро и по домам теперь... Послужили мы с тобой, Степанов, царю-батюшке, поработали всласть, теперь и на печке поваляться не грех... Ну, ступай с Богом, Степанов. Будешь в деревне, что понадобится, мне пиши, не стесняйся. А я товарища не забуду... Прощай пока!

Генерал отходит, а солдат, как очарованный, стоит на месте и долго-долго глядит ему вслед...

«Господи! Какое ведь слово-то его превосходительство сказал! — проносится в голове рядового мысль. — Он и я — товарищи! Уж не ослышался ли я?»

Но нет! Не ослышался бедный воин. И в душе у него растёт горделивое сознание, что и он вовсе не какой-нибудь Степанов из захо-

лустной деревушки, а Степанов — товарищ генерала Скобелева. Не простой он солдат, а «скобелевец». И гордится этот Степанов сам собой и изо всех сил старается стать достойным такого «товарища», как Михаил Дмитриевич...

Если, встречаясь с солдатиком, Михаил Дмитриевич замечал, что тот не совсем исправен, то не бранил такого «товарища», не кричал на него, не грозил ему всевозможными карами — нет, грозный, неумолимо строгий в военное время, он на отдыхе был чрезвычайно мягок и снисходителен.

— Как же это ты так оплошал, братец? — журил он виноватого. — И не стыдно это тебе? Вот уж от тебя-то никак ничего подобного я не ожидал!

— Виноват, ваше превосходительство! — чуть не плачет неисправный воин, удивляясь и в то же время гордясь тем, что генерал от него не ожидал неисправности...

— Только что разве виноват! Даёшь слово, что в другой раз этого не случится?

— Так точно, ваше превосходительство, даю...

— Ну смотри! Не давши слова, крепись, а давши — держись!

Чаще всего бывало, что после подобного генеральского выговора солдат совершенно исправлялся и становился образцовым...

Когда в Сан-Стефано среди солдат вдруг началась эпидемия тифа, Скобелев положительно плакал, узнав, что и среди воинов его корпуса есть заболевшие... Слёзы этого железного человека, слёзы, проливаемые о незаметных людях, всё более и более увеличивали любовь к нему. Солдаты не только что 4-го корпуса, но и чужие начинали боготворить Михаила Дмитриевича...

Даже турки с восторгом относились к Белому генералу...

Он в своих поездках в Константинополь нередко заворачивал в турецкие лагери. Если приходилось попадать туда в обеденное время, русский Белый генерал прямо отправлялся к котлам, брал у ближайшего низама ложку и пробовал варево. Если Скобелев находил в нём какой-нибудь недостаток, то немедленно присылал к туркам свой провиант, а иногда и своих кашеваров, угощавших с русским

радушием недавних врагов русскими кислыми щами с кашей... Благодаря этому и среди турок быстро вырастала популярность Скобелева.

В одну из таких поездок Михаил Дмитриевич заехал в совершенно незнакомый лагерь. Там его не знали, и изумлению добродушных низамов конца не было, когда они увидели русского генерала у своего котла. Однако Скобелев улыбался так ласково, что низамы быстро ободрились. На их лицах тоже засветились улыбки. Они весело смотрели, как Скобелев взял ложку, зачерпнул из котла варево, подул на него и принялся пробовать.

— Однако, какой здесь мерзостью их кормят! — воскликнул он, обращаясь к сопровождавшему его Дукмасову. — На что наш солдат неприхотлив, а такой бурды он не стал бы есть! А между тем взгляните, какой все здоровый народ!

Когда он говорил, вокруг собрались офицеры, подошёл командовавший здесь турецкий генерал. Скобелев некоторое время приветливо разговаривал с ними по-французски.

— А где здесь ближайшая дорога в Кон-

стантинополь? — обратился Михаил Дмитриевич к паше при расставании.

— Вам придётся ехать назад, — отвечал тот.

— Зачем? Разве по этой тропинке нельзя пробраться? — указал Михаил Дмитриевич на узкую тропинку, вившуюся через не особенно высокий горный кряжик в так называемую Райскую долину, по которой пролегал ближайший путь к столице Турции.

— Нет, — улыбнулся паша. — Здесь с трудом проходят пешие, а верхом положительно немыслимо проехать.

— А вот мы попробуем! — сказал Скобелев и направил коня рысью к обрыву.

Дукмасов и трое казаков последовали за ним.

На лице паши отразилось удивление. Турецкие офицеры что-то стали громко обсуждать между собой.

— Дукмасов, — обратился Скобелев к своему другу-ординарцу, — поезжайте вперёд. Докажем им, что проехать тут можно — чепуху они городят!

Лихой казак быстро поехал вверх к тому

месту, где тропка достигала вершины кряжа и начинала спускаться. Оттуда он увидел страшный спуск, очень крутой, местами обрывистый, местами почти отвесный. Тропка, шириной не более аршина, извивалась лентой, спускаясь в долину.

— Ваше превосходительство! — сказал Дукмасов. — Не лучше ли будет нам вернуться... Здесь действительно мудрено проехать...

— Поезжайте! — вспылил Скобелев, и глаза его так и засверкали. — Я дал слово, что проеду, и сдержу его!

Оглянувшись назад, Дукмасов увидел, что весь турецкий лагерь собрался у начала подъёма и смотрит вверх, глаз не спуская с русских удальцов. Это подзадорило казака, и он, тронув поводья, начал спуск. Скобелев последовал за ним, три казака вытянулись гуськом позади генерала. Тропинка была настолько узка, что лошади еле-еле могли ступать по ней. С левой стороны был крутой подъём, с правой — обрыв саженей в пятьдесят глубины. Малейший неосторожный шаг коня, и всадник вместе с ним должен был покатиться в бездну...

«Вот чудак-то! — думал Дукмасов про Скобелева. — Вышел чудом цел из войны, а тут ни с того ни с сего рискует вдруг жизнью перед какими-то турками!»

Далеко не прав был удалой донец. Не одно только низменное желание показать себя перед недавними врагами заставило Михаила Дмитриевича выбрать эту опасную дорогу. Нет! Не себя хотел выставить перед турками Белый генерал, он хотел доказать им, что для русских людей нет ничего невозможного. Спуск был закончен благополучно. Внизу Скобелев остановился, оглянулся на тропу, смерил гору глазами и заметил:

— Н-да! Вот видите, мы и перебрались...

Потом, немного помолчав, заметил Дукмасову:

— Глаза боятся — руки делают.

— А турки-то на нас поглядывают! — указал генералу Дукмасов на группу турецких офицеров, следивших за ними с высоты перевала.

Скобелев только улыбнулся в ответ и припустил коня.

Так старался Михаил Дмитриевич даже в

дни перемирия возвеличить среди турок уважение к их недавним противникам...

Время шло быстро, скучающих не было. Скобелев наблюдал, учился и только немногие часы отдавал развлечениям. Мир уже был заключён, полки за полками уходили в Россию, корпус Скобелева, однако, оставался ещё под Константинополем.

В июле месяце казанский полк, особенно любимый Скобелевым, справлял свой полковой праздник. Задолго ещё казанцы принялись готовиться к нему. Им было известно, что на праздник явятся турецкие генералы. Михаил Дмитриевич со своей стороны принял все меры, чтобы этот день его солдаты провели как можно веселее. В день праздника прибыл к полку турецкий главнокомандующий Фуад-паша. Турку очень понравилось, что его приняли со всевозможными почестями, и что сам Белый генерал как бы признал его старшинство по чину над собой. Михаил Дмитриевич скомандовал войскам «на караул!», подскакал к Фуаду с рапортом, при объезде солдаты кричали в ответ на приветствие паши: «Здравия желаем, ваше превосходи-

тельство!». После объезда все войска прошли церемониальным маршем, и начался пир... И тут Скобелев сумел показать солдатам, что они победители. Для трёх батальонов казанцев были устроены столы в виде Георгиевских крестов, расположенных по вершинам треугольника. У основания его был разбит красиво иллюминированный флагами и вензелями офицерский пентер, а у вершины поставлен был стол в форме турецкого полумесяца, обращённого своей вогнутой стороной к столам русских героев. Турки не заметили особенностей этого расположения, но солдаты поняли мысль своего вождя, и шумное «ура!» то и дело вспыхивало за их столами. Пир удался, и даже турки вспоминали о нём с удовольствием.

В последние дни стоянки Белый генерал был обрадован приездом своей матери Ольги Николаевны. В это же время у него гостил друг его и учитель Жирарде. С заботливой нежностью ухаживал герой за этими двумя дорогими ему существами. У него не было иной семьи, кроме его богатырей-соратников, и вот явились люди, которые были близки

ему с дней младенчества, с дней детства... Теперь Скобелев и Константинополь забыл. Целые вечера проходили у него в задушевных беседах, и, казалось, в эти часы не было счастливее Михаила Дмитриевича. И вдруг... в эти счастливые мгновения ворвалось, если не горе, то горькая обида...

В одно августовское утро Михаил Дмитриевич получил уведомление, что его желает видеть недавно прибывший новый главнокомандующий граф Тотлебен. Михаил Дмитриевич должен был одеться в полную парадную форму.

— Приготовьте мне скорее сюртук и шпагу! — приказал он своему денщику Лею.

Тот принёс, но едва Скобелев взглянул на драгоценное оружие, как увидел, что все бывшие на шпаге крупные бриллианты вынуты...

Он побледнел и выказал полное негодование. Лей стоял перед ним с перепуганным видом. Ясно было, что он ничего не подозревал о пропаже.

— Позови Круковского! — крикнул ему генерал.

Круковский был старшим его денщиком и

в отношении Скобелева он являлся тем же, чем знаменитый Прошка у Суворова. Поляк родом, Круковский был вспыльчив и даже дерзок, но любил Михаила Дмитриевича, как нянька любит порученное её заботам дитя.

Скобелев встретил его взрывом возмущения. Но и Круковский не смог ничего ему объяснить, не зная даже о существовании на шпаге драгоценных камней.

— Знать ничего не хочу! — гневался Скобелев. — Чтобы были мне сейчас бриллианты, не то оба отправитесь в Сибирь!

Круковский в свою очередь вспылил.

— За что же в Сибирь? — заговорил он. — Почём я знаю, кто камни взял... Мало ли к вам всяких господ ходит — за всеми не усмотришь!

Только что он сказал — Скобелев и о пропаже забыл. Его гнев перешёл в ярость: один лишь намёк, что грязное преступление совершено кем-либо из близких людей, кем-либо из товарищей по сражениям, вывел Михаила Дмитриевича из себя...

Он долго не успокаивался и к Тотлебену уже не поехал.

Офицеры, окружавшие Михаила Дмитриевича, немедленно узнали о пропаже и сами произвели следствие. Виновник был обнаружен. Он оказался болгарином Узатисом, человеком облагодетельствованным Михаилом Дмитриевичем, одним из его ординарцев...

Скобелев только побледнел как полотно, когда один из офицеров сообщил об открытии вора.

— Да, Узатис... У меня их два... Кто мог подумать! — пробормотал он и потом твёрдо и ровно произнёс: — Губить его незачем... Бог с ним... Он ещё так молод, может исправиться... А вы, голубчик, мою просьбу исполните: никому об этом не говорите. Бог с ними...

Для Узатиса всё ограничилось тем, что Скобелев его и его брата отослал обратно в полк. Михаил Дмитриевич забыл об этих людях, он вычеркнул их из своей памяти, но через два года после этого братья Узатисы напомнили ему о своём существовании...

Вскоре гости Скобелева разъехались, вскоре разошлись и полки. В Болгарии остался один 4-й корпус. Михаил Дмитриевич не оставил своего любимого дела. Собирая вокруг се-

бя офицеров, он составлял с ними планы как поступить, если вдруг турецкие армии нападут на оставшиеся полки. Шли споры, обсуждали этот вопрос со всей серьёзностью. Скучное осеннее время летело для всех незаметно.

Наконец, и скобелевский корпус возвратился в Россию и стал на постоянные квартиры около Минска...

XXXII
НОВЫЕ ВРАГИ

Внимание всей России было приковано к войне с Турцией. И в Малой Азии шла борьба с упорным врагом. Там бился с турками Кавказский отдельный корпус, под Ардаганом, Карсом и на Авлиярских высотах прославивший победами Россию.

В такое тревожное время совсем было не до туркмен, живших почти бок о бок с русски-

ми владениями.

Туркменией, или Туркменской степью, называется огромная площадь, ограниченная с запада Каспийским морем, на юге — Персией и Афганистаном, на севере — Мангышлакским полуостровом, принадлежавшим России, а на северо-востоке Бухарой и Хивой. На севере Туркмении лежит между Каспийским и Аральским морями песчаная пустыня Усть-Юрт, а на юго-востоке от неё за горным кряжем Балханы тянется южный хребет Копетдаг, отделяющий Персию от Туркмении. Хребет местами высок, и его северные скаты орошены множеством небольших речек. Эти речки, ниспадая с высот к подошве хребта, образуют не широкую, но длинную полосу земли, местами годной для жизни человека.

Эта полоса земли — Ахалтекинский оазис, заселённый туркменскими племенами ахалтеке.

Названное племя — храбрейшее из всех туркменских племён. Разве только одни юмуды — соседи их — не уступали им в храбрости. Но юмуды были уже покорены русскими во время похода на Хиву; ахалтекинцы же

оставались совершенно независимыми, хотя и говорили про себя, что они подчиняются хивинскому хану...

Оазис Ахалтеке — по существу ряд небольших оазисов, густо заселённых богатым и способным населением. На пространстве двухсот пятидесяти вёрст, составляющих длину оазиса, жили двадцать семь текинских родов, занимавших каждый отдельное селение, или аул, и имевших каждый отдельную воду, то есть отдельные свои водохранилища, откуда пользовалось драгоценной в песках влагой всё население аула.

Текинские аулы являлись поистине благодатными уголками среди или песчаной, или солонцеватой Туркменской степи. Превосходные, дававшие огромный урожай пашни раскидывались около них. Каждый дом был окружён прекрасным садом с персиковыми, абрикосовыми и ореховыми деревьями. Виноградников — множество, и возделывание их не представляло даже особенного труда; благодатная природа сама заботилась здесь о людях.

Аулы имели довольно своеобразный вид.

Домов, в том смысле, какой имеет это слово, нет. Вместо них кибитки и войлочные палатки-юрты, размещённые на небольших двориках, отделённых один от другого высокими стенами.

Таково жилище текинца.

В каждом селении у текинцев устроены несколько «кал»; это нечто вроде форта с толстыми глиняными стенами, с бойницами и башнями. Немало сторожевых башен было разбросано и по полям, в особенности около «карызов», представлявших собой глубокие колодцы, между которыми проделано подземное сообщение, что постоянно сохраняет воду от испарения при царившем в этих местах зное.

Текинский оазис имел два густо населённых города: Геок-Тепе, с крепостью Денгиль-Тепе, и Асхабад. Последний был населён много гуще первого, но зато крепость Денгиль-Тепе, стоявшая на высоком холме и обнесённая огромной толщины стенами, считалась среди туркмен-текинцев неприступной. Здесь они чувствовали себя в полнейшей безопасности; отсюда постоянно совершали они

набеги на соседнюю Персию, уводя из её пределов множество рабов, здесь же они укрывались от преследований.

Рядом с Ахалтекинским оазисом находился другой туркменский оазис — Мерв — столь же плодородный, так же густо населённый, но жители его были более мирного характера, чем туркмены-текинцы.

Туркменская степь перерезана многочисленными караванными путями, соединявшими Хиву и Бухару с побережьем Каспийского моря, с Персией и Афганистаном. Дорога по степи чрезвычайно затруднительна. Лошади выносят переходы плохо. Единственное животное, которое может с успехом служить для передвижения по степи, — это верблюд. Но и тот требует хорошего ухода. И не одни только трудности пути мешали в то время развитию торговли. Главной помехой был неукротимый характер текинцев, грабивших караваны, разорявших пограничные области и почти всегда остававшихся безнаказанными.

Текинцы были самое могущественное и независимое из туркменских племён. Они пользовались огромным влиянием на все

остальные племена: чадоров, гожланов, юмудов, салоров, сарыков и других. В Ахалтекинском оазисе их жило около девяноста тысяч человек, и одним из главных средств к существованию были для них «аламаны», или грабежи.

Жизнь под постоянной угрозой нападений выработала из текинцев превосходных, мужественных воинов. Каждый текинец всегда готов был к бою, к набегу, к грабежу. Они не только врывались к соседям, преимущественно персам, но и между собой вели постоянные и упорные войны. Все туркменские племена жили в кровавой вражде между собой и только сильнейшие и храбрейшие могли рассчитывать на сохранение и жизни, и имущества. Единственным законом среди них была только сила, ничего другого они не признавали. Каждый туркмен считал себя самостоятельным, и хотя у них и были ханы, то есть старейшины, но эти ханы являлись только предводителями партий во время набегов, в другое же время они никакой властью не пользовались.

Храбрые в битве текинцы, как и все полу-

дикие народы, свято исполняли долг гостеприимства. Гость, явившийся в дом, становился для хозяина и его семейства священной особой. Текинец должен был умереть, защищая своего гостя, хотя бы это был его заклятый враг. Воровство среди текинцев считалось самым позорным преступлением. Жившие постоянно грабежом, эти «рыцари степи» рубили головы тем из своих, кто оказывался уличённым в воровстве. Третьим хорошим качеством их характера следует назвать любовь к своей родине... В то же время в их характере имелось немало и отталкивающего. Они все, как на подбор, были лживы, вероломны, завистливы, жестоки. Но внешним видом текинец был совсем молодец. Высокий, стройный, обладающий чрезвычайной физической силой, неустрашимый в бою, не дорожащий жизнью полудикарь не только для персов, но и для русских представлял серьёзного врага. Оружие текинцев состояло из кривых шашек, которыми они наносили сильнейшие, убийственные удары. Потом уже они пользовались пиками, пистолетами и ружьями. Огнестрельное оружие у них было пло-

хое: попадались кремнёвые, фитильные, курковые, охотничьи ружья и никогда не было в достаточной мере зарядов для них ввиду полного разнообразия систем. Да на ружья эти удальцы не особенно и полагались: главным их оружием являлись шашки. Полуголые, часто и совсем раздетые, бросив ножны, они кидались на неприятеля, закрывая глаза, чтобы не смущать себя видом опасности, и начинали рубиться с остервенением, пока не падали мертвы ми. Смелость и дерзость их были так велики, что часто один, двое, много трое текинцев, густо вымазав тела жиром или салом, подкрадывались к большим отрядам, кидались внезапно на часовых и производили страшный переполох. Если их схватывали, то, благодаря приобретённой их телом скользкости, они легко выворачивались из рук и исчезали бесследно.

Отправляясь на аламан, текинцы обыкновенно избирали себе сардаря — вождя, повиноваться которому клялись беспрекословно во всё время, пока будет продолжаться набег, и обыкновенно эти клятвы исполнялись ими.

Безнаказанность многочисленных алама-

нов, безнаказанность увода в плен многих тысяч мирных жителей, нескрываемый страх, внушаемый текинцами населению Хивы, Бухары, Персии, Афганистана, дали текинцам повод считать себя храбрейшим на свете народом и развили в них чрезвычайную гордость, а несколько побед, одержанных над многочисленными войсками хивинского хана и персидского шаха, уверили их в том, что они и в самом деле народ непобедимый...

Когда пали Бухара и за нею Хива, непобедимая дотоле, текинцы наружно, но не искренно признали себя покорными России. А когда же в 1877 году русские предприняли поход в туркменские степи, вызванный набегами текинцев на Хиву и Бухару, они оказали русским отчаянное сопротивление, а в следующем году русские войска даже были вынуждены отступить. Текинцы, вообразившие, что они победили русских, стали до того дерзкими, что явились на побережье Каспийского моря и пробовали блокировать тамошние русские города — Чигишляр и Красноводск.

Набеги текинцев на Хиву и Бухару становились всё более дерзкими. Пограничные об-

ласти Персии были жестоко разоряемы ими. Русскому правительству приходилось нести ответственность за действия текинцев, и, наконец, в 1879 году решено было усмирить их силой оружия.

Отправлена была против них экспедиция генерала-майора Ломакина. Войска вошли в Геок-Тепе и 28 августа пробовали штурмовать Денгиль-Тепе. Однако русским пришлось отойти ни с чем — потеряв в бою четыреста пятьдесят три человека...

Эта неудача тяжело отразилась на положении русских в Средней Азии... Покорённые народы подняли головы. Полунезависимая Бухара и даже Хива увидели возможность успешной борьбы с русскими — не только борьбы, но даже победы над непобедимыми до тех пор в Азии русскими войсками.

И без того грозное в этих местах племя текинцев окружилось ореолом непобедимости. Их подвиги, преувеличенные молвой, передавались на базарах Азии, воспламеняя и фанатизируя мусульман... Становилось необходимым повторить экспедицию и решительным ударом разгромить текинцев...

И вот в феврале месяце 1880 года состоялось повеление о назначении генерал-адмирала Михаила Дмитриевича Скобелева начальником новой экспедиции против Ахал-Теке...

Немного прошло времени с той поры, как Михаил Дмитриевич покинул пески туркменских просторов. Теперь судьба снова возвращала его в мёртвые песчаные пустыни, где слава впервые озарила его своим лучезарным блеском.

Немного времени, а какая значительная перемена!

Скобелев возвращался в туркменские пески прославленным на весь мир героем. На него возлагались надежды, ему вверяли честь России, а всего за семь лет до того даже незначительные офицеры кавказских войск относились к нему свысока и с недоверием... Теперь Михаил Дмитриевич, благодаря своему гению, стал выше всех, и его имя произносилось не иначе как с величайшим уважением... Совсем ещё недавно он был неизвестным офицером генерального штаба, прикомандированным к кавказским войскам без всякого

определённого назначения, после войны он стал командиром корпуса и генерал-адъютантом. Он прибыл в туркменские степи прямо из Минска, где располагалась штаб-квартира его 4-го корпуса, прибыл готовый потрудиться на пользу России и сейчас же принялся за дело. Все в Красноводске и Чигишляре ожидали, что Белый генерал немедленно пойдёт в степи. Даже ахалтекинцы приуныли — слава Скобелева была ещё жива в песках. В Геок-Тепе собрался совет всех старейшин туркменских племён, и на нём один из наиболее уважаемых и влиятельных текинских вождей Тыкма-сардарь настоял на том, чтобы русским оказано было самое энергичное сопротивление. Совет этот происходил в ауле Изгент, и старейшины решили, чтобы текинцы всех аулов перебрались в Денгиль-Тепе. Каждого, кто только заговорит о примирении с русскими, решено было убивать, и Тыкма-сардарь получил под своё начальство тысячу всадников, которые должны были под страхом смерти переселять своих соплеменников в крепость.

Во время последнего неудачного похода

Ломакина текинцы отбили у русских несколько пушек, множество ружей, боевые снаряды, и у них явилась таким образом артиллерия. Это-то давало им уверенность, что им удастся одолеть Белого генерала.

А Скобелев словно поддразнивал легковерных и пылких детей песчаных пустынь. Он прибыл в Красноводск, часто бывал в Чигишляре, но похода не начинал...

Текинцы ликовали, воображая, что и на этот раз у русских не хватает сил для борьбы с ними...

XXXIII
СНОВА В ПЕСКАХ

Игишляр — это старая полуразрушенная не столько людьми, сколько временем текинская крепость на восточном берегу Каспийского моря. Уже давно, когда русские едва-ед-

ва стали утверждаться в песчаных пустынях; остатки крепости были обращены в русский наблюдательный пост. Появились кое-какие строения, замелькали «белые рубахи» молодцов кавказцев, почти непрерывно слышался рёв верблюдов.

В мае месяце 1880 года Михаил Дмитриевич прибыл сюда, и ничто не говорило о том, что он останется здесь не надолго...

Вместе со Скобелевым прибыл в Чигишляр и начальник его штаба полковник Николай Иванович Гродеков. Один по одному собирались офицеры, и скоро заброшенный пост так и закипел весёлым оживлением.

Среди прибывших военных особенное внимание обращал на себя высокий красивый старик, чрезвычайно подвижный, всегда весёлый, улыбающийся. Постоянные обитатели чигишлярского поста с удивлением поглядывали на него. Старик, видимо, был очень близок к Скобелеву. Он непринуждённо разговаривал с прославленным героем, иногда слышали, как он, говоря с ним всегда по-французски, называл его «своим сыном». Михаил же Дмитриевич относился к нему с неж-

ной почтительностью и с сыновней заботливостью.

— Кто это? — любопытствовали чигишлярцы у прибывших с генералом.

— Разве вы не знаете? — удивлялись те. — Это мистер Жирарде.

— Кто? Какой такой Жирарде?

— Мистер Дезире Жирарде. Он учитель и воспитатель Михаила Дмитриевича... Генерал был у него в пансионе, в Париже, когда его отец не нашёл возможным воспитывать его дома... Наш генерал очень любит своего учителя, и они с некоторых пор неразлучны...

Действительно, Жирарде покинул Париж, чтобы быть поближе к своему гениальному воспитаннику. Он был с ним и в Хиве, и в покорённом Коканде, не разлучался с ним и под Плевной в войну, и в Минске в год мира, а теперь сопровождал его в этом походе на текинцев, первом деле государственного значения, порученном всецело Скобелеву. Учитель и ученик оставались неразлучны и в самом деле. Перед приездом в Чигишляр Михаил Дмитриевич заболел и должен был пролежать в Красноводске несколько дней в посте-

ли. Жирарде не отходил ни на шаг от своего воспитанника-друга и теперь явился вслед за ним в текинские пески.

С каждым днём оживление в Чигишляре всё росло и росло. Появлялись новые войска; целые стада упитанных, хорошо выдержанных верблюдов пригоняли из степей.

Около верблюдов усиленно хлопотали двое людей: отставной, тучный, но весьма подвижный подполковник и бравый фельдфебель, тоже из отставных. Оба они, казалось, всецело отдались своему делу. Верблюды у них были лучшие во всём отряде. Часто к ним попадали заморыши, истомлённые голодовками и тяжёлой, непосильной работой; они умели очень скоро выхаживать их и превращать в крепышей, на которых и залюбоваться было бы не диво.

— Как думаешь, Макаров, — спрашивал частенько толстяк, с любовью поглядывая на неуклюжих кораблей пустыни, — не ударим ли мы в грязь лицом перед генералом? А?

— Зачем ударять, ваше высокоблагородие? — отвечал обыкновенно Макаров. — Сами увидите; похвалит его превосходитель-

ство...

— Превосходительство! — вздыхал подполковник. — А помнишь, парень, Хиву-то? Помнишь, как мы Усть-Юрт переходили?

— Как же не помнить! — почтительно титулуя толстяка, но в то же время и несколько фамильярно говорил фельдфебель. — Разве такое можно забыть?

— И воды вроде мало утекло, а сколь многое переменилось... Кто бы и подумать мог, когда мы в тот год по пустыне шли, что наш «питерский фазанчик» во всемирные герои попадёт!..

— И тогда можно было думать, ваше высокоблагородие, — отозвался Макаров, — очень уж их превосходительство себя выдерживали... Подумать только, наш брат рядовой от жары бесился, а они как ни в чём не бывало...

— Да, многие ошибались насчёт него, и я в числе первых... — вздыхая, признался подполковник. — Что же! Вот теперь опять Бог привёл свидеться. Опять в песках... Послужить надо генералу, чтобы ладно всё дело вышло...

— И послужим, ваше высокоблагородие! — соглашался Макаров. — А я намедни ходил

войска встречать, так видел поручика Волпянского.

— Какого Волпянского?

— Прапорщиком тогда, в хивинский наш поход, в вашей роте были...

— Да, да! Помню, помню! Ещё в одной юломейке жили. Он от Михаила Дмитриевича в несказанном восторге был, а я его всё разубеждал... И что он?

— Не могу знать... Только генерал изволили прибывшим смотр сделать, так поручика признали и милостиво с их благородием разговаривали...

— Узнает ли он нас с тобой?.. На завтра верблюжьему каравану смотр назначен, представляться придётся... Ох, так сердце и замирает, брат!

Во всю эту ночь и подполковник, и фельдфебель глаз не сомкнули. Они то появлялись на верблюжьих выгонах, то давали наставления лаучам — туземцам-верблюдовожатым, то осматривали заготовленный для животных корм.

На другое утро Скобелев лично осмотрел верблюжий караван, и у него на лице, исху-

давшем после болезни, появилась довольная улыбка.

— Спасибо! — обратился он к пожилому, по-купечески одетому человеку, неотступно ходившему за ним, пока продолжался осмотр.

Этот купец был известный в среднеазиатских песках поставщик-подрядчик Громов. Михаил Дмитриевич знал его ещё с того времени, когда он ходил под Хиву, а затем покорял кокандцев. Когда он начал ещё в Красноводске готовиться к походу на Геок-Тепе, то вдруг оказалось, что невозможно достать верблюдов. А между тем без этих животных был немыслим переход через песчаные степи. Сколько ни бились, верблюдов не было. Туркмены наотрез отказались поставлять их — из боязни, что текинцы жестоко отомстят им за это. Скобелев даже арестовал пятерых влиятельных старшин, но и это не помогло: кочевники упорствовали. А время шло, и откладывать начало похода становилось невозможным. Текинцы смелели день ото дня. Они однажды пошли на доктора Студитского, возвращавшегося с конвоем после объезда постов. Во время нападения Студитский был

убит, а его спутников спасла от плена только случайно подоспевшая к месту схватки рота. Михаил Дмитриевич и убеждён был, и из опыта знал, что на полудикарей действует только сила, а тут каждый день промедления как бы всё более уверял текинцев, что русские бессильны наказать их. Тогда Скобелев вспомнил о Громове, вызвал его, почти с первого слова уговорился в цене, и Громов, хотя и с опозданием, доставил сперва в Красноводск, а потом и в Чигишляр достаточное количество великолепных верблюдов, купленных им у туркмен-юмудов.

Теперь Белый генерал не сомневался, что с обилием вьючных животных ему удастся преодолеть пески. А людей Михаил Дмитриевич не боялся...

— Спасибо! — ещё раз поблагодарил он, пожимая Громову руку.

— Не за что, ваше превосходительство! — добродушно отвечал Громов. — Что я! Вот их поблагодарите! — он указал на толстяка-подполковника, за спиной у которого вытянулся в струнку фельдфебель.

Скобелев так и впился в них своим взором,

цепким и пронизывающим.

— Старые знакомые, кажется? — отрывисто спросил он.

— Так точно, ваше превосходительство! Подполковник в отставке, Агапеев...

— Помню, помню... Хива... Усть-Юрт! Меня ещё на чём свет при молодёжи разносили... Не осуждаю, не сержусь... Эти разносы мне, по правде, на пользу шли. Из-за них себя всегда сдерживал... Рад теперь, что встретились!

Он протянул руку Агапееву, на лице играла довольная, радостная улыбка.

— Рад, рад! — повторил он. — А это... Это тоже старый знакомый... Макаров? Самурского полка?

— Рад стараться, ваше превосходительство! — гаркнул по старой привычке Макаров.

— Ну, оглушил!.. Тут у меня в отряде ещё общий наш знакомец есть... Хивинец, поручик Волпянский... Подполковник Агапеев! Прошу вас ко мне на чай... Побеседуем, обменяемся мнениями... Старину помянем... А теперь бесконечно караваном доволен... Пока до свидания!.. Прямо отсюда вы ко мне... Тебя,

старина, — кивнул он Макарову, — тоже не забуду!..

Он ещё раз пожал Агапееву руку и быстро пошёл к своей свите, стоявшей несколько поодаль.

— У вас Агапеев служит? — спросил Михаил Дмитриевич на ходу у Громова.

— Так точно, ваше превосходительство! — ответил тот. — Для службы-то он тяжёл оказался, а капиталу нет, трудиться нужно было, нуждался подполковник сильно.

Скобелев слегка нахмурился.

— И я этого не знал! Я помню, под Хивой он бок о бок со мной бился... Жалко, жалко!

— Так вот я его, ваше превосходительство, и приютил. Дело ему дал и нахвалиться им не могу... Очень он за верблюдами хорошо смотрит, толк в них знает, всю их природу изучил... Да и помощник у него способный...

— Макаров?

— Да. Он его раненого из огня, что ли, вынес. Так с тех пор они и не расстаются...

— Теперь я о них сам позабочусь! — кивнул Скобелев. — Товарищи мы...

Он сел на лошадь и поехал к бивуакам

прибывших войск.

Агапеев между тем, как только отошёл генерал, в бессилии опустился на один из лежавших возле каравана вьюков.

— Помнит! Сразу узнал! — растерянно лепетал он. — И неприязни у него на меня за прошлое нет, к себе позвал... А, Макаров?

— И меня, ваше высокоблагородие, не забыл! — отозвался тот.

— Не забыл, не забыл... А ведь идти надо... Ох! И радостно мне, и тревожно...

— Идите с Богом, ваше высокоблагородие! Ничего не бойтесь, всё ладно выйдет. А я тут за скотиной присмотрю... На меня положитесь...

Агапеев ушёл и вернулся часа через два. С ним явился Волпянский. Оба были радостно взволнованы, об не находили слов, чтобы высказать свой восторг пере, Скобелевым.

— Что за человек! — мечтательно произносил Волпянский, когда они вместе с Агапеевым уселись в палатке последнего и Макаров принёс им чай. — Как я жалею, что мне не удалось выхлопотать для себя перевод в дунайскую армию во время войны...

— За то теперь Бог привёл нам вместе поработать... Тоже — дело не шуточное предстоит... После неудачи Домакина от текинцев в степях житья не стало; и в наши области являются разбойничать...

— Вот Скобелев покажет им! Не знают они, что их ждёт!.. Так мы, значит, снова вместе?

— Выходит, так! — подтвердил Агапеев. — Меня он начальником каравана назначил; вас — начальником охраны. Стало быть, вместе...

— В Бами идём?

— А оттуда прямо в Денгиль-Тепе... Успех несомненен...

— Ещё бы! Со Скобелевым-то да неудача? Разве такое возможно?.. С ним всегда счастье...

— Он и сам в своё счастье верит... Вы слушайте, что он проделал, когда сюда, в Чигишляр, прибыл... Сам я свидетелем был...

И Агапеев рассказал следующее...

Скобелев прибыл в Чигишляр 7 мая 1880 года. На пароходе, на том же, на котором ехал он, везли и его чудного белого коня. Когда пароход был у берега, Михаил Дмитриевич не

велел идти к пристани, а остановиться прямо в море. Потом он приказал вывести своего коня и спустить его в море. Красавец-конь немедленно очутился в волнах седого Каспия. Умное животное огляделось вокруг и поплыло прямо к берегу.

— Если выплывет — успех нас ждёт! — громко, чтобы все кругом слышали его слова, произнёс генерал.

На пароходе всё замерло. Белый красавец уже слился с седою пеной буруна. Его несколько минут не было видно. Вдруг громкий шёпот восторга пробежал по пароходу. Кто в бинокли, кто невооружённым глазом увидели коня генерала, благополучно выбравшегося на береговую площадь. Ещё мгновение, и конь, отряхнувшись, уже мчался с весёлым ржанием к лагерю...

— Если бы вы только знали, поручик, что на берегу было, — рассказывал Агапеев, — когда там узнали, что генерал, так сказать, судьбу испытывал... Такое «ура!» тогда грянуло, что, пожалуй, во всех степях окрест было слышно... Только и разговаривали после о том, что Денгиль-Тепе мы непременно возь-

мём... Непременно возьмём... И теперь все уверены, что поход нас ждёт удачный...

— Аминь! — торжественно заключил Волпянский и повёл разговор о приготовлениях к предстоящему походу по пескам.

За это время войска были уже продвинуты на 181 версту вперёд, к посту Дуз-Олум. Отсюда они прошли ещё 121 версту и заняли старинную туркменскую крепость Вами. Геок-Тепинсий оазис был перед русскими богатырями. Денгиль-Тепе манило к себе Белого генерала...

XXXIV
ПОД ГЕОК-ТЕПЕ

На высоком холме, поднявшемся над раскинувшейся беспредельно песчаной пустыней, высится Денгиль-Тепе, главная крепость текинцев. Со всех сторон поднимаются стены,

столь толстые, что никаким ядром их не пробить. Вокруг крепости — сады. Приятно ласкает взор их нежная зелень... но чу!., что такое?

В недрах текинских песков раздаются звуки военной музыки... Откуда это? Текинцы на стенах не то с недоумением, не то с тревожностью вглядываются вдаль.

Перед ними словно какая-то белая лента вьётся... будто это ползёт гигантская белая змея... Вот она ближе и ближе... Нет, это не лента, это не змея — это подходят к текинскому оплоту русские отряды.

Вот медленно, но грозно идёт пехота, сверкая на солнце холодной сталью своих штыков. Идут и испытанные кавказские полки, десятки лет без устали сражавшиеся с неприятелями в горах Кавказа. За пехотой потянулись казачьи сотни. Громыхают пушки... Страшная гроза надвигается на Геок-Тепе, приют текинцев...

— Сам Гез-Каллы — кровавые глаза — ведёт «белые рубахи»! — проносится весть среди полудикарей, и они чувствуют, что хотя и не много русских, но тот, кого они прозвали Гез-Каллы, не уйдёт от них без победы, как

уходили его предшественники.

Гез-Каллы — это генерал Скобелев...

Он не пошёл из Вами на текинцев, пока не подготовил своего отряда так, что люди могли пройти по степям, ни в чём не нуждаясь. Запасены были верблюды в огромном количестве, собран был провиант, но и тогда Скобелев считал, что идти на Ахал-Теке ещё рано... Прежде чем вести отряд, он пожелал сам обследовать и путь до Геок-Тепе, и саму крепость.

Благополучно дошёл рекогносцировочный отряд до кишлака Янги-кала в нескольких верстах от Геок-Тепе. Здесь Скобелев под надёжной охраной составил обоз и тронулся к крепости.

Едва только русских завидели из Денгиль-Тепе и там несколько оправились от смущения, пушечный выстрел возвестил всему собравшемуся текинскому народу, что неприятель близко. Не замолкло ещё эхо, вызванное грохотом пушки, как навстречу русским понеслись толпы конных текинцев, оглашая недавно ещё тихую равнину громким гиканьем и десятками ружейных выстре-

лов. Завязалась перестрелка. Выдвинутые вперёд пушки ударили по текинцам шрапнелью. Множество коней без всадников, сбитых из седел выстрелами, мчались по полю, но текинцы, горевшие желанием схватиться с русскими, не испугались и ещё более участили свои выстрелы.

Нападение текинцев опасности не представляло, но оно мешало производить съёмку местности. Скобелев приказал отпугнуть нападавших.

При разведочном отряде была так называемая ракетная команда: десять станков для запуска ракет в неприятеля.

Выдвинули станки. Молоденький поручик суетливо хлопотал около них, уговаривая наводчиков попадать прямо в текинцев, бесновавшихся совсем близко. Однако первая попытка закончилась неудачей. Первые две ракеты зашипели и лопнули в станках... Третья, наконец, вылетела, но в воздух не поднялась, а упала недалеко от офицера. Тот, слава Богу, успел отскочить назад...

— Поручик! Надо уметь умирать! — раздался над ним знакомый звучный голос.

Михаил Дмитриевич, заметив, что ракеты долго не показываются, сам поспешил к команде. Его возглас страшно смутил молодого человека. Он на глазах генерала кинулся к одному из станков и самолично пустил ракету. Она, шипя, взвилась и через секунду влетела прямо в неприятельскую конницу, произведя там настоящий переполох. Лошади, перепуганные шипением и треском, перестали слушаться всадников и кинулись в разные стороны, унося их с равнины.

— Благодарю, поручик! — крикнул Михаил Дмитриевич. — Весьма рад за вас!..

Он унёсся вперёд к своей свите, расположившейся на высоком бугре, откуда прекрасно обозревалась вся местность. Топограф и некоторые офицеры уже работали, набрасывая кроки неприятельского укрепления и его окрестностей. Вдруг засвистели пули. Оказалось, что партия текинцев, укрывшись в одном из садов, принялась беспокоить оттуда отряд ружейным огнём. Чтобы прогнать неприятеля, выслали взвод местного — красноводского — батальона. Скобелев смотрел с бугра через бинокль, как шли солдаты. И вот

на лице его появилось гневное выражение. Дав шпоры коню, генерал помчался прямо к взводу красноводцев. Оказалось, что батальон состоял из молодых солдат, никогда ещё не бывавших под выстрелами. Очутившись под пулями, они скоро смешались, залегли в высохший арык и начали оттуда стрелять по текинцам. Вместо дела выходила бесцельная, утомительная перестрелка, которая могла продолжаться часы.

— Это ещё что такое? — загремел Скобелев, останавливая на всём скаку своего коня. — Вставай, стройся!..

Он поднял солдат, позабывших при его появлении о текинских пулях, и тихим церемониальным маршем довёл их до предназначенного места.

Несколько учащённых залпов, и текинцы были выбиты из сада. После этой работы пошли без перерыва, и к двум часам дня рекогносцировка завершилась.

Теперь предстояло возвращаться назад. А это было самое трудное...

Текинцы собрались массами и только ждали того момента, когда русские пойдут прочь.

Теперь полудикари увидали то, чего они никогда ещё не видывали... Не торопясь, словно на учебном плацу, весь отряд переменил фронт, и вдруг раздались звуки марша... Ровно, в ногу, будто кругом и не было врагов, готовых кинуться на отходивших в шашки, пошла вперёд пехота, оградившая своим щетинистым строем пушки. На флангах разместились казаки, только оборачивающиеся на замерших на одном месте текинцев да грозивших им нагайками. Звуки музыки так и разливались над пустыней, и под них отряд стройно и плавно отходил всё дальше и дальше.

Текинцы, наконец, очнулись и с неистовым гиканьем пустились вслед за уходившим отрядом. Теперь оказалось, что каждый текинский всадник вёз позади себя на коне пешего товарища. Мгновение — и с трёх сторон русский отряд был окружён гомонящей толпой, готовой броситься на ненавистные «белые рубахи». Но миг ещё — раздалась команда, и весь отряд ощетинился сотнями штыков. Раздалась новая команда, и грохнули залпы. Град пуль, просыпавшись на текинцев,

заставил их откинуться в сторону, но некоторые из них всё-таки прорвали цепь и, конечно, погибли все на русских штыках. Тогда настала очередь пеших. Нестройной толпой бросились они к отряду с обнажёнными шашками, но даже подойти не смогли близко. Русская картечь так и отшвырнула их...

Показалось Егин-батырь-калы, пункт «с водой», где вышедший для разведки отряд оставил свой обоз и несколько тяжёлых орудий. Как ни смелы были текинцы, а тут они не посмели преследовать русских и рассыпались во все стороны, засев в горах напротив занятого русскими укрепления. Скоро на высотах стало показываться множество пеших и конных текинцев, очевидно, высматривавших издали, как расположатся на ночлег русские.

А Михаил Дмитриевич сам хлопотал над этим. Громче всех других раздавался его звучный, басовитый голос. Он отдавал приказания, распределял людей, сам указывал подходящие места для орудий, рассылал секреты. И Скобелев, и все его офицеры были уверены, что с наступлением темноты текинцы нападут непременно. Последние видели, что реко-

гносцировочный отряд невелик, а это давало им повод вообразить, что их нападение будет иметь несомненный успех.

Ещё в войну с турками Скобелев заметил, какое сильное впечатление производит на наступающих внезапно открытый по ним огонь, и теперь настрого запретил стрелять без команды. Были заготовлены огромные костры, но их пока не зажигали. Михаил Дмитриевич намеревался поразить воображение пылких и впечатлительных противников.

В глубокую тишину погрузился весь русский лагерь, когда опустилась ночь. Костры, разведённые днём для приготовления пищи, были не только погашены, но даже и засыпаны. Во всём лагере горела только одна свечка — в палатке у Скобелева, погруженного в разборку и приведение в порядок накопившихся за день дел. В лагере царила мёртвая тишина, хотя никто не думал спать. Солдаты шёпотом переговаривались друг с другом, да ветер, набегая порывами, чуть слышно шелестел листьями группы деревьев, около которых раскинулся русский лагерь.

Вот настала глухая полночь, но текинцы

всё ещё медлили с нападением. Лишь в конце второго часа приползли стрелки из секретов и сообщили, что громадные толпы неприятеля крадутся к лагерю с трёх сторон...

Наступило мгновение, когда скобелевцам приходилось помериться силами с врагом, дерзким, настойчивым, кровожадным и весьма ободрённым своими прошлыми успехами.

Скобелев очутился около передовых частей.

— Не стрелять без команды! — повторял он тихо приказание. — Целься, братцы, ниже! И горячиться нечего... Вон они идут!..

Прямо на лагерь двигалась тёмная масса... двигалась она в грозном молчании... Текинцы, видимо, так были уверены в своём превосходстве, что не старались даже предварительно «запугивать» противника и шли прямо напролом.

Тёмная масса уже совсем близко... И вдруг пустыня, горы — ожили от ужасающего крика. Разом закричали несколько тысяч человек, и их голоса смешались с треском ружейных выстрелов.

Мёртвое безмолвие было ответом со сторо-

ны русских...

Ободрённые этим молчанием текинцы с трёх сторон кинулись на безмолвный лагерь, но когда они были в нескольких десятках шагов, ярко-огненная полоса прорезалась в темноте ночи, раздался грохот залпов, следующих один за другим, и град пуль ударил текинцам прямо в лицо.

Словно невидимая сила отшвырнула их прочь. Эхо, множась в горах, пронесло гул залпов, и затем опять всё стихло в русском лагере. Будто и нет его здесь... Ошеломлённые текинцы откатились далеко в пустыню. Послышались отдельные голоса и восклицания. Очевидно, предводители созывали своих людей и подбадривали их, склоняя к новому нападению...

Теперь текинцы узнали, что ждёт их... Но первые залпы не надолго поразили их воображение. Они слышали только ружья, и предположили, что у русских закончились заряды для пушек...

С новым пронзительным гиком, покрываемым треском ружей, кинулась масса текинцев на безмолвно поджидавший их отряд. Те-

перь пушки и ружья заговорили одновременно. Злая картечь вырывала целые кучи тел, залпы грохотали непрерывно, вокруг быстро вырастали груды трупов... И снова откатились назад отбитые, устрашённые враги...

Впрочем, было их так много, что они решились и ещё на одну, уже третью по счёту атаку, однако и тут их отбросили со страшным уроном...

Между тем начался рассвет. На востоке заалела полоска зари, и едва показались первые лучи солнца, в русском лагере грянула зоревая пушка... Быстро построились солдаты, и среди пустыни раздались величественные звуки народного гимна. Потом, перестроившись в боевой порядок, разведочный отряд тронулся в обратный путь...

Текинцы, так и не понявшие, зачем явились к Геок-Тепе «белые рубахи», вообразили, что русские уходят по следующей причине: Гез-Каллы, то есть Скобелев, не решился более воевать с ними, увидав своими глазами их силу... Они то и дело наваливались всей своей массой на русский отряд, но всякий раз их встречала картечь шести орудий... Был

один момент, когда под натиском текинского скопища кавалерийская цепь стала суживаться, но тогда впереди её в походном кресле очутился Скобелев. Он совершенно спокойно рассматривал в бинокль бесновавшуюся массу и сумел передать своё спокойствие всему отряду... Наседавших текинцев дружным встречным натиском прогнали, и русские уже беспрепятственно продолжали свой путь по пескам.

Скобелев узнал всё, что ему требовалось. Всего троих убитыми и восьмерых ранеными потерял его отряд в эту рекогносцировку, но зато Геок-Тепе было обследовано, и теперь Гез-Каллы оставалось только взять его...

С этим последним генерал Скобелев не стал торопиться. Он предпочитал действовать наверняка.

А по пескам уже ходили о Скобелеве легенды... Впечатлительные и суеверные текинцы были уверены, что русский вождь не простой человек, а существо, посланное самим Аллахом для наказания их за грехи... Да и среди русских солдат и казаков, знавших Скобелева лишь по слухам, теперь явилось убеждение,

что их генерал заговорён и от пули, и от клинка...

— Кого наш Скобелев не победит, того уже никто не победит! — говорили с гордостью в полках.

Теперь предстояло довершить победное шествие русских вглубь туркменских песков...

XXXV
ПОСЛЕДНИЙ ПЕРЕХОД

Говорить о деле — одно, а делать его — совсем другое... Хорошо знал Михаил Дмитриевич, с кем ему приходится вести войну; недаром русский чудо-герой начал своё военное поприще в соседних с текинскими песчаных пустынях. Одна только сила и как ясное олицетворение её — победа — могла повлиять на хитрых, безумно храбрых полудика-

рей. Скобелев должен был победить во что бы то ни стало текинцев. А чтобы победить их, следовало действовать наверняка...

Белый генерал поэтому не торопился со сборами. Подтягивались войска, собирались обозы, устраивались дороги, привыкали к климату новобранцы.

Наконец сборы были завершены.

Тянулся пятый час туманного ноябрьского утра, когда рожки и барабаны подняли на ноги весь бамийский лагерь. Громыхнул зоревой выстрел, на площадку старой крепости собрались отовсюду роты и батальоны.

Наступило 26 ноября — день общего выступления на неприятеля...

Михаила Дмитриевича в лагере не было, и его заменил генерал Петрусевич. Сам Скобелев ещё за пять дней до этого выехал с кавалерией вперёд.

Скромный, кроткий иеромонах Афанасий совершил молебствие и окропил ряды солдат святой водой.

— Поздравляю вас, братцы, с походом! — раздалось бодрое приветствие Петрусевича.

И разом грянувшее богатырское «ура!» по-

крыло слова генерала.

С походными песнями пошла в бесконечный степной простор пехота, загромыхали на ухабах пушки, с жалобным рёвом тронулись верблюжьи караваны...

Наступление на пресловутую твердыню текинцев началось...

Скобелев в это время был уже далеко-далеко впереди.

Теперь, когда всё было готово и когда сомнения в победе быть не могло, Белым генералом овладело нетерпение. Он так и рвался вперёд. И в этом походе был случай, когда Михаил Дмитриевич едва не сложил в песках своей светлой головы, или, что ещё хуже, едва не попал в плен к степнякам...

Шайки текинцев рыскали по всем направлениям. Они не осмеливались нападать на русский отряд, но беда грозила тем, кто по какой-либо причине отбивался от главных сил. Смерть — и смерть мученическая — была неизбежна для такого несчастного. Текинцы оказались настолько дерзки, что устраивали джигитовки под пулями, а однажды угнали красавца белого коня самого Скобелева; при-

чём угнали так, что конь этот исчез где-то в степях и его не удалось возвратить — несмотря даже на предложение выкупа...

Белый генерал, как и всегда, относился к опасности с полнейшим презрением. Вышло так, что кавалерийский отряд, с которым был Михаил Дмитриевич, перевалив через горный хребет Копетдаг, наткнулся на довольно многочисленную шайку текинцев, гнавших стадо тысяч в семь баранов. Молодцы кавалеристы разогнали дикарей, овладели стадом и пошли далее, а их герой-командующий, увлекаемый желанием осмотреть лично дальнейший путь, отделился от своей колонны и сам отправился на разведку.

Мрачно тянулись к небу отвесные утёсы Копетдага. Ущелья, долины прорезали горные кряжи по разным направлениям. Скобелев, с которым было несколько офицеров его штаба и четверо осетин из его конвоя, вступил в ущелье Арваз и остановился здесь на отдых. Он вместе со своими офицерами занялся просмотром сделанных во время пути отметок и набросков и совсем не заметил, как горы внезапно укутались в густейший туман. Волную-

щаяся и клубящаяся мгла разлилась в воздухе. С каждой минутой она всё сгущалась, и скоро путники едва могли различать друг друга. Тем не менее Скобелев попробовал всё-таки выбраться из ущелья, руководясь компасом. Кое-как разыскали среди тумана коней, разобрались и тронулись практически на ощупь вперёд. Кони шли, спотыкаясь на каждом шагу. Туман волновался, как море. Прошёл час, за ним — другой, а ущелье как будто не кончалось; кругом в тумане проглядывали грозные громады склонов. Все, не исключая Белого генерала, ясно видели, что дорога потеряна, что они совершенно заблудились в горном лабиринте...

Не одно сердце дрогнуло предательской тревогой, когда исчезли последние сомнения в окончательной потере пути. В таком тумане всё могло случиться. Вместо своих, путники могли выбраться прямо к какому-нибудь становищу текинцев, и тогда смерть была бы неизбежной. Все сопровождавшие Скобелева ясно понимали, что участь экспедиции висела на волоске. Случайность могла погубить всё, ибо гибель Скобелева в этом случае была

равносильна гибели всего дела. Все примолкли, так как разом пропала охота говорить; только удары кованых копыт о камни свидетельствовали о продвижении крохотного отряда вперёд...

Вдруг среди тумана раздался голос... Разом натянулись все поводья. Маленький отряд стал как вкопанный. В тумане послышалась песня — не русская песня; голос певца был гортанный, полный придыханий.

«Текинцы!.. Всё пропало!» — пронеслась одна мысль у всех в отряде.

Залязгали шашки, вынимаемые из ножен. Конвойцы-осетины выхватили из чехлов винтовки. Весь отряд замер на месте. Одна из лошадей вдруг заржала, сейчас же из клубившейся мглы тумана послышалось ответное ржание и вслед за ним громкий оклик...

— Да там наш! — воскликнул один из осетин, узнавший по голосу товарища.

Он не ошибся. Через мгновение, радостно приветствуемый, присоединился к крохотному отрядику ещё джигит-конвоец, тоже отбившийся от колонны, но объявивший, что он может найти путь к выпущенной вперёд,

на разведку команде стрелков.

Отряд несколько ободрился. Опасность далеко не миновала и всё ещё угрожала со всех сторон отбившимся, но уже теперь явилась полная уверенность в близком и благополучном исходе. Джигита немедленно отправили отыскивать стрелковую команду, которой, по предположениям Скобелева, должен был командовать подпоручик Воропанов. Посланцу дали записку, в которой Воропанову приказывалось немедленно спешить к генералу, давая знать о своём приближении выстрелами. Скобелев же со своими людьми решил оставаться на одном месте, находя, что в этом случае Воропанов скорее отыщет его.

Попрощавшись, джигит скрылся в тумане. Скоро замер в отдалении перестук копыт его лошади. Для оставшихся томительно медленно потянулись часы напряжённого ожидания. Туман всё не рассеивался, а наоборот, становился более густым. Белый генерал, укутавшись в плащ, уселся прямо на землю, прислонившись спиной к гранитному утёсу. Около начальника как попало разместились его спутники. Один из конвойных оставался воз-

ле лошадей, готовый подать их офицерам при первом намёке на опасность; двое стали на часы, более полагаясь в создавшемся положении на слух, чем на зрение...

Шли минуты и часы. Мёртвая тишина царила в ущелье. Редко-редко раздавался удар копытом о мёрзлую землю или лязгала шашка. Все небольшие запасы сухарей уже были уничтожены, а выручка всё ещё не приходила. Становилось нестерпимо холодно. Появился ветер, туман медленно рассеивался, начиналась стужа...

Вдруг один из часовых встрепенулся.

— Кто идёт? — послышался среди мёртвой тишины его резкий оклик.

В поредевшем тумане ясно вырисовывались чьи-то фигуры.

— Енерал здесь, что ли? — раздался грубый солдатский голос.

Все разом поднялись на ноги. Вздох облегчения вырвался не из одной груди. Долгожданная подмога, наконец, подоспела...

Посланный вперёд джигит отыскал-таки Воропанова. Подпоручик сообразил, что в тумане почти невозможно найти заблудивших-

ся, если отыскивать их сразу всей колонной. И он разослал в разные стороны небольшие отрядики. Один из них случайно наткнулся на Скобелева и его спутников...

Часа через два Белый генерал уже возвратился к своему отряду.

Только много спустя после этого стало известно, какой опасности подвергался Скобелев в этот злополучный день. Совсем недалеко от того места, где ожидал он подмоги, притаилась в другом ущелье шайка застигнутых туманом текинцев. Лишь по счастливой случайности не узнали они, кто находился с ними бок о бок...

Михаил Дмитриевич очень не любил вспоминать об этом своём приключении в Арвазском ущелье...

Дальнейший свой путь кавалерийская колонна совершила благополучно. Всегда удавалось настигать в степи туркменские шайки, сгонявшие в Геок-Тепе баранов. Стада отнимали, и таким образом запасы продовольствия всё увеличивались.

Наконец настал знаменательный день 30 ноября. Скобелевский отряд подошёл к ки-

шлаку Егин-батырь-калы. Это был текинский посёлок, сплошь состоявший из деревянных загородок, с тремя укреплениями, увенчанными по углам башнями. За ним раскидывалась на добрый десяток вёрст волнистая песчаная степь, среди которой, словно призрак, поднимался высокий холм, увенчанный черневшим издали зданием, — это была неприступная, по мнению текинцев, твердыня их Денгиль-Тепе... Правее его, поближе к Егин-калы виднелось другое большое селение Янги-калы.

Скобелевский отряд был таким образом уже в виду цели своего похода.

Михаил Дмитриевич приказал войскам стать бивуаком и варить себе обед, а сам сейчас же отправился с драгунами и своим штабом осматривать текинские укрепления.

Между тем текинцы сейчас же дали о себе знать. Едва только расположились войска на отдых, степь вдалеке вся покрылась множеством движущихся точек. Это были текинские всадники, отправившиеся вперёд на разведку. На них не обращали никакого внимания, но они не замедлили показать себя и

свою отчаянную дерзость. Сперва в одиночку, потом группами стали они подскакивать к бивуаку всё ближе и ближе. Джигитовали, гарцевали, как бы соревнуясь в удали друг с другом. Наконец, видя, что русские их не трогают, степняки совсем осмелели и кинулись было на стада баранов, пасшиеся в некотором отдалении. В какой-то момент несколько всадников врезались в середину одного из стад. Сейчас же с гиканьем понеслись на них казаки. Произошла короткая сшибка. Текинцы бросились врассыпную, казаки погнались за ними и наткнулись с разбега на сплочённые массы неприятеля. Теперь им самим пришлось удирать от многочисленного врага. Казаки кинулись назад, разгорячившиеся степняки повернули и ударились преследовать их. Но едва они оказались на расстоянии пушечного выстрела, как на краю русского бивуака взвилось белое облачко, за ним другое, третье... Загромыхали выстрелы, и осыпанные картечью текинские всадники, стреляя из своих допотопных разнокалиберных ружей, опять рассеялись по беспредельной степи...

Текинские пули кое-кого, однако, задели. Появились первые раненые в отряде. Раны оказались пустяшные, и получившие их герои шутливо поздравляли друг друга с получением первых «текинских поцелуев»...

Вернувшийся с разведок Белый генерал приказал немедленно укрепить Егин-калы. Здесь он решил ожидать, пока не соберутся все части отряда, пока не подтянутся верблюжьи караваны и не подойдут орудия. Только тогда решил Михаил Дмитриевич идти на Денгиль-Тепе, тёмный силуэт которого ясно вырисовывался в прозрачном степном воздухе.

В немногие дни, проведённые в Егин-калы, Михаил Дмитриевич положительно не давал себе отдыха. Ежедневно всё далее и далее углублялся он в пески, появляясь то у Янги-калы, то и под самым холмом Геок-Тепе... Ни одной пяди земли не осталось без обследования. Всё взвешивал, всё старался предусмотреть Белый генерал. Он знал, что от его предварительных трудов зависит не только успех его дела, но и сохранение множества драгоценных русских жизней...

XXXVI
УСПЕХИ И НЕУДАЧИ

ертвая степь ожила. Тысячи людей двигались по ней в Различных направлениях. К Егин-батырь-калы подтягивались русские, к Геок-Тепе прибывали нестройные толпы текинцев. Все оазисы, не только текинские, но и мервские, высылали своих джигитов для защиты прославленной твердыни. Борьба предстояла не на жизнь, а на смерть... Лазутчики и перебежчики сообщили: Тыкма-сердарь поклялся не сдаваться живым, и к его клятве примкнули все джигиты. Когда заменивший Гродекова, выехавшего в Персию, начальник скобелевского штаба полковник Иванов сообщил об этих донесениях Белому генералу, тот, пожимая плечами, хладнокровно отвечал:

— Пусть их дают какие угодно клятвы, а

Геок-Тепе будет взят!

Чем более прибывало народа в текинскую крепость, тем всё смелее становились текинцы. Нужно было поскорее с ними кончать. В первых числах декабря Скобелев выбрался из лагеря на рекогносцировку и подошёл почти что к самому холму, на котором стояла крепость. Высланы были вперёд орудия. Пока они били по крепости, отряд топографов под наблюдением самого Белого генерала произвёл съёмку местности. Но едва войска стали отходить, на них сейчас же опрокинулось тысячное скопище степняков.

С гиканьем, визгом, завыванием носились текинцы вокруг отряда, то набрасываясь с шашками на его тыл, то заносясь с пиками в его фланги. Лишь картечные выстрелы кое-как сдерживали их. Скобелев высылал всюду цепи, и залпы то и дело раздавались со всех сторон отступающего отряда, во главе которого хор музыкантов исполнял бравурный марш.

Был уже поздний вечер. На небо выплыла полная луна, щедро разливавшая вокруг белесоватый свет. Скобелев был в цепи, появляясь

всюду, где, по его мнению, отряду угрожала наиболее вероятная опасность. Текинские пули так и свистали вокруг, но слишком часто слышал Белый генерал их пение, чтобы обращать на них внимание, чтобы кланяться им. Его громкий голос слышался всюду, и казалось, что этот чудо-человек обладает способностью бывать сразу в нескольких местах. Вдруг лошади отряда выказали странное беспокойство. Небо заметно потемнело, луна спряталась за какой-то непроницаемой завесой... Ещё немного, и вся степь сразу погрузилась в кромешный мрак...

Это было лунное затмение...

На мгновение весь отряд смешался. Люди, поражённые редким небесным явлением, замерли на месте, лошади фыркали, храпели, рвались побежать. Выстрелы смолкли, рёв и вой текинцев слышались уже далеко. Степняки оказались панически испуганы затмением. Оно показалось им страшнее, чем картечь и пули русских, и они бросились врассыпную, страшась теперь только того, что в темноте Гез-Каллы, умеющий сводить луну с небес, напустит на них подвластных ему шайта-

нов...

Но вот, словно золотой венчик, край ярко-го диска прорезал мрак неба, и как бы в знак привета ему раздались с земли торжествен-ные звуки марша, вместе с которым понес-лось и радостное «ура!». Затмение законч-илось. Перепуганные текинцы более не пресле-довали в эту ночь отряда, и скоро уже он при-соединился к главным силам.

Этой рекогносцировкой Скобелев добился того, что узнал главное: в Геок-Тепе было уже свыше двадцати пяти тысяч защитников, и текинцы, прежде чем подпустить русских к своему оплоту, решили оказать отчаянное со-противление у Янги-калы.

Данные сведения пополнились ещё доне-сениями казаков о том, что к текинцам при-бывают всё новые подкрепления из Мерва. Скобелев решил тогда, что незачем давать неприятелю возможность усиливаться. Он ожидал только, пока не соберутся около него все его любимцы и друзья, с которыми он хо-тел разделить свою славу.

Ждать Белому генералу пришлось недолго. Прибыл из Персии генерал Гродеков, выпол-

нивший превосходно возложенное на него поручение, а вскоре после него к скобелевскому отряду присоединился небольшой отрядик всего из двух рот пехоты и двух с половиной сотен казаков с двумя пушками. Явился этот отряд из форта Александровского с Амударьи. Двадцать два дня пробыл он в солончаковой степи, и по этой степи ему пришлось отмахать 673 версты. Путь, по которому прошёл отряд, был почти неисследованный; на картах колодцы были помечены кое-как, повсюду рыскали шайки диких туркмен. Но отряд явился в полном порядке...

Привёл этот отряд любимый друг Белого генерала полковник Алексей Николаевич Куропаткин.

Быстро ознакомил Михаил Дмитриевич прибывших друзей с положением дела, и решено было прежде всего взять Янги-калы и уже после этого нанести сокрушающий удар Геок-Тепе.

Честь первого удара на оплот текинцев выпала на долю Куропаткина.

В семь часов утра морозного дня 29 декабря выстроились войска около бывшего пере-

довым Егин-батырь-калы, получившего новое наименование Самурского укрепления. Совершено было молебствие, и среди рядов кавказских героев показался их чудо-вождь.

Медленно объезжал Скобелев батальон за батальоном, поздравляя солдат с наступлением. Для всех у него находилось ласковое, ободряющее слово. Одним он говорил о чести, ожидающей их в бою, другим напомнил, что после победы их ждёт возвращение домой. «Ура» так и гремело вслед Белому генералу. Тотчас после объезда Михаил Дмитриевич отдал приказ выступать, и немедленно тронулась вперёд первая колонна Куропаткина.

Гремело «ура!», когда войска проходили мимо Скобелева. Далеко в степи показалась кучка текинцев, наблюдавших за тем, что делалось в русском лагере. Они, наконец, сообразили, что означают эти крики, это движение, и быстро исчезли, стремясь поскорее принести своим весть о начавшемся движении.

Вслед за колонной Куропаткина также бодро и весело пошла колонна Козелкова, а за ним выступил с главными силами и сам Ми-

хаил Дмитриевич.

Всё ближе и ближе Янги-калы. Вот уже ясно вырисовываются глинобитные стены его крепостцы. Наступающие знают, что здесь засел Мамет-кул-хан, один из храбрейших текинских джигитов, и с ним полторы тысячи отчаянных удальцов. Бой за эти укрепления должен был пойти «не на живот, а ина смерть», как говорили солдаты. Но, похоже, их вождь — Белый генерал — был истинным любимцем военного счастья. Ибо штурм Янги-калы длился очень недолго. Укрепление взяли прямо с марша. С двух сторон кинулись с громовым «ура!» солдаты штурмовых колонн. Текинцы как будто только и ожидали этого натиска. Вместо того, чтобы обороняться, они кинулись вон из своей крепости, и скоро над стенами её взвилось русское знамя.

Это была удача, какой даже и не ожидали. Никто не сомневался, что Янги-калы будет взят, но нельзя было и думать, чтобы штурм этого укрепления дался русским с такой лёгкостью. До некоторой степени Янги-калы было ключом к Геок-Тепе. Устроившись здесь, можно было, как кольцом, охватить всю те-

кинскую твердыню сетью траншей. Так оно и вышло. Белый генерал, очутившись у Геок-Тепенского холма, не повёл немедленного его штурма, а решил подготовить его успех осадой.

Прошло немного дней, а уже ряды окопов окружили текинскую крепость. С самого раннего утра рылись в земле сапёры и команды рабочих. Калы-текинские укрепления преобразились в опорные пункты осады. Всё росли и крепли многочисленные осадные сооружения. Скобелев опасался теперь лишь того, что текинцы, испугавшись, могут уйти из своей крепости.

В песках между тем было далеко не спокойно. Михаил Дмитриевич получил известие, что шайки степняков то и дело нападают на караваны, подвозившие к отряду боевые и съестные припасы. Один такой караван, принадлежавший Громову, целиком оказался в руках у степняков... Скобелев перекрестился, когда получил это известие. Текинцы овладели караваном лишь потому, что конвоировавшая его команда и все русские, находившиеся при нём, легли на месте. Среди пав-

ших были Агапеев, Волпянский и Макаров, свидетели первых подвигов Белого генерала среди песчаных пустынь Средней Азии...

Осада не обещала быть продолжительной, но подготовительные работы занимали всё-таки немало времени. Однако с ними не торопились, ибо успех осадных работ существенно уменьшал потери при предстоящем штурме.

Чем плотнее окружали русские последний оплот текинской силы, тем всё более и более возрастало упорство степняков. В их души вселилось убеждение, что русским никогда не удастся взять их крепость. Они, впрочем, надеялись не только на свои силы, но и на помощь извне.

Геок-Тепе была крепость обычной в этих местах постройки. Она имела вид неправильного продолговатого четырёхугольника, опоясанного глубоким рвом, за которым высились глинобитные стены, достигавшие вверху четырёх саженей толщины. За стеной шёл внутренний, состоявший из ям, ров. В одном из углов этого четырёхугольника поднимался холм высотой более семи саженей. На этом

холме возведена была башня, называвшаяся Денгиль-Тепе и бывшая цитаделью. С неё открывался вид на всю беспредельную степь.

Между стенами крепости раскинулась огромная площадь. Обычных загородок и перегородок здесь не было, зато сплошь вся площадь была заставлена кибитками укрывшихся здесь при приближении русских текинских семей. Текинцы побросали свои прекрасно возделанные оазисы, забрали стада, всё своё более-менее ценное имущество и явились в крепость с жёнами, детьми, стариками. На крепостной площади собралось тридцать тысяч кибиток. Теснота здесь царила невообразимая. Воды в колодцах, ясно, не хватало, и приходилось часами ожидать, пока она не наберётся из почвы, да и то не всегда в таком количестве, чтобы утолить жажду всего населения крепости.

Но текинцы и не думали о сдаче.

Вожди-джигиты знали, что делали, допуская такую скученность. Текинцы все готовы были умереть за свои семейства, и сопротивление их было тем упорнее, чем больше было в крепости дорогих им существ.

Тыкма-сердарь объявил «газават», то есть священную войну против русских. Все, кто ни был с ним, ответили на призыв тем, что дали клятву умереть, но не отдавать крепости. Даже женщины примкнули к защитникам и выразили готовность биться с ними против ужасного Гез-Каллы и его воинов. Муллы стихами из Корана воодушевляли степняков, их вожди говорили, что помощь прийти не замедлит, и русские уйдут от Геок-Тепе так, как ушли уже из их степей в тот год, когда их приводил сюда не этот коварный Гез-Каллы, а другой вождь...

Уверенность в победе росла и крепла среди степняков. Никто из них даже не допускал мысли, что их противники могут одержать над ними верх. Видя предпринимаемые осадные работы, защитники крепости не понимали их назначения и насмехались над русскими, упорно роющими землю, — насмехались над ними, будто бы закапывающимися в землю из-за страха перед текинцами, перед удалыми джигитами, для которых под небом никакой страх не страшен...

Хмурились скобелевские богатыри, когда

до них доходили эти насмешливые отзывы степняков. Текинская крепость не представлялась им такой уж твердыней, какую они не могли бы взять штурмом, и солдаты, грешным делом, даже сетовали на своего командира, забывая о том, что, подготавливая штурм осадой, Белый генерал только сберегает жизнь и кровь своих воинов.

На первых порах воинское счастье как будто бы улыбалось текинцам; так, по крайней мере, они думали сами... Иногда им удавалось одерживать кое-какие успехи в незначительных схватках с осаждающими, и они эти мнимые успехи выставляли в качестве побед. А никто, даже наиболее умнейшие из них, упорно не замечали того, что русские подходили всё ближе и ближе к холму.

Вокруг Геок-Тепенского холма было много текинских кал. Постепенно скобелевцы овладели ими, и, наконец, было получено приказание взять окружённую садами калу, от которой было очень удобно действовать на крепость.

Взятие этой калы Белый генерал поручил одному из своих ближайших помощников, ге-

нералу Петрусевичу, заменявшему его во всех тех случаях, когда сам он почему-либо удалялся от отряда.

— Уверен, генерал, что кала перейдёт в ваши руки! — сказал Михаил Дмитриевич, провожая Петрусевича.

В скорейшем овладении калой и сомнения быть не могло. Погода, казалось, способствовала нападению. Стоял густой туман, совершенно скрывавший движение отряда. Кала издали представлялась совершенно пустой. Оттуда не доносилось ни одного звука, тогда как горячие текинцы обычно выдавали своё присутствие громким шумом, галденьем, иногда даже выстрелами.

Небольшой отряд Петрусевича быстро приближался к кале. Впереди цепью рассыпаны были конные джигиты. Они с громкими криками подскакали ко рву калы. Никто не выглянул из строений, ни одного звука не понеслось навстречу наступавшим. Это дало Петрусевичу повод предположить, что кала оставлена неприятелем. И отряд уже без опаски пошёл к её стенам.

Однако как только русские приблизились

к кале, оттуда грянул залп из множества ружей, и около одного только генерала повалились на землю человек пятнадцать наступавших. Началась вполне понятная суматоха, но длилась она очень недолго.

— Ребята! — загремел, покрывая трескотню выстрелов, голос Петрусевича. — Вперёд! За нами! Помни присягу!..

Генерал пришпорил коня и поскакал к крепостце. С громким «ура!» последовали за ним его офицеры и солдаты. Текинские пули никого из них не остановили. Вихрем ворвались богатыри через узкий проход внутрь калы. Впереди всех был Петрусевич. Текинцы плотной толпой сбились на противоположной стороне, держа ружья на прицеле.

— Братцы! — призвал генерал. — Бери их!..

Он с обнажённой шашкой ринулся на степняков, но в это мгновение грянул залп, и генерал Петрусевич с болезненным стоном откинулся назад. Бежавшие позади его казаки едва успели поддержать его... Генерал весь был обагрён кровью.

— Умираю!.. — прохрипел он. — Не выдавайте... вперёд, ребята!..

Новый залп сбил поддерживавших Петрусевича казаков с ног. Генерал упал на землю. Текинцы, воя, как дикие звери, кинулись вперёд, чтобы овладеть телом русского военачальника. Однако на них наскочили уже ворвавшиеся в калу казаки и драгуны. Засверкали шашки и кинжалы. Началась ожесточённая рукопашная схватка. Обе стороны рубились с величайшим мужеством, но русских ворвалось в калу очень немного. Текинцы окружили их живым кольцом. Часть их товарищей взобралась опять на стены и меткими выстрелами поражала тех, кто приближался к кале. Русские смельчаки внутри калы изнемогали. Те, кто оставался снаружи, не могли видеть, какая кровавая драма происходила сейчас за этими высокими стенами, облепленными энергично отстреливавшимися врагами. Тем не менее отсутствие генерала было замечено, кто-то припомнил, что его видели ворвавшимся внутрь укрепления. Презирая опасность, кинулась находящаяся невдалеке казачья сотня под командой князя Голицына на калу. Отважные казаки так торопились, что некоторые из них не успели даже шашек

обнажить и действовали вместо них нагайками. Они лавиной ворвались в укрепление и выручили своих и тело Петрусевича. Бой сейчас же закипел и в самой кале, и в окружавших её садах. Победа оставалась за напавшими, когда в воздухе раздался резкий сигнал к отступлению. В первые мгновения никто из русских не поверил ему, но сигнальная труба настойчиво звала назад. И волей-неволей этому призыву пришлось подчиниться.

После выяснилось, что из Геок-Тепе выбрались целые тучи текинцев, грозившие численностью своей задавить небольшой отряд несчастного Петрусевича, и Белый генерал, вовремя заметивший опасность, успел отозвать своих назад.

Глубоко и искренно было горе Михаила Дмитриевича, когда ему доложили о гибели дорогого соратника.

— Я потерял в нём свою правую руку! — говорил он. — Такие люди незаменимы... Он любил своё дело и оставался только ему одному предан...

Трогательны были похороны погибшего героя. Вместе с ним в одну могилу положили

и казаков, кинувшихся выручать его и нашедших смерть возле своего командира. Белый генерал первый бросил горсть земли на тела этих своих соратников, и все, кто стоял около могилы, видели, что слёзы блестели на ресницах прославленного героя.

Но горевать не было времени... Каждый час дня и ночи занят был работой по возведению траншей и иных укреплений. Трудились усиленно и с охотой, ибо работать приходилось на глазах любимого вождя. Михаил Дмитриевич не знал, что такое отдых. Его видели всюду на работах. Здесь он указывал направление траншей, там подбадривал энергичным словом, но ласково, без раздражения уставших, в другом месте определял направление подкопов, которые вели для закладки мин под стены текинской крепости. В палатке-канцелярии постоянно происходили у него совещания с начальниками отдельных частей. Ночью свет никогда не гас в его личной просторной палатке: генерал часами просиживал над просмотром множества поступающих в отряд бумаг, разрешал всевозможнейшие дела, диктовал приказы на следующий

день.

В несколько суток русские траншеи и подкопы настолько приблизились к текинской крепости, что и сами весьма самоуверенные дикари, наконец, сообразили, что русские вовсе не закапываются в землю из страха, а подходят к ним, чтобы ударить на их твердыню с возможно ближайшего расстояния.

Сообразив это, удальцы не преминули попробовать прогнать противника. Текинцы были уверены, что стоит им только навалиться на русских всей своей массой, и они заставят русских уйти от этой крепости, которую во всех степях считали неприступной.

Была беззвёздная и безлунная ночь 28 декабря. Несмотря на кромешную темень, работа в траншеях так и кипела. На правом фланге осаждающих двое офицеров инженеры Сандецкий и Черняк вышли за второй ряд траншей, чтобы наметить направление работ на следующий день. Они не предвидели ни малейшей опасности и вышли, оставив в траншеях свои шашки и револьверы. С ними был только один солдатик, державшийся несколько впереди. Инженеры были пример-

но в пятидесяти шагах от траншей, когда солдатик вдруг остановился и не своим голосом крикнул:

— Ваше благородие! Спасайтесь... Текинцы впереди!..

Сандецкий и Черняк на мгновение замерли на месте. Совсем близко от них чернела в ночи некая движущаяся в безмолвии масса. Не страх объял этих застигнутых врасплох людей. Они вспомнили, что в окопах остаётся совершенно не готовый к нападению батальон апшеронцев, ожидавший как раз в это время смены. Вспомнив о товарищах, Сандецкий и Черняк кинулись опрометью назад, предупреждая криком солдат об опасности. Однако время было упущено. Сандецкий тут же пал, изрубленный шашками нападающих; Черняка спас сопровождавший их солдат. Бедняга принял на себя удары текинцев, офицер успел добраться до траншей и поднял там тревогу. Но было уже поздно. Следом за ним, как волны живого моря, ворвались в траншеи степняки, подняв теперь отчаянный шум и крик. Натиск их был такой неожиданный, такой стремительный, что апшеронцы успели

сделать только несколько выстрелов. По несчастному стечению обстоятельств как раз в это время к траншеям подбегала рота сапёров.

— Не стреляй: свои! — раздался с их стороны оклик.

Это окончательно смутило и сбило с толку апшеронцев. Они слабо оборонялись от ворвавшихся текинцев. А те шли, вооружённые только шашками, с надвинутыми на самые глаза шапками. Среди ночной темноты закипел в траншеях рукопашный бой. Застигнутые врасплох, русские гибли под шашками текинцев, но не сдавались. Погиб батальонный командир князь Магалов, лёг на месте знамёнщик; весь караул при знамени, все субалтерн-офицеры, само знамя, эта величайшая святыня полка, — очутились в руках врага...

Удар был произведён не на одни только правофланговые траншеи. Текинцы вышли из крепости чуть не всей своей массой. Они сбили все передовые посты, прорвались через первую линию траншей и открыли себе путь к лагерю.

Белый генерал, как раз перед этим покончивший с обходом работ, зашёл в шатёр Красного Креста, чтобы согреться после долгого пребывания на морозе стаканом чая. Здесь его встретили единственная сестра милосердия его отряда — графиня Милютина — и заведующий отрядом Красного Креста князь Шаховской. Но едва только подан был чай, как до шатра, где был утомлённый трудами целого дня командир, донеслись выстрелы и тягучие, заунывные крики текинцев.

— Где генерал? — вбежал в шатёр один из штабных офицеров. — Текинцы предприняли вылазку и ворвались в наши траншеи...

Усталость, жажда — всё было забыто. Через несколько минут уже среди резервных батальонов гремел голос Белого генерала, отправлявшего подкрепления к застигнутым врасплох бойцам.

Там уже гремели орудия. Невольное смущение, непременное последствие неожиданности нападения, рассеялось. Картечь уже вырывала целые ряды нападавших. Залпы сменил непрерывный батальный огонь; от множества выстрелов временами станови-

лось светло. И так продолжалось, пока текинцы не откатились назад к своему убежищу.

Так же быстро, как быстро вспыхнул, стих шум боя. В траншеях засверкали огоньки — это явились подобрать раненых санитары. Вызванные полковые оркестры грянули весёлый марш, сразу поднявший дух и успокоивший разгорячённых солдат.

— Продолжать работы! — раздался звучный голос Белого генерала.

Работы закипели по-прежнему, как будто и в помине не было сего кровопролития. И только груды текинских трупов показали утром, какой реальной опасности подвергался скобелевский отряд в эту ночь. Текинцы не только охватили весь правый фланг осадных работ, но очутились и в тылу русского лагеря. Пять русских офицеров были убиты при отражении атаки. Нижних чинов убитыми и ранеными выбыло в эту ночь около двухсот.

Описанная вылазка была единственным удачным делом текинцев. Дальнейшие работы выполнялись спокойно и были закончены к 11 января, а на 12 января, в Татьянин день, Белый генерал назначил общий штурм Геок-

Тепе и венчавшей его цитадели Денгиль-Тепе.

Всё начало января Михаил Дмитриевич оставался необыкновенно сумрачным.

Как и раньше, он, несмотря на все приготовления, произведённые по его указаниям и ручавшиеся вполне за успех штурма, мучился нетерпением и страхом перед какой-нибудь непредвиденностью, которая могла бы испортить всё...

Между тем все, окружавшие Белого генерала, сохраняли уверенность и спокойствие и боялись лишь того, как бы их военачальник не отложил штурма.

— Этакая земляная кубышка! — говорили солдаты о Геок-Тепе. — И половину зимы около неё простояли!..

Наконец, долгожданный и желанный Татьянин день наступил.

Густыми клубами плавал над русским лагерем предрассветный туман, когда поднялись на ноги войска и выстроились в правильные ряды в ожидании объезда главнокомандующего.

Он появился перед рядами своих богаты-

рей, когда совсем уже рассвело. Красивый, гордый, надменно глядящий куда-то вдаль, проехал он по рядам, здороваясь с одними, ободряя других, поздравляя с боем всех. Радостные крики понеслись вслед славному вождю, уверенность в победе среди его богатырей с каждой минутой возрастала.

Белый генерал предупредил, что отступления не будет. Да и никто в это утро не думал об отступлении. Победу можно было прочесть на лицах воинов. Все считали минуты до той поры, когда их поведут к стенам Геок-Тепе.

А текинская крепость примолкла. Верно, чувствовали её защитники, что наступил решительный миг, что не уйти им от нелюдимого и коварного Гез-Каллы.

Холодное зимнее солнце поднималось всё выше и выше. В клубах тумана торжественно поплыли звуки музыки. Это играли марш музыканты русских батальонов. И хотя бы звук донёсся из крепости в ответ!.. Текинцы, засевшие за своими глинобитными стенами, ждали того момента, когда русские подойдут ближе, чтобы осыпать их тысячами пуль. Между тем разредившийся туман поднимался всё

выше. И едва только над землёй исчезла его дымка, как текинцы увидали три русские колонны, стоявшие в некотором отдалении от крепости в полном боевом порядке.

В тумане подведены были Куропаткиным, Козелковым и Гайдаровым вверенные им Белым генералом батальоны. Был десятый час утра, когда назначенные для штурма войска заняли указанные им места. Несколько поодаль от них на высоком холме, с которого видны были все окрестности, собрался вокруг Белого генерала весь его штаб. Сам Михаил Дмитриевич примостился на высоком походном кресле и с величайшим нетерпением ждал чего-то. Он то и дело посылал к колоннам своих ординарцев, что-то говорил своей свите, нервно пожимая плечами...

Вдруг у крепости раздался оглушительный удар. Он был так силён, что даже земля содрогнулась и как будто застонала вся... Над крепостью взвились клубы чёрного дыма и потянулись в воздухе, словно грозовые тучи. Груды каменьев, мёрзлой земли, обломки стен взлетели кверху, и в тот же самый момент, когда раздался этот страшный грохот,

грянуло с трёх сторон богатырское русское «ура!».

Этот грохот был следствием взрыва мины, заложенной под стены текинской крепости начальником минных работ капитаном Масловым. Его-то и ждали войска. Батальоны бросились на штурм, не давая защитникам Геок-Тепе опомниться от неожиданности.

Скобелев, едва только начался штурм, встал с кресла и не отрывал своих глаз от всё разгоравшейся с каждой минутой битвы.

Около Геок-Тепе сейчас свирепствовал ад. Взрыв опрокинул значительную часть стены, и в образовавшуюся брешь ворвались первыми охотники со своим удальцом Воропановым во главе. Русские орудия, не смолкая ни на мгновение, громили стены крепости, чтобы ещё расширить образовавшуюся брешь. «Ура!» так и разливалось, словно разбушевавшаяся в грозу река: за охотниками ворвались через брешь ширванцы и сапёры. В крепости закипел отчаянный рукопашный бой. Опомнившиеся текинцы отбросили ножны шашек, надвинули на глаза шапки и дрались, только мёртвые уступая место, которое занимали.

Русские богатыри неудержимо стремились вперёд. Слышались хриплые крики, лязганье стали, стук железа, всё это временами заглушали трескотня выстрелов, гром далёких орудий, пронзительные вопли тысяч женщин и детей, сбившихся в нестройную толпу на главной площади крепости...

Вдруг неудержимой волной пронеслось над бойцами новое богатырское «ура!». Это ворвалась на стены Геок-Тепе вторая штурмовая колонна — Козелкова. Здесь во главе штурмующих шёл апшеронский батальон, потерявший знамя в ту ночную вылазку текинцев. Для них этот бой — дело чести. Знамя должно быть возвращено, или все они лягут в этом бою...

Штурм здесь был особенно ожесточённый. Солдаты карабкались на стены, взбирались по штурмовым лестницам, вонзая в расщелины штыки. Сверху в них летели пули, сыпались камни. Но никто не мог остановить удальцов.

Вот они уже на стене... Ещё миг — и живые волны уже влились в крепость...

Снова, но с другой стороны, раздалось

«ура!». Это ударила на крепость третья штурмовая колонна — Гайдарова. С замечательной лихостью ворвались молодцы с третьей стороны и ударили на упавших уже духом, понявших своё поражение текинцев. Ширванцы и апшеронцы уже сбили неприятеля отовсюду, и колонна Гайдарова, состоявшая из самурцев, отрезала текинцам выход из крепости и ударила на них с тылу. Противники разбились на отдельные группы; часть текинцев была прижата к стене и отбивалась с отчаянием погибающих. Схватки шли и между кибитками, куда поспешили укрыться менее храбрые из степняков. Как ни были разгорячены боем солдаты, но они свято помнили, что дети и жёны врагов неприкосновенны. Зато всем, кто попадался им с оружием в руках, — пощады не было...

Громовое, полное радости «ура!», покрывая шум боя, пронеслось над крепостью: это апшеронцы с боя вернули свою драгоценность, своё знамя... Ширванцы с высоты холма ответили им не менее громким «ура!»: это они взяли цитадель Денгиль-Тепе.

Белый генерал на своём холме и без уве-

домления уже знал, что его богатыри победили: об этом ему ясно сказал радостный клич их, раздававшийся всё громче и громче... Лицо Скобелева прояснилось и засияло, на его тонких губах заиграла радостная улыбка. Он вызвал начальника своей конницы и приказал вывести казаков и драгун в степь и быть готовыми к преследованию бегущего неприятеля.

Опять загремело «ура!». На этот раз не было под Геок-Тепе русского, который не присоединился бы к этому древнему победному кличу: над крепостью взвился императорский штандарт. Денгиль-Тепе было взято, Геок-Тепе пало перед натиском русских войск.

Около часа дня штурм уже закончился. Все три штурмовые колонны сошлись на площади взятой крепости. Раздались звуки музыки. Непобедимый Белый генерал во главе двух эскадронов драгун и сотни казаков вступил через брешь в покорённую им твердыню мёртвых песков текинской пустыни...

ПОСЛЕСЛОВИЕ

То было последним подвигом великого русского полководца. После покорения Ахалтекинского оазиса настали долгие дни мира. Герои нужны были лишь на поприще тяжёлого, но благодатного, мирного труда. Надолго смолкли пушки. И гремели они только в дни великих всенародных торжеств. Скобелев — этот прославленный на весь мир герой — скучал и томился в бездействии. Он много путешествовал по Европе, но и в Европе всюду царил мир. Тоска одолевала великого человека, любимое им дело не существовало...

Мало-помалу Михаилом Дмитриевичем начали овладевать страшные предчувствия; он словно знал, что смерть уже близка к нему, и предчувствия не обманули его: 25 июля 1883 года во время пребывания в

Москве Михаил Дмитриевич скоропостижно скончался.

Он умер, но память о нём жива во всех уголках России. Белого генерала Скобелева знают и помнят, и в народе сложились уже легенды, рассказывающие, что Скобелев скрывается где-то далеко на Востоке и явится, когда Руси православной будет грозить опасность от нового злобного врага...

ПОД РУССКИМ ЗНАМЕНЕМ

Предисловие

Свободительная война, которую вела Россия с Турцией в 1877-1878 годах, — величайшее историческое событие последней четверти XIX столетия.

Триста тысяч отборного войска под русским знаменем по приказу своего Державного Вождя и с благословения всего русского народа перешло Дунай, неся свободу и счастье порабощённым и угнетённым христианам Балканского полуострова, которых все в то время считали братьями и по крови, и по вере, и по духу. Русь победила в кровопролитной войне за чужое счастье и чужую свободу. Лучи никогда не меркнущей славы осияли её. Подвиги её сынов утвердили русскую славу на берегах Дуная, на вершинах Великого Балкана, под Плевной.

С тех пор прошло много времени. Подвиги героев Освободительной войны стали уже достоянием истории. Участники её давно уже сошли в могилу. Но нынешние поколения вспоминают славные дела своих предков и рассказывают о них подрастающим детям.

На фоне действительных событий этой великой Освободительной войны написано настоящее сочинение. Рассказывая о приключениях юного героя, сражавшегося под русским знаменем, автор в лёгкой форме даёт описание наиболее выдающихся моментов борьбы русских с турками, причём в описании сохранена, по возможности, историческая точность. При подобном способе повествования легко, сами собой, запоминаются исторические данные и многие подробности, которые в ином виде ускользнули бы от внимания читателя. Таковы были задачи, преследуемые настоящим скромным трудом.

Всё, не относящееся непосредственно к повествованию, — описания некоторых местностей, биографии некоторых участников войны, иные необходимые пояснения и пр., — всё это помещено в конце книги, совершенно

отдельно. 15 качестве материалов автор пользовался рапортами и донесениями начальствовавших, современными ему событиями, корреспонденциями, воспоминаниями, рассказами участников войны, а также некоторыми другими материалами.

Действие романа происходит в пределах европейского театра последней русско-турецкой войны. О малоазиатском театре войны в настоящем повествовании только упоминается, ибо основной центр борьбы лежал на Балканском полуострове и там, главным образом, проливалась за славянскую свободу русская кровь.

I
НАКАНУНЕ ВЕЛИКОГО ДНЯ

« омолись, родная моя старушка, помолись за меня, своего Серёжу. Когда ты будешь читать эти строки, наш полк будет уже за пределами России... Теперь никаких колебаний быть не может: наш Государь уже прощался в Тирасполе[6] с войсками, и завтра на Скаковом поле будет всенародно объявлена война... Ты поймёшь, добрая моя, какие чувства волнуют мою душу... Знаменательный миг переживаем мы, начинается великая борьба за освобождение страдальцев-славян, родственных нам, русским, по крови, по вере... Довольно ужасов, воплей, стонов, пришла пора остановить свирепых палачей. Царь сказал своё слово, и мы идём, идём на смерть, чтобы своею смертью смерть попрать... Да, родная, вели-

кий миг! Помолись же, помолись за меня святой своей материнской молитвой! Помолись, чтобы сын твой везде и всюду на полях битв был твёрд, стоек, а если суждено умереть, то пусть я сложу голову вполне достойным нашей родины... Об этом помолись, родная моя старушка, об этом...»

Вольноопределяющийся пехотного полка 14-й пехотной дивизии Сергей Васильевич Рождественцев отложил на мгновение перо и отёр выступивший на лбу пот. Рождественцев был совсем ещё юноша, и грубый солдатский мундир вовсе не подходил к его стройной фигуре, с красивым открытым лицом, словно говорившим о его добром, честном и полном хороших порывов характере. Таков он был и на самом деле. Порыв привёл его под знамёна, к солдатской шинели. Он окончил гимназию медальером, и перед ним открывался светлый путь науки. В школе о военной карьере Рождественцев и не думал. Он был у матери-вдовы единственным сыном, и уже по одному этому отбывание воинской повинности ограничивалось для него лишь вытягиванием жребия. Но Россия переживала в

то время такой высокий подъём народного духа, что всякие личные намерения и предположения быстро стушёвывались перед общим великим делом... Балканские славяне изнемогали в непосильной борьбе со своими поработителями-турками. С задунайских равнин, с высот Черногории, с полей Сербии, Боснии, Герцеговины неслись на Русь вопли и стоны жертв. Русские сердца содрогались при известиях о реках проливаемой крови, о муках несчастных страдальцев, попадавшихся в руки осверепевших палачей. Русские люди, повинуясь исключительно влечению сердца, рвались на помощь тем, кого они считали своими братьями. Русская кровь уже пролита была за свободу балканских славян, имя генерала Черняева гремело по всей Европе, и только старания дипломатии откладывали начало столь желанной народу великой Освободительной войны. Наконец настал момент, когда дипломаты должны были смолкнуть: война стала неизбежной — её требовали честь и достоинство всей России[7].

Уже в последнем классе Серёжа Рождественцев стал задумываться над значением

совершавшихся событий. Нежный, чувствительный юноша не мог без душевного трепета читать известия об ужасах, происходивших в восставших против турок славянских областях. Там страдали и гибли тысячи человеческих существ. Воображение рисовало Рождественцеву картины этих страданий. Юную душу всё более и более охватывал порыв невыносимой жалости к несчастным. Само собой родилось страстное желание поспешить к ним на помощь, отдать всего себя, свою кровь, свою жизнь за спасение погибающих, и Серёжа чувствовал, что порыв этот так охватил его, что он не в силах противиться ему...

Да и он ли один чувствовал это в то время? Вся Русь оказалась охвачена одним общим порывом. Старики, пожилые, юноши, дети — все думали, как один человек, все слились в одном стремлении спешить на помощь страдающим братьям, все были готовы на жертвы...

Великое это было время, святое время!

Когда со школой было покончено, аттестат зрелости получен, Сергей, очутившийся на

свободе, не стал даже хлопотать о поступлении в университет, как он прежде мечтал об этом. Вместо университета он поступил вольноопределяющимся в пехотный полк. Старушка-мать не удерживала сына, даже не отговаривала его. Она поняла, какие высокие чувства волнуют его и толкают на совсем иной, чем предполагалось ранее, жизненный путь. Старушка только плакала потихоньку, стараясь, однако, при сыне быть спокойной и даже весёлой. Верила бедная мать, что пути Промысла неисповедимы и что не её слабым силам изменить или отвратить то, что суждено её сыну Небесами...

Судьбе же угодно было, чтобы Сергей попал в полк 14-й пехотной дивизии, уже не раз покрывавшей себя военной славой на полях сражений. Первый её полк — 53-й пехотный Волынский полк имел в своём недавнем прошлом Севастополь, защищая который, лили волынцы свою кровь. Георгиевские знамёна осеняли их. Серебряные трубы полка также говорили об их доблестном прошлом. Другие полки: Минский, Житомирский, Подольский также не раз прославляли себя, и Сергей гор-

дился, что ему довелось на первых же порах стать в ряды этих храбрецов.

— И в юнкерское вам, юноша, не надобно! — замечал Рождественцеву его ротный командир капитан Солонин, когда вольноопределяющийся явился к нему. — Пройдёте самую лучшую школу — боевую!

В близости войны с турками тогда никто уже не сомневался...

Рождественцев очень скоро освоился в полку. Служба казалась ему трудной, но вовсе не тяжёлой. В то время сама собой создавалась новая русская армия. В её ряды шли люди с высшим общим образованием. Капитан Солонин, например, определился в полк из университета. С появлением в полках таких людей смягчились требования, предъявляемые к солдату. Офицеры заботились о воспитании духа своих подчинённых, допуская для них всякие возможные в пределах воинского устава облегчения. Солдат для начальника стал младшим братом, но не исключительно боевой силой. Конечно, при таком настроении вольноопределяющийся из хорошей семьи, с образованием, пользовался общим

вниманием, хотя никаких послаблений Рождественцеву не делали, и он нёс службу наравне со всеми своими товарищами-простолюдинами.

И вот, когда военная гроза должна была разразиться, Рождественцев очутился со своим полком в Кишинёве[8], главной квартире уже сформировавшейся Дунайской армии.

Словно какое-то живое море залило столицу Бессарабии. Военные всех родов оружия — пехотинцы, кавалеристы, артиллеристы — с утра и до ночи видны были на всех улицах города. Румыны, молдаване в своих национальных костюмах, оборванные, в лохмотьях цыгане, болгары, сербы — все смешивались на площадях города в одну пёструю, неумолчно гомонившую толпу. Шум, оживление, движение царили повсюду. На Скаковом поле у Кишинёва полки репетировали к предстоявшему Высочайшему смотру. Жизнь кипела всюду. Люди с радостью готовились к близкому подвигу. Скоро-скоро для всех должны были настать дни, недели, месяцы всевозможных лишений, грозных смертельных опасностей. Каждый торопился жить сегодня, потому что

завтра уже могло не принадлежать ему. Так летело время, пока не распространилась весть, что в Кишинёв к собравшимся войскам едет сам Император Александр Николаевич со своим наследником Великим князем Александром Александровичем.

Десятого апреля 1877 года Государь, сопровождаемый, кроме наследника, Великим князем Николаем Николаевичем младшим, князем Сергеем Максимилиановичем Лейхтенбергским, министром императорского двора, военным путей сообщения, шефом жандармов и отозванным уже из Константинополя русским послом, проследовал через станцию Жмеринка в Бирзулу, а оттуда после смотра войск в Тирасполь, где он встречен был главнокомандующим армией Великим князем Николаем Николаевичем старшим и начальником штаба южнодунайской действующей армии генерал-адмиралом Непокойчицким [9] Из Тирасполя Государь в сопровождении всей своей свиты отбыл в Кишинёв. В Жмеринке, Бирзуле, Тирасполе находившиеся там войска представлялись своему Державному Вождю, и теперь была очередь за войсками

главной квартиры.

О предстоявшем 12 апреля Высочайшем смотре и писал матери накануне его Рождественцев, весь проникнутый величием наступавшего мгновения.

При размещении войск Сергей попал вместе с другим вольноопределяющимся Кораловым в убогую молдаванскую лачужку и, несмотря на грязь, сырость и холод в своём помещении, был им очень доволен. Коралов редко сидел дома, и Рождественцев подолгу мог оставаться один со своими грёзами и думами. И теперь, воспользовавшись отсутствием товарища, он уселся за письмо к матери, стараясь поведать родимой своей старушке о всех впечатлениях последних дней, о своих чувствах, надеждах, мечтах. Ему уже оставалось дописать очень немногое, когда дверь в лачужку отворилась и вошёл высокий худой юноша, чёрный как смоль. На нём была форма только что сформированных первых двух батальонов болгарского ополчения: меховая шапка с зелёным верхом, чёрный суконный пиджак вроде бушлатов русских матросов, чёрные суконные шаровары и сапоги с высо-

кими голенищами.

— А, Петко! Это ты! Здравствуй! — обернулся на стук закрывшейся двери Рождественцев. — Садись. Я вот маме письмо дописываю. Сейчас закончу... Прости, брат. Одна минута всего...

— Пиши, пиши! — отозвался Петко. — К матери пишешь — счастливец!..

Он тяжело вздохнул и присел на складной табурет около убогого стола, на котором при тусклом свете оплывавшей свечки дописывал последние строки Рождественцев. Несколько минут оба молчали, скрипело перо. Петко внимательно смотрел, как скользило это перо Сергея по бумаге.

— Напиши своей матери, чтобы она... когда будет молиться... помолилась бы и за меня, — отрывисто сказал он, когда Сергей поставил под написанным свою подпись.

— А твоя мать, Петко? — спросил Рождественцев. — Ты никогда не говорил мне про неё...

— Я ничего не знаю о ней. Где она? Что с ней?.. Ничего не знаю... Жива ли она, умерла ли... Ничего, ничего не знаю... Отец зарезан,

мать пропала... с ней пропала сестра — я и о ней ничего не знаю... Всё думаю, если бы они были живы, уведомили бы меня или дядю о себе...

Петко говорил по-русски совершенно свободно. Он с малых лет жил у дяди-торговца в Кишинёве, учился в русской школе. Родная его семья — отец, мать и остальные дети — жила в Тырнове. Виделся юноша с родными редко, но любил их страстно. Он обезумел от горя, когда дошла до него весть о гибели отца и исчезновении матери. Беспощадная ненависть к туркам охватила всё его существо. Месть явилась целью его жизни. Он убежал от дяди за Дунай. Что он там делал, как жил — этого никто не знал, а сам он ничего не рассказывал. Когда стало известно, что в Кишинёве формируются болгарские ополченские дружины, Петко вернулся в Россию и одним из первых стал в ряды этих дружин. Приняли его охотно. В ополченские дружины много собиралось задунайских беглецов. Всех их одушевляла непримиримая ненависть к туркам. Они так и пылали жаждой кровавой мести за своих, погибших от рук турецких па-

лачей. Редко у кого из болгарских беженцев в самом недавнем прошлом не было дорогого погибшего: отца, матери, братьев, сестёр, жён, детей... И они сходились в Кишинёв под ополченские знамёна, готовые к отчаянной борьбе. Приходили и старики, и почти дети — немало среди ополченцев было студентов, гимназистов, учеников всяких школ. Бок о бок с ними в ополченских рядах стояли старики, уже бившиеся с турками на равнинах Сербии, Боснии, Герцеговины. Назначенный начальником болгарского ополчения генерал-майор Столетов[10] и исправляющий должность начальника его штаба подполковник Рынкевич охотно принимали в ополчение каждого явившегося. Мало-помалу образовались стройные дружины, которые в недалёком будущем должны были послужить основанием болгарской армии...

Петко Гюров особенно гордился тем, что ему удалось попасть в первый болгарский батальон. Юноша надеялся скорее попасть с ним за Дунай.

— Завтра же, прямо после смотра вы идёте в поход, — сообщил он Рождественцеву.

— Да, наша 14-я дивизия выступает! — подтвердил его сообщение Сергей. — Казаки — так те сразу с поля...

— Счастливцы! — с завистливым вздохом промолвил Петко. — Нас, ополченцев, пока назначают в тыл. Говорят, что мы непривычны... В бой пустят потом, когда пороха понюхаем. Словно не знаем мы его запаха... — он помолчал и после краткого раздумья продолжал: — Завтра же в Унгенях[11] на границе будет смотр, на самом берегу Прута[12]. Только бы казаки не опоздали... На Серете[13] есть мост. Барбошским его зовут. Если его не занять, трудно будет потом, с боем переходить придётся.

— Возьмут, возьмут твой Барбошский мост! — засмеялся Сергей. — Князь румынский Карл пошлёт своих дарабанцев[14], наши казаки поспеют, вот мост и займут.

Рождественцев и Петко Гюров подружились чуть ли не с первого раза, как только увидели друг друга. Встреча их была случайная, но молодые люди почувствовали взаимную симпатию. Оба они были молоды, оба кипели одушевлением, хотя чувства, порождав-

шие это одушевление, были совершенно различные: один — Рождественцев — был весь охвачен великой идеей, другим — Петко — владело злобное чувство. Но оба они были искренни в своих порывах, и искренность явилась связующим звеном между ними. Незаметно сдружившись, они оба привязались друг к другу, и теперь обоих печалила мысль о предстоявшей разлуке. Однако они старались не высказываться в этом отношении; но замечание Петко о том, что болгарские дружины будут оставлены для службы в тылу армии, невольно заставило их вспомнить, что завтра им придётся расстаться.

— Да, — вздохнул Сергей, — ваши дружины в тылу, наша дивизия в первую голову... Кто знает, когда мы опять увидимся! Да и увидимся ли ещё когда-нибудь... Задерживаться не будем, пойдём вперёд...

— Погоди ещё! — усмехнулся Петко. — Придётся вам на Дунае посидеть да на него поглядеть.

— Как так? Зачем?

— Разлился Дунай в этом году сильно... До спада воды и не перейти!

— Перейдём, не беспокойся!

— Нет! — покачал головой болгарин. — Скоро не перейдёте. Ты не думай, Сергей, что турки легко отдадут вам победу. Вот вы все так думаете, что сломить их вам ничего не стоит. Ошибаетесь! Турки — хорошие воины. Они храбры, выносливы, довольствуются всегда малым. И бороться с ними нелегко.

Рождественцев рассердился.

— Это что же? — спросил он. — Страшнее кошки зверя нет?

— Нет, Сергей, нет! — опять покачал головой Петко. — Ты вот рассердился. Но я же не говорю, что русские не победят... Вы победите, непременно победите!

— Так в чём же тогда дело?

— В том, что победа будет не такая лёгкая, как вы все думаете. Я уже сказал, что сами по себе турки — народ храбрый. Потом — всё это говорят — у них лучшее вооружение... Снаряды для орудий, патроны для ружей у них не свои — английские...

— Погоди, Петко! — воскликнул Рождественцев. — Ты говоришь о трудностях... Да разве даётся что-либо в жизни легко, без

жертв? Для всякого дела должны быть жертвы, и чем больше дело, чем больше величие его, тем больших такое дело и жертв требует. Дело же, на которое выходим мы теперь, — великое, святое. Не ради корысти, приобретений вынимает русский наш Государь из ножен свой меч, но чтобы защитить слабых, угнетённых, мучимых посылает он сыновей великой Руси лить свою кровь на полях твоей родины. Ради твоих земляков, Петко мой, ради их и их детей счастья идём мы. Нас ведёт на подвиг сам Всемогущий Бог. Он — наше прибежище, Он — наша сила, потому что во имя любви к Нему поднялась Русь. И Он даст нам победу, потому что наше дело — Его дело. Пусть не только что турки, не сомневаюсь, храбрецы, пусть не только что англичане, но пусть все народы станут на нашем пути — и им никогда не остановить Руси, когда она идёт вперёд за идею... Не остановить! Не остановить, потому что ещё шесть с небольшим десятков лет тому назад громко сказал весь русский народ: «С нами Бог — разумейте, языцы!».

Рождественцев, говоря так, сильно волно-

вался. Его красивое лицо покраснело и покрылось яркими пятнами румянца, грудь высоко вздымалась, глаза горели. Сильное нервное движение словно поднимало разом все его чувства, все грёзы, все мысли. Великая идея охватила и захватила его всего. Его словами говорил не скромный застенчивый юноша, ещё недавно оставивший школьную скамью, нет, его словами говорили десятки и сотни тысяч русских людей, думавших так же, как и он, так же всецело охваченных идеей, так же искренно убеждённых и величии принятого Россией на себя подвига...

Петко с восторгом смотрел на воодушевившегося приятеля. Уже не раз слышал он и от него, и от других подобного рода речи, и каждый раз они вызывали в нём только восторг.

— «С нами Бог — разумейте, языцы!» — словно в забытьи повторил за приятелем молодой болгарин.

— Да, Петко, да, друг мой! — гораздо спокойнее уже заговорил Рождественцев. — Никогда не забывай, что для идеи нет трудностей, нет жертв, которых нельзя было бы принести. И идея не может не победить. Христи-

анство — идея любви и всепрощения — слабое, маленькое, бессильное низвергло Рим. А какие ужасные жертвы были приносимы ради этого! Да всюду в истории множество подобных же примеров. Не было ещё ни одной великой светлой идеи, не победившей бы все трудности. Наши силы не столько в нашем оружии, сколько в убеждении, что мы идём в бой за великое, правое дело... А жертвы, Петко, будут... и большие жертвы... Много прольётся крови, много-много сирот и вдов прибудет в этом году... Ну что же делать! На всё есть Высшая Воля...

— Верно, братцы! — раздался за ними весёлый голос. — Что верно, то верно. Кому тонуть, тот не сгорит. А так как мы, российские солдаты, по сущности самой своей, все до единого — казённое добро, так мы и в воде не тонем, и в огне не горим!

При первых звуках этого голоса Рождественцев и Петко быстро обернулись. Позади них стоял незаметно вошедший в хибарку товарищ Сергея — Алексей Коралов. Это был плотный юноша, невысокий, но плечистый, с крепкой грудью — то что называется обыкно-

венно «кряжистым», или «кряжем». Лицо его, некрасивое, с крупными чертами, с носом-луковицей, вместе с тем отражало искреннее добродушие, весёлость характера и полную незлобивость. Таким он был и на самом деле. Никто никогда не видел его унылым или мрачным. Коралов не любил особенно размышлять, что и зачем свершается вокруг него, а просто был убеждён, что всё — к лучшему в этом лучшем из миров. В роте и он, и Рождественцев были общими любимцами солдатиков, но у последних, в силу простоты характера Алексея Петровича, установились с ним более тесные отношения, чем с деликатным, застенчивым Сергеем. Коралов в солдатском кружке был своим человеком. Рождественцев же всё-таки оставался для солдатиков «барской косточкой», хоть и прикрытой серой, грубого сукна шинелью. Весёлости в Коралове нисколько не убавляло то обстоятельство, что он был беден и поступил вольноопределяющимся в надежде по окончании юнкерского училища стать офицером и жить на средства, которые давала бы ему служба. О многом он не заботился и даже выражал же-

лание «дальше капитана не забираться». Начинавшаяся война разрушила его планы и вместо училища привела в действующую армию в тот же полк, в ту же роту, куда попал и Рождественцев.

— А!.. Братушка! Здорово! — сказал он, пожимая руку Петко и садясь около него. — Что? Воевать собираешься?.. Шалишь! Погоди — малость подрасти... А испугал я вас, верно, братцы! Как гаркнул — душа, похоже, ушла в пятки... А ещё на турку герои этакие собрались!..

— Подкрался ты — мы не слыхали. Заговорились, — с некоторым смущением ответил Рождественцев, действительно невольно вздрогнувший при неожиданном появлении товарища.

— То-то заговорились! А если бы это был не я, а турок — сейчас бы он на вас своего мартини навёл — бац-бац... и поминай как звали... Так-то, ребята! По казармам я ходил, — перешёл Коралов на другую тему, — и, Боже мой, что там делается... С нетерпения наши молодцы чуть на стену не лезут: все о завтрашнем дне думают: как им, — голос Ко-

ралова стал серьёзнее, — Бог приведёт Государю Императору представиться. Я уже уговаривал-уговаривал их — у такого дивизионного, говорю, как наш его превосходительство Михаил Иванович Драгомиров[15], ни одна полковая часть лицом в грязь не ударит, потому что везде он во всякую мелочь сам вникает... Так нет! Всё беспокойство берёт: как, что... Ну да бояться за смотр нечего... Да и там дальше, как с турками встретимся, тоже себя покажем... Жаль, что не мы здесь войну начнём.

— Как не мы? — воскликнул почти что с испугом Рождественцев.

— Да так... На Кавказе первые выстрелы загремят... Там наши с турками стоят друг против друга, а здесь мы раньше Дуная бритоголовых не встретим, вот что, братцы мои! Но вот что! — вдруг спохватился Коралов. — Я новость узнал: с нами Скобелев[16] будет!..

— Какой? Неужели кокандский? — так и вздрогнул Рождественцев.

— Он, он самый!.. Как прослышал про Дунай, бросил свою Фергану, и орлом летит Михаил Дмитриевич... Говорят, его в отцовский

отряд зачислят... Видно, что с нами на Дунай он пойдёт... Их с нашим дивизионным — пара. Оба почти что Суворовы... Знаете, братцы, наш Драгомиров памятку дал, чисто суворовскую: «Отбоя, отступления и тому подобного вовсе никогда не подавать и предупредить людей, что если такой сигнал услышат, то это только обман со стороны неприятеля»... А что? Хорошо?.. А вот и ещё: «Ни фланга, ни тыла у нас нет и быть не должно: всегда фронт там, откуда неприятель. Делай так, как дома учился: стреляй метко, штыком коли крепко и иди вперёд, и Бог наградит тебя победой». Не по-суворовски разве?.. Увидите, это он и в приказе напишет... С таким да не победить! С ним да со Скобелевым и река Дунай для христолюбивого воинства — тьфу! Победим! Победа, слава, «ура», а теперь, — совершенно неожиданно и бесцеремонно закончил Коралов, — пора спать, ребятки. Иди к себе домой, братушка, подобру-поздорову, а мы — на боковую.

Петко не обиделся на последнее бесцеремонное распоряжение. Скоро огонь погас в хибарке, и, помолившись Богу, друзья засну-

ли.

II
ВЕЛИКИЙ ДЕНЬ

Асмурное, серенькое утро было 12 апреля 1877 года. Весна в Бессарабии была не из хороших. Небо всё хмурилось, словно готовилось заплакать. Дожди моросили постоянно, частенько переходя в затяжные ливни. С Дуная пришли вести, что эта великая славянская река от продолжительных ливней вся вздулась и разлилась так, что стала почти непроходимой даже для судов. Но в Кишинёве об этом пока мало думали. Все мысли сосредоточены были на представлении войск главной квартиры только что прибывшему Государю. В день прибытия его весь Кишинёв собрался на встречу Державного Вождя русского народа. Громко, по-праздничному, зво-

нили колокола всех церквей. На улице у губернаторского дома, где Государю устроили временное пребывание, везде густыми толпами стоял народ. «Ура!» не смолкало ни на мгновение, сменяясь лишь величественными звуками народного гимна. Путь, по которому Государь, великие князья и лица государевой свиты должны были проследовать с железнодорожного вокзала в дом губернатора, был иллюминирован так, как никогда ещё до того не иллюминировался Кишинёв в самые торжественные праздники. Целое море флагов, сплошная волна гирлянд, ковры, триумфальная арка в начале нынешней Александровской улицы скрывали под собой стены зданий; тысячи огней загорелись, когда наступила темнота; транспаранты с соответствующими случаю надписями были расставлены на каждом шагу, и под ними гудела тысячная восторженная толпа. Только тёмная ночь да дождь заставили кишинёвцев разойтись по домам в ожидании утра.

Чуть только забрезжил рассвет следующего дня, на Скаковое поле у Рышкановки потянулись войска, участвовавшие в смотре. Тя-

жело ступая, извиваясь своей серой массой, шли пехотные полки, почти не производя шума; позвякивая подковами лошадей, уже с большим шумом стягивалась на поле кавалерия; далее дребезжали артиллерийские батареи, выезжавшие к смотру одна за другой. Когда совсем рассвело, полки и батареи стояли уже на Скаковом поле, вполне готовые представиться своему любимому Государю. Пехотинцы, болгарские ополченцы, драгуны ряжские и чугуевские, изюмские гусары, сапёры, донские казаки — старейшие и славные полки русской армии неподвижно замерли на месте. Среди них, на их общем сером фоне красивым, ласкающим взор пятном своих ярких кафтанов выделялись кубанцы и терцы из дивизиона собственного Его Величества конвоя. Несколько далее, опустив к земле ещё молчавшие жерла орудий, стояли артиллерийская бригада, а с ней 18-я конная и 4-я донская батареи[17]. На свободном краю Скакового поля также в напряжённом молчании стояли бесчисленные толпы народа. Казалось, будто вся Бессарабия собралась на этот смотр. Сотни экипажей, всадники, пешеходы

скопились у протянутого каната, которым отделялось место, где должен был произойти смотровой парад. Тихо было, несмотря на огромное количество собравшихся людей. В этой тишине чувствовались томительное напряжение, особая нервозность, развившаяся в силу нетерпеливого ожидания.

Казалось, что достаточно одного только малейшего, но неожиданного звука — и нервы всех этих десятков тысяч людей не выдержат...

Сергей Рождественцев, стоявший со своей ротой недалеко от центра поля, где приготовлен был аналой для предстоявшего молебствия, просто задыхался от волнения. Юноше всё казалось, что смотр для него не пройдёт благополучно. То кепка будто жала ему голову, то с ужасом поглядывал он на свои загрязнившиеся во время перехода по полю сапоги. Рядом он видел такие же, как он думал и у него, обледеневшие от волнения лица товарищей. С удивлением он посматривал на Коралова, сохранявшего свою обычную беспечную весёлость. Сергею казалось странным, как можно улыбаться и смеяться в такие

мгновения; он не мог понять настроения своего приятеля и сожителя, когда человек становится сам не свой, как говорится. Зато Коралов понял, в каком волнении Рождественцев, и, подкравшись к нему, тихонько ударил его по плечу.

— Чего это ты, миленький! — шепнул он. — Капитан скомандовал «вольно», а ты всё фронт держишь? Подтянись, не то и в самом деле не выдержишь смотра...

Ласковый голос товарища как будто несколько рассеял овладевшее было Сергеем настроение. Он ободрился, встряхнулся и стал быстро приходить в себя. Сосед его по фронту, солдатик по фамилии Фирсов, поспешил помочь «барчуку». Делал он это с очевидными участием и лаской. Рождественцев ободрился совсем и даже стал внутренне посмеиваться над самим собой.

— Нервы! Разнервничался! А ещё солдат! — тихо шептал он. — Что же потом-то будет?

— А что, баринок, и взаправду сегодня войну объявят? — спросил Рождественцева Фирсов, оттерев грязь с его шинели.

— Сегодня! Непременно сегодня! — ответил тот. — Кто это вам, Фирсов, сказал, что не объявят?

— А в городе все говорят, что сегодня только смотр нам. А войну — потом... Все так твердят.

Действительно, в Кишинёве почему-то все были уверены, что в день смотра войск объявления войны официально не последует. Было известно, что Государь тотчас после смотра войск на границе у Прута проследует в Москву. Ожидалось, что манифест о войне будет обнародован именно в «сердце России»... Кишинёв для этого огромному большинству представлялся слишком мелким пунктом, и прибытие Государя объясняли как желание его увидеть войска, на долю которых выпадала завидная честь первыми начать кампанию.

— Государь изволил проехать в собор, — пронеслось с быстротой телеграммы известие. — Там встреча была ему со святой водой, — сейчас же пришли и разнеслись новые подробности. — Преосвященный Павел слово говорил...

— Скоро и здесь Государь будет! — слышался всюду шёпот. — Подтянись, подправься!..

Решительный, грозный момент всё близился.

День, пасмурный сначала, стал проясняться. Погода заметно улучшалась. Тучи разошлись, и из-за них появилось солнце. Было довольно холодно, но этого никто не замечал; и то уже была радость, что ожидание дождя не оправдалось...

На утрамбованную площадку около аналоя уже стали собираться находившиеся в Кишинёве придворные чины, духовенство и высокопоставленные лица.

— Едут! Едут!.. Преосвященный Павел едет! — раздались вдруг голоса. — Государь с главнокомандующим! За ними — свита, великие князья...

Зашумел, заволновался, закипел было человеческий муравейник.

— Сми-и-и-рно! — пронеслась громовая команда; и люди, и даже кони под всадниками, повинуясь этому оклику, словно в статуи обратились; все замерли без движения.

Па поле показалась коляска. Государь ехал в ней с главнокомандующим. Позади коляски скакали конвойные; и за ними уже — вся свита...

Дивную картину представляло в эти мгновения Скаковое поле. Серой лентой вытянулась пехота; на солнце сверкали бесчисленные штыки, переливаясь всевозможными оттенками стали. За пехотой, словно за лесом каким, высились пики улан, драгун, казаков; реяли флажки на пиках; словно хоругви за крестным ходом, стояли неподвижно штандарты. На другом конце поля буквально бесчисленные толпы народа тоже замерли в напряжённом ожидании. Посередине же его, на площадке у аналоя, сверкали парчовые ризы духовенства, готовившегося к началу молебствия. Преосвященный Павел уже облачился и ожидал, пока Государь кончит объезд войск.

Император объезжал обе линии по фронту, ласково здороваясь с полками. «Ура!», похожее на громовые раскаты, покрывало царское приветствие. Это было не обычное смотровое «ура!»; в нём слышались неподдельные вос-

торг и одушевление, охватившие эту живую массу, завладевшие всеми сердцами. Казалось, все эти тысячи людей в последние мгновения слились в одно целое и мощным своим криком открывали перед Державным Вождём душу.

Окончив объезд фронта, Государь отъехал на середину поля, к аналою, и сошёл на землю. Вслед за ним спешилась и вся его свита. В этот момент выступил вперёд преосвященный Павел и вскрыл на глазах у всех находившийся у него в руках запечатанный пакет. Барабаны ударили «на молитву», и лишь только пророкотали они, тысячи голов обнажились разом по команде...

Великий, торжественный миг наступил. Гробовое молчание воцарилось среди десятков тысяч собранных здесь и собравшихся сюда людей. Отчётливо, во всеуслышанье, ясным голосом читал преосвященный, обратившись лицом к войскам, манифест о вступлении российских войск в пределы Турции.

«Всем нашим любезным верноподданным, — гласил сей государственный акт, — *известно то живое участие, которое мы всегда*

принимали в судьбах угнетённого христианского населения Турции. Желание улучшить и обеспечить положение его разделял с нами и весь русский народ, ныне выражающий готовность свою на новые жертвы для облегчения участи христиан Балканского полуострова.

Кровь и достояние наших верноподданных были всегда нам дороги. Всё царствование наше свидетельствует о постоянной заботливости нашей сохранять России благословения мира. Эта заботливость оставалась нам присуща в виду печальных событий, совершавшихся в Герцеговине, Боснии и Болгарии. Мы первоначально положили себе целью достигнуть улучшений в положении восточных христиан путём мирных переговоров и соглашения с союзными и дружественными нам великими европейскими державами. Мы не переставали стремиться в продолжение двух лет к тому, чтобы склонить Порту к преобразованиям, которые могли бы оградить христиан Боснии, Герцеговины и Болгарии от произвола местных властей. Совершение этих преобразований всецело истекало из прежних обстоятельств, торжественно принятых Портой

перед лицом всей Европы. Усилия наши, поддержанные совокупными дипломатическими настояниями других правительств, не привели, однако, к желаемой цели. Порта оказалась непреклонной в своём решительном отказе от всякого действительного обеспечения безопасности своих христианских подданных и отвергла постановления Константинопольской конференции. Желая испытать для убеждения Порты всевозможные способы соглашения, мы предложили другим кабинетам составить особый протокол с внесением в оный самых существенных постановлений Константинопольской конференции и пригласить турецкое правительство присоединиться к этому международному акту, выражающему крайний предел наших миролюбивых настояний. Но ожидания наши не оправдались; Порта не вняла единодушному желанию христианской Европы и не присоединилась к положенным в протокол заключениям.

Исчерпав до конца миролюбие наше, мы вынуждены высокомерным упорством Порты приступить к действиям более решительным. Того требуют и чувство справедливо-

сти, и чувство собственного нашего достоинства. Турция отказом своим ставит нас в необходимость обратиться к силе оружия. Глубоко проникнутые убеждением в правоте нашего дела, мы, в смиренном уповании на помощь и милосердие Всевышнего, объявляем всем нашим верноподданным, что наступило время, предусмотренное в тех словах наших, на которые единодушно отозвалась вся Россия. Мы выразили намерение действовать самостоятельно, когда мы сочтём это нужным и честь России того требует. Ныне, призывая благословение Божие на доблестные войска наши, мы повелели им вступить в пределы Турции.

Дан в Кишинёве апреля 12 в лето от Рождества Христова тысяча восемьсот семьдесят седьмое, царствования же нашего в двадесять третье».

Тихо-тихо было на поле во всё время, пока читал преосвященный манифест. Величие переживаемой минуты поражало все сердца. Ведь теперь наступил сразу конец всяким волнениям и ожиданиям; война, которой жадно желала вся Россия, была объявлена.

Рождественцев замирал от волнения, стоя на своём месте. Слова манифеста долетали до его слуха только отрывками, но значение их было так понятно, так близко его сердцу.

Он весь так и встрепенулся, когда до него долетели тихо-тихо слова преосвященного, говорившего речь перед началом торжественного молебствия.

— Мужественно, дерзновенно идите на предлежащий нам подвиг! — говорил епископ.

Он говорил о прошлой русской славе, о великих русских победах. Олег, Игорь, Святослав стремились в этот край, к столице древней Византии. Преосвященный напомнил в своём слове, что путь, по которому должны пройти русские воины, хорошо им должен быть известен; он утоптан русской ногой, усеян костями и напоён кровью защитников и врагов русского народа, Христова имени. Повсюду на этом пути сёла, города, крепости, реки, горы и долы, напоминающие великие русские имена, доблестные подвиги, славные победы русских воинов. Кагул, Ларга, Рымник, Измаил, исконни родной русскому народу Ду-

най с вражескими на нём твердынями, Балканы, Адрианополь и Константинополь — всё это свидетели славных подвигов и побед русских дружин, русских войск. Перед выступавшими на новые подвиги русскими воинами должны были восставать, как живые, то величавые лики древних князей, витязей русских, то величавые образы великих царей и цариц: Великого Петра, Великой Екатерины, Благословенного Александра, Доблестного Николая, а то величавые лики талантливых вождей — Румянцева, Суворова, Кутузова и других с их чудо-богатырями, не один раз заставлявшими трепетать царьгород Стамбул перед силой своего оружия, прославившими своими подвигами, возвеличившими Россию...

— Какие славные воспоминания будут вдохновлять вас к подвигам и победам! — говорил преосвященный. — На вас будут взирать с любовью и надеждой дел славных царь-отец с царицей и августейшим домом своим и Россия-мать! На вас будут обращены взоры братий наших — страждущих народов христианских с чаянием избавления от жестокого поработителя; на вас будет взирать и

с вами будет делить труды, подвиги и опасности ваш любимый, исполненный воинского обаяния августейший вождь. Святая Церковь будет молиться за вас, благославлять вас и просить Господа Бога, да поможет вам оградить Христову веру и христианскую гражданственность среди народов, от которых мы сами унаследовали и веру Христову, и гражданственность христианскую. Сам Господь наш Иисус Христос, положивший душу свою за други своя, с любовью будет призирать на вашу готовность положить души ваши за други ваши и благословит вас... Какие подвиги не будут для вас возможны под осенением таких благословений!..

Взволнованный епископ остановился... Восторженный порыв объял его; глаза преосвященного были влажны, когда он вдруг заговорил, повысив голос:

— Явите же себя достойными своего высокого призвания и славного имени русского воина, молитесь, любите Господа Бога, Царя, Отечество, ближних, честно подвизайтесь, и вы будете увенчаны славой.

Волнение, ясно написанное на лице архи-

пастыря, охватило и всех его слушателей. Среди всеобщей тишины началось торжественное молебствие. В благоговейном молчании выслушивались возгласы, владыки, и, словно призыв к великой любви, проносилась по полю пасхальная песнь «Христос воскресе из мёртвых!». Звуки так и росли, так и плыли в сердца этих простых людей, от которых так близка была смерть. Они все шли на неё, уверенные в правоте своего дела, и слова великого гимна христианской любви вещали им, что смерти нет, что воскресший из гроба Христос попрал её, принеся в жертву людям свою кровь, свою жизнь на голгофском кресте.

Какие-то странные звуки привлекли к себе внимание Сергея. Он с удивлением кинул взгляд на правую сторону от себя. Там рыдал, всхлипывая и стараясь подавить рыдания, Фирсов. И его объяло величие мгновения. Железные нервы простолюдина не выдержали, и солдат напрасно старался остановить свои жалкие всхлипывания. При взгляде на него Рождественцев почувствовал, что вдруг какой-то туман застилает и ему глаза; он торопливо смигнул внезапную слезу и тут только

понял, что и сам плачет, что и кругом него тоже не из одной пары глаз ручьями бегут слёзы сильного сердечного умиления...

— «С нами Бог! Разумейте, языцы, и покоряйтесь, яко с нами Бог!» — пел хор, и опять словно искра пробежала по тысячам сердец.

Встрепенулись они, забились сознанием великой своей силы; дивная, горами ворочащая мощь русская ясно ощущалась каждым, и тысячами тысяч переливов отдавалась в сердцах песнь «Разумейте, языцы, и покоряйтесь, яко с нами Бог!».

Когда во время молебствия были произнесены слова: «Преклоньше колена, Господу помолимся», Государь сам громко скомандовал:

— Батальоны! На колени!..

По царскому слову тихо склонились к земле тысячи простых русских людей. Только одни знамёна высоко реяли над ними. Горячо молились люди в это мгновение, и не о себе молились, а о даровании победы великому, святому русскому делу, ради которого каждый из них готов был отдать последнюю каплю своей крови, последний вздох свой...

Зазвучало многолетие Государю, Государы-

не, наследнику, наследнице с их августейшим сыном, главнокомандующему и затем всему российскому воинству. При пении «Спаси, Господи, люди Твоя» преосвященный Павел на три стороны с напутственным благословением окропил святой водой войска. В это время Государь крепко обнял и облобызал своего брата главнокомандующего, который в благоговейном волнении приник с поцелуем к руке своего монарха...

Преосвященный Павел, окропив войска, благословил образом Спаса главнокомандующего, образом Гербовецкой Божьей Матери начальника открывавшей поход 14-й дивизии М. И. Драгомирова.

— Да возвратит вас Господь! — взволнованным голосом сказал преосвященный. — Возвратит к нам живыми и невредимыми, увенчанными лаврами!

Духовное торжество кончилось. Тихо, под впечатлением великой пережитой минуты, отъезжали генералы вслед за монархом в сторону, давая место для церемониального марша представлявшихся войск.

Кавалерийские трубы заиграли «поход», и

медленно в развёрнутом фронте, стройно и плавно пошли мимо Императора и его свиты эскадроны собственного Его Величества конвоя. За ними без музыки, под один только рокот барабанов, сверкая на солнце стальной щетиной штыков, вольным шагом прошли волынцы, минцы, подольцы и житомирцы. За житомирцами в стройном порядке следовал «сюрприз царю» — два только что сформированных батальона болгарских добровольцев. За ними следовали ряжцы-драгуны, чугуевцы-уланы и изюмские гусары; далее громыхали колёсами орудий артиллерийские батареи.

Стройно проходили мимо Государя часть за частью. Царское «спасибо» встречало каждую из них, и громкое восторженное «рады стараться» было ответом на него. Государь любовался своими дружинами, представшими перед ним в таком порядке, которого трудно и ожидать было... За болгарских добровольцев он изволил выразить свои одобрение и благодарность генералу Столетову.

Во время церемониального марша каждый в рядах думал лишь о том, чтобы выдержать

строй, не испортить фронта, но никогда уже после до конца своей жизни не мог забыть Рождественцев той минуты, когда после смотра Государь объезжал все части, прощаясь с ними. Все эти люди словно обезумели от восторга, увидав среди самих себя своего монарха.

— Прощайте, до свиданья! — говорил Государь. — Возвращайтесь скорее со славой, поддержите честь русского оружия и да хранит вас Всевышний!

Глаза Императора были влажны от слёз. Тяжёлое душевное волнение ясно отражалось на его лице. Какое бремя принимал он на себя, поднимая эту войну! Чувствовалось, что видит Государь всю тягость своего подвига, и глубоко-глубоко угнетает его мысль, что по его слову эти тысячи человеческих существ, а за ними ещё десятки и сотни тысяч идут умирать, неся сами в то же время смерть и разрушение. И казалось, что только одни эти бесконечные выражения неподдельного восторга несколько облегчают душевный гнёт царя, убеждая его и в любви, и в непоколебимой преданности всех этих русских людей.

— Да хранит вас Всевышний!

Государь произнёс эти слова среди сбившихся в одну толпу солдат. «Ура!», которое и гром небесный могло бы заглушить, вырвалось из тысяч уст. Солдаты, офицеры всей своей массой ринулись к царю и окружили его. Шапки высоко полетели в воздух. Потрясая над головами штыками, саблями, ревела вся эта живая масса своё «ура!».

— За братий! За святое дело! — слышалось в этом несмолчном хаосе звуков.

Взрослые, видавшие всякие виды люди плакали навзрыд. Рождественцев очутился в объятиях Фирсова, лобызавшего его сквозь градом катившиеся слёзы. Сергей отвечал ему своими поцелуями. Вдруг он увидел перед собой орошённое слезами лицо капитана Солонина, обнимавшего плакавшего навзрыд Коралова. Ему не показалось ничего необычайного в том, что офицер обнимает простого рядового, — столь силён был овладевший всеми порыв. Рождественцев только вырвался из объятий Фирсова и, размахивая высоко над головой своей кепкой, закричал что было сил:

— Ура! За веру Христову! За свободу братьев-славян!..

— Ура! Ура! Ура! — загремело в ответ ему со всех сторон.

Среди грома криков послышался кавалерийский марш. Прямо со смотра выступала в поход вся 11-я кавалерийская дивизия.

Великая освободительная война началась...

Всюду читали и умилялись приказом августейшего главнокомандующего, объявленным по всем войскам в день прочтения манифеста.

«Сотни лет тяготеет иго турецкое над христианами, братьями нашими, — говорилось в этом приказе. — Горька их неволя! Всё, что дорого человеку: святая вера Христова, честное имя, потом и кровью добытое добро — всё поругано, осквернено неверными.

Не выдержали несчастные — восстали против угнетателей, и вот уже два года льётся кровь христианская; города и сёла выжжены; имущество разграблено; население иных мест поголовно вырезано.

Все представления монарха нашего и ино-

странных правительств об улучшении быта христиан остались безуспешными.

Мера долготерпения царя-освободителя истощилась...

Последнее царское слово сказано.

Война Турции объявлена...

Войска вверенной мне армии! Нам выпала доля исполнить волю царскую и святой завет предков наших.

Не для завоеваний идём мы, а на защиту поруганных и угнетённых братьев наших и на защиту веры Христовой.

Итак, вперёд! Дело наше свято и с нами Бог.

Я уверен, что каждый — от генерала до рядового — исполнит свой долг и не посрамит имени русского. Да будет и ныне оно так же грозно, как и в былые годы. Да не остановят нас ни преграды, ни труды и лишения, ни стойкость врага. Мирные же жители, к какой бы вере и к какому бы народу они ни принадлежали, равно как и их добро, да будут для вас неприкосновенны. Ничто не должно быть взято безвозмездно, никто не должен позволять себе произвола.

В этом отношении я требую от всех и каждого самого строгого порядка и дисциплины — в коих наша сила, залог успеха, честь нашего имени.

Напоминаю войскам, что, по переходе границы нашей, мы вступаем в издревле дружественную нам Румынию, за освобождение которой пролито немало русской крови. Я уверен, что там мы встретим то же гостеприимство, как и предки и отцы наши.

Я требую, чтобы за то все чины платили им — братьям и друзьям нашим — полной дружбой, охраной их порядков и помощью против турок; а когда потребуется — то и защищали их дома так же, как и свои собственные...»

Наизусть вытверживался тогда этот приказ; он воспламенял, воодушевлял, подвигал на великие трудности и лишения...

Словно волны живые, разлилась русская армия по Румынии...

Государь оставался в Кишинёве до 19 апреля и уехал только в ночь на 20 число.

— Ещё раз благодарю вас, господа, за службу, — говорил он, расставаясь с провожавши-

ми его. — Вы вполне оправдали мои ожидания. С вами я не прощаюсь, а говорю лишь — до скорого свидания! Теперь поеду в Одессу, Киев, Москву и Петербург. Затем вернусь, чтобы делить с вами радость и горе. Да поможет вам Бог! До свиданья!

III
ПЕРВЫЕ ШАГИ

Ловно валы разбушевавшегося в грозную бурю моря, раскатывались по Румынии после 12 апреля отряды русской армии. Торопились скорее достигнуть левого берега великой славянской реки, на который всё собирались перейти турки, чтобы надвигавшейся грозной силе поставить со своей стороны живую преграду.

Но турки только «всё собирались», а от сборов до дела у них оказалось далеко.

Султан Абдул-Гамид издал пространный, витиевато составленный манифест; в нём было много слов и цветистых выражений, но чувствовалось, что красноречие оратора прикрывает в этом манифесте невольную робость. Решительности, уверенности в правоте своего дела не замечалось. Были слова, были угрозы, но как все они далеки от дела!

Главнокомандующим турецкой армией назначен был Портой «победитель сербов» Абдул-Керим-паша для балканской армии и Ахмед-Мухтар-паша — для малоазиатской. Абдул-Керим был генерал честный, храбрый, способный, но Порта организовала в Стамбуле род военного совета, без предварительных переговоров с которым главнокомандующий не имел права действовать. Стамбульский же совет главную силу свою полагал в расположенных по правому берегу Дуная крепостях, являвшихся действительно грозной преградой для наступавших русских.

Виддин, Никополь, Систов, Рущук, Силистрия, Мачин преграждали путь им. Они представляли собой неприступные твердыни, незыблемые, казалось, утёсы, о которые

должны были разбиться надвигавшиеся живые валы. В устье Дуная стоял турецкий броненосный флот, командовал которым опытный моряк англичанин Лвгуст-Карл Гоббарт, сын графа Боккингема. Этой броненосной флотилии было совершенно достаточно, чтобы преградить русским путь через Дунай в нижнем его течении.

На левом берегу дунайском не было крепостей. Там у воды раскинулись в своём живописном беспорядке красивые румынские городки: Калафат, Журжево, Ольтеница, Браилов, Галац, Рени. Первые два всё-таки были несколько укреплены и даже могли считаться крепостями, но, конечно, и в сравнение не шли с неприступными турецкими укреплениями.

Грозному Виддину противостоял маленький беззащитный Калафат; против Никополя были только незначительные посёлки. Несколько ниже Систова на левом берегу лежала неизвестная дотоле Зимница; Журжа и Рущук, Ольтеница и Силистрия, Браилов и Мачин были расположены почти друг против друга. Это были главные пункты, около кото-

рых предстояла жестокая борьба за Дунай.

Хляби небесные разверзлись, когда русские войска начали своё наступление. Целые моря воды в виде дождя низвергались с небес на равнины Румынии. Бури бушевали непрестанно. Прут, Серет, Дунай вздулись, поднялись, разлились, преграждая всюду путь надвигавшимся с русской границы войскам. Низины обратились в топкие болота; железные дороги не могли успешно работать; ливни то там, то здесь размывали полотно, ветры и воды сносили железнодорожные мосты. Часто бывало, подойдёт передвигавшаяся вперёд часть к берегу и должна останавливаться — идти вперёд, пока не будет устроена правильная переправа, нельзя.

Но движение вперёд всё-таки, хотя и с незначительными опозданиями, совершалось беспрерывно. Главные силы русской армии шли от границы по Румынии тремя колоннами. Правая — под начальством генерал лейтенанта барона Дризена[18]; средняя — под общим начальством генерал-лейтенанта Ванновского[19]; и левая — под начальством генерал-лейтенанта Радецкого[20]. Кроме

этих колонн, был организован, под начальством генерал-лейтенанта князя Шаховского [21], авангардный Нижне-Дунайский отряд, который должен был действовать в низовьях Дуная.

Нижне-Дунайскому отряду и выпала честь первым выступить за границу. Спустя несколько часов по объявлении войны в Кишинёве части отряда уже в трёх местах: у деревень Новая Болгария и Татар-Букан, у деревни Бештымак и у деревни Унгени вступили в пределы Румынии. Авангардом Нижне-Дунайского отряда был отряд из двух батальонов Селенгинского полка (первого и второго) с одной батареей, три донских казачьих полка с двумя донскими батареями. Командиром их назначили полковника генерального штаба Бискупского[22].

Главной целью движения этого отряда было занятие Рени и Галаца, откуда уже вышли румынские войска, мобилизация которых только-только ещё начиналась.

Особый отряд под общим командованием генерал-лейтенанта Верёвкина[23] был выделен из отряда князя Шаховского для занятия

городов и местечек в самых низовьях Дуная. Важнейший из них, некогда грозный Измаил, был уже немедленно по объявлении войны занят полковником Римашевским[24], отрядом из батальона Камчатского полка с четырьмя орудиями.

Первыми из первых тронулись в поход донцы. На рысях помчался 29-й Донской казачий полк под командой адъютанта главнокомандующего полковника Струкова[25], дорогой до Рени, в 6 часов пополудни 12 же апреля уже был в Галаце, а через час после этого занял Барбошский мост через Серет, один из главнейших пунктов на пути следования русской армии.

Галац, который так успешно, без борьбы и кровопролития перешёл в русские руки, — один из красивейших городов Молдавии. Он раскинулся на высокой косе между Дунаем и озером Братыш, неподалёку от впадения в Дунай реки Серета. По своему значению он занимал следующее после Бухареста и Ясс место в Румынии, здесь всегда царило необыкновенное оживление. Галац был исключительно торговым пунктом и на Дунае играл

роль посредника между Западом и Востоком. Его гавань постоянно полнилась коммерческими судами всех наций: русские, англичане, турки, греки, итальянцы охотно являлись сюда. Торг здесь шёл постоянный. Торговые площади Галаца никогда не пустовали. Жители Галаца, в сравнении с жителями других молдавских и волошских городков, были богачами. Самый городок выглядел не только красивым, но и нарядным. На улицах всюду красовались дома изящной архитектуры; над многими реяли европейские флаги — это были помещения консульств различных европейских государств, имевших здесь своих представителей.

Верстах в 15 пути по дороге, идущей по части между Дунаем и озером Братыш, примкнулся у самого Прута маленький городок Рени.

Выше Галаца по Дунаю, на крутом и обрывистом берегу расположился Браилов, против которого кончался на правом берегу у болгарской деревушки Гечети широкий и судоходный рукав Дуная — Мачинский. В некотором отдалении от Гечети, вверх по Мачинскому

рукаву, охраняя судоходство в этих местах, стояла сильная турецкая крепость Мачин. Здесь уже однажды — в 1791 году — турки были наголову разбиты русскими.

Правый берег Дуная в этой местности ещё во времена глубокой древности носил название Малой Скифии (Scythia Minor); с течением же времени за всей этой областью, между Дунаем и Чёрным морем, на востоке упрочилось название Добруджи. Через Добруджу лежал русским войскам, несмотря на болотистость этой местности, самый удобный и самый близкий путь к Константинополю. Поэтому турки приложили все свои усилия, чтобы не допустить своих противников переправиться через Дунай выше Галаца. Турецкие стратеги пребывали в уверенности, что война окажется проигранной, если русские очутятся в Добруджи, через которую снабжались продовольствием и амуницией все из придунайские крепости до Рущука. Для защиты Добруджи и собран был по Дунаю многочисленный броненосный флот. Силистрия, Гирсово, Мачин защищали край на суше, и турки были уверены, что таких сил вполне достаточно

для преграждения пути их противникам. Особенные надежды возлагала Блистательная Порта на свой флот; у русских на Черном море морской боевой силы после Крымской войны не было и приходилось против грозных броненосцев выставлять плохонькие коммерческие суда, да и тех неоткуда было взять России в эту войну.

Как это ни странно казалось, но турки принимали сию войну с хорошо знакомым им противником в полной уверенности на вполне успешный для них исход её. Сам султан Абдул-Гамид, признавая невозможность удержать всю оборонительную линию по Дунаю, от Виддина до Мачина, предлагал завлечь неприятеля внутрь страны, раздробить главные силы на мелкие отряды и, когда это было бы исполнено, дать решительное сражение, после которого заставить русских уйти обратно за Дунай и преследовать их до Прута. Абдул-Керим-паша полагал, со своей стороны, что нужные для этого силы должны собраться внутри страны, на линии крепостей Плевна — Ловча, и для решающего сражения предназначил находившиеся в западной Болгарии

свободные войска одного из лучших турецких генералов Османа-паши[26]...

Со своей стороны, главнокомандующий русской армией в основу своих действий на балканском театре войны полагал мысль покончить с турками в эту кампанию, но возможности, одним ударом. Предположено было не задерживаться непременным взятием турецких крепостей в Добрудже и на Дунае, а, перейдя Дунай между Систовом и Никополем, ограничиться только осадой их, то есть задержанием на месте находившихся в них сил, а главными частями идти через Тырнов к ближайшим Балканским проходам, а потом в долину реки Марицы и на Адрианополь; если же здесь мира не будет заключено, то идти на Стамбул, занятием которого и должна была закончиться война. Главнокомандующий полагал возможным достигнуть Адрианополя через 13-14 недель после перехода границы [27].

Невысоко ценили в то время силу турецкого сопротивления в русских военных кругах! Турция считалась ослабленной борьбой с восставшим христианским населением Боснии и

Герцеговины и войной с Черногорией и Сербией. Считалось даже возможным сломить её с небольшой сравнительно армией и захватить Болгарию посредством зимнего похода. При этом главные трудности ожидались не от вооружённых сил турок, а от условий сурового времени года и продовольствия русской армии[28].

Между тем турки против русских имели на балканском театре войны без малого 186 тысяч человек в дунайском районе, то есть в Виддине, Рущуке, Добрудже, Силистрии, Шумле, Тырнове, Габрове, Адрианополе, Варне, Нише и Софии; в албанском районе — в Боснии, Герцеговине и Скутари — 107 тысяч. Всего же силы Блистательной Порты простирались до 494 397 человек всех трёх родов оружия и инженерных войск. Большая часть сил, не входивших в состав войск дунайского и албанского районов, находилась в Малой Азии, где русские войска наступали на турок под начальством августейшего главнокомандующего на малоазиатском театре войны, Его Императорского Высочества Великого князя Михаила Николаевича; остальные турецкие вой-

ска были разбросаны по разным местностям турецкой империи, оставить которые без вооружённой силы турецкому правительству представлялось невозможным. В дунайских гирлах под общим начальством адмирала Гуссейна-паши были собраны лучшие мониторы, броненосные корветы «Лютфи-Джелиль» и «Хивзи-Рахман», военные колёсные пароходы, малые мониторы, канонерки, транспорт, шлюпки, баркасы.

Главное командование всеми военными силами на балканском театре войны принадлежало, как уже сказано выше, «победителю сербов» сердар-экрему, генералиссимусу Абдул-Керим-паше и начальнику штаба его армии Ахмет-Эюбу-паше. Всеми морскими силами Турции начальствовал англичанин Гоббарт-паша.

Для войны с турками за свободу Болгарии мобилизовано было Россией 111,5 батальонов, 151,5 эскадронов и сотен при 472 полевых и 220 осадных орудиях. В этих частях было к началу войны налицо 41 генерал, 439 штаб-офицеров, 2689 обер-офицеров, 146 420 строевых и 9245 нестроевых нижних чинов.

Единственными союзниками русских в начавшейся войне явились румыны. Молодой румынский князь Карл быстро привёл в боевую готовность военные силы своего маленького государства. Черногория не имели возможности немедленно начать военные действия, но и то же время и мира у черногорцев с турками заключено не было. Сербия не решалась после недавнего заключения мира предпринимать новую войну. Таким образом, к русской армии присоединились 50 тысяч румын и 6 тысяч болгарского ополчения.

Первоначально мобилизованных в России военных сил оказалось недостаточно, и очень скоро по объявлении войны Дунайская действующая армия пополнилась тремя корпусами и возросла в общей численности до 260 тысяч человек.

Через день после объявления войны, то есть 14 апреля, русскими войсками уже оказались заняты в устье Дуная Жебриели, Вилково, Килия, Измаил, Сатуново, Рени, Галац, Барбош, затем 15 апреля — Браилов, и сейчас же после этого казачьи разъезды пошли вверх по левому берегу Дуная, встраивая вез-

де сигнальные вышки, у которых оставлялись пикеты, зорко наблюдавшие за турками, усевшимися на противоположном берегу.

Турки пока что сидели смирно. Из Видди-на начали быстро обстреливать Калафат на румынском берегу, но скоро перестали... На нижнем Дунае появлялись по двое, иногда по трое турецкие броненосцы, но уходили даже без выстрелов. Словом, турки как будто умышленно поддерживали в русских уверенность в своём мнимом бессилии, как бы убеждали в том, что они враги, борьба с которыми легка... Приводился в исполнение константинопольский план; наступавшего противника защитники Турции заманивали вглубь страны...

Пока турки мнимо бездействовали, на левом берегу Дуная кипела работа. Быстро возводились земляные укрепления и батареи, Дунай перегораживался поперёк цепью мин; коммерческое судоходство было прекращено.

Войска, назначенные на берег Дуная, собирались с большим опозданием против предполагаемых ранее сроков, но всё-таки живые валы один за другим катились по Молдавии и

всюду, куда они ни докатывались, всё более укреплялось русское могущество.

Турки по-прежнему бездействовали...

IV

ПЕРВЫЕ ВЫСТРЕЛЫ—ПЕРВЫЕ ПОБЕДЫ

Прошли восемь дней с того момента, когда Россия объявила войну, а между тем с русской стороны не раздалось ещё ни одного выстрела. На берегу Дуная, между Рени и Браиловом, шла лихорадочно спешная работа; турки же упорно отмалчивались; но на русской стороне стало уже известно, что плохо приходится броненосцам и мониторам, забравшимся в Мачинский рукав. Глубоко сидели они в воде, рукав же был сравнительно мелок, а выход на Дунай, где уже должен был начаться спад весенних вод, сторожили в Бра-

илове русские.

Броненосцы сами угодили в ловушку, и им оставалось только одно: прорваться мимо русских батарей, пока не закончено совершенно их вооружение...

Очевидно, в Мачине туркам было известно, что у их противников на левом берегу нет ещё никаких других орудий, кроме полевых... Поэтому прежде, чем уйти в дунайские гирла, турки решили снести выстрелами со своих броненосцев русские сооружения.

В шестом часу утра 21 апреля вдруг весь Браилов пришёл в движение. С быстротой молнии разнеслась весть, что турецкие суда выходят из Мачинского рукава и что остановятся они на Дунае против городка. Ясны были их намерения: предстояла бомбардировка Браилова. В это время в соседнем Галаце производились важные инженерные работы, и турки, прорвавшись туда, могли наделать много вреда.

Браиловским отрядом, состоявшим из одной бригады 11-й пехотной дивизии и 5-й полевой батареи, командовал генерал-майор Салов[29]. Он сразу понял всю опасность поло-

жения и решился действовать.

Два турецких монитора под парами стояли уже один на фарватере против самого Браилова, другой у деревни Гечет на противоположном берегу. Пушки на них грозно молчали, словно предоставляя противнику «заговорить» первым. Против них на берег выкатили две маленькие полевые пушчонки. Но что те могли поделать с броненосцами!..

Береговые кручи у Браилова были усеяны любопытным народом. Опасность мало кого пугала. Любопытство было возбуждено; предстоял редкий артиллерийский бой ничтожных полевых пушек с гигантами, смотревшими — пока молча — из башен турецких мониторов.

— Уходят! Уйдут! — пронёсся тихий тревожный шёпот по русской стороне, когда на мониторах вдруг всё пришло в движение.

Генерал Салов, вместе с полковником Струковым, руководивший боем, отдал приказание. Все, кто ни был на берегу, обнажили головы и перекрестились. Возле двух пушчонок засуетился совсем молоденький офицер.

— Первое! — послышалась в тишине его

команда — команда, отданная молодым звонким голосом.

Было девять с четвертью часов утра.

Гулко грянул выстрел, первый ещё в начавшуюся войну. Гром его отозвался в каждом русском сердце. Сотни глаз с напряжённым вниманием следили за полётом первого снаряда. Снаряд перелетел через одно судно и упал в воду в промежуток между обоими броненосцами. Прошло не более минуты, под бортом ближайшего к Браилову турецкого корабля заклубился белый дым, грянул ответный турецкий выстрел, и через Дунай прямо на русскую батарею, противно визжа, полетел вражеский снаряд. Он упал невдалеке за батареей, но не разорвался.

Это был своего рода обмен приветствиями. Следом за ним начался артиллерийский бой. Из деревни Гечет вдруг завизжали пули — это открыла огонь скрытая в окопах турецкая пехота. Генерал выслал открыть огонь по дунайским отмелям стрелков-селенгинцев и донских казаков, и к грому пушек присоединилась ружейная трескотня.

К двум русским орудиям прибавлены были

ещё два. Вплоть до полудня длился бой. Лёгкие полевые снаряды, конечно, отскакивали от толстой стальной брони, но, разрываясь, всё-таки причиняли туркам достаточно большой вред. Турецкие же снаряды пропадали бесцельно. Русская батарея была малой и потому незаметной целью для выстрелов, и турки никак не могли пристреляться к ней. Вражеские снаряды ложились то вправо, то влево от нашей батареи, то вовсе не долетали до неё. Если и были потери, то от ружейной перестрелки: у одного казака на берегу оказалась прострелена турецкой пулей шинель, другому попортили шапку[30]... Зато ничтожные с виду русские пушечки сделали своё дело. У ближайшего к Браилову монитора были сбиты труба и руль, у второго зажжена палуба. Последний, едва только начался пожар, поспешно ушёл в рукав, а первый с трудом добрался до своего берега и, из опасения взрыва, поспешил выпустить пары. Вернувшийся товарищ отбуксировал его к Мачину, а оттуда, как вскоре донесли лазутчики, оба броненосца отправились в Рущук для починки...

Первые выстрелы принесли русским и первую победу.

Последствием этой победы было то, что турецкие мониторы уже не осмеливались более выходить на фарватер против Гечета, а в то время у Браилова успели возвести земляные укрепления, удовлетворявшие всем требованиям фортификации, и в то же время на возведённые батарей стали прибывать осадные орудия.

Но у турок под Маминым были ещё броненосные суда. Как бы в отмщение за поражение вечером того же дня турки принялись стрелять по Браилову. Русская артиллерия даже не отвечала им. Турецкие пушки только шумели да пугали жителей Браилова, вызывая в то же время своей неэффективностью смех среди русских артиллеристов...

На другой день, то есть 22 апреля, с низовьев Дуная подошёл к Рени турецкий броненосец и всего с расстояние 800 саженей открыл огонь по русской батарее, также состоявшей из четырёх полевых орудий. Постреляв совершенно безуспешно по батарее, броненосец начал бомбардировать беззащитный го-

родок, но снаряды не рвались, и после пятидесятого выстрела броненосец ушёл обратно. Единственным следствием бомбардировки было повреждение в Рени четырёх домов да легко оказался ранен ещё один из жителей.

Возбуждение, вызванное удачным боем, ещё не улеглось, как в Браилов пришло известие, что занявший его отряд посетит августейший главнокомандующий — и не позже 24 апреля.

«Великий князь едет. А как же турки-то?» — явилась у многих браиловцев одна и та же мысль.

Турки, вероятно, точно были осведомлены не только о дне, но и о часе прибытия Великого князя. В то самое время, когда великокняжеский поезд был уже на пути от Галаца к Браилову, два турецких монитора и красавец панцирный корвет «Лютфи-Джелиль» вышли из Мачинского рукава и начали посылать снаряды в подходивший к станции железнодорожный поезд. К приветственному «ура!», которым встречал главнокомандующего занимавший станцию Курский пехотный полк, примешивался гром турецких корабельных

орудий. В то самое время, когда Великий князь садился в коляску, чтобы ехать со станции в Браилов, с шипением разрезая воздух, упал около самой станции на груду каменного угля турецкий снаряд — почти в аршин длиною. К счастью, снаряд не разорвался. Великий князь благополучно отбыл со станции. Пока он следовал по улицам Браилова, над ним пронеслись ещё два турецких снаряда. С батареи, куда прибыл главнокомандующий, были видны уже пять турецких судов, окутанных густыми клубами порохового дыма. Когда ветер рассеивал этот дым, в бинокль ясно виделись турецкие матросы в красных фесках, суетившиеся на юте и марсе корвета. Гром турецких выстрелом не смолкал. Один за другим падали возле русской бата реи вражеские снаряды. Счастье русских было в том, что в большинстве снаряды не разрывались. Великий князь, сопровождаемый своей свитой, прибывшей вместе с ним из Кишинёва, с начальником браиловского отряда, а также с начальником инженеров генерал-майором Деппом[31], с величайшим хладнокровием осматривал быстро выраставшие на браилов-

ском берегу земляные сооружения, над которыми спокойно работали сапёры и пехотинцы, и только после внимательного осмотра от был обратно в Галац и Рени, благодаря войска браиловского отряда.

Турки по отбытии великокняжеского поезда прекратили свою двухчасовую бомбардировку, и все их суда опять укрылись в Мачинском рукаве.

Сильно горевали браиловцы о том, что им пришлось молчать во время бомбардировки при Великом князе. Осадные батареи всё ещё не прибыли на почти завершённые позиции. Особенное раздражение вызывал у всех красавец «Лютфи-Джелиль», наиболее активно обстреливавший и железнодорожную станцию, и русскую батарею в присутствии русского главнокомандующего. Скоро узнали в Браилове, что «Лютфи-Джелиль» один из лучших кораблей турецкого флота. На нём, по сведениям, командовал опытный моряк Неджиб-бей, смелый до дерзости, решительный, чрезвычайно гордившийся своим судном, название которого в переводе на русский язык значило «Под милостью Бога».

Впрочем, в Браилове не теряли надежды рассчитаться с «Лютфи-Джелилем», если только он покажется на Дунае, когда укрепления будут вооружены...

И скоро представился удобный случай к этому...

К 26 апреля были готовы к действиям две осадные батареи в Браилове и все остальные на нижнем Дунае. Тотчас после этого без всяких препятствий со стороны турок заложен был по руслу Дуная первый ряд мин, и 29 присланный из Барбоша лейтенант Дубасов[32] должен был положить второй ряд мин как раз от Браиловских высот.

Лейтенант Дубасов, главный руководитель работ, ровно в полдень прибыл к Браилову с командой минёров на пароходе «Взрыв». У выхода Мачинского рукава в Дунай стояли турецкие мониторы. С них не слышно было выстрелов и даже не замечалось никакого движения. Мониторы словно поджидали кого-то, чтобы начать решительное дело.

На русской стороне напряжённо ожидали начала минных работ. Для того чтобы отвлечь внимание турецких стрелков в Гечете

от минёров, с левого берега должны были высадиться охотники и выбить из деревни турок. Работа минёров не начиналась только потому, что должен был прибыть с низовья второй пароход, которому вместе с первым надлежало заградить от неприятельских выстрелов винтовые шлюпки.

В ожидании прошло уже около полутора часов, как вдруг послышались крики:

— Он, он! «Лютфи-Джелиль»!

В Мачинском рукаве показался красавец турецкий корвет. Он занял на якоре боевую позицию, но огня не открывал. С браиловского берега видно было, что к «Лютфи-Джелиль» подошёл окрашенный в белую краску, похожий на пассажирский пароход и спустил шлюпку. Последняя направилась к борту броненосца, на котором сейчас же взвился адмиральский флаг.

Орудия «Лютфи-Джелиля» молчали, но пока он стоял здесь, не приходилось думать ни о высадке в Гечете, ни о начале минных работ. Выстрелы с броненосца не подпустили бы русских к правому берегу.

Генерал Салов приказал тогда открыть по

«Лютфи-Джелилю» огонь из обеих вполне уже снаряженных батарей, отмеченных № 3 и № 4. На этих батареях были уже не маленькие и лёгонькие полевые пушки, а грозные осадные орудия. От русских укреплений до «Лютфи-Джелиля» было расстояние приблизительно в три с половиной версты. Без десяти минут три часа с мортирной батареи № 4 раздался первый выстрел; вслед за тем ударила из своих орудий по корвету и батарея № 3. «Лютфи-Джелиль» даже не шелохнулся. Первые русские снаряды, подняв высокие водяные столбы, легли совсем близко от него. За первыми выстрелами последовали вторые, третьи — и всё напрасно. Броненосец оставался неподвижным. Неджиб-бей словно насмехался над русскими, отвечая на их выстрелы презрительным молчанием. Между тем русские снаряды ложились к бортам корвета всё ближе. После каждого выстрела, несколько секунд спустя, над поверхностью Дуная вздымался высокий водяной столб и тотчас же рассыпался тысячами тысяч водяных, серебрившихся на солнце брызг.

— Экая досада! — говорили наблюдавшие с

браиловского берега за стрельбой офицеры. — Батареи не пристрелялись ещё... Уйдёт турка и на этот раз. А какой удобный случай!

— На мортирной батарее — молодой офицер! — послышалось чьё-то замечание.

— Поручик Самойло? Нет! Но смотрите, его батарея работает, как заведённая машина. Да Самойло и не один, с ним поручик Романов...

— Сапёр?

— Да... тот самый, что возводил первую здешнюю батарею. Это он там из любви к искусству упражняется... Но смотрите, смотрите! С «Лютфи» отчаливает шлюпка.

Действительно, от борта корвета отчалила восьмивесельная шлюпка, направлявшаяся к левому берегу Мачинского рукава. Все глаза устремлены были на неё. Шлюпка легко вошла в рукав и скрылась за кустами, росшими на берегу. Вдруг на браиловской стороне реки все вздрогнули. На месте «Лютфи-Джелиля» взвился к небу громадный сноп и тысячи тысяч огненных столбов. Казалось, будто какой-то скрытый под волнами Дуная вулкан внезапно начал своё извержение. Что-то глухо ударило, и раздался будто залп из тысячи

орудий. Огненные столбы, вознесясь на высоту, изогнулись циклопическими дугами. Образовалась гигантская огненная воронка, упиравшаяся своей широкой частью в облака. Ещё одно мгновение, и клубы густого чёрного дыма окутали собою Дунай. Когда внезапный дым этот рассеялся, «Лютфи-Джелиля» уже не было. На месте, где он ещё так недавно гордо покачивался, где стоял он на якоре, полоскался в волнах Дуная ярко-красный с белыми полумесяцем и звездой турецкий адмиральский флаг.

Мёртвое молчание воцарилось на всех русских батареях. Молчали ошеломлённые внезапной катастрофой солдатики; инстинктивно при виде этого внезапного ужасного зрелища замер и вышедший на берег любопытный народ. И вдруг молчание было разом нарушено. Вниз, вверх, вдоль, вширь над Дунаем загремело восторженное русское «ура!»... Первая минута ошеломляющей неожиданности прошла; на браиловском берегу поняли, что удачным русским выстрелом был взорван красавец «Лютфи-Джелиль».

Два русских снаряда — граната и бомба, —

пущенные из 24-футовой пушки и 6-дюймовой мортиры с батареи № 4, одновременно угодили в трубу «Лютфи-Джелиля» и через неё проникли в машинное отделение; оттуда, надо думать, взрыв сообщился пороховой каюте. Двадцатичетырёхфутовое орудие наводил под руководством поручика Самойло рядовой строевого отдела осадной артиллерии Роман Давидюн, а мортиру под наблюдением подпоручика Романова — его товарищ Иван Помпарь. Роковые для корвета выстрелы раздались одновременно в 3 часа 15 минут. Корвет погиб со всеми своими орудиями, с находившейся на нём казной всей Дунайской флотилии и с 219 членами экипажа.

С «Лютфи-Джелиля» спасся только один матрос, сброшенный взрывом в прибрежные камыши. Его подобрали русские. Когда первые мгновения прошли, всеобщее оцепенение сперва, а затем восторг миновали, к торчавшему из-под воды флагу на всех парах помчались за этим первым трофеем три паровых катера под командой лейтенантов Дубасова, Шестакова[33] и мичмана Персина[34]. Турки были так ошеломлены внезапной ката-

строфой с их красавцем-судном, что пропустили русские катера в Мачинский рукав. Они даже выстрела не сделали, когда матросы с катеров снимали флаг с обломка мачты «Лютфи-Джелиля». Турецкие стрелки в Гечете, мониторы в рукаве беспрепятственно пропускали русские судёнышки, обошедшие весь берег в поисках раненых. Удалось найти только одного. От него узнали, что с «Лютфи-Джелиля» всего за несколько минут до катастрофы сошёл командовавший Дунайской флотилией вице-адмирал Буюк-паша-Джевал... Несчастный матрос был страшно обожжён и только в русском госпитале пришёл в себя. Радость в Браилове не имела пределов. Молодцам-наводчикам сейчас же на берегу жители собрали одиннадцать червонцев. Особая депутация от браиловцев явилась благодарить русских офицеров и просила принять чествование трапезой, приготовленной и городском клубе.

Первые выстрелы в этой великой войне были сделаны, первые победы одержаны, теперь явились и первые герои...

V
В РОССИИ

В соборе губернского города Энска, одного из крупных городов на Волге, кончалась поздняя обедня. Совершён уже был молебен, и небольшими группами расходился народ. Каждый выходивший на паперть набожно крестился и, постояв секунду-другую, как бы объятый благоговейным настроением, медленно сходил по ступенькам на плиты панели.

На городской площади возле храма всюду видны были небольшие группы людей. Большинство из них оживлённо беседовали. Слышались то отдельные восклицания, то плавная речь. Говорившие казались возбуждёнными чем-то.

— Чудное говорил сегодня отец прото-

поп! — отчеканивая каждое слово, заметил высокий худощавый старик. — Давно уже мы ничего подобного не слыхали от него.

— Вдохновился отец Пётр, — ответил ему другой, тоже уже пожилой господин. — Заметили вы, Фома Фомич, что у него слёзы на глазах показались, когда он заговорил о крестовых походах и сравнивал с ними эту теперешнюю войну...

— Меткое сравнение! Очень меткое! — согласился Фома Фомич. — Вам, Андрей Ильич, как историку, оно должно было показаться особенно удачным. В самом деле, не то же ли воодушевление господствует теперь в народе, как и в то время, когда Пётр Амьенский и Валь тёр Голяк подняли в первый раз Европу на неверных?

— Да, да! Тот же пыл, то же воодушевление... Отцам же жаль идущих на смерть детей...

— А дети, — подхватил Фома Фомич, — не жалеют своих молодых жизней ради дела, которое они считают святым... Вспомните, Андрей Ильич, Рождественцева... Такой чудо-мальчик, лучший ученик гимназии... И

что же?

— Бросил всё и ушёл простым солдатом в войско... Кстати, что с ним?

Фома Фомич Лукомцев и Андрей Ильич Поспелов были учителя местной гимназии. Город же Энск был родиной Сергея Рождественцева. В этот праздничный день настоятель собора отец Пётр Гранитов, воспользовавшись пришедшим известием о взрыве под Браиловым турецкого броненосца «Лютфи-Джелиля», произнёс за литургией слово, в котором высказал свои мысли о значении начавшейся войны и сравнил её с крестовыми по ходами, когда воодушевлённая пламенной проповедью аскета вся Европа, как один человек, поднялась против сарацин, владевших Палестиной и «державших в плену» Гроб Господень.

— И теперь, как в те далёкие времена, — говорил отец Пётр, — поднялся русский народ на защиту угнетённых своих братий по крови и святой вере православной. Нет, правда, знака на раменах христолюбивых воинов наших, ярко говорящего об их чувствах. Но зачем внешние знаки, когда крест, великий символ

братской любви и христианской победы над злом, глубоко запечатлелся в сердце каждого русского воина? На великую жертву пошли русские солдаты. Нет более любви той, если кто положил душу свою за други своя. И понесло русское воинство великую свою любовь... пошло оно, дабы кровью своей запечатлеть любовь свою. Но они, наши христолюбивые воины, — там, у берегов далёкого Дуная. Мы же здесь, в недрах нашей Руси, должны также ратовать против врага, как ратуют против него они там. Мы здесь должны облегчить им подвиг их. Они, страждущие и обременённые, да знают о том, что бьются любовью к ним сердца всей России и нет русского, который не возносил бы за них свои молитвы перед Создателем о спасении их, о сохранении и облегчении и даровании им на врага одоления. Милостив Творец-Вседержитель, услышит и снизойдёт Он на смиренные молитвы наши, и дарует Он победы благоверному Императору нашему Александру Николаевичу. Помолимся же, братья и сёстры во Христе, о ниспослании свыше на супостата одоления христолюбивым воинам нашим.

Говорил своё слово отец Пётр несколько дрожащим голосом. Видимо, он волновался, и его волнение невольно передавалось слушателям. Все они находились ещё под впечатлением первой прогремевшей на весь мир русской победы. Имена Самойло и Романова вместе с названием взорванного ими турецкого броненосца облетели уже всю Россию. Из Малой Азии каждый день приходили известия о стычках русских с турками и о постоянных, хотя и мелких ещё, победах наших над врагом. А сколько сердец дрожало при мысли о своих близких, ушедших на войну! Много-много в Энске было семей, откуда сыновья, братья, отцы ушли под русские знамёна, и разве мог кто поручиться за то, что каждого из них не настигла уже беспощадная смерть на полях брани...

Простое безыскусственное слово священнослужителя произвело гораздо большее впечатление, чем произвело бы в эти мгновения пламенное красноречие любого витии. Простота всегда скорее всякой выспренности находит путь к человеческому сердцу. В слове отца Петра был только призыв к молитве, и в

то же самое время этот призыв проникал в душу, будил сердца, заставлял каждого вдумываться в смысл свершавшихся событий. И дорог был всем слушателям скромного священнослужителя этот призыв. Ведь к горнему святому не могло быть примешано ничего земного. Поэтому-то только молитва одна казалась уместной в то время, когда вспоминалось дело, которое все русские люди считали святым...

Фома Фомич ничего не ответил Поспелову на его вопрос о Рождественцеве. Он всё ещё вспоминал слово протопопа и продолжал восхищаться его сравнением начавшейся войны с крестовыми походами.

— Нет, вы только подумайте, Андрей Ильич, как метко охарактеризовал отец Пётр эту войну! — восклицал он. — И не замечаете ли вы сходства в этом случае в деталях? Вы подумайте, какой порыв овладел всей Россией, какой подъём духа царствует в русском обществе! В самом деле, прав отец Пётр, нет у русского солдата красного креста на плечах — в сердце у него да и у каждого из нас этот крест...

— И у этого русского крестового похода, — добавил Андрей Ильич, — есть свой Пётр Амьенский!..

— Да, да! Иван Сергеевич Аксаков! Это он разбудил русское общество, он поднял его на великие подвиги! Что за человек, что за сердце!.. Кстати, — прервал вдруг свою речь Лукомцев, — вы спрашивали о Рождественцеве... Вон идёт его мать. Подойдём к ней... Может быть, она получила от него письмо...

От паперти собора вместе с отцом Петром прямо на Лукомцева и Поспелова шла маленького роста старушка с добрым морщинистым лицом, на котором так и разлита была тайная скорбь. Это была Марья Даниловна Рождественцева, матушка юного воина. В Энске все её знали и любили за редкую доброту. Много уже лет она жила в этом городе. Здесь она овдовела, здесь умерли её старшие дети, отсюда же ушёл на берега Дуная и её последний сын Серёжа, вся надежда её жизни, радость её последних дней. Рождественцева была небогата, но средства, оставленные покойным мужем, не только позволяли ей жить безбедно, но даже и помогать по мере сил бед-

някам. Всякий, знавший Марью Даниловну, если только случалось у него какое-либо горе, когда приходила беда, сейчас же спешил к доброй старушке, и никто не уходил от неё, по крайней мере, без слова сердечного утешения. Теперь же, когда она отпустила на войну своего единственного сына, отпустила без слёз и без ропота, все в Энске наперебой спешили выказать ей всякие внимание и расположение.

Отец Пётр ещё издали раскланивался с Лукомцевым и Поспеловым.

— Ко мне, прошу ко мне, други мои! — пригласил он. — На горячий пирог! Прошу пойти всенепременно... Наша добрейшая Марья Даниловна получила пространное письмо от своего юного воителя и обещала поделиться с нами его новостями!

— Судя по этому сообщению, — сказал Лукомцев, здороваясь с Марьей Даниловной, — всё обстоит благополучно...

— Благодарю вас! — ответила старушка. — Пока дурных вестей, слава Богу, нет. Серёжа пишет, что он вполне здоров и очень доволен своей жизнью.

— И слава Богу! И слава Богу! — воскликнул Поспелов. — Он у вас такой славный юноша!..

— Поговорим, друзья мои, обо всём этом у меня, — вмешался отец Пётр. — Прошу поторопиться. Моя матушка осердится, если остынет пирог...

Дом отца Гранитова стоял недалеко. Когда все четверо пришли в его квартиру, там уже ожидали несколько гостей. Семейство отца Петра было невелико: он, его супруга, дочь Катя, кончавшая гимназию, и только что выпущенный из семинарии сын Николай. Все они были налицо. Поджидали только хозяина да старушку Рождественцеву, о письме которой, полученном от её сына, было уже известно всем сошедшимся здесь.

— Разговоры потом! — объявил отец Пётр тоном, не терпящим возражений. — А пока прошу, друзья мои, угоститься, чем Бог послал...

Он радушным жестом пригласил всех к столу, уставленному всевозможными закусками. Супруга отца Петра совсем завладела Марьей Даниловной и увела её к гостям. Пока

утоляли первый голод, разговоров не было слышно, но как только заморили червячка, все разом и заговорили. У всех на языке было одно — война.

— Великое время переживаем мы! — говорил отец Пётр. — Этакий ведь подъём духа замечается!.. Пожалуй, с самого Наполеона ничего подобного не было...

— Правда, правда! — соглашались с ним. — Даже в Крымскую войну ничего такого не замечалось.

— А знаете, почему это так? — спросил Лукомцев, выждав время, когда все несколько стихли.

— Почему же? Скажите, Фома Фомич! — раздались голоса.

— Да потому, что вот этой самой войной, которая началась по желанию всего русского народа, Россия, так сказать, держит экзамен на аттестат зрелости.

— Ну уж хорош экзамен! — махнул рукой отец Пётр. — Ведь ужасы-то какие, верно, творятся и будут ещё твориться! Страшное дело — война.

— Погодите, погодите, отец Пётр! — оста-

новил хозяина один из гостей. — Пусть Фома Фомич выскажется... Я как будто понимаю его оригинальную мысль... Эта война — первая после отмены крепостного права... Не так ли, Фома Фомич?

— Именно так! — кивнул Лукомцев. — Крымской войной Русь наша как бы вступала на новую дорогу. Там боролась за самое себя старая, можно сказать, Петровская ещё Русь. И эта старая Русь уже не могла победить врага, она только с честью вышла из тяжелейшей борьбы. Но нот с высоты престола раздались великие, дивные слова Манифеста 19 февраля, и тотчас после них старая Петровская Русь сменилась новой — Александровской... Ведь наш монарх своими святыми словами призвал к жизни в России свободный труд. Он вспомнил, что его наставник и воспитатель, славный русский поэт Жуковский, ещё над колыбелью его пел, что он на «чреде своей великой не забудет святейшего из званий «человек»... И он вспомнил, наш родимый, и даровал русскому народу все права свободного человека. Труд русских людей стал свободным; широкая дорога в жизни от-

крылась каждому способному, и, заметьте, ведь всего с годом только пятнадцать лет прошло с великого дня 19 февраля, и Россия уже ощутила в себе такие мощные силы, что вся, как один человек, выступила теперь перед своим освободителем. Его она благодарит этой войной, в которой непременно должна выказаться вся мощь русского свободного духа. Своим порывом, охватившим всё русское общество, всех русских людей, указывает Россия обожаемому монарху, какие величайшие блага принесли простому народу его реформы. Наконец, этой войной, начатой не ради каких-то корыстных побуждений, а во имя христианской любви, вся Россия лицом показывает себя удивлённой Европе: разумейте, дескать, языцы, какие мы стали теперь — после шестнадцати только лет свободного труда; не прежние мы: мы многого достойны, узнайте же нас и поглядите, каковы мы стали. В двенадцатом году вы «дванадесять языков» явились к нам и ушли от нас сказать пословицей «очень солоно похлебавши»; в пятьдесят четвёртом вы опять пришли и застали нас врасплох, но теперь этого уже не будет,

потому что новая — Александровская — Россия, освобождённая и переустроенная, выросла за шестнадцать всего лет и ещё с большим, чем прежде, основанием может сказать urbi et orbi: «Мы — русские! И с нами Бог!».

— Аминь! — завершил речь Лукомцева отец Пётр. — Пожалуй, если так судить, вы и правы, Фома Фомич. Только дай-то Господи, чтобы с честью выдержала Россия этот свой экзамен! А действительно, поднявшись на дело освобождения балканских христиан, она словно этим самым благодарит своего монарха-освободителя за все его реформы. К его венцу присоединятся новые лавры... Именно, именно! Это — экзамен для России; это — её благодарность царю-освободителю; иначе никогда бы не было такого подъёма духа, какой мы наблюдаем теперь. Мало ли бывало войн? Общество холодно относилось к ним. О войне с теми же турками в 1828 году вот никто и не вспоминает теперь...

— А ведь это тоже была освободительная война! — заметил Поспелов. — Тогда Россия вступилась за свободу греков, бывших в том же положении, что и балканские славяне.

— Вот, вот! А теперь поглядите, что делается!

— Мне из Петербурга пишут, что там, — вставил своё слово протодиакон отец Фёдор, — не редкость в эти дни увидеть на Невском проспекте или в Гостином дворе важную какую-нибудь даму или высокопоставленного кавалера с кружкой или блюдом...

— Что же, пожертвования собирают?

— Да. «На ратное дело»!.. Когда такое бывало! Да никогда! И дают православные!.. Последние трудовые копейки жертвуют, не жалеют...

— А пензенский-то предводитель дворянства... Это когда бывало?..

Пензенский губернский предводитель дворянства В. И. Охотников, едва только началась война, вступил простым рядовым в войска действующей армии, покинув видное место, почётное положение в обществе, блестящую обстановку...

Когда гости отца Петра вспомнили о нём, то сейчас же все взоры обратились к старушке Рождественцевой. Послышались просьбы прочесть письмо сына. Но в это время матуш-

ка пригласила всех к обеденному столу.

За обедом все разговоры только и касались что войны. Говорили о пребывании Государя в Москве, о его речи, обращённой к московскому дворянству, о массе всеподданнейших адресов, поднесённых Государю дворянскими собраниями и земствами. Наиболее осведомлённые сообщили о манифесте черногорского князя, призвавшего народ «на путь смерти, славы и победы» и объявившего наступавшее для Черногории время «днём судным, днём перерождения всего народа, когда из древних могил черногорских героев должна восстать святая народная свобода». Вспомнили, что Болгарский центральный комитет, призывая болгарский народ на борьбу, восклицал в своём воззвании: «Болгары, вперёд! С нами Бог и наши русские братья», а новый же греческий комитет в турецких провинциях, обращаясь к эллинам, громко объявил, что для них существует «смерть или свобода».

VI
ПИСЬМО

К концу обеда общее нетерпение достигло крайних пределов. Дорога была всем русским людям каждая живая весть, приходившая с поля брани. Газетные корреспонденции и телеграммы казались в сравнении с письмами менее интересными уже хотя бы потому, что в них всё-таки была значительная доля выспренной напыщенности, да и быть в них не могло таких подробностей, какие всегда содержали в себе частные письма.

Отец Пётр, исполнив долг радушного хлебосольного хозяина, решил, что теперь настала пора удовлетворить и любопытство своих гостей. Марья Даниловна уже передала ему письмо сына, и он, когда подан был кофе, надел очки, откашлялся и громко сказал:

— Ну-с, приступим!..

Он начал читать громко, внятно, как бы отчеканивая каждое слово. Все в небольшой зальце так и замерли, стараясь не пропустить ни одного выражения, ни одной подробности. Для гостей отца Петра это письмо имело особенный интерес. Все они хорошо знали Сергея Рождественцева; многие помнили его ребёнком. Лукомцев и Поспелов, да и сам отец Пётр, бывший законоучителем в местной гимназии, восемь лет видели его изо дня в день; на их глазах развивался этот мальчик в юношу, создавался его характер; на их же глазах Сергеем овладел мощный порыв, приведший его, лучшего ученика гимназии, простым солдатом в ряды русских войск. А Марье Даниловне и говорить было нечего; она уже наизусть знала письмо сына, но это не мешало ей жадно вслушиваться теперь в каждое его слово...

«Милая дорогая матушка, — писал Сергей, — чувствую я, что много виноват перед тобой; слишком редко стал я писать тебе, но не меня вини в этом. Наша дивизия находится в постоянном передвижении. Переходим с

места на место по Румынии, и положительно в это время не выдавалось свободного часа присесть за письмо к родимой моей старушке. Писать же урывками не хотелось. Столь много совершается перед глазами событий, столь много новых впечатлений переиспытано, что для рассказа о них требуется время и время. Теперь мы как будто стали на одном месте, надолго ли — не знаю. Дальше идти некуда; перед нами Дунай, а за ним на другом берегу турки. Но прежде чем рассказывать тебе обо всём, что здесь происходило, спешу я тебя успокоить. Я, слава Богу, совершенно здоров. Скажу более: несмотря на все лишения и напасти, которые пришлось мне перенести во время походов, моё здоровье окрепло, закалилось. В молодце-солдате, каким, не хвастаясь, скажу, успел я стать, никогда бы ты, матушка, не узнала своего слабенького, хилого гимназистика Серёжу. Чувствую я, что даже физически сильным становлюсь: мускулы сами собой развиваются, и прежнюю мою хилость как рукой сняло! Ем я так, что мне теперь пятка прежних обедов на один раз мало. Когда это бывало, чтобы я гречневую кашу

ел? Разве со сливками, как лакомство только, а теперь мне её только подавай. Удастся если приправить топлёным говяжьим жиром — ладно, а нет его, так щами пустыми польёшь да и ешь так, что за ушами трещит. Прежде, мамочка, я и от сладенькой булочки отворачивался, а теперь только бы чёрствых солдатских сухарей побольше; размочишь их и за милую душу сжуёшь!»

— Здорово! — прервал чтение отец Пётр. — Вот оно как! Каша без масла да чёрствые сухари!

— Просто, Марья Даниловна, удивляться нужно этой перемене! — заметил Лукомцев. — Я бледным, зелёным, простите за выражение, чахлым юношей помню Сергея, а теперь...

— Всё воздух и постоянный моцион, естественная, так сказать, гимнастика, укрепляющая юное тело, — перебил Фому Фомича отец Пётр и прибавил: — Однако будем продолжать наше чтение...

«Теперь, родная моя, когда ты успокоилась за меня, прочитав эти мои строки, постараюсь рассказать тебе о нашем житье-бытье и

прежде всего передать тебе одну трогательную сцену, которая умиляет теперь многие наши солдатские сердца. Я писал тебе о посещении Великим князем главнокомандующим Галаца, Браилова и Рени, где он осматривал только что возведённые нашими сапёрами береговые батареи. Тогда ещё турки жестоко обстреливали со своих броненосцев великокняжеский поезд, приближавшийся к Браилову. Так вот, Великий князь, когда прибыл в Рени, был встречен полками «отцом и сыном». Это Камчатский и Путивльский пехотные полки. Первый из них покрыл себя под Севастополем славой, и из остатков его был потом организован Путивльский полк. Когда наступила война, оба полка совершенно случайно встретились в одном пункте. Так у нас и говорили, что сошёлся «отец» с «сыном». Это же выразил и Великий князь главнокомандующий, сказав в Рени путивльцам, что «отцы и дети поддержат славу своих дедов». Не трогательна ли, матушка, эта встреча! Камчатский полк, славный «отец», кровью своей отстаивавший достояние своей матери России, когда теперь гремит военная

гроза, предстал перед своим августейшим вождём бок о бок со своим «сыном», как бы направляя его по пути к новым славным победам. Не знаю, как других, а меня эти «отец» и «сын» привели в глубокое умиление...

Теперь буду рассказывать далее... Не дано человеку исполнить всего так, как он предполагает. Маршруты, по которым должны были двигаться к Румынии наши войска, чуть не с первого же дня все перепутались, и всякая правильность в передвижении нарушилась. Главной причиной этого следует считать весенний разлив вод в самом Дунае и во впадающих в него реках — Пруте, Серете, Яломице, Арджисе и выше их — Веде, Ольте и Жмуле. В бассейнах этих рек все низины или под водой, или обратились в непроходимые топи. Вода размывает железнодорожные насыпи, сносит мосты. Под Слатином 11 мая она снесла мост как раз тогда, когда проходил по нему, к счастью, пустой поезд. Дня через три у станции Бикеу на галацкой линии потерпел крушение поезд, шедший с артиллеристами 31-й бригады. Четверо из них погибли, пятеро были ранены да перепорчены и переломаны

артиллерийские повозки. Сначала думали, нет ли тут какого-либо злого умысла, но следствие, которое приказал произвести главнокомандующий, ничего подобного не выяснило. Итак, на железные дороги надежда плохая; приходится «ломать поход», как говорят мои товарищи-солдатики, пехтурой. Впрочем, что бы то ни было, какие бы препятствия ни ставила нам природа, а мы всё-таки делаем своё дело. Весь левый берег Дуная, от устьев его до реки Ольты, занят нашими войсками. Далее до Калафата стоят румыны, и турки уже теперь не смеют показаться из-за своих стен и из окопов на правом берегу. Да и странные они какие-то! Они воюют как будто нехотя. Словно они не своё отечество защищают, а делают насильно навязанное им дело. Видно, чувствуют они всю свою неправоту, даже несмотря на манифест своего султана, который весьма пространно убеждал, что русские неправы и что мы будто бы заступаемся за мятежников...

Мятежники! Матушка моя родная! Сердце моё обливается кровью, когда мне вспоминается недавно происшедший на том берегу

ужас... Кровь закипает ключом. Так бы, кажется, и кинулся на этих извергов, этих лютых зверей, портящих образ человеческий. Слушай, матушка... У турок есть особый род войска — башибузуки, что означает по-нашему «сорвиголовы». Это нечто вроде иррегулярной пехоты, как бы наши казаки, но только пешие. Если бы можно было сравнивать с чем башибузуков, то они более всего походили бы на наших пластунов. Но пластуны — честные воины, а башибузуки — отребье человеческое, бешеные звери... Недавно к нам явился болгарин, каким-то чудом успевший переправиться с турецкого берега на наш. Так вот он рассказывал... Башибузуки напали на болгарскую деревню. Селяне кинулись бежать. Одна женщина собрала ребятишек, всех, какие были, и укрылась с ними в сарае, в надежде, что изверги эти, погнавшись за беглецами, не обратят внимания на сарай, где она спряталась с детьми. Так оно и вышло... Вся шайка кинулась преследовать бегущих, но почему-то один из этих негодяев остался в селении. Бродя из хижины в хижину, он набрёл на сарай, где спрятались дети... Матуш-

ка!.. Он всех их перерезал... всех!., брал каждого малютку и на глазах других перехватывал горло... Матушка, пойми, всех... от первого до последнего... всех, как одного... И женщину он тоже зарезал... Матушка! Знаешь, сколько этот бешеный изверг уничтожил жизней? Сорок... самый старший был шести лет... сорок ребятишек погибли от его руки, и сорок первой была спасавшая их болгарка[35]... Зачем, зачем?.. И небо не обрушилось на этого зверя...»

Отец Пётр в волнении отложил письмо Рождественцева.

— Фу ты! — воскликнул он, отирая выступивший на лбу холодный пот. — Лучше бы, Марья Даниловна, ваш Серёжа не писал этого... Дрожь пробирает... Сорок невинных душ... как баранов каких...

Обыкновенно кроткий, отец Пётр весь даже покраснел от прилива гнева. Все кругом молчали. По лицам дам, слушавших письмо, катились слёзы. Катя не могла сдержаться и громко рыдала.

— Продолжайте, батюшка, — как-то глухо проговорил Лукомцев. — Может быть, далее в

письме этом будет что-либо более отрадное, более утешительное...

— Надо отслужить панихидку, помянуть мучеников, — высказался отец Фёдор.

— Завтра же, отец, завтра! — поддержал отец Пётр. — В райские селения приняты бедняжечки и к лику ангельскому сопричислены за мученическую кончину свою в сём мире, а панихидку отслужить по ним непременно нужно... безымённую хотя бы...

Он снова взялся за письмо и продолжил чтение.

«Когда мой сосед по фронту, Фирсов, — писал Рождественцев, — простой русский человек с голубиной, незлобивой душой, пожалуй, и на муху никогда не сердившийся, прознал об этом ужасе, так он в ярость пришёл. «Ужо погодите вы, бритолобые нехристи! — говорил он тогда. — Дорвусь я до вас!.. Как перед Истинным говорю, никому спуску не дам!..» С тех пор любимым его занятием стало в свободное время затачивать штыки. Свои наострил, как только это можно было, и у товарищей брал да затачивал. Да что, матушка, мой порядочно-таки легкомысленный, ни над чем

не задумывающийся, всегда весёлый товарищ, известный уже тебе Алёша Коралов, и тот взгрустнул и озлился — да, пожалуй, ещё пуще Фирсова. Вот как пронял наши сердца, наши души этот ужас.

Но довольно его!.. Близка расплата за все преступления. Дорого поплатятся турки за все свои злодейства... Впрочем, турецкие солдаты далеко не такие звери. Они такие же воины, как и мы. Неистовствуют и злодействуют башибузуки и черкесы. Но как бы то ни было, а позор их преступлений целиком ложится на Турцию.

Не раз мне приходилось видеть этих извергов — жалкое они производят впечатление, когда попадаются в плен. Наша дивизия из Галаца была переведена к Бухаресту, и там мы занимали квартиры. Для работ на берегу Дуная из наших Волынского и Минского полков назначались роты в помощь сапёрам. И мне приходилось бывать на этих работах. Там-то я и увидел этих зверей. Наши казаки частенько переправляются на ту сторону Дуная и обшаривают берег. Башибузуки то и дело попадаются им, и молодцы с торжеством

приводят своих пленников к начальству... Что за отвратительно-зверские лица у этих людей!.. Большинство их — низколобые, скуластые, с приплюснутыми носами. Во взглядах нет ничего напоминающего человека; положительно ничего, кроме чисто животных побуждений, не выражают их глаза. Нет, выражают: явную трусливость, страх за жизнь, муки голода... И с такими жалкими воинами Турция думает противиться нам... Безумное ослепление!

Зато наши!.. Душа радуется, когда гляжу на них. Честь начать славные подвиги на Дунае выпала на долю наших моряков. Первые Георгии также пришлись на их долю. Если не соскучились, матушка, так я расскажу вам здесь о славном деле, которое навсегда останется в памяти русских людей. Я говорю о подвиге лейтенантов Фёдора Васильевича Дубасова и Александра Павловича Шестакова...»

— Ага! — перебил отца Петра один из слушателей. — Это про взорвавших «Хивзи-Рахмана».

— Броненосец «Сельфи»! — поправил его, однако, другой гость.

— Нет, везде «Хивзи-Рахман»... Как, батюшка, называется броненосец в письме?

— Сергей Васильевич называет его «Хивзиль-Рахман», — ответил отец Пётр, заглянув в письмо. — Так он пусть будет именоваться и между нами...

Почтенный старец, видимо, утомился чтением. Он положил письмо перед собой на стол, снял очки, положил их рядом с письмом и, обведя глазами своих гостей, произнёс:

— Вот здесь мы прочли краткое изложение первых движений наших победоносных войск. Позволю себе выразить глубокое своё убеждение, что война эта не будет продолжительной, и славный мир скоро будет нами заключён в стенах древнего Царьграда.

— Да, если только турки не расставят нам ловушки! — как-то особенно мрачно заметил Андрей Ильич.

Все в изумлении поглядели на него.

— О какой это ловушке говорите вы, почтеннейший Андрей Ильич? — спросил Поспелова, не скрывая своего удивления, отец Фёдор. — Что вы! Господь с вами!

— Нет, я, конечно, как и все мы, желаю,

чтобы эта война, которую наш Фома Фомич назвал экзаменом для России, кончилась и скоро, и славно, но всё-таки странной представляется эта непостижимая вялость, безынициативность турок. Оставим разговор о башибузуках и черкесах. У них есть ещё более дикие зеибеки, которым, действительно, чужды всякие человеческие чувства. Но свирепые дикари есть и у нас... Башкиры да калмыки нисколько не лучше...

— Оставьте, оставьте! — замахал на него руками отец Пётр. — Пусть эти инородцы и дикари, но у России есть достаточно сил обуздать их свирепость... а Блистательная Порта, очевидно, держит этих палачей нарочито, чтобы вырезывать людей... и сорок младенцев перерезал один только...

— А зачем их отцы, братья не защитили их? Они бросились бежать, спасая свою жизнь? Они сами оставили свою детвору палачам... Да не в этом дело. Раз война, так чувствительность неуместна, потому что всякая война сама по себе жесточайшее дело, какими бы она высокими побуждениями ни вызывалась. Меня, как доброго патриота, настора-

живает положительно странное поведение турок.

Говоря это, Андрей Ильич волновался. Голос его то и дело дрожал и срывался.

— Что же странного в их поведении? — вскинул брови отец Фёдор. — Они видят заранее, что дело их проиграно, вот у них и опустились руки...

— Хорошо, если бы так! Но я вам скажу, что турки — народ храбрый, ни перед какой борьбой не отступающий. К смерти земной они питают презрение, потому что уверены, что в будущей жизни их ждёт блаженство Магометова рая. Вся история турок служит доказательством тому... Да, наконец, наше внимание устремлено на Дунай, а ведь война идёт и в Малой Азии.

— Что же! Разве не взяли там боем Ардаган? Разве не осаждён Карс?

— Да, но зато турки заставили отступать рионский отряд. Тергукасов со своим эриванским отрядом едва-едва отбился от Мухтара-пащи. Почему же это в Малой Азии турки достойные русских противники, а на Дунае они вялые, дряблые, и если палят из своих пу-

шек, то как будто лишь для очистки совести. Что это может значить?

— А вы что думаете? — проявили за столом интерес.

— А то я думаю, что в Отечественную войну Кутузов победил Наполеона не на поле битвы, а заманив его искусными передвижениями в глубину страны и окружив там его уставшие полчища свежими русскими полками, только и знавшими до того, что отступать перед надвигавшимся грозной тучей неприятелем...

— Нехорошо так думать, Андрей Ильич! — довольно сурово сказал отец Пётр, надевая очки. — Будущее в руках Божьих... Русь за святое дело, за Божье дело поднялась, и не след пророчить ей поражение на святом её пути...

— Да я и не говорю о поражении! — заметно сконфузился Поспелов. — Я уверен в полной победе, но боюсь только, что победы окажутся не так легки, как казалось сперва, и обойдутся нам значительно дороже, чем мы ожидали.

— Не нужно говорить о будущем, — прохладно произнёс отец Пётр. — Оно, уже ска-

зал я, всецело в руках Божьих... Итак, друзья мои, послушаем далее, что рассказывает нам наш молодой воин.

Он взялся за письмо. Все гости молчали, с укоризной поглядывая на окончательно сконфузившегося Андрея Ильича. Его мрачные предсказания угнетающе подействовали на всех этих отдавшихся патриотическому восторгу людей, и только последующее чтение письма несколько рассеяло внезапно овладевшее было всеми гнетущее настроение.

Рождественцев рассказывал о бое паровых катеров «Царевича», «Ксении», «Джигита» и «Царевны» с турецким броненосным корветом «Хивзиль-Рахман», военным пароходом «Килиджи-Али» и монитором «Фетх-Уль-Ислам», спрятавшимися в Мачинском рукаве и мешавшими русским морякам ставить минные заграждения на нижнем Дунае. Сам по себе этот бой, точно так же, как и последующие, не совсем удачные нападения на турецкие броненосцы катера «Шутка» с лейтенантом Скрыдловым и миноносных катеров с парохода «Константин», является свидетельством величественной мощи русского духа и

беспримерной храбрости русских моряков. На маленьких лодках кидались они на плавучие крепости и, осыпаемые свинцовым градом, не отходили до тех пор, пока или им не удавалось их до дерзости смелое дело, или не испробовано было всё, чтобы исполнить его. Конечно, нельзя было требовать постоянной удачи. Лейтенант Пущин с «Константина» попался со своими матросами в плен; лейтенант Скрыдлов Николай Илларионович был тяжело ранен, но зато подвиг Дубасова, Шестакова и Петрова навсегда останется памятным в истории возрождавшегося заново, как Феникс из пепла своего, русского Черноморского флота.

VII
ПОДВИГИ МОРЯКОВ

Был двенадцатый час ночи на 14 мая. Ночная темнота окутывала собой и Браилов, и Дунай, и берега. Шёл проливной дождь. Словно целое море вдруг опрокинулось над низовьем славянской реки. В такую непогодь, по пословице, добрый хозяин собаки не выгнал бы из дома, а между тем у браиловской пристани заметны были люди, копошившиеся возле утлых судёнышек, стоявших под разведёнными парами.

Тут были: начальник браиловского отряда генерал Салов; начальник Нижне-Дунайской флотилии капитан l-го ранга Рогуля[36]; командиры уходивших на врага катеров лейтенанты Дубасов и Шестаков; мичмана Персии и Баль; и отправлявшиеся вместе со смельча-

ками в их опасное предприятие в качестве охотников лейтенант Петров и майор румынской морской службы Муржеско. На самой пристани небольшими группами стояли матросы гвардейского экипажа. Тихие разговоры велись между ними в ожидании, пока офицеры не покончат с последними распоряжениями.

— Ловкое дело задумано! — говорил старый черноморский матрос Кислов, бывший рулевым на катере «Царевич». — Ежели не удастся ничего уничтожить, всё-таки турку до смерти перепугаем...

— Ну вот, не удастся! — возразил ему рулевой с «Ксении». — У вас этакий, можно сказать, всем минёрам минёр Лексий Ботин да и наш Васютка Стенин вашему, кажись, не уступит. Оба — учёные, напрактикованные, по экзамену в минёры вышли. Да и командиры у нас — огонь!

— Всё, милый друг, так, а всё-таки на лодчонках против таких махин идти...

— Ну закаркал! Тебе, Кислов, старому матросу, совсем не так говорить нужно...

— Да я что ж! — оправдывался Кислов. —

Я-то не сдам... Другие бы не сплоховали...

— Зачем плоховать? А «Джигит» с «Царевной» в резерве зачем?.. Нас ежели турки на дно к рыбам пустят, так товарищи дело непременно завершат... Их благородия, мичман Персии да мичман Баль, тоже своё дело туго знают... Только бы турки подпустили нас поближе!

— Отчего им не подпустить! Верно, спят все крепким сном, а мы к ним в гости — как снег на голову.

— Где спать? Им со страху не до сна... Помнят, как мы заграждения ставили!

Тихий смех раздался в группе матросиков. Они вспомнили, как накануне напугали турок, ставя поперёк устья Мачинского рукава мнимые минные заграждения. У Дубасова и Шестакова не хватило мин утром 12 мая, а между тем по Дунаю со стороны Чирсова спускались три турецких судна. Моряки пустились на хитрость. В виду турок они принялись опускать в воду вместо мин наполненные песком вёдра и бочонки, вытаскивая их с противоположного борта обратно на свои катера. Хитрость удалась. Турецкие суда, быв-

шие всего в шестистах саженей от русских минёров, не только не мешали этой работе, но даже поспешили уйти с линии мнимого минного заграждения.

Теперь матросики, вспомнив об этой удачной проделке, не могли удержаться от смеха.

— Смирно! — раздалась команда.

Подходили начальники катеров и отправлявшиеся с ними охотники-офицеры.

— С Богом! — раздавались в темноте голоса провожавших их начальников. — Желаем заслужить Георгия!..

— Постараемся, ваше превосходительство! — последовал ответ.

— Надеюсь... Не медлите... Скоро начнёт светать... Помните, если удастся вам это дело, весь нижний Дунай окажется в нашем распоряжении... С Богом! С Богом! Возвращайтесь благополучно... Будем вас ждать...

— Прежде чем мы вернёмся, вы уже услышите о нас, ваше превосходительство!

Голоса так и замирали, заглушаемые шумом ливня.

Было четыре минуты первого, когда крошечная флотилия отвалила от браиловского

причала. Катера шли друг за другом, имея между собой двадцать саженей пространства. Шум ливня заглушал стук машин и работу винтов. Начинало уже чуть-чуть светать, когда все четыре судёнышка смело вошли в устье Мачинского рукава. В полутьме ясно вырисовывались тёмные массы стоявших на якорях неприятельских судов. В самой середине рукава стоял хорошо знакомый Браилову «Хивзиль-Рахман», последнее большое турецкое судно; правее от него к берегу виднелся «Фетх-Уль-Ислам» и, наконец, налево в полумиле стоял двухтрубный «Килиджи-Али».

Ни малейшего движения не заметно было на этих судах. Ненастье загнало команды кораблей в каюты; даже часовых не было видно. Лейтенант Дубасов целью нападения избрал именно «Хивзиль-Рахмана» как крупнейшее из трёх судов, уничтожение которого было наиболее выгодно русским. Он отдал приказание Шестакову выждать результат нападения и немедленно (в случае, если «Царевича» постигнет неудача) кинуться в атаку, а сам смело на всех парах двинулся к «Хивзиль-Рахману», направляя свой катер под ле-

вую кормовую раковину броненосца.

— Ким дыр о? Кто это? — раздался с борта корвета окрик часового.

По военному уставу турок на этот окрик подходившему надлежало ответит: «Япанджи деиль», то есть «Я — не чужеземец», но Дубасов не знал этого ответного восклицания. Ему были известны только два подходившие к случаю турецкие слова: «Сизын-адам» — «Ваш человек», но в понятном волнении лейтенант спутался и крикнул в ответ совершенно не имевшие смысла слова: «Сени-адам».

Сейчас же с броненосца грянул ружейный выстрел. Часовой понял, что подошёл неприятель, и поднял тревогу. Выстрелы раздались и с других двух турецких судов. Бдительный часовой в это время трижды пытался выстрелить из сигнальной пушки, но каждый раз следовала осечка. Этой заминкой воспользовался Дубасов и ударил «Хивзиль-Рахмана» в левый борт своей носовой миной. Громадный водяной столб взметнулся над поверхностью Дуная. Мгновение — и он, падая назад, всей массой обрушился на «Царевича»...

— Выходи из машин! — крикнул лейте-

нант Дубасов машинисту и кочегару, полагая, что его судёнышко вот-вот затонет.

— Ваше благородие! — закричал услышавший его приказание Кислов, что стоял на руле. — Мы, слава Богу, держимся! Отойти можем!..

В это время суматоха, поднявшаяся на броненосце, улеглась, и со всех трёх судов посыпался на русских удальцов град пуль и картечи.

К грому выстрелов примешивалось русское победное «ура!». «Хивзиль-Рахман» хотя и оставался ещё на поверхности реки, значительно уже осел кормой в воду... Удар не пропал даром. Требовалось теперь докончить начатое.

— Шестаков, подходи! — что было сил закричал в рупор командир «Царевича».

И сейчас же «Ксения» на всех парах, какие только могла развить её машина, ринулась на обречённый вражеский корвет.

Адский огонь не остановил смельчака. Миной управлял лейтенант Петров. Второй столб воды упёрся в небо у левого борта «Хивзиль-Рахмана». Это был уже весьма реши-

тельный удар. Броненосец начал медленно погружаться...

Вдруг крик ужаса раздался со всех четырёх русских судёнышек. Вместо того, чтобы уходить, «Ксения» осталась неподвижной у самого борта погружавшегося броненосца, с башни которого чуть не в упор стреляли по русским смельчакам из своих штуцеров турецкие стрелки. Это винт катера запутался в обломках погибавшего неприятельского судна. Приходилось освобождать его от пут под огнём с трёх сторон. И помощи от товарищей нечего было ждать. «Царевич», полный воды, едва-едва двигался задним ходом. Мичман Баль на «Царевне» спешил к нему, чтобы снять с него людей. Катер мичмана Персина получил пробоину от попавшего в его корму турецкого ядра и в то же время был залит с носа обрушившимся на него водяным столбом, поднятым тяжёлым турецким снарядом. Предоставленный собственным своим силам, Шестаков отстреливался из револьвера вместе с четырьмя матросами; остальные же и лейтенант Петров быстро выпутывали винт.

Кое-как, с величайшим трудом, удалось

отойти и «Ксении». Совсем уже рассвело. Главное было исполнено — крупнейший из остававшихся в Мачинском рукаве броненосец уже скрылся под волнами Дуная. Оставаться долее было незачем, и лейтенант Дубасов отдал приказание всем катерам отходить к Браилову...

Так русские моряки совершили подвиг, которым ознаменовалось возрождение славного Черноморского флота.

Всё, что рассказано здесь, с не меньшими подробностями было описано Рождественцевым в его письме к матери. Отец Пётр читал описание подвига моряков, не отрываясь. Слушали его все, затаив дыхание.

«Только волей всемогущего Провидения, — заканчивал Сергей своё описание боя русских катеров с турецкими броненосцами, — можно объяснить то, что все наши вышли невредимыми из неистового огня, который турки, в поспешности ли, в испуге ли, открыли по ним и поддерживали более двадцати минут».

«Мне рассказывали, — писал Рождественцев далее, — что оба отныне славные русские герои Дубасов и Шестаков были приглашены

на другой день в Плоэшти в главную квартиру, к Великому князю главнокомандующему. Там Его Высочество изволил каждому из них возложить на грудь свои собственные Георгиевские кресты и затем пригласил их вместе с их начальником, капитаном Рогулей, к себе на обед. Там главнокомандующий изволил провозгласить гост за первых георгиевских кавалеров офицерского звания в эту войну и за процветание всего русского флота.

Вот это подвиг так подвиг! Знаешь, матушка, турки и в самом деле так напугались, что более мониторы их не показывались на нижнем Дунае. Да теперь уже и всё равно... Ой, матушка родимая, кажется, скоро что-то будет! Ничего мы не знаем, в глубочайшей тайне всё сохраняется. Наш августейший главнокомандующий несколько дней осматривал берега Дуная. Есть против турецкой крепости Никополя румынское местечко Турн-Магурели. Так вот... там Великий князь держал тайный совет со своими генералами. Был на этом совете и наш дивизионный генерал Драгомиров. Что решили — тайна за семью печатями, а нас после этого передвинули в деревуш-

ку Бею, поближе к Дунаю; говорят, что не сегодня-завтра перейдём в городок Зимницу, на самый берег, против Систова. Это недаром. Вернее всего, готовится переправа. Говорят, что будет она у Никополя. Пора, давно пора! Два месяца уже мы переходим только с места на место. Время с врагами встретиться один на один. Рвёмся мы все в бой, как на радостный пир. И откуда только это! Последний наш ротный замухрышка и тот о геройских подвигах мечтает... Молись теперь, родимая, за меня, молись. Твоим святым материнским молитвам поручаю я себя. Не горюй, если судьба предназначила мне лечь на поле брани. Утешайся тогда тем, что пал твой сын за святое дело свободы. В животе же и смерти один Бог волен.

Кланяется тебе, матушка, товарищ мой Коралов. Потом помнишь ли болгарина Петко Гюрова? Давно я его не видел и не знаю, где он и что с ним. Всё не приходится так, чтобы наш полк и болгарские батальоны сходились вместе.

Ещё раз успокаиваю тебя. Живётся мне очень хорошо. Наш капитан Солонин очень-

очень добр ко мне и часто приглашает меня к себе запросто. Через это и все добры. Фельдфебель наш Рыбаков тоже бережёт меня. Короче, матушка, за меня не бойся. Мне, повторяю, хорошо.

Итак, прошу ещё раз твоего благословения и твоих молитв. Как только найду время, буду сейчас же снова писать тебе. Целую тебя, родная моя, и крепко-крепко обнимаю. Твой сын Сергей Рождественцев».

— Тут ещё есть небольшая приписка! — показал отец Пётр и прочёл: «Последняя новость. К нам в действующую армию приехал Государь Император. Передают, будто он сказал: «Сроднившись с детства со своей армией, не вытерпел и приехал делить с ней труды и радости!». Сколько тёплого чувства в этих простых словах!»

Отец Пётр, дочитав, снял очки, сложил письмо Сергея и произнёс:

— Вот, многоуважаемая Марья Даниловна, мы прочли письмо вашего воина. Благодарим вас за то, что вы поделились с нами этими весточками. Славный он у вас — ваш Серёжа! Просветлённый он, Бога не забывает и матерь

свою чтит, и многое ему пошлётся за это. От души поздравляю вас с таким сыном.

Марья Даниловна тихо плакала.

— Плачь, мать скорбящая, но и радующаяся, плачь! — воскликнул отец Фёдор. — Понятны нам всем твои материнские слёзы. Единого сына своего отдала ты на жертву, как во время оно Авраам отдал на жертву Исаака своего. И как Исаак, будет возвращён сын твой!

— Аминь! — закончил отец Пётр и продолжал: — Итак, господа, друзья мои, из сего письма явствует, что, собственно говоря, на дунайском театре война фактически ещё не началась. Пока идут лишь приготовления к решительному удару.

— Вот именно! — отозвался Лукомцев. — Судя по всему, наши перейдут Дунай, ударят на Балканы, а там уже и рукой подать до Константинополя.

— Можно ожидать, что к осени всё будет кончено, — заметил его сосед.

— Давай то Бог, чтобы так было! — воскликнула Марья Даниловна. — Хорошо всё это, утешаете вы, добрые мои, меня, а серд-

це-то материнское знать ничего не хочет — так вот на части и рвётся... Да и одно ли моё сердце! Наверное, десятки, а то и сотни тысяч материнских сердец вот точно так же рвутся и беспокоятся. Ни минуточки нет облегчения от тоски. Постоянно одни и те же мысли: что-то с ним, как-то он! Жив ли, не подвернулся ли под злодейку-пулю?

— Никто, как Бог, Марья Даниловна! На Него уповайте! — наставительно сказал отец Пётр.

Он хотел ещё что-то прибавить в утешение скорбящей матери, но как раз в это время в зал вбежал весь запыхавшийся от быстрой ходьбы соборный причетник.

— Батюшка! Отец протопоп! — задыхаясь и едва выговаривая слова, начал он. — В собор с отцом Фёдором как можно скорей извольте пожаловать.

— Что такое? Зачем?

Все всполошились, повставали со своих мест, ожидая ответа.

— Его высокопреосвященство прислал сказать... Телеграмма получена... Новая победа... Наши перешли Дунай у Галаца... Благодар-

ственное молебствие, губернатор, голова — все в соборе сейчас будут...

Отец Пётр с секунду молчал, как бы поражённый этим известием, потом, обратившись в передний угол к божнице, дрожащим от волнения голосом произнёс:

— Господи! Помяни павших на поле брани во царствии Твоём!

VIII
НА ПОХОДЕ

есь белеет полотном бесчисленных палаток берег румынской реченьки Веде. Правильными рядами стала лагерем у деревни Бею только что стянувшаяся сюда из-под Бухареста 14-я дивизия. Все четыре её полка в полном сборе. Вот ряды палаток, занятых славными севастопольцами-волынцами, рядом их однобригадцы-минцы. Несколько поодаль

стали лагерем Подольский и Житомирский полки. Рады солдатики отдыху после долгого томительного перехода. Слышны между ними и там, и тут оживлённые разговоры, звонкий весёлый смех, а нет-нет да вдруг вспыхнет и пронесётся над лагерем удалая солдатская песня.

Около пехотинцев, но всё-таки несколько поодаль от них, пристроились на большом лугу воины, каких, пожалуй, нигде, кроме России, да и в России-то разве лишь на одном Кавказе, — не сыскать. Есть тут и молодые, и старики; все — среднего роста, горбоносые, кряжистые, мускулистые крепыши. Лето. Солнце так и жарит с высоты небесной, а молодцы все в тяжелейших меховых папахах, надетых на чубатые головы как попало: у кого на затылок, у кого совсем на левое ухо съехала, у кого низко-низко на лоб надвинулась; длиннополые их черкески на груди увешаны «хозярями»; длинные-предлинные у поясов кинжалы. Вместо обуви — мягкие кожаные пасталы, привитые к ногам онучами. Это — пластуны-кубанцы, явившиеся на берега Дуная послужить своему царю. Их здесь всего

две сотни, но эти сотни, когда нужно следить за врагом, многих иных тысяч стоят. Недаром же с суворовских времён, когда великий русский полководец устроил на Кубани «линию», то есть расположил вдоль берега этой реки особые пограничные войска, которые должны были сдерживать буйных черкесов, постоянно покрывали себя славой в бесчисленных схватках с врагами эти молодцы. Недаром же про них и поговорка сложилась, будто пластун на три сажени вглубь земли слышит и не только что глазами, даже носом вдали, что ему нужно, видит.

Чу! Издали несётся любимая солдатская песня...

Гремит слава трубой,
Мы дрались, турок, с тобой!
По горам твоим Балканским
Раздалось кругом: ура!

— У нас, круподёры, переняли! Это наши отцы да деды певали, когда дрались за Лабой на Кавказе, — ворчал старик-пластун, но всё-таки с видимым удовольствием прислуши-

вался к хорошо знакомым звукам любимой песни.

— Стрелки! Стрелки идут! — проносится с быстротой молнии по лагерю весть, и все, кто только может, высыпают к своим линиям навстречу подходящей 4-й стрелковой бригаде, «железной», как её уже стали называть в армии.

Размеренно, нога в ногу выступают один за другим четыре батальона стрелков. Их бригадный командир генерал-майор Цвецинский уже разговаривает с бригадирами 14-й дивизии генералами Иолшиным и Петрушевским; вслед за стрелками громыхают и дребезжат шестнадцать орудий двух горных батарей, за которыми тянется парковое артиллерийское отделение. Теперь весь отряд, который должен был стянуться у деревушки Бею, в сборе. Подошли уже и понтонные парки — все какие только были налицо в действующей Дунайской армии.

Сергей Рождественцев вместе с другими своими товарищами выбежал на линию встречать пришедших стрелков. Это было 12 июня. Всем в русских войсках было уже из-

вестно, что в ночь с 9 на 10 июня главные силы Нижне-Дунайского отряда под начальством генерала Жукова перешли на правый берег и заняли там после упорного боя буджакские и гарбинские высоты, а вслед за тем и крепость Мачин. Имя молоденького поручика Эльснера[37], первым из всего отряда высадившимся на турецкий берег, было у всех на устах. Говорили об отчаянном сопротивлении турок на гарбинских высотах, но вместе с тем радовались, что Добруджа теперь уже в русских руках и как-никак, а путь к Царьграду, куда так рвались русские, всё-таки отчасти был открыт.

— На низовьях перешли, теперь очередь за нами, — сказал Рождественцеву присоединившийся к нему на встрече стрелков Коралов. — Эх, поскорее бы!

Сергей взглянул на товарища.

— Куда так торопишься? — улыбаясь, спросил он.

— Как куда? Куда и все — за Дунай... Наскучило мяться на одном месте... Вот сюда мы пришли, а сколько простоим здесь — неизвестно...

— Что же, неужели ты хочешь, чтобы тебя спрашивали?

— Нет, не то! Я — солдат. И должен исполнять то, что приказывают, не рассуждая. А вообще... и обидно, и досадно...

— За что и на что?

— Да как же! Пойдём по лагерю походим до переклички... Люблю я побродить. По дороге и поговорим. Я тебе мою досаду всю выскажу.

Приятели пошли. Начинало вечереть. Весь лагерь был в движении. Ротные артельщики свозили на заднюю линию провизию на ужин. Куда хватал глаз, белели низенькие палаточки, в которых можно было только лежать, но не стоять или даже сидеть. Поставлены были палатки правильными линиями. Между рядами их всюду виделись составленные в козла ружья. Вдоль передней линии, довольно далеко за лагерь, уходила цепь часовых. В самом центре расположился под белым флагом с красным крестом санитарный обоз, окружённый палаточками санитаров. С одного фланга притянулись со своими орудиями артиллеристы. Как полагается на походе,

пушки не сняты с передков; они стояли тесно одна к другой. За ними в два ряда вытянулись зарядные ящики. Тут же у орудий были и коновязи.

Обоим приятелям хорошо была знакома эта картина, но каждый раз Сергей находил в ней что-либо новое для себя. Теперь его интересовал пластунский лагерь.

— Пойдём к пластунам! — предложил он Коралову.

— На «камаря» посмотреть хочешь? Пойдём! — согласился тот.

Идти им приходилось через весь лагерь.

— Ну так в чём же твоя обида и на что же твоя досада? — напомнил по дороге Сергей.

— Да как же, голубчик мой, не досадовать! — воскликнул друг. — В такую мы несчастливую дивизию попали, что не приведи Бог никому другому!..

— Чем же это наша дивизия несчастливая?

— Как чем? Ну вот мы здесь стоим, а прослышал я... ты ведь знаешь, я умею разузнавать новости... услышал, что нас отсюда из Бею в Зимницу на Дунай переведут.

— Радоваться нужно... Чем ближе к Дунаю,

тем скорее в бой.

— Какое! Когда-то ещё мы пороху понюхаем неизвестно. Да и придётся ли понюхать, тоже никто не знает... Постоим-постоим, да и вернёмся в Россию.

— Вряд ли!

— Уверяю тебя! Другие, кто посчастливее нас, может быть, и побывают за Дунаем, а как перейдут — вдруг турки мириться захотят, вот тогда и всё пропало. Если мир — воевать не с кем будет...

— О мире как будто и рано говорить... Война только-только начинается ещё... Через Дунай лишь в одном месте переправились. Что же, по-твоему, здесь все так и будут стоять?

7 И здесь переправятся, да только не мы, а 9-й корпус его высокопревосходительства генерал-лейтенанта барона Криденера! А мы будем себе стоять.

— Как так? Не может этого быть...

— Ну вот! Я уже знаю. Переправа будет от деревни Сяки на Никополь. Это верно. Туда стягиваются все отряды, туда и понтоны отправляют... Видишь? Что? Нашу дивизию будут держать в резерве или оставят здесь для

блокады какого-нибудь там Рущука, или Никополя, или Систова... Так мы и просидим всю войну.

Коралов говорил всё это вполне уверенным тоном. Да и не один он так говорил в Дунайской армии. Генералу Криденеру уже было в это время, хотя и под секретом, но так, что этот секрет сейчас же всюду, даже на правом берегу у турок, стал известным, было указано, что главнокомандующий решил направить 9-й корпус в голове других частей армии на крепость Никополь через переправу со стороны деревни Сяки. Только не указывался срок переправы, а обо всём остальном говорилось почти что открыто...

— Говорю: несчастливая наша дивизия! — убеждённо повторял Коралов. — Вот, думал я, война, удастся отличиться... вернусь домой в Россию... Устроюсь там... всё-таки на войне был, уважения больше... Я так решил, что без Георгия домой не вернусь.

Рождественцев покачал головой.

— О своих ли тут думать выгодах, — не без оттенка грусти в голосе произнёс он, — когда все мы пришли сюда и все пойдём на смерть

ради великой идеи.

— Так оно, миленький, всё так! — воскликнул Коралов. — Только мы — люди. Самолюбие есть у каждого из нас. Кому не лестно получить награду по заслугам... Но... смирно!

Прямо на них шли трое офицеров, оживлённо разговаривавших между собой. Вольноопределяющиеся подтянулись. Среди подходивших офицеров был один штабс-капитан Волынского полка Брянов, знавший Рождественцева ещё на школьной скамье.

— Серёжа! Куда это вы пробираетесь? — ласково спросил он, когда они поравнялись.

— К пластунам, ваше благородие! — ответил Рождественцев, держа правую руку у козырька кепки.

— Гуляете, стало быть? Ну как вы?.. Мне ваш капитан говорил, что он доволен вами.

— Рад стараться, ваше благородие! — последовал ответ.

Брянов тихо засмеялся.

— Совсем молодцом стал. Просто узнать нельзя! — сказал он. — Ящинский, Грегора-Швили! — позвал он своих спутников. — Пожалуйте-ка сюда на минуточку...

На зов подошли ушедшие было вперёд штабс-капитан и подпоручик того же Волынского полка.

— Вот, рекомендую вам сего юношу! — с улыбкой заговорил Брянов. — Единственный сын у старухи-матери, первый ученик гимназии и медальер. Вообразил себя борцом за идею славянства и, вместо университета, пошёл рядовым в роту капитана Солонина. Что скажете?

— Молодо-зелено! — сумрачно буркнул штабс-капитан Ящинский. — Мальчишество — и всё тут!

Рождественцев весь вспыхнул при этих словах, и только дисциплинированность удержала его от возражения.

— Не скажите! — отозвался подпоручик Грегора-Швили. — Тут не одно мальчишество. Это уже дух времени. Юноши проникаются идеей... Когда это было? Очень рад, молодой человек, что вижу вас... После мы покороче познакомимся...

— Идея, идея! — перебил его Ящинский. — А вот как поднимут тебя турки на штыки, так и об идее позабудешь...

— Что же! Смерть придёт — умереть сумеем! — с грустной улыбкой сказал Брянов. — Так, Серёжа?

— Так точно, ваше благородие! — ответил тот.

— Смотрите же, не осрамитесь, когда придёт время умирать... А это время близко, ох как близко!.. Будете писать матушке, поклонитесь ей от меня. Отцу Петру Гранитову также напишите поклон. Ну, идите, не стану вас задерживать... Постойте-ка, всё-таки я радуюсь, видя вас таким. Совсем молодцом вы стали: румянец во всю щёку... Матушка бы теперь и не узнала... Ну, до свидания!

Рождественцев ловко сделал пол-оборота и отошёл, держа руку у козырька.

— Славный, славный юноша! — сказал вслед ему Брянов.

— Только у этого славного юноши, — мрачно проворчал Ящинский, — мундир не по форме застегнут да волосы отросли... Лишь из-за тебя не распёк, Брянов, его, как следовало...

— Э, дружище! Послезавтра, немного позже, чем сейчас, не до формы будет...

— Так то послезавтра. А сегодня всё в порядке должно быть... А с таких, как этот твой вольноопределяющийся, вдвойне спрос должен быть: их никто не звал, сами пришли, так на поблажки нечего рассчитывать.

Брянов только рукой махнул и ничего не ответил. Ящинский заговорил с Грегора-Швили, и скоро все трое увлеклись своей беседой.

Коралов и Рождественцев, между тем, быстро шагали к лагерю пластунов. Сергей чувствовал, что слова Ящинского сильно обидели его. То, что считал он подвигом, прямо в глаза ему назвали «мальчишеством». Это выражение задело юношу за живое. Товарищ добродушно подсмеивался над ним и его огорчением.

— Вот мы им покажем «мальчишество»! — восклицал Коралов. — Только бы в бой попасть, а беленькие крестики у нас уже будут... Кровью своей заслужим их...

Сергей упорно молчал. Так Коралов и проговорил один, пока они не дошли до пластунского лагеря. Совсем ничего похожего не было здесь на лагерь пехотинцев. Ни одной палатки не виднелось вокруг. Две-три пластун-

ские бурки, накинутые на воткнутые в землю и связанные вверху палки, заменяли для этих молодцов палатку. Сами они как попало, в живописных позах разлеглись и расселись вокруг них прямо на голой земле. Кто чистил ружьё, кто портняжил, зашивая порванную одежду, кто просто с трубкой в зубах лежал и смотрел в высокое небо.

— Ишь ты русские черкесы какие! — проворчал Коралов. — Тоже вояки в лаптях!

И здесь его уже знали. Сергей только удивляться мог — когда успел его товарищ познакомиться с пластунами, только что пришедшими на сборный пункт.

— А что, дяденька, «комаря» не будет? — спросил Алексей, лукаво подмигивая, у одного из знакомцев.

Тот засмеялся.

— Проваливай, круподер! Ишь ты чего захотел! — добродушно заговорил пластун. — Будто у нас только и делов, что «комаря» играть!

— А мы было пришли, вот товарищу интересно взглянуть. Он — москаль, и никогда вашего «комаря» не видывал...

— Так приткнитесь, где хотите, может быть, кто из молодых ребят и надумает позабавиться... Товарищ-то у тебя из баринов...

— Как же! Господская косточка...

— Вот они дела-то... Митрий, а Митрий! — крикнул пластун. — Хочешь в «комаря»?

Окликнутый начал было отказываться, но несколько слов, сказанных шёпотом, убедили его. Нашёлся и третий охотник до своеобразно забавной пластунской игры, и «комарь» составился. Сейчас же около играющих собрался кружок. Все глаза с видимым любопытством следили за игрой, то одобряя более увёртливого, то зло насмехаясь над неловким.

Пластунский «комарь» состоит в том, что двое играющих становятся в некотором отдалении друг от друга. Один из них прикрывает ладонью правую щёку, другой — левую. Свободные руки они держат наотмашь. Третий играющий помещается между ними. Он складывает ладони раковиной и через неё подражает губами жужжанию комара. Держа руки у рта и жужжа, он приближается к одному из товарищей и, улучив мгновение, бьёт его по

руке, прикрывающей щёку. Товарищ должен ответить на удар ударом по папахе, но непременно только в тот момент, когда рука «комара» отведена ото рта. Много надо ловкости, чтобы поймать нужный момент и отплатить вертлявому «комару», легко перебрасывающемуся от одного играющего товарища к другому.

Мрачное настроение Рождественцева прошло при виде этих больших детей, увлёкшихся игрой до того, что казалось, будто, кроме «комаря», ничего не существует для них на свете. Прошёл их есаул, пехотинцы заметили его и сделали фронт, пластуны же даже и не увидели своего начальника. Весёлый хохот так и нёсся над их становищем. В самый разгар игры Коралов тихо дёрнул Сергея за рукав.

— Пойдём-ка, миленький! — шепнул он. — Пусть их себе стараются!

Они тихонько вышли из круга. Пластуны так и не видели их.

— Лихой народ эти бородачи! — сказал Коралов. — Ишь как разошлись!..

— Словно дети! — улыбнулся Рождествен-

цев, припоминая сияющие восторгом и увлечением густо поросшие бородами лица. — Вот интересно бы взглянуть на них в бою.

— Храбрости, говорят, они беспримерной... Однако спешим в роту, голубчик, совсем темнеет. Не опоздать бы на перекличку.

Но они вернулись как раз вовремя и благополучно успели стать на свои места. Фирсов ласково посмотрел на своего юного товарища и как бы в знак приветствия кивнул ему.

— Устал, баринок, — шепнул он ему, — а у меня новость есть. Да уж какая важная-то!

— Что такое, Степан Иванович?

— Уж скажу, но под великим секретом, чтобы никому не дохнуть... даже этому твоему приятелю господину Коралову, а то он разнесёт...

Солдат говорил это с таким таинственным видом, что в Рождественцеве вдруг загорелось любопытство.

Кончилась перекличка, за ней барабаны пробили «вечернюю зарю», пропето было «Отче наш», и солдатики правильными группами стали расходиться по палаткам.

У самой палатки Фирсов потянул Рожде-

ственцева за руку.

— Ну что у вас такое, Степан Иванович? Говорите же! — спросил нетерпеливо Сергей.

— А то, баринок мой, — торжественно, шёпотом отвечал тот, — что наша 14-я дивизия в самую первую голову за Дунай тронется. На то мы и в Зимницу идём!

— Быть этого не может! — воскликнул вне себя от изумления Сергей. — Девятый криденеровский корпус от Сяки на Никополь переправляется... Откуда вы узнали это?

— Слухом земля полнится, баринок мой милый, вот что! Его высокоблагородия полковника Якубовского, нашего дивизионного штаба начальника, денщик мне кумом приходится, а тот с денщиком его превосходительства начальника 3-й сапёрной бригады генерала-майора Рихтера закадычный приятель... Они-то уже все знают... Так вот, они ко мне приходили и рассказывали. Слышь ты, наш дивизионный Михайло Иванович Драгомиров всей переправой командовать будет... вот оно как!.. Только ты потерпи — никому ни словечка. Я и тебе, баринок, сказал по уважению моему, так ты меня не выдай.

IX
У ДУНАЯ

Беспокойно провёл эту ночь Сергей. Известие, сообщённое Фирсовым, несказанно поразило его. Сон летел прочь от его глаз. Мысли так и роились в голове. Сердце то замирало, то вдруг начинало сильно-сильно биться...

Так вот она, вот желанная минута, желанный вихрь, который должен или унести в могилу, или вдруг прославить его имя... И как незаметно подкралась она! Никто не ожидал, никто и не ждёт... Вот Коралов грустит и досадует, а не знает того, что все эти слухи о переправе русских войск на Никополь только военная хитрость, придуманная для того, чтобы отвлечь внимание неприятеля от главного пункта... Сам Драгомиров командует переправой... Переправа у Зимницы... Что там, напро-

тив, на турецком берегу? — Рождественцев стал припоминать сперва карту берегов Дуная, потом и свои наблюдения. — Ах да! На том берегу дрянненький городишко Систово... А берег-то какой высокий в этом месте! Прямо горы... Турки вниз прямо по головам стрелять будут... как только вскарабкаться придётся?.. Много, ох много тут православных воинов костьми ляжет.

Сергей так и заснул, скорее — забылся под впечатлением таких своих мыслей. И во сне они не оставляли его. Ему грезилось, как он выскочил из пантона на берег. Сверху, с гребня систовских высот свинцовым градом сыплются турецкие пули. Товарищи замялись и смутились. Вдруг в это время откуда-то появился штабс-капитан Ящинский. «Мальчишество! Молодо-зелено!» — кричит он и громко и насмешливо хохочет. «Я вам, капитан, покажу сейчас «мальчишество»! — кричит ему в ответ Сергей. — Товарищи, за мной, вперёд! Умрём за мать-Россию!» И словно какая-то невидимая сила поднимает его на гребень. Сергей сам слышит, как он кричит «ура!». Кругом него смуглые горбоносые ли-

ца. Всюду, как море крови, краснеют турецкие фески. Десятки штыков направляются к его груди. Сергей кричит: «Мальчишество»! Ура!..» И кидается на противника.

Лёгкие толчки заставили Рождественцева открыть глаза. Лежавший рядом Фирсов приподнялся на локте и, будя, тряс его.

— Рано больно, баринок милый, «ура» закричал. Турка ещё далече-далече! — добродушно смеётся солдатик. — Ребят наших только переполошил...

Рождественцев слышит, как ворчат разбуженные его кошмарным бредом товарищи.

— Ах, так это только сон был! — воскликнул он.

— Вестимо, не явь! — прошептал Фирсов. — Настоящая явь опосля будет...

Внезапное чувство радости овладело Сергеем. Даже во сне смерть показалась ему ужасной... Он жив, он жив! Как хороша жизнь! Юноше вдруг захотелось плакать, смеяться, кричать. Порыв восторга всецело овладел им. Не помня себя, Сергей вдруг кинулся на грудь Фирсову, обнял его и, уткнувшись лицом в плечо солдата, тихо зарыдал...

— Баринок, родименький! — растерялся тот. — Да что с тобой, кормилец, приключилось? Верно, сон какой страшный привиделся... Ишь как растревожился!

— Сон, Степан Иванович, сон...

— Не перекрестился, видно, на сон грядущий... Ну, полно, родименький, полно! Перестань! Нешто солдаты плачут? Уймись же. Вдруг товарищи услышат, беда — засмеют!

Сергею было хорошо-хорошо у этой широкой груди, в которой билось простое любящее русское сердце. Голос Фирсова даже и в темноте звучал успокаивающей, так и проникавшей в душу лаской. Рождественцев почувствовал, что тихий покой нисходит на него; сердце забилось ровнее, и судорожный спазм перестал сжимать горло.

— Степанушка, родной мой! — шептал он. — Спасибо, спасибо тебе, брат мой милый!

— А за что спасибо-то? — удивился Фирсов.

— За ласку твою сердечную, за теплоту твою душевную... Ободрил ты меня... Сон мне такой приснился, увидел я, будто турки меня на штыки приняли...

— Вот оно что! То-то ты, милёночек, так

«уру» и вопил! — покачал головой Фирсов. — А ты не бойся... Старые люди говорят, что сны такие как раз наоборот выполняются в яви. А смерти испугался, так это ничего. Каждый человек постоянно о своём смертном часе должен думать... А у нас, христолюбивых воинов, он, часто наш смертный, почитай, у каждого на носу. Ничего! Такого испуга ты не стыдись... Думай, как в бой пойдём, что смерть минует, вот и не страшно будет... Ведь ты не один около смерти будешь. Считай, вся наша первая бри гада тут будет. То-то и оно!

— Да перестаньте вы уже! — послышался сердитый окрик с противоположной стороны палатки. — Дня на нас, что ли, нет, сороки этакие! Трещат-трещат — забыться не дают!

— Тс!.. Милёночек, и в самом деле прикорнём до барабана... Это — Савчук, строгий солдат! Рассердился он на нас... Ляг-ка, подремли...

Ласковый ли шёпот Степана, или взрыв неожиданного рыдания успокоили расходившиеся было нервы Рождественцева; но едва он опустил голову, подложив под неё руку, как глаза его сомкнулись, и он на этот раз

крепко и спокойно заснул.

Выработавшаяся за время службы привычка заставила Сергея проснуться как раз вовремя. Товарищи уже не спали и подсмеивались над Фирсовым за его ночную беседу. Фирсов добродушно отшучивался, нисколько не обижаясь на товарищей. В каждой походной палатке помещалось по шести солдат, в обязанности которых входила и переноска своих палаток в разобранном на шесть частей виде. Товарищами Рождественцева по взводу, кроме сердитого хохла Савчука, были молодые солдаты: Николай Мягков, Иван Епифанов, коренные великороссы, и Юрий Юрьевский, попавший в полк из Северо-Западного края. Все они вместе составляли четвёртое отделение своего взвода, и их отделённым начальником был строгий и суровый, но только с виду, а не на самом деле, ефрейтор Василий Савчук.

Хохол слышал рыдания и понял, может быть, по-своему состояние души юного вольноопределяющегося. Но крайней мере, он, лишь только заметил, что Рождественцев не спит, сейчас же остановил зубоскаливших

солдат. Опять эта деликатность тронула Сергея, и все эти люди, собравшиеся в этот далёкий край из разных уголков России, показались ему такими хорошими, такими добрыми, что ему невольно захотелось обнять и расцеловать их, как недавно целовал он в порыве своём добряка Фирсова.

Пробил барабан. Сразу засуматошился весь лагерь. Отряд немедленно выступил по направлению к Зимнице. Какое-то особенное настроение вдруг овладело всеми людьми. Прежней вялости, с какой они ещё недавно совершали переходы, не было теперь и следа. Все были оживлены, бодры, веселы, будто в Зимнице готовился для них долгожданный праздник.

Улучив минуту, Рождественцев подошёл к Коралову, принадлежавшему к другому отделению того же взвода.

— Видишь, на Дунай идём! — сказал Сергей.

— Но что толку-то в этом? — пожал плечами тот. — Одно только разве — новые места посмотреть. А стоять всё равно где — что в Бухаресте, что здесь, что в Зимнице.

— Ишь нетерпеливый!

— Будешь тут нетерпеливым... Я уже хлопотать начал, как бы в девятый корпус в Архангелогородский полк перевестись...

— Да разве это можно?

— Умеючи, всё можно... Здесь хоть век стой, ничего не выстоишь...

Рождественцев улыбнулся. Ему очень хотелось поделиться с приятелем своим секретом, но он промолчал, уверенный так же, как и Фирсов, что Коралов не утерпит и разнесёт известие повсюду. Сергей понимал, что с такого рода слухами следовало быть как можно осторожнее. Румыния так и кишела турецкими шпионами, не только собиравшими сведения о передвижениях войск, но даже иногда отравлявшими водопои, откуда набиралась вода для лошадей. Шпионы рыскали всюду, и сохранить какой-либо план в тайне являлось делом чрезвычайной трудности. Впрочем, Рождественцев успокаивал себя тем соображением, что это движение их отряда на Зимницу не возбудит внимания — слишком часто передвигались такие отряды, казалось, совершенно бесцельно, с одного места на дру-

гое...

Один за другим бодро, весело выступали части отряда, разделённого для этого последнего перехода на три эшелона. Пройти предстояло всего шестьдесят вёрст. Дорога была не трудная; только местами кое-где ещё стояла не высохшая грязь.

В первое время перехода усталость пока ещё не чувствовалась. У всех и на уме, и на языке был приказ начальника дивизии, прочтённый по полкам. Солдатики так восхитились им, что затверживали некоторые места приказа наизусть. Дорога, таким образом, проходила незаметно. Вёрсты так и мелькали одна за другой. Первая бригада, оставив Бею в два часа пополудни, к ночи уже была около Зимницы. В город не вошли, а расположились в некотором отдалении от него. Ночь приходилось провести как попало, прямо на сырой земле. Строго запретили разбивать палатки, разводить костры. Офицеры все оставались при своих частях. Как пришли, так все и повалились — усталость взяла своё. Да и зависть не брала за сердце. Раньше первой бригады к Зимнице подошли стрелки, пластуны,

донцы и две горные батареи. И они расположились так же, как и их пришедшие в ночь товарищи; без палаток и костров, прямо на голой земле. Всем удалось только подремать до рассвета; о том, чтобы уснуть, нечего было и думать.

Едва забрезжил на востоке свет, Коралов разбудил Сергея. Лицо приятеля поразило Рождественцева необыкновенной для него серьёзностью.

— Слушай-ка, слушай! Знаешь что? — шепотком говорил он. — К дивизионному потребовали командира Волынского полка и всех батальонов...

— Ну так что же? — спросил Сергей.

— Как что? Пятый час утра только... Зачем?

Сергей улыбнулся.

— Рождественцев! Да что ты! Ты что-то знаешь и скрываешь? — заметил, наконец, улыбку приятеля Кора лов. — Я же вижу! Скажи, что?

— Да только то, что ты напрасно нашу 14-ю дивизию называешь несчастливой!..

— Господи! Да разве... да быть не может! — совсем растерялся Алексей. — Рождественцев,

дружище, да говори... Что такое? Чего томить!..

— Отстань... Что я могу знать? Откуда? Так, по соображениям говорю... Пойдём лучше к Дунаю...

— Нельзя, не пустят.

— Как так? Почему?

— Не приказано. Купаться не пускают, даже лошадей к Дунаю на водопой не приказано водить... Ой, чувствую, затевается что-то...

Рождественцев, однако, через фельдфебеля выпросил позволение для себя и приятеля отлучиться к берегу. Он уже видел Дунай, но теперь ему хотелось посмотреть на реку ещё раз, на берег её, который так скоро должен был ороситься русской кровью.

Коралов не совсем верно сообщил Сергею о приказе не ходить на берег. Солдат отпускали, но только небольшими группами. У Зимницы уже в течение нескольких дней стоял пехотный Брянский полк, и турки с правого берега могли ежедневно видеть купающихся в Дунае русских солдат. Генерал Драгомиров не желал только, чтобы на правом берегу узнали об увеличении зимницкого от ряда

новыми полками.

Несмотря на то, что к Зимнице сошлись уже все три части драгомировского отряда, никакого движения не заметно было в городке. Тишина стояла невозмутимая, как будто не было здесь этих тысяч людей. Мало кто попался на пути нашим юношам. Они прошли через Зимницу и очутились на крутом обрыве, под которым раскинулась широкая низина, не просохшая ещё после недавнего половодья. Два больших и довольно широких протока прорезали её. Один как бы опоясывал Зимницу со стороны Дуная, другой, начинаясь почти у самого города, соединял первый с Дунаем, впадая в него против узкого, но длинного острова, покрытого довольно густым лесом. Несколько ниже был виден другой, раскинувшийся почти на середине реки. Эти острова назывались Бужиреску и Адда.

Сердце Рождественцева билось чаще, когда он глядел с высоты обрыва на противоположный берег.

Настоящими горами казались издали надбрежные высоты. Они вздымались более чем на версту над руслом и заканчивались греб-

нем; подъём на него шёл неровно. Сама природа укрепила это место. От берега поднимались бугры — один другого выше. Их разделяли обрывистые овраги. В Дунай эти высоты падали отвесной стеной. Только узенькая песчаная отмель отделяла их от волн. Несколько ниже острова Адды берег разрывался устьем речонки Текир-дере. Разрыв сей чернел издали неким глубоко зияющим ущельем. За Текир-дере холмы принимались расти и расти. Так они, то поднимаясь, то понижаясь, шли до острова Вардена, у которого был турецкий лагерь. В трех верстах от устья Текир-дере, выше по Дунаю, белел Систов, притихший, замерший в эти тревожные дни. Под Систовом виднелись ещё высоты — Систовские, как назывались они. Их покрывали зелёным убором виноградники, сады, мелкий кустарник.

— Видишь? — воскликнул в порыве волнения Рождественцев, схватив приятеля за руку и указывая ему на противоположный берег.

— Вижу! Ничего... Наверное, у вас на Волге таких горушек и в помине нет! — отозвался Коралов, к которому вернулось его обычное весёлое расположение духа.

— Перестань... не время шутить! — оборвал его Сергей. — Может быть, сегодня, может быть, завтра все эти скаты, обрывы, кручи покраснеют от русской крови... Смотри на них, любуйся. Кто знает, может быть, ты или я будем лежать там, корчась в смертных конвульсиях... Любуйся!

— Как? Что ты? — вскричал Коралов. — Разве здесь?

— Здесь! — глухо ответил Сергей.

— Быть не может! А Сяка? А Никополь?

— Военная хитрость...

— Постой, нет! Ты верно знаешь?

— Думаю, что верно... Здесь... Здесь у Систова... Всё уже решено...

— Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! — развёл руками и даже присел Коралов. — Ловко! Поздравляю вас, Алексей Петрович, с Георгием! — раскланялся он сам перед собой.

— Шут! — даже отвернулся от него Рождественцев, на которого неприятно подействовала эта выходка.

— Кто это шут? Я? Ошибаетесь, милый друг! Шут не я, а Абдул-Керим-паша, турецкий главнокомандующий, который сидит те-

перь в Рущуке да свой кальян покуривает... Он — шут... Я кое-что слышал. Наши казачки на тот берег ходили и языка оттуда привели... Так тот рассказывал, будто сердар-экрем этот самый объявил, что у него скорее волосы на ладони вырастут, чем русские у Систова перейдут Дунай... Если только ты не врёшь, так его турецкие ручки должны лапами стать... А то я шут!

— Перестань, не нужно... Не такой час... Что будет, если нам не удастся высадиться?..

— Полно! — беззаботно махнул рукой Коралов. — Как это не удастся! Приказано — стало быть, удастся. Должно! Мы — русские солдаты, а в приказе нашего дивизионного сказано, что отступления для нас нет... Стало быть, удастся всё, как по-писаному... А всё-таки очень интересно было бы после переправы посмотреть на этого Абдула-Керима-пашу... Верно, он перчатки наденет, да так их и снимать не будет.

X
ДРАГОМИРОВСКИЙ ПРИКАЗ

Господи сил, с нами буди! Иного бо разве Тебе помощника во скорбях не имамы!

И десятка тысяч солдатских уст исходят эти слова...

Голоса дрожат и срываются... Молитва то и дело переходит в громкий шёпот:

— Господи сил! Помилуй нас!..

Песнопение обрывается и смолкает; тишина немая на поле за Зимницей. Откуда-то издалека чуть-чуть слышны какие-то заглушённые ветром удары. Это с русского берега бомбардирует справа Никополь, слева Рущук. Гром пушечных выстрелов разносится по воде. Наконец, удары стихают. Близка ночь.

Без слов расходятся солдатики по своим местам, где они накануне ночевали. Лица

всех напряжённо серьёзны. Куда девалась беззаботная весёлость! Не до смеха теперь, не до шуток, близится полная смертной тайны для многих ночь...

Головы то и дело вздымаются к небу. Там бледная луна. Её серебристый свет мягко льётся сквозь наступившую темноту. Солдатские взгляды, обращённые к ней, смотрят далеко не дружелюбно...

— Чего высунулась-то? — тихо шепчет, разговаривая сам с собой, молоденький солдатик Мягков. — Чего? Что ей нужно? Такая ночь. У-у! Каинов лик!

Мягков вспоминает, что на луне — пусть там учёные господа говорят, что хотят, а на деревне старики бают верно, — не горы там какие-то, а сам братоубийца Каин поселился... На земле — старики баяли — как убил он своего брата Авеля, места ему не хватало, везде Божье око до него достигало. Вот он на луну и перебрался да и засел там на тысячи тысяч годов... На всякие подлые дела потому луна способна. Вот теперь спрятаться бы ей там, чтобы и помину ей не было, а она выплыла да и светит во все силы...

Солдатик чувствует, что в этот момент он ненавидит томную красавицу ночи. И не один он посылает ей свои проклятья. Верно, в этот вечер сам Михайло Иванович Драгомиров не раз взглядывал с досадой и тревогой на небо. Не в один десяток человеческих жизней обойдётся России это кроткое серебристое мерцанье. Этой ночью должно свершиться великое дело, кровавое дело... К рассвету, самое позднее к утру незыблемо твёрдо должна стать православная святая Русь на том, на турецком берегу. И успех или неудача могут зависеть от луны. Её свет вполне может выдать переправу. Уж не в союзе ли с турками ночное светило?

Но размышлять, раздумывать времени нет, пусть хоть само солнце восходит среди ночи — русские и при его свете всё-таки пойдут за Дунай...

Главнокомандующий переправой спускается к протоку, опоясывающему Зимницу. Там у того места, где вытекает соединительный проток, идёт бесшумная работа. Понтонёры и сапёры уже спустили на воду паромы, плоты, понтоны и один за другим отводят их

по широкому протоку в Дунай. Ни одного звука не слышится, даже распоряжения начальствующих передаются шёпотом, а работа кипит.

Здесь время пролетает незаметно. Нет тоски томительного ожидания, некогда даже и о луне думать. Одна забота — как бы поставить паромы да понтоны так, чтобы из-за острова Бужиреску они не выдвигались — если выдвинутся, турки их заметят, и пропало дело!

В батальонах, которые назначены за Дунай в первую очередь, люди истомились, изнервничались...

— Чего глазищи-то на небо пялишь! — вдруг накидывается на Мягкова строгий Савчук. — Месяца, что ли, не видал? Нет в тебе того, чтобы приказ его превосходительства твердить. Ответствуй, если ты услышишь, и не токмо услышишь, увидишь, что рядом наш собственный барабанщик отбой вдарит, что тогда?

— Вперёд пойду, словно бы и не слыхал...

— Почему? Разве ты смеешь начальства не слушаться?

— В приказе сказано, если отбой или от-

ступление будут поданы, не верить. Такого сигнала не будет, это обман от неприятеля! — бойко отчеканивает Мягков.

— Молодца!.. А ты, Епифанов! — оборачивается строгий ефрейтор к соседу Мягкова. — Ну-ка скажи, кто твой начальник?

Солдатик задумывается на мгновение и говорит:

— Его превосходительство генерал-майор Драгомиров, а есть которые и повыше его!..

— Мордва серая! — шипит злобно Савчук. — Уж если бы не такое время было!.. Фирсов! Кто твой начальник?

— А вы, дяденька Василий Андреевич, вы мой отделённый начальник будете! — без раздумий отвечает тот.

— Так! Молодца: я! А у меня начальство — взводный. У взводных — полуротный... А что ты будешь делать, скажи мне, друг любезный, если мы вот Дунай перейдём, а меня, твоего начальника, убьют, а? Ну-ка?

Фирсов отвечает, не думая:

— Перекрещусь на упокой души, коли успею, а сам на турку полезу, не мешкая.

— Так! А если я не убит буду, а ранен... Ты

идёшь, я тебя жалобненько молю: «Голубчик ты мой, Степан Иванович, помоги ты мне, смерть моя приходит, отнеси к сторонке»...

— Слушать не буду! — твёрдо отвечает Фирсов. — На то у нас санитары есть, а я должен своё дело помнить и врага уничтожать.

— Так, так! Дело! Твёрдо знаешь приказ... Эй, Юрьевский! Как должно сражаться с турком?

— Держись кучи, выручай друг дружку — будет хорошо! — отвечает солдатик словами драгомировского приказа. — Стреляй метко, штыком коли крепко, иди вперёд, и Бог наградит тебя победой.

— Верно, брат, твёрдо вызубрил! Один Епифанов у нас опростоволосился... Да, ребята, твёрдо помнить, что приказано. Пока в воде будем, умри, а не стреляй. Во мраке от выстрела огонёк блеснёт, ан турок и заметит, куда ему палить... Тебе же самому хуже будет.

Рождественцев с любопытством прислушивался к этой беседе. Драгомировский приказ поражающе действовал на этих простых людей. С ними говорили вполне понятным им языком. Не было иностранных мудрёных

слов, смысл которых совсем терялся для русского простолюдина. Когда на вечерней заре после «Отче наш» согласно приказу запели «Господи сил», это прекрасно подействовало на людей. Им уже было известно, какая ночь ждёт их, и обращение к Богу успокоило в них вполне понятные нервозность и волнение.

— Барин, — обернулся к Рождественцеву Савчук. — У тебя часы... Глянь-ка, сколько времени.

— Одиннадцатый в начале.

— Ох, рано ещё!.. Хоть бы поскорее... Тоска смертная...

Савчук широко зевнул и перекрестил лоб.

В молчании прошли несколько минут.

— Отделённые!.. Людей поднимай, капитан! — пронеслось тихо отдалённое приказание. — Тише только!

Но солдаты сами повскакивали на ноги и быстро выстроились в шеренги. К ним шёл их капитан Солонин.

— Ребята, сейчас мы пойдём к Дунаю, а там, даст Бог, попадём и за Дунай... Слушайся своих начальников и делай без мудрствований своё дело. Убьют — бояться нечего. Кто в

честном бою убит, за того Церковь молит. Кто живым останется, тому слава, слава и слава! Покажите себя, ребята! Перейдём Дунай благополучно — и войне скорый конец... Опять мир настанет, и все вы по домам вернётесь... Не уступай турке, молодцы!.. Помни, сам Государь будет свидетелем ваших подвигов. Лицом в грязь перед ним не ударьте!

Государю Императору только поздно вечером 14 июня стало известно о переправе от Зимницы на Систово. Это было для него совершенной неожиданностью. Государь так же, как и другие, пребывал в уверенности, что переправа пойдёт от деревни Сяки на Никополь, который уже в течение трёх дней интенсивно обстреливался русскими батареями. Императорская квартира была расположена в это время в деревушке Драча, и окружавшая Государя многочисленная свита также была уверена, что переправа произойдёт у Никополя.

Капитан Солонин быстро прошёл по рядам. Для каждого из солдатиков он находил доброе, приветливое, полное одобрения слово. Голос его звучал ласково. Люди чувствова-

ли, что смущение, тоска окончательно начинают проходить.

Обойдя ряды, Солонин подошёл к старику, увешанному медалями ещё за Севастополь, фельдфебелю Рыбакову, и на глазах у всех солдат обнял его.

— Всех вас обнимаю и целую в его лице! — громко сказал он и вдруг, сменив тон, скомандовал: — Стройся! Повзводно!..

Мгновенно развернувшаяся шеренга сомкнулась во взводы. Унтер-офицеры заняли свои места.

Кругом них происходило то же самое. Строились другие роты, соединялись в батальоны. Стрелковые роты выделились вперёд.

В первую очередь для переправы назначены были 1-й и 2-й батальоны и все стрелковые роты Волынского полка, сотня пластунов, шестьдесят донских казаков 23-го полка и вторая горная батарея. Всего в первую очередь переправлялись около двух с половиной тысяч человек. Общее начальство над первым десантом было поручено командиру волынцев полковнику Родионову. Переправлялись на понтонах, из которых каждый подни-

мал от 30 до 45 пехотинцев. На каждый понтон назначены были шесть-восемь гребцов при двух рулевых.

Спуском и проводом понтонов на Дунай и через него распоряжался начальник инженеров генерал Депп.

От места стоянки за Зимницей до места посадки на понтоны отряд должен был пройти по береговой низине, где кое-как наскоро была устроена дорога да перекинуты два моста через глубокие промоины.

Словно какие-то тени, двигались без шума, без разговоров роты и батальоны к дунайскому берегу. Только один раз радостный шёпот пронёсся по рядам. Луна изменила своему союзнику — турецкому полумесяцу. Неожиданно поднявшийся с низовьев Дуная ветер нагнал тучи, и небо закрылось ими; наступила темнота, даже Дуная уж не было видно; слышались только всплески его волн.

Рождественцев шагал бодро. Ничто теперь не волновало его. Все мысли, все невольные страхи ушли куда-то. Сергею казалось, что он перестал уже жить, что вместо него явился какой-то совсем иной человек, совсем иной, у

которого с прежним Сергеем Рождественцевым не было ничего общего.

Бесшумно подошёл отряд к берегу Дуная. Место для посадки в понтоны выбрано было как нельзя более удачно. Поросший лесом длинный узкий островок Бужиреску совершенно прикрывал собой ту часть левого берега, где вытянулись готовые к рейсу понтоны. Тьма сгустилась ещё более. С правого берега не доносилось ни одного звука.

На небольшой площадке у самой воды подходивший отряд встретил генерал Драгомиров. Вместе с ним был капитан генерального штаба Великий князь Николай Николаевич младший[38] и генерал-майор Скобелев второй. Последний вместе с командиром первой бригады генералом-майором Иолшиным [39] шёл за Дунай охотником.

Тихо, без суеты и торопливости рассаживались люди в понтонах. Был на исходе уже второй час ночи, когда генерал Драгомиров обнажил голову и слегка дрогнувшим голосом довольно громко сказал:

— С Богом, молодцы!

XI
НА ТУРЕЦКОМ БЕРЕГУ

Здох вырвался из сотен грудей, когда матрос-рулевой на головном понтоне ловко оттолкнулся от берега и утлое парусинное судёнышко закачалось на волнах Дуная.

— Господи, благослови! Не попусти, помилуй! — тихо зашептали солдатики, осеняя себя крестным знамением.

«Не попусти, помилуй, Господи! Ведь на смерть, на расстрел идём!» — не в одной голове пронеслась гнетущая мысль.

Да! Безропотно, просто, только с молитвой и верой в святость дела шли эти люди на верную смерть... Им выпало на долю принять на себя первые вражеские выстрелы, первыми обагрить своей кровью турецкую землю. *И* никто, никто из них не думал о величии при-

нятого на себя подвига. Всё просто у русского солдата, всё просто, искренне; нет у него ничего напускного; нет лишних рассуждений: приказано — и всё...

Святая, величественная простота! Простота истинных героев!

Тихо плескалась вода Дуная под сотнями весел. Спустя полчаса после того, как отвалил от берега первый понтон, отошёл уже и последний — с горной артиллерией. Вытянувшись в линию, огибали судёнышки остроконечную косу острова Бужиреску. Течение здесь было совсем незаметно. Понтоны держались ровно, точно как указано им. Головной понтон ушёл вперёд далее всех. Когда тот понтон, где было отделение, к которому принадлежал Рождественцев, огибал оконечность Бужиреску, до слуха людей донеслись из ночной тьмы тихие восклицания:

— Прощайте, братцы! Будете в Царстве Небесном, помолитесь за нас, грешных!..

Солдаты нервно оглянулись. Некоторые схватились было за ружья.

— Не тревожься! — тихо успокоил взводный унтер-офицер Егор Панов. — Там свои —

брянцы — засели в кусты.

Остров Бужиреску был ещё засветло занят двумя ротами Брянского полка, прикрывшими от турок работы понтонёров. Остальные его роты, едва только начало темнеть, незаметно выбрались на дунайский берег и расположились вместе с сорока орудиями против устья Текир-дере, готовые и ружейным, и пушечным огнём поддерживать переправу товарищей.

И за Бужиреску всё шло благополучно. Сравнительно тихое здесь течение позволяло идти ровно, без промедлений; шум и вой ветра заглушал удары весел и всплески воды.

После Бужиреску пришлось огибать остров Адду. Тут плыть уже было труднее. Около Адды — всюду отмели. Течение стало заметным; понтоны начало сносить. У самой Адды головной понтон, а за ним два парома с артиллерией сели на мель.

— Беда! Сносит! — зашептались солдаты. — Ишь ты какое волнение ветер поднял... Не выгрести!

— Знай помалкивай! Теперь мы люди решённые! — отвечали товарищи. — Одно сло-

во — стрелки!

Сергей услышал тяжкий вздох возле себя. Его сосед Мягков тяжело задышал и тихо всхлипнул.

— Чего вы, Николя? — ласково спросил он солдата, чувствуя, что нужно как-нибудь ободрить его.

— По деревне взгрустнулось, Сергей Васильевич! — прошептал Мягков. — Поди, Сонька моя, жена-то, спит с Васюткой нашим и во сне не видит, что мы тут делаем... Жалко их стало...

Новый вздох, Мягков хотел сказать ещё что-то.

— Нишкни! — прошипел сзади него Савчук. — Дыхание затаи, не только язык. Не понимаешь, что ли, турки близко...

Лишь только прошли Адду и тронулись наперерез волнам, в темноте нарисовались чёрными пятнами надбрежные холмы правого берега. Там всё было тихо. Берег казался словно вымершим. А между тем нельзя было думать, чтобы турки не раскинули вдоль него по крайней мере цепи часовых. Разведки выяснили, что около устья Текир-дере есть ту-

рецкая караулка, откуда турки наблюдают за русским берегом. Там непременно должны быть часовые... Однако на турецком берегу всё ещё царило гробовое молчание.

На главном русле Дуная, лишь только вышла туда флотилия, сразу спутан был весь порядок. Течение здесь было так сильно, что только один случай мог донести понтоны до устья Текир-дере, куда они направлялись. Рулевые ничего не видели в темноте и правили наугад Нечего было и думать пристать всем разом; понтоны разбрелись по Дунаю и спешили только добраться до берега, а где — это теперь было уже всё равно.

Рождественцев чувствовал, как замирает его сердце по мере того, как понтон приближался к берегу. Привыкшие уже к темноте глаза различали впереди двигавшиеся тёмные пятна — передовые понтоны.

«О Господи, скорее бы! Поскорее бы всё это кончилось! — думал он. — Один бы конец... хотя бы смерть... да поскорее!»

Он чувствовал, как то и дело нервно вздрагивал прижавшийся к нему плечом Мягков. А тогда, когда понтон покачивался, в его спину

толкался и каждый раз что-то бурчал ефрейтор Савчук. Другой сосед Рождественцева — Фирсов — как вошёл в понтон, так с тех пор и не обмолвился ни единым словом.

— Степан Иванович! — тихо позвал Рождественцев. — Скажите, страшно вам?

— Нет, барин, чего же! Зачем теперь страх? — также тихо ответил Фирсов. — Мы теперь не свои, а — Божьи.

— Чего вы молчите? Хотя бы словечко...

— Молюсь я, барин. Как же без молитвы можно на такое дело!.. Чу!

Среди темноты на турецком берегу вдруг сверкнул, как далёкая-далёкая звёздочка, огонёк, щёлкнул одиночный ружейный выстрел.

Опять словно шум ветра пронёсся над Дунаем тихий-тихий шёпот:

— Началось!..

Вслед за первым одиночным выстрелом опять, будто далёкие звёздочки, замелькали огоньки. Они то вспыхивали десятками сразу, то хлопали поодиночке. Противная ружейная трескотня всё усиливалась и усиливалась. Очевидно, пока стреляли только ещё одни прибрежные сторожевые посты.

Вдруг с трескотнёй турецких ружей слилось, заглушая её, русское «ура!»... Прошла минута-другая — «ура!» загремело уже в другом месте, потом в третьем... В это время понтон, в котором был Рождественцев, приткнулся к береговой отмели. Не дожидаясь команды, спрыгнули солдатики прямо в воду и побежали по песку.

Было около трёх часов утра...

Первой подошла и высадилась на берег 1-я стрелковая рота. Она не попала в устье Текир-дере. Оказались стрелки несколько выше по течению Дуная. Сперва они беспорядочной толпой сбились под почти отвесной береговой кручей. Но смущение, овладевшее было ими, быстро прошло.

— Не топчись на месте! За мной, ребята! — закричал командовавший ротой штабс-капитан Остапов и, цепляясь за выступы и камни, полез на кручу.

Подсаживая друг друга, карабкались за ним поодиночке его стрелки. Кто был выше, подавал нижнему товарищу руку. Вспомнили о палатках. Там были верёвки. Верхние, утвердившись на каком-нибудь выступе, ски-

дывали верёвки вниз, и товарищи, придерживаясь за них, увереннее карабкались на высоты. У кого были топоры, кирки или что-нибудь из шанцевого инструмента, взбирались, цепляясь им за что попало. Грянуло мощное «ура!»; это стрелки благополучно взобрались на береговую кручу...

— Рассыпься! Двигайся цепью! — командовал Остапов. — Вперёд, к Систову!..

Стрелкам навстречу уже нёсся свинцовый град. Турки совершенно опомнились. Их пули зажужжали, как огромные пчелиные рои. Стреляли турки, не целясь и заботясь только о том, как бы выпустить побольше зарядов в надежде, что в массе пуль многие найдут свою цель. Уже несколько стрелков, обливаясь кровью, корчась в предсмертных судорогах, упали, но остальные, припадая, приподнимаясь и стреляя, все бежали вперёд. Уже повсюду вспыхивало, как пороховые взрывы, то там, то тут «ура!». Вслед за ротой Остапова выбралась на берег сотня пластунов. Словно кошки, сгорбившись, съёжившись, шмыгнули в своих меховых бурках эти молодцы и засели на кручи в полуверсте от берега. Почти у

самого устья Текир-дере высадилась 3-я стрелковая рота. Под пулями вскарабкались удальцы на гребень. Их капитан Фок, едва поднявшись на высоту, кинулся на турецкую караулку, возле которой он очутился с несколькими десятками своих людей. «Ура!» русских и отчаянное «алла» турок слились вместе. Несколько минут длился отчаянный рукопашный бой. Турки наконец были выбиты из караулки. Только теперь вспомнили они о сигнальном шесте и в последнюю свою минуту успели поджечь его. Среди сероватой мглы рассвета загорелся раздуваемый ветром огненный столб; со стороны Систова загремели турецкие пушки.

Бой разгорался.

Внизу на реке всё было в полном хаосе. Выезжали на береговую отмель понтоны в разных местах. Солдаты выскакивали на берег и первое время беспомощно топтались на месте. В эти минуты сверху сыпался на них свинцовый град. Всё спуталось, перемешалось. Но всё-таки люди не пребывали в растерянности, они помнили, что им нужно делать, куда идти. По двое, по трое карабкались

они на кручи. Передовые гибли, задние стреляли, укрывшись за их телами... и ползли вверх. Люди валились как подкошенные, ещё не добравшись до турок. На глазах Рождественцева мрачный штабс-капитан Ящинский, что-то крикнув своей восходившей роте, вдруг смешно замахал руками, опрокинулся всем корпусом назад и рухнул спиной на острые камни. Сергей в первые мгновения не понял, что с ним. Он равнодушно обошёл Ящинского и со штыком наперевес кинулся вперёд в низину оврага, по которому тихо струился Текир-дере. Справа высился отвесной стеной обрыв, слева берег оврага был отлогий. Отсюда слышались и «ура!», и какой-то гомон. Рождественцев понял, что налево свои, и бросился туда. Какой-то прапорщик, Сергеев, как выяснилось после, громко кричал, зовя за собой роту убитого Ящинского. Сергей, даже не соображая, что это не его рота, примкнул к собиравшимся около смелого прапорщика солдатам. Они не дивились, увидя его среди себя, и Рождественцев не удивился, очутившись между чужими. Солдаты неистово орали и стреляли вперёд, даже не

целясь. Через мгновение они очутились на левом скате оврага, возле засевших там своих. Это оказались стрелки Фока. Притулившись кое-где за камнями, они стреляли из своих укрытий по туркам. Раздалась команда, и соединившиеся части с «ура!» ударили на правый окоп в штыки. Напрасно. Турки там оградили себя неприступной стеной из пуль. Русские валились один за другим, не отходя назад, но и не продвигаясь вперёд. К ним кинулась поддержать только что вскочившая в овраг с берега после выхода какая-то рота. Рождественцев разглядел только одно — впереди её был подпоручик Грегора-Швили. Юноше на мгновение припомнилась их встреча в лагере в Бею, ласка, улыбка молодого офицера; ему захотелось ещё раз взглянуть на него, он обернулся в сторону пробежавшей роты и уже не увидел Грегора-Швили. На том месте, где он был за момент до того, кучкой лежали несколько тел, шевелившихся ещё в предсмертных судорогах. Рота же была отброшена, и турки с высоты правого откоса на выбор расстреливали обречённых на смерть людей.

«Конец! Все здесь ляжем!.. Матушка, матушка, прощай!» — подумал Сергей.

В самом деле, вырваться из этого ада нечего было и думать. Вперёд не было возможности пробраться. Рои пуль смели бы перед собой всё живое. Одно ещё оставалось счастьем для русских — что турки оказались плохими стрелками. Они стреляли как попало, не целясь, но вместе с тем они подавляли горсточку русских людей значительным большинством. Откуда-то издали раздался турецкий гомон. К туркам ещё подходило подкрепление — из Вардена бежали поднятые по тревоге таборы. Участь сбившихся в овраге русских перемешавшихся рот была решена — на правый откос, где засели турки, никто не смог бы забраться.

— Чего стоишь! Иди помирать! — крикнул кто-то около Сергея.

Он оглянулся и увидел унтер-офицера своего взвода Панова. Лицо его было бледно, в то же время по нему катился пот. Несколько позади Панова Рождественцев увидел и скорее догадался, чем узнал своего же капитана Солонина. Мундир его был разорван, правая пе-

ребитая рука болталась, повиснув плетью вдоль туловища, всё лицо измазано кровью; в левой руке офицер держал револьвер.

— Братцы, голубчики, рабы Божии! — хрипло кричал Солонин. — Идите умирать скорей! Два раза не жить...

Он смолк и присел. На месте правого глаза вдруг показалось кровавое пятно.

— Капитана порешили! — взвыли с десяток голосов. — Идём! Ур-ра!..

Рождественцев чувствовал, как какая-то неведомая сила толкнула его вперёд прямо под свинцовый град. Глаза его заволоклись неким туманом. Крик, шум, гомон, выстрелы ружей, громыхание пушек... всё слилось вместе. Он приметил только промелькнувшего впереди Савчука и кинулся вслед за ним на правый откос оврага. Вверху за камнями, в клубах порохового дыма краснели турецкие фески. Сверху от них неслось теперь радостное «ура!»...

XII
MORITURI

Когда Рождественцев очнулся, то понял, что стоит на гребне правого откоса. Турок поблизости не было. Сколько прошло времени, много ли, мало ли, что произошло — Сергей ничего не помнил. Как случилось, что из ложбины русские перенеслись наверх, на обрыв ската — он тоже не понимал. Одно только он чувствовал теперь — усталость. Руки и ноги словно свинцом были налиты; в голове шумело; глаза плохо видели. Он оглянулся. Кругом цепью раскинулись свои.

«Турок, стало быть, вышибли!» — совершенно равнодушно подумал он.

Сергея даже не интересовало теперь, как это случилось.

В тот момент, когда совсем отчаявшиеся

солдаты перемешавшихся стрелковых и линейных рот кинулись из лощины на высоты правого ската оврага, по туркам, уже начавшим их оттуда расстреливать прицельно, вдруг ударили две картечные гранаты. Разорвавшись и обдав низамов множеством осколков, они смутили их, перепугали неожиданностью своего появления. Турок особенно ободряло до сих пор то, что со стороны русских не слышно было пушек. Турецкие стрелки, уверенные в неприступности позиций и в своей безопасности, вели бой правильно, не нервничая, не торопясь даже. Им было известно, что русских всего горсть. Каким-то образом они узнали, что их стрелкам на берегу удалось потопить понтон-паром с русскими пушками, но они не знали того, что затонувший понтон-паром был не единственный.

Действительно погиб простреленный пулями в подводную часть понтон только с двумя орудиями горной батареи. Никто не успел спастись с него. Погибли командир батареи подполковник Стрельбицкий, штабс-капитан Кобиев, подпоручик Тюрберт и десять артиллеристов. Но в то время, когда их приняли в

свои пучины дунайские волны, к турецкому берегу пристал другой понтон с двумя пушками. Подпоручик Лихачёв, бывший на понтоне, принял командование батареей. Он или заметил, или угадал, где нужна его помощь. Солдаты-артиллеристы на руках подняли пушки на крутизны, и их гранаты вовремя поддержали обезумевших стрелков, помогли им взобраться на кручу и даже согнали оттуда турок.

Было уже светло. Рассвет снял покров ночи с кровавого сего места. Бой, беспорядочный, но в то же время безусловно правильный по своим конечным стремлениям, шёл в трёх местах. В глубине берега по течению Текир-дере русские уже укрепились и не подпускали к себе турок, тут же то и дело кидаясь шли на них пластуны и полторы линейные роты волынцев. Слева по течению реки, со стороны Систова сдерживали турок перемешавшиеся остаповские стрелки и линейцы. Справа к Вардену, где были стрелки из роты капитана Фока, присоединившаяся к ним 3-я стрелковая рота и перемешавшиеся между собой линейцы, оставалось самым опас-

ным местом. Сюда направлялись главные удары турок, сюда же шли таборы их из Варденского лагеря. Отступать отсюда русским было некуда — позади них раскинулся овраг, овладеть которым им удалось только ценой крови и жизней товарищей. Здесь им оставалось или умереть всем до последнего, или во что бы то ни стало отбить наседающих турок. Помощи ждать, по крайней мере в это время, им было неоткуда. Правда, в резерве ещё поджидали две роты на берегу у круч, но люди их были заняты делом, от которого не следовало их отрывать, — они с лихорадочной поспешностью работали над устройством подъёма для тех товарищем, которые уже плыли на подмогу через Дунай с русского берега. Оставались ещё донцы — их с первой десантной очередью явилось на турецкий берег шестьдесят человек, но их нигде не было видно. Как только молодцы выскочили на турецкий берег, их сейчас же услали на Рущукскую дорогу уничтожить там телеграфную линию.

Несколько минут отдыха привели в себя только что переживших ужас неминуемой смерти людей за оврагом Текир-дере. Они

вздохнули свободно, огляделись и, так сказать, на самом деле сжились с опасностью и ожиданием смерти. Мало того, они сами собой стали сбиваться в «товарищества», как указывал им в своих приказах их дивизионный. Пооглядевшись, люди поменялись местами — свой становился поближе к своему, и опомнившийся наконец Рождественцев увидел около себя почти всё своё отделение. Савчук, Мягков, Фирсов, Юрьевский стояли тут же возле него, и к ним прибились ещё два солдатика-линейца, которых Рождественцев не знал. Не было между ними только Епифанова.

Сергей смотрел на товарищей и не узнавал их. Это были какие-то совсем новые люди, совсем не те, которых он вот уже столько месяцев видел изо дня в день, из часа в час. Какие-то особенные были у них лица: строгие, серьёзные и в то же время просветлённые. Савчук тяжело дышал, сжимая ствол своего бердана. Мундир на нём весь был располосован и висел лохмотьями, кепки вовсе не было. Мягков, бледный, чему-то всё время улыбался и что-то бормотал про себя. Тщедуш-

ный Юрьевский вздрагивал от нервного возбуждения и брезгливо вытирал перепачканные в крови руки о полы тоже ободранного мундира.

Рождественцев вздрогнул, увидев окровавленные руки товарища, и с ужасом взглянул на свои. Они были чисты. Он кинул взгляд на штык — чуть заметная грязь и налёт пыли покрывали его.

«Неужели же я убил кого-нибудь? — пронеслась у него в голове мысль. — О Господи! Да как же это?»

Тщетно он старался припомнить что-нибудь — память молчала. Всё покрывал какой-то туман. Что произошло в те минуты, прошедшие до того, как Рождественцев увидел себя на гребне откоса, — вылетело из головы.

— Господи сил, с нами буди! — услышал он около себя и оглянулся.

Это говорил Фирсов. Солдат, придерживая левой рукой ружьё, правой крестился. Поймав на себе взгляд Сергея, он указал ему вперёд перед собой.

Всё впереди ожило. Густой цепью на жал-

кую горсть русских двигались турецкие пехотинцы. Их ружья щёлкали, посылая пули. Турки не решались всё ещё перейти в атаку и сбросить противников в овраг. Они предпочитали стрелять в них издали. Свежие батальоны подходили со стороны Вардена. Очевидно было, что турки предполагали кинуться на русских всей массой и задавить их тут, прежде нанеся урон своим огнём.

— Иного бо разве Тебе помощника в скорбех не имамы! — пел вполголоса Фирсов. — Господи сил, помилуй нас!

Рождественцев усмехнулся.

«Ave Caesar! Morituri te salutant!»[40] — припомнилось ему восклицание шедших на смерть гладиаторов Древнего Рима.

Что же! Разве они не morituri, не «обречённые на смерть»? Все, все они лягут здесь. В цепи уже всюду прорывы. Там, где они зияют, копошатся раненые. Стоны и крики их смешиваются с выстрелами. Победное «алла» турок всё растёт и крепнет, звучит всё громче... Русские подались назад — не было более сил выдерживать свинцовый град.

С ужасом оглядывались солдаты назад.

Оглянулся и Сергей. Позади чернел провал оврага. Сейчас... вот-вот сейчас сбросят туда всех их наступавшие враги, охватившие эту горсть обречённых на смерть людей со всех сторон. Там, на дне оврага, всё будет кончено. Там наступит последняя минута для тех, кто не погибнет здесь... Последний миг... Ужасный миг!

Тут Рождественцев вздрогнул. Неподалёку затрещал барабан. Сергей не верил слуху: барабан чётко бил сигнал атаки...

«Не с ума ли Фок сошёл? Какая атака?» — промелькнула мысль у Сергея.

Но это было всего одно мгновение. Не громкое уже «ура!», ибо мало оставалось людей, понеслось навстречу наступавшим туркам. Стрелки и линейцы со штыками наперевес кинулись им сами навстречу, не дожидаясь, когда враги подойдут ближе.

Всё перемешалось. Рождественцев поднимал ружьё, ударял вперёд штыком, кричал, сам не слыша своего крика. Ему теперь было всё едино. Бой опьянил его. У него на глазах уткнулся лицом в землю Мягков. Савчук, повернув ружьё прикладом вперёд, размахивал

им, как дубиной, сыпя тяжёлые удары направо и налево. Только один раз Сергей почувствовал — не увидел, а именно почувствовал, — что его штык погрузился во что-то мягкое, словно в подушку, — тогда же подумал Рождественцев, — что он встретил на своём пути. Сергей увидел замахавшие перед ним в воздухе руки, ясно расслышал чей-то болезненный вопль. Он ответил на него хриплым «ура!», но даже и не дотянул его. «Ура» оборвалось. Какая-то тупая противная боль вдруг охватила его голову. Всё перед глазами: турки, русские, холмы, небо, земля... закружилось, зашаталось, закричало так, что Сергей более не мог держаться на ногах и упал. Он чувствовал, как давят его спину чьи-то тяжёлые ноги. Сознание оставило его в то мгновение, когда ускользнул последний проблеск мысли... он услышал новое «ура!», громкое, мощное, победное...

Это подоспело подкрепление.

Когда на прибрежных высотах турецкой стороны начался бой, скрываться русским на левом берегу уже не было смысла. Загремели русские пушки. Место посадки солдат на пон-

тоны перенесено было версты на две ниже. Все очереди нарушились. Как только приходил с правого берега освободившийся понтон, сажали людей и отправляли на тот берег. Первыми пошли сводная рода почётного конвоя и 3-й батальон волынцев.

Был четвёртый час утра, когда на правый берег отправились эти части. Уже рассвело настолько, что плывшие понтоны ясно виделись на поверхности реки. С Систова и Вардена в них полетели турецкие ядра и гранаты. В то время, когда они были уже на середине пути, из-за острова Вардена показался турецкий военный пароход. Он шёл прямо на понтоны с очевидным намерением потопить их. Две русские батареи, однако, усиленным огнём заставили его уйти обратно и укрыться в Варденском рукаве. Сводная рота и волынцы успели благополучно пристать к берегу возле устья Текир-дере.

Их высадку заметил капитан Фок и двинул остатки своих людей на турок, чтобы отвлечь их внимание и дать прибывшим время взобраться на правый скат.

Первой кинулась в бой сводная рота. Её

«ура!» и услышал, теряя сознание, Рождественцев.

Турки не поддались. Грудь с грудью, штык со штыком схватились противники. Турок оказалось много; из Вардена к ним подходили всё новые батальоны.

Бой с каждым часом всё разгорался...

В сводной роте были уже ранены её командир, флигель-адъютант полковник лейб-гвардии Преображенского полка Озеров, и лейб-гвардии Гренадерского полка поручик Поливанов. И теперь держаться против турок было трудно. Они давили огромной массой. Русские не отступали, но и не продвигались вперёд. Были даже моменты, когда они подавались назад.

Новое «ура!» загремело справа и слева сражавшихся насмерть стрелков и конвойцев. Это кинулись на турок волынцы 3-го батальона. Опять всё перемешалось: турки и русские не хотели уступать один одному.

Впереди показалась 12-я рота.

— Ребята! Наших бьют, не выдавай! — кричал командир её капитан Брянов.

Он опередил свою роту и кинулся вперёд.

Раздался отчаянный вопль, сменившийся затем криком ярости. Солдаты увидели своего командира, поднятого турками на штыки. Русские, как обезумевшие, кинулись вперёд, и гора трупов выросла на месте, обагрённом кровью храбреца.

Натиск подошедших волынцев был так стремителен, так упорен, что турки дрогнули и отодвинулись далеко в сторону. «Morituri» сделали своё дело. Немного осталось из четырёх с половиной рот, бившихся за оврагом Текир-дере, но они удержали за собой важнейший пункт, обеспечивая остальным, уже плывшим через Дунай товарищам устье реки, где они могли теперь высаживаться в сравнительной безопасности.

XIII
ПОБЕДИТЕЛИ

О победы, однако, было ещё далеко...

Пока весь бой, весь ужас боя был на правом берегу Текир-дере. У Систова было сравнительно спокойно. Не было схваток грудь с грудью; там турки не решались кидаться на русских. Они засели в своих виноградниках и сыпали оттуда пулями. Русские отвечали им, но только этим и ограничивались. Третий отряд в глубине берега тоже оставался спокоен; турки и на него не нападали. Зато на Дунае, на самом Дунае обильно лилась русская кровь, гибли русские люди.

Переправлялись стрелки Минского полка и его 3-й линейный батальон.

Отброшенные волынцами от оврага Текир-дере турки укрепились в прибрежных об-

рывистых скатах. Каждый подходивший понтон они встречали таким активным огнём, что от падавших в Дунай пуль «вода кипела около понтонов»...

Строго-настрого запрещено было стрелять русским во время самой переправы, и приказ исполнили. Выстрелами с реки переправлявшиеся могли бы или отогнать турецких стрелков, или, по крайней мере, ослабить их огонь. Но нет! Что приказано, то и исполнено. Ни одного русского выстрела не раздалось с Дуная.

Велик солдат русский!..

Тихо плывёт понтон. С трудом выгребают вёслами гребцы, преодолевая течение. Стальной щетиной торчат штыки. Пока до правого берега далеко — всё ничего. Но вот он уже близок. Льются дождём пули. Их не видно. Слышно только их пчелиное жужжание. Рвутся с противным шипением гранаты, обдавая несущими смерть осколками безмолвных, бледных пассажиров понтона. А понтон уже не стремится к берегу. Он, колеблясь, плывёт, куда несёт его течение. Штыки уже не щетинятся. Они склонились на сторону,

как склоняются в поле побитые градом колосья ржи. Мертвецы держат их... Турецкие пули смели всё живое с понтона...

Тихо плывёт другой понтон. Он только ещё отвалил от берега. Вёсла мерно погружаются в воду, всплёскивают. Штыки стоят щетиной — правый берег далеко ещё. Солдаты пока и опасности не видят. Вдруг — тдд-ддудду — поёт, разрезая воздух, турецкая граната. Рулевые не рассчитали, где она упадёт. Крик ужаса, вопль предсмертный — граната в понтоне. Взрыв, клубы дыма окутывают понтон. Когда дым рассеялся, только круги идут по Дунаю. Понтона нет — со всеми своими пассажирами ушёл он под сердитые холодные волны...

Так три понтона оказались расстреляны [41]...

Более всего погибло на тех понтонах, которые сносило течением ниже устья Текир-дере. Там, по выражению участника переправы, в русских «не стреляли, их расстреливали». На понтонах, пристававших выше устья речонки, больших потерь не было.

Кое-как, но сравнительно счастливо про-

брались мимо рокового места понтоны со стрелками 2-й роты Минского полка. Лица солдат пожелтели от ярости. Губы крепко сжимались, глаза так и горели гневом. Они видели, как только что погибли расстрелянные турками в упор их товарищи. Командовавший ротой поручик Моторный был смертельно бледен. Ужас только что пережитой сцены гибели своих пробудил в нём страшную жажду мести. Он слышал, как глухо роптали его солдаты, тоже охваченные пылом ярости.

— Ребята! Товарищи гибнут! Выбьем турок! — закричал поручик, когда часть его роты, выскочив на береговую отмель, укрылась под Овружским обрывом.

— Выбьем, умрём... выбьем! — послышался ответ.

Около Моторного собрались человек восемьдесят.

Подошли ещё около сорока стрелков той же роты, приведённых поручиком Донцовым.

Эта горсть людей решила пожертвовать собой, чтобы спасти других товарищей от неминуемой смерти.

Прикрываясь крутизнами, стараясь ничем не выдать своего приближения, вскарабкались минцы на правый берег оврага. Там шёл ожесточённый бой. Моторный не повёл в него своих. Он двинулся к береговым утёсам, где засели расстреливавшие его однополчан вражеские стрелки. Молча, без обычного даже «ура», без выстрела бросились минцы на турок.

Для тех появление русских оказалось полной неожиданностью. Рассвирепевшие солдаты жестоко отомстили за гибель своих. Остатки турок разбежались в паническом страхе. «Роковое место» исчезло. Только очистив утёсы и кручи от врагов, разразились победители громким победным кличем и двинулись далее вдоль берега, сокрушая остатки турок. Им на помощь подоспели другие роты минцев. Поручик Лихачёв успел перетащить с левого края оврага на правый свои пушки — единственные на турецком берегу. Теперь волынцы и минцы перешли в наступление. Турки отступили, но не прекратили боя. Был шестой час утра. Русские отбили уже 13 вёрст турецкого берега. Первая бригада 14-й пехотной

дивизии была переправлена.

На правый берег переехал главноначальствующий переправой генерал-майор Драгомиров. Он осмотрел все позиции и убедился, что ими совершенно обеспечивается переправа остальных войск. Следовало остановить волынцев и минцев от бесполезного пока, но истощавшего их силы и уносившего людей наступления на отходившего с боем неприятеля. Оказалось, что некого послать к храбрецам за Текир-дере — все казаки, эти обычные ординарцы, были уже разосланы на дорогу между Систовом и Рущуком.

Там уже прекратился рукопашный бой. Рассыпавшись цепью, волынцы залегли на земле, то и дело переползая вперёд. Со стороны турок по-прежнему градом летели пули. Всюду на земле, в грязи корчились, хрипя, умирающие, стонали раненые. На поле битвы явились санитары.

Какой-то странный крик пронёсся по русской цепи. В нём слышались в одно и то же время и удивление, и восторг. Солдаты, забывая об опасности, поднимались и смотрели во все глаза на молодого красивого генерала,

шедшего пешком вдоль цепи. На нём был белый китель — единственный в ту ночь во всём отряде. На голове — фуражка под белым чехлом. Шёл генерал, не торопясь; он даже как будто умышленно замедлял шаг. Ему словно нравились это несносное жужжание турецких пуль, этот рокот пушек. Он равнодушно поглядывал по сторонам, точно был уверен, что ни одна пуля не тронет его и он выйдет невредимым из этого адского огня.

Генерал сей был Михаил Дмитриевич Скобелев.

Он взялся передать войскам за оврагом приказание генерала Драгомирова прекратить наступление и только удерживать за собой уже занятые места, не допуская турок прорваться в четырёхугольник, образованный русскими позициями.

Возбуждая восторг в солдатах и офицерах, прошёл Скобелев вдоль всей длинной цепи, перестреливавшейся с турками, и ни одна пуля даже не поцарапала его...

С тех пор создалось мнение в войсках, что Михаил Дмитриевич «от ратной смерти заговорён»...

Передав приказание командующего, Скобелев спустился к берегу, где высаживались части начавшей переправу 2-й бригады под командой генерал-майора Петрушевского[42].

Был уже одиннадцатый час утра 15 июня.

С двух мест: от Систова и Вардена, где были батареи у турок, обстреливали последние Дунай. Систовской батареей, как узнали после, командовал англичанин, артиллерийский офицер, состоявший на турецкой службе. Он не только был удивлён, но даже выведен из себя упорством русских. Рассказывали, что он в гневе даже воскликнул: «Сколько их ни бей, это мужичьё всё лезет!..»

«Мужичьё» лезло на правый берег и гибло на левом.

Против двух турецких батарей выставлены были сорок девятифутовых орудий да ещё одна батарея 9-й артиллерийской бригады. Помочь переправлявшимся артиллеристам не было возможности. Турецкой пехоты не обстреливали, боясь попасть в своих. Турки в этом отношении были свободны. Систовская батарея не умолкала. Бомбы и гранаты так и сыпались на остров Бужиреску. С Варденской

батареи били и по Дунаю, и по брянцам, окопавшимся на левом берегу против Текир-дере, и по славным севастопольцам — Елецкому, Севскому, Орловскому полкам, готовившимся после переправы всей 14-й дивизии в свою очередь перебраться на правый берег. Эти полки только-только подошли к Зимнице. И, даже не отдохнув, готовились к переправе за Дунай.

Выше по Дунаю, на левом берегу, около деревеньки Фламунда с высокого кургана наблюдали переправу Государь Император и августейший главнокомандующий. Государева свита несказанно удивлена была, когда стало известно, что войска переправляются не у Никополя, как были все убеждены, а у Систова.

В 9 часов утра к кургану подъехал командир 9-го корпуса генерал-лейтенант барон Криденер[43], чтобы доложить главнокомандующему, что к Сяки до сих пор ещё не присланы понтоны для переправы его корпуса. Император, услыхав это донесение, «не говоря ни слова, взял его за плечи и повернул лицом к Систову, где происходил бой; тогда тот понял, что его движение было всего лишь де-

монстративное»[44].

Переправа 2-й бригады 14-й дивизии и четырёх батальонов 4-й стрелковой бригады шла быстро. Между берегами уже ходил пароход «Аннета» под командой капитан-лейтенанта Тудера. Войска перевозились на баржах.

Теперь оставалось кончить дело — взять Систовские высоты, поднимавшиеся над береговыми кручами, выгнать оттуда турок и занять Систово.

Неудача обескуражила защитников Систова. В одиннадцать часов житомирцы и подольцы пошли на высоты. Турки слабо отстреливались от наступавших, и в два часа дня русские были уже на гребне Систовских гор. Перед ними раскинулся Систов, весь так и утопавший в зелени садов. Ярко сверкали в солнечных лучах кресты православных храмов, слышался радостный колокольный звон. На дорогу к высотам вышел крестный ход...

Турки отступали во всех пунктах. Они откатывались к Вардену, Тырново и Рущуку. Русские даже не преследовали их... Ибо главное дело было сделано. Россияне твёрдо стоя-

ли в Болгарии, за свободу и спасение которой они самоотверженно шли проливать свою кровь.

В третьем часу дня Систов был занят двумя батальонами Житомирского полка.

Светлым праздником стал этот день для болгар. Русских солдат обнимали и целовали. Крестный ход встретил батальоны у черты города. Православные священнослужители благословляли пришедших ради дела освобождения русских воинов. Почётные граждане, старцы, беленные сединами, свидетели длинного ряда лет неистовства поработителей-турок вышли из города с хлебом-солью. Женщины целовали руки офицерам; дети тянулись к окроплённым вражеской кровью бойцам за их будущую свободу. Девушки бросали под ноги солдатам цветы. «Ура» и «живио» не умолкали ни на мгновение.

Свершилось великое начало. Болгарская земля оросилась русской кровью. Трепетали смущённые этой первой решительной победой враги. Султан отдал под суд своего сердар-экрема и систовского коменданта.

Потери русских при переправе и в после-

дующем бою за плацдарм состояли из 30 офицеров и 782 нижних чинов.

XIV
В ГОСПИТАЛЕ

Громкий говор, даже смех, ясно донёсшиеся до слуха Рождественцева, несказанно удивили его. «Кажется, разговаривают», — подумал он, стараясь разомкнуть словно свинцом налитые веки.

Он хорошо помнил ощущение страшной тупой боли в голове, с которым упал тогда за оврагом Текир-дере. Теперь, очнувшись, он в первые мгновения не мог дать себе отчёта, где он, что с ним, живёт ли он или уже умер. Голова его страшно, нестерпимо болела. Теперь боль была ноющая, охватывающая весь череп. Она начиналась откуда-то от мозжечка и расходилась, словно лучами, к темени, к

вискам, ко лбу. Веки были тяжелы, и Сергей чувствовал, что у него нет сил раскрыть их, чтобы оглядеться вокруг себя. При тяжкой головной боли он исхитрился пошевелиться.

— Лежи, голубчик, лежи спокойно, родной мой. Ради Бога, не шевелись! — раздался над ним ласковый женский голос.

Звук его поразил юношу.

Голос! Голос женщины! Стало быть, он не умер, он жив. Разве мертвецы могут что-нибудь слышать? Но, может быть, это голос ангела?

С страшным усилием воли он открыл глаза и увидел склонившуюся над ним с истинно заботливым вниманием во взоре молодую женщину в белом головном уборе и переднике, на нагруднике которого красовался красный крест.

Это объяснило ему всё.

«Сестра! Сестра милосердия! — пронеслась мысль. — Стало быть, я в госпитале. Жив... А что наши? Перешли ли?»

Теперь сознание окончательно вернулось к нему. Он помнил, он сознавал всё — он жил...

— Ну вот слава Богу, слава Богу! — говорила сестра, оправляя подушки. — Мы теперь очнулись, мы теперь поправимся и опять пойдём за вторым Георгием...

Она протянула Рождественцеву маленький серебряный крестик.

— По суду товарищей! — услышал Сергей. — Берите же, голубчик! Или — нет, я сама приколю...

Рождественцев изумлённо молчал.

«Сон какой-то это всё! — думал он. — Какой Георгий? За что? Товарищи присудили... Да когда же, когда? Ведь он только вот сейчас упал, оглушённый, по всей вероятности, турецким прикладом. А между тем — Георгий... За что? За что?..

— Сестра, где мы? — простонал он.

— В Систове, во временном госпитале, — последовал ответ. — Тут и товарищи есть ваши...

— Победа, стало быть, — прошептал Сергей.

— Полная победа... Наши уже идут к Тырново... Но будьте спокойнее... Вам нельзя волноваться.

— Одно ещё... Я ранен?.. Куда?

— Нет, вы не ранены, голубчик, вы были больны... Просто нервная горячка... Теперь поправитесь... Иду, голубчик, сейчас родной мой! — крикнула сестра, услышав слабый стон соседа Рождественцева.

Она отошла, Сергей с большим усилием повернул голову... Небольшая комната была заставлена кроватями. На них в разных положениях лежали люди, прикрытые кто старым одеялом, кто просто солдатской шинелью. У одних были перевязаны головы, другие — можно это было заметить — были обвязаны по туловищу. Ощущался противный запах йодоформа, пота и крови. Слышались слабые стоны. Из одного угла доносилось тяжёлое хрипение.

Сергей сделал движение, чтобы приподняться, и тут заметил прицепленный к его груди белый крестик. Словно какая-то сила всколыхнула его. На мгновение исчезла болезненная слабость. Он сорвал крест с груди и принялся разглядывать его. Простенький беленький крестик с изображением победоносца-воина, поражающего змея. Ленточка двух-

цветная в ушке. Только и всего!.. А между тем ощущение необыкновенного счастья, чувства радости, гордости, восторга переполнило душу Сергея при виде этого простенького значка. За что ему его дали — Сергей ещё не знал. Но и того, что сказала сестра, было довольно. Крест присуждён ему его же товарищами. Они сами признали его достойным этого знака отличия. Стало быть, он действительно стоил его — этого маленького, беленького крестика... чтобы заслужить который, люди кидались на явную смерть...

Достоин! Заслужил! Он, Сергей Рождественцев, никогда не мечтавший доселе о славе героя, о полях битв...

Сергей чувствовал, что слёзы ручьём текут из его глаз. Он жадно приник губами к кресту, он осыпал его бесчисленными поцелуями. Рыдания рвались у него из груди. Крестик весь оросился его слезами.

— Так, баринок, так! — услышал он справа от себя тихий голос.

Рождественцев хотел было обернуться на него, взглянуть, кто это говорит, — голос показался ему знакомым, — но внезапно овла-

девший им порыв уже прошёл, силы снова оставили его, и он беспомощно откинулся на подушки в лёгком забытьи...

Победа на Дунае была полная. Грозного соседа Систова — Варден уже заняли Севский и Брянский полки и артиллерия. Турки отошли вглубь страны к деревеньке Бела; в сторону Рущука шёл Орловский полк с артиллерийской батареей. Армия уже переправлялась по быстро наведённым понтонным мостам через Дунай.

К вечеру 18 июня около Систова собрались уже сорок с половиной батальонов пехоты, шесть сотен донских казаков, шестьдесят четыре пеших донца и четырнадцать горных орудий. 16 июня Систово посетил Государь Император, прибыв в первый занятый русскими войсками болгарский город в сопровождении своего наследника и своих сыновей Великих князей Владимира, Алексея, Сергея Александровичей. Главнокомандующий Великий князь встречал августейших гостей в Систове. Уже были сформированы три отряда: Передовой в 10 тысяч человек, Рущукский в 75 тысяч и Западный в 35 тысяч человек.

Наступила теперь очередь принять боевое крещение русской кавалерии. В Передовом отряде, который вёл генерал-лейтенант Гурко [45] за Балканы в долину реки Тунджи, были собраны гусары-киевцы, драгуны-астраханцы, казанцы и донские казаки с тремя батареями. С Передовым отрядом шли и дружины болгарского ополчения. Им на долю выпадала далеко не лёгкая задача расчищать путь по освобождаемой стране для главных сил армии, которые должны были следовать в горы непосредственно за отрядом Гурко, в успешном выполнении задачи которым не было сомнения. Рущукский отряд, составленный из 12-го и 13-го армейских корпусов, должен был обложить Рущук и оберегать тыл наступающих войск. Командиром отряда назначили наследника Цесаревича, впоследствии Государя Императора Александра Александровича. Западному отряду, командиром которого был назначен генерал-лейтенант барон Криденер, дали поручение взять Никополь, преграждавший путь русской армии, и идти через городишко Плевна, где следовало оставить отряд для охраны правого фланга насту-

павшей армии, также в горы. В состав сего отряда входили пехотинцы: архангелогородцы, вологодцы, костромичи, галицкие, пензенцы, тамбовцы, козловцы, воронежцы — все славные армейские полки и кавалеристы 9-й кавалерийской дивизии без Казанского драгунского и Киевского гусарского полков, то есть бугские уланы и донские казаки. Артиллерия отряда состояла из 102 орудий и четырёх с половиной артиллерийских полков.

О турках ничего или почти ничего не было слышно. Русский отряд, перешедший Дунай у Галаца, укрепился в Добрудже, угрожая укрывшимся в крепостях Варне, Шумле и Силистрии на Дунае неприятелям. Значительные силы оказались заперты в Рущуке. По сведениям главного штаба, западнее Тырново, на который должен был прежде всего идти передовой отряд, совсем не было неприятеля. Турки оставались только в древней столице Болгарии, но о числе их и возможном сопротивлении ничего не было слышно. Ходили смутные слухи о каком-то большом турецком отряде, находившемся у Виддина, против которого действовали румыны из Калафата.

Начальником этого отряда называли Османа-пашу, но особенного внимания на виддинский отряд не обращали. Силы русского Западного отряда казались вполне достаточными, чтобы преградить неприятелю путь на правом фланге...

Таково было положение русской армии в Болгарии после героического перехода через Дунай на Систов.

Когда Рождественцев пришёл в себя, он увидел, что бок о бок с ним лежит и его товарищ по фронту Фирсов. Солдатик был не смертельно, но тяжело ранен пулей в живот. Он поправлялся, заживление раны шло превосходно, и Фирсов с нетерпением ожидал, когда же ему можно будет выписаться из госпиталя и присоединиться к полку.

Он рассказал Сергею, что товарищи были поражены непостижимой смелостью, с какой шёл юноша в самое жаркое место боя. Удивлялись более всего тому, что этот всегда «субтильный», как называли солдаты Рождественцева, вольноопределяющийся явился для них примером того, как должно держаться воину в бою. Глядя на него, — признава-

лись они сами, — они воодушевлялись и, увлечённые живым примером, забывали об опасности, а помнили только о том, что все они или должны удержать за собой место, занятое ими, или всем лечь на нём. Когда и роту были присланы знаки отличия военного ордена, солдатики единогласно присудили Рождественцеву один из них.

Сергей боялся спросить о своих товарищах по отделению. Но Фирсов, умница, предупредил его.

— Я вот да Мягков ранены, — рассказывал он. — Вас, Серёжа, — Фирсов теперь так уже называл товарища, — турок сзади оглушил. Может быть, через это вы и спаслись... Василий Андреевич без царапин остались, а так как Панов ранен, то они во взводе теперь за него... Епифанову и Юрьевскому — Царство Небесное, со святыми упокой! Оба преставились. Епифанова на берегу шальная пуля уложила, как только он с понтона соскочил, а Юрьевского турок штыком пробил, и не крякнул бедняжечка. Их высокоблагородие господин наш капитан Солонин тоже убиты. Много душ христианских освободилось, а всё-та-

ки победа...

Голос Фирсова звучал довольством и торжеством. Солдатик, видимо, гордился тем, что как-никак, а «наша взяла всё-таки». Такое же настроение было и у других их соседей. Даже тяжелораненые умирали с некоторым довольством — дело было сделано, победа осенила первый шаг русских в Болгарии.

Говорили всюду и о других скромных, не замеченных сперва героях. Государь Император собственноручно возложил на грудь умиравшего от девяти штыковых ран капитана 12-й роты Волынского полка Брянова Георгиевский крест. Удивлялись матерому Семёну Лопатину, с перебитыми руками спасшемуся от турок при ночной переправе. Государь дважды посетил Лопатина, и главнокомандующий сам навесил ему Георгия. Восторгались пластунским урядником Сухоносом, перебившим в первый момент переправы пятерых турок и этим давшим возможность выскочить на берег 1-й стрелковой роте. Вспоминали, как на понтоне, где была батарея поручика Лихачёва, упала и забилась раненная осколком гранаты лошадь, грозя перепугать

других лошадей и потопить всех. Солдаты навалились, задушили лошадь и тем спасли понтон и все орудия. Словом, всюду были герои, скромные, молчаливые, не трубившие о своих подвигах, но возбуждавшие ими всеобщий восторг.

В госпитале навестил Рождественцева Коралов. Он был невредим. Все его мечты рассеялись. Георгия у него не было, и ему даже не удалось во время переправы совершить ничего такого, что возвысило бы его по крайней мере в его же собственном мнении.

— Попрощаться пришёл! — объявил он приятелю, поздравил его с Георгием. — Ухожу...

— Как так? Куда?.. — удивился Рождественцев.

— Говорил, что 14-я армия для меня несчастливая... Перехожу в криденеровский корпус.

— Да разве это возможно?

— При желании, милый друг, всё возможно. Похлопотал, попросил, предлог нашёлся, счастливая минута вышла, а что нельзя, то, конечно, нельзя... Прощай! Выздоравливай.

Рождественцев только головой покачал.

— Да! — вспомнил Коралов. — Тебе Петко наш кланяется... Их ополчение перешло через Дунай, пойдёт на Тырново, а оттуда — на Балканы... Вот где покажут себя братушки. Кстати. Наша Самара поднесла им дружинное знамя. На Плоэштах большое торжество было, когда знамя передавали. Петко радуется. Ждёт не дождётся, когда в родной город попадёт. А меня прости и порадуйся, что этот перевод мне так удался. Позавидуешь. Передовой отряд всё дело сделает и войну кончит. Вашей дивизии разве только до Тырново придётся дойти да постоять там, а криденеровский корпус всё-таки будет штурмовать Никополь. Может быть, мне там придётся отличиться.

Коралов ушёл.

Невольно его слова возбудили зависть в Сергее. В самом деле, ему более не придётся побывать в сражениях, не придётся увидеть величественно дикой картины боя... Не могло быть сомнений в том, что отряд Гурко пройдёт Балканы, а там, когда спустится с гор, недалеко и до Адрианополя[46]. В Адрианополе же мир.

Такие мысли приходили не к одному Рождественцеву, а ко многим — почти ко всем в русской армии, в России...

Турки явно избегали решительных сражений и постепенно отводили войска из Болгарии.

Русские части Передового отряда шли всё вперёд и вперёд.

XV
ЗА БАЛКАНЫ

Серебрящейся на солнце синей лентой прихотливо извивается среди берегов, утопающих в зелени лугов и кустарников, одна из красивейших рек Придунайской Болгарии — Янтра. Недалеко от мрачного горного ущелья, в которое врывается она в своём стремлении к Дунаю, стоит древнее Тырново[47] — мать городов болгарских — «болгарский Царьград».

Природа не поскупилась на украшение этого прелестного местечка. Всюду зелень садов, покрывающих сплошь холмистые берега Янтры. На одном из холмов левого берега, спускаясь почти до самой воды, лепились десятки чистеньких беленьких домиков, среди которых виднелись и построенные по-европейски дома. Это христианский квартал Тырново. Выше его по берегу раскинулся мусульманский квартал, весь обрамленный зеленью бесчисленных фруктовых садов. Под низкими, однообразного типа и архитектуры домами турок — белыми, синими, жёлтыми — гордо высятся, словно опрокинутые полушария, купола мечетей, тянутся к высокому южному небу, словно гигантские иглы, минареты, с которых перед каждым наступавшим вечером пронзительно визгливым голосом призывают муллы правоверных турок к битве с «москалями».

Но напрасны эти призывы... Русские идут и идут. Подошли они и к Тырново.

Драгуны, гусары и, главное, метким своим огнём 16-я конная батарея отогнали турок от Тырново. Низамы и редифы, стоявшие в горо-

де, после перестрелки, ленивой и вялой, отошли к Осман-Базару. Это было 25 июня. Турецкий губернатор Саиб-паша ушёл из столицы Болгарии пешком. В 4 часа пополудни урядник Кубанского полка князь Церетелев, только с началом войны вышедший из состава русского посольства в Константинополе, ворвался с сотней казаков в Тырново, промчался по всем его улицам, а вскоре за ним вступили и остальные русские кавалеристы. «Ура!» и «Живио царю Александру» встретили входивших в болгарскую столицу русских. Сияющие от радости болгары, болгарки, старики, взрослые, юноши, дети густой толпой бежали за рядами солдат, шедших к площади тырновского собора. Впереди русских войск шли с крестом и святой водой болгарские священники. В соборе было совершено благодарственное Господу Богу молебствие. Горячо молились недавние ещё жалкие рабы турок за своих освободителей, горячо молились и освободители — за ниспосланную им победу.

Не один из русских людей сильно призадумывался, поглядывая на черневшую к югу от Тырново горную громаду. Это был Великий

Балкан, снизу на скатах весь покрытый цветущей зеленью и совершенно голый по мере того, как тянулись всё выше и выше его угрюмые холодные громады. Перелетать бы нужно через них вольной птицей, но вот переходить их придётся... да ещё как переходить! С конями, пушками, с обозом. Везде там в этих горах засели проклятые турки. Подойди только русский отряд, сразу оживут эти молчащие мёртвые твердыни. Как нежданно упавшие с далёких небес облака, окутают их клубы порохового дыма. Заговорят громовым голосом турецкие пушки, затрещит несметное число турецких превосходных «мартини-пибоди», и ударит вдруг по подходящим свинцовый дождь, несущий смерть. И невольный вздох вырывается из русской груди. И это вздох не страха за жизнь, не боязни смерти, нет! Вряд ли во время Освободительной войны думал кто-либо об этом среди русских воинов. Вздох этот был проявлением боязни за неуспех дела. Дунай-то перешли, а вот удастся ли теперь через Балканы перебраться?

Один за другим подходят к Тырново русские полки. Явилось, наконец, и болгарское

ополчение, уже окончательно сформированное. Заправскими воинами выглядят ополченцы — обучились, подправились — хоть сейчас на турок. Пока, впрочем, ополченцам гордиться нечем. Пороха они даже не нюхали, огненного крещения в бою не успели принять. Но боевым огнём в битвах за родину крещены уже многие. В ряды дружинников стал было, да его прикомандировали к дружинному штабу, отчаянный, тридцать три года боровшийся за свободу своей родины, болгарский воевода Цеко Петкович. Старик он совсем — потому только и в штабе он, а не в боевых рядах. Двадцать восемь ран, полученных в боях с турками, бороздят его старое тело. На шее и затылке след от турецкой цепи, на которой он просидел, прикованный к стене турецкой тюрьмы более двух с половиной лет. Но когда раздался призыв на борьбу за родину, явился старик, стал в ряды, служа примером молодым землякам, рассказывая им об ужасах турецкой неволи, о сладости борьбы за родину...

Гордятся ополченцы своим знаменем, под сенью которого скоро должна была пролить-

ся их кровь. Из недр Великой Руси, с далёкого Поволжья от города Самары прислано им это знамя. Оно трёхцветное: малиновая и светло-синяя полосы по бокам, белая между ними. Знамя сшито из шёлка. На белой полосе в середине широкий прямоугольный крест, шитый золотом по чёрному с изображением Богоматери в своей середине, с другой стороны такой же крест с изображением славянских первоучителей святых Кирилла и Мефодия. Древко серебряное, золочёное, на одной из лент шитая золотом надпись: «Да воскреснет Бог и расточатся врази Его». Плакал навзрыд от умиления старый Цеко Петкович, прибивая к древку это дорогое знамя, под сенью которого на закате своей жизни готовился он идти со своими молодыми земляками в мрачные Балканы, где каждая тропка была ему известна, где не один утёс был полит его кровью.

У дружинников-ополченцев уже сложилась и песнь, с которой приготовились они идти на смерть за свободу родины своей...

Вот она, эта песнь:

Шуми, Марица, кровью текущая,
Рыдай, вдова, тяжко израненная,
Вперёд идёмте, друзья-воители,
Перейдём Дунай со всеми силами.
Идём, идём! Вождь наш!
Раз, два, раз! Идём, дружинники!
Герой-лев нас ведёт,
Знамя со львом вещает победу.
Взгляните, притеснители, на вождя нашего,
Послушайте, как поём мы песнь победную!
Трубы затрубили, вперёд, вперёд!
Идёмте, друзья-воители!
Идём! Идём! Идём!
С острым окровавленным мечом
Вождь наш идёт вперёд.
Перед ним бой грохочет,
За ним идут храбрецы-дружинники
Ради свободы своей родины!

При окончательном сформировании ополчения Петко Гюров попал в третью дружину, которой командовал майор Калитин, уже известный своей храбростью по Туркестану, где он был до того. Вместе с дружиной пришёл

Петко в несчастный город, бывший его родиной. Слёзы радости и умиления невольно полились из его глаз, когда увидел он Тырново... Теперь это был не город рабов, а столица свободных болгар. Уже не придётся более туркам бесчинствовать на берегах Янтры. Всё для них теперь кончено. Отошло их время. Как пришли русские, совет лучших тырновских граждан вступил в управление городом. Русским гражданским губернатором Болгарии назначен был князь Черкасский[48].

Трудно представить, что было в Тырнове. Горожане, как только могли, выражали свой восторг, свою радость при виде «матери будущей болгарской военной силы», как называли тогда ополчение. Что-то стихийное проявлялось в этом восторге, и ополченцы не успевали отвечать на объятия, поцелуи, крики приветствия.

Когда третья дружина проходила по улицам Тырново, Петко кто-то окликнул. Голос был детский, тонкий. Петко оглянулся. Густая толпа провожала колонну. Никого знакомого юноша не увидел. Он подумал, что ослышался, и перестал думать об оклике.

Под вечер, когда дружина разместилась в отведённом ей помещении, молодой болгарин отпросился у своего начальника в город. Гюрову хотелось взглянуть на то место, где стоял когда-то его дом, где жила счастливая его семья — отец, мать, братья, сестрёнка. Юношу отпустили. Чуть не бегом бросился он на окраину христианского квартала. Вот-вот то место, где увидел Петко впервые Божий свет. Пустое оно. Следа нет какого бы то ни было жилья. С землёй сравняли турки целый ряд болгарских домов, сперва вырезав всех их обитателей, которых заподозрили в сочувствии русским. Петко уже побывал здесь после того, как пришло известие о гибели его семьи. Тогда здесь ещё оставалась груда обгоревших брёвен, а теперь всё было чисто; только густо разросся кустарник на месте пожарища.

Петко стоял около этого места, где пролилась кровь дорогих ему людей, и плакал. Тяжёлые, грустные воспоминания нахлынули на него. Он не удержал глухих рыданий, уверенный, что здесь он один и никто не увидит его слёз.

— Петко, Петко! — вдруг раздался детский голос, тот же, что окликал его на улице.

Юноша вздрогнул от неожиданности и обернулся. Позади него, спеша к нему, бежал, весь запыхавшись, мальчик лет двенадцати — не более. Он был весь в лохмотьях, но лицо его так и дышало горделивым вооду-шевлением.

— Петко, Петко мой, здравствуй! — кричал он по-болгарски. — Я в городе видел тебя и звал. Я верил, что ты непременно придёшь сюда.

— Лазарь! — воскликнул, кидаясь мальчику навстречу, Гюров. — Лазарь, брат мой! Не из мёртвых ли воскрес ты?

Он приподнял мальчугана и крепко-крепко прижал его к груди. Лазарь отвечал ему бесчисленными поцелуями. Слов у них не было, чтобы выразить в эти мгновения свои чувства. Слёзы, рыдания и поцелуи заменяли их.

Лазарь приходился двоюродным братом Петко. Гюров, когда был в Тырново до вступления в ополчение, никого не видел из семьи дяди. Однако он узнал, что дядя со своими успел убежать в горы. Перед самым объявле-

нием войны один из беглецов, явившийся в Кишинёв из Тырново и тоже записавшийся в ополчение, рассказал Петко, встречаясь с ним, что турки поймали Косовых — такая была фамилия его дяди. Самого старика посадили на кол, остальных или зарезали, или повесили. Гюров был уверен в гибели всех, и теперь внезапно появившийся Лазарь представлялся ему выходцем из могилы.

— Ты жив! Жив! — безумно радовался Петко. — А твой отец? твоя мать?

Лазарь отвернулся и коротко ответил:

— Погублены все!

Несколько секунд прошли в молчании. Потом Лазарь вдруг кинулся Гюрову на грудь и судорожно зарыдал.

— Всё, Петко, всё! — выкрикивал он. — Сироты мы оба... Я дал клятву, такую же, как и ты, отомстить за них... Я сдержу её, я достаточно вырос, чтобы держать ружьё и стрелять из него. Ты должен помочь мне... Я пристану к вашему ополчению, я принесу пользу, ведь я знаю все тропинки в Балканах. Русские должны взять меня.

Гюров даже не засмеялся в ответ на этот

лепет. Для него Лазарь вовсе не был ребёнком. Мало ли было болгарских мальчуганов, в таком же возрасте уже побывавших не в одном бою с турками...

— Хорошо, Лазарь, мы об этом подумаем! — обещал он. — Пойдём теперь в наш лагерь. Хочешь?

— Да, да! — ответил мальчик. — Я не смел пробраться к тебе, когда вы пришли, но с тобой я пойду... пойду, куда ты меня поведёшь... Идём!

— Сперва помолимся здесь за мучеников наших! — сказал Гюров и стал на колени.

Рядом с ним опустился и Лазарь. Тиха и кротка была их молитва, но в эти мгновения души ребёнка и юноши слились в ней с душами тех, чья кровь обагряла этот клочок земли.

Лазарь пришёл в лагерь и уже так и не ушёл из него. Его пробовали прогонять, он настойчиво возвращался опять и смотрел на прогонявших его по приказанию начальства ополченцев так жалобно, что у тех духу не хватало прогонять его вновь.

Он так и остался при дружинах, когда те выступили из Тырново в дальнейший поход к

Балканам...

Грозны Балканы издали, в смущение и трепет приводят они вблизи. Действительно, птицей бы нужно быть, чтобы в такое время очутиться за ними. У подножия Балкан приткнулся болгарский городишко Габрово. От него идёт шоссе через горный хребет на город Казанлык[49]. Это самая удобная дорога за Балканы в долину реки Тунджи. И пехота, и кавалеристы, и артиллерия, и обозы спокойно и без утомления могли бы пройти по ней. Во время мира здесь был почтовый тракт, но теперь пройти этим путём невозможно без страшной кровавой жертвы. Турки заняли этот путь. Они укрепились и на горе Шипке, и на высочайшем пункте Великого Балкана — горе Святого Николая. Тут их главная позиция, и чтобы выбить их, требуются целые моря дорогой русской крови.

Есть и другие переходы, но они положительно неудобны для целей, которые преследовали русские. Им нужен был именно Шипкинский перевал, а чтобы овладеть им, необходимо было зайти туркам в тыл и разогнать их с горных вершин, на которых они засели в

полной уверенности, что уж здесь русские не достанут их.

Жестоко ошиблись правоверные! Забыли они, что не в первый уже раз приходится русским солдатам орлами перелетать через закутанные в облака горы. В прошлом у них были уже Альпы. И через те смогли они перелететь со своим чудо-вождём Суворовым. Там же были против них враги — не чета туркам. С.-Готард, Чёртов мост защищали храбрецы, каких мало, — французы. Лучшие наполеоновские генералы гнались за русскими орлами, когда те карабкались сперва и спускались потом через С.-Готард, Росшток и Ринненкопф. Соперник Наполеона — знаменитый Массена — был отбит ими и отброшен у Гларисса. Так туркам ли было остановить русских!..

Генерал Гурко выслал свой отряд по проходу, который не был нанесён ни на одну из карт. Обыкновенно этим проходом пользовались болгары, когда убегали от турок в горы. Казалось, он был доступен только для перехода в одиночку. По нему, однако, генерал вёл свой Передовой отряд и вышел по ту сторону Балкан у деревушки Хаинкиой. Таким обра-

зом русские оказались в тылу у турок. Казанлык в долине реки Тунджи — первый турецкий город за Балканами — перешёл в руки русских. В то же время со стороны Тырново от Габрово наступал сформированной под командой князя Святополк-Мирского[50] отдельный, предназначенный для этой цели Габровский отряд. Турок на Шипке засело семь батальонов при девяти орудиях (4700 человек) под начальством Халюзи-паши. Они сопротивлялись на своих неприступных позициях отчаянно и даже заставили было отступить отряд из Габрово. Мало того, они могли бы задержать здесь русских ещё надолго, но боязнь остаться без провианта заставила Халюзи-пашу бросить Шипку и отойти.

Русские сейчас же сошлись на оставленных неприятелем твердынях. Генерал Гурко блестяще выполнил свою задачу — путь русской армии на Константинополь был открыт.

XVI

ПОБЕДА, ПОБЕДЫ, СЛАВА!

Алексей Петрович Коралов обладал замечательной способностью быстро устраиваться между чужими людьми, близко сходиться с ними и становиться между ними своим.

Какими-то судьбами удалось ему выхлопотать себе перевод в 17-й Архангелогородский полк, уже переправившийся через Дунай и стоявший с частями девятого корпуса против Никополя. Едва только Коралов успел явиться в роту, он уже сумел перезнакомиться там со всеми, а через день-два он уже так сжился со своими новыми товарищами, что, казалось, будто он целые уже годы прожил с ними. Его смех, шутки раздавались с утра, когда лагерь просыпался. Однако с Кораловым произошла перемена. Он, недавно ещё беспечно смотрев-

ший на будущее, говоривший, что дальше капитана и служить не будет, теперь вдруг запылал необыкновенным честолюбием. Но он мечтал не о совершении подвигов, а о том только, как бы поскорее ему выдвинуться, отличиться; для этого он исхитрился всеми правдами и неправдами перевестись в полк пятой пехотной дивизии, в штабе которой у него оказался покровитель.

«Здесь-то я сумею что-нибудь заслужить и на будущее! — рассуждал он. — Что же в этом дурного? Я честно исполняю свой долг, а если думаю, что будет со мной, когда кончится война и я останусь жив, то это вполне понятно и естественно. Пока человек жив, он непременно о живом должен думать. Хорошо таким, как Рождественцев, быть фанатиками дела, идеи. Вернётся домой, у него там и свой угол есть, и на чёрный день матушка его, верно, что-нибудь скопила. А у меня — ничего! И позаботиться обо мне некому. Сам о себе я должен стараться».

Такие рассуждения не мешали ему вполне добросовестно относиться ко всем обязанностям солдата. Когда приходила его очередь

становиться на часы, он был одним из лучших часовых: бдительный, зоркий всегда, находчивый и на словах, и на деле, он успел обратить на себя внимание ближайших офицеров, и даже сам командир архангелогородцев полковник Розенбом не только слыхал о вольноопределяющемся Коралове, но даже и в лицо его знал.

Только чаще всего бывает, что не исполняются в действительности никакие расчёты, никакие, основанные на эгоистических мелких побуждениях, стремления, хотя человеку и кажется, что всё выходит, как задумано им.

Так вот точно и было с Алексеем Кораловым... Ему пришлось убедиться, что человек предполагает, а Бог располагает...

Недостаток в унтер-офицерах тогда в русской армии был большой. Ведь прошли ещё всего четыре года после введения всеобщей воинской повинности. При создании новой армии старались дать ход вперёд всем нижним чипам, которые хоть сколько-нибудь выделялись из общего уровня солдат. Коралов, успевший обратить на себя внимание своего ближайшего начальства, знавшего, что он

участвовал в первой очереди переправлявшихся у Систова войск да имевший ещё притом кое-каких знакомых, скоро получил унтер-офицерские полоски на погонах.

Радости его не было конца. Первый шаг на пути к будущим почестям и привилегиям был сделан. Молодой честолюбец торжествовал и даже не скрывал своей радости.

«Эх, кабы теперь хорошее сражение! — не однажды думал он. — Может быть, и у меня появился бы беленький крестик».

Но сражения пока что не было. Хотя все знали, что очень скоро девятый корпус двинется на Никополь.

Русским нужно было во что бы то ни стало развязаться с этим оплотом турок на Дунае. Никополь стоял всего в сорока верстах от Систова. Его пушки постоянно грозили русским переправам и сильно затрудняли передвижение войск к Зимнице и в Рущукский отряд. Потом от Никополя шла дорога к Балканам, и турки, двинувшись по этому пути, могли причинить главным силам русской армии много вреда.

Вести осаду Никополя не стоило, его вы-

годнее было взять с боя — и поскорее.

Коралов оказался образцовым унтер-офицером. Он выказывал Личную инициативу, какую, пожалуй, не проявлял никто из унтер-офицеров, вышедших в начальники прямо из строя. Частенько Алексей собирал своих подчинённых в кружок, у него была карта Никополя и окрестностей. Стараясь говорить как можно проще, он объяснял своим солдатикам расположение турецких войск, приучая их к названиям разбросанных вокруг Никополя деревушек и урочищ.

— Вот, ребята, — говорил он, показывая на прихотливо извивавшуюся по болотистой равнине реку, впадавшую в Дунай значительно выше крепости. — Эта река будет Осма, а там дальше за ней по Дунаю, выше её река Вид. Тут мы будем бить турок.

— Будем ли ещё? — как-то раз усомнился один из молодых солдат Малафеев.

— Отчего не будем?

— Будто вы, Алексей Петрович, не слышали, что уходят турки, бросают, значит, Никополь?

Действительно, в Никополе было сосредо-

точено 10 000 гарнизона под командой Гассана-паши. Из этого гарнизона, прежде чем русские войска успели окружить крепость, ушли около 2000 турецких солдат, которыми командовал Атуф-паша, в соседнюю Плевну. Это даже ускорило решительный бой. Генералу Криденеру строго было приказано не выпускать турок, и на другой же день после ухода Атуфа-паши Никополь был окружён русскими отрядами.

— Не уйдут, Малафеев, не бойся! — успокоил солдатика Коралов. — Успеешь ещё вдоволь с турками подраться. Ты лучше сюда смотри. Так, значит, это реки Вид и Осма. На Осме деревни Черновица и Моселиево. Тут нам придётся поработать. Турки здесь везде засели. Против Моселиева деревушка Дзорнова. И в ней сидят турки. Тут у них по всей Осме батареи, окопы, редуты. Придётся выбивать нам бритоголовых.

— Что же! Пора и нам пороху понюхать! — говорили солдатики. — Уж мы турке не сдадим.

Крепость Никополь была старинной постройки. Только перед самой войной турки

укрепили её, возведя на берегах Дуная и на окружавших с суши Никополь высотах новые сильные укрепления. Особенно хорошо укреплён был Ермолийский овраг ниже Никополя по Дунаю. Батареи защищали слева от крепости подходы к ней от Осмы. Позади Никополя вглубь страны на Вабелском плато турки окопались в укреплённом лагере.

Позиция была сильная, но всё-таки взять её следовало во что бы то ни стало.

Солдаты недолго томились ожиданием. Бой назначили на 3 июля. Образовано было всего четыре действующих отряда; пятый оставался в резерве.

Было четыре часа утра. За деревней Вабел грянул пушечный выстрел. Это барон Криденер подавал знак — начать сражение. Сразу же после выстрела град пуль понёсся из турецкой цепи, раскинувшейся вдали окраины Вабелского плато и на прибрежных высотах Ермолийского ручья. В Вабеле стоял Галицкий полк, а у Ермолийского оврага — две роты пензенцев. Вслед за турецкими ружьями заговорили и турецкие пушки, стрелявшие также по Вабелу. Начался артиллерийский

бой. Спереди, шипя, свистя, лопаясь и разметая вокруг себя осколки, носились в воздухе гранаты. Пушечные удары слились в один общий гул. Под этот нестерпимый грохот вдоль левого берега Осмы двигался русский отряд из вологодцев, архангелогородцев, бугских улан, донских казаков, кавказских сотен под общим, начальством генерала Шильдер-Шульднера[51], направляясь к сильной турецкой позиции за деревней Моселиево. Тут подступ к Никополю преграждали русским три табора окопавшейся турецкой пехоты с батареей всего в три орудия. Турок необходимо было прогнать отсюда, потому что именно здесь неприятель защищал переходы через Осму.

Трепетно билось сердце Алексея. Предстояло жаркое дело. Стало быть, являлся прекрасный случай отличиться.

«Уж только бы добраться до вражеской позиции! — думал он. — А там я постараюсь!»

Вдруг полк встал. Коралов увидел, что вологодцы уходят вперёд. Что же значит — что стоят они, не двигаясь с места? Турки ведь там недалеко... По рядам понеслась команда,

и вслед за ней весь полк повернулся и пошёл не на турок, а в сторону, влево, к деревне Градешты. За пехотным полком последовали уланы и кавказские сотни. В сторону турок направились только вологодцы, донцы и две артиллерийские батареи.

Коралов то краснел, то бледнел от злости. Он так надеялся сегодня отличиться, показать себя... и вдруг все надежды рушились. Градешты были совсем в стороне от боя. А между тем у турецких окопов уже гремело «ура!», русские пушки заставили турецких артиллеристов уйти со своих позиций, и два батальона Вологодского полка кинулись на окопавшиеся таборы и стали штыками выбивать турок с их позиции. Из-за Осмы загремело новое «ура!». Там подобравшиеся батальоны Козловского полка выбивали турок из занятой ими деревни Дзерново. После полудня турки были выбиты со своих позиций и отошли на Никопольские высоты. В два часа пополудни Криденер отдал приказание всем войскам начать общее наступление на Никополь.

Смело перебежали открытое пространство

до Никопольского оврага линии Галичского полка и ударили в штыки на первые встреченные на пути турецкие окопы. Турки были выбиты. За галичанами из резерва подоспели тамбовцы. Перед русскими теперь раскинулся Никопольский овраг. Предстояло подняться на его высокий склон, где стояли теперь выбитые из окопов турки и где виделись два их лагеря. Дважды кидались галичане на турок, засевших на высоте, и дважды были отбиты. Русская артиллерия громила турок, поддерживая эти атаки, но неприятель держался стойко. Он встречал нападавших адским огнём с высоты, и не в человеческих силах было взобраться под градом пуль на крутой склон оврага. Командующий боем послал из резерва два батальона Тамбовского полка. Одна из его рот под командой полковника Артоболевского нашла такое место, где склон оврага был чуть более пологий. Там были турецкие окопы, но людям не нужно было карабкаться поодиночке. Тамбовцы кинулись бегом, не обращая даже внимания на турецкие пули. И выгнали турок из окопов.

Пока происходили эти бои, со стороны Си-

стова наседал на турок Пензенский полк под командой генерала Вельяминова.

Архангелогородцы тоже не остались без дела. Шесть турецких рот с двумя орудиями, выйдя из Никополя, двинулись было на Градешты, пытаясь выйти на плевненскую дорогу. Командовавший там генерал Кнорринг выслал шесть пехотных рот и прогнал турок. Опять на долю Алексея выпала незадача. Его рота не оказалась в числе посланных! Юноша зубами скрипел: надежда отличиться пропадала.

Однако после этого пришлось поработать. Турки у деревни Черновицы встретили надвигавшуюся колонну ружейным и орудийным огнём. Генерал Кнорринг приказал атаковать их. Тут счастье как будто улыбнулось Коралову. И его рота пошла в атаку. Алексей чувствовал себя на верху блаженства. Так страстно желаемый случай отличиться, наконец, представился. Увы! Счастье только улыбнулось... Турки оказали слабое сопротивление и после весьма вялого боя отошли к Дунаю. Теперь Алексей от всей души возненавидел подданных султана Абдул-Гамида... Никто

ведь другой — именно они своей вялостью отняли у него случай заслужить Георгия. Не легко давался бедному Коралову этот маленький беленький крестик. Он так и ускользал из его рук...

Наступавшая темнота заставила прекратить этот длинный ряд боёв.

Никополь не был взят русскими войсками, но они, проведя более 16 часов в непрерывных схватках, вогнали турок в крепость и тесно стали около неё.

На утро следующего дня назначен был штурм Никополя.

«Ну уж если и завтра я не заслужу Георгия, — думал рассерженно Коралов, — то я уже и не знаю, что это такое будет. Нет, нет! Завтра — непременно. При штурме да не отличиться! Когда же после этого? Война того и гляди кончится. Эти негодяи турки отступают везде, где только появляемся мы. Нет, завтра! Завтра или меня убьют, или у меня на груди будет Георгий. Но не по присуждению, как у Рождественцева, а именной... Или смерть, или Георгий!»

И он заснул около бивачного костра, меч-

тая об утре нового дня.

Однако на следующий день бедняга Коралов и жив остался, и Георгия не получил...

Утро оказалось, как всегда, мудренее вечера.

XVII
НА ПЛЕВНУ

Первым проблеском рассвета зашевелились, засуматошились биваки раскинувшихся по окрестностям Никополя полков. Жаркий предстоял день. Не одно сердце ёкало. Готовился штурм, первый ещё в эту войну. Артиллеристы накануне постарались: меткими выстрелами в цитадели была пробита брешь, но всё-таки много должно было пролиться крови с обеих сторон.

Коралов проснулся раньше своих товарищей и выбежал посмотреть на Никополь,

словно боялся, как бы он не исчез за ночь. Нет, Никополь оставался на своём месте. Турецкая твердыня тонула в полусумраке начинавшегося рассвета. Оттуда не доносилось ни звука. Алексей встревожился не на шутку. Уж не ухитрились ли уйти как-нибудь турки? Но нет, не может этого быть. С суши практически вплотную окружили турецкую крепость русские войска. За Дунаем сторожили турок на протяжении всего берега. Спуститься же на судах по реке или уйти по ней в Виддин тоже было невозможно: под перекрёстным огнём не пойдёшь да, кроме того, с обеих сторон в Дунае поставлены были минные заграждения. Как тут уйти? Там турки — в Никополе — попались, будто мыши в мышеловку...

Алексей смотрел на крепость и задыхался от волнения. Скорей, скорее бы начинался штурм!

Вдруг он задрожал. К Никополю со стороны своего бивака ехал барон Криденер со всем своим штабом, а на флагштоке под главными Никопольскими воротами медленно поднимался колеблемый порывами ветра бе-

лый флаг.

Крепость сдавалась на милость победителя...

Гассан-паша понял, что взятие Никополя русскими неизбежно. Сопротивление привело бы только к совершенно напрасному кровопролитию. Пробиться из окружения тоже не представлялось возможным.

Увидав на крепости, одно приближение к которой стоило более 1300 человек, выбывших накануне в течение 16 часов непрерывных боёв, белый флаг, означавший, что крепость капитулирует, генерал Криденер обнажил голову. Это был для русских неожиданный и счастливый исход. Штурма не будет. Стало быть, не будет и пролито новых рек крови, множество драгоценных жизней будет сохранено.

А с биваков, где проводили эту ночь полки, уже так и неслось радостное «ура!». Белый флаг заметили и значение его поняли. Все сердца забились радостью; можно было вздохнуть; смерть отлетела с поля битвы, и ангел жизни торжественно реял над ним.

Даже Коралов, когда осмыслил значение

свершившегося факта, перестал досадовать.

«Незадача! Что тут поделаешь! — подумал он. — Может быть, война-то и не кончится так скоро. Может быть, и успею я ещё заслужить беленький крестик».

Полки, снявшись с биваков, один за другим подходили к сдававшейся крепости. Люди шли и невольно удивлялись, как это так молчат никопольские пушки, не сыпятся в них со стен дождём турецкие пули!..

— Понимаешь ли ты, друг мой любезный, — говорил Коралов шагавшему рядом с ним Малафееву, — что это — победа! А что такое есть победа? Победа — это одоление супостата и новая слава христолюбивому русскому воинству... Из славы, положим, нам с тобой шубы не сшить, а всё-таки приятно, когда подумаешь, что, вот, турки, враг грозный, всюду склоняются перед силой русского оружия.

— Ещё бы неприятно! — усмехнулся Малофеев. — Пожалуй, теперь скоро и по домам пойдём.

— Кто знает! Может быть, и скоро! — не без некоторой досады ответил Коралов.

— Поскорее бы!.. Право, что тут? С таким неприятелем и возиться долго нечего. Всё сдаётся только!.. А всё-таки немало наших эти самые турки перепортили.

— Да, немало! У нас всё, слава Богу, офицеры налицо, а в Вологодском полку командира ранили, а во второй бригаде — бригадного[52].

— Что говорить! У нас мало выбыло... Слава Богу, теперь сдаются, а то сколько бы сегодня мы своих недосчитались... Ух, сколько!

К утру все участвовавшие накануне в боях полки стянулись к Никополю. Белый флаг развевался над крепостью, но ворота её оставались запертыми. Генерал Криденер приказал взломать их, и только тогда к нему явился Гассан-паша со своими офицерами. Турок объявил, что сдаётся безусловно на милость победителей, но так как ему ещё до сих пор никогда не приходилось бывать в таком положении, то он просит разъяснить ему, что делается в подобных случаях.

Разумеется, в такой просьбе не было отказано.

Длинной вереницей потянулись из ворот

Никополя ряды оставивших в крепости своё оружие защитников её. Сумрачно, потупив глаза в землю, не глядя по сторонам, шли турки между выстроенных шпалерами победителей. До семи тысяч их было. Как только они вышли, русские сейчас же заняли Никополь.

Так пала эта турецкая твердыня — последняя, как думали тогда, представлявшая опасность для великого дела, ради которого пришли за Дунай русские полки. Все остальные дунайские крепости, даже Рущук и Виддин, казались совершенно безвредными. Взятие Никополя открывало для русской армии все дороги к Балканам. Правый берег Дуная на шестьдесят вёрст был занят русскими.

Ликовала вся русская армия, ликовала вся Россия после этих побед. Уверенность в скором окончании войны всё возрастала.

Почему-то множились слухи, что непременно к 30 августа всё будет кончено и будет в этот день, по крайней мере, о перемирии, если не о мире, объявлено. Всё складывалось для русских как нельзя лучше. Победы, победы и только победы! Слава осеняла своими лучами русских воинов.

Веселы солдатики — герои Никополя. Воодушевлены они. Радостью дышат их загорелые лица. На сердце у каждого легко и свободно. Радостно всем, как в праздник.

Но кто доволен, так это Коралов. Его призвал к себе ротный командир и выразил ему похвалу за расторопность и ревностное отношение к делу.

Чувствует юноша, что и его мечты сбудутся и он не простым солдатом кончит войну.

Обычная беспечная весёлость, утраченная было, опять вернулась к Коралову. Он уже кое-что знает. У Никополя не долго задержатся русские. Девятый корпус также пойдёт к Балканам, а взятую крепость передадут в охрану румынам. Пока до этого небольшой поход — что поход! — просто прогулка предстоит... Из главной квартиры пришло приказание генералу Криденеру занять поскорее менее уставшими в боях под Никополем войсками лежавший всего в тридцати пяти верстах от Дуная и в шестидесяти от Систова болгарский городок Плевнь, который русские уже переиначили в Плевну, а чаще, в разговорах между собой, — просто в «плевок»... К

Плевне спешить приказано. Важным пунктом казался этот городок августейшему главнокомандующему. Тут был узел путей, пролегающих по западной Болгарии, да и, кроме того, получено в главной квартире сообщение, что большой турецкий отряд вышел из Видина и направляется именно в Плевну, где окапывался со своими батальонами Атуф-паша. Три полка — Архангелогородский, Вологодский да подходивший от Систова Костромской, — а также донцы и кавказская бригада с сорока шестью орудиями посланы были на занятие Плевны. Вёл этот отряд генерал Шильдер-Шульднер, так усиленно ведший наступление на Никополь в боевой день 3 июля.

— На Плевну так на Плевну! — посмеивались солдатики. — После Дуная да Никополя она и плевка для нас не стоит.

Весело пошли они в новый недалёкий поход.

— Ребята! — шутил Коралов со своими товарищами. — Нас-то, я думаю, Плевной не удивишь!

— Чего удивлять-то? — слышались отве-

ты. — Давно ли её полусотня казаков взяла?

Действительно, ещё 26 июня в Плевне побывали под командой есаула Афанасьева донская казачья полусотня 30-го полка. Молодцы влетели в город, заставили сложить оружие стоявший там гарнизон и умчались, убедившись, что в Плевне нет такого количества турок, какое могло бы повредить тылу действующего Западного отряда при его атаках на турок в Никополе.

Плевна — совсем маленький болгарский городишко в долине, образуемой реками Вид, Гривица и притоком последней — Тугеницей. В стороне Дуная высятся отвесно горы; они образуют настоящие стены, с которых нет спусков. С противоположной стороны возвышенности более покатые. С юго-востока медленно течёт среди лесистых ущелий Тугеница и перед самым входом прорывает горы, так образуется даже не ущелье, а просто расселина, стены которой едва-едва не сходятся друг с другом. Известняковые скалы здесь голы и почти-почти сходятся между собой. Расселина так узка, что при проходе по дну её нет возможности повернуть повозку или орудие на-

зад и приходится пятиться, чтобы выйти из ущелья на прежнее место. На самом восточном выступе расселины в Плевненскую долину, на совершенно голом склоне скал видны какие-то руины. Под ними Тугеница врывается в долину и, пройдя городок, впадает с шумом верстах в полутора от него в Гривицу, обтекающую также Плевненскую долину с востока на запад. На Гривице верстах в восьми от Плевны раскинулось село того же имени на холме, господствующем над всей этой местностью. Обойдя долину с востока, Гривица на северо-западе её впадает в большую болгарскую реку Вид. В долине у Плевны сходятся дороги всей Западной Болгарии: от Видина, Никополя, Систова на Ловчу к Тырново и за Балканы через Орхание в Софию. Словом, городишко как бы самой природой предназначался к тому, чтобы быть ключом к Болгарии. Сам по себе ничтожный, он в то же время являлся неприступной позицией для опытного полководца, понявшего бы, какие удобства представляет эта местность, вся волнообразная от множества холмов, горушек, утёсов, скал, теснин, расселин и ущелий. Три

реки, обтекавшие долину, представляли собой естественные рвы.

В руках храброго защитника Плевна действительно в очень скором времени стала неприступной позицией...

А 8 июля, всё ещё полным гордостью после Никопольской победы, трём русским пехотным полкам, рвавшимся в бой до того, что каптенармусы и ротные артельщики взялись за ружья, пришлось на горьком опыте убедиться, что не всё возможно даже и для русских храбрецов...

В этот день выбыли из строя 75 офицеров и 2326 нижних чинов. Пали убитыми командиры Архангелогородского полка полковник Розенбах и Костромского полка полковник Клейнгауз; ранен был бригадир 1-й бригады 5-й дивизии генерал-майор Кнорринг. Костромской полк оставил на поле битвы свои ранцы, а шесть рот его — даже шинели. После страшного боя наступавшему от Никополя отряду пришлось отступить на пути к Систову, чтобы защищать от турок единственный пока пункт, где русская армия, действовавшая в Болгарии, сообщалась с левым берегом Дуная.

Солдаты держались, пока не было дано приказания отступать; они гибли, но не уходили. Архангелогородский и Костромской полки вернулись в этот день из-под Плевны, уменьшившиеся почти на две трети...

Это было то, что очень скоро в России начали называть «Первой Плевной». За ней в самом непродолжительном времени последовала «Вторая Плевна» и вскоре — «Третья»...

Совершенно неожиданно выросла здесь преграда для русских дальнейших побед, для триумфального шествия. Русская слава не померкла, а разгорелась под Плевной ещё более ярким сиянием, но это стоило уже громадных жертв, многих тысяч жизней и главное — три «Плевны» дали туркам возможность ободриться и даже возмечтать о победном для них исходе войны...

Но как могло случиться это?

XVIII
ТЯЖЁЛОЕ ИСПЫТАНИЕ

Высланный от Никополя на Плевну небольшой русский отряд вместо незначительного неприятеля встретил там сорок турецких таборов, свежих, не утомлённых боями, рвавшихся к победам над неприятелем... Многочисленная и превосходная артиллерия, снабжённая столь обильно боевыми запасами, что их могло хватить на долгие месяцы сплошного артиллерийского боя, поддерживала, как снег на голову, представшую перед изумлёнными русскими турецкую плевненскую армию, которой командовал выдающийся турецкий стратег Осман-гази-паша.

Плевна оказалась вовсе не жалким «плевком», как было прозвали её и смеялись русские. Многих тысяч жизней, миллионов руб-

лей, месяцев тяжёлого душевного волнения всех русских людей, трепета за благополучный исход всей войны стоил этот «плевок» России.

Но что же! Что случилось? Как могла иметь место такая неожиданность?

Турками приводился в исполнение основной план войны — заманить неприятеля как можно дальше вглубь Болгарии, даже хотя бы за Балканы, и именно неожиданным появлением совершенно свежей армии разделить русские главные силы, разбить наголову и затем перейти в наступление по всей линии, сбросить русских за Дунай и вторгнуться через Молдавию и Валахию в пределы России.

Армия Османа-паши укрывалась в Виддине. Отсюда небольшими отрядами по различным дорогам после 28 июня вся она пошла на Плевну, где вышедший из Никополя Атуф-паша с лихорадочной поспешностью готовил позиции — рыл окопы, возводил редуты; другими словами, ещё более укреплял он укреплённую самой природой позицию.

Гассан-паша в Никополе должен был бросить свою крепость и тоже отойти к Плевне.

Там всё было приготовлено к встрече войск: накоплены были громадные запасы провианта, заготовлены в огромном количестве боевые снаряды и для орудий, и для ружей.

Осман-паша, полководец чрезвычайно талантливый, ещё в Крымскую войну успевший совсем молодым человеком проявить свои способности, предполагал из Плевны ударить на Систов, занять Тетевенские Балканы (у Ловчи), соединиться с армией нового турецкого главнокомандующего Ахмета-Эюба-паши[53]. Таким образом, между Дунаем и Великим Балканом выросла бы живая стена. В это же время более чем стотысячная армия школьного товарища Османа-паши — Сулеймана-паши, действовавшая до того в Черногории, была посажена в Антивари на суда и перевезена морем до местечка Дяде-Агач, откуда направлена по железной дороге на Адрианополь. Эта армия должна была сбросить русских в Предбалканскую Болгарию прямо на штыки соединившимся армиям Османа-паши и Ахмета-Эюба-паши.

Турки весьма полагались на свою численность, на своё превосходное оружие, на оби-

лие боевых снарядов и, наконец, на то, что русские, торжествующие по поводу своих первых громких побед, потеряют осторожность, и грандиозный военный план окажется выполнен без сучка и задоринки.

Много было у турок шансов на то, что план их удастся... Только мужество и доблесть русских воинов расстроили все их замыслы, остановили начинания... В одном только оправдались планы турецких стратегов: Осману-паше удалось провести в Плевну из Виддина все свои войска совершенно незаметно для русских.

Судьба ниспослала России это тяжёлое испытание.

Телеграмма румынского князя Карла, предупреждавшего, что из Виддина скрытно ушёл большой турецкий отряд, не обратила на себя внимания — из румынских источников слишком часто приходили не оправдывавшиеся потом тревожные сведения; ряд удач русской армии повлиял, видимо, на повышение уверенности её начальства. Румыны, с которыми не состоялось соглашения относительно совместных действий за Дунаем,

отказались принять от генерала Криденера сдавшийся Никополь и тем развязать ему руки. Телеграммы, которые из Никополя приходилось посылать через левый берег, где в Турни-Могурелли была телеграфная станция, запаздывали: сильные грозы в ночь на 4 и 5 июля и ложная тревога на 6 июля, заставившая телеграфную станцию временно сняться с места, задержали телеграмму генерала Криденера, в которой он сообщал в штаб действующей армии о недостатке в артиллерии его отряда боевых снарядов и о том, что Плевна занята четырьмя батальонами турецкой пехоты, двумя эскадронами конницы и черкесами, уже успевшими окопаться. Телеграмма, посланная из Никополя генералу Непокойчицкому 5 июля, получена была в главной квартире только на другой день во втором часу пополудни. Уведомление румынского князя о передвижении из Виддина к Плевне сильных турецких отрядов совсем не было передано генералу Криденеру, а результатом всего этого было то, что посланный к Плевне для занятия её отряд генерал-лейтенанта Шильдер-Шульднера подошёл к Плевне в тот

самый день, когда вступил в неё со всеми своими таборами Осман-паша.

Плевна сразу же сказалась...

Рождественцев, провалявшись около месяца в госпитале, оправился настолько, что чувствовал себя по-прежнему сильным, здоровым и бодрым. Он выписался из госпиталя и вместе с понравившимися тоже Фирсовым и Мягковым находился временно в распоряжении майора своего полка Подгурского, назначенного систовским комендантом. Восьмой корпус в это время перешёл уже в Тырново, и трое оправившихся приятелей ожидали только, когда составится партия, собираемая в Тырново на укомплектование полка. Жилось в Систове привольно. Учений, разводов не было, караульной службой выздоровевших не тревожили.

Они уже начали тяготиться своим бездействием. Пережитый страх смерти сблизил между собой этих троих совершенно разных людей. Рождественцев с величайшим уважением относился к Фирсову. Его поражала душа этого простого солдата, его чистая простота, уверенность в Промысле и, несмотря на

решительность в бою, голубиная незлобливость. Мягков, совсем молоденький парнишка, попавший на войну прямо из деревни, тоже был прост, как малое дитя. И в нём чувствовалась непосредственно чистая душа, добрая, отзывчивая на всё хорошее. Рождественцев и сам был точно такой же. Неожиданно для всех троих установилась между ними дружба, и воспоминание о ночной переправе, где все они переживали ужас смерти, где они проливали свою кровь, тесно-тесно привязало их друг к другу.

«Первая Плевна» прошла в Систове незаметно. Слишком близко была она от Никопольской победы. Удачи русских отрядов на Балканах и за Балканами тоже затушёвывали собой неуспех 8 июля.

— Ну слава Богу! — сказал однажды Сергей своим приятелям. — Послезавтра конец нашему систовскому сидению...

Это было 18 июля.

— Слава Богу! — даже перекрестился Фирсов. — А то куда как совестно сидеть здесь в холе да на покое... Верно, там кровь льётся, дерутся товарищи, а мы сидим...

Рождественцев засмеялся.

— Пожалуй, и в Тырново сидеть будем, — предположил он.

— А что так? — удивился Мягков. — Разве кончим скоро войну?.. Давай то Господи!

— К этому, как будто, всё и идёт! Можно ожидать перемирия с минуты на минуту.

— Хорошо бы к именинам Государя Императора покончить совсем! — задумчиво произнёс Фирсов. — Вот был бы подарочек нашему милостивцу-освободителю.

— Кто знает! До 30 августа ещё без двух дней полтора месяца. Много может воды утечь за это время...

Много, ох как много! В этот самый день 18 июля под Плевной выбыло из строя около пяти тысяч русских солдат. Один только Пензенский полк потерял 29 офицеров и 1006 нижних чинов...

Это была «Вторая Плевна». Несмотря на чудеса храбрости, проявленные русскими, отчаянный бой не при нёс никаких результатов. Русские не продвинулись ни на шаг. Теперь стало известно, что в Плевне засели более 60 000 турок.

Впрочем, кровавый бой 18 июля, как оказалось впоследствии, остался далеко не без результата. Планы турецких стратегов были нарушены. Осман-паша уже не мог теперь выйти из Плевны на соединение с Ахмет-Эюбом. Русские в свою очередь узнали, с каким упорным противником им приходится иметь дело.

19 июля в Систове о плевненском бое накануне носились только смутные слухи. Однако всё было спокойно. Вдруг поднялся панический переполох.

— Турки, турки идут! — пронеслось по всему Систову.

Через Систов шла за Дунай большая партия раненых накануне в плевненском бою солдат. Все они пребывали под впечатлением пережитых всего несколько часов назад ужасов. Понесённая неудача угнетала их. Те раненые, которые могли идти сами, брели как попало, не соблюдая порядка. Сами они первые рассказывали встречным, что «конец пришёл русским», что турки наголову разбили войска, отбросив все полки далеко-далеко от Плевны, что турки по пятам преследуют рус-

ских.

— Уж как мы-то ушли, не знаем сами! — жаловались некоторые из них. — Вот тут, под самым Систовом, можно сказать, черкесы нас нагоняли.

Их жадно слушали. Беспокойство возрастало.

— Одну партию так даже в плен взяли, — слышались рассказы. — Уж черкесы известны — всех перережут...

— Да где же это было-то? — спрашивали недоверчивые. — Под Систовом... Наверное, часа не пройдёт — здесь будут...

Из уст в уста передавалась ужасная весть: «Турки идут, турки близко!». По всему Систову слышались вопли перепугавшихся болгар. В довершение всего переполоха почти через весь Систов промчался казак, громко кричавший:

— Спасайтесь! Турки в городе!

Он мчался, размахивая шашкой, прямо к спуску на мост. В переполохе не заметили, что негодяй был пьян. Несколько человек болгар и казаков из интендантского обоза с отчаянными воплями, с искажёнными от

ужаса лицами стремглав побежали к дунайской переправе. Пьяницу схватили, но уже было поздно. Все систовцы — мужчины, женщины, дети — в паническом ужасе кинулись к мостам. Случилось так, что как раз в этот момент, когда начался переполох в Систове, в город вступила партия пленных турок, доставленная сюда из Никополя. У страха глаза, как известно, велики. Обезумевшие от ужаса люди, которые по опыту знали, что такое турки, приняли пленников за авангард турецких войск. В безумном ослеплении неслись толпы народа к Дунаю. Интендантские чиновники и солдаты, конвоиры транспортов, санитары, сёстры милосердия, только что набранные рекруты болгарского ополчения, кто на лошадях, кто на ослах, кто бегом, сломя голову неслись на румынский берег. Комендант майор Подгурский получил приказание от генерала Рихтера, заведовавшего переправой, во что бы то ни стало, даже хотя бы силой оружия, остановить это обезумевшее стадо. Мост через Дунай мог быть уничтожен ими, и тогда произошла бы страшная катастрофа. Паника между тем передалась на левый берег в Зим-

ницу. Там вообразили, что турки успели подойти к мосту и берут вход на него силой. С румынского берега видна была борьба русских с возбуждённой толпой, в которой болгары в своих красных фесках издали действительно могли сойти за турок. Началось беспорядочное бегство. Госпитали снимались и уходили, спасая от мнимой опасности раненых и больных. Мост у болгарского берега пришлось забаррикадировать. Только энергичные уверения генерала Рихтера несколько образумили и успокоили перепугавшихся. Весьма успокоительно подействовало на людей появление на позициях около Систова рот Воронежского полка и оставшихся на месте формируемых рот болгарского ополчения. На позициях возле Зимницы для успокоения несчастных алармистов также расставлены были войска. Посланные в разъезды по плевненской дороге казаки донесли, что нигде около Систова нет наступающих турок и в помине.

Описанный переполох, едва не кончившийся катастрофой, произвёл на русских солдат неприятное впечатление. Они с тех пор

стали относиться к болгарам с чрезвычайной презрительностью. Очень уж позорным показался русским храбрецам, видевшим лицом к лицу смертельный ужас и не отступавших перед ним ни на шаг, этот панический страх перед мнимой угрозой.

В то же время тяжёлой скорбью удручались русские сердца. Ведь под Плевной, собственно говоря, не было поражений. Был только неуспех предприятия, дорого обошедшийся русской армии, но прежняя бодрость сохранялась; солдаты, как и прежде, рвались в бой и горели теперь желанием отомстить за гибель товарищей.

В день своего ухода из Систова в Тырново Рождественцев получил сразу два письма. Одно из Казанлыка от Петко Гюрова, другое из-под Плевны от Коралова.

И тот, и другой сообщали Рождественцеву не совсем утешительное...

Гюров писал, что в Казанлыке получены известия, пока очень смутные, будто на них со стороны Адрианополя двигается какая-то, по слухам, огромная турецкая армия, так что сравнительно небольшому передовому отря-

ду придётся отступить в горы. Коралов сообщал, что после двух неудач готовится третий — решительный — штурм Плевны.

«Если теперь не будет удачи, — писал Алексей, — плохо наше дело! Что и будет тогда — не знаю. Неправ я был, называя 14-ю дивизию несчастливой. Она начала войну победой, а наши только Никополем, да и то сдавшимся и не взятым, и ничем иным теперь похвастаться не могут. Но гордиться всё-таки есть чем. Наши умирали, но не отходили, пока не получали от начальства строжайшего приказания отступить. Ужасы Дуная — ничто перед ужасами двух Плевн. Помнишь роковое место за Текер-дере на Дунае? Так таких роковых мест в обеих Плевнах было десятки. Удивляться теперь нужно туркам. Стойкость их необыкновенная. Только бесполезна она. Слышал я тут нечто. Если решительный штурм не удастся, так Османа-пашу мы обложим со всех сторон и будем держать, как крысу в крысоловке. Измором возьмём, а всё-таки возьмём. Как-никак, а он попался тут нам в своей Плевне. Туркам тут будет крышка. Всё-таки же война ещё недолго про-

тянется».

Далее Коралов сообщал, что по какой-то счастливой случайности он остался до сих пор жив и невредим. Ни одна шальная пуля не зацепила его, хотя он откровенно говорил, что был в адском огне, вскакивал первым в турецкие укрепления... Но, увы, всё у него проходило незаметно, и столь желанный беленький крестик никак не давался ему...

— Не везёт Алексею Петровичу! — усмехнулся сочувственно Рождественцев и с гордостью покосился на своего Георгия.

XIX
БОЛГАРСКАЯ ДРУЖИНА

Четко бодро совершил переход через Большой Балкан со своей третьей дружиной. Вместе с русским Передовым отрядом болгарские ополченцы стали на отдых в городе Казанлы-

ке. Лазарь оставался вместе с дружинниками. Настойчивость мальчика подействовала. Командир дружины майор Калитин в конце концов махнул рукой и если не разрешил мальчишке остаться при дружине, то вместе с тем и не препятствовал этому. Маленький воин очень гордился своим новым положением.

— Ты увидишь меня, Петко, когда придёт время! — заверял он. — Я покажу себя!

Гюров теперь только улыбался брату, но в душе одобрял его. Иногда Лазарь вдруг пропадал, потом появлялся и всегда приносил какое-нибудь известие.

После отдыха в Казанлыке Передовой отряд пошёл вперёд. Перед ним высились Малые Балканы, у подножия которых ютились, защищая проходы, два городка левее от Казанлыка: Эни-Загра, или Новая Загора, как называли этот город болгары, и наискосок, тоже влево, Эски-Загра, или Старая Загора.

Генерал Гурко посчитал необходимым овладеть Эни-Загрой как началом пути на Адрианополь. По донесениям, там стояли всего пять таборов турецкой пехоты. Идти решили

тремя колоннами: средняя из Казанлыка, левая из Хаинкиоя — Елецкий и Севский полки — и правая через Эски-Загру, уже занятую русскими. В правой колонне были кавалерия принца Лейхтенбергского и болгарское ополчение.

Перед самым выходом болгарских дружинников явился пропавший дня за три до того Лазарь. Лицо мальчика было серьёзно, и сам он казался испуганным.

— Турки, много турок! — таинственно сказал он Гюрову. — Сильно драться придётся...

— Где ты видел турок? — спросил Петко, несколько встревоженный сообщением брата.

— Там, за горами, за Эски-Загрой! — кивнул Лазарь в сторону Малых Балкан. — Столько никогда не было... Много-много... Миллион! Сто тысяч... Ещё подходят.

Гюров знал, что Лазарю можно верить. Он отправился к своему командиру Усову и сообщил ему о сведениях, принесённых братом.

— Обязанности солдата не рассуждать, а драться! — отрезал тот. — В штабе нашем есть все сведения. В Эски-Загре четыре турецких

табора, и нам приказано разгромить их. Болгарским ополченцам пора принять боевое крещение.

Отряд пошёл «громить». Однако сразу же за Эски-Загрой пришлось заботиться о том, чтобы самим не оказаться разгромленными. Турки словно из-под земли выросли. Высоты верстах в трёх от города были заняты ими, и их пушки обстреливали оказавшуюся перед ними болгарскую дружину. Отвечать дружинникам было не из чего. Пальнули было из крошечной пушчонки, но заряд и трети расстояния не пролетел. Дальнейшая стрельба была бесполезной тратой снарядов.

Около 11 часов утра 19 июля бой начался уже по всей линии. Против болгарских дружин стал авангард только что прибывшей из Черногории армии Сулеймана-паши.

Турки заметно переходили в наступление. Их правый фланг готовил решительный удар ополченцам.

Командир 3-й дружины заметил это.

— Молодцы! — закричал он, указывая дружинникам на густую турецкую цепь. — Видите турок... Покажем себя! За свободу Болга-

рии!.. За болгарских мучеников! Ура!..

Он кинулся вперёд. Вся его дружина со штыками наперевес бежала следом.

Самарское знамя развевалось среди нападавших. Его золочёный наконечник так и сверкал в лучах полуденного солнца. Гюров смотрел на знамя. Он только его и видел в этом первом наступлении болгарских дружин. О турках он думал мало. Они так близко, что только вот... перебежать эту долину, а там — «ура!» и натиск — турки, не переносившие в силу своей нервности боевого клича русских, сдадутся и уйдут на свои высоты.

— За поруганную родину! За погибших отцов и братьев! Смерть неверным! — гремело со всех сторон.

Вдруг самарское знамя странно заколебалось. Крик ужаса сменил победный клич дружинников. Прямо в лицо им нёсся град вражеских пуль. Знаменосец был поражён насмерть. Калинин, однако, успел подхватить знамя и, высоко подняв его над головой и размахивая им, закричал, покрывая голосом шум боя:

— Знамя цело! Вперёд, ребята! За родин...

Он не докончил и упал. Турецкая пуля пробила ему грудь, и туркестанский храбрец рухнул на землю. Знамя накрыло его. К упавшему знамени кинулся фельдфебель 1-й роты и снова поднял его. Через мгновение и он лежал убитым. Двое унтер-офицеров дружинников тогда вынесли знамя из боя. Древко его оказалось перебито, но полотнище всё-таки уцелело.

Турки, как всегда, не выдержали «ура!». Они забыли, что перед ними не русские, а болгары, недавние рабы турок, и откатились на высоты. Но ополченцам было от того не легче. Они попали под шквал турецких пуль. Со стороны неприятелей послышался какой-то сигнал. Таборы снова перешли в наступление, и враги быстро стали охватывать сражавшихся против них дружинников с флангов. Кроме Калинина, погибли офицеры Фёдоров, Попов, Усов.

Болгарское ополчение, «мать будущей болгарской армии», приняло своё боевое крещение. Против него, как оказалось после, дрались 30 черногорских таборов Сулеймана-паши.

Под Эни-Загрой и Джуранли, где против турок действовали русские полки казанлыкского и хаинкиоского отрядов, русские вышли победителями.

Однако, несмотря на это, всему собравшемуся за Большим Балканом отряду пришлось начать полное отступление. Теперь было известно, кто находится перед недавними победителями. Сулейман-паша[54] уже достаточно прославил своё имя в Черногории. Его солдаты были закалены в постоянных боях с горцами, и горная война была им не в новинку.

По первым слухам, у Сулеймана-паши было уже сорок таборов (один табор — около 700 человек) испытанного войска с прекрасной артиллерией, с достаточным количеством всякого рода боевых запасов. Сравнительно небольшому Передовому отряду русских нечего было сходиться в долине с новой турецкой армией. Исход борьбы представлялся слишком рискованным. Турки вполне могли обойти русских, прорваться к Шипке и, заняв там неприступные позиции, отразить Передовой отряд и в то же время, спустившись с гор в Предбалканскую Болгарию, кинуться на

действовавшую там русскую армию, у которой так неожиданно оказались связаны руки выросшей, словно из-под земли, Плевной, ради которой на театр военных действий потребован уже был гвардейский корпус.

Генерал Гурко решил отвести свой отряд в горы и укрепиться на Шипке.

Один за другим отходили отряды и жалкие остатки болгарского ополчения. Турки их не преследовали.

Медленно втягивались русские по шипкинскому шоссе в мрачные ущелья. Раненые были пропущены вперёд. Следом уже тянулись один за другим отходившие части. Высились по-прежнему равнодушные, молчаливые горы. Они принимали с таким же спокойствием в свои неприступные твердыни освободителей Болгарии, с каким так ещё недавно таили свирепых османов. Теперь русские хорошо уже знали эти молчаливые скаты, утёсы, обрывы, эти голые скалы, эти ущелья, пропасти, которые, словно поясом, охватывало шедшее из Казанлыка на Габрово шоссе.

Вот высшая точка всего Шипкинского перевала — гора Святого Николая. Отлогие об-

рывы ведут к ней. Крутизна страшная. Если взглянуть с высоты Святого Николая, виден только маленький участок шоссе. Всё остальное уходит из глаз — такова крутизна. Перед горой со стороны Шипки тянется высокая голая скала, падающая вниз необыкновенно крутым обрывом. Это Орлиное гнездо. Влево от Святого Николая вырос, поднимаясь над этой горой, небольшой хребет из трёх горных вершин: Тырсово — Малый Бадек, на 12 саженей выше Святого Николая и всего в двух с небольшим верстах от него, и более близкие — Демир-тепе — Сахарная голова, связанная с горой Святого Николая седловиной, и Демиевиз — Сосок. Вправо от Святого Николая, образуя с шоссе своей линией острый угол, вытянулся гребень из трёх гор: Волынской, Лесной и Лысой, связанных с перевалом седловинами. За горой в сторону Габрова три крутейших подъёма: Узун-кут, Кидийская стена и Среднее Беклеме. Шипка — не деревня, а гора в полутора верстах по шоссе.

Позиция русскими была избрана на горе Святого Николая. Здесь, как только пришли первые отряды, закипела работа. Дружинни-

ки и орловцы, оставленные для защиты, перерывали ложементы, возводили батареи, готовясь к встрече гостей из оставленного ими Казанлыка.

Пока всё было спокойно. Турки не шли на русских, выжидая, чем кончатся плевненские бои, не прорвётся ли Осман-паша, чтобы сразу с двух сторон ударить на противника.

Сулейман не сомневался, что ему с его таборами удастся вытеснить русских с Шипкинского перевала.

Полки 14-й дивизии отдыхали под Тырновом. С какой радостью встречен был Рождественцев, когда вернулся он в свою роту. Савчук, уже унтер-офицер, приветствовал его с такой простодушной лаской, что тепло и хорошо стало на сердце у Сергея. Ласка и любовь всегда трогательно действуют на человеческое сердце. Вспомнили Дунай, товарищей, павших на поле битвы, порадовались за себя. Теперь и Рождественцев, произведённый в унтер-офицеры, стал отделённым начальником, и деликатный хохол называл его по имени и по отчеству, ибо стали они равными.

— Где нам придётся послужить царю-ба-

тюшке? — сказал как-то Савчук Рождественцеву. — Под Плевну бы теперь... вот где наше место...

— Погодите! Пожалуй, и ближе Плевны пошлют: на Шипку! — отвечал Сергей. — Там всем много дела будет!

— Будет дело — поработаем! Теперь, можно сказать, турки нам не в новинку: не страшны!.. А рад я, — переменил солдат тему, — что вы поправились: словно к родному привык...

— Спасибо! Вот и Фирсов, и Мягков тоже молодцами стали...

— Ничего, выкарабкались... Опять в работу пойдут. А почему это, Сергей Васильевич, так много про этого самого Сулеймана-пашу теперь говорят? В чём его сила-то?

Сергей, как умел, объяснил, что солдаты Сулеймана-паши долго сражались в Черногории, где привыкли к боевым действиях в условиях горной местности.

— Стало быть, сулеймановские воины не то, что здешние? — спросил Савчук. — Ведь здешние от одного «ура!»

— Нет, у Сулеймана-паши, говорят, все как на подбор — храбрецы.

— Хорошо это! — задумчиво произнёс Савчук. — Здешних, хотя бы вот и думайских, просто бить противно.. Ни тебе храбрости, ни тебе солдатской чести. Полоумные: палят без толку, гаркнешь «ура!», и они врассыпную... И противно, и жалко! Ведь если так говорить, колю я турка штыком, насмерть, значит. А что он мне сделал? Да ничего! Бью его по долгу присяги. А как подумаешь... У каждого бритолобого дома есть жена, ребятки. И ему ради них пожить на белом свете хочется, и ему я — а меня-то он и в глаза не видел — вдруг причиняю смерть. Другое совсем, если неприятель храбрый. Там, по крайней мере, чувствуешь, что он тебя достоин, равен тебе. Ты его не убьёшь — он тебя уничтожит. А с трусами не приведи Господь дело иметь. На душе остаётся что-то нехорошее. Поскорее бы с сулеймановскими встретиться. Уж я им, нехристям!..

Долго ждать не пришлось... Шестого августа с Шипки пришло известие, что Сулейман-паша с бесчисленными таборами идёт на укрепившуюся на горе Святого Николая горсть русских и болгарских ополченцев. Чет-

вёртая стрелковая бригада была переведена под самые Балканы в Габрово. 14-й пехотной дивизии объявили поход на Шипку.

XX
АД ПОД НЕБЕСАМИ

Жили, заговорили, загремели молчаливые Балканы. Пушки уже не гремят, а просто ревут: их выстрелы сливаются в этот неумолчный рёв. Ружей совсем не слышно; только разве одни ружейные залпы можно отличить среди пушечного рёва. Когда совершенно случайно на мгновение всё стихает, слышно протяжное «алла», «алла», и в ответ ему вспыхивает не особенно громкое «ура»...

Это таборы Сулеймана-паши ведут непрерывные атаки на засевшую среди утёсов горы Святого Николая горсть русских. Мало, совсем мало их... На Шипкинском перевале засел Ор-

ловский полк с двумя батареями 9-й артиллерийской бригады, с шестью орудиями 2-й горной батареи. С орловцами пять сотен спешенных казаков и пять неполных дружин болгарского ополчения. Только и всего. Против них сто таборов турецкой пехоты — Сулейман-паша присоединил к себе все ранее его бывшие в Забалканской Болгарии силы Реуфа-паши да притянул ещё выбитый русскими, только что взявшими укреплённый турецкий лагерь Ловчу, её гарнизон. Силы совсем неравны. Войска Сулеймана — настоящие войска. Его солдаты храбры, настойчивы, спокойны в бою, артиллеристы опытны в стрельбе в горах. Трудно противостоять им.

На горе Святого Николая засел 3-й батальон орловцев со второй батареей 9-й бригады и со «стальной» батареей. В этой последней орудия хорошо знакомые туркам. Прежде они принадлежали им. Русские отбили их при взятии турецких позиций, и теперь жерла стальных чудовищ несут смерть своим бывшим хозяевам. На правом фланге укрылись в ложементах 2-й и 3-й батальоны орловцев, за которыми высились «средняя» и

«круглая» батареи с орудиями пятой батареи 9-й бригады и др. Из 2-го батальона орловцев две роты засели в Орлином гнезде. На правом фланге вторая, третья и пятая дружины болгар-ополченцев. У подошвы горы, в сторону к шоссе, где была турецкая караулка, стали в резерве три орловские роты и первая и четвёртая болгарские дружины.

Турки заняли Тирсово — Малый Вадек. Там у них батареи расположены ярусами. Орудий же у Сулеймана-паши столько, что всю гору ими уставить можно. Справа они на Лысой и Лесной горах — здесь они укрепились всего на расстоянии версты с небольшим от русских.

С семи часов утра 9 августа начался на Шипке кромешный ад. Десять раз и всё новые таборы турок ходили в атаку на защитников горы. Изумительны были их упорство и энергия. На подступах зажгли фугасы... Двигается штурмующая турецкая колонна... Вот она уже близко совсем. Сейчас должны кинуться враги на русские ложементы. Вдруг вздрагивает земля, раздаётся глухой удар, и сейчас же вырастает груда трепещущих в предсмертной

агонии тел. Отхлынет на мгновение волна живого моря, а ей на смену уже катится новая.

Петко Гюров, ослеплённый всем ужасом, обезумевший от всего этого ада, бился в передовом ложементе. Он, как во сне, видел перед собой и турок, и своих товарищей. Ни до тех, ни до других ему не было дела. Юноше представлялось, будто только он один сидит здесь в яме и сдерживает всех этих людей в красных фесках. Петко ожесточился, остервенился, жизнь перестала существовать для него. Он только и думал о том, как бы побольше сбить с ног врагов.

Рядом с ним сражалась с таким же ожесточением женщина. Это была болгарка Райна, приставшая к ополчению в Казанлыке. Турки там незадолго до прихода русских перерезали её семейство, и она пошла в ряды ополчения, чтобы отомстить палачам за смерть близких.

По другую сторону Гюрова, мало в чём уступая взрослым, дрался Лазарь. Теперь никто не обращал на него внимания и не прогонял из рядов ополченцев. Всё-таки это были лишние руки, которые могли сделать по тур-

кам не один лишний выстрел. А сколько было выстрелов, настолько меньше становилось и число наступавших врагов.

Около полудня подошёл к защитникам перевала Брянский полк с бригадным командиром генералом Дерожинским[55]. Этим подкреплением пока приходилось довольствоваться. Остальные ближайшие полки 9-й дивизии, Севский и Елецкий, вместе с Орденским драгунским защищали от турок соседние перевалы — Елененский, Бобровский и Хаинкиоский, где ожидались не менее активные атаки турецких таборов.

Немножко как будто легче стало. Брянцы подошли, и турецкие атаки уж были не так упорны.

Невыносимый зной томил защитников Шипки; отовсюду слышались отчаянные крики: «воды!», «пить, ради Создателя!», и у разгорячённых непомерными усилиями людей не было чем утолить свою жажду, освежить запёкшиеся губы...

— Я знаю, тут недалеко есть ручей! — сказал Лазарь Гюрову.

— Ну так что же! К нему разве проберёшь-

ся? — сурово ответил тот.

— Я попробую!..

Петко посмотрел на брата воспалёнными глазами и почти равнодушно сказал:

— Попробуй...

Мальчуган, словно змея, выскользнул из ложемента.

На его исчезновение не обратили внимания.

Лазарь, между тем, совсем припав к земле, полз, укрываясь за камнями. Ему и самому страшно хотелось пить; он даже и не думал, сколько сможет принести воды своим товарищам. Вдруг он увидел прямо перед собой двигавшуюся вперёд турецкую колонну. Это турки шли в новую атаку на русские ложементы. Очевидно, колонна только что была введена в бой. Турки шли густой цепью без выстрелов, держа штыки наперевес. Русские пули ни на мгновение не останавливали их. Картечь и гранаты с русских батарей тоже не производили на них впечатления. Падали сразу десятками, и сейчас же цепь смыкалась и продолжала наступление.

«Возьмут теперь, всё погибло! — с отчаяни-

ем подумал Лазарь, притаившийся за большим камнем. — Измучились все... не выдержать... Что делать?»

Взгляд его упал на торчавший из-под земли обрывок фугасной трубки. Он слышал ещё утром, что несколько заложенных в земле фугасов не взорвались...

«Что если попробовать? Может быть, это не взорвавшийся?» — блеснула у мальчугана мысль.

Он знал, как взрываются фугасы. Ещё в это утро вместе с сапёрами 7-го батальона Лазарь сам закладывал их. Размышлять, обдумывать вероятности не было времени. Мальчик зажёг фугас... Последовал мощный взрыв. Неожиданностью своей он на этот раз смутил турок. Ничего подобного они не ожидали с этой стороны. Замешательством неприятеля воспользовались дружинники и присоединившиеся к ним брянцы. Часть их, не дожидаясь подхода турок, выскочила из ложементов и кинулась на обескураженного неприятеля. Приступ был отбит. Это был последний — десятый за истекающий день приступ.

Лазарь, надеявшийся спуститься по отко-

сам к ручью, пробивавшемуся, как ему было хорошо известно, под кручами, только теперь сообразил, что не во что набрать ему воду для товарищей. Но он не растерялся. Одна мысль навела его на другую. Он даже громко вскрикнул от радости, когда эта новая мысль пришла ему в голову. Ведь он знал, что в этих горах скрывается в ущельях множество бежавших после выхода русских из Казанлыка болгарских семей. Его знают, он сумеет убедить земляков с габровской стороны натаскать солдатам воды. Только бы не заметили его турки...

Довольный собой, он пополз но кручам, по-прежнему прячась за камнями и выступами скал.

В ложементах, между тем, настало спокойствие. Враги более не наседали, а к пальбе их пушек солдаты и ополченцы уже успели достаточно привыкнуть.

Стало заметно вечереть. Солдаты успешную защиту своей позиции откровенно приписывали товарищам-артиллеристам. Меткий огонь русских пушек только и сдерживал турецкие атаки. Для рукопашного боя не до-

ставало людей.

Наступил вечер. Пушечный гром всё ещё не умолкал с обеих сторон. Подошедшие ближе турки возводили новые батареи и ложементы, и даже два из них расположили не более как в ста шагах от русской позиции. Помешать им было нельзя — каждый солдат теперь являлся драгоценностью. Даже рвавшихся на вылазку охотников не пустили разогнать копавшихся в земле турок. Вместо этого закипела работа: исправляли повреждения в окопах, уносили трупы, отправляли раненых.

Лазарь сделал-таки своё дело. Едва только бой начал стихать, на русских позициях появились болгарские женщины и дети с кувшинами воды и хлебом. Мальчуган нашёл беглецов-болгар и убедил их принести воды к истомлённым зноем и усталостью защитникам перевала. Сам генерал Дерожинский, командовавший позициями, потрепал мальчика по голове и сказал ему несколько ласковых слов.

Следующий день прошёл спокойно, то есть не было атак на русские окопы. Зато с пяти часов утра и до семи вечера, ни на минуту не

переставая, били и артиллеристы, и стрелки по русским позициям с близких и далёких батарей пушечными и ружейными выстрелами. Русские пушки только изредка отвечали им. Осталось всего 80 снарядов, и их берегли на случай атаки. Впрочем, и в этот день турки девять раз кидались на русских, но с очевидным намерением только утомить их, ослабить их энергию.

Наступило 12 августа.

Ярко-ярко залило солнце своими лучами с далёкого голубого неба и горы, и русских, и турок, радостное солнце. Весело сияло оно, как будто хотело пробудить жажду жизни в горсточке самоотверженных людей, едва-едва державшихся от крайнего утомления на ногах.

Они знали, что в этот ясный солнечный день всё будет кончено для них в бренной жизни. Свежие многочисленные таборы новых войск подошли к Сулейману, а с русской стороны горсточке шипкинцев ни подкреплений, ни огнестрельных снарядов ранее следующего дня нечего было и ожидать.

Молчат богатыри. Ни звука не слышно.

Пальцы их крепко сжимают ружейные стволы. В сегодняшнем бою вся надежда на штык, на приклад. Патронов у них всего на несколько залпов, а там — в рукопашную. Штыками, прикладами, лопатами, топорами, кулаками, зубами пойдёт этот последний бой. Все до последнего лягут здесь под вражеским напором остатки орловцев, брянцев, болгар. Только память от них останется, что вот здесь они, среди этих утёсов, на вершине одинокой горы все легли до последнего, а не уступили врагу добытое своей кровью место.

С Тирсовой, Лысой и Лесной льётся на вершину Святого Николая град гранат, и частят ружейные пули. Недаром Сулейман воевал с черногорцами. Он сумел воспользоваться этим проклятым местом, этими проклятыми горами. Тирсова и Лысая выше Николая — не намного, на сажени всего, но выше. Артиллеристам всё равно, зато стрелки бьют по русским сверху вниз.

— О Господи! — вырывается иногда жалобный вздох из настрадавшейся солдатской груди.

Петко сурово смотрит перед собой. Ему те-

перь жаль, что он пошёл в ополчение. Через час-два, когда снова пойдут турки, он умрёт — будет убит. И отец с братьями останутся неотмщёнными. Лучше бы гулять на свободе. Из-за скал в горах можно более пролить турецкой крови, чем в таком — позиционном — бою, в котором смерть, кажется, неизбежна.

Его берут зависть и досада, когда он оглядывается на Лазаря и Райну. Райна всё время громко хохочет, будто сумасшедшая, и болтает без устали всякий вздор. А Лазарь как-то необычно... сосредоточенно спокоен. После того, как сам Дерожинский погладил его по голове, мальчуган вдруг словно вырос, стал настоящим солдатом. Он с удивлением вглядывается в лица своих ближайших товарищей и только удивляется, отчего это они так бледны?

Солнце всё разгорается в высоком небе. Зной так и палит — не на солнцепёке, а в тени 40 градусов. Голые камни скал и утёсов раскалились...

С гор, занятых турками, завыли сигнальные рожки. Рёв орудий после этого словно удвоился, утроился, учетверился... Будто но-

вые пушки заговорили о неминуемой гибели шипкинцев; голоса их слились все вместе. Ревело, не умолкая ни на минуту, ни на мгновение, какое-то страшное чудовище, исчадие ада, и под этот рёв с трёх сторон скатывалась к подступам на Николая красная лавина турецких таборов. Густые тучи порохового дыма окутали их. Когда ветер разметал этот белый туман, турки уже начали подниматься на русскую гору. Они даже не особенно торопились. Шпионы донесли в турецкий лагерь, что у русских почти нет патронов, что подкрепления не успеют подойти к ним, что только ещё к Габрову, там, за Балканами, стягивается армия гяуров... Так чего же торопиться? Часом раньше, часом позже — всё равно русские никуда не уйдут.

— Уходи прочь! — услышал Лазарь около себя.

Он оглянулся. Это крикнул один из офицеров-ополченцев.

— Зачем? — недоумевающе спросил мальчик. — Я умру с вами...

Офицер что-то крикнул — что? — Лазарь не расслышал. Он даже не догадался, что тому

просто стало жалко ребёнка. Дюжие руки схватили мальчугана. Лазарь попробовал отбиваться, но напрасно. Тогда он громко заплакал от обиды.

— Иди к Габрову! — закричал ему по-болгарски Петко. — Там скажешь, что все мы здесь перебиты.

«Габрово! Габрово! Зелено-Древо! Да ведь там теперь собираются русские полки! — озарила Лазаря мысль. — Они и не знают, что творится здесь. Может быть, они придут и прогонят турок!»

До перекрёстка, где сходились два шоссе с Габрово и деревни Зелено-Древо на Шипку, было около 12 вёрст. Лазарь вспомнил, что у резервов были казачьи лошади, и решил, что помчится туда, скажет там о гибели защитников Шипки, скажет, что турок, пока те не укрепятся здесь, не так уж трудно будет прогнать.

Он смирился со своей участью и побежал к тому, что так громко называлось «резервами».

В этих резервах были только рота со знамёнами да казаки-коневоды...

Турки совсем перестали торопиться. Они своей медлительностью раздражали и дразнили русских артиллеристов, как бы выжидая момента, когда замолчат русские пушки, рассеяв во вражеской массе все свои снаряды.

Шёл четвёртый час дня, когда враги после ряда атак, предпринятых для утомления защитников Святого Николая, кинулись на них с трёх сторон плотной красно-синей массой. «Алла» заглушило и «ура!», и стоны раненых, и вопли умирающих. Уже в русских окопах появились красные фески. Всё было кончено. Всякое сопротивление истощилось. Турки уверенно давили шипкинцев своей массой. Их было так много, что они могли голыми руками перехватать всех измученных трёхдневным боем людей.

Вот уж всё больше и больше красных фесок за русскими окопами. Там уже идёт не битва, не честный бой, а отвратительная бойня. Молча и с честью гибнут шипкинцы, только и стараясь в свои последние, в предсмертные минуты думать о том, чтобы как можно дороже досталась врагам каждая их жизнь...

Но что это? Какая это сила вдруг словно от-

швырнула турок? Откуда кинулись на них с яростным, наводящим ужас «ура!» ещё русские?.. Уж не с неба ли они упали в кипящее месиво рукопашного боя?.. Велик Бог земли Русской! Он прибежище и сила Руси православной...

Истомлённые зноем, тащились по дороге, взбираясь на крутые скаты, с перекрёстка стрелки 4-й бригады. Сердце их замирало от ужаса при одной только мысли, что теперь происходит с их товарищами. Сердце замирало, разум мутился, но не хватало сил ускорить шаг под палящим зноем. Ещё накануне они совершили формированный переход. Люди — не птицы. Что бы ни было, а лететь они не смогут; тем более, когда уставшие ноги отказываются шагать. С воем и рыданиями валились изнемогающие солдаты на землю, стараясь хоть ползти вперёд, если не получалось идти; хоть ползком — да всё ближе к погибающим товарищам.

Топот лошадиных копыт по высохшей до твёрдости камня земле остановил отряд. Первой мыслью каждого было, что на Шипке всё кончено. Турки овладели горой Святого Нико-

лай и выслали вперёд черкесов на разведку. Судорожно схватились солдаты за ружья... Топот всё ближе. Густая пыль окутывает всадников... Вдруг вздох облегчения пронёсся по рядам.

— Слава Богу! Наши!..

Стрелки ясно услышали хорошо знакомое им казацкое гиканье...

Когда стал виден весь отряд, то прежде всех увидели на казацкой лошади мальчика в изодранной одежде и без шапки. Он бросил поводья и кричал, что только нашлось сил в его маленькой груди:

— Турки! Турки!..

Следом за ним, ведя в поводьях кто одну, кто две лошади, скакали казаки-коневоды.

— Садись! — орали они ещё издали. — Садись, кто в Бога верует!.. Турки к нашим врываются, врываются...

Стрелки поняли, что требуется от них. В одно мгновение ружья на погонных ремнях вскинуты были за спину. Ещё миг — кто сидел на крупе казацкой лошади, обхватив руками коневода, кто карабкался сам в седло, помогая товарищу примоститься позади себя.

Казаки, у которых были посильнее лошади, сбросили стремена. Солдаты сейчас же воспользовались ими, как подножками. Уцепившись руками за всадника, одной ногой на весу, другой в стремя, по трое на одной лошади, нёсся отряд этот на помощь погибавшим товарищам.

Как гром небесный грянуло их «ура!», когда они бросились в самую гущу боя.

Турки, уже торжествовавшие победу, ничего подобного ожидать не могли. Они на мгновение растерялись. И этого мгновения достаточно оказалось, чтобы русские выбросили их за окопы. Теперь уже они перешли в наступление, тесня повсюду растерявшегося неприятеля. В натиске стрелков было что-то нечеловеческое, стихийное. Турки прогнаны были в отдалённые свои ложементы. Наступила тишина. Отдыхали измученные с обеих сторон бойцы. Но не долго длился этот отдых. Сулейман снова кинул свои таборы на русских.

А в это время из Габрова вслед за стрелками подоспели полки 14-й дивизии. Прямо с марша подошедшие первыми житомирцы и

подольцы кинулись на турок. Их, кажется, нельзя было удержать, так велико было их боевое увлечение. Они с поразительной быстротой очутились на Тырсовой и штыками принялись выбивать турок из их ложементов. Между тем это был совершенно бесполезный подвиг. Шёл восьмой час вечера, и в темноте представлялось невозможным удержать за собой позиции, даже если бы они и были взяты.

В этот день все были герои...

Двенадцать часов без перерыва длился бой 12 августа. Уставшие герои за всё это время не пили и не ели. Только когда появились среди них прибежавшие из Габрова болгары и болгарки с водой и едой, смогли они утолить и жажду, и голод.

Как будто знаменуя все ужасы этого страшного дня, затмилась Луна на небе. Величественное явление природы началось в четверть двенадцатого ночи. Ясный дотоле диск ночной красавицы стал вдруг заволакиваться дымкой. Будто трауром по погибшим в этот день одевалось ночное светило. Ровно в полночь имело место полное затмение. Турки

продолжали канонаду. Как костры, вспыхивали выстрелы их пушек. С далёкой выси укутанных в ночной мрак небес смотрела на землю, разливая огненно-кровавый отсвет, затмившаяся Луна.

XXI
НОЧЬ НА ЛЕСНОЙ ГОРЕ

Когда на другой день Волынский полк подходил к Шипкинскому перевалу, то ещё издали слышался рёв турецких орудий. Турки не осмеливались теперь штурмовать русские позиции и громили их более чем из ста горных орудий.

Ничего подобного Рождественцев не только не слышал никогда, но даже не мог себе представить — чтобы в один общий рёв сливались разновременные пушечные выстрелы. Эхо в горах сходило с ума.

— Совсем как в аду! — тихо заметил Фирсов, впечатление качая головой.

— Да, да, Степан Иванович, как в аду! — не мог не согласиться Сергей. — И вот мы идём в этот ад!

— Ничего не поделаешь! — кивнул с тяжёлым вздохом солдатик. — Приказано — пойдёшь!..

По пути ротам то и дело встречались раненые. Редко можно было видеть кого-либо из них на ногах. Такие после перевязки сейчас же возвращались на позиции.

— Успеем ещё! Госпитали — для тяжёлых! — говорили они. — А мы — лёгкие! В силах ещё ружьё держать... Так надо постараться, всё равно умирать.

В габровский госпиталь уносили и увозили только таких, какие не могли сами передвигаться.

— Ребята! — услышал Рождественцев, когда его рота пропускала встретившийся транспорт с ранеными Житомирского полка. — Слышали? Нашего дивизионного убили!

Вся рота, все волынцы так и замерли...

Убили? Драгомирова убили... Второго Суворова... Что же теперь делать?

И вдруг встрепенулись под влиянием этой мысли все люди, охваченные общей печалью, что нет уже в живых их вождя — вождя, с которым они перешли Дунай, потеряв, сравнительно с последующими победами, очень немного товарищей.

Драгомирова нет! Убит!.. И все волынцы опрометью кинулись к шипкинским позициям.

К счастью для России, кумир её солдат был только ранен шальной турецкой пулей в ногу. Опасности для жизни рана не представляла, но всё-таки оставаться со своей дивизией Драгомиров более не мог. Командование дивизией перешло к генералу Петрушевскому.

С чувством величайшего облегчения вздохнули волынцы, когда узнали, что жив их дивизионный.

А турецкие пушки продолжали реветь.

Больше было людей на Шипке, больше к ночи было и жертв.

Однако теперь уже не турки бросались на русских, а уцелевшие брянцы, житомирцы,

минцы ходили в атаки, подбираясь мало-помалу к турецким ложементам.

Много русских жизней унёс этот день.

Рассказывают, что когда один из генералов обходил позиции, то увидел за одним из передовых ложементов лежавших в разных позах солдат. Около них стоял — весь в крови, струившейся из ран, — одинокий офицер. Генералу показалось, что солдаты утомились и от усталости уснули. Были уже сумерки, потому произведённое лежавшими впечатление вполне понятно.

— Что это они у вас отдыхают? — спросил генерал у офицера, сделавшего ему под козырёк. — Спят?

— Да, ваше превосходительство! — последовал тихий ответ. — Спят... И никогда уже не проснутся...

Генерал понял, что перед ним погибшие.

— Тогда вы чего же здесь ждёте? — воскликнул в недоумении он.

— Своей очереди, ваше превосходительство, — совершенно спокойно ответил офицер.

После целого дня постоянных атак на ту-

рок русским всё-таки удалось сбить их с позиций. В особенности много вреда наносили русским турки, укрепившиеся на Лесной и Лысой горах. Против них в обход выслали ещё 12 августа батальон Житомирского полка и затем 13 августа роты стрелков 14-го батальона и три роты брянцев.

На шипкинской позиции теперь главное командование принадлежало командиру 8-го армейского корпуса; с ними были ставший за выбытием из строя Драгомирова дивизионным командиром генерал Петрушевский и командир 2-й бригады 14-й дивизии Дерожинский. Кроме них был ещё на позиции старичок генерал-инженер Кренке[56].

Петрушевский и Дерожинский с биноклями в руках наблюдали с горы Святого Николая за передвижениями отрядов, наступавших на Лесную гору.

— Посмотрите, ваше превосходительство! — воскликнул Дерожинский. — Они сыпят пулями, право, как будто горохом.

— Немудрено! — отозвался Петрушевский, прильнув к окулярам. — Их стрелкам выдают по двести двадцать патронов в день.

Лёгкий вскрик заставил его оторваться от наблюдения. Он повернулся в сторону собеседника. Дерожинский тяжело рухнул на землю. Всё произошло в одно мгновение. Шальная пуля турецкого стрелка впилась ему в сердце.

— Счастливец! Убит наповал! Без мук ушёл! — прошептал Петрушевский и даже не стал прощаться с погибшим товарищем, ибо заметил движение на Лесной горе.

Все три посланные им штурмовые колонны как раз шли на приступ.

Натиск был так дружен и стремителен, что турки оказались выбиты из своих окопов. Однако неприятель быстро оправился. Турки, заметив, что наступавших на них русских в сравнении с их числом ничтожное количество, сами бросились с яростным криком на смельчаков. Начался рукопашный бой. Турки не выдержали его и ударились в бегство. С Лесной горы стал быстро отступать и их резерв. Разгорячённые боем солдаты по пятам преследовали их и кинулись было на соседнюю Лысую гору.

Отсюда их вернули, подкрепив баталь-

ном волынцев. Два дня боя истощили резервы, и генерал решил ограничиться удержанием за русскими одной только Лесной горы. Штурмовавшие отошли, свежие, ещё не бывавшие здесь, на Шипке, в бою волынцы заняли гору.

Близился вечер, в турецких лагерях на горах зажигались костры. Противники отдыхали, и только пушки не знали отдыха, и в наступавшей темноте то тут, то там на горах вдруг прорезали предвечерний сумрак вспышки их выстрелов.

Волынцы на Лесной горе без страха, но с любопытством оглядывали ближайшие горы. Вокруг них были турки. Соседняя Лысая гора, или Малыш, была опять уже занята турками. Пока что они сидели спокойно, но близость их чувствовалась. Лысая была так близко, что до русских оттуда совершенно ясно доносились турецкий говор, шум, бряцанье оружия.

Волынцы не волновались, потому что были уверены, что турки ночью штурмовать занятую ими позицию не будут; ночь же всё более вступала в свои права. Мрак сгущался, и Балканы быстро тонули в нём.

— Эх-хе! Прикорнуть надобно! — сказал Савчук, примащиваясь поудобнее на своём месте в окопе.

Но отдохнуть, подремать ему не удалось. Едва только стемнело, командир батальона, занявшего Лесную, отдал приказание выйти из позиции и вырыть ложементы несколько ниже по скату горы с той стороны, откуда мог бы скорее всего подойти неприятель.

Тихо, насколько только это было возможно, закипела работа. Сергей Рождественцев рядом с Фирсовым и Мягковым копал землю. Они не говорили между собой ни слова. Около них так же беззвучно рыли лопатами затвердевшую от солнечного зноя землю их товарищи. Ложемент вырос быстро, и солдатики, кончив его, стали тихо посмеиваться: если бы турки пошли ночью, то встретили бы отпор там, где и не думали бы его встретить.

— Угостим дорогих гостей! — перешёптывались солдатики.

— Дай то Господи — отбиться! — тихо молился Фирсов.

В голосе его слышалось какое-то дрожание; обыкновенно спокойный, всегда религи-

озно настроенный солдат теперь заметно волновался.

— Вы, Серёжа, мою просьбу исполните ли? — зашептал он вдруг на ухо Рождественцеву.

— Какую, Степа? — не понял тот.

— Чувствую я, что смерть моя близка!

— Что вы! Что вы, Степан Иванович! Перестаньте! Все мы здесь...

Рождественцев не договорил, поскольку Фирсов мягко перебил его:

— Знаю... что все мы... а о себе вот говорю, что никогда я ничего такого не чувствовал, как сейчас. Душа мутится, и дух пропал. Умру я. Так будете когда вы в России, помяните за упокой души моей, безродный я совсем и помолиться за меня некому. Один как перст я на свете... Помолитесь? Панихидку справите?

Голос его полнился слезами. Сергей понял, что любые увещевания, уговоры будут бесполезны.

— Каркай, ворона! — ткнул Фирсова в бок очутившийся, когда все отделения при работе перемешались, Савчук. — Эка невидаль, что умрёшь! На то и шёл сюда!..

— Знаю я это, дяденька Василий Андреевич, — отозвался Фирсов. — А к тому я только, что сердце щемит.

— А ты на него плюнь! До сердца ли теперь... Дрожать нечего.

— По-человечески я, Василий Андреевич...

Он хотел ещё что-то сказать, но не договорил. Тихий, едва уловимый, будто лёгонькое дуновение набежавшего ветерка, шёпот пронёсся среди солдат, засевших в новом устроенном ложементе:

— Турки!..

Первую весть о приходе врага принесли высланные вперёд под гору секреты. Они заслышали поступь турок и, снявшись, вернулись к своим. Всё стихло в новом ложементе. Только сердца бились так, как будто готовы были вырваться из груди. Шёпотом передали приказание не стрелять, пока неприятель не подойдёт совсем близко.

Гробовая тишина царила на Лесной горе. Турецкие батареи на Лысой молчали. Турки надеялись застать русских врасплох. Они не шли на штурм, а ползли на гору. Густая передовая их цепь подкрадывалась, сгибаясь в три

погибели. Много, много было турок. Как и всегда, они надеялись на свою массу: действуя массой, они всегда могли рассчитывать на то, что слабый противник будет задавлен. Они даже не стреляют в иных атаках. Сулеймановские солдаты — настоящие воины. Гордые, смелые, отчаянные, они умеют ходить на врага и со штыком. Турки знают, что вершина Лесной, где засел русский батальон, ещё далеко. Их глаза пригляделись в темноте, и они среди мрака достаточно ясно различают далёкую вершину горы. Вдруг, всего шагах в ста от них вспыхивает огненная полоса. Оглушительно гремит в темноте дружный залп... и передовую турецкую цепь словно ветром смело. Остальные, потрясённые неожиданностью, остановились как вкопанные. Что такое? Откуда это? Кто стреляет? Русские? Но они выше!.. Гремит новый залп, белые облака порохового дыма клубятся в ночной темноте. Турки, изумлённые, недоумевающие, сбитые с толку, нерешительно топчутся на месте. Ещё мгновение, и «ура! ура! ура!» раздаётся около них. Сплошной мрак, не видно ни зги. Чьи-то штыки впиваются в турецкие тела.

Кто-то невидимый поражает их... Не выдержали турки и побежали. Новый дружный залп и победное «ура!» несутся им вслед. А победители возвращаются в свои окопы.

— Ловко проучили! — слышались среди солдат весёлые, довольные голоса. — Теперь долго не сунутся, утрутся!..

Сергей, тоже ходивший в эту ночную вылазку, вернулся весь в поту. Ночной бой разгорячил его. Радость победы возвысила его дух. Он, как и все его товарищи, был уверен, что до утра турки более не вернутся. Теперь, устроившись, он с тревогой и тяжёлым чувством оглядывался вокруг себя, тихо звал Фирсова и Мягкова. Их возле него не было. Ночь будто поглотила их. Ранены ли они, убиты ли — кто теперь мог знать? Их не было, стало быть... стало быть... Упокой, Господи, их души... Прими их в Царствие Небесное, в Селении праведных упокой... Думать больше времени не было. Как только приступ был отбит, турецкие батареи открыли огонь. Гранаты полетели со свистом и шипением на Лесную гору. Пули визжали, жужжали, пели. Турки и в темноте сыпали снарядами, надеясь, что слу-

чайно хоть некоторые из них достигнут цели. Едва рассвело, волынцы увидели последствия своей ночной работы. Скат Лесной горы, по которому подкрадывались турки, весь оказался усеян трупами, брошенным оружием. На каменистой почве кровь стояла, студенилась большими лужами. Раненые корчились, стараясь отползти в сторону, а в низу горы уже краснели фески новых таборов, готовившихся снова ринуться на Лесную гору.

Мягкова и Фирсова не было — теперь, при свете, Сергей окончательно убедился в этом. Увидев Савчука, он обрадовался ему, как родному. Хохол был ранен, но оставался в строю. Рождественцев поглядывал на его большую голову, перевязанную грязной тряпицей, сквозь которую просачивалась кровь. Но лицо солдата не выражало боли. Савчук только посмеивался и, пользуясь возможностью говорить громко, глумился и зубоскалил над прогнанным врагом. Рядом с Рождественцевым оказался теперь добродушный тоже, но глуповатый солдатик, тоже Степан, но только Симагин по фамилии. Симагин знал доброту и деликатность своего отделённого и был

очень рад очутиться в близости к нему.

Но думать не приходилось. Красневшие вдали живые волны, рокоча, то и дело обрушивались на Лесную.

С бешеным упорством несколько раз кидались турки на русскую позицию, но каждый их приступ был отбит. Однако ясно можно было видеть результат ночного боя. Волынский батальон, подкреплённый двумя брянскими ротами, истощался с каждой турецкой атакой. Людей становилось всё меньше. Командовавший позицией флигель-адъютант полковник граф Адлерберг послал просить новых подкреплений. В ответ пришло приказание оставить позицию и отойти к горе Святого Николая. Рассвет 14 августа застал защитников Шипкинского перевала изнемогавшими от усталости. Могли последовать новые атаки со стороны турок, а в резерве у русских оставался всего один линейный полк. Повинуясь приказанию, медленно ушли волынцы и брянцы с Лесной горы, где они выдержали целую ночь жаркого боя.

Вся отчаянная храбрость испытанных солдат Сулеймана-паши в борьбе не шла в срав-

нение со стойкостью и доблестью горсти русских. Недёшево, однако, обошёлся России шестидневный этот бой за Шипкинский перевал. Около 3500 солдат и более сотни офицеров выбыло с 9 по 14 августа из строя убитыми и ранеными...

XXII
«НА ШИПКЕ ВСЁ СПОКОЙНО»

Там, где в сто, а то и более глоток ревело неутомимое чудовище — турецкая артиллерия, — где визжали миллионы пуль, где лилась кровь и ручьями, и реками, стало спокойно.

Турки притомились сами. У храбрецов Сулеймана руки опустились, энергия сошла на нет, смешались и смутились они. Сулейман не осмеливался более посылать на русских свои таборы. Их необходимо было привести в

порядок после шести дней почти непрерывного сражения...

На Шипке всё спокойно. Погромыхивают, правда, турецкие батареи. Так что же! Пусть их! Русские солдатики привыкли к их грому. Турецкие пушки русским удальцам даже спать и сны золотые видеть не мешают. Одно скверно... турки по Святому Николаю палят лениво, зато на дорогу на Габрово, позади горы, где проходят транспорты туда с ранеными, а оттуда с провиантом, водой, боевыми запасами, где идут на Шипку новые полки и батальоны в подкрепление, турки обратили особенное своё внимание. С ближайших высот им хорошо видно всё шоссе. Турки бьют по нему из своих орудий, их стрелки с утра и до темноты так и частят наперекрёст своими пулями. По дороге на Габрово не пройти, не проехать, разве только ночью, да и то в тишине. Каждый день уносит десятка два-три русских жизней, хотя нет отчаянных штурмов и — и на Шипке всё спокойно...

Когда улеглось первое возбуждение после полных величайшего нервного напряжения шести дней боя и всё мало-помалу вернулось

в некоторое подобие порядка, сразу же ликование началось на Шипке. Дивились теперь русские солдатики сами себе, своему прямо чудесному подвигу, дивились офицеры, в восторг приходили генералы от своих чудо-богатырей.

— Ай да мы, 14-я дивизия! — восклицал в восторженном изумлении Савчук, поглядывая на Тырсово, Сахарную голову, Лысую, Лесную горы, усеянные бесчисленными турецкими укреплениями с белевшими за ними тысячами палаток турок. — Вот так мы! И на Дунае, и на Шипке, везде — орлы драгомировские.

В своём увлечении хитроватый хохол забывал, что вместе с ним бились и брянцы, и орловцы, принадлежавшие к бригаде убитого генерала Дерожинского и входившие в состав 9-й пехотной дивизии, и стрелки «железной» бригады, донские казаки, болгарские ополченцы и, главное, артиллеристы, на долю которых должна выпасть равная со всеми слава.

Рождественцев ходил сам не свой. Его грызла тоска по оставленным на месте боя товарищам. Он, да и никто другой, не мог уже

сомневаться, что они погибли.

Шумел, гомонил целый день радующийся победе люд. Восторгам, казалось, не будет конца. Волынцы, житомирцы, брянцы, орловцы, стрелки, казаки, артиллеристы, ополченцы — все перемешались в своём ликовании, все были полны упоения своей победой. Делились теперь на свободе пережитыми впечатлениями, рассказывали о случайно замеченных подвигах товарищей, о лунном затмении в полночь после страшного дня, вспоминали павших, хвалили врагов, оказавшихся, несмотря на свою неудачу, достойными противниками русских героев.

Чаще других вспоминалось во всех группах имя Лазаря Косова. О нём говорили как о герое. Стрелки «железной» бригады рассказывали, как они увидели его мчавшегося с казаками-коневодами. Говорили даже, будто это он надоумил казаков погнать лошадей навстречу головной части подходившего подкрепления. Вспоминали, как он дрался с турками в страшный день 12 августа — дрался, не уступая взрослым.

Сергей, едва только стало возможным, от-

правился на левый фланг, где стояли ополченцы, в ожидании пока их не сменят новыми отрядами и не отведут в резерв. Идти пришлось далеко, через всю гору Святого Николая, где находилась средняя, или круглая, батарея. Везде было одно и то же ликование. Отдыхавшие герои уже пообедали, похоронили своих убитых, унесли раненых. Смерть отлетела от них, и жизнь явилась ей на смену. Бог знает откуда, у какого-то солдатика явилась гармоника; вокруг него собрался кружок весельчаков, и под разудалые звуки «камаринского» начался лихой разухабистый трепак. Как будто совсем и не существовало в помине шести дней сражения за Шипку, как будто турецкие орудия не аккомпанировали гармонике, а их гранаты не рвались над этой же самой круглой батареей.

Петко только опомнился от всех перенесённых, пережитых, переиспытанных ужасов, приходил в себя, начинал верить, что он жив, что турки прогнаны... Немного осталось от его дружины, да и всё ополчение сильно поубавилось в числе. Почти все офицеры погибли, а большинство оставшихся в живых

были ранены. Но болгары тоже гордились тем, что на Шипке они вполне загладили свой неуспех под Эски-Загрой.

Объятиями встретились друзья, не видавшиеся с самого Кишинёва. Слёзы навернулись у них на глазах, когда, присев у насыпи ложемента, они принялись вспоминать всё пережитое, все бои, в которых они дрались с турком. Петко с восхищением поглядывал на Георгиевский крест Сергея. Тот в свою очередь выказывал удивление храбрости и стойкости болгар в бою.

— А где ваш мальчик? — спросил он. — Про него все, кто говорит, отзываются как о герое!

— Да вон он — с Райной... У нас и ополченки, как видишь, есть! — улыбнулся Петко и позвал: — Лазарь!

Мальчуган прибежал к ним.

— Взгляни-ка! — сказал Петко. — Вот тот солдат, о котором я говорил тебе... Сергей, это брат мой!

Лазарь кинулся на шею Рождественцеву и заговорил, мешая болгарские слова с русскими:

— Ты — храбрый. Я тебя буду много-много любить...

Ребёнок-герой, плакавший от обиды, когда ему не позволили умереть вместе со взрослыми, и нашедшийся в те минуты, когда всё казалось погибшим, произвёл на Сергея сильное впечатление. Народ, только что вырвавшийся из неволи, уже имел своих героев: дети, юноши, женщины, старики бились за Родину... но в то же время Сергею невольно вспоминалось, что здоровые, полные физических сил мужчины разбегались при одном только слухе, что подходят турки, разбегались, оставляя беззащитными варварам — башибузукам — своих детей, свои семьи и заботясь только о спасении одной своей жизни; вспоминалось, что такие же здоровяки-мужчины, ползавшие с рабски-собачьей униженностью у ног своих господ-турок, начинали грабить и убивать мирных турецких жителей нисколько не хуже башибузуков и черкесов, как только являлись русские и сила переходила на их сторону; вспоминалось, что русские должны были часто грозить болгарам военной расправой за грабежи, и только

страх удерживал недавних рабов от неистовства и зверства над мирными магометанами.

«Это нарождается новая Болгария, — думал Рождественцев, глядя на Лазаря, Петко и Райну. — Новая, свободная, спасённая Россией Болгария... Эти-то уже скоро позабудут гнёт, рабство, а их дети будут вспоминать вот об этих временах, которые ныне переживают их будущие отцы, как о далёком времени, которое никогда уже не вернётся».

Побыть долго вместе, наговориться досыта друзьям не удалось. Подошли из резерва сменяющие их свежие части, и болгарские ополченцы перешли сперва в резерв, чтобы затем уйти из гор в деревню Зелено Древо и стать там для охраны начала шоссе по Шипкинскому перевалу.

Возвращался назад Рождественцев несколько иным путём — через расположение «железной» бригады. Сергей шёл, не особенно торопясь. Ему приходила очередь в эту ночь стать в секрете за позициями, но он чувствовал, что нервы его так ещё напряжены, что, прежде чем лечь спать, он должен ходьбой довести себя до изнеможения, устать фи-

зически, иначе он не сомкнёт глаз.

Когда он подошёл к палаткам стрелков, то увидел густую толпу, собравшуюся в кружок около горланившего какую-то песню унтер-офицера, закинувшего голову назад, размахивавшего руками и притопывавшего в такт пению ногами; к нему присоединились с десяток товарищей.

— Эй, вольноопределяющийся! — окликнул Рождественцева знакомый стрелок. — Иди-ка к нам! Наш Шмаков про Шипку песню поёт. Вот разучивают — послушай.

Рождественцев подошёл, вмешался в круг стрелков и стал прислушиваться к словам только что сочинённой под впечатлением пережитого боя новой солдатской песни.

— Вспомним, братцы, как стояли
Мы на Шипке в облаках, —

выводил тенорком Шмаков, и товарищи дружно подхватывали вслед за ним:

— Турки нас атаковали,

Да остались в дураках!
Только утро рассветает,
Разнесёт вокруг туман, —
И на Шипку наступает
Вновь упорный Сулейман.

Турецкие пушки громыхали, а под пушечные выстрелы «железная» бригада, вспоминая шестидневный бой, так и разливалась своей новой песнью:

— Сулеймановы аскеры
Крепко в Шипку били лбом,
А мы били их без меры
И прикладом, и штыком.
Сорок таборов свалили,
Навалили груду тел...
Поздно турки отступили:
Сулейман их всех поддел!
Плохо было одну пору —
Дрались турки жестоко
И, как черти, лезли в гору,
Да взошли невысоко!
Как стрелочки прискакали
На казачьих лошадях,
Турки разом закричали
Свой «аман» и свой «Аллах»!

Утомлённые песенники остановились перевести дыхание.

— Ай да Шмаков! Ай да Антоша! Молодчага! Словно и впрямь сочинитель заправский! — раздались со всех сторон одобрительные восклицания.

— Постой, братцы-ребята, — предупредил польщённый одобрением слушателей поэт. — У меня ещё есть...

И он, запрокинув голову, запел новые, только что сочинённые им куплеты:

— Вот была тогда потеха,
Наши грянули «ура!».
Разом турки побежали,
И досталась нам гора.
Было, братцы, плоховато,
Да помиловал нас Бог, -
От рассвета до заката
Отдохнуть никто не мог,
Накрест пули и гранаты
День и ночь над головой,
Холод, голод... Эх, ребята,
Будем тверды мы душой!

— Всё! — объявил Шмаков, вытирая выступивший на лбу пот.

Его окружили товарищи, жали ему руки, сам фельдфебель его сказал, что доложит о новой песне командиру...

Рождественцев отошёл никем не замеченный. О как дороги ему были эти простые сердцем люди, эти не показные, а настоящие герои, даже в величайших подвигах своего духа не видевшие ничего особенного, кроме своей обязанности до последнего вздоха исполнять долг перед Родиной.

«Как было бы интересно посмотреть на европейских солдат в такие минуты, — думал Рождественцев, теперь уже спешно шагая к своему батальону, — французов, немцев, англичан, австрияков... Как у них... У них бы в трубы трубили, в колокола звонили, а у нас — одна солдатская песня, да и то без малейшего признака бахвальства, просто рассказ о событиях... Нет... Свята эта простота, уже одна она — величайшее геройство. Вряд ли где, кроме Руси, есть способные на неё».

И чем дольше он думал, тем всё более росло в его душе чувство искреннего восторга и

изумления перед этими людьми, перед этими русскими чудо-богатырями...

На своём биваке утомлённый ходьбой Рождественцев заснул очень скоро и проснулся только-только к расчёту. Лежать в секрете было всегда одним из самых труднейших дел на войне. Требовались ничем невозмутимые хладнокровие и решительность. В секрете необходимо было едва не под землёй видеть и слышать, и о том, что делалось над землёй, знать было необходимо. Получив пароль и ответ, Рождественцев вышел вслед за разводящим вместе с небольшой группой своих товарищей. Залечь в секрете с ним должен был Симагин; правее располагался в секрете Савчук с солдатом из своего отделения. Далее раскинулись секреты из солдат той же роты. Ночь была не совсем тёмная, прикрытая набегавшими то и дело тучками; луна разливала по округе желтоватый полусвет. Издали тени казались одним целым со всем тем, от чего они падали; всё таким образом выросло вдруг, стало внушительнее; чтобы разглядеть нечто впереди, нужно было сильно напрягать зрение.

Секретных бесшумно выпустили за цепь часовых. Солдаты, перекрестившись, простились с товарищами и тихо поползли вперёд к заранее намеченным ямам, в коих они должны были лежать, зорко вглядываясь в сумрак ночи, густой пеленой разостлавшейся перед ними.

Секрет Рождественцева и Симагина выдался далеко вперёд. Тут приходилось удвоить свою бдительность. Впереди могли быть тоже секреты — турецкие. Кто мог знать, что крылось в этой темноте! Сергей лежал, то и дело приподнимая голову. Чего только ему ни мерещилось! Нервы опять напряглись до крайней степени. После знойных дней не убранные турками тела начали разлагаться, и в воздухе явно чувствовалось уже трупное зловоние. На нервы также действовало немало и то, что всюду вокруг секрета валялись застывшие мертвецы. Ещё днём ужасен был их вид, ночью же впечатление усиливалось, воображение разыгрывалось и рисовало совсем уже сверхъестественные ужасы.

Более часа лежали в секрете Сергей Рождественцев и Симагин. Всё было тихо. Вдруг Си-

магин насторожился...

— Барин, слышишь? — шепнул он.

Сергей кивнул ему в ответ и чуть приподнял голову, сжимая ствол ружья. Как раз в это мгновение луна выглянула из-за туч, и довольно яркий свет озарил округу.

— Господи Боже мой! — чуть не во всю силу вскрикнул Симагин. — С нами святой крест!

Невольно задрожал и далеко не суеверный Рождественцев. Прямо на них, озарённое лучами луны, двигалось какое-то чудовище. Сергей ясно видел две головы и четыре руки. Туловище чудовища было необыкновенно велико: словно сложили двоих человек вместе, чтобы составить одну эту страшную фигуру. Свет луны ещё придавал двигавшейся массе уродливые очертания. Казалось, на солдат двигалось нечто бесформенное, нечеловеческое...

— Палить, что ли? — зашептал лихорадочно Симагин.

— Тс-с! — остановил его Рождественцев, до слуха которого донеслись какие-то нечленораздельные звуки, как будто стон, храп, пых-

тение. — Ползи, Степан, к соседям, к Савчуку, скажи там...

— А ты?..

— Я «это» приму... Живо...

Через мгновение Рождественцев остался один; чудовище всё двигалось и надвигалось...

— Господ... помог!.. — ясно донеслось здесь до слуха Сергея.

«Наш там! Что такое?.. — вздрогнул он и, вылезши из ямы, быстро пополз вперёд, при этом громко шептал: — Кто здесь?..

— Не трожь, не пали! — раздался хриплый голос. — Свои...

Теперь Рождественцев понял, в чём дело...

То, что издали и в темноте казалось безобразным чудовищем, был Мягков, тащивший на спине какого-то товарища!

— Ложись! — крикнул Сергей, но и без его окрика обессилевший солдат вместе с ношей рухнул на землю.

Рождественцев подполз к ним.

— Николя, вы? — шёпотом спросил он.

— Я... я... Никак это вы, Серёжа? Бог вас послал! — послышался прерывистый ответ.

— А кто с тобой? — спросил Сергей, сердце которого трепетно забилось. — Кого ты притащил?

— А дядю Степана... только он, кажется, сейчас уже померши...

Сергей схватил за руку принесённого Мягковым товарища. Руки были ещё тёплые. Тогда он повернул к свету голову Фирсова; лицо было спокойно, улыбка ещё играла на полуоткрытых губах, но глаза смотрели не мигая... Фирсов был мёртв.

— Всё дядя Степан улыбался, а тут, как к своим подойти, взял да и помер, — рассказывал Мягков. — Всё молитвы да «Спаси, Господи, люди твоя» читал...

Сергею хотелось плакать, рыдать, но он быстро подавил своё волнение.

— Зачем вы его, Коля, тащили? — спросил он.

— А как же! Мы целый день в канавке пролежали. Вот мука-то, Серёженька, была!.. Пить хочется, а боялись... Степана-то Иваныча в грудь и в голову пуля хватила, а меня — в плечо... Говядину малость попортила, кость, похоже, расщепила — рукой не действую... да

ещё маленько оглушили в рукопашной... Так и лежали... А ночь пришла, поползли... Тут дядя Степан помирать собрался... Я его на спину и взвалил...

Послышались шорох и шёпот; подползли Савчук и Симагин.

— И что ты, дурья голова, мёртвого-то волок? — накинулся на солдата Савчук.

— Жалко бросить... Свой ведь... Перед смертью, Василий Андреевич, вам поклон он наказывал да Сергею Васильевичу...

Савчук принялся шёпотом распекать Мягкова:

— Вот погоди! Достанется тебе от Егора Кириллыча. Панов-то у нас за фельдфебеля, он тебя — на хлеб да на воду...

Но в голосе строгого хохла слышались не досада, не злость, а дрожали нотки душевного умиления.

— Ну ползи в цепь, — шепнул он.

Мягков не двинулся.

— Чего ещё? — окрысился на него Савчук.

— А дядя Степан-то? Дозвольте, как-нибудь доволоку...

— Пшёл, родимый! И без тебя покойника

уберут... — вдруг всхлипнул Савчук и, чтобы скрыть это всхлипывание, ткнул ни с того ни с сего Мягкова в спину.

XXIII
НЕУДАЧИ И ПОБЕДЫ

Не всюду было так спокойно, как на Шипке... Турки теперь приводили в исполнение свой гениально задуманный план. В Предбалканской Болгарии, словно из-под земли, вырастали свежие турецкие армии, по нескольку десятков тысяч каждая. Только одна непоколебимая стойкость русских войск, совершавших нечеловеческие усилия, выказывавших непостижимое мужество, сдерживала турок. Лишь одно непоколебимости сынов своих, самоотверженно ложившихся костьми на полях брани, но не уступавших и пяди однажды занятого места, обязана Русь тем, что с

честью вышла она из этого жестокого испытания, коему подвергалась осенью и зимой 1877 года.

Под Разградом, в сфере действий Рущукского отряда, выросла сорокатысячная турецкая армия под командованием Эюб-паши. Он укрепился у Аяслара, городка верстах в тридцати от Разграда. В течение почти всего августа в долине реки Лома происходили чуть не ежедневные сражения, в которых русские войска — ими здесь командовал генерал Леонов[57] — то отступали под натиском турок, то опять брали у них с боем недавно оставленные позиции. Крупнейшими и стоившими наибольшего числа жертв битвами были здесь сражения у Карахасай-Киоя, Кады-Киоя, Кацелево и Аблова. С обеих сторон не было ни решительных побед, ни решительных поражений.

Новый турецкий главнокомандующий Мегмет-Али-паша, умнейший и талантливейший стратег, действовал с истинным пониманием своей задачи. Он стремился, чтобы все турецкие армии, армии Эюба, Османа и Сулеймана пашей, с трёх сторон сошлись перед

Балканами и, соединившись фронтом, стали теснить русских к Дунаю с намерением изгнать их на левый берег и затем вторгнуться в Румынию, а за нею и в пределы России.

План этот удался бы, повторим, кабы не непоколебимая стойкость русских солдат и офицеров.

Части Рущукского отряда сдерживали и не пускали вперёд Эюба-пашу; восьмой корпус Радецкого с драгомировской 14-й дивизией не только задержал, но и расстроил лучшую и испытанную армию Сулеймана-паши, направленную в Балканы; Западный отряд, в котором начальство над русскими и присоединившимися к ним теперь румынскими войсками перешло к румынскому князю Карлу, помощником которого назначен генерал Зотов[58], задержал Османа-пашу в Плевне.

План турецких стратегов нигде не оправдался.

Главная квартира русской действующей на Дунае армии теперь была из Тырнова переведена в Горный Студень, поближе к району Плевненского отряда; туда же прибыла и императорская квартира. Все сложные, труд-

нейшие и опасные операции совершались теперь на глазах Государя Императора Александра Николаевича.

Двадцать третьего августа генералы Скобелев-сын и светлейший князь Имеретинский [59] порадовали своего Государя взятием крепчайшей после Плевны турецкой позиции Ловчи, откуда турки постоянно угрожали русской армии возможным прорывом к Осману-паше. Но вслед за тем с 25 августа начался знаменитый «Плевнен ский шестиднев», или «Третья Плевна», как называли тогда грандиозную борьбу русских и румын с крепко засевшими в Плевне таборами Османа-паши.

Это была битва каких-то титанов. Свыше 100 тысяч русских и румын яростно кидались на Плевну и возвращались каждый раз отбрасываемые турками на свои позиции. «Александров день» — 30 августа — был, собственно говоря, той знаменитой «Третьей Плевной», о которой сейчас же после войны стали слагаться в русском народе фантастические легенды, с какими отныне неразрывно связывалось имя Белого генерала Михаила Дмитриевича Скобелева, становившегося «героем, по-

бедами Суворову равным».

Офицеры, генералы, солдаты — пехотинцы, кавалерия, артиллеристы, румынские добробанцы и калараши и все, кто только ни был в эти шесть дней под Плевной, доказали величайшее геройство военного духа. «В этот шестидневный бой, — говорил официальный рапорт, — все чины отряда свято и безупречно исполнили свой долг, и русский солдат доказал ещё раз, что для него нет неразрешимых задач, за исключением тех, полное разрешение которых лежит превыше человеческих сил». Около 300 офицеров и 12 500 солдат русских, 60 офицеров и 3000 румын выбыли из строя, но Осман-паша всё-таки по-прежнему оставался в Плевне, и только Гривецкий редут, одна из выгодных позиций у Плевны, перешёл в руки русских.

«Третья Плевна» всколыхнула Русь. С ужасом стали ожидать русские люди известий из Дунайской армии. Тревожились все, кто только представлял себе истинное положение на театре военных действий. С трепетом встретили приказ двинуть на Дунай гвардейский корпус; ещё более затрепетали русские серд-

ца, когда стало известно, что под Плевну вытребован герой Севастополя генерал Тотлебен, что Систовские высоты на правом берегу Дуная спешно укрепляются. Всё тяжелее и тяжелее становилось испытание, ниспосланное свыше Руси после многих милостей...

— Только драгомировцы на Шипке продолжали радовать русские умы надеждой.

«Всё спокойно было на Шипке» до 4 сентября. Всё спокойно! Канонада с занятых турками высот да небольшие схватки с то и дело прорывавшимися отрядами черкесов, нападавших на казаков и Габровскую дорогу, ни во что не считались. Десяток-другой убитых и раненых также не привлекали особенного внимания общественности. Шипкинцы отдыхали.

До 23 августа турки стреляли по русским вяло, лениво; потом вдруг бомбардировка усилилась, занятые турками горы стали оживать; замечалось активное передвижение таборов; лазутчики принесли известие, что к армии Сулеймана-паши пришли на подкрепление турецкая гвардия и арабистанские войска... Не оставалось сомнения, что Сулейман

готовит нечто решительное...

Драгомировцы насторожились.

— Опять «в баню» попадём! — толковали у себя в окопах молодцы.

— Сами как бы опять Сулейману «бани» не задали! — слышались задорные ответы. — Скоро они что-то нашу науку позабыли!

Однако невольная тревога закрадывалась даже в эти мужественные сердца. Вести о неудачах на Ломе и о «Третьей Плевне» уже пришли на Шипку; знали шипкинцы, что теперь надежда всей Руси возлагается на них. Задавит их здесь Сулейман — один Бог знает, что может выйти в Предбалканской Болгарии, когда туда спустится, шагая по трупам шипкинцев, сулеймановская армия... И невольно трепетали закалённые сердца. И невольно глаза, словно магнитом каким, тянулись к турецким высотам, с каждым днём оживлявшимся всё более и более.

С 1 сентября опять заревело во весь голос турецкое чудовище, только рёв его стал ещё громче, оглушительнее. Заговорили новые жерла, ударили десятки новых орудий... Турки начали бомбардировать русские позиции

из мортир.

Шипкинцы с лихорадочной поспешностью готовились к приёму гостей. Возводились окопы на соседней Зелёной (Травень) горе, на Бадеке, укреплялась дорога к Габрову и само Габрово; приготовлялись туры и фашины; распределялись по местам части полков.

«Орлиное гнездо» и скалы перед Святым Николаем, оборонять которого назначили Подольский полк со своим оправившимся после полученной при переправе через Дунай раны командиром Духониным, занимали две роты подольцев, подкреплённых житомирцами; в резерве были волынцы.

Мягков, несмотря на рану, не ушёл из своего полка, хотя и не мог остаться в строю. Он устроился при походном лазарете, где подавали первую помощь раненым. Чутко чувствуют русские простые люди душу в человеке, и порывы её никогда не проходят незамеченными ими. Когда среди товарищей узнали об его подвиге, парня так и засыпали со всех сторон похвалами. Солдатик на которого дотоле мало кто обращал внимание, стал теперь всеобщим любимцем.

Фирсова, тело которого притащил Мягков, с честью похоронили, и даже в отдельной могиле, как просили о том и Мягков, и Рождественцев, и Савчук.

Пять дней и ночей подряд ревели турецкие орудия; наступала ночь на 5 сентября.

Турки всё не шли. Даже в лагерях их не замечалось ничего такого, что бы указывало на близость штурма. Лазутчики не приносили никаких вестей. Сулейман, как казалось шипкинцам, или чего-то выжидал, или хотел извести противника измором.

Ночь на 5 сентября была непроницаемо мрачная. Даже луна не показывалась. Уже в двух шагах не виделось ни зги. Подольцы, лежавшие на скалах перед Святым Николаем, измучились, истомились, изнервничались. Шёл уже третий час ночи.

Вдруг какой-то тяжёлый предмет, за ним другой, третий тяжело брякнулись о землю среди подольцев, и тотчас раздался ряд взрывов. Откуда? Что это?.. В первые мгновения никто ничего не мог даже сообразить. Поняли только, что это не камни. Разве камни могут взрываться?.. Но это не были и пушечные

снаряды — где же было попасть из пушек в темноте с такой небывалой точностью? Взрывы между тем следовали, оглушая солдат, один за другим. На Святом Николае и Зелёной горе поднялась тревога. Одно только было ясно: турки подходили. Мало того — они уже подошли...

Громкое тягучее «алла» зазвучало на всех скалах. Турки неслышно подкрались, сумев снять русские секреты, к самым передовым позициям. Прежде, чем кинуться на штурм, они забросали подольцев ручными гранатами... Никто не заметил приближения врага. В несколько минут от двух рот осталась лишь ничтожная горсть людей; четыре офицера были убиты; роты, смешавшись, оставили позицию; турецкое «алла» звучало победно... Турки укрепились на скалах и, как змеи, массами сползали на гору Святого Николая, и в то же время их сапёры выставили знак, что здесь находится перевязочный пункт, а сами под охраной этого знака быстро сооружали батареи и рыли траншеи.

Русским уже было известно положение дела. В ложементы на помощь подольцам

немедленно явившийся на позицию генерал Радецкий выслал роты брянцев и житомирцев. Огненными лентами опоясывался Святой Николай. Залп ударял за залпом. Теперь уже на турок лился свинцовый дождь-проливень. Пули сметали ряды врагов, но Сулейман, видимо, решил на этот раз покончить с русскими. Его солдаты гибли во множестве, а всё-таки лезли вперёд. Нужно было во что бы то ни стало задержать их движение. Пошли остальные подольские роты, подкреплённые житомирцами. Идти приходилось по узкой седловине. И справа, и слева зияли пропасти. Турки встретили кинувшихся было в штыки ружейным огнём. Много тут оборвалось жизней. Три атаки ни к чему не привели. Люди только напрасно растрачивали силы. Гибли и под пулями, и в пропастях... Наступление неприятеля не удалось остановить. Турки лавиной лезли и лезли на скалы.

Их атака направлялась сразу на все позиции русских.

К счастью для оборонявшихся, рассвело. Теперь могли действовать по неприятелю и русские пушки. Загремели на Святом Нико-

лае все пушки. Четыре роты всего — одна подольская, две житомирские и одна волынская — дрались против наседающих турок. Как ни близки были подкрепления, но они не могли за столь короткое время успеть на Шипку. На правом фланге позиции — по Зелёной горе, где стояли волынцы, — шёл ожесточённый бой. И туда, так же, как к Орлиному гнезду и Святому Николаю, турки сумели подобраться совершенно незаметно. Там, впрочем, они могли укрыться в лесу, покрывавшем здесь все горы и не вырубленном из-за недостатка времени. В пять часов кинулись они на волынцев. Здесь секреты успели предупредить о нападении. Начался бой не на жизнь, а на смерть. Сталкивались грудь с грудью.

Рождественцев видел перед собой целое море красных фесок. Море это волновалось, рокотало, катясь волна за волной к русским ложементам. Сергей стрелял сперва, не целясь, в эту движущуюся массу, потом, когда услышал «ура!» товарищей, крестясь на ходу, кинулся вместе с ними в контратаку. И опять, как тогда, на Дунае, затмилось у него созна-

ние. Он колол штыком, бил прикладом. Когда ложе его ружья разлетелось в щепки, он схватил первое, что попало ему под руки, и продолжал бой. Атака была отражена. Трижды повторялись они, и капитан Остапов, тот самый, который первым выскочил на турецкий берег при переправе через Дунай, с замечательным хладнокровием подпускал турок на пятьдесят шагов и начинал командовать по ним залпы, сметавшие на таком расстоянии целые ряды. В десять часов утра турки ушли и уже оставили в покое Зелёную гору. Волынцы со своим подполковником отличились и на этот раз.

На Святом Николае ещё шёл бой, причём становился он всё упорнее. Там обе стороны проявляли отчаянную храбрость и решимость. В начале боя убит был командир 1-й артиллерийской бригады флигель-адъютант полковник князь Мещёрский. Оставшийся командовать после него поручик Сидорин решил, что из-за бруствера выстрелы действуют не так удачно. Под градом пуль он выкатил орудия из ложемента на более удобное место и стал бить в упор по штурмовавшим

гору турецким колоннам. Их удалось разогнать, но сам Сидорин, получивший две раны, замертво вынесен был из строя.

В этом аду под градом пуль, среди рёва пушек и стонов раненых всюду появлялась одна фигура, навсегда запечатлевшаяся в памяти шипкинцев. Это был священник Минского полка отец Дормидонт. Презирая опасность, с одним только крестом в руке, шёл он всюду, где кипел отчаянный бой, ободрял бойцов, утешал раненых, напутствовал умирающих, и ни одна пуля не коснулась его в этом аду под небесами...

Появление его всюду действовало ободрительно, и где только ни показывался этот скромный герой, — с беззаветной храбростью кидались шипкинцы на неприятеля...

Силы защитников все истощились, а бой только разгорелся. В резерве оставались всего две роты Житомирского полка. Тогда генерал Радецкий двинул на турок имевшийся у него в запасе батальон житомирцев под командой полковника Тяжельникова. Едва житомирцы очутились на Святом Николае, они вместе с дравшейся там волынской ротой составили

штурмовую колонну. Тяжельников в это время был ранен, и колонна двинулась на турок с волынским подполковником князем Хилковым. Что только произошло здесь!.. Русские герои сталкивали неприятеля в пропасти, сами срывались и гибли, оставшиеся кололи турок на месте. Нельзя было удержаться против такого отчаянного, дерзкого натиска. Турки показали тыл. Вдогонку им посыпались пули. Весь скат с горы усеян был турецкими трупами.

Ровно в полдень снова «на Шипке всё было спокойно». Турки скрылись, преследовавшие их победители вернулись в свои ложементы. Началась привычная перестрелка из траншей.

Эта ночь, или, вернее, несколько часов этой ночи, обошлись шипкинцам в 31 штаб- и обер-офицера и более 1000 нижних чинов, выбывших из строя.

Но этой ценой — ценой русской крови — восстановлена была русская слава, начинавшая было бледнеть на полях Болгарии...

Рождественцев вышел невредимым из боя. Савчук и Симагин были легко ранены.

Солдатики радостно целовались, обнимались, поздравляя друг друга с новой победой. Отстояли позиции, отстояли!.. Трудно было бы теперь думать, что дважды отброшенный с жесточайшим уроном Сулейман снова повторит свои попытки.

Теперь шипкинцам оставалось только держаться, пока не придёт приказание идти вперёд туда, в долину Тунджи, где земля уже окроплена была русской кровью.

Пришлось весьма долго ждать этого...

Плевна накрепко приковала к себе массу русских войск. Пока она существовала, пока так или иначе, а Осман-паша со своими таборами оставался в ней, ни о каком движении вперёд не приходилось даже и мечтать...

XXIV
ГВАРДИЯ В ОГНЕ

Всё уже и уже стягивалось с каждым днём живое кольцо вокруг Плевны. Начиная с 3 октября имела место блокада этой турецкой твердыни, внезапно остановившей Русь в её так блестяще начатом движении на Царьград. Все, какие только можно было взять вокруг, высоты были уже взяты; отовсюду смотрели на турок чёрными жерлами русские пушки, но более уже не кидались на Плевну русские герои. Слишком дорого обошлась России отчаянная храбрость её верных сынов. Без малого в 17 тысяч выбывших так или иначе из строя насчитывались русские потери ко дню начала обложения Плевны.

Но силён ещё враг, не пали ещё духом правоверные. Пока Осман-паша в Плевне, не про-

играно ещё их дело: есть надежда, что как-нибудь удастся им победить «московов».

Ловча взята, но есть ещё на Софийском шоссе внезапно выросшие укрепления Дольний и Горний Дубняки и Телиш. Два последних, если не ключи к Плевне, то её магазины. В предгорьях Балкан в городах Орхание, Этрополе, Правде и Врачеше стоит сильная турецкая армия; здесь же собраны огромные запасы продовольствия и снарядов. Оттуда всё получает Осман-паша: людей, провиант, боевые запасы. Десятого сентября с этой стороны по шоссе под защитой Телиша и обоих Дубняков в помощь своему «Гази-паше» пробился с 10 000 пехоты и большим обозом ловчинский паша, а ночью на 24 сентября прорвались в Плевну ещё 4000 турок.

А в это время под Плевной уже был Тотлебен. Что ни утро, то новые и новые укрепления, траншеи, окопы и всё ближе вырастают перед Плевной, которую русские шутники-солдатики теперь перестали уже именовать «Плевком». Не помногу, но постоянно и постепенно подходят русские к роковому для них месту.

Старый севастополец видит своим зорким наблюдательным взором, что нужно предпринять. У Османа-паши есть всего три выхода, по которым он может пробиться: на Софийское шоссе, на реку Вид и оттуда к Тетевенским Балканам и на реку Искер, по которой он может вернуться в Виддин. Стало быть, нужно заградить ему эти пути, «уединить» Плевну так, чтобы «птица туда не пролетала», не то чтобы прорывались целые таборы. Впрочем, пусть их идут в Плевну! Чем больше их соберётся там, тем скорее взовьётся белый флаг над плевненскими твердынями: скорее уничтожен будет запасённый провиант, и тогда пусть Осман-паша крепится — белый флаг над Плевной выкинет всемогущий голод...

И суживается день ото дня всё теснее живое кольцо вокруг Плевны.

А кругом всё идёт своим порядком. Сулейман-паша бросил Шипку, обошёл Балканы и вышел к Разграду против Шипки; только чтобы сдерживать русских от вторичного наступления, остался со своими таборами Рефуф-паша. Там теперь всё спокойно. Идут пере-

стрелки, канонада, иногда турки кидаются на русские позиции, но там, среди драгомировских героев, не обращают внимания на такие пустячки.

Кое-что есть радостное для русского сердца. На малоазиатском театре войны в упорных боях 2 и 3 октября был разбит наголову под Авлияром и позорно бежал с поля битвы тамошний турецкий главнокомандующий Ахмет-Мухтар-паша, а три не успевшие скрыться дивизии, которыми командовал Омер-паша, капитулировали перед победителями-русскими.

Вскоре порадовала и Россию, и её царя прибывшая за Дунай гвардия, этот цвет русской военной силы, до той поры только и знавшая разводы, смотры, парады да манёвры.

Теперь предстояли уже не парады и не манёвры, а кровавое дело на поле брани...

К этому времени выяснилось уже положение русских.

Нельзя сказать, чтобы уныние, но вполне понятные грусть и тоска охватили русских храбрецов, когда стало известно, что под

Плевной придётся засесть надолго... Наступила дождливая серая осень, а это был враг более опасный, чем все неприятельские армии. Вернее пушек и ружей действовали тифы, дизентерии, лихорадки... Так и косили они человеческие жизни, и, пожалуй, горше, чем армейским солдатам, доставалось от них не обвыкшимся, не обтерпевшимся гвардейцам, прямо из Петербурга, из казарм явившимся под Плевну. Необходимо было уже по одному этому как можно скорее развязаться с Османом-пашой или, по крайней мере, запереть его в Плевне так, чтобы и в самом деле ни одна птица без ведома осаждающих не могла к нему пролететь, не то чтобы могли пройти обозы с провиантом или подкрепления из Софии от турецкой Балканской армии.

Чтобы создать для Османа такое положение, русским необходимо было овладеть Горним и Дольним Дубняками и Телишем. Честь совершить этот подвиг выпала на долю гвардейцев.

Что за войско, что за молодцы — эти солдаты! Великанами они кажутся в сравнении с низкорослыми армейцами. Грудь колесом, в

плечах сажень косая — все один к одному, залюбоваться на каждого можно. Мундиры их не обтрепались ещё — чистенькие, будто с иголочки; сапоги не протоптанные, без дыр, через которые пальцы глядели бы, шинели только слегка помятые. И издали, и вблизи поглядеть — не солдат, а картинка. Да и вид-то у них особенный. Заметны и в походке, и в движениях, и в самом расположении на биваках особенная выправка, отчётливость, умение лицом показать себя с внешней, для первого по крайней мере раза, стороны.

И это показательное войско, цвет, краса и гордость русской военной силы, тоже приносилось в жертву делу освобождения угнетённых братьев по крови и вере.

Генерал-спартанец, как называли его в армии, Иосиф Владимирович Гурко, герой первого июльского похода за Балканы, назначенный командиром всех войск, расположенных под Плевной за рекой Видом, с восторгом объявил на смотру прибывших в середине сентября в Болгарию гвардейских полков, что для него большое счастье и честь стать начальником лучшего в России войска...

И гвардейцы доказали, что они вполне достойны такого отзыва своего спартанца-командира...

Мглистая осенняя ночь с 11 на 12 октября окутала сырым туманом и турок в Плевне, и русских под Плевной. Всё стало затихать. Даже гром выстрелов стих, и только впереди деревни Чириково, раскинувшейся у Софийского шоссе, заметно движение. Скрытые в ночном тумане, подходят один за другим пехотные полки. Тут москвичи, гренадеры, павловцы, измайловцы, финляндцы, гвардейские стрелки и сапёры — завтра бой.

Тускло светятся, уныло мигая среди тумана, немногие костры. Погреться бы перед боем, да нельзя. Костры выдали бы туркам расположение их противников. Генерал и то много сделал, что позволил кое-где — в двух, трёх местах всего — развести огонь. Впрочем, чего греться в ночь, когда с рассветом всем будет жарко, как в самый знойный день...

В тылу отдельных отрядов расположились лагеря Красного Креста. Тут тоже царит томительное молчание. Всем здесь: и врачам, и фельдшерам, и очень немногочисленным

сёстрам милосердия, и санитарам вдоволь на завтра предстоит работы. И какой работы! Адской! Не ходя в сражение, все здесь завтра будут купаться в крови; уши всех здесь завтра оглохнут от стонов и воплей раненых, от хрипов умирающих — завтра ведь бой, решительный бой...

В томительном ожидании рассвета всякий, кто мог, на подготовленных к утру перевязочных пунктах старался прикорнуть, дабы набраться сил... Все здесь знали, что будущую ночь спать не придётся...

У одного из костров, которые здесь позволено было развести, прилёг прямо на голой сырой земле долговязый худощавый юноша, украшенный повязкой с красным крестом на рукаве, свидетельствовавшей о том, что он принадлежит к санитарному отряду.

Этот юноша был Николай Гранитов, сын настоятеля собора в Энске, родном городе Рождественцева. Письма Сергея, его товарища детства, воспламеняюще подействовали на него. Ещё то письмо, которое прислал Рождественцев перед переходом через Дунай и которое было прочитано отцом Петром, вско-

лыхнуло душу юноши. Но он не о битвах грезил, не о славе героя... Другое чувство влекло его туда, где лилась русская кровь... Чудились юноше муки раненых, видел он как будто наяву их искажённые страданием лица, и тогда родилось у него страстное желание послужить святому делу, отдав все свои силы тем, кто ради этого дела сам становился беспомощным. Николай решился поступить в санитарный отряд. Медицинских познаний у него не было, зато было желание помогать, и юноша не задумался пойти на дело простым санитарным служителем...

Но не один он ушёл на поля Болгарии из дома отца...

Во все свои думы, все свои мысли Николай посвящал свою сестру Катю, и она также прониклась его чувствами. Девушка, почти ещё девочка тогда, вся отдалась порыву. Ей чудилось, что её зовут некие голоса туда, где слышатся вопли и стоны, где изо дня в день широкими реками льётся кровь её братьев.

И Катя тоже пошла за Дунай...

Николай стал санитаром, Катя — сестрой милосердия.

Как ни больно было отцу Петру отпускать своих детей, но он понял, какое святое чувство любви влечёт их на величайший подвиг, и благословил сына и дочь на свершение его.

Так Николай Гранитов, друг детства Сергея Рождественцева, очутился сперва под Плевной, а потом, когда произошло новое распределение войск, и в том санитарном отряде, который следовал за гвардейскими полками, направленными на Горний Дубняк.

Катя была неподалёку от брата — на главном перевязочном пункте отряда Гурко. Она поступила несколько иначе, чем брат: явилась она на поле сражения с некоторой подготовкой к делу ухода за ранеными, и, несмотря на кажущееся физическое бессилие, из неё вышла неутомимая работница в борьбе со смертью.

Теперь Гранитов, лёжа у костра, невольно вспомнил о сестре.

«Худенькая, тщедушная, — раздумывал он, — в чём только душа держится, но вот смотри-ка ты... В своём деле здоровяку-солдату не уступит... Те от устали порой с ног валятся, а Катя — хоть бы что... дни и ночи на-

пролёт... Откуда только в ней силы берутся! Вот бы увидел её теперь Рождественцев... Тоже не узнал бы!»

Гранитов не видел Рождественцева за Дунаем, но знал, что на крутизнах у Шипки засела горсть русских орлов, и все бешеные натиски турецких орд разбивались об неё...

«А каково-то им там! — подумал Николай. — Нам здесь несладко, а им там... на голых вершинах...»

Но человек эгоистичен по своей природе. О Рождественцеве Николай сейчас же перестал думать. Даже о сестре более не вспоминал он. Все его мысли сосредоточились на близком утре, которое для многих должно было стать последним в жизни...

Он принялся припоминать все, какие только слышал, рассказы о Горнем Дубняке и Телише, которые приказано было взять гвардейским полкам в день 12 октября.

До войны Горний Дубняк и Телиш были обыкновенные болгарские деревушки. Когда же вдруг ударил плевненский гром, турки ухитрились сотворить из них почти неприступные крепости.

Беспредельная, унылая осенью равнина начинается сразу же от Плевненских высот. Кое-где на ней вздымаются холмы, кое-где, словно пятна, выделяются дубовые рощи да бедные болгарские деревушки, ютившиеся по сторонам Софийского шоссе. Серенький унылый вид! Летом, когда всё в зелени, глазу здесь есть на чём остановиться, но осенью вид этой равнины может вызывать только тоскливое чувство.

По этой равнине со стороны Балкан проходит, скрываясь в лощине между Плевненских высот, шоссе, по которому в мирное время проходили тяжело нагруженные обозы за Балканы, а оттуда в столицу Болгарии — Софию. Шоссе не опустело и тогда, когда разразилась военная гроза. По нему в Плевну шли обозы с провиантом, амуницией, боевыми припасами, к засевшему там Осману-паше. Предусмотрительны оказались турецкие стратеги! Они предвидели возможность осады Плевны и так укрепили путь в неё из-за Балкан, что осаждённые решительно ни в чём не испытывали нужды.

Верстах в 15 от Плевны вырос Дольний

Дубняк, за ним по шоссе в шести верстах на высоком холме, совершенно лишённом всякой растительности, явился Горний Дубняк, и в 10 верстах за ним — Телиш преградил путь на Орхание, город, откуда начиналась дорога на Балканы.

Самым мощным из построенных укреплений был Горний Дубняк.

На вершине отлого спускавшегося в лощину холма турки возвели огромный редут, с которого можно было обстреливать все четыре стороны. Высокий земляной вал опоясывал редут, а ров его был настолько глубок, что попавший в него вряд ли бы мог выкарабкаться без посторонней помощи. Во все стороны от редута, как паутина громадного паука, протянулись до самой лощины бесчисленные ровики для стрелков. Направо в сторону Плевны почти на самом скате холма возвели второй — меньший — редут, около которого проходило шоссе. За этим вторым редутом холм переходил в лощину, и за ней поднимался новый холм, поросший дубовым кустарником и лесом.

Оба эти укрепления представляли тверды-

ню, созданную и искусством людей, и самой природой. И описанную твердыню должна была сокрушить русская сила.

Одними только пулями на расстоянии более чем на три версты могли бы защитники редута уничтожить всех, кто решился бы подойти под выстрелы... В то же самое время сами они были укрыты за надёжными брустверами и могли чувствовать себя в полной безопасности.

Другое турецкое укрепление — Телиш — по своему расположению было похоже на Горний Дубняк. Первый и главный редут его возведён был на самом шоссе, как раз там, где оно начинает подниматься в гору. Шоссе было пересечено редутом, и дальнейший путь оказывался здесь прегражденным. За укреплённой возвышенностью залегла лощина, в которой приткнулась деревенька Телиш, а далее возвышался новый холм — также с редутом у себя на вершине.

На Горний Дубняк генерал Гурко направил гвардейских стрелков с артиллерией, казаками и полки лейб-гвардии: Московский, Гренадерский, Павловский, Финляндский, и кроме

того должна была явиться ещё Кавказская казачья бригада. Преображенцы, семёновцы, измайловцы составляли пехотный резерв, а лейб-уланы Его Величества и гродненские гусары — кавалерийский. Чтобы помешать туркам выйти на помощь своим из Плевны и Дольнего Дубняка, выставлены были в сёлах Медован, Горние Метрополье кавалерийские отряды, а на Телиш, откуда тоже могли кинуться турки к Горнему Дубняку, посланы были гвардейцы егеря, лейб-уланы и киевские гусары, которые должны были преградить выход туркам из Горнего Дубняка на Телиш.

Таким образом, 12 октября русской гвардии предстояло принять боевое крещение...

«Эх, хотя бы рассвет скорее! — с тоской думал, припомнив всё это, Гранитов. — Чем скорее начнётся весь этот ужас, тем скорее он и кончится... Крови-то, крови сколько прольётся!»

Мрак ночи едва заметно серел. Начинался рассвет... Со стороны Плевны грянула пушка, за ней другая, третья... Весь гвардейский бивуак зашевелился. У палатки генерала Гурко засуетились его ординарцы и конвойные ка-

заки. Ещё несколько минут, и заменявший дверь полог откинулся, и из-за него раздался мощный, властный голос генерала-спартанца:

— Седлать коней! Через четверть часа выступление!

Было пять часов утра.

Гул орудий у Плевны всё усиливался. Пушки с обеих сторон заговорили во весь голос. Начинался новый боевой день. Один за другим снимались с бивуаков и расходились по направлению к шоссе, по своему назначению штурмующие колонны: стрелки вправо, в сторону Плевны, московцы, гренадеры и сапёры — прямо на покрытый дубовым лесом холм. Павловцы и финляндцы должны были забраться со стороны Телиша в тыл к неприятелю. Пока не было ещё налицо кавказской казачьей бригады. Артиллеристы мчали уже свои орудия на назначенные для батарей курганы.

При первом же движении русских вперёд на шоссе затрещали выстрелы. Это вынеслись туда первыми казаки, которым приказано было оборвать телеграфные провода в

Плевну. Залёгшие в кустах у шоссе турецкие аванпосты встретили удальцов выстрелами. Сейчас же с редутов Горнего Дубняка защёлкали пули, но молодцы ловко выполнили поручение, проволока была оборвана почти в одно мгновение.

Солнце показалось на небосводе. Вопреки ожиданиям, день выдался ясный, даже не похожий на осенний. Яркие золотистые лучи так и лились с небесной выси, озаряя всю эту картину начавшегося ужаса. Туман исчез, но вместо него шоссе, холмы, курганы, равнины закутались в облака порохового дыма. Начался артиллерийский бой. Горний Дубняк весь так и клубился. Издали он казался чудовищем, дышащим огнём и облаками. Русские батареи громили турок. И в то же время гвардейцы окружали их со всех сторон. Казачья бригада явилась как раз в назначенное время, и Горний Дубняк оказался в живом кольце.

На первых же порах боя труднее всего пришлось гренадерам. Им выпало на долю самое опасное место — штурм со стороны поросшего лесом холма. Полку для этого нужно было

спуститься в лощину, подняться на холм с укреплением, взять малый редут и тогда уже идти на штурм главного редута.

Сосредоточенно серьёзны были лица и офицеров, и солдат, когда полк вошёл в дубовый лес. Там уже хозяйски летали турецкие пули. Казалось, будто град идёт над лесом. Трещали сбиваемые ветки деревьев, сыпались, шурша, листья, но людям пока ещё пули вреда не причиняли. Командир полка Любовицкий остановил здесь в лесу на несколько минут людей, чтобы дать им привыкнуть к мысли о том, что ждёт их вот сейчас, как только они выйдут из-за этих деревьев и станут лицом к лицу с грозным неприятелем. Но эти минуты прошли, раздалась команда, и стрелковый батальон гренадерского полка, по привычке стройно, будто на параде, начал спускаться с холма в лощину. Следом за ним шёл второй батальон с командиром во главе. Чем ниже спускались стрелки, тем всё реже становился лес, пошёл уже кустарник, но неприятельских укреплений всё ещё не было видно. Вдруг раздались отчаянные крики, скорее — вопли. Несколько человек свали-

лись с ног, несколько человек были покрыты кровью. Это были первые жертвы. Лицо командира полка Юлиана Викторовича Любовицкого побледнело. Турецкая пуля угодила ему в ногу, однако и лёгкого восклицания не вырвалось у героя. Он шёл далее, несколько прихрамывая, и солдаты, видя, что их раненый командир даже не поморщился от боли, следовали за ним, полные геройского воодушевления.

Только что пережитая минута была критическая. Впервые ещё гвардейцы увидели кровь и страдания товарищей. Они, доселе выступавшие только на смотрах, парадах и манёврах, очутились лицом к лицу со смертью, перед которой в этот день ровно полгода стояли их армейские товарищи. Первое впечатление могло быть ужасным по последствиям, но, глядя на своего командира, гренадеры прониклись его примером и лавиной выкатились из леса...

Теперь перед ними открылось грозное, закутавшееся в облака порохового дыма чудовище — Горний Дубняк.

Ни живой души не было видно за земля-

ными валами. Только слышались залпы. На скате холма дым поднимался полосами — там были ровики с турецкими стрелками. Пули неслись навстречу гренадерам сплошным градом. Люди, очутившись в этом ужасе, какого они и представить себе не могли, затоптались на месте. Не то чтобы страх овладел ими, нет, этого не было, но как будто у них пропала на мгновение способность мыслить. Им представлялось невозможным идти вперёд. Одновременно чувство долга удерживало их от возвращения назад. Животный инстинкт держал их на месте...

Всё это длилось мгновение. Но это мгновение могло стать роковым...

— Вперёд, молодцы, за мной! — раздался хриплый голос Любовицкого, и, хромая, офицер с обнажённой саблей первым кинулся к турецкому редуту; первым он крикнул в это утро «ура!».

Словно невидимой волной вдруг всколыхнуло гренадеров, услыхавших боевой клич! Заглушая жужжание пуль, трескотню выстрелов, пушечный гул, пролилось над этим полем смерти грозное уже, полное мощи «ура!».

Где-то за клубами дыма не то отдалось, как эхо, не то зазвучало в ответ другое «ура!», такое же грозное, такое же мощное. Гренадеры услышали его уже на бегу. Развернувшись в линию, они бежали к малому редуту, выбивая турок из ровиков. Мгновение... и гренадеры, не сделав ни одного выстрела, были уже у насыпи. Опять загремело «ура!». Турки, не ждавшие к себе так скоро русских, растерялись и беспорядочной толпой часть их, перебросившись через насыпи, ударилась бежать к главному редуту. Какой-то турецкий офицер, забывая об опасности, вскочил на насыпь и громко закричал, стараясь остановить бегущих. Гренадеры в это время уже прорвались за окопы. Первыми, вскочившими на насыпь, были поручики Шейдеман и Мачеварианов. Выстрел — и смелый турок, убитый наповал, свалился в ров. В редуте между тем шёл рукопашный бой. Все турки, не успевшие убежать, были переколоты, а удальцы-победители уже открыли огонь из занятого ими малого редута по большому.

Всякая нерешительность давным-давно исчезла. С великой честью для себя приняли

гренадеры своё боевое крещение... Теперь до штурма главного редута миновала для них непосредственная опасность; под неприятельским огнём посланные генералом Гурко сапёры уже рыли для гренадеров укрытия...

С малого редута ясно слышно было, как всюду, будто взрывы невидимого вулкана, вспыхивали «ура!» подходивших к главному редуту колонн. «Ура!» раздавались всё ближе и ближе, и вместе с этим Горний Дубняк всё чаще и чаще начинал вздыхать на все стороны своим чудовищным зевом, с каждым этим выдохом извергая тысячи пуль, гранаты и картечь. Гренадеры, уже привыкшие к этому аду, свыклись с мыслью и о непременной гибели. С новым кличем «ура!» бросились они с занятого ими редута по отлогому склону холма на страшную, не знавшую ни порчи, ни утомления живую митральезу на его вершине. Изумительной оказалась привычка к смотровой службе. Несмотря на пыл боя, на явную опасность, эти, обрекавшие себя на смерть удальцы, шли правильным строем, которому не изменили даже попав под губительный огонь турок. Но увы! Свинцовый

град одолеть было невозможно. Горний Дубняк в самом деле оказывался защищённым стеной из нёсшихся вперёд свинца и железа. Перебежать приходилось всего 80-100 саженей, но эта часть пространства оказалась настоящим адом на земле. Лишь только шарахнулись в сторону откинутые огнём Горнего Дубняка удальцы, на том месте, где только что были они, сразу выросла гора человеческих тел. К грохоту пушек, хлопанью ружей, свисту и жужжанию пуль теперь прибавились ещё стоны, вопли и крики раненых, торжествующее «алла» турок. Всё это слилось в один хаос звуков, и этот хаос производил такое впечатление, как будто разверзшаяся земля вдруг породила какое-то невидимое, адски стонущее чудовище, надрывавшееся в своём последнем издыхании...

Юлиан Викторович Любовицкий, видя возвращение назад своих гренадеров, попытался было возбудить их опять своим примером.

— Барабанщик! За мной! — закричал он и кинулся с насыпи малого редута прямо под пули.

Следом за командиром, не отставая от

него, кинулся барабанщик Рындин.

— Бить атаку! — загремел полковник.

Но увы! Барабан молчал...

Рындин, убитый наповал, растянулся у ног своего командира... Любовицкий остался один под свинцовым градом... Но присутствие духа не изменило герою. Он схватил барабан Рындина, накинул ремень на плечо, поднял палочки, чтобы самому ударить сигнал атаки. Но и у него барабан не издал ни звука. Турецкая пуля пробила плечо храбреца, и руки его беспомощно повисли. Забывая страшную боль, Любовицкий подошёл неспешным шагом ко рву ставшего русским редута и приказал ударить атаку одному из барабанщиков, лежавших там за прикрытием... Теперь барабан загремел, и, заслышав его, из рвов, ложементов, из-за насыпей посыпались на проклятое место гренадеры. Только тогда Любовицкий, изнемогавший от потери крови, приказал отнести себя на перевязочный пункт.

«Ура!» между тем гремело со всех сторон Горнего Дубняка. Штурмующие колонны подбирались всё ближе и ближе. Живая митральеза на холме лила на них убийственный

град. Напрасно кидались под него удальцы. Финляндцев, павловцев, москвичей, стрелков постигла участь гренадеров. Когда они двинулись на штурм, казалось, ожил и заговорил весь холм. По скатам его всюду, кроме ровиков для стрелков, понаделаны были соломенные заслоны. Невидимые наступающим стрелки били отсюда прицельно. Офицеры падали один за другим. Из свиты начальника 2-й дивизии графа П. А. Шувалова к концу боя остались только двое. Оба бригадира той же 2-й дивизии генерал Зедделер и Розенбах были тяжело ранены. Командир Финляндского полка генерал-майор Лавров[60] был ранен смертельно. Жертв всё прибавлялось, и в то же время этот ад всё более разгорался. Со стороны Плевны нёсся сплошной, не смолкавший ни на мгновение рёв орудий — там Скобелев кинулся на турок, чтобы не допустить их выйти на помощь Горнему Дубняку. Выстрелы гремели и под Дольним Дубняком, и под Телишем, в особенности со стороны последнего, где разгорячившиеся егеря полезли на штурм, забывая, что их только один полк против превосходнейших сил неприятеля.

Гурко потребовал из резерва измайловцев и пустил их в бой.

— Помните ваших дедов — героев Бородина! — кричал он им, когда они проходили мимо него.

Измайловцы только крестились на ходу.

Скоро их дружное «ура!» уже гремело под Дубняком. Полки у страшного редута все перемешались. Наконец свершилось невозможное: генерал Гурко получил известие, что штурмующие колонны одолели «стену» из пуль, прошли через огонь и добрались ко рву, опоясавшему турецкий редут...

Наступил решающий момент боя; оставалось только перейти ров. Но перейдён он не был, ибо каждая попытка сделать сей последний шаг кончалась сотнями смертей.

Живая, нахлынувшая было волна разбилась о турецкую твердыню и отхлынула от неё прочь...

Семь часов подряд шёл безостановочно кровавый бой. Семь долгих часов носилась смерть над холмом, вырывая каждую минуту всё новые и новые жизни. День, как на грех, вышел вовсе не осенний. Солнце опаляло сра-

жавшихся бойцов, наводя на них усталость. Командующий приказал остановить бой. На отдых даны были всего 20 минут. Всё стихло вокруг. Замолчал даже Горний Дубняк. Пороховой дым начал рассеиваться. Неприступная твердыня, стоившая России целого моря крови её сынов, стояла молчаливая, грозная, готовая каждый момент послать к неприятелю тысячи смертей...

В три часа начался артиллерийский бой.

Во рву под Горним Дубняком разыгрывалась драма. При тщетных попытках перейти его туда попало порядочное число солдат. В первое время эти несчастные сидели во рву, не шевелясь. Турки были у них над головами, но очень скоро оказалось, что ров был самым безопасным местом под Горним Дубняком. Турки не могли стрелять в него ни из пушек, ни из ружей... Для этого им следовало бы выйти из укреплений. Опасность для гвардейцев, попавших в ров, теперь грозила со стороны своих. В ров попадали русские гранаты. Ими, не говоря уже о солдатах, смертельно ранены были во рву полковник Рунов[61] и штабс-капитан Ширман. Попавшим в эту западню

приходилось сидеть сложа руки и дрожать каждый раз, как с противным визгом прилетал русский снаряд. Большинство засевших во рву были павловцы. Вдруг среди них появились лейб-гренадеры. Словно с неба свалились эти герои. Велик русский солдат! Велик не только храбростью, но и остроумнейшей смекалкой... В стороне малого, занятого гренадерами редута по непростительной для себя и своего дела рассеянности турки оставили не снесёнными караулку, несколько шалашей и стог сена. Гренадеры, и солдаты, и офицеры, залёгшие в канаве у шоссе, сами, без всякого на то указания, начали в то время, когда русские орудия громили Дубняк, перебегать поодиночке из канав за караулку, оттуда — за стог сена. Много их тут легло. Пали тут от турецких пуль перебегавшие от канавы к караулке капитан Гаммер и штабс-капитан Сероцинский, но всё-таки в конце концов за ничтожными прикрытиями накопилось столько людей, что поместиться все они там уже не могли и оказались под турецкими выстрелами. Гибель их была неотвратима. Между тем изо рва кто-то крикнул:

— Бегите, братцы, сюда! Тут нашего брата никакая пуля не берёт!

Этот оклик сразу дал толчок солдатской сообразительности. Поодиночке, по двое и по трое побежали отчаянные удальцы через пространство между стогом, караулкой и редутом. Кто бежал согнувшись в три погибели, кто полз, кто прямо катился по земле. Турки не могли помешать этому движению — каждый их стрелок, высовывавшийся из-за насыпи, падал под меткой русской пулей из глубины рва — да и не знали тогда, вообразить даже себе не могли защитники Горнего Дубняка, что выйдет очень скоро из этого движения, которым русские герои, как представлялось со стороны, сами себя заперли в ловушку...

Между тем артиллерийский бой так и кипел. Ближайшая к Дубняку русская батарея была всего в трёхстах саженях. Турецкие орудия замолкали одно за другим. Из Горнего Дубняка сыпался град пуль на курган, где был генерал Гурко со свитой. Только по счастливой случайности никто не был там ранен. Ровно в пять часов дня подан был сигнал сно-

ва начать штурм. Все люди, пролежавшие два часа в канавах, кустах, в отбитых у турок ровиках, измученные постоянным ожиданием смерти, поднялись на ноги, соединились в части, растянулись в цепи и опять кинулись на неприступный холм.

Радостное, торжествующее «ура!» загремело вокруг кургана, где был со своим штабом Гурко. Над Горним Дубняком был выброшен белый флаг. Твердыня сдавалась, турецкий комендант Ахмет-Хивзи-паша понял, что его сопротивление ведёт лишь к бесполезному кровопролитию.

Но радость, восторг, чувство облегчения и торжества мгновенно исчезли...

Белый флаг развевался над Горним Дубняком, а бой не только не останавливался, но даже разгорался ещё сильнее... Прошли ещё несколько минут. Флаг пропал, и Горний Дубняк опять обратился в смерть, в адскую машину.

Что же случилось?

Когда был дан сигнал к штурму, лейб-гренадеры, в строй которых вернулся их герой, командир Любовицкий, немедленно пошли

на страшный редут. Эти герои шли на смерть, как на смотр: музыканты были впереди, развёрнутые знамёна колыхались над полком... Картина была величественная и грозная...

О появлении белого флага над редутом никто не предупредил гренадеров. Сами они со своей стороны не могли его увидеть. Не зная, что Дубняк сдаётся, удальцы кинулись на штурм... Турки, всегда злоупотреблявшие белым флагом, вообразили, что и русские таковы же, как и они. Ими овладело остервенение, и бой снова вошёл в силу...

Уже темнело. По-осеннему быстро надвигался вечер. В Горнем Дубняке начался пожар. Горели шалаши и палатки. Яркое зарево поднялось над страшным редутом. Русские опять добрались только до рокового для них рва...

Мрачный, как осенняя ночь, ходил взад и вперёд по своему кургану Гурко. Все признаки неудачи были налицо. Гром залпов из Дубняка по-прежнему не смолкал. Русское «ура!» уже гремело не так грозно, как гремело оно днём. Ночь спускалась, и о новом штурме нечего было и думать. Пролиты были моря крови, оборвалось множество жизней, и всё

это оказывалось напрасной жертвой: Горний Дубняк, как и раньше, оставался в руках неприятеля...

Решено было остановить бой до следующего утра. Наступала ночь... ночь, полная тоски, тягостного ожидания, трепета. Осман-паша ночью мог сделать вылазку из Плевны, могли прорваться турки из Телиша, где их уже целый день сдерживали, кидаясь в атаки лейб-егеря, у которых выбыло из строя убитыми, ранеными и контуженными 26 офицеров и 935 нижних чинов. Да, наконец, неудачи этого дня могли уронить дух гвардейцев. Но ничего иного не оставалось, как заботиться уже не о сегодняшнем, а о завтрашнем дне...

Гурко подозвал к себе начальника своего штаба Нагловского, им подали фонарь, и оба генерала, тяжело вздохнув, принялись составлять диспозицию на ночь...

Ночь совершенно сгустилась. Зарево над Дубняком поднималось всё выше, клубы порохового дыма были от него ярко-багровыми. Трескотня выстрелов вдруг стала настолько сильной и частой, что никто около генерала не мог сообразить, как ухитрялись турки

стрелять так. Теперь нечто стихийно-бессмысленное слышалось в этой трескотне. Правильных залпов не было, просто слышался непрерывный треск...

Возле генерала среди темноты вдруг вырос всадник. Это был ординарец Гурко — ротмистр Скалой. Конь его хрипел от быстрой скачки, сам он едва-едва переводил Дух.

Гурко смотрел на ротмистра, ожидая, когда он отдышится настолько, что сможет вымолвить хоть одно слово. Все кругом стихли; несомненно, что ротмистр привёз известие огромной важности...

— Генерал... редут... — послышался наконец то и дело обрывавшийся голос Скалона. — Редут... наш!.. Взят!..

Гурко откинулся в сторону.

— Что? — генерал, видно, думал, что ослышался. — Взят? Редут наш?..

— Сию минуту... Наши ворвались... Последняя схватка... Турки сдаются...

— Ура! — вырвалось у генерала.

И этот любимый клич подхватили вслед за ним все, кто только был около него на кургане. Отсюда клич долетел до артиллерийских

батарей, остававшихся в резервах частей, и всюду по равнине, где трещали выстрелы, понёсся он — радостный, торжествующий, полный восторга...

— Коня! — велел Гурко. — Что означают бессмысленные выстрелы?

— Это взрываются брошенные турками в огонь патроны, — доложил Скалой.

Но вряд ли уже генерал слышал его.

Гурко во весь опор мчался к Дубняку...

А вышло у редута следующее.

Засевшие во рву герои бездействовали очень недолго. Они штыками, тесаками, голыми руками рыли в земляной стене рва одну за другой ямки, в которые могли бы стать хотя бы только пальцами ног. Таким образом явились в земле приступки. Карабкаясь по ним, эти герои полезли на бруствер. Лейб-гренадеры, измайловцы, павловцы, финляндцы забрались на самый верх насыпи, и в то же время товарищи их, засевшие во рву со стороны Телиша, нашли ахиллесову пяту Горнего Дубняка: такое место, где насыпь можно было перепрыгнуть, не взбираясь на неё...

Турки растерялись, увидев русских внутри

редута, который они считали неприступным. Гренадерское знамя уже реяло над насыпью, турецкий комендант вторично выкинул белый флаг, а его офицеры, ослеплённые ужасом, — бранью, кулаками, саблями заставляли своих солдат бороться с победителем.

Внутри редута начался последний молчаливый, но грозный и ужасный рукопашный бой, озарённый заревом пожара...

На ярко-багровом фоне поднимавшегося к небу пламени ясно выделялась стоящая на краю насыпи фигура человека с белым флагом в руках. Это был сам Ахмет-Хивзи-паша, в ужасе видевший, что бой продолжается и всему гарнизону Дубняка грозит истребление...

«Слушайте все!» — раздался с русской стороны сигнал. Это командующий сражением увидел пашу с белым флагом и приказал ударить «отбой».

Ужас рукопашной схватки прекратился. Озарённый пламенем, въехал в страшный редут генерал Гурко. «Ура!» гремело, звенело, лилось неудержимой рекой навстречу ему. Тысячи кепок летели в воздух. Другие тысячи их очутились на штыках. Живое море окру-

жило Иосифа Владимировича, на лице которого ясно отражалось волнение...

— Ура, ура, ура! — не смолкал ни на мгновение победный клич.

— Скажите Государю! Пускай не сомневается!.. Мы сдержали своё слово! — кричали вокруг. — Поддержим старые победы!..

Генерал снял фуражку.

— Спасибо, дети! Спасибо, молодцы! — дрожащим голосом произнёс он, и в тоне его зазвучали такие трогательные, за душу берущие нотки, каких никто и никогда ещё не подмечал у генерала-спартанца...

Только что ворвались удальцы в турецкий редут. Исчезло, наконец, на холме то проклятое пространство, где каждого вступавшего в него ожидала смерть, — весь холм покрылся маленькими, беспорядочно двигавшимися по всем направлениям огневыми точками. Смерть ещё витала над Горним Дубняком — в редуте шёл рукопашный бой, — а около него уже началось дело христианской любви и милосердия. На страшный холм, залитый русской кровью, усеянный телами русских героев, явились санитары с ручными фонарями;

огоньки в них и были теми движущимися светящимися точками.

День 12 октября и в особенности ночь после него остались навсегда памятными юному Гранитову. Насквозь, как один миг, не покладая рук пришлось ему провести их за работой. И за какой работой!.. Тот ужас, который днём в пылу боя был незаметен, теперь явился воочию со своими непременными последствиями. Пока Горний Дубняк сыпал пули, пока русские герои шли под них и падали, сметаемые ими, раздумывать не было времени, разглядывать тоже, санитарам впору было только подхватывать, где оказывалось возможным, раненых и оттаскивать их подальше от зоны боевых действий. Вид страданий, самых ужасных, самых разнообразных, притупил всякую чувствительность. Но зато потом, когда бой утих и вернулось сознание действительности, сердце заговорило, и при виде бесконечных мук товарищей слёзы невольно выступали на глазах, горло стискивало какими-то невидимыми клещами, руки опускались сами собой.

Гранитов в течение дня всё время оставал-

ся с товарищами-санитарами у холма с Горним Дубняком. Они оттаскивали раненых и, уложив их на носилки, чуть не бегом доставляли на перевязочный пункт, где, также не покладая рук, работали доктора, фельдшера и сёстры милосердия. Если на холме было царство смерти, то тут, на перевязочном пункте, было царствие страданий. Доктора в залитых кровью фартуках работали зондами, пилами, операционными ножами. То и дело в палатках раздавались пронзительные, за душу хватающие вопли — это хирург или вытаскивал из раны пулю, или ампутировал какую-нибудь поражённую часть тела. Тут же рядом работали сёстры милосердия, обмывавшие раны, накладывавшие на них повязки.

Катя Гранитова работала в этом аду. В самом деле, выносливость этой девушки, скорее даже девочки, была поразительна. От одного раненого она кидалась к другому; облегчив его муки, насколько это было сейчас возможно, она спешила к третьему, к четвёртому; тому она тихо шептала слова утешения, с этим вынуждала себя улыбаться и даже смеяться, замечая, что весёлость действует на несчаст-

ного ободряюще. Даже видавший всякие виды доктор и тот, на мгновение поднимая голову, с удивлением взглядывал на неутомимого подростка.

— Эй, сестра Гранитова! — кричал он. — Вы бы отдохнули часок!..

Но Катя только головой качала в ответ да указывала глазами на новых, то и дело подносимых с поля битвы мучеников.

До отдыха ли было тут!

— Сестра! Се-е-естрица!.. — стонали на все лады десятки жалобных голосов.

— Что, милый? — подбежала Катя к огромного роста гренадеру. — Как мы?

— Ни-и-чего! — страдая от мук, стонал тот. — Живот у меня будто не живот, а камень!

У него развивалось уже осложнение, роковой конец был близок...

— Бог даст — пройдёт! — утешала всё-таки страдальца Катя. — Поправишься... Сейчас осмотрит доктор...

— Не... не надо... подожду... которые потяжелее есть... после...

Неожиданно раздавшийся взрыв смеха за-

ставил Катю метнуться в ту сторону.

Там прямо на земле лежал гренадер с унтер-офицерскими нашивками на погонах.

Он и ближайшие к нему товарищи хохотали.

— Чего это они? — удивилась Катя.

Унтер засмеялся, засмеялись рядом и ещё двое-трое раненых. Как-то удивительно странно звучал этот раскатистый смех среди стона, воплей и криков. Гранитовой пришло в голову, что эти несчастные под влиянием пережитого ужаса и боли начали терять рассудок.

— Что это вы, голубчики? — в недоумении спросила девушка.

— Над турком, сестрица, потешаемся! — засмеялся гренадер. — Глупый он...

— Ильченко и в канаве смешил... — отозвался сосед. — Тут пули жужжат, а он, знай себе, хохочет... Ноги ему, вон, насквозь прострелили, но он так и ржёт...

Этот гренадер действительно не ушёл с поля битвы даже тогда, когда турецкие пули пробили ему обе ноги. Это было после занятия гренадерами малого редута. Ильченко

так приободрился, что вместо понятных в его положении стонов начал, не переставая, стрелять, всячески глумиться над турками и уверять товарищей, что рана его — совсем пустое дело...

Он и теперь, ничем не выдавая своей боли, взялся было рассказывать, как лежавшие в канаве гренадеры, потешаясь над турками, выставляли на штыках свои кепки, чтобы заставить неприятеля выпустить напрасно несколько сотен пуль. Но Гранитовой недосуг было слушать его рассказ; она уже склонилась над смертельно раненным стрелком, тихим голосом позвавшим её.

— Что? Что тебе, голубчик? — спрашивала она. — Пить?

— Нет... куда уж! — упавшим голосом ответил он. — Командир наш... Принесли?

— Какой командир? Кто?

— Его высокородие полковник Эбелинг... Видел, как он упал... Принесли ли?

Умиравший солдат в последние мгновения своей жизни был полон думами о своём командире, которого он видел сражённым вражеской пулей. Катя обещала узнать и сказать

ему, но когда она вернулась, мученик уже перестал страдать — он был мёртв...

Забрезжило утро. А на перевязочном пункте всё кипела работа. Тех раненых, какие могли вынести переезд, укладывали на телеги и увозили в госпитали; на перевязочном пункте оставались только такие, которых или нельзя было пока трогать, или жить им оставалось очень-очень недолго...

Смерть царила здесь. Злополучная деревнюшка Чириково была ей приютом. Начали приносить раненых, с начала штурма валявшихся на холме и подобранных, только когда наступил рассвет. Принесли гренадера Мочалова, на теле которого насчитали двадцать три раны от семнадцати пуль... Стали приносить турок, поражённых в рукопашном бою. И им требовалось оказать помощь. Недавние враги теперь лежали бок о бок — близость смерти совершенно примиряла их, и даже турки забывали о всякой вражде... Люди гибли теперь от гангрены, развившейся в те часы, которые им пришлось пролежать на холме без всякой помощи... Смерть вырывала свои жертвы и из среды солдат, и из среды

офицеров. Умер на перевязочном пункте смертельно раненный командир финляндцев генерал Лавров; уже после полудня стало известно, что убит и полковник Финляндского полка Ожаровский, ранены полковники Киснимский и Прокопе. В редком полку не был ранен или убит командир. Меньшие сравнительно с другими потери понёс Московский полк.

Около полудня Катя, истомившаяся, измученная, на мгновение выбежала из палатки и присела прямо на землю, чтобы подышать воздухом, не заражённым испарениями крови и йодоформа. Она чувствовала, что ещё немного — и не хватит ей сил выдерживать весь этот ад. Тяжело дыша, сидела молодая девушка, ожидая, что вот-вот сейчас позовут её опять к раненым, и опять она увидит десятки новых смертей, услышит новые предсмертные вопли и хрипы. Мимо неё пробегали с носилками санитары, подносившие всё новые и новые жертвы вчерашнего боя. Издалека ещё заметила Катя брата, бегом нёсшего вместе с другим санитаром носилки. Она быстро поднялась и кинулась к нему. Появление родного

человека несказанно обрадовало её. Как дорог ей показался теперь Николай, как счастлива она была видеть его живым и невредимым! Она бросилась было к нему, но брат на ходу крикнул:

— Погоди!

В это время откуда-то совсем издалека донёсся раскат русского «ура!».

— Что там? — тревожно спросила девушка. — Опять бой?

— Нет... Великий князь объезжает Горний Дубняк! — ответил на ходу Николай. — Пожалуй, и здесь он будет...

— Великий князь! — послышался голос с носилок. — Ура! Ура!

Катя взглянула на раненого, находившегося в полузабытьи и лишь на мгновение пришедшего в себя.

— Кто это? — тихо спросила она у брата.

— Полковник Эбелинг! — так же тихо ответил брат.

— Что с ним?

— Умирает... всю ночь пролежал на холме... Гангрена...

Кате живо вспомнился умиравший стре-

лок, в последнюю свою минуту спрашивавший о батальонном командире...

Она остановилась и закрыла лицо ладонями.

«Сколько жизней! Сколько лучших жизней погибло! — промелькнула у неё мысль. — И за что! За что!.. За чужую свободу, за народ, который думает, что свобода — это возможность грабить беззащитных».

К этому времени русские уже близко познакомились с «братушками». Грабежи в тылу русских войск, где осмелевшие болгары собирались в шайки и грабили не хуже башибузуков, открыли глаза на них, и теперь этот народ, за который пролилось уже столько крови, не казался таким симпатичным, каким представлялся в начале войны.

— Новости, сестрёнка! — услышала она голос брата, сдавшего раненого командира стрелков и вернувшегося к ней. — Герцог Лейхтенбергский убит.

— Как? Что? — в ужасе отступила девушка от брата.

— Да, наповал... Под Иован-Чафтликом во время рекогносцировки...

Он торопливо рассказал все подробности смерти князя Сергея Максимилиановича[62].

— Николай! Да ведь это же ужас! — воскликнула Катя. — Столько крови! Столько жизней!

— Теперь ничего не поделаешь, сестра! Войну должно закончить непременно, и сколько ещё жертв потребуется для этого — одному Богу известно... Вон, к туркам всё так и прибывают подкрепления, явились войска египетского хедива... У нас уже ополчение[63] потребовано... А Плевна всё стоит!

Он ещё хотел что-то прибавить, но в это время Катю потребовали к раненым. Брат и сестра наскоро простились.

— Возьмём Телиш, — крикнул вслед Кате Николай, — и тогда за Балканы пойдём, в Софию!..

Девушка даже не обернулась на эти слова, она спешила опять в царство мук и смерти...

Флигель-адъютант полковник Эбелинг[64], командир лейб-гвардейского 1-го стрелкового батальона упал одним из первых. Он подбежал почти к самому редуту, и пуля, ударив в ногу повыше колена, раздробила ему кость.

Скорая ампутация ноги спасла бы его, но упал Эбелинг очень близко от редута, так что подобрать его не было никакой возможности, и пролежал он на холме без всякой помощи до 10 часов утра; гангрена развилась с опасной быстротой, и он умер вскоре после того, как попал на перевязочный пункт.

На поле у Горнего Дубняка так и гремело «ура!». Там никто не думал о смерти. Ужасы, пережитые накануне, были уже забыты. О бое, который предстоял под Телишем, пока тоже никто не думал. Тысячи людей жили одной только наступившей минутой, а эта минута была торжественная. Великий князь главнокомандующий объезжал ряды победителей и благодарил героев. Низко склонилось перед братом любимого царя турецкое знамя, взятое в Горнем Дубняке в самый жаркий момент рукопашного боя рядовым Павловского полка Овчинниковым. Громко вспыхивало «ура!», гордо смотрели победители на своего вождя и с большей ещё гордостью взглядывали на стоявшую несколько поодаль конную группу улан, среди которых виден был также на коне среднего роста тепло одетый пожи-

лой турок с приятным лицом, обрамленным красивой русой бородой; это был ферик Ахмет-Хивзи-паша, комендант Горнего и Дольнего Дубняков и Телиша. Конвой из улан должен был доставить его в подплевненское селение Багот, куда перенесли уже главную квартиру Балканской армии.

Как ни высок был, однако, подъём духа гвардейцев после этой победы, а всё-таки не одно сердце трепетно забилось, когда спустя два дня победители под Горним Дубняком вместе с егерями, гвардейскими лейб-уланами и киевскими гусарами отправлены были под Телиш и с каким чувством величайшего облегчения узнали победители, что штурм будет произведён только в случае крайней необходимости. Генерал Гурко решил ограничиться на этот раз одним только артиллерийским огнём. Особенной быстроты, которая так требовалась при Горнем Дубняке, под Телишем не нужно было. Теперь если бы Осман кинулся из Плевны, дорогу ему преградил бы Дубняк, ставший поистине неприступным в русских руках, и благодаря этому честь победы над Телишем можно было предоставить

уже одной русской артиллерии.

В десятом часу утра 16 октября семьдесят два русских орудия полукругом стояли в грозном молчании против Телишских высот. Перед ними залегли Московский и Гренадерский полки. На одном фланге пехоты стояли гвардейские гусары и лейб-уланы, на другом — к Дольнему Дубняку лейб-гусарский, драгунский и конногренадерский полки, которым было поручено вместе с гусарами-киевцами и отрядом генерал-майора Арнольди, с которым была и румынская пехота, отвлечь на себя внимание плевненских турок и не допустить их к Телишу, если бы они сделали вылазку. С самого рассвета гвардейские сапёры копались в земле, возводя насыпи и окопы для батарей. Башибузуки и черкесы пробовали было помешать им, но с ними схватились уланы и заставили их убраться в укрепления. Несколько отдельных стычек произошли в течение этого утра до прибытия Гурко к Телишу. Ровно в 11 часов генерал снял фуражку, перекрестился и подал знак начать бой. Грянул первый выстрел. Со свистом полетела к туркам первая граната. За первым

выстрелом можно ещё было различить второй, третий, но затем голоса орудий и русских, и отвечавших им из Телиша турецких слились в один не смолкавший ни на мгновение рёв. Русские батареи окутались густым пороховым дымом. Артиллеристы пристреляли по обоим телишским редутам с замечательной быстротой. Снаряды ложились в неприятельские укрепления именно туда, куда наводилось русское орудие. Генерал Гурко, молчаливый, серьёзный, сидел на высоком холме немного далее линии русских батарей. Турецкие снаряды со свистом и шипением лопались вокруг, многие из них рвались тут же около холма и только по счастливой случайности никто не был ранен около генерала. Гурко будто не замечал грозившей ему опасности. Он глаз не отрывал от бинокля, следя за каждым снарядом своих батарей. Временами по лицу генерала пробегала нервная судорога; вероятно, при мысли, что Телиш придётся также штурмовать, припоминались ему более четырёх тысяч жертв Горнего Дубняка, весь ужас этого несчастного боя, и ему становилось неловко.

— Не завидую я туркам! — раздался за спиной у генерала чей-то голос.

Гурко встрепенулся, отвёл в сторону бинокль и приказал остановить обстрел.

Мгновенно всё смолкло. Вместо оглушительного грохота настала мёртвая тишина. На насыпях телишских редутов вдруг нарисовалась совершенно ясно какая-то красная кайма. Это турецкие солдаты — удивлённые и испуганные внезапным прекращением канонады, — не понимая, в чём дело, повысовывались из-за бруствера.

— Послать к телишскому паше парламентёра! — приказал Гурко. — Пусть скажут, что наши пушки снесут все их укрепления; во избежание напрасного кровопролития паша должен сдать Телиш... Князь Цертелев!.. Возьмите пятерых турок из пленных и отправляйтесь...

Хорунжий из дипломатов отдал честь генералу и через несколько минут вместе с пятью турками, взятыми в Горнем Дубняке, был на пути к Телишу.

Пушки молчали. Теперь молчали и люди. Томительно долго тянулись минуты ожида-

ния. Решался вопрос жизни и смерти для сотен людей. Если командовавший в Телише Измаил-Хаки-паша откажется сдать укрепление — штурм неизбежен, а с ним неизбежны и все ужасы кровопролития. Не одна душа в эти мгновения обращалась с горячей молитвой к Небу, прося, как величайшей милости, появления белого флага над турецкими укреплениями. Вдруг с той стороны, где впереди батарей залегли москвичи и гренадеры, крикнули «ура», но не грозное боевое, а радостное, ликующее... Из редута по направлению к ожидавшему ответа князю Цертелеву вышел турок, размахивавший белым флагом. Это Измаил-Хаки-паша послал своего полковника к русскому полководцу. Турецкий генерал вообразил, что ему удастся что-нибудь выгадать, но Гурко даже и слушать его посланца не стал.

— Я требую, — загремел его голос, когда Цертелев предоставил ему полковника-турка, — чтобы ваши солдаты вышли из редута, бросили оружие и без него шли за нашу цепь. Иначе я опять открываю огонь и прикажу всем своим полкам штурмовать Телиш. На

размышления — полчаса!

Опять потекли томительные, бесконечно долгие минуты напряжённого ожидания... Опять то учащённо бились, то замирали многие сердца. Мучительный вопрос решался: сдастся Телиш или придётся штурмовать эту твердыню?.. Всякий, кто мог, ежеминутно взглядывал на часы. Но Телиш молчал, по-прежнему грозный, таинственный...

В этом молчании так близко стоявших друг к другу врагов чуялось нечто неизбежно роковое. Что Телиш должен был пасть перед русской силой — это было неизбежно. Но что, если на помощь Измаилу-паше подоспеет со стороны Балкан, черневших на горизонте бездушной массой, Шефкет-паша?.. Ведь он совсем близко. Разведчики донесли, что софийская турецкая армия стоит частью в Радомирцах и Яблонице у подошвы Балкан, частью в Орхание и Этрополе — горных городках. Если только успеет Шефкет-паша бросить к Телишу свои таборы редифов, низамов и мустахфизов[65], упорная и кровопролитная битва тоже будет неизбежна.

Затихли все, кто был на кургане около ге-

нерала. Сам Гурко хотя с виду сохранял спокойствие, но всё-таки на лице у него было волнение. Затихли и гренадеры с московцами, лежавшие под батареями. Со стороны Телиша тоже не доносилось ни звука.

К лежавшим под прикрытием полкам уже подобрались со своими носилками санитары, эти грозные предвестники наступающей мясорубки. Солдатики только косились на их повязки, и не хватало у бедняков силы воли отделаться от мысли о том, что кому-то из них придётся в этот день лежать на этом пропитанном кровью, затвердевшем от неё холсте носилок...

Гранитов, подобравшийся к линии солдат вместе с товарищами, лежал без движений. Им овладело всецело впечатление переживаемой минуты. Он понимал эту мёртвую тишину на предтелишской равнине и точно так же, как и все, кто ни был здесь, страшился того мгновения, когда истекут роковые полчаса, и когда, если над турецкими укреплениями не появится белого флага, с кургана, где ожидал генерал, подан будет сигнал начать штурм...

Вздох тысячи грудей, словно шелест налетевшего веерка, пронёсся по полю... Над передним редутом Телица медленно вползало на флагшток белое полотнище... турецкая твердыня сдавалась безусловно на милость победителя...

Поле мгновенно ожило. Солдаты кидались в объятия друг друга, артиллеристы со слезами на глазах обнимали и целовали свои пушки... Ведь это они в этом бою предупредили все ужасы кровопролития, благодаря только им, разгромившим турецкую твердыню, не понадобилось штурма... Трепещущее, радостное, восторженное «ура!» пронеслось по долине. Белый флаг над Телишем колыхался, развеваемый ветром. Толпами выходили на шоссе и бросали ружья защитники редутов. Показался на шоссе и сидевший верхом на лошади маленький толстенький человечек — Измаил-Хаки-паша, комендант Телиша...

Сурово обошёлся с ним генерал Гурко. В злополучный день 12 октября, когда егеря кинулись на штурм Телиша, на поде битвы остались их раненые товарищи. Что случилось с ними, было неизвестно... На вопрос Гурко —

где русские раненые? — турецкий генерал, смутившись и покраснев, ответил, что не знает...

А в это время из-под Телиша неслись уже негодующие крики русских воинов: они узнали, что стало с их товарищами, они нашли их...

Когда много лет спустя Николай Гранитов сравнивал впечатления, вынесенные им из-под Горнего Дубняка и из-под Телиша, при одном воспоминании о том зрелище, которое явилось его взору на поле под выстрелами турецких телишских редутов, гнев всегда овладевал им, человеком всегда миролюбивым и беззлобным, искренне проникнутым чувством всепрощения и сострадания к людям... руки его невольно сжимались в кулаки, глаза увлажнялись...

Там, под Горним Дубняком, смерть была везде и всюду, но там была смерть героев, смерть воинов. Люди шли туда и знали, что их ждут страдания, но вместе с тем и были уверены, что как только будет возможно, страдания их будут облегчены. Здесь же под Телишем смерть была полна невозможного

мучения, дикого зверства и совершенно непонятной в человеческом существе, совершенно ненужной жестокости...

Николай Гранитов одним из первых вместе с санитарами подбежал к полю под выстрелами Телиша. Там он увидел плачущих солдат и скоро понял причину этих слёз... Повсюду вокруг редутов в тех направлениях, где шли 12 октября егеря на штурм, валялись обнажённые трупы... Это были павшие на поле битвы русские воины. Все оставшиеся под Телишем егеря, не мертвецы, а только раненые, были добиты турками, и злодеи, видно, тешили свои зверские сердца их предсмертными муками. Кто был убит на месте, тела тех оставались нетронутыми. Раненые же умирали медленной смертью: изверги замучивали их... Отрезанные головы и сосчитать было трудно, одни тела озверевшие люди — люди только по имени — буквально изрешетили ударами штыков, ножей и сабель, у других вырывали из живого тела куски мяса, у многих вырезаны были бока, раскрыты груди, у некоторых — вырваны сердца... Находили тела с вырубленными на них сабельными ударами

крестами и турецкими надписями. Были трупы с обожжёнными лицами, головами, руками и ногами; на груди некоторых мучеников зверье в человеческом образе разводило огонь.

И не было сомнений, что все зверства были совершены над ещё живыми мучениками.

Теперь Гранитов слышал, как солдаты громко высказывали сожаление, что не было штурма... Яростный ропот их разносился по всему полю. Бледные лица, орошённые слезами, были искажены гневом. Казалось, что сойди кто-нибудь из них с ума от этого ужаса и кинься на сдавшихся врагов в эти мгновения, за ним последуют все, забывая даже о дисциплине. Но, к счастью, этого не случилось... Долг и честь удержали гвардейцев от мести за замученных товарищей.

На другой день, совершая панихиду по убиенным и мученикам, горькими слезами плакал священник, плакал и помогавший ему служка-солдат, плакало, как будто, само небо крупными каплями дождя, проливавшегося над полем мучений и смерти.

В братской могиле преданы были земле те-

ла почивших на поле брани егерей. Восемнадцатого октября в Горнем Дубняке похоронены были погибшие под Телишем полковник егерей Мебес[66], командир 1-го батальона и ротные командиры Шильдбах, Перепилица и Созимский, тела которых перевезли с места их ужасной кончины. Остатки егерского полка провожали своих офицеров. Уныло, за душу хватая, неслись под сереньким осенним небом звуки похоронного марша. Хмурые, с увлажнёнными глазами шли за носилками — с прахом мучеников — и офицеры, и солдаты. На курганчике, у селения Горнего Дубняка выкопали могилы и обложили внутри соломой. Гробов не было, их заменили простынями. Рыдания слышались вокруг, когда тела мучеников все вместе были опущены в их последнее земное убежище. Захлёбываясь слезами, возгласил священнослужитель вечную память, прибавил к четырём именам похороненных ещё два имени офицеров, тела которых остались не найденными. Солома покрыла убиенных, над ними вырос могильный курган, и уныло воздвигнулся простой деревянный крест, словно вырос он из рыхлой

земли. Прогремели залпы, ещё несколько минут — и могила русских мучеников среди болгарской равнины осталась одинокой...

Последствия победы над Горним Дубняком и сдачи Телиша не замедлили обнаружиться. Армия Шефкета-паши из Радомирцев и Яблониц ушла в Орхание и на Балканы, где, по донесениям разведчиков и лазутчиков, турки принялись укреплять высившуюся над горным перевалом, по которому проходило Софийское шоссе, гору Шандорник. Плевненские турки покинули сами, без боя, Дольний Дубняк и присоединились к армии Османа-паши. Укрепление немедленно было занято русскими, теперь ставшими у самых Плевненских высот, и притом как раз у выхода из них в предбалканскую равнину.

Императорская гвардия блистательно выдержала свой боевой экзамен. Горний Дубняк и Телиш всегда будут озарять полки её немеркнущей славой...

Наступило первое воскресенье после этих двух боевых дней. За рекой Видом около главной батареи, смотревшей на Плевну жерлами своих восьми орудий, выстроились в четы-

рёхугольник герои Телиша и Дубняка — Егерский и Измайловский полки. В середине площадки, образованной вытянутыми линиями солдат, устроили из пяти барабанов аналой. Возле него облачённый в синие ризы священник с хором из солдатиков-певцов ожидал прибытия генерала Гурко, объявившего, что в этот день, пользуясь несколькими часами свободы, следует непременно помолиться Богу, даровавшему России две победы. День выдался серенький, сырой. Чувствовалась в промозглом воздухе близкая зима. Вся земля кругом батареи была изрыта турецкими снарядами. Отсюда как раз хорошо виделись увенчанные редутами Плевненские высоты. Гремели с Гривицкого редута осадные пушки. Рядом правильными залпами громили турецкий редут румынские батареи, и в это же время с батареи, где совершалось молебствие, неслись звуки богослужебных песнопений, и горячо молились простые сердцем и душой русские люди, готовившиеся к новому величайшему подвигу...

Гвардия открыла русскому воинству путь к Балканам, теперь ей же выпадала на долю

честь одолеть не только людей, но и природу, перейдя горы, малопроходимые даже летом, — перейти их зимой...

— Спасибо вам, молодцы! — загремел генерал Гурко, выехав, когда молебствие было закончено, на середину каре. — Великое спасибо вам! Теперь одно нам нужно: чтобы турки разбились вдребезги о наши груди, как о каменные стены...

Полное воодушевления и энергии «ура!» стало ответом любимому генералу. Раздались звуки церемониального марша; стройно, как в Петербурге на Марсовом поле, прошли перед Гурко оба гвардейских полка. Изумлённые звуками музыки турки в редуте за Видом высунули из-за насыпей головы, стараясь понять, в чём дело. Граната с батареи, однако, сейчас же укротила их любопытство.

После пережитых дней гвардейцам дано было некоторое время на отдых. Стало значительно легче. Ни схваток, ни сражений под Плевной не было. Один за другим вырастали новые укрепления и редуты. Только в госпиталях и лазаретах по-прежнему кипела адская работа.

Осень сказывалась, развивался всё сильнее тиф...

В один из последних дней октября Катю Гранитову вызвали из госпиталя. Пришёл Николай Гранитов проститься с сестрой.

— В Балканы уходим! — объявил он. — Я — с отрядом...

— Как? Теперь? — поразилась Катя. — Ведь подходит зима!

— Так что же? Пока ещё снег... Да, сестра! Тяжеловато приходится всем нам здесь... Думали мы с тобой, что война — красивое дело... Нет! Ужаса, страдания много, а красоты что-то незаметно. Поскорее бы всё кончилось...

Катя с тоской посмотрела на брата. Она видела, что он начал разочаровываться если не в подвиге, принятом на себя Россией, то в результатах, которые венчали этот подвиг. Вместе с тем сознавала она и то, что трудов и жертв было слишком много, так много, что о какой бы то ни было внешней красоте их нечего было и думать. Это казалось только издали. Вблизи же всё выходило совсем не то, что рисовало воображение.

Чтобы ободрить брата, Катя сказала:

— А о Гурко со Скобелевым на редуте Мирковича слыхал?

Николай махнул рукой.

— Разве это не красиво? — настаивала Катя.

Она говорила о встрече двух любимцев солдат на одном из редутов под Плевной. Этот редут — Мирковича, как называли его, — был на расстоянии не более двух вёрст от турецких укреплений, и турки так пристрелялись к нему из своих орудий, что посылали снаряды без промаха в самую его середину. Встретившись здесь, Скобелев и Гурко повели деловой разговор на барбете. Они были совершенно открыты для турецких выстрелов. С непостижимым присутствием духа разговаривали оба героя под турецкими гранатами и сошли с барбета, только когда турки прекратили огонь...

Скобелев в то время был уже признанным кумиром солдат. Бойцы шли за ним, «как за знаменем»[67], но и генерал Гурко также был близок солдатскому идеалу. Недаром же и прозвали его «генералом-спартанцем». Едва только начинало светать, он уже выходил из

турецкой лачуги на Иени-Беркач, где стояла под Плевной его часть, и раздавалось суровое: «Соболев, седлать!».

Что бы ни было, какая бы ни стояла погода, а ровно в семь часов генерал в сопровождении дежурного ординарца, переводчика и своего денщика Соболева и десяти казаков уже ехал на позицию. «Здорово, гусары! Здорово, стрелки!» — сурово приветствовал он встречавшиеся ему на пути части. Улыбка не появлялась у него на лице, но эта суровость, в которой чувствовалась сила, влекла к нему солдатские сердца. С восторгом и удивлением рассказывали, что «генерал-спартанец», как именовали его офицеры, один выезжал на аванпосты, за цепь, и там, взобравшись на какой-нибудь холм, осматривал через бинокль турецкие позиции, даже внимания не обращая на пули. В его храбрости не было порывов, это была не храбрость сердца, как у Скобелева, а спокойная храбрость ума и воли.

Двое таких полководцев были под Плевной, а Осман-паша всё ещё держал около себя русскую армию...

— Что же ты молчишь? — повторила во-

прос Катя, на которую сцена в редуте Мирковича произвела сильнейшее впечатление. — Разве не красота?

— Да, пожалуй, это и красиво! — не мог не согласиться Николай. — Но и Скобелев, и Гурко поступали и поступают так, как им должно поступать, как повелевает им их долг. Они знают, что тысячи пар глаз смотрят на них, тысячи сердец рвутся последовать их примеру... Но не тебе бы говорить о красоте, когда ежедневно на твоих глазах умирают десятки людей, также только исполняющих свой долг перед родиной. Ни о какой красоте они и не думали... Вот мы идём в Балканы. Ты сама испугалась, когда услышала сейчас от меня об этом походе. А каково думать о нём тем, кто станет его участником? Зима наступает, снеговые тучи плывут, а там ещё турки залегли за каждой скалой... Нет, сестра! — горячо закончил Николай. — Есть величайший подвиг, но нет в нём никакой красоты! С полной покорностью Промыслу выполняют этот подвиг наши герои-солдаты, даже не постигая всего величия своего дела, но их дело всё-таки ужасно, и каждому живущему на земле нуж-

но неустанно молить Бога о том, чтобы воцарился вечный мир между народами и по земле не лилась бы в войнах святая братская кровь её детей.

И брат, и сестра, словно охваченные одним впечатлением, взглянули в ту сторону, где чернел горный хребет, перелететь через который предстояло русским орлам...

Холодом и смертью веяло сейчас от погруженных в мёртвое безмолвие Балкан. Летом ещё заметна на них, бездушных, кое-какая жизнь: зеленеют леса, кое-где урчат речки, ручьи и водотоки, птицы поют; но лишь наступает зима, всякая жизнь исчезает, ослепительно ярко блестит на вершинах снег, ветер воет и ревёт в ущельях, долинах и расселинах, и чем дальше идёт зима, тем всё больше наметают метели и бури снега, тем всё менее и менее проходимыми становятся чуть заметные тропки дороги, вьющиеся под тянущимися к небу кручами, по краям бездонных пропастей.

Скат Балкан в сторону Дуная представляет собой ад созданных природой крепостей. Горные кряжи высятся тут один над другим. Так

и бросаются в глаза то их острые, как сахарные головы, то тупые, как купола, вершины. Одни из них совершенно голые, другие поросли кустарником и лесом. Спускаются эти кряжи к своим поливам глыбами громадных голых камней, по которым вверх нет ни проезда, ни прохода...

Где тут пройти человеку, да ещё не одному? Где тут провезти возы, как поднять на высоту такую тяжесть, как пушки?..

На каждой горной вершине, за каждой скалой засели турки. Снизу, с Софийского шоссе, видны ряды их палаток, их редуты с молчащими пока орудиями. Только пожди к ним, этим безмолвным холмам, сразу же посыпятся отовсюду гранаты, картечь, пули, а между тем идти окно: с каждой верстой пройденного пути близится радостный день мира, а вместе с ним и конец всех этих непосильных для человека трудов, всех этих лишений...

Настали, наконец, новые тяжёлые дни...

Идёт в Балканы гвардия — идёт по-суворовски, точь-точь, как ходили в Альпах чудо-богатыри великого полководца. Засел враг на горной вершине, так чтобы выбить его от-

туда, нужно забраться повыше его и уже стрелами с высоты выбивать его из укреплений. Турки переходят с горы на гору, русские неотступно следуют за ними. Появился неприятель на высоте — прошёл час-другой, и уже откуда-то сверху, будто с неба, сыпятся пули, падают гранаты...

Внизу, у подошвы горы, как только стали наступать гвардейцы из-под Плевны, турки быстро отошли в горы, стремясь поскорее достичь своей главной позиции на укреплённом горном кряже.

Русским прежде всего приходилось одолевать горные вершины. Нужно было не только самим взобраться на них, но и втащить на эти голые вершины орудия...

В предгорьях Балкан приютились города Орхание и Этрополь. За ними уже начинались перевалы. Главный Баба-канак — главный из всех — он возвышается на 3400 футов над уровнем моря; дорога на него ведёт через Орхание и по выходе, спустившись в котловину, выходит к Стриглинскому перевалу, куда есть также путь из Этрополя. В некотором отдалении, вправо от подходивших войск был

Златицкий перевал, который турки даже и не подумали защищать ввиду его непроходимости[68].

На Стриглинском перевале турки укрепили высочайшую гору Шандбрник, соединявшуюся с находившимися позади неё укреплениями их, на горном хребте Арба-канак. Путь сюда русским преграждён был укреплениями в деревне Врачеш, находившимися на том месте, где Софийское шоссе входит в ущелье реки Бебреша. Отсюда по шоссе и начинается подъём на главный перевал.

Девятого ноября вошла гвардия, усиленная двумя армейскими полками, в предгорья. Без особых усилий выбиты были турки из долины реки Правеца; заняты были скоро после неудачного дела у Навачина Орхание, и Этрополь, и Златицкий перевал, но чтобы пройти горы и спуститься с них к Софии, приходилось во чтобы то ни стало прогнать турок с Шандорника и Арба-канака, а для этого следовало обойти их.

Но турки так укрепились в горах, что нечего было и пробовать выгнать их отсюда штурмом: мало людей было в Балканах; во-

лей-неволей приходилось ждать, когда закончится великая драма под Плевной и соберутся все освободившиеся там войска...

XXV
ЖИВОЕ КОЛЬЦО

Там, по всему было видно, близилась уже желанная развязка...

Двадцать второго октября к Дольнему Дубняку прибыл, чтобы на следующий день посмотреть отличившихся гвардейцев и проститься с ними перед походом в горы, Государь Император Александр Николаевич. Ночевать он изволил в селе Медован, куда прибыл из Богота под Плевной и августейший главнокомандующий со всей своей многочисленной свитой.

Скромная избушка медованского турка Дервиш-эфенди приютила царя-освободителя.

Всего две крохотные горенки, с оклеенными газетной бумагой окнами, были застланы на полу фуражными мешками. Ветхий ковёр закрывал дверь. На белых глиняных стенах казаки, готовившие Государю ночлег, наставили мелом крестов: Не подобает православному царю ночевать в некрещёном доме!». Походную кровать Государь захватил с собой. Складной столик принесли из палатки главнокомандующего, а два складных стула нашлись у командира астраханских драгун Мацелевича; столовую устроили в примыкавшей к горенкам конюшне. Вот в такой обстановке и провёл ночь Государь.

На другой день так радостно гремело «ура!» гвардейце, встречавших своего Государя, что турки, высыпавшие в удивлении на Плевненские свои высоты, смотрели только на происходившее в Дольнем Дубняке, но даже огня не открывали.

Русские гвардейцы и армейцы, а вместе с ними и вся румынская армия после этого стеснили Плевну ещё более. Генерал Тотлебен[69] ещё с 11 октября начал бомбардировку этой твердыни. Ровно в пять часов девяно-

сто осадных и дальнобойных орудий приветствовали из своих жерл Османа-пашу и защитников Плевны, сказали им «с добрым утром!». Девяносто снарядов, жужжа, шипя, свистя, разрываясь в воздухе, неслись в намеченный накануне пункт. Этот чудовищный дождь ниспадал на обречённое ему место, и его как не бывало. Турки сейчас же кидались исправлять повреждения, и тогда по ним открывался огонь с ближайшей батареи. Точно таким же залпом между пятью и шестью часами вечера русские желали своему противнику «спокойной ночи». После такого «пожелания» всё стихало, и только раздавались одиночные выстрелы по работавшим над исправлением батарей врагам.

Кроме Гривицкого редута был и ещё «ключ» к Плевненской позиции. Это были так называемые Зелёные горы под Плевной. Отсюда осаждавшие могли мешать всякому движению Османа-паши в тылу. Здесь же преграждался ему всякий выход на шоссе, ведшее к Софии, и, при попытке прорваться к реке Виду, отсюда могли бы кинуться русские войска на арьергард уходящей армии.

Однако эта позиция, важнейшая и опаснейшая, была в руках турок.

На Кришанских высотах, совсем в виду Зелёных гор, расположилась 16-я пехотная дивизия: владимирцы, суздальцы, угличане и казанцы. Как только наступила осень, вырос целый городок, заселённый солдатами названных полков. Выкопаны были просторные землянки, отапливавшиеся печами. Ни дождь не проникал в них, ни осенняя сырость не страшна была солдатам. Всем им было уютно и спокойно, насколько это, конечно, было возможно в их положении. Во всём лагере, несмотря на ухудшающуюся день ото дня погоду, оставались только два холщовых намёта. В одном из них никогда не смолкали говор и смех. В другом, где было всегда тихо, стояли только походная кровать, простой стол и походные табуреты. Эти намёты, доступные дождю и холоду, были столовой и спальней командира 16-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта Михаила Дмитриевича Скобелева, героя «Третьей Плевны» — Белого генерала.

Под вечер 28 октября Скобелев взял Зелёные горы и укрепился на них. Туман позво-

лил охотникам из стрелков 9-го батальона подобраться незамеченными к турецким ложементам. Охотников было всего 70, и вёл их на рискованное дело подпоручик Тарасенков. Первый ряд турецких ложементов взят был моментально. Турки, не ожидавшие нападения в тумане, выскочили, потеряв в одно мгновение около 80 человек. Стрелки бросились к следующему ряду окопов, а подоспевшие сапёры уже поворачивали в сторону неприятеля фронт взятых укреплений. Когда туман поредел, несколько таборов турок кинулось было на штурм отбитого у них укрепления, но стройные, правильные залпы заставили их уйти прочь. Зелёные горы перешли в русские руки.

Скобелев сейчас же перенёс сюда своё пребывание. Для него солдаты вырыли ямку в уровень с дном передовой траншеи. В ней на санитарных носилках спал Михаил Дмитриевич, переселившийся на Зелёные горы вместе с начальником своего штаба капитаном Алексеем Николаевичем Куропаткиным[70]. Сюда же явились весь 9-й стрелковый батальон, Владимирский полк, две стрелковые роты

Ярославского полка, сапёры, две сотни донских казаков Нагибина с артиллерией в четыре картечницы. Вместе со Скобелевым это была уже внушительная сила.

Турки попробовали было возвратить отбитую позицию в первую же ночь, но опять были отбиты. На следующий день Зелёные горы были приготовлены к достойной встрече своих недавних хозяев.

Ночь на 30 октября опустилась над Плевной. Прикорнули в траншеях на Зелёных горах солдатики; тихо дремлют вместе с ними офицеры. Спокойны все: знают, что Скобелев бодрствует вместе с Куропаткиным. Когда придёт пора — всех поднимут на ноги. А между тем, казалось бы, спокойными быть нельзя. Из секрета прибежал прямо к генералу один из залёгших там солдат. Что он говорил — не узнали. Но это неспроста. Турки явно что-то затевают. Но генерал не отдаёт приказания; стало быть, нет ещё никакой надобности.

— Вставай! — шёпотом проносится по траншеям приказание.

Люди вскакивают без шума, без суеты;

бодрствовавшие товарищи растормошили крепко уснувших. Каждый в темноте знает своё место, потому что ещё днём оно указано ему. Знает каждый, что ему делать; всё это объяснено заранее, потому-то и нет никакой бестолковой суматохи.

— Турки подходят. Стрелять по свистку! — так же шёпотом разносится новое приказание.

Сотни пар глаз напряжённо всматриваются во мрак осенней ночи. Там ничего не видно. Но зато слышно. Слышен какой-то хруст, временами — шум. Постепенно шум всё возрастает. Наконец и во мраке даже начинает вырисовываться тёмная, колеблющаяся масса. Она довольно быстро приближается. Слышны уже пыхтенье, сопенье, шёпот. Траншея всё ещё молчит. Турки уже в пятидесяти шагах... Вот-вот они всей своей массой бросятся на русских храбрецов... Вдруг мёртвую тишину прорезает короткий пронзительный свист. Звук его ещё не затих, а с траншеи уже блеснула огненной змеёй молния выстрелов, и грянул стройный залп. В ответ ему несутся отчаянные вопли, стоны от нестерпимой бо-

ли, проклятия. Гремит новый залп. Масса будто поредела, заколебалась, расстроилась. Она теперь чернеет уже значительно дальше, чем перед первым русским залпом. До слуха русских доносится турецкая брань. Турки начинают стрелять, но стреляют они беспорядочно. Руки, видимо, у них трясутся. Всё-таки пули так и сыпятся. Но солдатики лишь посмеиваются. Беспорядочная стрельба пропадает даром. После часовой бесполезной перестрелки турки спешно отступают. Зелёные горы опять остались в русских руках. Скобелевцы удачно и без особенных потерь отбили и этот штурм. Рады они: взятие Зелёных гор и отбитая атака стоили им 26 погибших товарищей.

Ещё меньше теперь надежды на спасение у Османа-паши. Султан за «Третью Плевну», за храбрость пожаловал своему «гази» золотую саблю, но теперь уже ничто не поможет «непобедимому». С каждым днём роковой для него исход всё ближе и ближе.

А к русским идут радостные вести. Шестого ноября пал самый грозный оплот турецкого могущества в Малой Азии — неприступный Карс.

Однако счастье слепо. Оно рассыпает свои дары, само не зная, куда попадают они...

Двадцать второго ноября произошло несчастное для освободителей Болгарии дело у Марени и Елены. Выбыли из строя полсотни офицеров и 1800 нижних чинов; были потеряны одиннадцать орудий; семь из них, увы, достались туркам...

Но всё-таки роковая Плевна была при последнем издыхании.

Это замечалось по всему. Осман-паша выгнал из Плевны всех жителей, с их уцелевшим домашним скарбом даже. Он, вероятно, надеялся на милосердие русских, но на этот раз ошибся. Плевненцев загнали обратно. Ведь они были лишними ртами в Плевне. Русским же было уже известно, что и солдатам Османа-паши не хватает довольствия, что порцию защитников города урезали до крайней степени...

Тогда Осман-паша прогнал из Плевны башибузуков, черкесов и всех, кто не был ему полезен. Но русские и их вернули ему обратно.

Появились перебежчики. Перебегали не

только находившиеся в рядах османовской армии болгары и западные европейцы, которых было у Османа порядочное количество, прибежал к русским обезумевший от голода дезертир-татарин, передавшийся туркам ещё при первой здесь с ними встрече русских.

Все они говорили, что в Плевне голод, что солдаты Османа ропщут, что со дня на день можно ожидать или сдачи города, или решительной попытки прорваться.

Ждать — ждали с нетерпением. Но живое кольцо всё-таки суживалось.

Жестоко каялся Алексей Петрович Коралов из-за того, что бросил казавшуюся ему несчастливой 14-ю драгомировскую дивизию. Он побыл и в «Первой», и во «Второй» Плевнах, но всё-таки на груди у него не было заветного белого крестика, а сам он чувствовал, что заслуживает его... Везде он кидался первым в огонь, вскакивал первым на бруствер. Бог уже знает, по какой случайности все его подвиги проходили незамеченными даже товарищами. Слишком много было храбрецов в Архангелогородском полку, чтобы кого-нибудь там мог удивить рвавшийся постоянно в

бой вольноопределяющийся. Коралов нервничал, злился, но ничего не мог поделать. Белого креста на грудь не выпросишь — его нужно заслужить.

А тут, после «Второй Плевны», увели от города всю 5-ю дивизию. Её сменили румыны и плевненские герои, архангелогородцы и вологодцы, только 25 ноября явились опять на реку Вид, где и заняли позиции в самом тылу осаждавших в этом месте Османа-пашу гвардейских дивизий.

Нельзя сказать, чтобы для Коралова эти месяцы, проведённые в боях, прошли совершенно бесполезно. Он был всё время на виду у своих начальников. Если бы у него был сдан экзамен в военном училище, он стал бы давно уже офицером, но экзамен не был сдан, и Алексеи всегда являлся только «исправляющим должность». Это понятно, не удовлетворяло его. Он страстно желал, что бы у него на груди красовался беленький крестик, а тут судьба, словно играя, обходила его, и с отходом дивизии от Плевны пропала и возможность отличиться в бою.

Когда Архангелогородский полк явился к

Виду, надежды Коралова опять воскресли. Он, воспрянув духом, стал весел и скорбел только о том, что архангелогородцы не выдвинуты на передовые позиции, а стоят в самом тылу. Он было сделал попытку как-нибудь присоединиться к скобелевцам на Зелёных горах, но это не удалось.

Однако на скобелевской позиции ему всё-таки как-то выпал случай побывать. Он был крайне удивлён, узнав, что главная траншея носила там громкое название Невского проспекта. Об этом свидетельствовали даже прибитые к столбам таблички, на которых сие пышное наименование чётко вывели углём. В Невский проспект на Зелёных горах вдавалась Большая Морская — то есть боковая широкая траншея. Здесь отдыхавшие солдатики гуляли в свободные часы и чувствовали себя гораздо лучше, чем на Невском проспекте или на Большой Морской далёкого Петербурга.

— Эх, кабы отсюда пошёл на нас Осман-то! — говорил Коралову знакомый ему унтер-офицер, к которому он пришёл в гости. — Уж постарались бы мы, уж поднесли бы на-

шему Михаилу Дмитричу подарок...

Везде были свои мечты, свои надежды. Коралов мечтал о Георгии для себя, скобелевцы мечтали, как бы порадовать новой победой своего кумира.

Коралов пробыл на Зелёных горах, пока не начались сумерки. Идти ему предстояло к своему полку достаточно далеко. Поэтому приходилось торопиться.

— Что-то сегодня турки притихли! — сказал, провожая его, приятель.

— А и в самом деле! Совсем даже и не стреляют! — согласился Коралов, давно уже заметивший, как постепенно всё слабела обычно несмолкавшая турецкая пальба.

Он ушёл, думая об этом.

Внезапное молчание турецких стрелков не осталось незамеченным и на Зелёных горах. Уже более часа ни одна пуля не просвистела над Невским проспектом. Это уже совсем небывалое событие! Такого часа давным-давно никто припомнить не мог. Турки и ночью ведь осыпали русских пулями.

Скобелев выслал особый секрет посмотреть, что делается в соседних траншеях и на

ближайшем редуте. Секрет вернулся и доложил, что траншеи пусты, а редут сейчас покидается турками... Не было сомнения, что турки уходили из Плевны... Куда? На Зелёных горах, конечно, знать этого не могли. Одно только было ясно Белому генералу, что Осман минует его и выходит своими таборами на кого-то другого...

Честь пленить знаменитого полководца ускользала от русского героя.

Делать было нечего...

К главнокомандующему с Зелёных гор полетела телеграмма...

Это был вечер 28 ноября.

Коралов между тем шагал по дороге к расположению своего полка. Большую часть пути ему удалось проехать на повозке, подвозившей съестные припасы к одному из гренадерских полков. Шагать всё-таки приходилось достаточно далеко. Чтобы сократить расстояние, Алексей смело пошёл по огромной лощине, надеясь, что турки не углядят одинокого пешехода. Он шёл, всё ещё думая о странной тишине в турецких траншеях против Зелёных гор.

«Словно у нас в тылу! — размышлял он. — Пуля — редкость... А ещё прославленные герои! Ещё говорят про Зелёные горы — опаснейший пункт!»

Некий странный шум заставил Алексея остановиться. Он насторожился и прислушался, потом прилёг на землю и приложил к ней ухо. До него ясно донеслись отдалённое скрипение колёс и неясный говор. Движение, насколько можно было судить, имело место ещё очень далеко, но инстинкт подсказал Коралову, что это могло значить...

«Турки уходят!» — сообразил он и, вскочив на ноги, кинулся бежать в сторону русских аванпостов.

После долгого бега он наткнулся на передовых гвардейских кавалеристов. Его приняли было за перебежчика и решили отправить под конвоем на позицию. Коралов и сам того же желал.

— Турки вышли из Плевны! — крикнул он.

— Опоздал, братец! Знаем мы эту новость, — смеясь, ответил гусар, провожавший его. — Из главной квартиры пришла телеграмма... Сам Ганецкий[71] нас сюда выслал.

На позиции дело объяснилось, и Коралова отпустили к его полку, пригрозив, впрочем, взысканием за позднее возвращение.

Опять не повезло бедняге! Он бежал, что только было сил в ногах, в надежде первым принести столь желанное всей русской армией известие и был не только уже предупреждён, но ещё и нарвался на замечание...

Положительно, судьба смеялась над Кораловым.

А великое событие готово было свершиться; сам собою развязывался крепко стянутый плевненский узел...

Целую ночь всё ближе и ближе к Виду раздавалось скрипение колёс бесчисленных возов, всё ближе слышалось дребезжание орудий, гул от массы скапливающихся в одно место людей и животных. Ясно стало, что турки решили прорваться через слабейшее место русского обложения — за Вид через тыловую позицию, где начальствовал всем завидским отрядом командир гренадерского корпуса генерал Ганецкий.

Гренадерам-сибирякам, шефом которых был августейший главнокомандующий, вы-

падала честь принять на себя первый натиск всей турецкой армии. К генералу Ганецкому ежеминутно неслись с аванпостов одно за другим донесения:

«Турки близко, турки подошли, турки вошли бродом в Вид!»

Кончалась долгая зимняя ночь. Поздний рассвет ещё едва брезжил. Правый берег Вида всё ещё окутывала предрассветная не расплывавшаяся туманная мгла.

Наконец, раздёрнулась туманная дымка. Широкая низина, лежавшая между Олонецкими и Терапинскими высотами, упиравшаяся прямо в берег Вида, где был каменный мост через эту реку, несколько запушённая только что выпавшим снежком, теперь чернела тысячами тысяч людей. Покатости высот тоже покрыты были роившимися, как огромный пчелиный улей, турками. Громадный обоз уже вошёл в Вид. Через реку явился новый мост, перекинутый по повозкам.

Перед русскими двигалась вся армия Османа-паши.

Предрассветная мгла ещё не рассеялась, когда над русскими завидскими позициями

взвилась сигнальная ракета. Она не успела рассыпаться в ночном сумраке, как уже глухо зарокотали барабаны — принялись отбивать тревогу. Без суеты и суматохи выстроились готовые к бою гренадеры — они стали в грозные боевые колонны.

Шёл восьмой час утра.

Густо сплотившись, плечо к плечу, без выстрела, без звука вступили на мост турецкие таборы. На их место в низину сползали с возвышенностей новые, а вместо них сейчас же появлялись из прохода ещё и ещё, казалось, бесконечные массы людей.

Голова турецкого авангарда по мосту перешла Вид. Взвилась новая ракета, всё настойчивее и настойчивее грохотали тревогу русские барабаны. Генерал Ганецкий на коне промчался по фронту своих гренадеров.

Перешедшие Вид турецкие колонны в боевом порядке без выстрела, со штыками наперевес, бегом неслись на русские траншеи. На их место из-за Вида, по двум уже мостам, вползали на левый берег новые таборы.

Обрекли сами себя на смерть эти несчастные, закалившиеся за два месяца осады храб-

рецы. Свинцовый дождь, лившийся на наступавших из русских траншей, укладывал их на землю целыми рядами. Турки не останавливались. По трупам павших товарищей, как ураган, мчались они три версты, отделявшие русских от берега Вида. Иногда вспыхивал у них не то победный, не то приветственный клич. С русской позиции ясно был виден турецкий генерал на рыжем коне. Он командовал всей этой безумной, отчаянной атакой. По мановению его руки с громким, радостным кличем шли все эти люди на неминуемую смерть...

Это был сам гази Осман-паша.

Что-то нечеловеческое, стихийное было в наступлении турок. Не люди неслись на русские траншеи, а обезумевшие демоны в человеческом только образе, существа, вообразившие себя бессмертными, потерявшие всякую восприимчивость к физическим страданиям. Если это и были люди, то люди, уверившие сами себя, что они должны умереть, что на земле нет более для них места!

Без выстрела они ворвались в первую траншею. Сибирцы-гренадеры приняли их.

Не долог был бой. Гренадеры, бывшие в траншее, легли под турецкими штыками. Немногие спаслись из них. Прошло очень мало времени, а турки ворвались уже в находившуюся за траншеей земляную батарею, где стояли орудия 2-й гренадерской дивизии. Орудийная прислуга была переколота. Турки ворвались во второй ряд траншей. Тут их приняли гренадеры Малороссийского графа Румянцева-Задунайского полка. Неистовые демоны в человеческом образе прорвали и их, но здесь они встретились со своими давнишними знакомцами — архангелогородцами и вологодцами.

Генерал Ганецкий в это время разъезжал по войскам первой линии. Он понял, что эта бешеная атака турок была только стратегическим манёвром. Жертвуя здесь тысячами, Осман-паша в то же время, полагая, что ему удалось отвлечь внимание противника, направил десятки тысяч прямо на Дунай, где он мог пробиться через заслоны и уйти от русских.

— Кукурузники! — кричал Ганецкий случайно уцелевшим ротам сибирских гренаде-

ров, перед которыми расстилалось кукурузное поле. — И думать не смей об отступлении.

— Патронов нет! — кричали в ответ солдаты, показывая пустые подсумки. — Все расстреляли!

— Наплевать, коли нет! Этакие молодцы одним штыком неприятеля потурят и свою батарею назад возьмут.

— Рады стараться, ваше превосходительство! — гаркнули сибирцы. — Приказывай, отец-командир, вперёд идти!

— Не торопись, ребята! Будет впереди время! — кричал Ганецкий. — В тылах не заплесневеете. Всем дела хватит!.. Вон и патроны везут[72].

Турки уже успели перетащить на левый берег свои орудия. Их гранаты рвались в русском резерве. Вызвана была из Дольнего Дубняка 2-я гренадерская дивизия. Архангелогородцы и вологодцы удержали своим дружным огнём турок, но не смогли заставить их очистить занятые траншеи и батарею. Турки оставили левый фланг и стремительно ударили на центр. Удар их — удар живого тарана — разбился здесь об астраханских и самогит-

ских гренадеров. Ослабла ли после изумительного напряжения энергия, или овладела турками усталость, только они были-таки вышвырнуты из траншей. Их орудия, перевезённые первыми на левый берег Вида, были отбиты вместе с зарядными ящиками, оказавшимися захваченными в свою очередь турками у русских ещё в «Первую Плевну». Одно из орудий взял без помощи товарищей, только своими силами, лейб-казак 4-го эскадрона Арсений Нефедьев. Он, когда турки увозили свои орудия, догнал последнее из них, свалил с лошадей двоих ездовых и под уздцы повернув всю упряжку, примчал пушку на свою позицию. Рядовой Астраханского гренадерского наследника Цесаревича полка Егор Жданов отбил знамя. Турки были отброшены, русские вернули свои позиции.

Было половина одиннадцатого часа дня.

Всего на расстоянии ружейного выстрела стояли один против другого неприятели. Теперь шёл горячий стрелковый бой. С обеих сторон сыпались бесчисленные пули. Трескотне ружейных выстрелов неистово вторили и турецкие, и русские пушки. Турки рас-

стреливали русских, русские — турок. И те, и другие пришли в состояние некоего безумного остервенения. Жизни ни для кого из них не существовало, о ней забыли, налицо была только смерть.

Осман-паша, бесстрастный, как и в первый момент боя, хладнокровно распоряжался, направляя в самое пекло, в огненный ад на левом берегу всё новые таборы.

Его конь, подарок султана, горячился под всадником. Вдруг невыносимо-жалобный клич отчаяния пронёсся по турецким массам, и в ответ ему с русской стороны грянуло, разливаясь в морозном воздухе тысячами перекатов, радостное «ура!». Рыжий жеребец вместе со своим всадником скрылись от сотен тысяч следивших за каждым движением последнего глаз. Турки потеряли своего вождя. Всюду в их массах разнеслось известие, что Осман-паша убит. Всё пропало: энергия, воодушевление, жажда победы. Бесчисленные храбрецы, с яростью львов лезшие так ещё недавно на русские траншеи, смутились, задрожали и в полном беспорядке откатились к самому берегу Вида под натиском кинувших-

ся на них в штыки гренадеров. Разом изменилась вся картина. Всё поле перед мостами покрылось копошащейся в паническом страхе человеческой массой. Турки бежали, падали, следовавшие сзади спотыкались об упавших и падали сами, на них напирали, не давая им подняться на ноги, новые толпы. В паническом ужасе, ослеплённые отчаянием, несчастные карабкались, как на горы, на кучи живых своих товарищей, копошившихся в напрасном стремлении подняться. Кто добирался до берега, кидался в воду. На мостах шла свалка. На каменном мосту оборвались перила. Орудия, повозки, лазаретные фуры, зарядные ящики, люди, животные сыпались в Вид. А в это время далеко-далеко вперёд лихо вынеслась артиллерийская бригада флигель-адъютанта полковника Щёголева — того самого, который с жалкими пушчонками отстаивал в Крымскую войну Одессу от турецкого флота. По массе ополоумевших, превратившихся в стадо животных турок ударили пушки. Сделав невероятное усилие, турки в большей части перебрались за Вид. Те, которые остались на левом берегу, бессмысленно топтались на

одном месте. В то же время за Видом на высотах продолжали канонаду турецкие орудия. Турецкие стрелки, не переходившие Вид, так и сыпали пулями. Но это было уже последнее издыхание Плевны. На русской стороне знали, что Осман-паша ранен в голень левой ноги навылет и не может командовать сражением. Нельзя было не воспользоваться этим обстоятельством... Полки выстроились в боевые колонны и каждое мгновение готовы были кинуться на непобедимого до того врага.

На каменном мосту через Вид среди порохового дыма появилось белое знамя. Армия Османа-паши сдавалась. Чудовище, поглотившее столько тысяч русских жизней — Плевна, — издыхало; крепчайший из завязанных турками узлов развязался...

Ещё трещали по всей линии выстрелы турецких и русских ружей, ещё вспыхивали кое-где взрывы снарядов, но не могло уже быть никакого сомнения, что Плевна — страшная, томительная Плевна, угнетавшая столько русских сердец, лежавшая тяжелейшим камнем на множестве русских душ, — пала, бесповоротно пала...

От батальона к батальону, от роты к роте, к императорскому редуту, где с 12 часов дня следил за ходом боя Государь, неслось неудержимое, полное искреннего душевного восторга победное «ура!».

У каменного моста через Вид стоял присланный генералом Ганецким генерал Струков. Ему навстречу пробирался через толпившихся на мосту недавних ещё героев, а в эту минуту жалких, дрожащих от страха, мертвенно-бледных людей молодой красивый турецкий генерал.

— Начальник штаба плевненской армии Тевфик-паша! — отрекомендовался он генералу Струкову.

Русский генерал поспешил назвать себя.

— Плевненская армия сдаётся, наш главнокомандующий Осман-паша — тоже! — сказал Тевфик.

И он стал сейчас же просить, чтобы его раненому главнокомандующему была оказана милость. Осман-паша не имел сил явиться сам, и в то же время сдача целой армии была настолько серьёзным делом, что Осману не хотелось, чтобы кто-нибудь, кроме него, вёл

неизбежные переговоры. Поэтому он просил, чтобы ввиду его особенного положения генерал Ганецкий прибыл к нему в караулку на шоссе, где раненому только что была наложена повязка.

И барабаны, и кавалерийские рожки дали уже сигнал отбоя. Битва прекратилась, но люди пребывали в высшей степени нервного напряжения. Кому-нибудь могло просто что-нибудь померещиться, громкий крик, шальной выстрел — и полки кинулись бы на эту беззащитную массу. Справа и слева подходили к туркам скобелевская дивизия и литовские и кексгольмские гренадеры.

Ганецкий послал к Осман-паше Струкова.

Совсем недалеко по шоссе приткнулась к подошве горы белая мазанка с черепичной кровлей. Это и была турецкая караулка, где приютился побеждённый «непобедимый». Вокруг мазанки стояли паши, беи, эфенди — генералы, полковники, офицеры сдававшейся армии. Генерал Струков, пробравшись через безмолвно стоявшие толпы, открыл дверь караулки. В переднем покое, окутанные клубами табачного дыма, стояли несколько турец-

ких офицеров.

— Осман-паша здесь? — спросил Струков.

Один из турок молчаливым кивком указал ему на дверь впереди. Генерал отворил её и очутился в убогой каморке с почерневшими от дыма из очага стенами. У противоположной от входа стены, на деревянной скамейке, откинувшись всем корпусом назад, сидел далеко не старый ещё турецкий генерал в чёрном военном сюртуке с нашитыми на рукаве галунами. Он, как можно было судить по его фигуре, был среднего роста, коренастый, дородный. Лицо его с резкими, крупными чертами обрамляла небольшая, тёмная, начавшая уже седеть борода. Из-под характерно выгнутых бровей смотрели небольшие карие глаза, отражавшие несомненный ум, непреклонную энергию и несокрушимую силу воли. Это и был знаменитый Осман-паша. Его левая раненая нога была вытянута вперёд и покоилась на ящике из-под на тронов. На плечи Османа было накинуто турецкое военное пальто, спускавшееся с одной стороны. Ни одною ордена не было у него на груди. На перевязи с левого бока висела кривая сабля — по-

дарок султана. На коленях перед пашой стоял его доктор, оканчивавший перевязку, оставленную им лишь только вошёл русский генерал. Вдоль стены каморки, печальные, понурые, ожидали дивизионные и бригадные паши.

Струков, держа руку под козырёк, назвал себя. Осман с видимым усилием приподнялся со скамейки, сделал приветственный знак и первый протянул посланцу руку.

— Вы ранены, прошу вас сесть, генерал! — с чувством сказал Струков и почтительно помог Осману сесть на скамейку.

Разговор они вели на французском языке, причём всё-таки приходилось прибегать к услугам переводчика.

Осман жестом пригласил Струкова сесть рядом. Но русский генерал, как младший чином, остался стоять.

— Я сюда явился по приказанию генерала Ганецкого, — заговорил он после минутного молчания, — чтобы приветствовать ваше высокопревосходительство с блестящей атакой и вместе с тем передать вам, что генерал Ганецкий, не имея никаких приказаний от его

высочества главнокомандующего, может предложить вам полную, безусловную сдачу как вас самих, так и всей вашей армии.

Побеждённый паша некоторое время молчал. Потом, подняв голову, тихо, с грустью в голосе заметил:

— Дни не равны. День за днём следует, но нет двух сходных: один счастливый, другой — несчастливый. — Тяжёлый вздох вырвался из груди Османа, но он быстро справился с собой и спокойно докончил: — Я вполне покорен желаниям главнокомандующего вашей армии!

Трудно было сказать побеждённому эти немногие слова. Голос его дрогнул, губы сжались, по потемневшему лицу пробежала заметная судорога.

— Паша, на всё воля Всевышнего! — тихо сказал ему в ответ Струков.

Ответа не последовало. Осман-паша сидел, весь понурившись. Глаза его устремлены были на противоположную стену. Доктор снова стал на колени и принялся доканчивать перевязку. Русский генерал вышел, чтобы послать уведомление своему начальнику.

Менее чем через полчаса прискакал генерал Ганецкий, только что вышедший победителем из рокового боя. Порывисто вошёл он в каморку, снял фуражку со своей седой головы и, протягивая руку недавнему противнику, громко, с простотой старого солдата сказал:

— Поздравляю вас: вы чудно вели атаку!.. Прикажите сложить оружие...

Он сел рядом с Османом. Победитель и побеждённый как будто исподтишка окидывали друг друга пытливыми взорами. Ни тот, ни другой не говорили ни слова. Да и что им было говорить! Разве более двух месяцев борьбы — упорной, кровавой — не познакомили их близко друг с другом? Всё-таки вполне понятное волнение владело в эти минуты обоими.

— Ваше превосходительство! — сказал, взглянув на часы, Струков, обращаясь к Ганецкому. — Не будет ли поздно? Теперь пятый час... Не благоволите ли вы подтвердить своё приказание?

Ганецкий встрепенулся и приказал переводчику ещё раз передать Осману-паше требование безусловной сдачи.

Словно от тяжёлого сна очнулся Осман-паша. Он поднял голову, мутным взором посмотрел на стоявших поодаль своих командиров и глухо позвал:

— Адиль-паша!

Выдвинулся старик, дивизионный генерал. Осман махнул ему рукой. Адиль по-восточному скрестил на груди руки, низко поклонился Ганецкому и своему вождю и безмолвно пошёл к двери. За ним последовал Струков. Едва они вышли, Осман порывистым движением сдёрнул с себя свою саблю, поглядел на неё, в глазах блеснуло нечто похожее на слезу. Он точно в раздумье закивал, как бы прощаясь с этим оружием, свидетелем его подвигов, и, чуть слышно вздохнув, с поклоном подал саблю Ганецкому.

А возле караулки имела место поразительная сцена. Словно столбняк накатил на турецких солдат, когда они услышали приказание Адиля. Офицерам пришлось заставлять их складывать оружие. Турки с остервенением кидали свои так много послужившие им скорострелки, стараясь ударить их о камень и разбить. Почти все выбрасывали и втаптыва-

ли в грязь свои патроны, чтобы те не доставались победителям.

Сдались 10 пашей, 126 штаб- и 2000 обер-офицеров, 40 000 нижних чинов и артиллеристов, 1200 всадников. Победителям достались 77 орудий, без числа ружей и огромное количество патронов. 6000 турок пали в бою. Потери русских составляли: убитыми 2 штаб- и 7 обер-офицеров и 409 нижних чинов; ранен один генерал и 3 штаб- и 47 обер-офицеров и 1263 нижних чина; у архангелогородцев и вологодцев, сдерживавших своим огнём натиск турок, убитых не было, ранен только один обер-офицер и 47 нижних чинов.

Едва турки начали сдавать своё оружие, их тесным кольцом со всех сторон окружили русские полки — теперь уже не было никакой возможности побеждённым выбраться из живого круга.

К караулке примчался назначенный русским военным губернатором генерал Скобелев-сын.

Белый генерал сейчас же прошёл к своему недавнему боевому врагу.

— Скажите паше, — приказал Скобелев пе-

реводчику, — что каждый человек по своей натуре более или менее завистлив. И я, как военный, завидую Осману в том, что он имел случай оказать своему Отечеству услугу — задержать нас под Плевной на четыре месяца.

Осман-паша, уже знавший Михаила Дмитриевича, со скромной улыбкой ответил:

— Генерал ещё так молод годами, а между тем успел уже так много и хорошо заявить себя на военном поприще, что я не сомневаюсь — если не я, то, может быть, дети мои отдадут ему почтение как фельдмаршалу русской армии!

Увы! Не оказался Осман-паша пророком...

Скобелев и Ганецкий вскоре расстались с Османом и отправились к своим частям. В это время знаменитому вождю подали коляску. Паши на руках вынесли его и уложили как можно спокойнее. Рядом с коляской Османа верхом стал генерал Струков, свита турецкого полководца тоже разместилась по бокам, позади выстроился почётный конвой.

Взглянув на конвой, Осман поморщился. В конвое были румынские кавалеристы.

— Я сдался русским, — натянуто улыбаясь,

сказал он. — И было бы приятно, чтобы провожали меня мои победители...

— Это распоряжение не от меня зависело! — ответил Струков. — Но прошу ваше превосходительство взглянуть: в вашем почётном конвое есть русские уланы.

Осман-паша успокоился.

Поезд вышел длинным: за коляской своего главнокомандующего следовали все сдавшиеся паши, весь главный штаб его армии, даже следовали их личные слуги: турки, арабы, негры, египтяне.

Поезд направлялся к Плевне и был в середине пути, когда перекатилось внезапно вспыхнувшее «ура!». Догоняя героя Плевны, мчался на коне сам русский августейший главнокомандующий. Осман приподнялся, поддерживаемый врачом. Великий князь протянул ему руку и сказал лестное приветствие. Паша молча кланялся. В это время главнокомандующего нагнал румынский князь Карл, и вместе с Его Высочеством они отправились и Плевну. Пленного пашу повезли туда же.

В Плевну уже вошли русские войска. Воен-

ный оркестр грянул гимн, когда в покорённый наконец город прибыл главнокомандующий. Ревело теперь уже вместо пушечного грома русское «ура!». Торжествующие солдаты охрипли от победного клича. Болгары, которых в Плевне оказалось немало, со слезами радости на глазах выходили к победителям, падали перед ними на колени, целовали жёсткие руки солдат.

Теперь путь к Константинополю преграждало одно последнее препятствие — Балканы и последняя оставшаяся там армия турок[73].

А под Плевной, уже занятой русскими войсками, в это время был Государь, пожелавший принести благодарение Богу на том самом месте, где стояла ставка сдавшегося Османа-паши...

Впервые ещё молились здесь русские люди, и пушечный гром не прерывал их молитв...

После молебствия Государь отправился в Плевну. Печальную картину разрушения представлял этот город. Всюду виделись груды мусора, обломков, гниющих трупов животных и людей. Уцелевшие дома все носили

на себе следы от русских гранат. Но вся эта печальная картина скрашивалась необыкновенным ожиданием, царившим повсюду по пути, по которому проезжал Государь. Тысячи болгар, плевненских жителей, уже сбежавшиеся в город из окрестностей, встречали Императора радостными криками. Дорога, по которой он ехал, устлана была миртовыми ветвями. Каждый болгарин явился с миртами на встречу к освободителю его родины. Из православной церкви вышел крестный ход. Государь приложился к кресту и среди выстроенных в ряды пленных турок проследовал в приготовленный для него дом, кругом которого, волнуясь, как волнуется море, толпились тысячи плевненских болгар, громкими криками выражавших свою радость.

Государь завтракал с членами своей семьи, румынским князем Карлом и высшими представителями своей армии, когда под окнами раздались громкие восклицания:

— Браво! Осман-паша! Браво!

Перед домом под открытым небом накрыты были столы для лиц из свиты Государя и князя. Все они повскакивали из-за столов и

расступились, образовав две живые стены, чтобы пропустить в дом Государя недавнего защитника Плевны, Османа-пашу.

Опираясь одной рукой на плечо своего адъютанта Хаиб-бея, другой — на плечо гвардейца-корнета князя Дедашкилиани, шёл плевненский герой к своему победителю.

Государь встретил защитника Плевны милостиво и говорил с ним при посредстве драгомана Мокеева.

— Что вас побудило прорываться? — прежде всего спросил царь.

— Как солдат, дорожащий своим честным именем, я должен был сделать эту попытку! — ответил Осман-паша. — Утешаюсь тем, что моя неудача доставила мне честь быть представленным Вашему Величеству.

— Отдаю полную дань уважения вашей доблестной храбрости...

— Государь! — почтительно склоняясь, произнёс Осман. — Я исполнял лишь свой долг и надеялся, что заслужу этим не только признательность своего Отечества, но и милостивое внимание Вашего Величества и уважение вашей армии.

Император предложил несколько вопросов относительно того, известно ли Осману-паше, в каком положении находятся воюющие стороны. Осман откровенно ответил, что в течение сорока пяти дней после взятия Горнего Дубняка никакая весть извне не проникала в Плевну, и сознался также, что пищевых запасов у него оставалось всего на пять дней.

— В знак уважения к вашей храбрости, — сказал Государь, заканчивая разговор, — я возвращаю вам вашу саблю, которую вы можете носить и у нас в России, где, надеюсь, вы не будете иметь причин к какому бы то ни было неудовольствию.

Осман с видимым чувством признательности низко поклонился Государю и вышел, поддерживаемый теми же офицерами.

На дворе, заметив, что он нуждается в отдыхе, ему подали стул. Его окружили плотной толпой офицеры и наперебой принялись выражать удивление столь стойкой защите Плевны. Комендант главной квартиры главнокомандующего генерал-майор Штейн вручил Осману его оружие, от болгарского насе-

ления Плевны поднесена была ему миртовая ветвь...

Побеждённый герой не мог жаловаться на недостаток внимания. Всю неудачу попытки прорваться он принимал на себя, объясняя, что ошибся в расчёте времени на один час. Не будь этого лишнего часа, 20 тысяч свежих резервов явились бы в бой.

Четвёртого декабря Османа-пашу увезли в Россию.

Государь в знаменательный «Плевненский» день 28 ноября был в восторженном настроении и даже помолодел[74].

А 2 декабря под Плевной имело место великое торжество: праздник из праздников. Все войска, участвовавшие в плевненской драме, выстроены были в низине перед городком. Предстоял высочайший смотр. Государь Император Александр Николаевич пожелал сам лично вместе со своими чудо-богатырями возблагодарить Бога за дарованную им победу.

Приветственное, радостное, совсем не такое, какое слышал враг, «ура!» их пронеслось по Плевненскому полю: показалась коляска, в

которой ехал к войскам Государь[75].

Коляска остановилась, Государь привстал, сбросил с себя шинель и, опершись одной рукой на козлы, другой снял фуражку с головы... Над окружавшей коляску толпой возвышалось его несколько болезненное, но доброе, сиявшее радостью, улыбающееся лицо.

Он сделал жест.

Всё вокруг смолкло, и раздались приветливые, ласковые царские слова:

— Нет, нет... Вам, всем вам великое спасибо... Не мне — вам «ура!»...

И Государь с непокрытой головой, махая своей фуражкой, вышел из коляски и обнял своего августейшего брата.

Спустя минуту все увидели, что Государь надел Великому князю через плечо ленту ордена Святого Георгия I степени. Великий князь так и оставался в ней.

Новое восторженное «ура!» приветствовало слова Государя и эту награду всей Дунайской армии в лице её главнокомандующего.

Затем были вручены награды и другим начальникам. Государь обошёл войска, горячо благодаря их за подвиги, труды и лишения.

Потом начался молебен.

На коврике впереди всех стоял Государь, несколько отступя от него — румынский князь Карл и Великий князь Николай Николаевич. За ними — толпа офицеров и свита.

Среди молебна Государь подозвал диакона и шепнул ему несколько слов. Тот передал их священнику. Скоро в надлежащем месте раздалась молитва за упокой души тех, кто пал на поле брани, кто жизнь свою отдал за Отечество, не посрамив земли Русской, кто умер за ближних, освобождая родственный, но мало даже известный народ.

Много их пало под Плевной. Десятки тысяч легли по всей Болгарии и Малой Азии. Государь избегал этого кровопролития, но сила обстоятельств и общее настроение решили иначе, и царь-освободитель лично видел и пережил все неудачи и ужасы войны.

При первых же звуках заупокойного песнопения Государь опустился на колени, припав к земле, оставаясь так до конца поминовения павших. Когда Император поднялся, то на его глазах — глазах царя-освободителя — ясно виднелись следы слёз.

Ещё миг, и раздался торжественный возглас, но уже не о мёртвых, а о живых.

— Христолюбивому победоносному воинству, — возглашал диакон, — многая лета!

— Многая лета, многая лета! — подхватили возглас певчие. — Многая, многая...

И они не успели докончить. Со всех батарей, со всех укреплений, на пятьдесят вёрст окружавших Плевну, ударил по сигналу, поданному ракетой, оглушительный залп из всех орудий. В последний раз гремели под Плевной русские пушки. На этот раз не смерть, не разрушение, а радость и близость славного мира вещали они...

Государь ещё раз обошёл фронт и благодарил войска. С места молебствия Его Величество отбыл в Плевну.

Освободительная война кончалась, но не кончилась! Впереди у русских были ещё Балканы.

XXVI
В БАЛКАНАХ

О шипкинцев только редко-редко доходили вести о том, что делалось под Плевной. До того ли им было, чтобы особенно интересоваться вестями из внешнего мира? Ведь здесь у них тоже была «своя Плевна». Да что Плевна! Против них, лишь только началась зима, поднялся новый суровый враг — мороз...

— Эх, кабы знато да ведано! — толковали шипкинцы. — Разве пришли бы мы вот так — налегке?..

В самом деле, круто приходилось защитникам Шипки. Зима в горах наступила ранняя, у них не было ни полушубков, ни тёплой обуви, а морозы начались уже с 11 сентября, и 14 пошёл снег, устанавливалась зима.

Рождественцеву вместе с другими прихо-

дилось плохо. Стужа донимала куда сильнее, чем турецкий огонь. В наскоро не выкопанных, а насыпанных поверх почвы землянках было тепла совсем мало, а в тех, которые были выкопаны, каждое утро после ночлега выступала вода, и ночевавшим волей-неволей приходилось принимать холодные ванны...

— Смередушка! — жаловался Симагин Савчуку.

— А ты терпи! — наставительно отвечал тот. — На барина вон взгляни! — кивал он в подтверждение своих слов на Рождественцева. — Не наша кость — белая. А держится — не пикнет!

Действительно никогда никто не слышал ни одной жалобы от Рождественцева. Впрочем, и солдаты не жаловались, не роптали, они видели, что и их дивизионный генерал Петрушевский, заменивший раненого Драгомирова, с преемником своим по бригаде генералом Бискупским жили не лучше их. В генеральской землянке постоянно стояла вода. Чем глубже врывались в землю, тем больше её было. Мокрая одежда при выходе наружу вся сразу же покрывалась льдом, и люди в та-

кие мгновения казались как будто обросшими ледяной коркой.

Теперь рады были бы шипкинцы и турецким атакам, но турки не стали особенно баловать их ими. И октябрь, и ноябрь прошли совершенно спокойно. Однажды только — 20 октября — кинулись было турки на русские позиции, но эта их атака оказалась столь нерешительной, что шипкинцы отбили её без потерь.

Сергей в конце концов так обтерпелся, что холод перестал даже особенно действовать на него. Словно какой-то внутренний огонь согревал его кровь. Он во вьюгу выстаивал на часах, лежал в секретах и возвращался невредимым в свою землянку.

— Застыл, поди? — заботливо спрашивали его товарищи.

— Есть малость! В Райской долине — куда теплее! — отвечал он шуткой.

Эта немудрящая острота всегда вызывала среди солдат смех.

— Куда как горячо в Райской-то! — подхватывали солдаты и как-то невольно со страхом поглядывали в долину позади одной из своих

нагорных батарей — на Райскую, как они сами её прозвали.

Это было поистине страшное место. Долина находилась под турецкими выстрелами, и едва кто-либо показывался там днём, на смельчака тут же начинали сыпаться турецкие пули и даже гранаты.

— Отсюда христолюбивому воину прямая дорога в рай, — говорил генерал Мольский [76], первый окрестивший эту долину Райской.

Турки так пристрелялись к этому месту, что даже ночью могли обстреливать его по готовому прицелу, и наконец не стало смельчаков, которые днём решились бы показываться на дороге, проходившей через эту долину в Габрово.

В ноябрьскую тёмную непроглядно-мрачную ночь вдруг понеслись с турецких батарей бесчисленные выстрелы. Солдатики проснулись, повыскакивали из землянок, недоумевая, что бы могли значить эти выстрелы, когда не слышны были сигналы тревоги. Обыкновенно такая пальба начиналась, когда турецкие войска шли в атаку. Здесь же на ту-

рецкой стороне не замечалось никакого движения.

— Черкесы, что ли, прорываются? — слышались тревожные вопросы.

Фельдфебель той роты, где был Рождественцев, Егор Панов, куда-то исчезнувший, вдруг появился среди своих товарищей.

— Братцы, голубчики! — задыхаясь от волнения, говорил он. — Там-то, там в Райской...

— Что? Что? — засуетились волынцы, предчувствуя недоброе.

— Наши там... подводы шли... турки подбили всех... Один прибежал... Лошадей перебили... Товарищи остались. Сейчас охотников вызовут... Не посрамитесь, идите в Райскую на выручку!..

— А подольцы от них ближе? — раздался вопрос.

Подольский полк был расположен в землянках как раз за Райской долиной.

— И они пойдут... и вы идите!

Словно что всколыхнуло Рождественцева. Обыкновенно турки не спускались никогда в «Райскую» долину, им бы самим могло прийтись очень плохо, но по ночам особенно, ко-

гда там оставались раненые, пробирались туда свирепые башибузуки, и шипкинцам было уже известно, что ожидает их несчастных товарищей в этом случае.

— Я пойду! — объявил Сергей, выступая первым вперёд.

— И я! И я! И я!.. — сразу прозвучало более десятка голосов.

Панов доложил ротному, и позволение спуститься охотникам в Райскую долину было дано.

Пошли шестеро. Савчук и вернувшийся в строй Мягков были в том же числе. Рождественцева назначили старшим. Тихо скользнули солдаты на Габровскую дорогу и почти бесшумно пробрались на страшное место. Райская долина была узка. Кручи неприступными стенами высились по обе её стороны. Вся земля здесь изрыта была артиллерийскими снарядами. Когда пробрались в долину охотники, там было тихо. Сами они шли, затаив дыхание.

Вдруг все остановились как вкопанные.

— Слышишь, барин? — шепнул Рождественцеву Савчук.

Сергей только головой качнул в ответ. Несколько впереди — их глаза уже достаточно привыкли к темноте — что-то чернело. Это была живая масса. Заметно было движение в ней, слышался лёгкий шум. Не было сомнения, что около брошенных подвод находились люди.

— Башибузуки орудуют! — опять шёпотом заметил Савчук.

— Пригнись, братцы, ползи! — тихо произнёс Рождественцев.

Утопая в глубоком снегу, то и дело проваливаясь в ямины, то припадая, то поднимаясь, пошли вперёд эти шестеро людей. Но невозможно было двигаться совершенно бесшумно. Хозяйничавшие у повозки турки заметили приближавшихся охотников. Блеснули огоньки, грянули несколько выстрелов. Русские удальцы, не дожидаясь команды, ответили на них и бросились вперёд. В этот момент турецкая батарея, назначенная для обстрела Райской долины, вся осветилась. С аванпостов и из траншей перед ней понёсся град пуль; над горстью смельчаков разорвалась, осыпая их дождём осколков, картечная

граната. Они теперь уже не скрывались. Их «ура!», повторяемое на тысячи ладов горным эхо, пронеслось, сливаясь в ночи с голосами пушек и ружей. Заговорили русские батареи, и началась жаркая ночная перестрелка.

В самом начале небольшой и недолгой схватки Сергей был свален ударом турецкого приклада в голову. Приклад скользнул, но всё-таки удар оказался настолько силён, что Сергей лишился чувств. Резкий холод привёл его в себя. Какая-то тяжесть нестерпимо давила его. Он чуть-чуть приоткрыл глаза. Начинало светать, и Райская долина вся уже клубилась мглой предутреннего тумана. Перестрелка уже прекратилась. Сергей ощупал лежавший над ним предмет и догадался, что его накрывают собой чьи-то трупы.

«Неужели свои?» — с ужасом подумал юноша.

Собрав все силы, какие только ещё оставались, он сбросил с себя мертвецов и, чуть приподнявшись, взглянул на них. Вздох облегчения вырвался у него из груди. Это были турки! Они прикрыли собой Сергея и только благодаря этому юноша не замёрз, но вместе с

тем и товарищи, уходя, не нашли его и не подобрали. Но теперь положение, в котором очутился юноша, было для него ужасным. Турки из своих траншей приметили бы каждое его здесь движение, и их пули изрешетили бы его в одну минуту. Пробраться к своим нечего было и думать. Оставалось одно — дожидаться здесь ночи. Тогда, может быть, явятся товарищи и как-нибудь выручат его... Однако оставаться здесь — реально значило бы замёрзнуть. Сергей с тоской огляделся вокруг. Молчаливыми громадами высились неприступные кручи, казавшиеся среди мглы какими-то гигантскими пятнами. Снег лежал всюду, и на его белой пелене заметно было бы каждое движение человека, попробовавшего бы перейти это проклятое место. Мозг Сергея работал в эти мгновения с напряжением. Так или иначе, а здесь юноша оставаться не мог. От стужи или от турецких пуль — всё равно приходилось умирать. Но умереть, не предприняв попытки к спасению, это Рождественцеву представлялось малодушием, и скоро он нашёл, хотя и весьма сомнительный, но всё-таки возможный выход из трудного положе-

ния. Прежде всего ему было необходимо отсрочить роковую минуту и сделать это поскорее. Как только рассеется мгла, турки увидят его. Тогда гибель неизбежна. Где же укрыться от их выстрелов? Взгляд Сергея упал на опрокинутые повозки. Их было три, и они лежали полозьями к туркам, так что за повозками кое-как можно было укрыться от турецких глаз. Не долго думая, Рождественцев отодвинул от себя трупы и прополз несколько саженей, отделявших его от повозок. Тут он почувствовал, что тяжесть спала у него с души. На повозках, которые турки уже успели раскрыть, везли на Шипку полушубки. Величайшее чувство радости и благодарности Небесам овладело Сергеем. Являлась возможность спастись и от холода. Груда полушубков вывалилась на снег, и юноша, как подполз, сейчас же забился под них. Только теперь, когда улеглось нервное напряжение, почувствовал он усталость и боль в голове. Под полушубками ему было так тепло, что невольно дремота начала одолевать его. Сергей этому ужаснулся.

Он знал, что заснуть на морозе значит за-

мёрзнуть. Но напрасно боролся он, веки его смыкались, юноша чувствовал, что сон властно овладевает им...

«Господи, не допусти, спаси, помилуй!» — шептал он.

Он взглянул даже на далёкое небо, но слова молитвы вдруг замерли у него на устах. Сна как не бывало. Соседняя груда полушубков, вываленных из повозки, зашевелилась. Под ней кто-то был. Прошло ещё мгновение, и из-под кучи высунулась окровавленная голова турка...

Сергей невольно задрожал. Враг был так близко, а у него не оказалось никакого оружия. Турок, очевидно, был ранен и, опамятовавшись, забрался под полушубки ещё раньше Рождественцева... Теперь он глядел на русского глазами, в которых выражалась смертельная мука. Несчастный, казалось, уж не помышлял ни о какой вражде; казалось, он ничего не соображал в эти мгновения — по крайней мере так думал Рождественцев и ему от всего сердца стало жаль беднягу.

Прошли несколько мгновений. Голова турка опять скрылась под полушубками. Сергей

успокоился. Этот несчастный, возбуждавший в нём одно только сострадание, не был для него врагом. Юноша был уверен, что пережитый страх укротил всякую ненависть; страдание смирило его, но — увы! — находясь столько времени вблизи турок, он всё-таки не знал их...

Прошло около получаса. Сергей успокоился окончательно и даже начал позабывать о своём соседе. Опять пригрелся он под полушубками, и дремота снова одолевала его. Вдруг что-то навалилось сверху на Сергея. Он инстинктивно, сам ещё не понимая, в чём дело, метнулся в сторону, и в то же мгновение толщу полушубков пробил штык... Рождественцев слегка вскрикнул. Он понял, что это сосед выбрался из-под своей груды и теперь сверху налёг на него... Опять смерть очутилась около юноши. Он не мог выбраться из-под полушубков, враг сверху надавил на него всей тяжестью, и Сергей по подёргиванию всей лежавшей сверху массы понял, что турок вытаскивает увязший штык, чтобы нанести новый — более удачный — удар.

Всё, что было ранее, с быстротой молнии

замелькало в памяти Рождественцева... Мать, Энск, гимназия, поход к Дунаю, переправа, Шипкинский бой — всё, всё... Сергей чувствовал, что наступил его последний миг, и закрыл глаза. Он ясно слышал злобное ворчание возившегося над ним турка, по движениям, которые ощущал он под толщей полушубков, Сергей понимал, что турок уже взмахивает штыком, чтобы всадить его в своего беспомощного врага...

Откуда-то грянул пушечный выстрел, за ним ударил другой, третий... затрещали ружья, что-то тяжёлое ударило в повозку, даже подвинувшуюся вперёд. Сергей услышал очень близко треск ломавшегося дерева. В то же мгновение сверху послышался болезненный крик турка. Потом словно что-то упало на полушубки, но возня прекратилась. Восторг объял Рождественцева. Он понял, что судьба и на этот раз послала ему спасение — и оттуда, откуда спасение даже прийти не могло... С русских позиций Райская долина не простреливалась. Рождественцева спасли от неминуемой гибели выстрелы турок, заметивших у брошенных повозок человеческую

фигуру и открывших по ней огонь...

Но восторг и радость быстро прошли. Гибель была так же близка к юноше, как и в несколько мгновений до того. Турки не ограничились одним выстрелом, пули, пущенные из их траншей, так и щёлкали — то по остовам повозок, то по груде полушубков. К счастью для Сергея, турки не открывали более орудийного огня; видимо, даже и не думали они, что в долине ещё остался кто-нибудь живой.

Прошли ещё несколько невозможно долгих минут. Рождественцев слышал, как отовсюду заговорили русские батареи. Турецкие сейчас же принялись отвечать им, над головой Сергея с взвизгиванием, свистом проносились снаряды. Где-то на порядочном расстоянии послышалось русское «ура!» и вдруг — о счастье! о радость! — совсем близко раздался русский говор... Сергей высунулся из-под груды и увидел подползавших по снегу товарищей...

— Скорее, скорее! — кричал Рождественцеву Савчук. — Пока заняты бритолобые...

Юноша понял, в чём дело. Фальшивой ата-

кой на турецкую батарею, обстреливавшую Райскую долину, удалось отвлечь внимание турок, и этим обстоятельством воспользовались охотники, чтобы добраться до рокового места, где ночью они оставили своего товарища...

Уже бегом пустились к своим позициям смельчаки. Рождественцев был с ними. Душа его так и ликовала. Он как будто снова родился. Эти люди были дороги ему, как самые милые братья. Сергей чуть не плакал, думая о том, что ради его спасения они жертвовали своей жизнью.

— Эх, жалко! — услышал он восклицание Савчука. — Как бы пригодились-то!

Хохол говорил о полушубках, которые волей-неволей приходилось оставить тут. Рождественцев обернулся и с любопытством взглянул на разбитый обоз. На той гряде, под которой он лежал, виднелся запрокинувшийся назад турок, разбросавший в стороны неподвижные руки. Дрожь пробежала по телу Сергея. Он вспомнил те ужасные мгновения, когда штык этого турка оказался так близок к нему.

— Ночью придём, а не то с Габрова кто пойдёт, захватит! — сказал один из товарищей Савчуку.

Тот ничего ему не ответил. Да и не до разговоров уже было. Турецкие стрелки заметили бежавших по долине неприятелей, и в смельчаков посыпался со всех сторон град пуль.

— Ройся в снег! Из орудия палить будут! — скомандовал Савчук. — Теперь близко! Ползком доберёмся.

Едва только успели эти отчаянные храбрецы кинуться в большой сугроб, как так и брызнула в них турецкая шрапнель. Но в то же время, покрывая собой пушечный рёв и ружейные выстрелы, над этой долиной смерти, над укутанными в снег утёсами и вершинами Балкан пронёс лось неудержимо бурной волной русское «ура!». С обеих сторон сразу смолкли выстрелы. Радость противником смутила турок. Смельчаки воспользовались этой минутой затишья и, выбравшись из сугроба, быстро перебежали оставшееся расстояние. Скоро уже они были среди своих. В русских траншеях царил неописуемый восторг.

«Ура!» не смолкало. Солдатские кепки летели в воздух. Повсюду гремела, как песнь величайшей победы, радостная весть:

— Плевна пала!..

Это было утро 28 ноября. Все страхи, лишения, голод, холод были позабыты. Плевна пала — стало быть, войт скоро конец... Ликование не стихало целый день.

Турки, тоже узнавшие об этом событии, молчали. С их стороны раздавались только редкие одиночные вы стрелы.

На Шипке опять водворился «покой»...

Покончено было и с Плевной, а у Коралова всё ещё не было крестика. Но теперь Алексей не обижался, не сетовал на свою судьбу. Как ни честолюбив был юноша, всё-таки он видел за плевненские месяцы столько подвигом высочайшей самоотверженности, что невольно должен был признаться самому себе, что есть истинные герои, более него достойные этой награды...

Малороссийские и сибирские гренадеры стали героями последнего плевненского дела. На них обрушились османовы таборы, и они не выпустили турок, предпочитая гибель на

месте...

Архангелогородцы ликовали более других, когда пала наконец Плевна. Ведь они первые в злополучный день 8 июля явились в этот городишко и были выброшены из него турками. Теперь они восстановили свою честь, выдержав бешеный натиск уходивших из Плевны турок. Теперь архангелогородцы были воодушевлены так, что после Османа-паши им никакие турецкие армии не казались неодолимыми...

— Что? Куда теперь? — спрашивали товарищи у Коралова.

Тот, как всегда, оказался всезнающим.

— За Балканы полетим!

— Это где гвардия сидит?

— Вот-вот! Им на подмогу!

— Перелетим!..

Однако когда подошли — призадумались... Началась зима, завыли снежные бури. Все балканские вершины, утёсы, кручи скрывались теперь под густой снежной пеленой. Всё спряталось под ней, и только кое-где поднимавшиеся над снежной пустыней столбы дыма показывали, что и здесь есть люди.

Перед Балканами Правец, Этрополь и Орхание были заняты уже русскими войсками. В Балканах турки, защищавшие перевалы, укрепились в Златице, на горе Шандорник и на высотах у деревни Араб-Конак на Софийском шоссе. Гвардейцы стояли против этих позиций лицом к лицу с неприятелем. Они заняли Златицкий перевал и окопались на нём. Против Шандорника стояли отряды генералов Рауха[77] и Дандевиля[78]; против же высот Араб-Конака русские укрепили две горы, которые назвали по именам занявших их полков — Московской и Павловской. Так и стояли тут враги один против другого. Ежедневно происходили мелкие стычки, перестрелки, но ни та, ни другая сторона не подвигались вперёд.

Однако не стоять же подошли сюда русские... Балканы преградили им путь. Турецкие укрепления были так сильны, что штурм их обошёлся бы в целое море русской крови. Дабы не топтаться на месте, Гурко, назначенный командиром этого балканского отряда, который получил название Западного, решил, что нужно обойти турок и спуститься с

гор там, где они и ожидать не могли появления русских.

Но легко сказать «обойти», «перейти». Как это сделать?

Три пути были выбраны для движения: один между Шандорником и Златицким перевалом через гору Баба-Конак на деревни Буново и Марково уже в Софийском долине; другой — старая дорога на Софию от селения Врачеш на забалканские местечки Чуриак, Потоп и Елеснцу; и, наконец, третий путь — через горный проход Умургач на деревню Жилеву. Турки настолько были уверены, что все эти пути непроходимы, что даже и не думали защищать выходы из них.

Требовалось оставить турок в их прекрасном заблуждении. Гурко с начальником своего штаба Натовским нашли способ для этого. Через гору Баба-Конак из Этрополя двинут был отряд генерала Дандевиля «для отвода глаз». Пока турки занялись бы этим отрядом, главные силы успели бы перевалить в Софийскую доли ну по старой Софийской дороге и через Умургач. Через последний пустили колонну генерала Вельяминова, в состав кото-

рой входили армейская пехота и гвардейская артиллерия и кавалерия. По старой Софийской дороге пошёл двумя колоннами сам Гурко.

Тринадцатого декабря начался знаменитый поход, равным которому в военной истории найдётся разве что один суворовский переход через Альпы. В этом походе не люди были против русских орлов, а сама грозная природа...

Коралов, когда его батальон двинут был на умургачский перевал, с завистью вспомнил о Рождественцеве.

«Ишь ты счастливец! — думал он. — Сидят они там у себя в землянках, костры, наверное, разведены, наслаждаются... а тут...»

Он с ужасом, преодолеть который не был в силах, посмотрел на обледеневшие отвесы скал и утёсов, куда им приходилось взбираться вместе с лошадьми гвардейских кавалеристов и орудиями.

Завистливый юноша и подумать не мог, что шипкинским орлам приходилось куда горше, чем вступавшим в горы полкам Западного отряда. Весь переход здесь предполага-

лось окончить в три, много в четыре дня, а там на Шипке утопали в ледяной грязи, мёрзли в снегу солдаты и офицеры уже целые месяцы...

Но покрытые ледяной корой скалы, вершины и утёсы скоро перестали страшить солдат. К ним привыкли, и Умургач со своими кручами и пропастями уже казался вовсе не таким непроходимым, каким увиделся вначале.

— Пройдём! — заговорили солдаты. — Никто как Бог!

— Ещё бы не пройти! Гвардейцы-то не нам чета: неженки. А и то на самые вершины сели!

— То гвардейцы! А нам — армии — и задумываться нечего!

— Вот только пушки как?

Однако когда дошло до дела, ухитрились эти вступившие в борьбу с природой герои поднять на неприступные кручи и пушки...

— Что, ребята, дорога-то — совсем пустяки! — говорил товарищам Коралов, когда они, выступив из Врачеша, входили в ущелье. — Шоссе — и только!

В самом деле, первые вёрсты путь был лёгок и удобен. Батальоны Тамбовского, Пензенского и Архангелогородского полков и за ними вторая бригада 2-й гвардейской кавалерийской дивизии, две полубатареи гвардейской конно-артиллерийской бригады, составлявшие первую обходную колонну генерала Вельяминова, шли бодро и весело. Слышались шутки, смех, повсюду в рядах стоял весёлый говор. Офицеры старались всеми силами поддерживать это настроение. Кому другому, а им было хорошо известно, что предстояло впереди. Путь к Умургачу был ровный и удобный всего только четыре с небольшим версты. Далее начинались крутизны, на которые приходилось взбираться едва не ползком...

Сами, без команды остановились солдаты, когда подошли к началу подъёма. Ничтожных восемь вёрст всего была его длина, но что это были за вёрсты! Покатость спускалась под углом 30 градусов, и единственный путь шёл по обледеневшему косогору, падавшему обрывом в бездну, и этот путь в некоторых местах достигал едва трёх шагов в ширину...

Здесь и приходилось пройти, да пройти

так, чтобы турки не успели получить известий о тайном движении русских.

У начала перевала закипела работа. На косогор вы сыпали сапёры. Застучали топоры, ломы, кирки: во льду, покрывавшем дорогу, вырубались ступени. Внизу спешно разбирали на части пушки и укладывали их на ручные санки. Только ночь остановила работы. С рассветом следующего дня дело заспорилось снова.

Люди в сравнении с исполинскими горами казались ничтожнее муравьёв. Ледяные громады давили их со всех сторон, но как только кончены были работы, люди с песнями, ободряя себя дружным криком, поползли на ледяные кручи, поднимая на плечах пушки и снаряды к ним.

Нечто титаническое было в этом движении. По сотне людей втаскивали на перевал каждую пушку, а их в отряде было восемь. Малейшее ослабление передних канатов — и орудие всей своей тяжестью подавалось назад и начинало сползать вниз. Словно из-под земли около него вырастали десятки новых людей; кто плечом, кто грудью, кто спиной

поддерживали они ползшие санки. Десятки рук отталкивали орудие от края бездны. Пар поднимался над кучками измученных людей. Менее сильные падали и умирали на месте от утомления[79], но вместо жалоб, ропота всюду за первым подъёмом умургачского перевала только и было слышно что: «эх, дубинушка, ухнем! эх, зелёная, сама пойдёт!» и под эти крики всползли одно за другим четыре орудия на плато, отделявшее первый подъём на Умургач от второго — ещё более крутого...

Этот подъём представлял уже собой крутизну почти в 45 градусов. Чуть заметная, вилась тропка, на которой кое-где успели измучившиеся сапёры вырубить ступени. Голова кружилась у людей при взгляде на кручу; яркая белизна снега слепила им глаза, холод пронимал каждого до костей, но ничто не могло остановить их. По пояс, по плечи в снегу начали они восхождение. Вокруг них выл, свистал, вздымая целые тучи снега, ветер, а люди, срываясь и скатываясь, и опять поднимаясь, продвигались всё выше и выше. Ночь застала архангелогородцев и батальон тамбовцев с десятью драгунами на этом подъёме

ещё довольно далеко от вершины. Теперь подниматься выше не представлялось уже никакой возможности. Впереди не видно было ни зги. Ветер крепчал, начиналась снежная буря...

— Держись, ребята, а то всем нам тут крышка! — поддерживали офицеры.

— Ничего! Выдержим!.. — следовали ответы, но в голосах отвечавших уж не слышалось прежней беззаветной уверенности.

В первый раз за весь поход весёлость оставила Коралова. Не люди одолели этого крепкого и не любившего особенно задумываться над трудностями юношу — природа ломила его, и Алексей чувствовал, что у него не хватает сил противиться этому врагу.

Облака снега засыпали погибавших, ветер так и срывал их с земли. Людям не за что было ухватиться, за держаться, и все попытки не только взобраться на высоту, но даже остаться на месте были тщетны. Буря всё крепчала. В авангардном отряде были обмороженные Командовавший им полковник Муромцев приказал спуститься назад, на плато, где приютились остальные поднявшиеся

сюда за ночь батальоны. Труды целого дня пропали даром, на следующее утро приходилось заново начинать подъём.

Только в третьем часу пополудни 15 декабря взобрались измучившиеся тамбовцы и архангелогородцы на вершину Умургача. Они уже знали, что пока далее они не пойдут, ибо генерал выставлял здесь оба батальона заслонами, под охраной которых должны были пройти остальные части колонн.

Теперь они стояли, окружённые облаками, внизу у ног их простиралась Софийская долина. Там была столица Болгарии — София. А отсюда открывался уже прямой путь на Филиппополь и от него к конечной цели, куда направлялись все устремления русских, — Царьграду. Но чтобы попасть туда, нужно было спуститься с ледяных круч, а это было так же нелегко, как и подняться на них.

И поползли в буквальном смысле этого слова, как неожиданно вскрывшиеся среди зимы реки, со всех вершин дикого Балкана отряды. Слева через Златицу спускались преображенцы, измайловцы и армейцы козловцы с кавказскими казаками. За ними скаты-

вались вниз, подобно живой лавине, лейб-гвардии Волынский, Прусский, Литовский, Австрийский полки и гвардейские стрелковые батальоны с артиллерией. Уже не через гору Баба-Конак, как предполагалось, а через Златицкий перевал шла колонна из Этрополя, а справа сползал Умургачский отряд.

Два дня продолжался этот спуск. С гор спускались уже не люди, а некие мифологические чудовища. Недавние щёголи-гвардейцы поверх шинелей укутались в полотно палаток, из-под которого виднелся только острый конец башлыка. Ноги, вместо сапог, были обмотаны прямо воловьими шкурами. Всё это покрывал собой заледеневший снег, так что издали вполне можно было вообразить, что двигается не человеческое существо, а снежный сугроб...

Восемнадцатого декабря у горного селения Чурияк собралось уже сорок батальонов. Тут впервые за Балканами у селения Ташкисен и значительно правее его и Горнего и Дольнего Бугоров поджидали русских орлов турки. Начался артиллерийский бой. Турки из Ташкисена громили спускавшиеся с гор полки. Пре-

ображенцы выдерживали огонь более двух часов, и когда сопровождавшим их орудиям удалось сделать взрыв в одном из Ташкисенских редутов, этот старейший из русских полков бегом добрался до неприятеля и штыками выбросил его из укреплений. Ошеломлённые неудержимым натиском русских, турки бежали. Преображенцы были теперь в тылу Араб-Конака и неприступного Шандорника, а в это время со стороны обоих Бугров до Ташкисена доносились приглушённые расстоянием удары пушки: там сошедший с Умургача отряд Вельяминова выбивал турок из последнего их укрепления на пути к столице Болгарии — Софии...

Как только занят был Ташкисен, новая радость ждала русских... Ослеплённые ужасом турки вместе с командовавшим в Араб-Конаке и Шандорнике Шакир-пашой оставили там свои позиции без боя... Без потерь перешла в руки русских твердыня, штурм которой мог бы стоить целого моря русской крови. Генерал Гурко поспешил в Араб-Конак, и на первом же редуте перед ним предстал гвардейский ефрейтор, лихо отрапортовавший, что

на вверенном ему посту на Араб-Конаке «всё обстоит благополучно!».

Это была уже победа — и победа полная. Дорога через Балканы, удобная, безопасная, была открыта для всей русской армии...

Побеждена была природа, побеждены были снежные бури... Всё превозмог, всё преодолел русский солдат...

Близился великий праздник мира — Рождество Христово, и на долю отряда генерала Гурко выпала участь встретить его не среди балканских снегов, а в обрадованных их появлением болгарских семьях Софии.

Как только рухнула Плевна, сохранявшая дотоле нейтралитет Сербия сейчас же объявила Турции войну, и сербские дружины уже энергично действовали против своих исконных врагов. Незадолго перед тем сербы заняли турецкую крепость Пирот, и Гурко, желая запечатлеть братский союз этого народа с Россией, послал к командующему сербской армией предложение подойти к Софии, чтобы вместе встретить и провести день Рождества Христова.

В канун рождественского сочельника по-

сле молодецкого дела к мосту через реку Искер, где стрелки Императорской Фамилии не только отбросили сильный турецкий отряд, но и ухитрились отстоять зажжённый черкесами мост, все перешедшие Балканы полки начали наступать на Софию.

Было 11 часов дня 23 декабря, когда к генералу Гурко, ночевавшему в болгарском хуторе близ селения Враждебна, примчался вестовой с донесением от ушедшего вперёд к Софии с авангардом генерала Рауха. Просмотрев донесение, генерал снял фуражку и голосом, несколько вздрагивавшим от волнения, произнёс, обращаясь к окружавшей его свите:

— Господа... Поздравляю... Турки оставили Софию. Мы войдём туда без боя...

Через несколько минут генерал во главе своего штаба мчался уже по шоссе к Софии. «Ура!» звучало всюду, где только проезжал он. Гвардейцы и пехотинцы восторженно встречали своего вождя, переведшего их через неприступные, непроходимые горы и этим доставившего им блистательные победы, стоившие России в сравнении с предыдущими ничтожных жертв.

— Спасибо вам, братцы, за службу! — воскликнул Гурко при виде своих плакавших от умиления героев, и восторженное «ура!» провожало его.

Крестный ход встретил вождя русских героев у ворот Софии. В предшествии духовенства с хоругвями и образами, сопровождаемые бесчисленными толпами народа, проследовали Гурко и генералы в православную церковь Святого Стефана. Миртом был усыпан этот путь. Восторженные крики не смолкали ни на мгновение. В соборе после молебствия плакавшие от умиления почётные горожане приветствовали и благодарили Русь в лице вождя её героев.

— С Божьей помощью, — ответил им генерал, — я вступаю уже во второй город Болгарии. Бог поможет нам освободить силой русского оружия и оставшуюся часы, вашей родины...

— Аминь! — как один человек ответила многотысячная толпа болгар, окружавшая живой стеной древний православный храм Софии.

Турки бросили здесь огромные запасы ору-

жия, снарядов и патронов, оставили в госпиталях своих раненых и ушли, открыв путь на Филиппополь.

Скоро в софийских госпиталях появились и русские страдальцы. Во время перехода через Балканы не было сражений, но вместо них, в особенности, когда турки уходили из укреплений, а русские преследовали их, происходил ряд отдельных схваток, в которых, понятно, не обходилось без убитых и раненых.

В одной из таких стычек отличился и Алексей Коралов.

Наконец-то он дождался того, чего так страстно жаждало его сердце. Маленький беленький крестик украсил его грудь. Во время атаки турок, когда архангелогородцам приказано было задержать наступление неприятеля, Алексей Петрович грудью своей заслонил капитана роты в то время, когда ополоумевшие от возбуждения турецкие низамы, прорвавшись через русскую цепь, ринулись было на неприятеля. Это было всего только мгновение, но прорвавшиеся турки успели наделать порядочно бед. Громадного роста низам очу-

тился среди русских. Он поднял штык, чтобы заколоть попавшегося ему на глаза русского офицера, но Коралов кинулся вперёд и удар пришёлся по нему. Капитан оказался спасён. Вольноопределяющийся Коралов с проколотой грудью бился у ног спасённого им. Турок перестал существовать.

Заветный крест, наконец, украсил грудь Коралова. Рана, однако, оказалась очень тяжёлой. Мало того — почти смертельной... Истекшего кровью юношу, когда кончился бой, свезли с гор и после перевязки отправили в софийский госпиталь. А там, когда он пришёл в себя, он увидел над своей кроватью беленький крест...

Мысли Алексея столько времени вращались только около одного этого символа величайшей самоотверженности и презрения к опасности ради выполнения своего долга, что он, позабыв о своей ране, поднялся, схватил орден и, не чувствуя ни малейшей боли, словно и раны совсем не было, словно турецкий штык не впивался ему в грудь, плача, рыдая даже, прильнул к крестику запёкшимися губами. На глазах сестёр милосердия, госпи-

тальных санитаров, фельдшеров и докторов так часто происходили подобные сцены, что на Коралова даже и внимания не обратили.

Вдруг мертвенная бледность покрыла и без того уже бледное лицо юноши; глаза как-то странно расширились, зрачки закатились далеко-далеко под веки, на губах заклубилась алая пена, и Коралов с лёгким хрипом всем туловищем запрокинулся назад на соломенные подушки. Сосед его приподнялся на локте, взглянул на него, покрутил головой и позвал санитара. Подошла сестра милосердия, склонилась над Коралловым, потрогала его, потом подняла голову и перекрестила. Коралов был мёртв. Правая рука его крепко сжала в последней — предсмертной — судороге маленький беленький крестик. Сестра покрыла умершего его солдатской шинелью и отошла. Явились через несколько минут двое госпитальных служителей с носилками, положили ещё не остывшее тело и унесли его. Для Коралова всё было кончено. Его место нужно было другим, для которых ещё оставалась надежда жить на земле.

Сергей позабыл о всех ужасах, пережитых

в «Шипкинское сидение». Что значили он и его волнения, страхи и муки, когда невыразимая радость овладела десятками сотен измучившихся, исстрадавшихся людей, для которых близок был теперь конец их бесконечному сидению на этих горах!.. Балканы перейдены, Гурко с гвардией в Софии. Близок конец мучительной войны, скоро наступит тот момент, когда смерть отлетит от тысяч людей, и снова все они будут засыпать в полной уверенности, что увидят, проснувшись, солнечный свет, и турецкие пули и гранаты не будут, грозя смертью, визжать и выть над их головами. Рождественцев чувствовал всё величие этого момента, чувствовал близость конца и плакал от умиления, сам не замечая своих слёз.

«Ура!» гремело и разливалось по всем русским позициям. Оно, могучее и радостное, так и раскатывалось над покрытыми снегом вершинами великих Балкан, отдаваясь тысячами тысяч отзвуков, утопая в безднах и пропастях, и, вырвавшись из них, снова лилось бурным потоком, разносимое во все стороны чутким эхом.

Турецкие пушки неистово салютовали ему. Турки остервенились. Эти крики радости сперва смутили их, но как только это смущение прошло, они начали со своих батарей бить по русским позициям залпами, но шипкинцы переживали такие мгновения, что на этот неистовый грохот никто не обращал внимания...

Теперь оставалось только сбросить турок с вершин, спуститься самим вслед за ними и конец — конец всему...

Скорее бы!

В тишине, конечно, лишь в такой, какая возможна была на Шипке, прошли канун Рождества и самое Рождество. Русские не отвечали на турецкие выстрелы, да и турки оба эти дня стреляли как-то лениво, будто внимание их было чем-то отвлечено от засевшего перед ним неприятеля. Чуть не задохнувшись от невозможно спёртого воздуха, стоявшего в землянке, Рождественцев выполз наружу. Была тихая ночь. Звёзды кротко мерцали с далёкого неба. Струи чистого морозного воздуха так и лились в грудь юноше. Сам не замечая того, Сергей поддался настроению этой ночи.

Мечты и воспоминания нахлынули на него. Живо припомнилось ему, как он проводил этот день в прошлые годы. Обыкновенно, у него собирались товарищи, и его старушка-мать устраивала ёлку даже тогда, когда её Серёжа давно уже вышел из детского возраста. Весело горело огоньками свечек разукрашенное деревце. Около него суетилась милая старушка, с любовью поглядывая на юношу-сына и его товарищей-гостей. Они замечали эти добрые взгляды и отвечали на них приветливыми улыбками. Припомнил Сергей, какие пылкие, юношески задорные споры велись тогда между ними. Конечно, все их разговоры касались близкой уже тогда освободительной войны.

Сколько тогда искреннего негодования высказывалось в адрес турок, сколько ужаса вызывали рассказы об их злодеяниях над беззащитными их рабами — братьями русского народа! И вот, совершая подвиг освобождения, Русь двинулась за Балканы, и он, никогда не думавший о полях битв юноша, теперь проводит великий день Рождества не в кругу родной семьи, а на заснеженных вершинах Бал-

кан...

Ветер и эхо принесли далёкий звук пушечного выстрела. Рождественцев вздрогнул, услыхав его. По звуку он узнал турецкое орудие. Все грёзы и воспоминания разом отлетели. Опять сменила их бесстрастная действительность.

Одиночному дальнему выстрелу ответил другой, тоже турецкий, такой же далёкий, но с противоположной стороны. Турки на своих позициях услыхали их и начали активную пальбу по русским позициям. Они, как и прежде, не щадили снарядов, стреляя из пушек даже и в ночное время. Противники давно уже перестали обращать на всё это внимание, и русские пушки молчали.

Сергей, однако, понял, что значат эти одиночные ночные выстрелы, долетавшие откуда-то издалека. Кое-что было известно и на Шипке. С двух сторон обходили турок русские отряды. Из Травня ещё в рождественский сочельник вышел в горы отряд под командой генерала-адъютанта Святополк-Мирского; с правой стороны Шипкинских позиций в тот же день из Сельви начали переход прибыв-

шие со своим Белым генералом из-под Плевны скобелевцы — 16-я пехотная дивизия, стрелковые батальоны и семь дружин болгарского ополчения.

Далёкие выстрелы справа напомнили Сергею, что там, в скобелевском отряде идёт на неприятеля и его друг Петко Гюров, от которого не отставал и Лазарь.

«Счастливцы: со Скобелевым!..» — подумал Рождественцев и совершенно невольно позавидовал Гюрову.

Понятна была эта невольная зависть. Не было воина в рядах русской армии, который бы с восторгом и любовью не думал о Белом генерале. Скобелева уже окружала легенда. Он стал кумиром солдат, и везде, где был он, следовала за ним и победа...

Теперь он со своими чудо-богатырями шёл, чтобы нанести решающий удар последней армии турок...

Целый день 26 декабря слышались отдалённые выстрелы то справа, то слева. С вершины горы Святого Николая сползали, как реки, русские полки. А навстречу им катились от Казанлыка к деревне Шипке казав-

шиеся издали живыми волнами турецкие таборы.

«Что-то будет? Скольких жизней будет стоить эта последняя победа?» — с тоской раздумывал Рождественцев, поглядывая с высоты Святого Николая на готовившиеся к бою отряды.

Его полку приходилось отдыхать. Командовавший на Шипке генерал Радецкий оставил Волынский и Минский полки для защиты своих позиций, Житомирский же и Подольский должны были кинуться на турок, собравшихся у деревни Шипки, как только ударят на них отряды Скобелева и Мирского.

Целый день 27 декабря кидались на врага с яростью Елецкий, Севский и Орловский полки, выведенные Мирским из Балкан между деревнями Шипкой и Хаскиой. После полудня высланная кружным путём через горы дивизия генерала Шнитникова заняла уже Казанлык, так как было известно, что на помощь туркам идут от Эни Загры новые таборы, числом восемнадцать. В это же время под звуки полковых оркестров после труднейшего перехода вышел и занял деревню Иметли скобе-

левский отряд, ставший перед турками, укрепившимися в деревеньке Шеново.

Медленно поднимался с земли туман над долиной Тунджи в решительный день 28 декабря. Величествен но грозное зрелище открывал он. Лавиной хлынули турки на ставший всего в сотне саженей от них отряд Мирского. Враги смешались на несколько мгновений в рукопашной схватке. Грудь с грудью, штык со штыком сталкивались они. Над ними сыпалась веером злая картечь, с противным треском рвались гранаты. Но воз вспыхнуло победное «ура!» русских; турки подались назад и с боем отступали. Теперь по ним защёлкали ружейные выстрелы провожавших их русских солдат. И в это время сквозь шум боя до сражавшихся ясно донеслась полковая музыка; это скобелевские казанцы, угличане и болгарские дружинники штыками выбивали турок из Шеново. На Шипкинском перевале тоже не смолкало по бедное «ура!»: там подольцы и житомирцы брали одну за другой турецкие траншеи, откуда ещё так недавно бросались на них яростные живые волны, которые посылал на шипкинцев Сулейман-па-

ша... За Шеновым громили обратившихся в бегство турок казаки...

Наступил решительный миг боя. Последняя турецкая армия стиснута была живым русским кольцом; не помогли ей ни отчаянная храбрость турецких бойцов, ни воинское искусство её пашей. Уже в третьем часу пополудни победа стала очевидной!.. Туркам оставалось либо погибнуть, либо сдаться на милость победителей...

Со всех сторон неслись в толпы турок русские пули и снаряды. Радецкий послал уже Мирскому и Скобелеву приказание разом ринуться на врагов, но эта последняя атака оказалась не нужной: турки выкинули белый флаг, и к Скобелеву явился парламентёром Саид-бей...

Кончился двухдневный бой, стоивший России крови почти пяти тысяч её сыновей. Победа была полная. Сдались на милость победителя 41 турецкий табор с 93 орудиями. Шесть турецких знамён стали трофеями победы. Командовавший турками Вессель-паша со всем своим штабом отдался в плен шипкинцам...

Великая освободительная война кончалась. Путь к Царьграду был открыт. В паническом ужасе бежало отовсюду турецкое население, ожидавшее, что победители отомстят им за все те зверства, которые претерпели от них несчастные забалканские болгары.

А с Балкан по всем направлениям сползали русские отряды. Ещё в Рождество, вынеся необыкновенные трудности при проходе через Троянский перевал, сошёл с гор Сельви-Ловчинский отряд генерала Карцова. Вскоре после этого Гурко взял с боя Филиппополь, а генерал Струков овладел покинутым жителями Адрианополем.

Окончание кампании приближалось...

Победа русских была вне сомнения. Турецкое правительство увидело всю бесполезность дальнейшего сопротивления и просило заключения мира.

Двенадцатого февраля русские полки заняли Сан-Стефано — городок в окрестностях Царьграда, а 19 февраля в день рождения Государя заключён был мир[80]...

XXVII
ПОСЛЕДНЕЕ ПИСЬМО

Марья Даниловна Рождественцева в ясный февральский день 1878 года пришла к отцу Петру. На лице у доброй старушки сияла кроткая радость. Отец Пётр сейчас же заметил это.

— Поздравить позволите, досточтимая Марья Даниловна? — спросил он.

— Да, батюшка, да! — чуть не плача от радости, кивнула мать. — Молебенок бы!

— Непременно! С горем ли, с радостью ли... идите к Господу!.. Возвращается Сергей-то?

— Возвращается, батюшка, возвращается... Письмо прислал, и про ваших птенцов пишет — последнее говорит...

— Любопытно. Спасибо, что не позабыл черкнуть о Катерине и Николае моих... Не по-

делитесь ли радостью вашей? Перемирие уже объявлено, скоро и мир воцарится на земле... Все говорят, что в великий день освобождения мирный договор будет подписан... Слава Господу! Сподобил, наконец...

Старушка достала письмо сына и, передавая его отцу протопопу, сказала:

— Прочитайте, батюшка отец Пётр. Вы всегда так хорошо относились к моему сыну... Я уже и не знаю, как благодарить вас... Прошу вас, почитайте. А я послушаю.

— Тем же временем и к вечерне ударят, — сказал отец Пётр, надевая очки. — Тогда и помолебствуем.

Подошла супруга отца Петра, и чтение началось. Письмо было из-под Константинополя.

«Родимая, ненаглядная моя, — писал Сергей, — наконец-то всё кончено! Это моё письмо будет последним. Дальше буду посылать телеграммы уже с пути на родину. Не пугайся, я был в госпитале. Турецкие пули и штыки не брали, а вот в самом конце свалила с ног лихорадка... Вот бич-то! Она да тиф больше унесли народу, чем самые кровопролитные

сражения. Госпитали переполнены, смертность большая. Я предпочёл бы провести несколько дней в самом жарком сражении, только бы не ложиться в госпиталь, но теперь всё, слава Богу, кончено, я здоров и отправляюсь домой.

Россия моя, Русь моя святая, православная! Как я соскучился по тебе! С каким сердечным трепетом увижу я твои бесконечные равнины, твои леса, твоё родное мне небо. Русь моя! Великое жертвоприношение твоё кончилось. Ты кровью своих сыновей послужила святому делу христианской любви. Болгария освобождена и спасена: в виду Константинополя стоят наши полки. Когда я увидел издали эту столицу османов, я не знаю, что со мной сделалось. Мне хотелось и плакать, и кричать «ура», и я страстно желал, чтобы мы двинулись туда, вошли в город, стали у храма Святой Софии. Помнишь, матушка, Тютчева?

И своды древние Софии
Вновь осенит Христов алтарь,
Пади пред ним, о, царь России,
И встань как всеславянский царь!

Так вот, матушка, когда перед нашими полками белел причудливыми очертаниями древний Царьград, когда каждый из нас с минуты на минуту ожидал, что нас поведут туда, мне казалось, что исполняется пророчество незабвенного поэта. Но нас не повели. Какие-то высшие соображения помешали этому. Говорили, что если бы мы заняли Константинополь, началась бы новая война — на два фронта сразу... Что же? Пусть бы! Если мы сокрушили такую силу какая оказалась перед нами под Плевной, на Балканах, если мы сумели разбить вдребезги все планы гениальных стратегов, сумевших устроить нам всюду западни, то смогли бы мы и отстоять своё добытое кровью право на Царьград, уже не раз видавший вблизи себя русские полки. Но, видно, не пришло ещё время наше...

Матушка! Вот и мне пришлось нежданно-негаданно послужить нашей родине. Хорошо служить делу, которое считаешь и святым, и правым. Не страшно и умереть за такое дело. А мне Бог, видно, судил ещё жить. Возвращусь я к тебе скоро. Время моё не ушло

ещё. Служить я более в полку не буду; теперь, когда война кончена, на что я в армии? Военная карьера никогда меня не влекла. Я пошёл только потому, что был убеждён: каждый на моём месте должен бы был поступить, как поступил я. А теперь, когда я более не нужен на полях битв, я уж лучше послужу родине на поприще мира. Льготы мои позволяют мне выйти из военной службы, не боясь упрёков совести. Времени прошло немного, я подготовлюсь, сдам проверочный экзамен и буду продолжать своё образование... Вот мои планы, родная. Одобряешь ли ты их?»

Отец Пётр взглянул поверх очков на старушку. Та, плача, закивала ему, как будто перед ней в эту минуту был сын её Серёжа.

«А всё-таки, матушка, — продолжал отец Пётр чтение, — навсегда останутся для меня памятными эти месяцы, проведённые на войне. Я научился ценить жизнь, узнал, какое это благо, и в то же время понял, какой великий подвиг совершила Русь, жертвуя за чужую свободу своей кровью... Если бы ты, матушка, только знала, чем был для нас переход через Балканские вершины. Балканы для рус-

ских обратились в сущий ад на земле. Борьба с природой была ужаснее, чем борьба с себе подобными. Помню я, целых три дня у нас на Шипке неистовствовала снежная буря. Холод пронизывал до костей, немело тело; пальцы на руках и на ногах обращались в лёд, руки и ноги отказывались действовать; кто падал, тот уже не вставал. И среди этого снежного ада на нас сыпались турецкие пули, среди нас рвались снаряды. Смерть витала везде. И небо, и люди посылали её нам. Но, матушка родимая, всё это прошло, чтобы никогда не вернуться, впереди — кроткие благо и счастье долгого мира.

Ты всегда интересовалась, родимая, всеми, кто был близко ко мне. Помолись теперь за них, за упокой их душ! Страшной и мученической кончиной умерли фельдфебель наш Панов, Егор Кириллович, Савчук, Мягков и Симагин. Турки замучили их. Тебе, я думаю, приходилось читать о зверствах, какие проявляют турецкие башибузуки к раненым неприятелям? Не один раз на полях битв составлялись прямо на месте зверств акты, на которых подписывались возмущённые воен-

ные агенты европейских держав. Султану Абдул-Гамиду представлен был не один такой акт, но ничего не выходило. Турецкие офицеры всегда оправдывались тем, что зверствует отребье армии — башибузуки и черкесы, и вот за Балканами на пути к Константинополю против нас была только регулярная турецкая пехота, а мы нашли обезображенные, поруганные тела наших товарищей. Нам пришлось отступить с одной занятой позиции. Раненые остались на месте боя. Когда спустя два дня мы прогнали турок, так нашли своих, и вид их был ужасен... Но нет... Не хочу, не могу вспоминать. Один казак, хохол, земляк несчастного Савчука, увидев его труп, обледенел, затрясся и забормотал: «Уж пусть Бог мне прощает, а с сей поры ни одного басурмана не помилую». Помолись, матушка, за мучеников наших...»

Далее в письме Сергей сообщил, что 8 февраля сдался русским неприступный Рущук. Заканчивал письмо следующим:

«Ещё одно, дорогая старушка... Петко Гюров нашёл свою сестру. Его мать попала в дом богатого турка и жила с дочерью в Адриано-

поле. Гюров переходил Балканы в скобелевском отряде, к которому присоединены были болгарские дружины. В трёхдневном бою на Шипке, когда мы сгоняли турок с высот и который закончился тем, что более сорока таборов Весселя-паши сложили перед нами оружие, болгарские ополченцы заявили себя молодцами. В течение трёх дней боя они все дрались с турками, как львы. Когда ополчение вступило в Адрианополь, Гюров случайно совсем нашёл свою мать. Сколько радости-то было! Теперь Петко по окончании войны решил поселиться с матерью, сестрой и — помнишь ты, матушка, его? — своим двоюродным братом Лазарем, сражавшимся на Шипке вместе с нами в Тырнове. Военной службы он не оставит и, можно думать, пойдёт по ней далеко...

С этой стороны война принесла даже счастье.

Знаете, матушка, кого я встретил, попав в госпиталь? Катю и Колю Гранитовых... Вот не ожидал-то! Я и не знал, что они тоже пришли в этот ад. Они были под Плевной, переходили с отрядом генерала Гурко Балканы. Теперь,

когда вся русская армия сошлась на пути к Царьграду, я попал в госпиталь, где Катя Транитова сестрой милосердия, а брат её — санитаром. Передайте отцу Петру, что дочка его здорова, Коля тоже и даже, можно сказать, расцвёл (как и я) в эти месяцы войны. Мы все вместе возвращаемся домой, и скоро отец Пётр увидит своих ненаглядных деток...»

Слёзы выступили на глазах у старика, когда он прочитал эти строки...

— Господи! — проговорил он, откладывая письмо. — Взыскал Ты меня, смиренного иерея своего, великой милостью; возвращаются мне, скорбящему, дети мои! Да будет благословенно имя Твоё во веки веков...

Он посмотрел на образ, прошептал что-то, перекрестился и, обращаясь к Марье Даниловне, сказал:

— Великой милостью посетил вас и меня с супругой, досточтимая Марья Даниловна, Господь, сохранив нам детей наших. Пойдёмте же возблагодарим Создателя за ниспосланное Им, а приявших венец мученический воинов я буду в течение года поминать за литургией.

Ударили к вечерне. Отец Пётр заторопился

в церковь...

Прошло много лет. Кровавая драма, разыгравшаяся на Балканском полуострове, стала забываться. Явилось новое поколение, удивлявшееся и недоумевавшее тому порыву, который, охватив его отцов, вызвал кровопролитную войну. Новому поколению она представлялась с совсем не тем, чем явилась она для его предшественников. Это вовсе не значило, чтобы явились люди, недоступные порывам, нет, просто настало время, когда разум стал брать перевес над сердцем, и каждый прежде, чем отдаться сердечному порыву, думал, каковы будут от этого последствия.

В один из весенних дней по улицам Энска шёл Сергей Васильевич Рождественцев с подростком-сыном в гимназической форме. При взгляде на Рождественцева никто не узнал бы в нём лихого солдата, прошедшего с ружьём на плече через весь Балканский полуостров, дравшегося с турками на Дунае, на Шипке. Теперь это был скромный добрый наставник юношества в той же самой Энской гимназии, откуда он вышел и сам. Годы наложили на

него свой отпечаток. Сергей Васильевич уже начал седеть, чуть-чуть сутулиться — ему было теперь за сорок. Мальчуган, шагавший рядом с отцом, заметно тянулся вверх, в то время, когда отец его клонился уже к земле. Таков уж неумолимый закон природы: старое старится, а молодое растёт!..

Отец и сын мирно разговаривали, когда вдруг из-за угла улицы, пересекавшей ту, по которой они шли, послышалась строевая песнь.

— Солдаты идут! Солдаты! — закричал мальчик. — Папочка! Станем здесь, поглядим...

Но и без его просьбы Сергей Васильевич замер на месте как вкопанный. Возвращался с утренней прогулки батальон полка, расквартированного в Энске. Солдаты пели. Пережитое, забытое напомнила Рождественцеву их песнь.

— Вспомним, братцы, как стояли
Мы на Шипке в облаках! —

неслось прямо на Сергея Васильевича.

И живо-живо припомнилась ему гора Святого Николая, отбитый отчаянный штурм, вспомнился ему стрелок Шмаков, сочинивший вот эту самую песнь под гром турецких орудий...

— Накрест пули и гранаты
Целый день над головой,
Холод, голод... Эх, ребята,
Будем тверды мы душой!..

Это пели сейчас проходившие мимо солдаты. Сын смотрел уже не на них, а на отца. По щекам Сергея Васильевича катились слёзы.

— Мальчик! — взял он за руку сына. — Слушай, они поют песнь, под которую умирали их отцы... Бестрепетно умирали, уверенные, что смертью своей они исполняют долг перед Родиной. Сотнями они гибли на Дунае, тысячами на Балканах, десятками тысяч под Плевной. Они, эти простые люди, своей жизнью спасали честь России. Всё было против них: и безумно храбрый противник с умнейшими полководцами, и сама природа... они преодо-

лели всё. Честь и достоинство России только они одни спасли...

— Они, папочка, — спросил мальчик, — победили?

— Слышишь! — указал отец в сторону уже отошедшего от них батальона.

Совершенно отчётливо доносились до них слова последнего шмаковского куплета:

— Разнесли мы басурманов,
Расщёлкали всю орду...
Это всё, ребята, было
В семьдесят седьмом году!

Примечания

1

Скобелевскому отряду пришлось переходить через горные перевалы Сары-Мигул — 18 тысяч футов и Арчат-Давин — 11 тысяч футов над уровнем моря.

[^^^]

2

В 1901 году дахта Курбан-джан была ещё жива. В № 90 «Русского инвалида» за 1902 год была помещена такая заметка: «Государь Император 1 декабря 1901 года Высочайше соизволил пожаловать престарелой Курбан-джан-дахте, знаменитой в Фергане «алайской царице», в подарок перстень из Кабинета Его Величества».

[^^^]

3

В. И. Немирович-Данченко. Скобелев.

[^^^]

4

В. И. Немирович-Данченко. Скобелев.

[^^^]

5

Погиб в Русско-японскую войну 1904-1905 годов.

[^^^]

6

Тирасполь — город Херсонской губернии на Днестре.

[^^^]

7

Русско-турецкая война 1877-1878 годов явилась последствием таких событий. Турецкое правительство злоупотребляло силой и властью в некоторых славянских областях. Когда угнетаемые потеряли всякое терпение, в Герцеговине в июне 1875 года началось восстание, очень скоро распространившееся и на Боснию. Турки, вместо того чтобы успокоить доведённых до отчаяния славян миром, начали неистовствовать в восставших областях и совершали постоянно всевозможные злодейства. Правительства европейских держав напрасно старались образумить Блистательную Порту (турецкое правительство) мирным путём. Зверства продолжались. Из России, Черногории, Сербии и западных, не славянских держав пошли к герцеговинцам и боснийцам добровольцы. Когда же стало известно, что турки перерезали и уничтожили в восставших областях свыше 60 000 беззащитных жителей, выжгли и опустошили этот край, то такой взрыв негодования последовал в Европе, что правительства, дабы успокоить обще-

ственное мнение, должны были созвать в Берлине конференцию, к решениям которой отказалось присоединиться только английское правительство. В это время свергнут был с престола и скоро умер турецкий султан Абдул-Азис, наследник его Мурад был признан сумасшедшим, и на престол вступил султан Абдул-Гамид. Неистовства и зверства при нём не прекратились, а усилились и даже распространились на Румелию и Болгарию, а к границам Сербии и Черногории были посланы турецкие войска. Два последних государства заключили между собой союз и объявили Турции войну, которая была счастливой для Черногории, но едва не закончилась разгромом Сербии. К сербам и черногорцам явилось множество добровольцев из России, и командование сербской армией принял на себя знаменитый покоритель Ташкента генерал Черняев. При Бабиной Главе ему удалось победить турок, но после десятидневного сражения при Алексинаце сербская армия была разбита, потом ещё раз разбита при Андроваце и окончательно разгромлена при Дыznaше. Турецкая армия пошла уже на Белград,

столицу Сербии, когда русское правительство послало Порте свой ультиматум.

[^^^]

8

Кишинёв — главный город Бессарабской губернии на реке Бык, притоке Днепра. Принадлежал России с 1828 года.

[^^^]

9

Главнокомандующим Дунайской действующей армией был назначен августейший брат Императора Александра Николаевича Великий князь *Николай Николаевич*, родившийся в 1831 году; второй сын Императора Николая I и Императрицы Александры Фёдоровны, бывший в Севастополе во время Крымской кампании. Умер в 1891 году. Начальником главного штаба Дунайской армии был назначен генерал-адъютант *Артур Адамович Непокойчицкий*, воспитанник пажеского корпуса, уроженец Минской губернии. Участвовал в Кавказской войне против горцев, будучи в составе чеченского отряда, отличился в битвах против Шамиля. Особенно отличился в Венгерской кампании. В Крымскую войну был начальником главного штаба. Перед войной был председателем военно-кодификационной комиссии. Умер в 1881 году.

[^^^]

10

Начальник болгарского ополчения генерал-майор Николай Григорьевич Столетов родился в 1833 году во Владимире и по окончании курса в местной гимназии поступил на математический факультет Московского университета, со степенью кандидата поступил нижним чином на военную службу в артиллерию. Участвовал в Крымской кампании и под Инкерманом получил Георгиевский крест. Вскоре произведён был в офицеры и участвовал в отражении штурма 6 июня 1855 года и в битве 4 августа. После заключения мира поступил в академию генерального штаба, участвовал в Кавказской войне. При занятии восточного берега Каспия был в 1871 году начальником красноводского отряда. В 1874 году был начальником учёной экспедиции на реке Амударье. Удостоен был за свои работы медали Императорского географического общества. В 1875 году произведён в генерал-майоры и назначен командиром 1-й бригады 17-й пехотной дивизии, и в 1876 году ему поручена была организация болгарского

ополчения, которое он и представил Государю на смотре в Кишинёве.

[^^^]

11

Унгени — пограничная железнодорожная станция.

[^^^]

12

Прут — пограничная река.

[^^^]

13

Серет — пограничная река.

[^^^]

14

Дарабанцы — румынские пехотинцы; *калараши* — румынские кавалеристы.

[^^^]

15

Михаил Иванович Драгомиров в 1877 году генерал-майор, командир 14-й пехотной дивизии (полки: Волынский, Минский, Подольский, Житомирский) VIII корпуса. Родился в 1830 году, воспитание получил в. дворянском полку (2-е военное Константиновское училище), начал службу в лейб-гвардии Семёновском полку и в офицеры произведён в 1849 году. Поступил в Императорскую военную академию (впоследствии — Николаевская академия генерального штаба), окончил курс первым с золотой медалью, после чего был зачислен в гвардейский генеральный штаб. Потом был за границей, участвовал в Итальянской войне; в 1860 году назначен был в академию адъюнкт-профессором тактики; в следующем году читал курс тактики и военной истории наследнику Цесаревичу (в Бозе почивающему Императору Александру III). В 1864 году произведён в полковники, а спустя четыре года — в генерал-майоры. Отличившейся 14-й дивизией командовал с осени 1873 года.

[^^^]

16

Михаил Дмитриевич Скобелев второй в 1877 году генерал-лейтенант. Родился в 1843 году. К военной службе не готовился. Восемнадцати лет поступил унтер-офицером в Кавалергардский полк и через два года был произведён в корнеты и переведён в лейб-гвардии Гродненский гусарский полк. Участвовал в Польской кампании 1863 года, после чего поступил в Николаевскую академию генерального штаба и по окончании курса назначен был на службу сперва в Туркестан, а потом на Кавказ. После этого принимал участие в Хивинской экспедиции, где получил первого Георгия и произведён был в генерал-майоры. Был главным начальником Кокандского ханства, преобразованного в Ферганскую область. На театр военных действий явился в качестве добровольца. Умер в 1883 году.

[^^^]

17

На кишинёвском смотре участвовали дивизион собственного Его Величества конвоя (кубанские и терские казаки), жандармская команда VIII корпуса, 7-й сапёрный батальон, 14-я пехотная дивизия, 2 вновь сформированных батальона болгарского ополчения, 11-я кавалерийская дивизия, полки: Драгунский, Рижский, Уланский, Чугуевский, Гусарский, Изюмский, Донской № 11 казачий, полусотня Донского казачьего № 35 полка, 14-я артиллерийская бригада, 18-я конная и Донская № 4 батареи.

[^^^]

18

Александр Фёдорович фон Дризен в 1877 году генерал-лейтенант, начальник 12-й кавалерийской дивизии (полки: Драгунский, Стародубский, Уланский, Белгородский, Гусарский, Ахтырский, Донской № 12 казачий). Родился в 1824 году, воспитывался в школе гвардейских подпрапорщиков. В 1843 году поступил в лейб-гвардии Кирасирский полк корнетом. В 1859 году был назначен командиром первым дивизионом Кирасирского полка, а в 1861 — флигель-адъютантом и командиром уланского Литовского полка. Участвовал в кампании 1863-1864 годов и в 1866 году произведён в генерал-майоры. В 1868 году командовал лейб-гвардии Кирасирским полком. В 1873 году назначен командиром 2-й бригады первой гвардейской кавалерийской дивизии и с 1875 года командовал 12-й кавалерийской дивизией. Умер в 1893 году.

[^^^]

19

Пётр Семёнович Ванновский в 1877 году генерал-лейтенант, родился в 1822 году, получил образование в Московском кадетском корпусе, на службу вступил в 1840 году. Участвовал в кампаниях: Венгерской и Крымской. Был с 1857 года начальником офицерской строевой школы, с 1861 года директором Павловского кадетского корпуса, с 1863 года — начальником 1-го военного Павловского училища. Затем был начальником пехотных дивизий 12-й и 33-й, с 1876 года — командиром 12-го армейского корпуса.

[^^^]

20

Фёдор Фёдорович Радецкий, генерал-лейтенант, родился в 1820 году в Казанской губернии. Блестяще окончил курс науки в инженерной академии и затем в академии генерального штаба. Большую часть своей жизни прослужил на Кавказе в борьбе с горцами, где не раз отличался подвигами личной храбрости. В 1859 году он был назначен командиром Дагестанского пехотного полка. В 1861 году произведён в генерал-майоры и командовал последовательно 38-й, 21-й и 4-й пехотными дивизиями. В 1876 году назначен был командиром VIII армейского корпуса. Умер в 1890 году.

[^^^]

21

Князь Алексей Иванович Шаховской в 1877 году генерал-лейтенант. Родился в 1812 году, на службу поступил в 1837 году в одну из лёгких батарей лейб-гвардии конной артиллерии. Боевой опыт обрёл на Кавказе в борьбе с горцами. В 1854 году назначен был флигель-адъютантом и произведён в полковники. Командовал сапёрным ингерманландским полком и лейб-гвардии 1-м стрелковым Его Величества батальоном. В 1860 году произведён в генерал-майоры, а в 1868 году — в генерал-лейтенанты. Командиром 11-го армейского корпуса был назначен перед войной.

[^^^]

22

Полковник Бискупский, впоследствии в чине генерал-майора, командовал 2-й бригадой 14-й пехотной дивизии.

[^^^]

23

Генерал-лейтенант Верёвкин — командир отдельного Нижне-Дунайского отряда, участник защиты Севастополя.

[^^^]

24

14 апреля уже заняты были отрядом генерала Верёвкина Киния, Сатуново, Жебриени, Вилково, а этот отряд сменил отряд Римашевского, возвратившегося с ним к своей 11-й дивизии.

[^^^]

25

Александр Петрович Струков в начале войны полковник генерального штаба, затем генерал-майор, дворянин Екатеринославской губернии, родился в 1839 году, воспитывался в пажеском корпусе, службу начал в 1858 году в лейб-гвардии Конном полку и был адъютантом Его Императорского Величества главнокомандующего войсками гвардии и Петербургского военного округа.

[^^^]

26

Осман-паша родился в Малой Азии в 1832 году, сын бедняков, учился сперва в приготовительной школе, затем в Константинопольском военном училище. В Крымскую кампанию был в Шумле, действовал затем против крымских инсургентов и произведён был в полковники. Затем отличился на войне с сербами и был в чине генерала назначен командиром Виддинского корпуса.

[^^^]

27

Описание русско-турецкой войны 1877-1878 годов, изданное военно-исторической комиссией главного штаба.

[^^^]

Там же.

[^^^]

29

Генерал-майор Салов, бригадный командир славных севастопольских полков: Селенгинского и Якутского.

[^^^]

Об этом сообщалось в корреспонденции «Правительственного вестника».

[^^^]

31

Александр Филиппович Депп в 1877 году генерал-майор, начальник инженеров Дунайской армии, родился в 1835 году, окончил курс наук в главном инженерном училище (после Николаевское). Начал службу в кондукторской роте в 1850 году. В 1854 году произведён в инженер-прапорщики. Постепенно повышаясь, в 1865 году Депп уже командовал ротой Его Величества. В 1875 году он был начальником инженеров Варшавского военного округа и произведён в генерал-майоры. *Александр Карлович Рихтер* в 1877 году генерал-майор, начальник 3-й сапёрной бригады. Окончил курс в первом кадетском корпусе и поступил прапорщиком в 4-й Сапёрный батальон в 1852 году. В войну 1853-1856 годов отличился на Дунае при осаде Силистрии. В генерал-майоры произведён в 1872 году.

[^^^]

32

Фёдор Васильевич Дубасов в 1877 году лейтенант гвардейского экипажа и старший офицер яхты наследника Цесаревича «Славянка»; сын капитан-лейтенанта, воспитанник морского училища, откуда был выпущен гардемарином в 1863 году. Был в кругосветном плавании, слушал академический курс морских наук.

[^^^]

33

Александр Павлович Шестаков в 1877 году лейтенант 1-го флотского экипажа, воспитанник морского училища, откуда был выпущен гардемарином в 1869 году. Был в кругосветном плавании на клипере «Алмаз». По возвращении служил на судах Балтийского флота, между прочим на учебной эскадре морского училища. В лейтенанты произведён в 1875 году.

[^^^]

34

Владимир Петрович Персии в 1877 году мичман гвардейского экипажа. Выпущен был из морского училища в 1872 году.

[^^^]

35

По корреспонденции газеты «Наш век».

[^^^]

Иван Григорьевич Рогуля в 1877 году капитан 1-го ранга, командир паровой яхты «Царевна», начальник Дунайской флотилии. Родился в 1838 году, образование получил в морском кадетском корпусе и поступил на службу в Балтийский флот в 1855 году. Плавал вокруг света на корвете «Рында», командовал винтовой лодкой «Морж», был старшим офицером на корвете «Богатырь», командиром шхуны «Алеут» и в 1866 году, произведённый в капитан-лейтенанты, назначен старшим офицером на броненосец «Адмирал Лазарев»; затем назначен был командиром подводной лодки «Отлив» и после неё — шхуны «Ермак». Паровой яхтой «Царевна» командовал с 1873 года и капитаном 1-го ранга был с 1876 года. *Николай Илларионович Скрыдлов* в 1877 году ротный командир в первом сводном отряде гвардейского экипажа. Он был воспитанником морского училища, из которого выпустился в 1862 году. Лейтенантом — с 1868 года. Командовал парусной яхтой наследника Цесаревича «Никса».

[^^^]

37

Константин Оттович Эльснер родился в 1853 году, дворянин Херсонской губернии. В 1869 году поступил унтер-офицером в гренадерский Ростовский полк и стал посещать московское пехотное юнкерское училище. По окончании курса был произведён в прапорщики и выпущен в Тульский пехотный полк, из которого уже перешёл в Рязанский. *Даниил Ефимович Жуков* в 1877 году генерал-майор. Родился в 1823 году. Дворянин Московской губернии. Воспитывался в кадетском корпусе, службу начал в лейб-гвардии Егерском полку. Участвовал в Венгерской кампании, отличился при покорении Чечни и Дагестана в 1857-1859 годах, особенно при штурме Гуниба и взятии в плен Шамиля. Командиром 1-й бригады 18-й дивизии был с 1870 года.

[^^^]

38

Великий князь Николай Николаевич младший родился в 1856 году, получил первоначальное образование под наблюдением августейших родителей, затем в Николаевской академии генерального штаба. Службу начал с 1871 года.

[^^^]

39

Михаил Александрович Иолшин в 1877 году генерал-майор, командир 1-й бригады драгомировской 14-й пехотной дивизии. Дворянин Могилёвской губернии, родился в 1830 году. Воспитывался во втором кадетском корпусе. Службу начал в 1848 году прапорщиком Петербургского гренадерского полка короля Фридриха Вильгельма. Участник войны на Кавказе. Был сперва командиром 2-й бригады 11-й дивизии, затем уже был назначен бригадиром в 14-ю, где командовал полками Волынским и Минским.

[^^^]

40

«Здравствуй, Цезарь! Обречённые на смерть тебя приветствуют».

[^^^]

41

Официальные сведения.

[^^^]

42

Михаил Фомич Петрушевский в 1877 году генерал-лейтенант, начальник 2-й бригады драгомировской дивизии. Родился в 1832 году. Учился в первом кадетском корпусе. Службу начал в 1850 году в лейб-гвардии Литовском полку. Участвовал в Польской кампании 1863 года. Отличился в сражении 8 апреля в Мариановском лесу и 6 мая при деревне Ново-Весь получил ранение. Затем служил в Туркестане и участвовал в штурме Самаркандских высот при вторичном взятии Самарканда. В январе 1877 года назначен был командиром 2-й бригады 14-й дивизии (полки Житомирский и Подольский).

[^^^]

43

Барон Н. П. *Криденер* в 1877 году генерал-лейтенант, командир IX армейского корпуса. Родился в 1811 году в Лифляндской губернии. В 17 лет начал службу полевым инженер-прапорщиком. В 1834 году Криденер поступил в академию генерального штаба (тогда ещё Императорская военная академия). По окончании курса в 1836 году перешёл в генеральный штаб. Командовал полками: Его Королевского Высочества принца Евгения Виртембергского, Кексгольмского и в чине генерал-майора (с 1859 года) лейб-гвардии Волынского. Участвовал в Польской кампании 1863 года, отличился в сражениях при Буде Забаревской и Мисло и был назначен командиром 27-й пехотной дивизии. В 1865 году Криденер произведён был в генерал-лейтенанты, и IX корпусом командовал с конца 1876 года.

[^^^]

44

Издание Военно-исторической комиссии главного штаба; Л. Чичагов. Дневник пребывания Царя-Освободителя в Дунайской армии в 1877 г.

[^^^]

45

Иосиф Владимирович Гурко в 1877 году генерал-адъютант, командующий второй гвардейской кавалерийской дивизией. Родился в 1828 году. Воспитывался в Пажеском корпусе и из камер-пажей в 1846 году был выпущен в лейб-гвардии Гусарский Его Величества полк. В 1856 году, чтобы ознакомиться с пехотной службой, перешёл в пехотный Дабича-Забалканский полк, где командовал батальоном. Затем вернулся обратно в Гусарский полк. Командовал Мариупольским гусарским и лейб-гвардии конно-гренадерским полками. В 1874 году был назначен командиром 2-й гвардейской кавалерийской дивизии.

[^^^]

46

Адрианополь по-турецки Эдрене, по-болгарски Одрин. До 1453 года столица европейской Турции на берегу Эвроса или Марицы при впадении в неё Тунджи и Арды. Лежит на равнине, окружённой с севера Балканами, Родопскими горами, Текир-дагом и Кучук-Балканами. Основан императором Адрианом, взят был турками в 1363 году. После Константинополя первый город по значению своему в тогдашней Турции. Дважды в Адрианополе были подписываемы мирные условия России и Турции — в 1713 и в 1824 годах.

[^^^]

47

Тырнов, древняя столица Предбалканской Болгарии, в долине реки Янтры. Основание города относится к древнейшим временам. Известен борьбой болгарских царей сперва с византийскими императорами, потом с латинскими королями (1205 год, Балдуин I). Взят был турками в 1393 году. Русские войска были под Тырновом в 1810 году.

[^^^]

48

Князь *Владимир Александрович Черкасский* в 1877 году временный губернатор Болгарии. Воспитанник Московского университета, выдающийся деятель по подготовке великой реформы 19 февраля 1861 года. Администратор Царства Польского после 1863 года.

[^^^]

49

Казанлык — городок на южных отрогах Балканских гор в долине реки Тунджи.

[^^^]

50

Князь *Николай Иванович Святополк-Мирский* в 1877 году генерал-адъютант, генерал-лейтенант, командир 7-й пехотной дивизии. Родился в 1833 году. В 1847 году поступил в пажеский корпус и в 1853 году выпущен был поручиком в Эриванский карабинерный полк. Отличился на Мало-Азиатском театре войны с турками 1854 года. В 1855 году перешёл в гвардию, в лейб-гвардии Преображенский полк подпоручиком и назначен был адъютантом к командиру отдельного корпуса на Кавказе князю Барятинскому. Отличился при покорении Кавказа в Чечне и Дагестане. В 1861 году назначен был командиром Тенчинского полка, в 1865 году был произведён в генерал-майоры и в 1873 году назначен командиром 1-й бригады 1-й гвардейской пехотной дивизии. В 1876 году произведён в генерал-лейтенанты и назначен командиром 9-й пехотной дивизии VIII корпуса.

[^^^]

51

Юрий Иванович Шильдер-Шульднер в 1877 году генерал-лейтенант, начальник 5-й пехотной дивизии IX корпуса. Родился в 1816 году, учился в дворянском полку (Константиновское училище). В 1837 году выпущен был прапорщиком в Екатеринбургский пехотный полк. В 1855 году участвовал в военных действиях против англичан и французов в составе войск, охранявших Петербург и Балтийское побережье. Ef 1856 году служил по военно-учебным заведениям и назначен был начальником стрелкового образцового полка. В 1854 году преподавал устав военной службы наследнику Цесаревичу Александру Александровичу. С 1860 года командовал полками Олонецким пехотным и лейб-гвардии Преображенским. Участвовал в кампании 1863 года. Генерал-майор с 1864 года. С 1872 года — командир 5-й дивизии. Генерал-лейтенант с 1873 года.

[^^^]

52

Речь идёт о полковнике бароне Соловьеве и генерал-майоре Богацевиче.

[^^^]

53

Ахмет-Эюб-паша выделился в Сербскую войну, где он был начальником Нишской армии. Он воспитанник султанской военной школы в Константинополе. До войны служил в Йемене в Аравии. *Мегмет-Али-паша,* сердар-экрам. По национальности — немец, сын придворного музыканта Детруа. Подлинное имя Карл, родился в Магдебурге, где и учился в детстве, был юнгой на купеческом судне. В Константинополе обратил на себя внимание великого визиря Али-паши, принявшего его к себе за сына. С 1846 года стал посещать Константинопольское артиллерийское училище. По окончании курса участвовал в Крымской войне. В 1870 году был уже дивизионным генералом. В 1873 году усмирял бунт на Кипре и в Фессалии. В войне 1877 года имел неограниченные полномочия султана.

[^^^]

54

Сулейман-паша получил военное образование за границей. Известность его началась с герцеговинского восстания.

[^^^]

55

Валериан Филиппович Дерожинский, генерал-майор, командир 2-й бригады 4-й пехотной дивизии (полки Брянский и Орловский). Родился в 1826 году, погиб на Шипке в 1877 году. Дворянин Воронежской губернии. В 1845 году был выпущен из первого кадетского корпуса в прапорщики 19-й артиллерийской бригады. В 1849 году окончил курс военной академии. В качестве офицера генерального штаба участвовал в Крымской кампании и за отличия в Сражении произведён был в капитаны. В 1872 году произведён в генерал-майоры. Командовал 2-й бригадой 9-й дивизии с 1873 года. Под Севастополем был контужен.

[^^^]

56

Виктор Данилович Кренке в 1877 году генерал-лейтенант, начальник инженеров на Шипке. Родился в 1816 году. На службу поступил в 1834 году из Павловского кадетского корпуса в Гренадерский сапёрный батальон прапорщиком. Был в 1849 году в походе на Царство Польское. С 1850 года переведён в гвардейские инженеры. В 1855 году трудился над укреплением Невы на случай появления неприятеля. В 1860 году произведён в генерал-майоры и командовал 2-й сапёрной бригадой. В 1863 году командовал отдельным Васильковским отрядом в Киевской губернии, затем был Санкт-Петербургским окружным интендантом и командовал 26-й пехотной дивизией. В 1867 году произведён в генерал-лейтенанты и в 1869 зачислен в запасные войска по сапёрному корпусу. В 1877 году откомандирован в распоряжение главнокомандующего.

[^^^]

57

Степан Степанович и Николай Степанович Леоновы, братья. Донские казаки. В 1877 году первый генерал-майор, командир 1-й бригады 8-й кавалерийской дивизии, воспитывался в школе гвардейской дивизии, был выпущен в Гродненский гусарский полк, в котором служил до 1857 года, когда был назначен командиром драгунского Переяславского полка; в 1876 году был произведён в генерал-майоры и назначен командиром дивизии. Второй был выпущен из школы гвардейских прапорщиков тоже в Гродненский полк в 1842 году; в 1845 году командовал на Кавказе и отличился в войне с горцами; по возвращении в полк прослужил в нем 16 лет; участвовал в Польской кампании 1863 года и отличился в битве под Игнацович; в 1867 году назначен был командиром драгунского Переяславского полка, а в 1870 году — лейб-гвардии драгунского полка и произведён в генерал-майоры; командовал 2-й бригадой 2-й гвардейской дивизии, входившей в состав Рущукского отряда; скоропостижно скончался 21 ноября 1877 года.

[^^^]

58

Павел Дмитриевич Зотов в 1877 году генерал-лейтенант, командир IV армейского корпуса. Родился в 1824 году. Дворянин Петербургской губернии. После выпуска из кадетского корпуса служил в 14-й артиллерийской бригаде. Был в военной академии, которую окончил в 1843 году. Участвовал в Кавказской войне, Венгерской и Крымской кампаниях, в 1857 году назначен был на службу на Кавказ, где отличился в сражениях с горцами Малой Чечни и при взятии Веденя. В генерал-лейтенанты произведён в 1864 году. Командовал 2-й, 11-й и 28-й пехотными дивизиями. С февраля 1877 года — начальник корпуса.

[^^^]

59

Светлейший князь *Александр Константинович Имеретинский* в 1877 году генерал-лейтенант. Родился в 1837 году. Сын царевича Имеретинского, воспитанник Пажеского корпуса, из которого поступил в 1855 году прапорщиком в конно-пионерный дивизион. В 1857 году князь Имеретинский, находясь в гренадерском Грузинском полку, был в сражениях против лезгин и вышел после этого в отставку. Через год вновь поступил на службу в конно-пионерный дивизион. Участвовал в Польской кампании 1863 года и служил затем в военной администрации Варшавского военного округа. В августе 1877 года был назначен командиром 2-й пехотной дивизии.

[^^^]

Генерал-майор *Василий Николаевич Лавров*, командир лейб-гвардии Финляндского полка. По окончании среднего военного образования Лавров начал службу в лейб-гвардии Конно-Гренадерском полку. Поступил в военную академию и по окончании курса назначен в генеральный штаб. В 1863 году участвовал в Польской кампании, был ранен. Затем занимался общественной деятельностью: с 1873 года состоял гласным Петербургской думы; именно его трудам много обязан Петербург постройкой Литейного моста, проведением конно-железных дорог. Лейб-гвардии Финляндским полком командовал с 1876 года. Под Горним Дубняком был смертельно ранен двумя пулями в грудь. Генерал-майор *Николай Оттович фон Розенбах* в 1877 году командир 2-й бригады 2-й гвардейской дивизии. Происходил из эстляндских дворян. Родился в 1836 году, воспитывался в школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров (позднее — Николаевское кавалерийское училище), на службу поступил в 1857 году в лейб-

гвардии Преображенский полк. Во время Крымской войны был в войсках, охранявших Финское побережье. В чине капитана участвовал в Польской кампании 1863 года, где отличился в сражении под Попеляками, был ранен; затем по выздоровлении наблюдал за рекрутскими наборами. В 1867 году был назначен командиром лейб-гвардии Гренадерского Екатеринославского Его Величества полка и в 1871 — Павловского полка. Командиром 2-й бригады 2-й дивизии назначен был в 1876 году. Под Горним Дубняком был ранен в то же место (в живот), куда был ранен и в Польскую кампанию. Генерал-майор *Логгин Логгинович Зедделер*, командир 1-й бригады 2-й гвардейской пехотной дивизии, из дворян Петербургской губернии. Родился в 1832 году. Среднее образование получил в Пажеском корпусе, который окончил с правами 1-го разряда, а высшее — в военной академии. На службу поступил в 1851 году прапорщиком в лейб-гвардии Преображенский полк. В 1858 году в чине штабс-капитана назначен для сопровождения отдельного Оренбургского корпуса по Зауральской степи. До 1870 года исполнял обя-

занности военно-административного характера; с этого года находился при прусской армии и участвовал во многих сражениях Франко-прусской войны. В 1871 году получил звание флигель-адъютанта. В 1872 году был произведён в чин генерал-майора и назначен командиром лейб-гвардии Гренадерского полка с зачислением в свиту Его Величества 1-й бригадой 2-й гвардейской пехотной дивизии командовал с 1875 года. *Юлиан Викторович Любовицкий* в войну 1877 года полковник и затем генерал-майор, командир лейб-гвардии Гренадерского полка. Родился в 1836 году, воспитывался во втором кадетском корпусе. Высшее образование получил в Михайловской артиллерийской и Николаевской генерального штаба академиях. Службу начал в 1855 году в лейб-гвардии Измайловском полку. Отличился при бомбардировании англо-французским флотом Свеаборга. В 1857 году уже в чине подпоручика был за отличные успехи в науках зачислен в 3-ю гвардейскую и гренадерскую артиллерийскую бригаду поручиком и прикомандирован к штабу отдельного гвардейского корпуса с целью поступления в Ни-

колаевскую академию, курс которой он окончил в 1861 году. До 1864 года Любовицкий исполнял разные военно-административные службы, а с этого года читал лекции тактики в академии. В 1873 году назначен флигель-адъютантом к Его Императорскому Величеству и членом комитета по устройству и образованию войск. Лейб-гвардии Гренадерским полком командовал с 1876 года. В генерал-майоры произведён за отличия под Горним Дубняком. В дальнейшем; генерал от инфантерии, командир 9-го армейского корпуса, почётный член конференции Михайловской артиллерийской академии.

[^^^]

61

Константин Алексеевич Рунов, полковник, погибший под Горним Дубняком, родился в 1834 году. Воспитывался в Павловском кадетском корпусе, службу начал в 1857 году в лейб-гвардии Гренадерском полку, с прикомандированием к Михайловской академии. В 1859 году переведён в лейб-гвардии Павловский полк и назначен в 1861 году репетитором математики в Аракчеевском кадетском корпусе. Участвовал в Польской кампании 1863 года и отличился в битве у местечка Гедройц. Затем в 1864 году он заведовал школой солдатских детей. В полковники был произведён в 1874 году. В следующем году был назначен флигель-адъютантом и командовал 1-м и 2-м батальонами лейб-гвардии Павловского полка. В войну был назначен в состав сводно-гвардейского отряда, состоявшего при Государе.

[^^^]

62

Его Императорское Высочество князь *Сергей Максимилианович Романовский*, герцог Лейхтенбергский родился в 1849 году. Был третьим сыном Великой княгини Марии Николаевны и герцога Максимилиана Лейхтенбергского и приходился племянником Императору Александру II. Числился в Конном и Преображенском полках, в гвардейской артилерии и в стрелковом батальоне Императорской Фамилии; ротмистром был с 1875 года и флигель-адъютантом с 1876 года. Убит во время рекогносцировки под Иован Чафтликом 12 октября 1877 года.

[^^^]

63

По уставу ополчение должно было дать 600 тысяч человек. В войну 1877-1878 годов призвано было к оружию до 170 тысяч ратников.

[^^^]

64

Полковник *Михаил Александрович Эбелинг*, командир лейб-гвардии 1-го стрелкового Его Величества батальона, флигель-адъютант. Родился в 1831 году. Начал службу в лейб-гвардии Павловском полку в 1852 году. В 1854 году был в войсках, охранявших побережье Санкт-Петербургской губернии. В Польскую кампанию командовал ротой Его Величества. В полковники произведён в 1869 году, командовал батальоном лейб-гвардии Гренадерского полка. С 1874 года командовал лейб-гвардии стрелковым батальоном.

[^^^]

Редиф — турецкие войска, состоящие на действительной службе; *низам* — запасные; *мустахфиз* — ополчение.

[^^^]

66

Флигель-адъютант полковник лейб-гвардии Егерского полка *Виктор Карлович Мебес*, дворянин Лифляндской губернии, сын доктора. Родился в 1835 году. Учился сперва в Петербургской второй классической гимназии, затем на факультете восточных языков Петербургского университета. Во время Крымской войны поступил унтер-офицером в лейб-гвардии Егерский полк. В 1863 году участвовал в Польской кампании. В 1871 году в чине капитана назначен был флигель-адъютантом, и в 1874 году произведён в полковники. Был убит под Телишем 12 октября 1877 года. Тело его, оставшееся на поле битвы, было ограблено турками.

[^^^]

67

А. Н. Куропаткин. Действия отрядов генерала Скобелева в Русско-турецкую войну 1877-78 гг.

[^^^]

Балканский хребет идёт дугообразной линией от устья реки Тимока до Чёрного моря и делится на Западные, Центральные и Восточные Балканы. Первые — от устья Тимока до реки Большой Искер, длиной 200 вёрст, высотой в центре 6300 футов. Склоны покрыты хвойным лесом на севере, лиственным — на юге. Население в большинстве болгары и немало переселённых черкесов. Проход наиболее удобный Берковацкий на Лом Поланку, и там шоссе и две тропы из города Врацы. Центральные Балканы — между рекой Большой Искер и Сливинским горным узлом; делится на Велико-Софийский, Этропольский, Тетевенский, Златицкий, Троянский, Колоферский, Шипкинский, Травненский, Еленен-ский, Сливинский Балкан. Общая длина — 240 вёрст, ширина — 16 вёрст, средняя высота — 4500 футов, высшая точка — 6300 футов. Северные склоны покрыты хвойными лесами, южные — голы и спускаются отвесно; на склонах к Дунаю население болгарское, на южных склонах смешанное — болгары и тур-

ки; перевалы наиболее удобные — Орханийский, или Аяб-Конакский, и Этропольский; затем через горы Шандорник, через г. Бабигоры, Златицкий, Риборецкий, Троянский, Розалитский. Восточные Балканы — три отдельных хребта; общая длина 1211 вёрст, ширина — 60 вёрст, средняя высота 2500 футов, покрыты лесом; население — турки и черкесы.

[^^^]

Эдуард Иванович Тотлебен. Сын митавского купца. Сперва учился в Риге, потом — в Петербургском инженерном училище, где занесён был на мраморную доску. Семнадцати лет произведён в прапорщики, но оставался в классах до 1838 года, когда окончил курс. Послан был на инженерные работы в Ригу, а затем переведён в учебный сапёрный батальон. В 1848 году в чине капитана был на Кавказе и участвовал в сражениях против Шамиля; был при взятии Гергебиля и знаменитой осаде Ахты. Затем служил в Варшаве и Петербурге. Прославившим Тотлебена делом была защита Севастополя. Под огнём неприятеля талантливый инженер соорудил твердыню, выдержавшую 11 месяцев напора лучших в Европе армий. Под Севастополем Тотлебен был ранен. Первый генеральский чин Тотлебен получил в апреле 1855 года и в сентябре того же года назначен генерал-адъютантом. В 1860 году он был произведён в генерал-лейтенанты и в 1869 году был уже полным генералом. В войну он состоял товарищем генерал-инспек-

тора по инженерной части.

[^^^]

Алексей Николаевич Куропаткин, генерал-адъютант, генерал от инфантерии, военный министр, в кампании 1877 года был подполковником генерального штаба. Он родился в 1848 году 17 марта; по происхождению дворянин Витебской губернии. Воспитывался в 1-м военном Павловском училище, на действительную службу вступил в туркестанский стрелковый батальон и в 1866 году исправлял в течение шести месяцев обязанности полкового квартирмейстера. С 1868 года началась его военная деятельность. В течение весны и лета он под начальством командующего войсками Туркестанского военного округа генерал-адъютанта фон Кауфмана был в походах против бухарцев, отличился при обоих штурмах Самарканда, в сражениях под Кетнеба-Курганом и на Зоробуланских горах. За отличия награждён орденами Святого Станислава 3 степени с мечами и бантом, Святой Анны 3 степени с мечами и бантом и произведён в поручики. В 1870 году Куропаткин был помощником генерал-майора Карташева

по инспектированию войск Семиреченской области и, произведённый в штабс-капитаны, назначен был делопроизводителем биржевого отделения комитета по устройству ярмарки в Ташкенте. Ротой командовал он три года. В 1871 году Куропаткин после блистательно выдержанного приёмного экзамена поступил в Николаевскую академию генерального штаба, где изучал высшие военные науки, и в следующем за поступлением в академию году был за особо отличные успехи произведён в капитаны. Курс окончил в 1874 году с отличием по первому разряду и был причислен к генеральному штабу. По окончании курса Куропаткин посетил Германию, Францию и Алжир. Во время пребывания в последнем он принимал участие в военной экспедиции в страну Модса, во время которой был ранен. За эту экспедицию он получил от французского правительства орден Почётного Легиона. По выздоровлении вернулся в Туркестан и с 16 декабря 1875 года по 31 января 1876 года исполнял обязанности старшего адъютанта Туркестанского военного округа. В 1876 году он был назначен с посольством в Кашгар; по воз-

вращении принимал участие в кокандском походе и был ранен. За отличия в делах против кокандцев Куропаткин был награждён орденом Святого Георгия 4 степени, а также получил медаль за покорение Кокандского ханства. В 1877 году в феврале он был прикомандирован к главному штабу с оставлением по генеральному штабу, в июле был назначен на обер-офицерскую должность по особым поручениям при Его Императорском Высочестве главнокомандующем действующей армией. В 1877 году получил орден Владимира 4 степени, после «Третьей Плевны» получил за отличия чин подполковника и орден Святого Станислава 2 степени и золотое оружие, назначен начальником штаба 16-й пехотной дивизии. В полковники Куропаткин произведён в 1878 году. В кампании 1877 года он был контужен и ранен.

[^^^]

71

Иван Степанович Ганецкий первый родился в 1810 году. Смоленский дворянин, в войну 1877-1878 годов командир Гренадерского корпуса. Воспитание получил в первом кадетском корпусе. Поступил на службу в 1828 году прапорщиком в лейб-гвардии Финляндский полк. В 1836 году в чине поручика участвовал в войне с кавказскими горцами. Затем служил в лейб-гвардии Волынском, лейб-гвардии Измайловском полках и в 1848 году уже в чине полковника был командиром сперва 2-го, потом 1-го батальона лейб-гвардии Финляндского полка. В 1849 году был в походе к границам Империи по случаю Венгерской кампании. В Крымскую кампанию был в числе войск, назначенных для обороны Петербургской и Выборгской губерний. Затем в Польскую кампанию 1863 года, командуя в чине генерал-майора уже лейб-гвардии Финляндским полком, отличился в сражениях при Мейдеке, Гавлинке, Гудимках, Шатрашах. По окончании кампании был произведён в генерал-лейтенанты, награждён некоторыми

орденами и назначен командиром 3-й пехотной дивизии. Командование гренадерским корпусом получил в 1877 году.

[^^^]

72

По корреспонденции «Правительственного вестника» из Богота от 28-29 ноября 1877 года.

[^^^]

73

В настоящей главе разговор генералов Струкова и Ганецкого с Османом-пашой ввиду особой его исключительности приведен по корреспонденции «Правительственного вестника».

[^^^]

74

Л. Чичагов. Дневник пребывания царя-освободителя в Дунайской армии в 1877 г.

[^^^]

75

Нижеследующая историческая сцена приведена здесь по воспоминаниям известного публициста Г. К. Градовского, бывшего корреспондентом на дунайском театре военных действий.

[^^^]

76

Генерал Мольский командовал перед тем Минским полком.

[^^^]

77

Оттон Егорович Раух в 1877 году генерал-майор генерального штаба, командир 1-й гвардейской пехотной дивизии. Родился в 1834 году, происхождением дворянин Эстляндской губернии, воспитывался в школе гвардейских прапорщиков и кавалерийских юнкеров; выпущен был с правами 1-го разряда. Курс академии окончил в 1855 году также с правами 1-го разряда и был зачислен в чине штабс-капитана на службу в генеральный штаб. Затем до 1862 года служил попеременно в различных гвардейских и пехотных дивизиях в должности дивизионного квартирмейстера. В 1863 году был назначен начальником штаба заведующего военно-сухопутной частью в Кронштадте, затем занимал ту же должность в 14-й и 24-й пехотных дивизиях. В 1865 году назначен был помощником начальника штаба Одесского военного округа. В генералы произведён в 1868 году. С 1873 по 1876 год состоял в распоряжении главнокомандующего войсками гвардии и Петербургского военного округа и затем назначен был в

действующую армию для особых поручений при главнокомандующем. В прежних войнах не участвовал. Отличился при первом походе генерала Гурко за Балканы, где разработал путь через Ханкиойский перевал. По прибытии гвардии был назначен командиром 2-й бригады гвардейской пехотной дивизии, а потом и командиром последней.

[^^^]

Виктор Дезидерьевич Дандевиль в 1877 году генерал-майор. Родился в 1827 году. Сын офицера-француза, взятого в плен в 1812 году. Воспитывался в Оренбургском кадетском корпусе и затем кончил службу в казачьей артиллерии. Окончил академию генерального штаба. Отличился в Венгерскую кампанию. Затем участвовал в походе ил Хину Перовского и в походе в Хивинские степи при генерале Катенине. В 1857 году начальствовал экспедицией на Каспийском море и после того был атаманом уральских казачьих войск. В генерал-майоры Дандевиль был произведён в 1863 году. В 1865 году работал над вопросом об уничтожении Оренбургского таможенного округа; в 1867 году был назначен начальником Туркестанского военного округа при Кауфмане и здесь расстроил здоровье; состоял потом при управлении иррегулярных войск, и когда началось восстание на Балканском полуострове, отправился добровольцем в Белград. При объявлении войны немедленно возвратился на русскую службу.

[^^^]

79

Донесение генерала Вельяминова генерал-адъютанту Гурко.

[^^^]

По мирному договору Турция признала совершенно независимыми Черногорию, Сербию и Румынию; Болгария образовала самоуправляющееся, платящее дань княжество с христианским правительством и земским войском; военное вознаграждение России исчислено в 1410 миллионов рублей, причём вместо получения 1300 миллионов рублей выговорены были территориальные присоединения в Европейской и Азиатской Турции.

[^^^]